

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО КУРСУ
«ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА»**

Н. А. Гуськов

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XVIII ВЕКА**

Учебная книга

ФГАУ «Федеральный институт развития образования»

Рекомендовано уполномоченным учреждением ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена» к использованию в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы высшего профессионального образования по направлению подготовки 032700 «Филология» по дисциплине «История русской литературы XVIII века».

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета

2013

ББК 83.3(2Рос-Рус)я73
Г96

Регистрационный номер рецензии ФГАУ
«Федеральный институт развития образования» № 067
от 2011 года

Гуськов Н. А.

Г96 История русской литературы XVIII века : учебная книга / Н. А. Гуськов / Учебно-методический комплекс по курсу «История русской литературы XVIII века». — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 680 с.

ISBN 978-5-8493-0230-0

Учебная книга состоит из двух частей: хрестоматии художественных текстов XVIII века и сборника учебных и справочных материалов. Цель издания — дать первоначальные сведения о творчестве наиболее значительных авторов, ходе литературного и общекультурного процесса данной эпохи.

Пособие предназначено для студентов филологических факультетов высших учебных заведений.

ББК 83.3(2Рос-Рус)я73

Учебно-методический комплекс
создан и издан за счет пожертвования
Фонда «Русский мир»

ISBN 978-5-8493-0230-0

© Санкт-Петербургский государственный университет,
2013

Несколько слов о книге Н. А. Гуськова

Бывают книги, чье отсутствие крайне остро ощущается культурной жизнью вообще и образовательным процессом в частности; их появление делает особенно заметными существовавшие прежде лакуны, которые такими книгами начинают заполняться. «Русская литература XVIII века» Н. А. Гуськова смело может быть поставлена в ряд подобных сочинений.

Начну с того, что это в самом прямом и точном смысле *учебная книга*: она содержит едва ли не все необходимые для минимального и первоначального освоения культурного багажа русского XVIII столетия сведения. Прежде всего это, конечно, произведения авторов той эпохи, — как маститых, так и менее известных, однако для своего времени весьма важных; причем тексты сопровождаются необходимыми комментариями и пояснением устаревших слов. Кроме того, в издание включены различные справочные материалы: биографии авторов, хронологические таблицы, справки по истории театра и журналов, Табель о рангах и т. д. В результате читатель сможет — естественно, в общем и приблизительном виде — и представить себе этот грандиозный период нашей литературной (да и не только литературной) истории, и осознать ближайшие его культурные контексты; для первоначального введения в тему эта книга окажется, несомненно, одним из лучших имеющихся подспорий. При этом следует обратить внимание на два капитальных обстоятельства.

Первое заключается в не совсем привычном отборе текстов и в некотором изменении обычно соблюдаемых пропорций. Так, на первый взгляд, недостаточно представлены Ломоносов и Карамзин; А. Н. Радищев появляется только как поэт. Напротив, много внимания уделено А. П. Сумарокову, И. И. Хемницеру, И. И. Дмитриеву; попадают на ее страницы сочинения Екатерины II, а также писатели, как правило, выпадающие из нашего представления о XVIII веке, такие как В. А. Озеров и И. П. Котляревский. Во всем этом, безусловно, есть немалая доля отчетливого субъективизма, однако она представляется более чем оправданной: получается, что благодаря ей «Русская литература XVIII века», давая, как уже говорилось, достаточно полное и в целом адекватное представление о литературной жизни этого бурного и переменчивого столетия, открывает там и нечто малоизвестное, заставляет увидеть причастность к магистральному сюжету русской литературы тех ее явлений, которые ранее виделись, скорее, как маргинальные. Русская литературная жизнь в преломлении Н. А. Гуськова обнаруживает «лица необщее выражение». Перед нами — не рядовое методическое упражнение, повторяющее то, что и так всем известно, но культурный поступок горячо и не без пристрастности любящего свой предмет специалиста. Это, между прочим, наделяет книгу особым методическим значением.

Второй момент, о котором необходимо сказать, расположен в несколько иной плоскости. Н. А. Гуськов не ограничивается демонстрацией словесной культуры XVIII века в некоторых выразительных и ему симпатичных образцах; он также разъясняет, как приводимые им примеры надо читать. На первый взгляд, речь идет о чем-то очевидном, чуть ли не элементарном, однако в действительности это не так: своими пояснениями автор наглядно раскрывает культурную специфику эпохи, ее принципиальные отличия от современного эстетического сознания. Важность этого вряд ли возможно переоценить: непонимание подобной специфики, игнорирование исторического своеобразия того или другого периода являются грозными симптомами неблагополучия гуманитарных наук. Книга Н. А. Гуськова борется с таковым неблагополучием уже на самых первых этапах вхождения начинающих специалистов в историко-филологическое пространство. А это, вероятно, важно в особенной степени.

Все это свидетельствует о значимости учебной книги «Русская литература XVIII века». Однако ее положительные стороны сказанным не исчерпываются; есть в книге и еще одно, важнейшее по нашему времени и месту достоинство. Российская университетская практика — во всяком случае, в гуманитарной сфере — столкнулась сейчас с необходимостью решать сразу две, во многом противоположные одна другой задачи: с одной стороны, требуется предельная активизация интеллектуальных возможностей студентов, т. е. ударение в преподавании падает на их самостоятельную работу, с другой же стороны, все острее ощущается стремительное сокращение базового уровня гуманитарных знаний, без которого никакая самостоятельность попросту невозможна; соответственно его необходимо как-то поднимать. Преодоление этих проблем в их противостоянии и одновременно взаимосвязанности — дело очень непростое, легко допустить перекося либо в одну, либо в другую сторону. Учебная книга Н. А. Гуськова и тут открывает возможности удачных и плодотворных решений: будучи хрестоматией, сопровождаемой обширными справочными материалами, она предполагает как раз творческое к себе отношение. При всей концептуальности автор не навязывает жесткой концепции, последняя должна возникнуть в сознании читателей, причем для такого возникновения им необходимо затратить существенные умственные усилия. Тем самым достигается столь желанная ныне интерактивность познавательного процесса. Вместе с тем подобная активность, хочется думать, будет основана не на беспечных полетах фантазии реципиента, с хлестаковской смелостью размышляющего о том, чего он не знает (а приемы сегодняшнего образования — увы! — нередко подталкивают к этому); она найдет опору в полученных в процессе чтения конкретных знаниях.

Многообразные достоинства «Русской литературы XVIII века» не оставляют сомнений в будущем счастье читательской ее судьбы. Н. А. Гуськову удалось не просто удачно решить большинство вставших перед ним проблем; наполнив книгу своими увлеченностью и любовью, он создал интереснейшее введение в изучение русской литературы XVIII века, которое будет не только приносить пользу, но и радовать и без которого теперь трудно будет обойтись.

П. Е. Бухаркин

Предисловие

Предлагаемая учебная книга по курсу истории русской литературы XVIII века состоит из двух частей: хрестоматии художественных текстов и сборника учебных и справочных материалов.

Задачи книги — дать изучающим русскую литературу XVIII века общие представления и сведения о творчестве наиболее значительных авторов данной эпохи, о ходе литературного и общекультурного процесса, о нормативной поэтике; помочь систематизировать полученные знания при подготовке к зачетам и экзаменам.

Издание предназначено для студентов-филологов и студентов нефилологических специальностей (журналистика, культурология, искусствоведение). Книга может быть использована и как дополнительное пособие для школьников.

Первая часть учебной книги — хрестоматия — ориентирована на тех, кто начинает знакомиться с текстами этой эпохи и испытывает трудности при усвоении обширных или необычно написанных сочинений, а также на тех, кто, напротив, уже прочел многие произведения и желает при подготовке к занятию или экзамену найти важнейшие места в известных ему текстах, издания которых не всегда доступны. В хрестоматию включены художественные произведения, наиболее известные и показательные, демонстрирующие жанровое и тематическое разнообразие литературы XVIII века, характеризующие индивидуальную манеру виднейших писателей, но в первую очередь — сочинения, не вызывающие серьезных трудностей при прочтении. Для того чтобы облегчить процесс восприятия текстов, они снабжены необходимыми примечаниями и переводом устаревших и иноязычных слов. Небольшие произведения приведены, как правило, полностью; объемные — в выдержках.

В хрестоматии не приводятся обязательно изучаемые в курсе истории русской литературы XVIII века следующие тексты: комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль»; «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева; трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский»; «Письма русского путешественника» и многие повести Н. М. Карамзина, например «Наталья, боярская дочь», «Марфа-посадница» и «Остров Борнгольм». Нам представляется, что эти произведения следует прочесть полностью. Они общедоступны и значительны по объему, публикация их в хрестоматии затруднительна.

Основное внимание в хрестоматии уделено поэзии и драматургии, поскольку проза в XVIII столетии не относилась к сфере изящной словесности. Русская проза XVIII века разнообразна и по своему значительна, но достойное внимания представление основных ее жанров (журналистика, мемуары, путешествия, ораторская проза, переписка, массовая беллетристика и т. д.) намного превысило бы приемлемый объем издания, предпочтение же одних авторов другим трудно признать основательным. Так, традиционно помещаемые в подобного рода издания статьи из журналов Н. И. Новикова в хрестоматию не включены, так как здесь приводятся лишь достоверно атрибутированные тексты. Исключение сделано для прозаических сочинений четырех авторов: Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина (как наиболее значительных прозаиков XVIII века), «Калма и Гармонии» М. М. Хераскова (как текста, сочетающего черты политического, правоучительного, сентиментального и авантюрного романа) и «Сказки о царевиче Хлоре» императрицы Екатерины II (поскольку этот текст необходим для понимания од Г. Р. Державина о Фелице, был широко известен в XIX и начале XX века, но позднее не издавался и почти незнаком современному нам читателю).

Во многих случаях произведения даны не в хронологической последовательности, а расставлены по жанрово-тематическому принципу (тексты Ломоносова, Державина, Дмитриева и др.). Так, сначала помещены полемические и пародийные сочинения Сумарокова, направленные против Тредиаковского и Ломоносова, затем основа его эстетики — «Эпистола о стихотворстве», далее следуют духовные и философские, любовные, сатирические стихотворения и драматургия.

Все тексты печатаются по нормам современной орфографии и пунктуации, лишь в наиболее значимых случаях сохранены написания XVIII века.

Вторая — справочная — часть состоит из следующих разделов:

1. Выдержки из критических статей и научных работ, посвященных творчеству писателей.
2. Биографические сведения о писателях.
3. Краткие сведения о стиховедческих, стилистических и жанровых теориях в России.
4. Сведения об известнейших русских журналах.
5. Важнейшие сведения о русском театре.
6. Краткая характеристика чиновной системы.
7. Краткие сведения о русских императорах.
8. Хронологическая таблица.
9. Избранная библиография.

Автор не стремился представить наиболее значительные работы, посвященные русской литературе XVIII века, а лишь предложил не-

которые фрагменты из критических статей и исследований, которые могут содействовать подготовке к семинару или экзамену по ряду тем учебного курса. Сокращение текста осуществлено исходя из этой цели. Из статей исключено большинство примечаний и библиографических ссылок без указаний пропусков. Желающие познакомиться с полным текстом статей могут найти их выходные данные в библиографическом разделе пособия. В разделе сперва идут общие характеристики литературы XVIII столетия, критика XVIII — начала XX века, а затем работы об отдельных авторах в том порядке, в котором их сочинения помещены в хрестоматию.

В справочник включены биографии лишь тех авторов, которые представлены в хрестоматии, статьи о них расположены в той же последовательности, что и сочинения в хрестоматии. Имеются также характеристики важных литературных объединений XVIII века — Ученой дружины, сумароковской школы и львовского кружка.

Хронологическая таблица призвана дать общее представление о культурном и литературном процессе XVIII века в соотношении с общественной жизнью. Автор учебной книги, конечно, не стремился дать исчерпывающих сведений по литературной хронологии.

В связи с ограниченным объемом издания в разделе библиографии автор позволил себе не указывать номера страниц, на которых напечатаны статьи в сборниках и периодических изданиях.

Как читать тексты XVIII столетия

Чтение текстов XVIII века многим представляется процессом трудным, утомительным и неблагоприятным. В результате такой читатель усваивает текст механически, не только не испытывая эстетического удовольствия, но и не в полной мере улавливая смысл. Для того чтобы предотвратить столь досадные заблуждения, автор учебной книги предлагает некоторые рекомендации и надеется, что они помогут сделать знакомство с литературой XVIII века приятным и полезным.

При восприятии текста XVIII столетия наш современник встречается три преграды. Первые две — языковая и мировоззренческая — при известном старании преодолеваются довольно легко.

Многие читатели недовольны произведениями XVIII века из-за их «тяжелого», «непонятного» языка. Конечно, нельзя получить удовольствие от книги на неведомом языке. Иностранного автора мы не упрекаем и, чтобы прочесть его сочинения, либо берем перевод, либо изучаем незнакомый язык. Однако русский язык XVIII столетия отличается от того, на котором мы говорим, не настолько, чтобы нужен был полный перевод. Перевод же частичный искажал бы смысл тек-

стов, лишил бы их эстетической ценности, которая нередко сосредоточена в устаревших теперь выражениях. Единственный способ полноценного восприятия произведений XVIII столетия — побыстрее выучить, как учат иностранные слова, те немногочисленные архаизмы, которые часто встречаются в текстах (на самом деле таких слов совсем немного!), и очень скоро устаревший слог не только перестанет раздражать, но будет доставлять удовольствие. Усилие небольшое, но обещает приятный результат.

Другая проблема состоит в том, что содержание текстов XVIII века кажется слишком абстрактным и не имеющим отношения к современным проблемам. Действительно, философская позиция человека эпохи Просвещения отличается от мировоззрения наших дней. Однако мы с увлечением читаем литературу разных народов, верования и жизненные представления которых отличаются от наших, и не только не упрекаем авторов таких произведений, но с готовностью вставляем на их точку зрения (так поступают, например, поклонники дальневосточной, в частности японской, литературы). Именно так должен поступить читатель русских книг XVIII века.

Начиная с эпохи романтизма внимание людей стали привлекать частные, индивидуальные черты каждого явления. В искусстве нам также особенно дороги детали, подробности; нам хочется, чтобы каждая ситуация, каждый характер представляли неповторимыми: повторения нам скучны, мы называем их общими местами, банальностями. До начала XIX века взгляд на мир был прямо противоположен: люди искали в каждой частности проявления неких общих закономерностей жизни. Общие места (по-гречески — «топосы»; «Топика» — один из главных разделов философии Аристотеля) считались самым главным и самым интересным — сущностью мира. Искусство поэтому стремилось изображать не индивидуальное — случайное, а общее — постоянное; соблюдение внешнего правдоподобия, конечно, было не только несоблазнительным, но и почти невозможным. Отсюда и ощущение абстрактности, отвлеченности классического искусства. Тот недостаток, в котором упрекают словесность XVIII века, был свойствен в той же мере литературе Античности, Средних веков, эпохи Возрождения и барокко, а восточным литературам — и в более поздний период.

Мировоззрение, видящее во всем проявление общих закономерностей, рационалистично и нормативно: оно верит в разумность мироустройства, в то, что все четко установлено и распределено в жизни, нарушение же принципов этого стройного порядка губительно. Система правил, организующая мир, едина для всех стран и времен: до начала XIX века почти не существовало представлений об историзме и народности. Разумность мироустройства, однако, не устра-

няет самых трагических противоречий (прежде всего между жизнью и смертью), которые мыслятся рационалистами как неизбежные. Проблемы, волнующие литературу XVIII века, — те же, что и встающие перед нами проблемы, лишь взяты они с другой стороны — с точки зрения не частного, а общего их смысла. Люди XVIII века, как показывают, например, их мемуары, были так же, как и мы, разными по характеру, полными многообразных переживаний, вовлеченными в самые непростые обстоятельства. Мы можем по-разному оценивать их философские взгляды, как и всякие иные, но чтобы понять текст XVIII столетия и получить эстетическое удовольствие от него, необходимо временно встать на современную ему точку зрения, ибо о возможности существования послеромантической картины мира писатели эпохи Просвещения не догадывались.

Впрочем, сказанное относится к текстам до середины XVIII века; произведения конца века уже обнаруживают интерес авторов к индивидуальному, поэтому воспринимаются относительно легко.

Изучая литературу XVIII столетия, нужно помнить и о том, что ее создатели не читали Пушкина и Гоголя, Чехова и Ахматову, Булгакова и Набокова и создавали русские сочинения совершенно в новом духе, имея предшественников лишь в Европе. Поэтому несправедливо применять к творчеству писателей елизаветинской и екатерининской эпох те критерии, которыми мы руководствуемся при оценке текстов XIX и XX веков, возникших в период литературного расцвета, когда был уже разработан язык и неоднократно проверено, какие литературные приемы особенно увлекают публику.

Сложнее всего читателю наших дней преодолеть третью преграду — усвоить культуру чтения XVIII столетия.

Художественный текст всегда рассчитан на внимательного читателя. Однако если некоторые писатели XX и XXI веков, понимая, сколь быстры темпы нашей жизни, заранее учитывают, что их сочинения могут быть восприняты и глубоко, восторженно, и поверхностно, в суете, то книги XVIII столетия, особенно произведения «высокой» словесности, предназначены только для медленного, вдумчивого, желательного многократного прочтения. Беглое их восприятие бессмысленно и вызывает у читателя лишь раздражение и неприязнь; постепенное вчитывание, напротив, приносит наслаждение, как неторопливая дегустация редкого кушанья или напитка.

Книги в XVIII веке стоили дорого, их было мало даже в богатых домах: одни и те же книги часто перечитывались. Круг образованных людей был невелик и состоял из представителей привилегированного сословия, живущих в достатке. Они, даже если деятельно служили, имели продолжительный досуг и свободу от многих обременяющих

нас бытовых забот. Их по-своему насыщенная частная жизнь показалась бы нам медлительной. Те из них, кто находил в чтении удовольствие, пользу или и то и другое, не имели нужды читать наспех, торопиться было некуда. Наконец, одна из важнейших категорий старинной эстетики именовалась «вкусом». Можно ли было почувствовать изящный вкус впопыхах?

Неторопливо, внимательно, с возвращениями назад, повторением особенно запомнившихся мест, с пометами читалась всякая книга. Вспомним, как Фамусов в «Горе от ума», воспитанный при Екатерине Великой, велит слуге читать «не так, как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой», и не стихи или роман, а адрес-календарь. Было распространено чтение вслух: читали секретари, компаньоны и приживальщики, грамотные слуги и дети, иногда для лучшего усвоения читали сами себе вслух. Этот процесс услаждал утренний и вечерний досуг (вспомните, что не было не только телевидения, Интернета, радио, но в большинстве городов — и театров или мест общественных собраний, а в удаленных друг от друга поместьях хозяева сами должны были придумывать развлечения). Однако чтение вслух не может продолжаться долго, один текст большого объема читали несколько дней, а то и недель. Книги XVIII столетия были удобно приспособлены для неторопливого чтения вслух с перерывами: в начале новой страницы печаталось последнее слово со страницы перевернутой. Манеру чтения знали не только издатели, но в первую очередь писатели. Они рассчитывали свои произведения на читателя, который воспринимает чтение как церемонию: степенно достанет из книжного шкапа том, любовно посмотрит на его богатый переплет (особенно если тот сафьянный, с застёжками, да еще с позолотой и иными украшениями), поудобнее устроится в кресле, может быть вольтеровском (в XVIII веке писали нередко стоя, за конторкой, а читать предпочитали сидя), и приготовится слушать либо поправит зеленую ширмочку у свечей, чтобы не утомлять глаз, и благоговейно раскроет книгу, внимательно всматриваясь в ее желтые, голубоватые, зеленоватые страницы (бумага была различных оттенков), покрытые не по-церковному просто, но и не понынешнему изящно начертаннами буквами.

Следовать в полной мере церемонии чтения, принятой в XVIII веке, теперь не всегда удается, но все же неспешно и внимательно читать старинные тексты необходимо. Только тогда мы добьемся соединения пользы и удовольствия — того эффекта, который стремились произвести в своих читателях авторы эпохи Просвещения.

Круг этих читателей был, как уже сказано, невелик. В XVIII веке писали преимущественно для «избранной» публики — либо для людей образованных, знатоков словесных наук, либо для влиятельных особ,

которых следовало просветить. Лишь в конце столетия повести Карамзина, стихотворения Дмитриева стали достоянием всякого относительно грамотного читателя, в том числе и дам, на внимание которых прежние авторы рассчитывали, лишь создавая любовные песни и идиллии. В елизаветинскую и екатерининскую эпоху, таким образом, публика — это прежде всего императорский двор, университет, Академия наук и закрытые дворянские учебные заведения (кадетские и пажеский корпуса), а также бывшие служащие перечисленных учреждений, живущие на покое в отставке. Понятно, что все они были тесно связаны с современной им политической и общественной жизнью и продолжали интересоваться ею, даже отойдя от дел. На государственной службе состояли и почти все писатели XVIII века. Лишь в конце столетия появляются профессиональные литераторы. Занятие словесностью долгое время не считалось заслуживающим самостоятельного внимания и уважения и допускалось лишь как приятное развлечение на досуге либо как способ популяризации полезных обществу идей. Условия издания и книготорговли были таковы, что литературный труд приносил автору больше убытка, чем материальной прибыли. Писатели служили и по необходимости, и потому, что большинство из них были дворянами и почитали службу священным долгом, хотя указ 1762 года и разрешил представителям благородного сословия заниматься хозяйством в поместьях или вести светскую жизнь в столице.

Итак, литература XVIII века тесно связана с политикой, ее невозможно понять, не имея представления о важнейших исторических событиях и лицах того времени, о расстановке политических сил. Это вовсе не означает, что произведения эпохи Просвещения касаются лишь злободневных проблем и потому теряют интерес для потомков. И все же, когда Ломоносов или Державин писали о вечном, для них было очень важно, что эти рассуждения вдохновлены конкретным событием, в честь которого создана ода, и что обращаются они к конкретному правителю или вельможе. Не принимая это во внимание, мы не до конца осмыслим старинные оды. Хотя императрица Екатерина II, Фонвизин или Княжнин избличают общественные пороки, оказавшиеся вечно актуальными для нашей страны, мы сильно ошибемся, если не будем учитывать того, что в первом случае сатириком является правительница, а в других двух — представители политической оппозиции.

Хотя биография писателей как государственных деятелей, исторических лиц важна для понимания их сочинений, непосредственно в литературе она отражалась мало. Для читателя XVIII века существенно, кто именно написал книгу, поэтому большинство произведений этого времени уже не анонимны, как средневековые тексты. Однако не стоит искать там откровенного отражения личности автора. Это

привычное для нас содержание литературы в старину было исключением, опережением общепринятых представлений эпохи. Индивидуальное долго казалось неважным и суетным, поэтому лишь постепенно во второй половине XVIII века в тексты начинает проникать автобиографический элемент. Яркое его проявление, например, в поэзии Державина воспринималось как большая смелость и оценивалось неоднозначно. Мы можем встретиться с намеками на личность писателя в тех произведениях XVIII века, где меньше всего этого ждем, — в критике, литературной полемике. Тогда еще не установились нормы корректного урегулирования творческих разногласий, и соперники использовали в борьбе любые средства, в том числе, наряду с привычными нам ученым и критическим аргументированным разбором, пародией, и внелитературные — обсуждение личности литератора, скандал вплоть до драки, донос.

Многих писателей XVIII века упрекали в том, что недостаток собственного они восполняли заимствованием чужого. Этот упрек и оправдан, и несправедлив. Действительно, читая русские произведения XVIII столетия, следует помнить, что у большинства из них имелся иностранный источник, в одних случаях прямо переведенный, в других — творчески переработанный. Между тем это не следует считать плагиатом и объяснять отсутствием дарования. Во всех старинных литературах господствовала система подражания образцам. Опираясь на суждения Горация и его европейских последователей, и русская эстетика XVIII века требует соблюдения правил искусства в том виде, в каком их реализовали лучшие творцы прошлого. Подражание классикам считалось не пороком, а достоинством сочинения: чем ближе к прославленному источнику — тем искуснее. Чтобы подражание не превратилось в заимствование или кражу, следовало, копируя образец, находить свои слова, новые остроумные их комбинации. Поскольку для русских поэтов XVIII столетия предметами подражания выступали иностранные авторы, то этот вопрос решался закономерно: найти в родном языке слова и обороты, так организовать композицию, действие, чтобы достойно зазвучал слог античных и западных стихотворцев, — вот непростая задача, которую вполне оригинально решали наши литераторы эпохи Просвещения. У многих из них мы встречаемся не с переводами и не с копиями, а со вполне оригинальными текстами, вдохновленными великими образцами. Поэтому наши поэты так гордились, когда их называли российскими Анакреонами, Пиндарами, Горациями, Лафонтенами, Расинами, Оссианами... Это также обязан учесть критик или ценитель их произведений.

Остается пожелать читателям этой книги приятных движений души и полезных раздумий при знакомстве с русской словесностью XVIII столетия.

Часть первая

ХРЕСТОМАТИЯ

**Князь
Антиох Дмитриевич Кантемир**

*Сатира первая
На хулящих учение
К уму своему*

Уме¹ незрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав, летящи дни века проводи
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр². Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя, как мору, чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцветенна мраморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду <...>
«Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает, —
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает
И просит, свята душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами; —
Дети наши, что пред тем тихи и покорны,
Праотческим шли следом к Божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, Библию честь³ стали;
Толкуют, всему знать хотят повод, причину,
Мало веры подавая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;

¹ Уме — звательный падеж от слова «ум».

² Девять сестр — музы.

³ Читать.

Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных руках власть лишну чают¹,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали.

Силван другую вину паукам паходит.
«Учение, — говорит, — нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину²,
Ни связи, — должно ль в том тужить дворянину?
Довод, порядок в словах — подлых³ то есть дело,
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело
<...>

Землю в четверти⁴ делить без Евклида⁵ смыслим,
Сколько копеек в рубле без алгебры счислим». —
Силван одно знание слично⁶ людям хвалит:
Что учит множить доход и расходы малит⁷;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма искусством звать
смеет <...>

Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает:
«Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу Божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
Что же пользы иному, когда я запруся
В чулан, для мертвых друзей — живущих лишуся,
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок⁸ да бумага?
В всеселье, в пирах мы жизнь должны провождати:

И так она недолга — на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
Вино — дар божественный, много в нем провору:
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды¹ водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну ешь станет визигу², —
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».

Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку³ он фунт доброй пудры⁴. <...>
Полно ль того? Райских врат ключари святые⁵,
И им же Фемис вески вверила златые⁶,
Мало любя, чуть не все, истинну украсу⁷.

Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата,
Клобуком⁸ покрой голову, брюхо — бороною,
Ключу пышно повели везти пред тобою;
В карете раздувшись, когда сердце с гневом
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву.
Должен архипастырем всяк тя⁹ в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти.

¹ То есть считают, что мирская власть в руках служителей Церкви — излишняя привилегия.

² Чин — здесь: порядок, разумное расположение.

³ Подлый — низкий, незнатный по происхождению.

⁴ Четверть (половина десятины) — старинная русская мера площади, около половины гектара.

⁵ Евклид (III в. до н. э.) — греческий математик, автор классических трудов по геометрии.

⁶ Сличный — пристойный.

⁷ Малит — уменьшает.

⁸ Песком посыпали написанное, чтобы просохли чернила.

¹ Бразды (церк.-слав.) — борозды.

² Чернец — монах. Визига (вязига) — кушанье, приготовляемое из хордовой части осетровых рыб.

³ Сенека (4. до н. э. — 65 г. н. э.) — знаменитый римский философ-стоик и драматург.

⁴ В XVIII в. мужчины пудрили собственные волосы или парики. 1 фунт = 409 г.

⁵ Райских врат ключари святые — священнослужители.

⁶ И те, кому Фемис (Фемида, греческая богиня правосудия) вверила золотые весы — судьи.

⁷ Украшения, достоинства.

⁸ Клобук — монашеский головной убор.

⁹ Тя (церк.-слав.) — тебя.

Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
Иной, пища проповедь, выпись позабудет,
Отчего доходам вред; а в них церкви права
Лучшие основаны, и вся церкви слава.

Хочешь ли судьейо стать — вздешь перук¹ с узлами,
Брани того, кто просит с пустыми руками,
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
Спи на стуле, когда дыак² выписку читает.
Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны права —
Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну,³
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячим⁴ должно лезть на бумажны горы,
А судье довольно знать крепить приговоры.

К нам не дошло время то, в коем председадала
Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
Будучи способ одна к высшему восходу.
Златой век до нашего не дотянул роду.
Гордость, леность, богатство — мудрость одолело,
Науку невежество местам уж посело⁵,
Под митрой гордится то⁶, в шитом платье ходит,
Судит за красным сукном⁷, смело полки водит.
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,
Как, страдавши на море, корабельной службы.
Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
Ученых хоть голова полна — пусты руки».
Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в свосм платье цветы,
Тому уж и в самые молодые леты
Всякая высша степень — мзда⁸ уж невелика,

Семи мудрецов себя достойным мнит лика.
«Нет правды в людях, — кричит безмозглый церковник,
Еще не епископ я, а знаю часовник¹,
Псалтырь и послания бегло честь умею,
В Златоусте² не запусь, хоть не разумею».
Воин ропщет, что своим полком не владеет,
Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным.
Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает.
Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится;
Коли что дала ти³ знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя ту⁴,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

1729

¹ Парик.

² Чиновник.

³ То есть несет околесицу, говорит вздор.

⁴ Подьячий — здесь: мелкий чиновник. Позднее так стали называть чиновников вообще.

⁵ Потеснило.

⁶ Оно, то есть невежество. Под митрой — на вышних церковных должностях.

⁷ Красным сукном покрывали столы в суде.

⁸ Мзда — здесь: награда.

¹ Часовник — сокращенный вариант часослова, самой распространенной богослужбной книги, по которой в старину учили читать.

² Имеются в виду сочинения Иоанна Златоуста (347–407), византийского христианского богослова, одного из трех вселенских святителей.

³ Ти (церк.-слав.) — тебе.

⁴ Ту (устар.) — ту; то есть ее, пользу наук.

**Василий Кириллович
Тредиаковский**

**Песенка, которую я сочинил,
еще будучи в московских школах,
на мой выезд в чужие края**

Весна катит,
Зиму валит,
И уж листик с древом шумит.
Поют птички
Со синички,
Хвостом машут и лисички.
Взрыты брозды¹,
Цветут грозды,
Кличет щеглик, свищут дрозды.
Льются воды,
И погоды;
Да ведь знатны нам походы².
Канат рвется,
Якорь бьется,
Знать, кораблик понесется.
Пу уж плынь спешно,
Не помешно,
Плыви смело, то успешно <...>
Плонь на суку,
Морску скуку³,
Держись черней, а знай птуку⁴,
Стать отишно
И не пышно⁵,
Так не будет волн и слышно.

1726

¹ Брозды (*польск.*) — борозды.

² То есть знакомы нам (морские) походы (сказано на польский манер).

³ Скука — здесь: болезнь; то есть имеется в виду морская болезнь.

⁴ То есть держись за канаты и знай морское искусство (*польск.* «sztuka» — «искусство»).

⁵ То есть если встать в тихое место и без парусов.

Описание грозы, бывшая в Гааге

С одной страны гром,
С другой страны гром,
Смутно в воздухе!
Ужасно в ухе!
Набегли тучи,
Воду несучи,
Небо закрыли,
В страх помutilи!

Молнии сверкают,
Страхом поражают,
Треск в лесу с перуна¹,
И темнеет луна,
Вихри бегут с прахом²,
Полоса рвет махом,
Страшно ревут воды
От той непогоды.

Ночь наступила,
День изменила,
Сердце упало,
Все зло настало!
Пролил дождь в крышки,
Трясутся вышки,
Сыплются грады,
Бьют вертограды³.

Все животны рыщут,
Покою не сыщут,
Бьют себя в груди
Виноваты люди,
Бояся напасти
И чтоб не пропасти,
Руки воздевают,
На небо глашают⁴:

¹ С перуна — от молнии.

² Прах — пыль.

³ Вертоград (*церк.-слав.*) — сад.

⁴ Глашают — зывают, восклицают.

«О солнце красно!
Стань опять ясно,
Разжени¹ тучи,
Слезы горячи,
Столкай премену²
Отсель за Вену.
Дхнуть бы зефиром³
С тишайшим миром!

А вы, аквилоны⁴,
Будьте, как и оны⁵:
Лютость отложите,
Только прохладите.
Побеги вся злоба
До вечного гроба:
Дни нам надо красны⁶,
Приятны и ясны».

1726 или 1727

Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу

Приятный брег! Любезная страна,
Где свой поток Нева стремится к пучине!
О! Прежде дебрь, се коль⁷ населена!
Мы град в тебе престольный видим ныне.

Немало зрю в округе я доброт⁸:
Реки твоей струи легки и чисты;
Студен воздух, но здрав его есть род⁹:
Осушены почти уж блага¹⁰ мшисты <...>

¹ Разгони.

² Премена — здесь: непогода.

³ Зефир — в греческой мифологии бог западного ветра, самого нежного и ласкового.

⁴ Аквилон — в римской мифологии бог северо-восточного ветра, самого буйного и сурового.

⁵ То есть будьте такими же, как зефиры.

⁶ Красны — в данном случае: погожие.

⁷ Се (устар.) — вот; коль — как.

⁸ Доброты — здесь: достоинства.

⁹ То есть такая разновидность воздуха здорова, полезна.

¹⁰ Блага (церк.-слав.) — болото.

Преславный град, что Петр наш основал
И на красе построил толь полезно,
Уж древним всем он ныне равен стал,
И обитать в нем всякому любезно.

Не больше лет, как токмо¹ с пятьдесят,
Отнеле² ж все хвалу от удивленной
Ему души со славою гласят,
И честь притом достойну во вселенной.

Что ж бы тогда, как пройдет уж сто лет?
О! Вы, по нас идущие потомки,
Вам слышать то, сему коль граду свет,
В восторг пришед, хвалы петь будет громки.

Авзонских³ стран Венеция, и Рим,
И Амстердам батавский⁴, и столица
Британских мест, тот долгий⁵ Лондон к сим⁶,
Париж градам как верх, или царица⁷, —

Все сии цель есть шествий наших в них⁸,
Желаний цель, честное наше странство,
Разлука нам от кровнейших своих;
Влечет туда нас слава и убранство.

Сей люб тому, иному — тот из нас⁹:
Как веселил того, другой другого,
Так мы об них беседуем мног час,
И помним, что случилось там драгого.

Но вам узреть, потомки, в граде сем,
Из всех тех стран слетающихся густо,
Смотрящих все, дивящихся о всем,
Гласящих: «Се рай стал, где было пусто!» <...>

¹ Токмо (устар.) — только.

² Отнеле (церк.-слав.) — с тех пор как.

³ Авзонский — итальянский.

⁴ Батавский — голландский.

⁵ То есть далекий.

⁶ К сим — наряду с перечисленными городами.

⁷ Тредиаковский назвал Париж царицей городов, так как фр. «ville» (город) женского рода.

⁸ То есть все эти города — цель наших путешествий.

⁹ Одному из нас люб один из этих городов, другому — иной.

О! Боже, твой предел да сотворит,
Да о Петре России всей в отраду,
Светило дня впрямь равного не зрит,
Из всех градов везде Петрову граду.

1752

Старуха, болящая глазами

Глазами как была Старушечка больна,
То Лекаря к себе в дом призвала она.
Чтоб вылечиться ей, и не смотря на трату,
Довольную ему та обещала плату.
Стал пользоваться ее тот Лекарь нанятой;
И мастью¹ он глаза по всяк день мазал той.
А как вот оставлял ничком ту на постеле,
И в темноте всегда, по всем своем том деле,
То что-нибудь с собой у ней втай² уносил
Из платья, иль что тут из серебра схватил.
Грабление сие та чувствует больная.
Когда ж не стала быть уж больше невишная³,
Увидела, что дом ее оставлен пуст,
Сколь ни был преж того обильностию густ.
Вот Лекарь к ней пришел: сам просит за работу
И говорит, что та всю получила льготу⁴;
А шлетс я он на всех сторонних в том людей,
Что вылечены уж совсем глаза у ней.
«Неправда, друг, твоя, — ему та говорила, —
Я без твоей цельбы глазами лучше зрила⁵:
Я видела вещей довольно у себя.
А как взяла к себе я Лекарем тебя,
То ничего отнюдь, сим словом не обижу,
В дому, по-твоему, столь зрячая, не вижу».

1752

¹ Мазью.

² Втайне.

³ Невидящая.

⁴ Льгота — здесь: возможная помощь.

⁵ Цельба — лечение. Зрила (церк.-слав.) — видела.

Михаил Васильевич Ломоносов

Предисловие о пользе книг церковных в русском языке

<...> Как материи¹, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений² российского языка. К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общепотребительны, например: *Бог, слава, рука, ныне, почитаю*. Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю*³, *Господень, насажденны, взываю*. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю*⁴, *рясны*⁵, *овогда*⁶, *свене*⁷ и сим подобные. К третьему роду относятся, которых нет в остатках славянского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле⁸ употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штили: высокий, посредственный и низкий. Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих речениях⁹, и из славянских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составлять должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которыми они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвы-

¹ Материи — здесь: понятия, явления.

² Речение — слово, высказывание.

³ Отверзать (церк.-слав.) — открывать.

⁴ Обавити (церк.-слав.) — обьявлять.

⁵ Рясны (устар.) — ожерелье.

⁶ Овогда (устар.) — иногда.

⁷ Свене (устар.) — кроме.

⁸ Штиль (нем.) — стиль.

⁹ Здесь под речением подразумевается язык, наречие.

шаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно приять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную ревность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать¹ им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться, по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе дружеские письма, описания обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению <...>

Народ российский, по великому пространству обитающий, не взирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало разумет мекленбургского или бранденбургского швабского, хотя все того же немецкого народа <...>

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нашего века, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуметь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четверста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время <...>

1758

¹ Предлагать — здесь: излагать.

Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина¹,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!²
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы³ на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, золото и порфиру⁴,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты, кроме той, всего превыше⁵;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая.

Когда на трон она вступила,
Как Вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв, облобызала:
«Мне полно тех побед, — сказала, —
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток».

¹ Под тишиной разумеется мир, покой в государстве и на свете вообще.

² Красива.

³ Класы (церк.-слав.) — колосья.

⁴ Порфира — красная (пурпурная) мантия, символ монархической власти.

⁵ То есть ты, тишина, всего выше, кроме той, Елисаветы (Елизаветы).

Божественным устам приличен,
 Монархиня, сей кроткий глас:
 О, коль достойно возвеличен
 Сей день и тот блаженный час,
 Когда от радостной премены
 Петровы возвышали стены
 До звезд плескание и клик!
 Когда ты крест несла рукою¹
 И на престол взвела с собою
 Доброт² твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравниться,
 Достаток силы нашей мал;
 Но мы не можем удержаться
 От пения твоих похвал.
 Твои щедроты ободряют
 Наш дух и к бегу устремляют,
 Как в понт пловца способный ветр
 Чрез яры волны порывает;
 Он брег с весельем оставляет;
 Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
 И колебать престаньте свет;
 Здесь в мире расширять науки
 Изволила Елисавет.
 Вы, наглы вихри, не держайте
 Реветь, но кротко разглашайте
 Прекрасны наши времена.
 В безмолвии внимай, вселенна:
 Се хочет³ лира восхищенна
 Гласить велики времена.

Ужасный чудными делами
 Зиждигель⁴ мира искони
 Своими положил судьбами
 Себя прославить в наши дни;

¹ При восшествии на престол в результате переворота («премены») Елизавета Петровна несла крест, приводя к присяге поддерживавшую ее гвардию, и сама дала клятву милосердно править подданными.

² Достоинств.

³ Хошет (церк.-слав.) — хочет.

⁴ Зиждигель (церк.-слав.) — создатель, установитель, то есть Бог.

Послал в Россию Человека,
 Каков неслыхан был от века.
 Сквозь все препятства он вознес
 Главу, победами венчанну,
 Россию, грубостью попрашу,
 С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс¹ страшился,
 Свой меч в Петровых зря² руках,
 И с трепетом Нептун чудился³,
 Взирая на российский флаг.
 В стенах внезапно укрепленна
 И зданиями окруженна,
 Сомненная Нева рекла⁴:
 «Или я ныне позабылась
 И с одного пути склонилась,
 Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
 Чрез горы, реки и моря
 В Россию простирали руки,
 К сему монарху говоря:
 «Мы с крайним тщанием готовы
 Подать в российском роде новы
 Чистейшего ума плоды».
 Монарх к себе их призывает,
 Уже Россия ожидает
 Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
 Бессмертия достойный муж,
 Блаженства нашего причина,
 К несносной скорби наших душ
 Завистливым отторжен роком,
 Нас в плаче погрузил глубоко!
 Внушив рыданий наших слух,
 Верхи Парнасски восстали,

¹ Марс — римский бог войны.

² Зря (устар.) — видя.

³ Нептун — римский бог морей. Чудился — дивился.

⁴ Рекла (устар.) — сказала.

И музы с воплем провождали
В небесну дверь прещедрый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина¹,
Отрада по Петре единая,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах, если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана² постыдилась
С своим искусством пред Невою!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О, коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дочь³
Щедроты отчи⁴ превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает⁵ дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархия, принадлежит,
Пространная твоя держава,
О, как тебе благодарит!
Воззри¹ на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда Всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми Борей² крылами
Твой взвевает знамена;
Но Бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напоет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура³ чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,

¹ Екатерина I, вдова Петра Великого, российская императрица с 1725 г.

² Секвана — Сена, река, на которой стоит Париж.

³ Дщерь (церк.-слав.) — дочь.

⁴ Отцовские.

⁵ Открывает (церк.-слав.).

¹ Взгляни.

² Борей — в греческой мифологии бог северо-восточного ветра (у римлян Аквилон).

³ Натура (устар.) — природа.

Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей¹
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки² возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо жидет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский³ через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Оксан;
Небесной синевой одесян,
Павлина посрамляет вран⁴.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают

¹ Паства — пастбище, елень (*церк.-слав.*) — олень.

² Паки (*устар.*) — вновь.

³ Открывателю Америки Христофору Колумбу уподоблен Витус Беринг, глава Камчатской экспедиции.

⁴ Вероятно, имеются в виду дальневосточные голубые сороки.

Одежду нежная весны;
Питаюсь в рощах ароматных
И плаваю в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва¹ ударяет
В верхи Рифейски² копием;
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём³.
Плутон⁴ в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Который там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободренны
Раченьем вашим доказать,
Что может собственных Платонов⁵
И быстрых разумом Невтонов⁶
Российская земля рождать.

Науки юношей питают⁷,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;

¹ Минерва — римская богиня мудрости и справедливой войны, изображалась одетой в доспехи.

² Рифейскими называли Уральские горы, в то время главное место добычи полезных ископаемых в России.

³ То есть во всех твоих наследственных владениях.

⁴ Плутон — в римской мифологии бог подземного царства.

⁵ Платон (427–347 гг. до н. э.) — великий греческий философ.

⁶ Транслитерация фамилии Исаака Ньютона (1643–1727) — великого английского философа и ученого.

⁷ Строфа является стихотворным переложением отрывка из речи Цицерона в защиту поэта Архия, однако Ломоносов заменил слово «literae» — «письменность, словесность» словом «наука».

В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя¹ нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранил
Во всех путях беспредельности²
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

Ода, выбранная из Иова³

О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек,
Внимай, коль в ревности⁴ ужасно
Он к Иову из тучи рек!⁵
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая
И гласом грома прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю⁶ звал:

Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как я в стройном чине⁷
Прекрасный сей устроил свет;

¹ Завидую.

² Не имеющую препятствий.

³ Ода является переложением отрывка из библейской Книги Иова. Иов был избран Богом для испытания веры, долго стойко выносил страшные лишения, но наконец возроптал. Тогда из грозовой тучи раздался Божий глас. Эту речь Бога, обращенную к Иову, излагает поэт.

⁴ Ревность — здесь: ярость, гнев.

⁵ Рек (устар.) — сказал.

⁶ Распря — здесь: битва, противостояние.

⁷ Чин — здесь: порядок.

Когда я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Где был ты, как передо мною
Бесчисленны тьмы новых звезд,
Моей возжженных вдруг рукою
В обширности безмерных мест,
Мое величество вещали¹;
Когда от солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи?

Кто море удержал берегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться дал не велел?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши сдвинул Океан?

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утра быть
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу способный² ветр направить,
Чтоб в пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Чтобы безбожных с ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разных
Прошел ли моря глубину?
И счел ли чуд многообразных
Стада, ходящие по дну?
Отверзлись ли перед тобою
Всегдашнюю покрыты мглою
Со страхом смертные врата?
Ты спер³ ли адовы уста?

¹ Вещать (церк.-слав.) — сообщать, говорить.

² Попутный.

³ Спер — запер.

Стесняя вихрем облак мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздух огустить прозрачный,
И молнию в дожде родить,
И вдруг быстротекущим блеском
И гор сердца трясущим треском
Концы вселенной колебать
И смертным гнев свой возвещать?

Твоей ли хитростью взлетает
Орел, на высоту паря,
По ветру крыла простирает
И смотрит в реки и моря?
От облак видит он высоких
В морях и пропастях глубоких,
Что в пищу я ему послал,
Толь быстро око ты ли дал?

Воззри¹ в леса на бегемота,
Что мною сотворен с тобой²;
Коллючий терн его охота
Безвредно попирает ногой.
Как верви³ сплетены в нем жилы.
Отведай ты своей с ним силы!⁴
В нем ребра, как литая медь;
Кто может рог его сотреть?

Ты можешь ли Левиафана⁵
На уде вытянуть на брег?
В самой середине Оксана
Он быстрый простирает бег;
Светящимися чешуями
Покрыт, как медными щитами,
Конь, и меч, и молот твой
Считает за тростник гнилой.

Как жернов сердце он имеет,
И зубы страшный ряд серпов;
Кто руку в них вложить посмеет?
Всегда к сраженью он готов;
На острых камнях возлегал
И твердость оных презирает.
Для крепости великих сил
Считает их за мягкий ил.

Когда ко брани устремится,
То море, как котел кипит,
Как печь, гортань его лымится,
В пучине след его горит;
Сверкают очи раздраженные,
Как уголь, в горниле раскаленный,
Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против меня?

Обширного громаду света
Когда устроить я хотел,
Просил ли твоего совета
Для множества толиких¹ дел?
Как персть² я взял в начале века,
Дабы создати человека,
Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе я дал?

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителю власть,
Святую волно почитая,
Имсь свою в терпсньи часть³.
Он все на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит⁴.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

Между 1743 и 1751

¹ Взгляни.

² То есть которого я сотворил тогда же, когда и тебя.

³ Вervi — веревка.

⁴ То есть померяйся с ним силой.

⁵ Морское чудовище, напоминающее кита, акулу и крокодила, упоминаемое в Библии.

¹ Толкий (устар.) — такой.

² Персть — пыль.

³ Часть — здесь: участь. То есть имей своей участью терпенье.

⁴ Покоит — благодетельствует.

Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества¹.

Но где ж, натура², твой закон?
С полных³ стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут⁴ огонь моря?
Се⁵ хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак⁶
Пронзает в книгу вечных прав⁷,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,

Вам путь известен всех планет,
Скажите, что нас так мятет?¹

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь² разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блещут,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал эфир,
И гладки волны бьют в эфир³.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец?

1743

Утреннее размышление о Божием величестве

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И Божии дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;

¹ Естество (устар.) — природа. Там одинаково сильны законы природы.

² Натура (устар.) — природа.

³ Полночный — северный.

⁴ Мещут (церк.-слав.) — мечут, бросают.

⁵ Се (церк.-слав.) — вот.

⁶ Зрак (церк.-слав.) — взор, взгляд.

⁷ Вечных правил, законов.

¹ Мятет — смущает, гнетет.

² Твердь — здесь: небо.

³ Излагаются гипотезы возникновения северного сияния. Х. Вольф полагал, что это результат теплых испарений селитры и иных веществ. Существовали химическая, оптическая теории. Бреславльские ученые выдвинули версию о том, что северное сияние — отражение плавучими полярными льдами огней вулкана Гекла в Исландии. Сам Ломоносов полагал, что северное сияние имеет электрическую природу.

Чудяся¹ ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель² сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бrenно наше око
Могло, приблизившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющиеся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред Тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для наших повседневных дел,
Что Ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик Зиждитель наш Господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор Твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел.
От светлости Твоих очей
Лится радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда твори научи,
И, на твою взирая тварь¹,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

1743 (?)

**Письмо о пользе Стекла
к высокопревосходительному
господину генералу-поручику,
действительному еe императорского величества
камергеру, московского университета куратору
и орденов Белого Орла, Святого Александра
и Святой Анны кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову²**

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов,
Приманчивым лучом блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса.
Нередко я для той с Парнасских гор спускаюсь³,
И ныне от нее на верх их возвращаюсь,
Пою перед тобой в восторге похвалу
Не камням дорогим, ни злату, но Стеклу.
И как я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживого я счастья представляю.
Не должно тленности примером тое быть,
Чего и сильный огонь не может разрушить,
Других вещей земных конечный разделитель:
Стекло им рождено; огонь его родитель.
С натурой⁴ некогда он произвествь хотя
Достойное себя и оныя⁵ дитя,

¹ Тварь — здесь: творение.

² Шувалов Иван Иванович (1727–1797) — один из образованнейших и влиятельных вельмож, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, постоянный покровитель Ломоносова.

³ Пребывание на Парнасе — аллегория занятия поэзией. Подняться на Парнас или спуститься с него — начать или закончить писать стихи.

⁴ Природой.

⁵ То есть себя (огня) и ее (природы) достойное дитя.

¹ Чудяся — дивясь.

² Зиждитель (церк.-слав.) — создатель, установитель, то есть Бог.

Во мрачной глубине, под тягостью землею,
 Где вечно он живет и борется с водою,
 Все силы собрал вдруг и хляби¹ затворил,
 В котеры Океан на брань² к нему входил.
 Напрягся мышцами и рамена³ подвинул
 И тяготу земли превыше облак вскинул⁴. <...>
 Но что ж от недр земных, родясь, произошло?
 Любезное дитя, прекрасное Стекло⁵.
 Увидев, смертные, о, как ему дивились!
 Подобное тому сыскать искусством тщились⁶.
 И было в деле сем удачно мастерство:
 Превысило своим раченьем естество⁷.
 Тем стало житие на свете нам счастливо:
 Из чистого Стекла мы пьем вино и пиво
 И видим в нем пример бесхитростных сердец:
 Кого лъзя⁸ видеть сквозь, тот подлинно не лстец.
 Стекло в напитках нам не может скрыть примесу;
 И чиста совесть рвет притворств гнилу завесу. <...>
 Исполнен слабостями наш краткий в мире век:
 Нередко впадает в болезни человек!
 Он ищет помощи, хотя спастись от муки,
 И жизнь свою продлить, врачам дается в руки.
 Нередко нам они отраду могут дать,
 Умев приличные⁹ лекарства предписать;
 Лекарства, что в Стекле хранят и составляют;
 В Стекле одном они безвредны пребывают.
 Мы должны здравия и жизни часть Стеклу:
 Какую надлежит ему принести хвалу!
 Хоть вместо одного замысловаты хины¹⁰
 Сосуды составлять нашли из чистой глины;
 Огромность тяжкую плода лишесных гор

¹ Подводные бездны.

² На брань (церк.-слав.) — на битву.

³ Рамена (церк.-слав.) — плечи.

⁴ Далее описывается извержение вулкана Этны.

⁵ Ломоносов видит в вулканической лаве естественный прообраз стекла.

⁶ То есть старались найти при помощи искусства нечто подобное стеклу (лаве).

⁷ То есть превзошли природу (естество) своим старанием (рачением) в изобретении искусственного стекла.

⁸ Лъзя (устар.) — можно.

⁹ Здесь: уместные, действенные при данной болезни.

¹⁰ Китайцы.

Художеством своим преобрав в Фарфор,
 Красой его к себе народы привлекают,
 Что, плавая, морей свирепость презирают.
 Однако был бы он почти простой горшок,
 Когда бы блеск Стекла дать помощи не мог¹. <...>
 Искусство, коим был прославлен Аппеллес²
 И коим ныне Рим главу свою вознес,
 Коль пользы от Стекла приобрело велики,
 Доказывают то Финифти, Мозаики³,
 Которы ввек хранят геройских бодрость лиц,
 Приятность нежную и красоту девиц;
 Чрез множество веков себе подобны зряся
 И ветхой древности грызенья не бояся.
 Когда неистовый, свирепствуя, Борей⁴
 Стесняет мразом⁵ нас в упругости своей,
 Великой не терпя и строгой перемены,
 Скрывает человек себя в толстые стены.
 Он был бы принужден без свету в них сидеть
 Или с дрожанием несносный хлад терпеть.
 Но солнечны лучи он сквозь Стекло впускает
 И лютость холода чрез то же отвращает.
 Отворенному вдруг⁶ и запертому быть,
 Не то ли мы зовем, что чудеса творить?
 Потом как человек зимой стал безопасен,
 Еще притом желал, чтоб цвел всегда прекрасен
 И в северных странах в снегу зеленый сад;
 Цейлон⁷ бы посрамил, пренебрегая хлад.
 И удовольствовал он мысли прихотливы:
 Зимой за Стеклом цветы хранятся живы;
 Дают приятной дух, увеселяют взор
 И вам, красавицы, хранят себя в убор⁸. <...>
 Дабы прельстить лицом любовных суеверов,

¹ Блеск фарфору придает покрывающая его глазурь, то есть слой стеклянной массы.

² Знаменитый древнегреческий живописец.

³ Финифть — один из видов эмали, мозаика изготавливается из смальты (цветного непрозрачного стекла).

⁴ Борей — в греческой мифологии бог буйного северо-восточного ветра.

⁵ Мраз (церк.-слав.) — мороз.

⁶ Здесь: одновременно.

⁷ Цейлон (Шри-Ланка) — остров в Индийском океане, славный пышной тропической растительностью.

⁸ Для убора, для украшения.

Какое множество вы знаете манеров;
И коль искусны вы убор переменять,
Чтоб в каждый день себе приятность нову дать.
Но было б ваше всё старанье без успеху,
Наряды ваши бы достойны были смеху,
Когда б вы в зеркале не видели себя.
Вы вдвое пригожи, Стекло употребя.
Когда блещут на вас горящие алмазы,
Двойной кипит в нас жар сугубья заразы!¹
Но больше красоты и больше в них цены,
Когда круг них Стеклом цветки наведены.
Вы кажетесь нам в них приятно весною,
В цветах наряженной, усыпанных росю.

Во светлых зданиях убранства таковы.
Но в чем красуетесь, о сельски нимфы², вы? <...>
Вы также украшать желаете себя.
За тем прохладные поля свои любя,
Вы рвете розы в них, вы рвете в них лилии,
Кладете их на грудь и вяжете круг шеи.
Таков убор даст вам нежная весна!
Но чем вы краситесь в другие времена,
Когда, лишась цветов, поля у вас бледнеют
Или снегами вокруг глубокими белеют,
Без оных³ что бы вам в нарядах помогло,
Когда бы бисеру вам не дало Стекло?
Любовников он к вам не меньше привлекает,
Как блещущий алмаз богатых уязвляет.
Или еще на вас в нем больше красота,
Когда любезная в вас светит простота!
Так в бисере Стекло подобию жемчугу,
Любимо по всему земному ходит кругу.
Им красится народ в полунощных⁴ степях,
Им красится арап⁵ на южных берегах.
В Америке живут, мы чаем⁶, простакки.

Что там драгой¹ металл из сребреной реки
Дают европейскому купечеству охотно
И бисеру берут количество несчетно,
Но тем, я думаю, они разумней нас,
Что гонят от своих бедам причину глаз².
Им оны времена не будут ввек забвенны,
Как пали их отцы для злата побивенны³.
О коль ужасно зло! на то ли человек
В незнаемых морях имел опасный бег,
На то ли, разрушив естественны пределы,
На утлом дереве обшел кругом свет целый,
За тем ли он сошел на красны⁴ берега,
Чтоб там себя явить свирепого врага?⁵
По тягостном труде, снесенном на пучине,
Где предал он себя на произвол судьбине,
Едва на твердый путь от бурь избыть успел,
Военной бурей он внезапно зашумел.
Уже горят царей там древние жилища;
Венцы врагам корысть, и плоть их вранам⁶ пища!
И кости предков их из золотых гробов
Чрез стены подают к смердящим трупам в ров!
С перстнями руки прочь и головы с убранством
Секут несытые и златом и тиранством.
Иных, свирепствуя, в средину гонят гор
Драгой металл изрыть из преглубоких нор. <...>
Обрушилась гора: лежат в ней погребенны
Бесчастные! или поистине блаженны,
Что вдруг избегли все бесчеловечных рук,
Работы тяжкия, ругательства и мук!
Оставив кастилла⁷ невинность так попорну,
С богатством в отчество⁸ спешит по Оксану,
Надеясь оным всю Европу вдруг купить.

¹ Драгой (*церк.-слав.*) — дорогой, здесь — драгоценный.

² То есть разумнее нас, потому что гонят от своих глаз причину бед (серебро и золото).

³ Побиты ради золота.

⁴ Здесь: красивые.

⁵ Устаревший оборот: чтобы там явить себя свирепым врагом.

⁶ Вран (*церк.-слав.*) — ворон. Венцы царей — добыча врагам, а плоть — пища воронам.

⁷ Кастилла — кастильянец, то есть испанец, колонизатор Америки.

⁸ В отчество, на родину.

¹ Сугубья заразы (*устар.*) — удвоенной страсти.

² Речь идет о простых крестьянских девушках.

³ То есть без цветов.

⁴ Полунощный (*церк.-слав.*) — северный.

⁵ Арап (*устар.*) — негр.

⁶ Здесь: мы полагаем.

Но златом волн морских не можно утолить.
 Подобный их сердцам, Борей, подняв пучину,
 Навел их животу¹ и варварству кончину,
 Погрязли в глубине, с сокровищем своим,
 На пищу предали чудовищам морским.
 То бури, то враги толь часто их терзали,
 Что редко до берегов желанных достигали.
 О коль великий вред! от зла рождалось зло!
 Виною толиких бед бывало ли Стекло?
 Никак! оно везде наш дух увеселяет:
 Полезно молодым и старым помогает.
 По долговременном теченьи наших дней
 Тупеет зрение ослабленных очей.
 Померкшее того не представляет чувство,
 Что кажет в тонкостях натура и искусство.
 Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг;
 Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг!
 Тогда противен день, веселие досада!
 Одно лишь нам Стекло в сей бедности отрада.
 Оно способствием искусныя руки
 Подать нам зрение умсет чрез очки! <...>
 Взирая в древности народы изумленны,
 Что греет, топит, льет и светит огонь возженный,
 Иные божеску ему давали честь;
 Иные, зная хотя, кто с неба мог принести,
 Представили в своем мечтанье Прометея,
 Что, многи на земли художества² умея,
 Различные казал искусством чудеса:
 За то Минервою³ был взят на небеса;
 Похитил с солнца огонь и смертным отдал в руки.
 Звесес⁴ воздвиг свой гнсь, воздвиг ужасны звуки.
 Предерзкого к горе великой приковал
 И сильному орлу на растерзанье дал. <...>
 О коль несносна жизнь! Позорище⁵ ужасно!
 Но в просвещенны дни сей вымысел видим ясно.

¹ Живот (устар.) — жизнь.

² Здесь: искусства, ремесла.

³ Минерва — в римской мифологии богиня мудрости, покровительница ремесел и наук.

⁴ Зевес (Зевс) — в греческой мифологии высшее божество, правитель мира, повелитель грома и молнии.

⁵ Позорище (устар.) — зрелище.

Пинты¹ украшать хотя свои стихи,
 Описывали казнь за мнимые грехи.
 Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем²
 И Прометея тем безбедно подражаем.
 Ругаясь подлости нескладных оных врак,
 Небесным без греха огнем курим табак;
 И только лишь о том мы думаем, жалея,
 Не свергла ль в пагубу³ наука Прометея?
 Не злясь ли на него, неведжд свирепых полк
 На знатны вымыслы сложил неправой толк?
 Не наблюдал ли звезд тогда сквозь Телескопы,
 Что ныне воскресил труд счастливой Европы?
 Не огонь ли он Стеклом умел сводить с небес
 И пагубу себе от варваров нанес,
 Что предали на казнь, обнесши чародем?
 Коль много таковых примеров мы имеем,
 Что зависть, скрыв себя под святости покров,
 И груба ревность с ней, на правду строя ков,
 От самой древности воюют многократно,
 Чем много запаяния погубило невозвратно!⁴ <...>
 Под видом ложным сих⁵ почтения богов
 Закрыт был звездный мир чрез множество веков.
 Боясь падения неправой оной веры,
 Вели всегдашню брань с наукой лицемеры,
 Дабы она, открыв величество небес
 И разность дивную неведомых чудес,
 Не показала всем, что неспостижна сила
 Единого Творца весь мир сей сотворила; <...>
 Потом Гугении, Кеплеры и Невтоны⁶,
 Преломленных лучей в Стекле познав законы,

¹ Поэты.

² Имеется в виду зажигательное стекло, до изобретения спичек весьма употребительное.

³ Пагуба — беда, несчастье, гибель, урон. Здесь: в пагубу — во вред, в убыток.

⁴ Ломоносов приводит примеры борьбы с прогрессивными научными теориями и пропагандирует учение Коперника о вращении Земли вокруг Солнца, трактуя его как не враждебное христианству, а подтверждающее основы религии. Противники Коперника объявлены носителями древних языческих предрассудков.

⁵ Языческих.

⁶ Имеются в виду Х. Гюйгенс (1629–1695), И. Кеплер (1571–1630), И. Ньютон (1643–1727) — великие физики и астрономы, развившие учение Коперника.

Разумный подлинно уверили весь свет,
 Коперник что учил, сомнения в том нет. <...>
 Во зрительных трубах Стекло являет нам,
 Колико дал творец пространство небесам.
 Толь много солнцев в них пылающих сияет,
 Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет. <...>
 Коль созданных вещей пространно естество!
 О коль велико их создавшее Божество!
 О коль велика к нам щедрот его пучина,
 Что на землю послал возлюбленного сына!
 Не погнушался он на малой шар сойти,
 Чтобы погибшего страданием спасти¹.
 Чем меньше мы его щедрот достойны зримся²,
 Тем больше благодати и милости чудимся.
 Стекло приводит нас чрез Оптику к сему,
 Прогнав глубокую неведения тьму!
 Преломленных лучей пределы в нем неложны,
 Поставлены Творцом; другие невозможны.
 В благословенный наш и просвещенный вск
 Чего не мог дойти по оным человек? <...>
 Коль многих тварей он еще не достигает,
 Которых малый рост пред нами сокрывает!
 Но в нынешних веках нам Микроскоп открыл,
 Что Бог в невидимых животных сотворил!
 Коль тонки члены их, составы, сердце, жилы
 И нервы, что хранят в себе животны силы!
 Не меньше нежели в пучине тяжкий кит,
 Нас малый червь частей сложением дивит.
 Велик Создатель наш в огромности небесной!
 Велик в строении червей, скудели тесной!
 Стеклом познали мы толики чудеса,
 Чем он наполнил понт³, и воздух, и леса.
 Прибавив рост вещей, опо, коль нам потребно,
 Являет трав разбор и знание врачебно;
 Коль много Микроскоп нам тайностей открыл,
 Невидимых частиц и тонких в теле жил!

¹ Речь идет об Иисусе Христе.

² Чем меньше мы кажемся достойными его щедрот...

³ Море.

Но что еще? уже в Стекле нам Барометры
 Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры,
 Коль скоро дождь густой на нивах зашумит,
 Иль, облаки прогнав, их солнце осушит. <...>
 Коль могут счастливы селяне быть оттоле,
 Когда не будет зной ни дождь опасен в поле?
 Какой способности ждать должно кораблям,
 Узнав, когда шуметь или молчать волнам,
 И плавать по морю безбедно и спокойно!
 Велико дело в сем и гор златых достойно! <...>
 Что может смертным быть ужаснее удара,
 С которым молния из облак блещет яра?
 Услышав в темноте внезапный треск и шум
 И видя быстрый блеск, мятется слабый ум;
 От гневного часа желает где б укрыться;
 Причины одного исследовать страшится.
 Дабы истолковать: что — молния и гром,
 Такие мысли все считает он грехом.
 На бич, он говорит, я посмотреть не смею,
 Когда грозит отец нам яростью своею.
 Но как он нас казнит, подняв в пучине вал,
 То грех ли то сказать, что ветром он нагнал?
 Когда в Египте хлеб довольный не родился,
 То грех ли то сказать, что Нил там не разлился?
 Подобно надлежит о громе рассуждать.
 Но блеск и звук его, не дав главы поднять,
 Держал ученых смысл¹ в смущении толиком,
 Что в заблуждении теряли путь великом
 И истинных причин достигнуть не могли,
 Поколе действ в Стекле подобных не нашли.
 Вертясь, Стекланный шар дает удары с блеском,
 С громовым сходственны сверканьем и треском².
 Дивился сходству ум; но видя малость сил,
 До лета прошлого сомнителен в том был; <...>

¹ Здесь: разум, рассудок.

² Ломоносов описывает электрическую машину, сконструированную для изучения природы молнии. Стекланный шар, вертясь, вырабатывал в ней посредством трения электрические заряды.

Внезапно чудный слух по всем странам течет,
 Что от громовых стрел опасности уж нет!¹
 Что та же сила туч гремящих мрак наводит,
 Котора от Стекла движением исходит,
 Что зная правила изысканны Стеклом,
 Мы можем отвратить от храмин² напих гром.
 Единство оных сил доказано стократно:
 Мы лета ныне ждем приятного обратно.
 Тогда о истине Стекло уверит нас,
 Ужасный будет ли безбеден грома глас?
 Европа ныне в то всю мысль свою вперила
 И махины³ уже пристойны учредила.
 Я, следуя за ней, с Парнасских гор схожу,
 На время ко Стеклу весь труд свой приложу. <....>⁴

1752

* * *

Я знак бессмертия себе воздвигнул⁵
 Превыше пирамид и крепче меди,
 Что бурный аквилон⁶ сотреть⁷ не может,
 Ни множество веков, ни едка древность.
 Не вовсе я умру; но смерть оставит
 Велику часть мою, как жизнь скончаю.
 Я буду возрастать повсюду славою,
 Пока великий Рим владеет светом.

¹ В 1752 г. распространились вести об экспериментах Б. Франклина, будущего изобретателя громоотвода.

² Храмина (церк.-слав.) — здание, дом.

³ Машины.

⁴ Далее следует похвала просвещенной политике императрицы Елизаветы Петровны и меценатской деятельности И. И. Шувалова, от которых Ломоносов ждет поддержки в связи с изготовлением и изучением стекла.

⁵ Стихотворение представляет собою перевод 30-й оды («К Музе») Квинта Горация Флакка.

⁶ Аквилон — в римской мифологии бог буйного северо-восточного ветра.

⁷ Стереть.

Где быстрыми шумит струями Авфид¹,
 Где Давнус² царствовал в простом народе,
 Отечество мое молчать не будет,
 Что мне беззатный род препятством не был,
 Чтоб впустить в Италию стихи эолийски³
 И первому звенеть Алцейской⁴ лирой.
 Взгордися праведной заслугой, муза,
 И увенчай главу дельфийским лавром⁵.

<1747 ?>

* * *

Ночную темнотой⁶
 Покрылись небеса,
 Все люди для покою
 Сомкнули уж глаза.
 Внезапно постучался
 У двери Купидон⁷,
 Приятный перервался
 В начале самом сон.
 «Кто так стучится смело?» —
 Со гневом я вскричал.
 «Согрей обмерзло тело, —
 Сквозь дверь он отвечал. —
 Чего ты устранился?
 Я мальчик, чуть дышу,

¹ Авфид (Офанто) — быстрая река в Апулии (Южной Италии), на родине Горация.

² Давнус — легендарный апулийский царь.

³ Гораций заявляет себя последователем и пропагандистом принципов греческой (эолийской) лирики.

⁴ Одним из образцовых поэтов для Горация был греческий лирик Алкей (Алкей, VII–VI вв. до н. э.). В частности, Гораций создал латинский вариант так называемой алкеевой строфы.

⁵ В Дельфах находился главный храм бога Аполлона, покровителя искусств. Победителей в поэтических состязаниях награждали венком из листьев лавра, священного дерева Аполлона.

⁶ Стихотворение является вольным переводом из Анакреона.

⁷ Купидон (Амур) — в римской мифологии бог любви.

Я ночью заблудился,
 Обмок и весь дрожу».

Тогда мне жалко стало,
 Я свечку засветил,
 Не медливши нимало,
 К себе его пустил.

Увидел, что крилами
 Он машет за спиной,
 Колчан набит стрелами,
 Лук стянут тетивой.

Жалея о несчастье,
 Огонь я разложил
 И при таком ненастье
 К камину посадил.

Я теплыми руками
 Холодные руки мям,
 Я крылья и с кудрями
 Досуха выжимал.

Он чуть лишь ободрился,
 «Каков-то, — молвил, — лук,
 В дожде, чать¹, повредился».

И с словом стрелил вдруг.
 Тут грудь мою пронзила
 Преострая стрела
 И сильно уязвила,
 Как злобная пчела.

Он громко рассмеялся
 И тотчас заплясал:
 «Чего ты испугался? —
 С насмешкою сказал, —
 Мой лук еще годится,
 И цел и с тетивой;
 Ты будешь век крушиться
 Отнынь, хозяин мой».

<1747>

**Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф,
 когда я в 1761 году ехал просить о подписании
 привилегии для Академии,
 быв много раз прежде за тем же¹**

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
 Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
 Препровождаешь жизнь меж мягкою травой
 И наслаждаешься медвяною росой.
 Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
 Но в самой истине ты перед нами царь;
 Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
 Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
 Что видишь, всё твоё; везде в своём дому,
 Не просишь ни о чём, не должен никому.

1761

¹ Чать (*прост.*) — надо полагать, вероятно.

¹ Стихотворение представляет собою вольное переложение анакреонтического текста.

Александр Петрович Сумароков

Ответ на критику

Не надлежало бы мне отвечать на сочиненную против меня г. Т(редиаковским) критику, ибо я в ней кроме брани ничего не нашел. Однако надобно его потешить и что-нибудь на то написать, чтоб он не подумал, что я его так много уничтожаю, что уж и отвечать не хочу. Ежели на все то, что он написал, отвечать, так я очень много потеряю времени, а часа два за работу долгой его критики я употребить к его услугам не скуплюсь <...>

I. «Не дивлюсь, — говорит он, — что поступка нашего автора безмерно сходствует с цветом его власов, с движением очей, с обращением языка и с биением сердца». О каком он говорит биении сердца, того я не понимаю, впрочем, сия новомодная критика очень преславна!

II. «Не думает ли он, — говорит он обо мне, — чего он сам стоит и что и каков тот, против которого он как с цепи спустил своевольную в лихости свою музу?»¹ — Думаю <...>

VI. Привязался он к типографическим двум погрешностям, как будто клад нашел <...>

VII. «И хотя ж оды свойство, — говорит он, — по мнению автору, что она:

Взлетает к небесам, свертается во ад
И мчится в быстроте во все края вселенны,
Врата в пути везде имеет отворенны.

<Вторая из двух моих Епистол>².

Однако же сие не значит, чтоб сй соваться во все стороны, как угорелой кошке».

Я, как угорелая кошка, не суюсь, а подлему изъяснению, «как угорелой кошке», кроме его сочинений, ни в какой критике места не нахожу.

¹ То есть: «Не думает ли Сумароков, — говорит Тредяковский, — кем является он, Сумароков (очевидно, чем-то недостойным), а кем (очевидно, напротив, достойным) — Тредяковский, против которого Сумароков спустил свою музу».

² Цитата из «Эпистолы о стихотворстве» Сумарокова (см. ниже).

VIII. «Беспорядок оды долженствует быть порядочным». «Порядочный беспорядок» — есть любимое его изъяснение, как «прекрасная красота», «приятная приятность», «горькая горесть», «сладкая сладость»: а Боало¹ не говорит, чтоб в оде был порядочный беспорядок <...>

1750

* * *

О приятное приятство!²
Ты³ даюсь сама я в власть,
Все в тебе я зрю⁴ изрядство,
Тшусь сама ся дать⁵, ах! в страсть.
Я таилась не ложно,
Но одна открылась ти.
Весь мой дух на невозможно
Ставит пламени уйти.

О, восхить его, восхити,
Больш еще любви божок.
Станем друг друга любить,
О мой слатенький дружок!
Прочь от мя⁶ ушла свобода,
Мой сбег с ней прочь, о! и нрав.
Прочь любовная невзгода,
О любезный, будь мой здрав!⁷ <...>

Мне зело⁸ ты преприятен
И зело, ах! мя зажег.
Твой ли жар уж весь понятен,
В том ти сердце вот в залог.

¹ Н. Буало-Депрео, автор «Поэтического искусства», литературного «законодательства» XVII в.

² Текст является пародией на стихи В. К. Тредяковского.

³ Ты (церк.-слав.) — тебе.

⁴ Зреть (устар.) — видеть.

⁵ Тшиться — стараться; ся (устар.) — себя.

⁶ Мя (церк.-слав.) — меня.

⁷ То есть: «О, мой любезный, будь здрав!»

⁸ Зело (устар.) — очень.

Ты ж не страждь уж больш так ныне,
Утирая милу бровь,
Будь всегда все в благостыне,
Бречь¹, о, станем, ах, любовь!

Начало 1750-х годов

Некоторые строфы двух авторов

Мне уже прискучилось слышать всегдашние о г. Ломоносове и о себе рассуждения. Словогромкая ода к чести автора служить не может: да сие же изъяснение значит галиматию, а не великолепие. Мне приписывают нежность: и сие изъяснение трагическому автору чести не приносит. Может ли лирический автор составить честь свою громом! И может ли представленный во драме Геркулес быть нежною Сильвиею и Амариллою² <...> Во стихах г. Ломоносова многое для почерпания лирическим авторам сыщется: а я им советую взирати на его лирические красоты и отделяти хорошее от худого. Г. Ломоносов со мною несколько лет имел короткое знакомство и ежедневное обхождение, и нередко слышал я от него, что он сам часто гнушался, что некоторые его громким называли. Его достоинство в одах не громкость <...> О преимуществе себе я публику не прошу; ибо похвалы выпрошенные гадки: а если г. Ломоносову дастся и в одах преимущество, я об этом тужить не стану: желал бы я только того, чтобы разбор и похвалы были основательны. Впрочем, я свои строфы распоряжал, как распоряжали их Мальгерб, Руссо³ и все нынешние лирики; а г. Ломоносов этого не наблюдал, ибо наблюдение сего, как чистота языка, гармония, стопосложение, изобильные рифмы, разное написание негласных литер непривычным писателям толикого стоят затруднения, коликую приносят они сладость. Наконец: во надгробной надписи г. Ломоносова изображено, что он учитель поэзии и красноречия, а он никого не учил и никого не выучил; ибо г. Ломоносова честь не в риторике его состоит, но в одах. Потомки и его и мои стихи увидят и судить нас будут <...>; но потомки могут или

¹ Бречь (церк.-слав.) — беречь.

² Геркулес — древнегреческий герой, отличавшийся исключительной физической силой. Сильвия и Амарилла — условные литературные имена пастушек в эклогах XVII–XVIII вв.

³ Французские поэты, признанные образцовыми в жанре оды: Мальгерб (Малерб, Mailherbe) (1555–1628) — торжественной, Жан-Батист Руссо (1670–1741) — духовной.

должны будут подумати, что и я по сей надгробной надписи был его ученик, а я стихи писал еще тогда, когда г. Ломоносова и имени не слыхала публика. Он же во Германии писати зачал, а я в России, не имея от него не только наставления, но ниже зная его по слуху¹. Г. Ломоносов меня несколькими летами был постарее; но из того не следует сие, что я его ученик, о чем я, не трогая нимало чести сего стихотворца, предуведомляю потомков, которые и г. Ломоносова и меня несомненно увидят; а особливо ради того, что и язык наш и поэзия наша исчезают, а зараза пиитичества² весь российский Парнас невежественно охватила; а я истребления оному более предвидети не могу, жалея, что прекрасный наш язык гибнет. А что в прочем до г. Ломоносова надлежит, так я, похваляя его, думаю только о живности его духа, видного во строфах его. Великий был бы он муж во стихотворстве, ежели бы он мог вычищать оды свои, а во прочие поэзии не вдавался <...>

Критика на оду

*Строфа I Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда.*

«Градов ограда» сказать невозможно. Можно молвить: «селения ограда», а не «ограда града»: град от того и имя свое имеет, что он огражден.

Я не знаю сверх того, что за ограда града тишина. Я думаю, что ограда града войско и оружие, а не тишина <...> Сказано в той же строфе к тишине:

*Сокровищ полны корабли
Держат в море за тобою.*

Что корабли держат в море за тишиною и что тишина им предшествует, об этом мне весьма сумнительно, можно ли так сказать. Тишина остается на берегах, а море никогда не спрашивает, война ли или мир в государстве, и волнуется тогда, когда хочет, как ни случится, в мирное ли, или в военное время <...>

¹ То есть не зная о нем даже по слухам.

² Поэтического творчества.

Строфа V <...>Летит корма меж водных недр.

Летит меж водных недр не одна корма, но весь корабль <...>

Строфа VII Ужасный чудными делами.

Бог велик чудными делами, а не ужасен <...>

Строфа VIII В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках.

Меч бывает не в руках, но в руке. Свой меч: Марс видел в руке
Петровой меч, а не свой меч <...>

Строфа XVII<...> Охотник где не метил луком.

«Где» надлежало поставить по грамматическим правилам перед
охотником и сказать: «Где охотник не метил луком». А это только для
меры стоп испорчено.

Не метил луком.

Не луком метят охотники, стрелами, ежели из луков стреляют. <...>
Впрочем, и эта строфа изрядная <...>

Ода вздорная III

Среди зимы, в часы мороза,
Когда во мне вся стынет кровь,
Хочу твою воспети, Роза,
С Зефиром сладкую любовь.
В верхах Парнасских, быстры реки,
Цветов царицу вы навеки
Внесите шумно в небеса!
Стремитесь, мысленные взоры,
На многие Парнасски горы!¹
Моря, внимайте, и леса!

¹ Подразумевается, что существует лишь один Парнас — гора в Греции, где, по преданию, жили музы.

Стесненна грудь моя трепещет,
Вселенная дрожит теперь;
Гигант на небо горы мечет, —
К Юпитеру¹ отверзти дверь;
Кавказ на Этну² становится,
В сей час со громом гром сразится,
От ада помрачится свет:
Крылатый конь перед богами
Своими бурными ногами³
В сей час ударит в вечный лед <...>

Род смертных, Пиндара высока⁴
Стремится подражать мой дух.
От запада и от востока
Лечу на север и на юг
И громогласно восклицаю,
Луну и солнце проникаю,
Взлетаю до предальных звезд;
В одну минуту восхищаюсь,
В одну минуту возвращаюсь
До самых преисподних мест. <...>

Трава зеленою рукою
Покрыла многие места,
Заря багряною ногою
Выводит новые лета⁵.
Вы, тучи, с тучами спирайтесь,
Во громы громы ударяйтесь,
Борей, на воздухе шуми.
Пройду нутр горный и вершину,
В морскую свергнуся пучину:
Возникни, муза, и греми! <...>

1759

¹ Юпитер — верховный бог у римлян.

² Этна — вулкан в Сицилии.

³ Бурные ноги коня — распространенный эпитет в одической поэзии Ломоносова.

⁴ Пиндар (ок. 520—448 гг. до н. э.) — греческий поэт, считавшийся образцовым одописцем.

⁵ Ср. у Ломоносова начало «Оды на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год.

Эпистола о стихотворстве

О вы, которые стремитесь на Парнас,
Нестройного гудка¹ имея грубый глас,
Престаньте воспевать! Песнь ваша не прелестна,
Когда музыка вам прямая неизвестна.
Но в нашем ли одном народе только врут²,
Когда искусства нет или рассудок худ?
Прадон и Шапелен³ не тамо ли писали,
Где в их же времена стихи свои слагали
Корнелий и Расин, Дедро и Молиер,
Де Лафонтен и где им следует Вольтер⁴.
Нельзя, чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств, ни правил
И, правильно письма не смысла сочинить,
Захочет вдруг творцом и стихотворцем быть.
Он только лишь слова на рифму прибирает,
Но соплетенный вздор стихами называет.
И что он соплетет нескладно без труда,
Передо всеми то читает без стыда <...>
Стихи слагать не так легко, как многим мнится.
Незнающий одной и рифмой утомится.
Не должно, чтоб она в плен нашу мысль брала,
Но чтобы нашею невольницей была.
Не надобно за ней без памяти гоняться:
Она должна сама нам в разуме встречаться
И, кетати прихотив, ложиться, где велят.
Невольные⁵ стихи чтеца не веселят.
А оное не плод единыя охоты,
Но прилсжания и тяжкия работы.

Однако тщетно все, когда искусства нет,
Хотя творец, трудясь, струями пот прольет <...>
Тот, кто не гуливал плодов приятным садом,
За вишни клюкву ест, рябину виноградом¹
И, вкус имея груб, бездельные труды
Пред общество кладет за сладкие плоды.
Взойдем на Геликон², взойдем, увидим тамо
Творцов, которые достойны славы прямо.
Там царствует Гомер³, там Сафо, Феокрит⁴,
Ешилл⁵, Анакреон⁶, Софокл и Еврипид⁷.
Менандр, Аристофан⁸ и Пиндар восхищенный,
Овидий сладостный, Вергилий несравненный⁹,
Терентий, Персий, Плавт, Гораций, Ювенал¹⁰,
Лукреций и Лукан¹¹, Тибулл, Проперций, Галл¹²,
Мальгерб, Руссо, Кино, французоз хор реченный¹³,
Мильтон и Шекеспир, хотя непросвещенный¹⁴,

¹ То есть ест клюкву, считая, что это вишни, а рябину принимает за виноград.

² Геликон — в античной мифологии гора поэзии.

³ Гомер — великий греческий поэт, автор поэм «Илиада» и «Одиссея».

⁴ Греческие лирики: поэтесса Сафо (VII или VI в. до н. э.) и Феокрит (первая половина III в. до н. э.) — образцовый автор идиллий.

⁵ Ешилл — Эсхил (525–456 гг. до н. э.) — великий греческий трагик.

⁶ Анакреон (вторая половина VI в. до н. э.) — греческий поэт, воспевавший вино и любовь.

⁷ Софокл (ок. 496–406 гг. до н. э.) и Еврипид (ок. 480–406 гг. до н. э.) — великие греческие трагики.

⁸ Менандр (343–292 гг. до н. э.) и Аристофан (ок. 450–384 гг. до н. э.) — великие греческие комедиографы.

⁹ Овидий (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.) — великий римский поэт, автор любовных элегий, поэм «Наука любви» и «Превращения». Вергилий (70–19 гг. до н. э.) — великий римский поэт, в XVIII в. самый известный поэт античности, автор образцовых эклог и поэмы «Энеида».

¹⁰ Терентий (Теренций) (195–159 гг. до н. э.) и Плавт (умер в 184 г. до н. э.) — римские комедиографы; Персий (34–62), Ювенал (конец I — начало II в.) и Гораций (65–8 гг. до н. э.) — римские сатирики, последний писал также оды.

¹¹ Римские поэты Лукреций (первая половина I в. до н. э.) — автор поэмы «О природе вещей» и Лукан (39–65) — автор поэмы «Фарсалия».

¹² Тибулл (55–19 гг. до н. э.), Проперций (ок. 50 — 15 гг. до н. э.), Галл (I в. до н. э.) — римские поэты, авторы элегий.

¹³ О Малербе и Руссо см. примеч. 3 на с. 56. Ф. Кино (1635–1688) — французский драматург, автор оперных либретто. Французоз хор реченный — упомянутые выше французы (Корнель и т. д.).

¹⁴ Джон Мильтон (1608–1674) — великий английский поэт, автор поэмы «Потерянный рай». Шекеспир назван непросвещенным, ибо не соблюдал правил, позднее сформулированных Буало.

¹ Гудок — простонародный музыкальный инструмент вроде скрипки. Нестройный — ненастроенный.

² «Врать» на языке XVIII в. — говорить бессмыслицу, глупости, вздор, нелепость.

³ Посредственные французские писатели XVII в.

⁴ Корнелий — Пьер Корнель (1606–1684) и Жан Расин (1639–1699), великие французские драматурги, прославившиеся трагедиями; Дедро — Никола Буало-Дедро (1636–1711), автор трактата «Поэтическое искусство»; Жан-Батист Мольер (1622–1673), великий французский комедиограф; Жан де Лафонтен (1621–1695), известный поэт и баснописец; Вольтер (1694–1778), великий французский писатель и философ-просветитель; считались образцовыми писателями.

⁵ То есть насильственно составленные, искусственные.

Там Тасс и Ариост, там Камозне и Лоп¹,
Там Фондель, Гинтер там, там остроумный Поп².
Последуем таким писателям великим.
А ты, несмысленный, вспеваешь гласом диким. <...>
Знай в стихотворстве ты различие родов
И, что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым своим успехом:
Слезам Талию, а Мельпомену смехом <...>³
Любовню ль пишешь речь или пастуший спор,
Чтоб не был ни учтив, ни груб их разговор,
Чтоб не был твой пастух крестьянину примером
И не был бы опять придворным кавалером.
Вспевай в идиллии мне ясны небеса,
Зеленые луга, кустарники, леса,
Биющие ключи, источники и рощи,
Весну, приятный день и тихость темной ночи⁴;
Дай чувствовать мне пастушью простоту
И позабыть, стихи читая, суету <...>
Но хладен будет стих⁵ и весь твой плач — притворство,
Когда то говорит едино стихотворство;
Но жалок будет склад, оставь и не трудись:
Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись! <...>
Глас лирный⁶ так, как вихрь, порывами терзает,
А глас эпический недерзостно взбегает,
Колеблется не вдруг и ломит так, как ветер,
Бунтующ многи дни, восшед из земных недр <...>
Посем⁷ рассмотрим мы свойство и силу драм,
Как должен представлять творец пороки нам
И как должна цвести святая добродетель:

Посадский¹, дворянин, маркиз, граф, князь, владетель²
Восходят на театр; творец находит путь
Смотрителей³ своих чрез действо ум тронуть.
Когда захочешь слез, введи меня ты в жалость;
Для смеху предо мной представь мирскую шалость⁴.
Не представляй двух действ к смешению мне дум;
Смотритель к одному свой устремляет ум. <...>
Не тщишь глаза и слух различием прельстить
И бытие трех лет мне в три часа вместить:
Старайся мне в игре часы часами мерить,
Чтоб я, забывшись, возмог тебе поверить, <...>
Не сделай трудности и местом мне своим.
Чтоб мне, театр твой зря, имеючи за Рим⁵,
Не полететь в Москву, а из Москвы к Пекину:
Вмогся в Рим, я Рим так скоро не покину. <...>
Свойство комедии — издевкой править нрав;
Смешить и пользоваться — прямой ее устав⁶.
Представь бездушного подъячего в приказе⁷,
Судью, что не поймет, что писано в указе.
Представь мне щеголя, кто тем вздымает нос,
Что целый мыслит век о красоте волос,
Который родился, как мнит он, для амуру,
Чтоб где-нибудь к себе склонить такую ж дуру.
Представь латынщика на диспуте его,
Который не соврет без «ерго»⁸ ничего,
Представь мне гордого, раздута, как лягушку,
Скуного, что готов в удавку за полушку⁹.
Представь картежника, который, снявши крест,
Кричит из-за руки, с фигурой сидя: «Рест!»¹⁰ <...>
Во окончании еще напоминаю
О разности стихов и речи повторяю:

¹ Торквато Тассо (1544–1595), автор поэмы «Освобожденный Иерусалим», и Лудовико Ариосто (1474–1533), автор поэмы «Неистовый Роланд», — великие итальянские поэты. Луиш де Камозне (1525–1580) — великий португальский поэт. Лопе де Вега (1562–1635) — великий испанский драматург.

² Йост ван ден Фондель (Вондел) (1587–1679) — голландский поэт и драматург; И. Гюнтер (1699–1723) — немецкий лирик, повлиял на Ломоносова; Александр Поп (1688–1744) — английский поэт, журналист, автор комической поэмы «Похищение локон».

³ Талия — муза комедии, Мельпомена — муза трагедии.

⁴ Ношь (церк.-слав.) — ночь.

⁵ Речь идет об элегии.

⁶ То есть лирический тон, лирическое настроение. Имеется в виду ода.

⁷ Посем (устар.) — после этого.

¹ Посадский — горожанин.

² Владетель — правитель.

³ Зрителю.

⁴ Шалость (устар.) — глупость.

⁵ То есть чтобы я, смотря спектакль и считая, что на театре представлен Рим.

⁶ Пользоваться — лечить, устав — здесь: предназначение.

⁷ Подъячий — чиновник; приказ — государственное учреждение.

⁸ Ergo (лат.) — следовательно. Под латынщиком разумеется ученый педант.

⁹ Полушка — четверть копейки, самая мелкая монета.

¹⁰ Фигуры — особые сочетания карт. «Рест!» кричали, играя на всю сумму («ва-банк»).

Коль хочешь петь стихи, помысли ты сперва,
 К чему, творец, твоя способна голова.
 Не то пой, что тебе противу сил угодно,
 Оставь то для других: пой то, тебе что сродно <...>
 Имея важну мысль, великолепный дух,
 Пронзай воинскою трубой вселенной слух:
 Пой Ахиллесов гнев иль, двинут русской славой,
 Воспой Великого Петра мне под Полтавой.
 Чувствительней всего трагедия сердцам,
 И таковым она вручается творцам,
 Которых может мысль входить в чужие страсти
 И сердце чувствовать других беды, напасти.
 Виргилий брани пел, Овидий воздыхал¹,
 Гораций громкий глас при лире испускал²
 Или, из высоты сходя, страстям ругался,
 В которых римлянин безумно упражнялся.
 Хоть разный взяли путь, однако посмотри,
 Что, сладко пев, они прославились все три.
 Все хваляно: драма ли, эклога или ода —
 Слагай, к чему тебя влечет твоя природа;
 Лишь просвещение писатель дай уму:
 Прекрасный наш язык способен ко всему.

1748

Ода на суету мира³

Среди игры, среди забавы,
 Среди благополучных дней,
 Среди богатства, чести, славы
 И в полной радости своей,
 Что все сие, как дым, переходит⁴,
 Природа к смерти нас приводит,
 Воспоминай, о человек!
 Умрешь, хоть смерти ненавидишь,
 И все, что ты теперь ни видишь,
 Исчезнет от тебя навек.

¹ То есть пел о любви.

² Иначе говоря, писал оды.

³ Суета — здесь: суетность, непостоянство.

⁴ Преходит — уходит, исчезает.

Покинешь матерню утробу —
 Твой первый глас есть горький стон,
 И, исходя отсель ко гробу,
 Исходишь ты стена и вон;
 Предписано то смертных части¹,
 Чтоб ты прошел беды, напасти
 И разны мира суеты,
 Вкусил бы горесть ты и сладость,
 Печаль, утеху, грусть и радость
 И все бы то окончил ты.

Во всем на свете сем премена,
 И все непостоянно в нем,
 И все составлено из тлена:
 Не зрим мы твердости ни в чем;
 Пременой естество² играет,
 Оно дарует, отбирает;
 Свет — только образ колеса.
 Не грянет гром, и ветер не дохнет,
 Земля падет, вода иссохнет,
 И разрушатся небеса.

Зри, как животных гибнут роды,
 На собственный свой род воззри,
 Воззри на красоты природы
 И коловратность³ разбери:
 Зимой луга покрыты снегом,
 Река спрягается⁴ со бреггом,
 Творя из струй крепчайший мост;
 Прекрасны, благовоны розы
 Едины оставляют лозы
 И обнаженный только грозд⁵.

Почтем мы жизнь и свет мечтою;
 Что мы ни делаем, то сон,
 Живем, родимся с суетою,
 Из свста с нсй выходим вон,

¹ Часть — здесь: удел, судьба.

² Естество (устар.) — природа.

³ Коловратность (устар.) — круговращение.

⁴ Спрягается (устар.) — соединяется.

⁵ Грозд — ветвь.

Достигнем роскоши, забавы,
Великолепия и славы,
Пройдем печаль, досаду, страх,
Достигнем крайнего богатства,
Преодолеем все препятства
И после превратимся в прах.

Умерим мы страстей пыланье;
О чем излишне нам тужить?
Оставим лишнее желанье;
Не вечно нам на свете жить.
От смерти убежать не можно,
Умрети смертным неотложно
И свет покинуть навсегда.
На свете жизни нет милые,¹ —
И нет на свете смерти злые¹, —
Но смерть последняя беда.

1763

Из 145-го псалма

Не уповайте² на князей:
Они рождены от людей,
И всяк по естеству³ на свете честью равен.
Земля родит, земля пожрет;
Рожденный всяк, рожден умрет,
Богат и нищ, презрен и славен.

Тогда исчезнут лести⁴ те,
Которы данны суете
И чем гордились бесстыдно человеки;
Скончаются их кратки дни,
И вечно протекут они,
Как гордые, шумя, текущи быстро реки.

¹ Милые, злые — *церк.-слав.* формы сравнительной степени (милее, злее).

² Уповать (*устар.*) — надеяться.

³ По природе.

⁴ Лестные звания, привилегии. Данные суете — то есть преходящие, не вечные.

Когда из них изыдет дух,
О них пребудет только слух,
Лежащих у земли бесчувственно в утробе;
Лишатся гордостей своих,
Погибнут помышленья их,
И пышны титла¹ все сокроются во гробе.

1773

Сонет

Когда вступил я в свет, вступив в него, вопил,
Как рос, в младенчестве, влекомый к добру нраву,
Со плачем пременял² младенческую забаву.
Растя, быв отроком, наукой мучим был.

Взрос, познал себя, влюблялся и любил
И часто я вкушал любовную отраву,
Я в мужестве³ хотел имети честь и славу,
Но тщанием⁴ тогда я их не получил.

При старости пришли честь, слава и богатство;
Но скорбь⁵ мне сделала в довольствии препятство.
Теперь приходит смерть и дух мой гонит вон.

Но как ни горестен был век мой, а стонаю,
Что скончается сей долгий страшный сон:
Родился, жил в слезах, в слезах и умираю.

1755

Ода благодарности

О, мать честности и чистых душ утеха!
О благодарность, ты возвысь мой ныне глас⁶!

¹ Титла — титулы, звания.

² Пременял — чередовал.

³ В зрелые годы.

⁴ Тщание (*церк.-слав.*) — усердие.

⁵ Скорбь — здесь: болезнь.

⁶ Глас (*церк.-слав.*) — голос.

Что редко делалось, я в том ищу успеха,
Пою тебя в сей час!

В живущем посреди обмана, лжи и лести
Душа без яспости и без величья ум:
Тупеет чувство и, удаляясь чести,
Мутят течение дум.

Кто истины всегда ни в чем не переменитель¹;
Кто помнит долг и в близости царей;
Коль счастлив смертный тот! Он истины хранитель,
Достоин алтарей!

Гнушается войти во вымыслы лукавы,
Удача льстивого его не ополчит²;
Когда толпы людей во зло вперили нравы,
Он мыслит и молчит,

И видит мыслию Правителя он света,
Благодеяние рачительна³ Отца,
Разумные дары во все дающая лета,
И щедрого Творца.

Едва глаза воззрят на цепь сию пространну,
На непрерывный сей величества закон,
Все славить велит нам милость неказанну,
Простерту без препон⁴.

И до рожденья нам не надобны ль ограды?
Такой от существа нам рок определен:
Воспоможения потрбны нам громады,
До гроба от пелен.

На шаре ломком толь, на сей нетвердой суше
Без благодетелей почти нельзя и жить:
Железные сердца, не могут люты души
Добру добром служить.

Орет¹ тот землю мне и плод на ней находит;
К покрытию тела тот одежды мне точет²;
Иной мне храмины³ к жилищу мне возводит;
Всяк к ласке мя⁴ влечет.

Увидев только свет, себя млеком питаю:
Пекущейся⁵ злой рок младенцу отвратить,
Не одолженным ли я ей себя считаю
Добро добром платить?

Приставником учусь⁶, а другом утешаюсь,
Кто здравы мне свои советы подает;
Учениями я и дружкой украшаюсь
И счастья вижу свет.

Но счастье мое еще прострется боле,
Как брачную свечу любовию зажгу:
И что подобно сей небесной смертным доле,
Коль быть любим могу?

А ты, наставник мой, отец и мой учитель,
Который основал и сердце мне и мысль,
Почтснный ментор⁷! ты души моей рачитель⁸;
Трудом признанья числь!

Коль должности во мне любовь уже явлена,
Коль подлости бегу, гнушаяся ея,
И человечеством днес⁹ грудь одушевлена,
Чиста ль душа моя?

Худых примеров я противлюся стремлению,
И в самый смертный час я буду при себе;

¹ Орать (устар.) — пахать.

² Ткет.

³ Храмина (церк.-слав.) — здание, дом.

⁴ Мя (церк.-слав.) — меня.

⁵ Старающей. Речь идет о кормилице.

⁶ Приставник — наставник, учитель. То есть: наставник меня учит.

⁷ Ментор — в греческой мифологии мудрый учитель Телемака, сына Одиссея. Имя стало нарицательным.

⁸ Духовный руководитель. Возможно, текст обращен к Н. И. Панину или иному высокопоставленному лицу, оказавшему влияние на мировоззрение поэта, вероятнее всего связанному с масонами, судя по общему тону оды.

⁹ Днес (церк.-слав.) — сегодня.

¹ То есть тот, кто ни в чем не меняет истины, не отступает от нее.

² Здесь: не воодушевит.

³ Здесь: заботливого.

⁴ Н. И. Новиков предполагал, что здесь пропущено несколько куплетов.

Мя совесть угрызать не будет к озлоблению,
И так всем должен я тебе.

Пусть небо кончит век и истребит мя прежде,
Ах! пежели бы я твои труды когда забыл,
В какой бы мог воззреть на Солнце я надежде,
Себе б противен был¹.

О Ангел Севера², прехвален ты колико!
Твоя Аврора³ нам прекрасный день сулит:
Неблагодарность тмит; достоинство толико
Тебя любить велит.

В восторге чтя того, с усердием мы таем,
Который нам тебя в сии пути вовлек,
Мы милости твои дни обще почитаем,
Того преклонный век.

От радости своей он слезы проливает,
Зря плод своих трудов, который им созрел,
Душа его в твоем объятье пребывает,
Он все в тебе обрел.

О если бы и все, как ты, благоволили
И восхищали дух к творящим благо им
И в добродетели всегда благодетворили
С бесстрашием своим.

Станс

Всегда свои кладем на Бога мы вины,
Дурачество свое в судьбину пременяем⁴,
Как будто воля нам и разум не даны:
Что худо сделаем, удобно извиняем.

О всем мы бредим так: то дело не от нас,
Не мы виновны тем, то воли Божьей глас.

Мужик готовился на праздник делать пир,
Хотел повеселить, колико можно, душу
И ячный¹ квас сварив, на квас зовет весь мир.
А где был квас, забыл покрыть он ту кадлушку.
В чулане много крыс — упала крыса в квас,
Не он виновен тем, то воли Божьей час.

Был пьяница холоп и ходит на кабак.
Последнюю свою копейку пропивает,
А в бедности кладет за губу он табак².
И часто на грязи, напившись, почивает:
Он высечен за то, и уж не в первый раз;
Но он ли виновен тем? то воли Божьей час.

Женился старый хрен на девке молодой
И хочет быть любим, хотя нельзя, насильно,
Стал после называть женитьбу ту бедой:
Молодушка не с ним обходится умильно.
Ошибся прелестью невестиных он глаз;
Но он ли виновен тем? то воли Божьей час.

Разбойник умертвил полдюжины людей;
Подкравшись с стороны, завоевал удобно
И мужа, и жену, и малых их детей:
Как волк губит овец — так он губит их злобно.
Зарезав, говорит: хоть я зарезал вас,
Не я виновен тем — то воли Божьей час.

На Бога не клади своих беспутных дел,
Не тцись употреблять во зло своей свободы:
Час воли Божией все вещи произвел,
Да он и основал источники природы.
Когда посеешь лук, а взойдет ананас —
Тогда скажу и я, то воли Божьей час.

¹ Н. И. Новиков предполагал, что здесь пропущено несколько куплетов.

² Вероятнее всего, обращено к великому князю Павлу Петровичу.

³ Аврора — в римской мифологии богиня утренней зари. Здесь: метафорически — юность.

⁴ Здесь: превращаем; то есть перекладываем свои дурачества на судьбу.

¹ Ячменный.

² В XVIII в. табак не только курили и нюхали, но и жевали.

Элегия

Уже ушли от нас игранья и смехи...
Предай минувшие забвению утехи!
Пусть буду только я крушиться в сей любви,
А ты в спокойствии и в радостях живи!
Мне кажется, как мы с тобою разлучились,
Что все противности на мя вооплчились
И ото всех сторон, стесненный дух томя,
Случаи лютые стремятся здесь на мя
И множат сердца боль во неисцельной ране.
Так ветры шумные на горлом океане
Ревущую волной пресильно в судно быют
И воду с пеною в него из бездны льют.

* * *

Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю,
И горесть опишите, скажите, как терплю;
Останьтесь в ея сердце, смягчите гордый взгляд
И после прилетите опять ко мне назад.

Но только принесите приятную мне весть,
Скажите, что еще мне любить надежда есть.
Я прав такой имею, чтоб долго не вздыхать,
Хороших в свете много, другую лъзя сыскать.

1755

* * *

Не грусти, мой свет, мне грустно и самой,
Что давно я не видалася с тобой, —
Муж ревнивый не пускает никуда;
Отвернусь лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он: «Отчего невесела?»
Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах, несчастье, ах, несносная беда,
Что досталась я такому, молода;
Мне в совете¹ с ним вовеки не живать,
Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою;
Хоть бы он меня и пуще стал губить,
Я тебя, мой свет, вовек буду любить.

1770

* * *

Не гордитесь, красны девки,
Ваши взоры нам издевки.
Не беда.
Коль одна из вас гордится,
Можно сто сыскать влюбиться
Завсегда.
Сколько на небе звезд ясных,
Столько девок есть прекрасных.
Всё не впрямь об вас вздыхают,
Всё один обман.

* * *

Тайну сердца невозможно,
Кто скрывает, угадать,
Кто бы как от любопытства
Ни старался рассуждать.
Очи скоро разбредутся,
Если дать им полную власть,
И откроют против воли
Всем наченшую² страсть.

Я люблю и признаваюсь,
Что едина³ мне мила,

¹ В согласии.

² Начавшуюся.

³ Единственная.

Только то умрет на сердце,
Кто такая та была.
Очи взглядывают редко
И не нежно на нее,
Чтобы не было известно
Ей мучение мое.

Мне любовь сокрыть нетрудно,
Только трудно истребить,
Что очам и сердцу мило,
Невозможно не любить.
Сердце прав иных не знает,
Возжигая в жилах кровь,
Кроме тех, которые нежно
Производят в нас любовь.

Томный дух мой, укрепляйся,
Не пришли еще часы,
Истребляй, сколько возможно,
Из ума ее красы.
Если ж, свет мой, ты узнаешь,
От кого я скорбь терплю,
Так не смейся, что влюбился,
Я ведь так, как все, люблю.

* * *

Уже восходит солнце, стада идут в луга,
Струи в потоках плещут в крутые берега.
Любезная пастушка овсц уж погнала
И на вечер сегодня в лесок меня звала.

О темные дубровы, убежище сует!
В приятной вашей тени мирской печали нет;
В вас красные лужайки природа извела¹
Как будто бы нарочно, чтоб тут любовь жила.

В сей вечер вы дожидетесь под тень меня свою,
А я в вас буду видеть любезную мою.

¹ Природа произвела красивые лужайки.

Под вашими листьями я счастлив уж бывал
И верную пастушку без счету целовал.

Пройди, пройди, скоряе, ненадобный мне день,
Мне свет твой неприятен, пусть кроет почи тень.
Спешу, дражайший вечер, о время, пролетай!
А ты уж мне, драгая, ни в чем не воспрещай.

<1755>

* * *

Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход идти;
Не ведомо мне то, увижусь ли с тобой,
Ин ты, хотя в последний раз, побудь со мной.

Покинь тоску, иль смертный рок меня унес,
Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слез.
Имей на мысли то к отраде ты себе,
Что я отголь с победою приду к тебе.

Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищаясь, не зная, что страх;
Услышишь ты, что я не робок в поле был,
Дрался с такой горячностью, с какой любил.

Вот трубка — пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненный еще вина:
Для всех своих красот ты выпей из него
И будь по мне наследницей лишь ты его.

А если алебарду¹ заслужу я там,
С какой явлюсь радостью к твоим глазам:
В подарок принесу я шиты башмаки,
Манжеты, опахало², щегольски чулки.

¹ Алебарда (бердыш) — холодное оружие: топор с закругленным лезвием (секира) и острым обухом, надетый на копье. В старину награда алебардой означала производство в офицеры. В XVIII в. в России уже не использовалась, ее носили лишь полицейские-будочники. Это доказывает переводный характер песни.

² Опахало (устар.) — веер.

* * *

Чем тебя я оскорбила —
Ты скажи мне, дорогой!
Тем ли, что я не таила
Нежных мыслей пред тобой.
И считала то пороком,
Чтоб в мучении жестоком
Твой любезный дух томить,
Не хотя лишить покою,
Не хотя терзать тоскою,
Я могла ли погрешить?

Для того ли я склонилась
И любви далась во власть,
Чтоб отныне я крушилась,
Бесполезну видя страсть.
Чтоб ты не был в том уверен,
Сколь мой жар к тебе безмерен;
То ты можешь ли сказать?
Но уверясь в том нележно,
Как тебе, ах! как возможно,
Верно сердце презирать?

Я во всем позабываюсь,
На тебя когда гляжу,
Без тебя я сокрушаюсь
И, задумавшись, сижу.
Все часы считаю точно,
И, завидуя заочно,
Кто против тебя сидит,
На тебя всегда взираю
И с утехой внимаю,
Что язык твой говорит.

Я тебе открылась ясно:
Жду того же напротив,
И пускай я жду напрасно,
Мой пребудет пламень жив.
Я готова, хоть как прежде,
Пребывать в одной надежде,

И себя отрадой льстить,
Не склоню тебя тоскою,
Может время долгою
Твердо сердце умягчить.

Недостаток изображения

Трудится тот вотще¹,
Кто разумом своим лишь разум заражает;
Не стихотворец тот еще,
Кто только мысль изображает,
Холодную имея кровь;
Но стихотворец тот, кто сердце заражает
И чувства изображает,
Горячую имея кровь.
Царица муз, любовь!
Парнасским жителем назваться я не смею.
Я сладости твои почувствовать умею;
Но, что я чувствую, когда скажу, — солгу,
А точно вымолвить об этом не могу.

<1759>

Шалунья²

Шалунья некая в беседе,
В торжественном обеде,
Не бредила без слов французских ничего.
Хотя она из языка сего
Не знала ничего,
Ни слова одного,
Однако знанием хотела поблистать
И ставила слова французские некстати;
Сказала между тем: «Я еду делять кур»³.

¹ Вотще (*устар.*) — напрасно.

² Шалунья (*устар.*) — дура.

³ «Aller faire (дословно — ехать делать) la cour» — иронически значит «ехать на поклон к кому-то»; кроме того, «faire la cour» значит «ухаживать». Оба значения в речи дамы XVIII в. вероятны.

Сказали дурище, внимая то, соседки:
«Какой плетешь ты вздор! Кур делают наседки».

1750-е годы

Болван

Был выбран некто в боги:
Имел он голову, имел он руки, ноги
И стан;
Лишь не было ума на полполушку¹,
И деревянную имел он душку.
Был — идол, попросту: Болван.
И зачали Болвану все молиться,
Слезами пред Болваном литься
И в перси² бить.
Кричат: «Потщися нам, потщися³ пособить!»
Всяк помощи великой част.
Болван того
Не примечает
И ничего
Не отвечает:
Не слушает Болван речей ни от кого,
Не смотрит, как жрецы мошны искусно слабят⁴
Перед его пришедших алтари
И деньги грабят
Таким подобием, каким секретари
В приказе⁵
Под несмотрением несмысленных судей
Сбирают подати в карман себе с людей,
Не помня, что о том написано в указе.
Потратя множество и злата и серебра
И не выдав себе молебники добра,
Престали кланяться уроду
И бросили Болвана в воду,

¹ Восьмая доля копейки. Самая мелкая монета в России — полушка, четверть копейки. При Петре I чеканили и полполушки.

² Перси (церк.-слав.) — грудь.

³ Постарайся.

⁴ Мошна (устар.) — кошелек; слабят — то есть опустошают.

⁵ Приказ — государственное учреждение.

Сказав: «Не отвращал от нас ты зла:
Не мог ко счастью ты нам пути отверзти!¹
Не будет от тебя, как будто от козла,
Ни молока, ни шерсти».

1760

Посол осел

В Венеции послом шалун² какой-то был,
Был горд и многим он довольно пагубил.
Досадой на него венециане дышут
И ко двору о том, отколь посол был, пишут.
Там ведают уже о тме посольских врак³.
Отвечствуют: «Его простите, он дурак.
Не будет со ослом у человека драк».
Они на то: «И мы не скудны здесь ослами,
Однако мы ослов не делаем послами».

1750-е годы

Кривая лисица

Хотя и должны мы всегда себя беречь,
Но можно ли во всем себя предостеречь?
Кто скажет — можно,
Так это ложно:
Нельзя никак,
Я смело говорю, что это так.
Была лисица
И от собак
Летала, будто птица:
Не драться с ними ей — она не львица,
Да им же по родству она сестрица.
Была замужняя она или девица,
Про то
Не сказывал никто;
Могла вдруг девка быть, и баба, и вдовица,
А попросту вдова;

¹ Отверзть (церк.-слав.) — открыть.

² Шалун (устар.) — дурак.

³ Врака (устар.) — глупая болтовня.

Лишь только сказано: была она крива¹;
 И, подлинно, была лисица такова.
 Извольте басенки моей послушать.
 Пришла к реке она
 Воды покушать.
 Лисица не пила ни водки, ни вина;
 В струи воткнула нос глубоко,
 К воде оборотив свое кривое око,
 Другое — в лес,
 И говорит: «Нельзя ко мне подкрасться, пес,
 Хотя бы влез
 В тебя, собака, бес;
 А от воды лисица не потрусит,
 Мне щука носа не откусит».
 Напрасно ты, лиса, боялася собак,
 Не той закрылась ты полою:
 С воды стрелою
 Убил тебя рыбац.

Львица в горести

Стрелок убил у львицы сына,
 Не львенка, да левка².
 Довольно смелости у этого стрелка:
 Лев сильная скотина,
 А мой убил детина
 Не поросенка,
 Не львенка,
 Лсвка.
 Завыла львица,
 Угрызла сердце ей печаль;
 Хотя сурова тварь и люта эта птица,
 Однако сына жаль;
 Так сердце ноет,
 А львица вост.
 Переглушила всех она, крича, зверей.
 Пришел к ней тигр, и говорил он ей:

«Послушай, кумушка, мы то позабываем,
 Что мы чужих ребят подобно убиваем.
 Мне мнится, матерям гораздо трудно несть,
 Когда мы сделаем и им такую честь».
 Не слышит тигра львица.
 А тигр увещевал: «Послушай ты, сестрица,
 Послушай, мать,
 Послушай, бабушка...» — А львица
 Не хочет ничего внимать.
 Не умалется у львицы жалоб мера.
 Был тигр ученый человек
 И рек:
 «Читала ль ты, кума, Гомера,
 О Илионской ты читала ли войне
 И о Приамовой жене?» —
 Подробно рассказал историю Гекубы¹,
 А львица в ярости по-прежнему кричит
 И раздувает губы.
 Простился с нею тигр и на пути ворчит,
 Махая хвост и рожу смуру:
 «Ничем нельзя ввести в рассудок эту дуру».
 А я примолвлю то спс,
 Что в жалость о себе злодей влечет вотще,
 И то скажу грубей, чем кум куму тазает²:
 На что о сыне выть разбойница дерзает,
 Которая сама чужих детей терзает?

Сатир и гнусные люди

Сквозь темную пред оком тучу
 Взгляни, читатель, ты
 На светски суеты!
 Увидишь общего дурачества ты кучу;
 Однако для ради спокойства своего,
 Пожалуй, никогда не шевели сего;

¹ Слепа на один глаз.

² Очевидно, «левоко» больше львенка, но меньше льва.

¹ Гекуба, жена Приама, царя Илиона (Трои), во время войны с греками потеряла сыновей Гектора и Париса.

² Тазать (устар., прост.) — бранить, бить, таскать за волосы.

Основана сия над страшным куча адом,
 Наполнена различным гадом,
 Покрыта ядом.
 С великим пастухи в долине были стадом.
 Когда?
 Не думай, что тогда,
 Когда для человека
 Текли часы златаго века,
 Когда еще наук премудрость не ввела
 И в свете истина без школ еще цвела,
 Как не был чин еще достоинства свидетель,
 По добродетель.
 И, словом, я скажу вот это наконец:
 Реченны¹ пастухи вчера пасли овец,
 По всякий день у них была тревога всяка:
 Вздор, пьянство, шум и драка.
 И, словом, так:
 Из паства сделали они себе кабак —
 Во глотку,
 И в брюхо, и в бока
 На место молока
 Цедили водку,
 И не жалел никто ни зуб, ни кулака,
 Кабачный нектар сей имеючи лекарством,
 А бешеную жизнь имев небесным царством.
 От водки голова болит,
 Но водка сердце веселит,
 Молочное питье не диво,
 Его хмельный и пиво;
 Какое ж им питье и пить,
 Коль водки не купить?
 А деньги для чего иного им копить?
 В лесу пад долом сим Сатир² жил очень близко,
 И тварию их он презренною считал,
 Что низки так они, живут колико низко.
 Всегда он видел их, всегда и хохотал,
 Что нет ни чести тут, ни разума, ни мира.

Поймали пастухи Сатира
 И бьют сего —
 Без милосердия — невинна Демокрита¹.
 Не видит помощи Сатир ни от кого.
 Однако Пал² пришел спасти Сатира бита;
 Сатира отнял он, и говорил им Пан:
 «За что поделали ему вы столько ран?
 Напредки³ меньше пейте;
 А что смеялся он, за то себя вы бейте,
 А ты вперед, мой друг,
 Ко наставлению не делай им услуг;
 Опасно наставленье строго,
 Где зверства и безумства много».

<1769>

Сон

Как будто наяву,
 Я видел сон дурацкий:
 Пришел посадский⁴,
 На откуп⁵ у судьи взять хочет он Неву
 И петербургски все текущие с ней реки.
 Мне
 То было странно и во сне;
 Такой диковинки не слыхано вовеки.
 Судья отвечивал: «Потщися претворить⁶,
 Искусный алхимист, во злато воду,
 Да только б сим питьем людей не поморить!
 А впрочем, я хвалю гораздо эту моду
 И вижу, что ты друг российскому народу».

<1760>

¹ Упомянутые выше.

² Сатир — в античной мифологии низшее лесное божество мужского пола, получеловек-полукозел.

¹ Демокрит Абдерский (460 г. до н. э. — 370 г. до н. э.) — греческий философ, прославившийся насмешками над современными нравами и человеческой природой вообще.

² Пан — в греческой мифологии бог лесов.

³ Впредь, в будущий раз.

⁴ Посадский — горожанин недворянского происхождения.

⁵ В XVIII в. некоторые сферы государственной торговли и промышленности (виноделие, солеварение и т. д.) брались за деньги во временное пользование с правом получать доходы (на откуп) частными лицами.

⁶ Постарайся превратить.

О благородстве

Сию сатиру вам, дворяне, приношу!
Ко членам первым я отчества пишу.
Дворяне без меня свой долг довольно знают,
Но многие одно дворянство вспоминают,
Не помня, что от баб рожденным и от дам
Без исключения всем праотец Адам.
На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?
Какое барина различье с мужиком?
И тот и тот — земли олушеченный ком.
А если не ясней ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.
Мужик и пьет и ест, родился и умрет,
Господский также сын, хотя и слаще жрет
И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах, должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? Может бык людей быку продать? <...>
Подьячий¹ согрешит или простой солдат:
Один из мужиков, другой из черни взят,
А во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,
Не в титуле² — в действии быть должен дворянином,
И непростителен большой дворянский грех.
Начальник, соблюдай уставы больше всех! <...>
Коль только для себя ты в обществе живешь,
И в поте не своем ты с маслом кашу ешь³,
И не собой еще ты сверх того гордишься, —
Не дивно ли, что ты, дружочек мой, не рдишься?⁴
Без крылья хочешь ты летети к небесам.
Достоин я, коль я сыскал почтенье сам,
А если ни к какой я должности не годен, —
Мой предок дворянин, а я не благороден.

1771

¹ Подьячий — чиновник.

² То есть не по титулу, а по поступку должен быть дворянином.

³ То есть ешь кашу, не заработанную собственным трудом (пролитым потом).

⁴ Рдиться — краснеть.

Жалоба

Во Франции сперва стихи писал мошенник¹,
И заслужил себе он плутнями ошейник²;
Однако королем прощенье получил
И от дурных стихов французов отучил.
А я мошенником в России не слышу
И в честности живу;
Но если я Парнас российский украшаю
И тщетно в жалобе к фортуне³ возглашаю,
Не лучше ль, коль себя всегда в мученьи зреть⁴,
Скорее умереть?
Слаба отрада мне, что слава не увянет,
Которой никогда тень чувствовать не станет.
Какая нужда мне в уме?
Коль только сухари таскаю я в суме?
На что писателя отличного мне честь,
Коль нечего ни пить, ни есть?

Начало 1770-х гг.

Эпиграмма

Ты очень ей любим, она в твоей вся воле,
Да только тридцать есть, которых любит боле.

1756

Эпиграмма

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог⁵.
Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

1759

¹ Далее излагается одна из версий биографии Франсуа Вийона, поэта середины XV в.

² То есть был приговорен к повешению.

³ Фортуна — римская богиня судьбы и удачи.

⁴ Зреть (устар.) — видеть.

⁵ Беден.

Димитрий Самозванец¹

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Димитрий Самозванец.
Шуйский.
Георгий, князь Галицкий.
Ксения, дочь Шуйского.
Пармен, наперсник² Дмитриев.
Начальник стражи.
Бояре и прочие.
Действие в Кремле, в царском доме.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Димитрий, Пармен.

Пармен. Разрушь монархова наперсника незнание!
Дней тридцать лишь твое внимаю я стенанье
И зрю, что мучишься на троне навсегда?
Какая предстоит Димитрию беда?
Блаженству твоему какая грусть мешает?
Или уже тебя престол не утешает?
Хоть был несчастлив ты, но век твой ныне нов³.
То небо отдало, что отнял Годунов.
Не мог тебе злодей во гроб дверей отперти,
Судбиною ты взят из челюстей злой смерти.
А истина на трон отцов тебя взвела.
Какие ж горести судьба тебе дала?
Димитрий. Зла фурия⁴ во мне смятенно сердце гложет,
Злодейская душа спокойна быть не может.
Пармен. Ты много варварства и зверства сотворил,
Ты мучишь подданных, Россию разорил,

¹ Димитрий Самозванец — белый монах московского Чудова монастыря Григорий Отрепьев. Он выдавал себя за сына Иоанна Грозного, Димитрия, чудом спасшегося от убийц, якобы подосланных Борисом Годуновым. После внезапной кончины Годунова Димитрий Самозванец при поддержке польских войск занял русский престол (1605), а в 1606 г. был убит во время народного мятежа.

² Наперсник (*устар.*) — друг.

³ Но теперь твоя судьба изменилась (жизнь обновилась).

⁴ Фурия — в античной мифологии богиня мщения, чудовище со змеями вместо волос, преследовавшее с бичом преступников.

Тирански плаваешь во действиях бесчинных,
Ссылаешь и казнишь людей ни в чем не
винных,
Против отечества неутолим твой жар,
Прекрасный стал сей град темницею бояр.
Сыны отечества все счастьем одинаки,
И здравие твое брегут¹ одни поляки.
Восточной церкви здесь закон совсем падет,
Под иго папское царь русский нас ведет
И, ежели ко злу влечет тебя природа,
Преодолей ее и будь отец народа <...>
Димитрий. Российский я народ с престола презираю
И власть тиранскую неволей простираю.
Возможно ли отцом мне быть в той стране,
Котора, мя гоня, всего противней мне?
Здесь царствуя, я тем себя увеселяю,
Что россам ссылку, казнь и смерть определяю.
Сыны отечества — поляки будут здесь;
Отдам под иго им народ российский весь.
Тогда почувствую, последую успеху,
Я сан величества и царскую утеху.

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Димитрий (*один*). Нетвердо на главе моей лежит венец,
И близок моего величия конец.
Повсеминутно жду незапных перемен.
О устрашающи меня Кремлевы стены!
Мне мнится, что всяк час вщасте вы мне:
«Злодей, ты — враг, ты — враг и нам и всей
стране!»
Гласят² граждане: «Мы тобою разоренны!»
А храмы вопиют: «Мы кровью обгагрены!»
Уняли вокруг Москвы прекрасные места,
И ад из пропастей разверз на мя уста.

¹ Брегут (*церк.-слав.*) — берегут.

² Гласят (*церк.-слав.*) — кричат.

Во преисподнюю зрю мрачные степени
И вижу в тартаре¹ мучительские тени.
Уже в геенне я и в пламени горю.
Воззрю на небеса: селенье райско зрю,
Там добрые цари природы всей красою,
И ангелы кропят их райскою росой.
А мне, отчаянну, на что надежда днесь?!
Не венценосец я в великолепном граде,
Но беззаконник злой, терзаемый во аде.
Я гибну, множество народа погубя.
Беги, тиран, беги!.. Кого бежать?.. Себя?
Не вижу никого другого пред собою.
Беги!.. Куда бежать?.. Твой ад везде с тобою.
Убийца здесь; беги!.. Но я убийца сей.
Страшуся сам себя и тени я моей.
Отмщу!.. Кому?.. Себе?.. Себя ль
возненавижу?
Люблю себя... Люблю... За что?.. Того не вижу.
Всё вопит на меня: грабеж, неправый суд,
Все страшные дела, все купно² вопиют.
Живу к несчастью, умру ко счастью ближних.
Завидна участь мне людей и самых нижних.
И нищий в бедности спокоен иногда,
А я здесь царствую и мучуся всегда.
Терпи и погибай, воссед на трон обманом,
Гони и будь гоним, живи, умри тираном!

(Димитрий старается принудить к замужеству с ним Ксению, собираясь при этом умертвить свою супругу. Ксения влюблена в Георгия. Димитрий доходит до крайних жестокостей, и вельможам удается организовать народный мятеж против тирана. Предчувствуя поражение, Димитрий хочет убить Ксению.)

Действие пятое

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Димитрий, Ксения, Шуйский, Георгий и воины.

Георгий. Какое зрелище!
Шуйский. Свирепая душа!

¹ Тартар — в античной мифологии подземная бездна, в которой грешники терпят посмертные муки.

² Вместе.

Димитрий. Лишайтесь ее, престола мя лиша!

Георгий (*несколько приближаясь к нему*).

Когда ты чьей-нибудь погибели желаешь,
Смягчи суровство мной, в котором ты
пылаешь!¹

Георгий — твой злодей.

Шуйский. Не он, не дочь моя

Виновны пред тобой. Начальник бунтов — я.

Димитрий. Когда содеяти хотите ей пощаду,

Ступайте вон отсель и объявите граду,
Что я им дарствую и милость и приязнь,
Или над сей княжной свершится града казнь².

Шуйский. За град отеческий вкушай, княжна, смерть люту!

Георгий. Стремится на меня зло все в сию минуту!..
Судьбина, ждал ли я толь страшного часа?!
Вельможи и народ!.. Димитрий!.. Небеса!..
Оставь невинную, моей лей токи крови
И сотвори конец несчастнейшей любви!

Димитрий. Мне жертва та мала к отмщенью моему.

Георгий (*отступив и обратясь к народу*).

Спасения лишен, на смерть лечу к нему.
(*Бросаясь на него.*) Прости, любезная!

Ксения. Прости!

Димитрий (*устремившись Ксению заколоть*).

Увяньте, розы!

Пармен (*с обнаженным мечом, вырывая Ксению из рук его*).

Прошли уже твои жестокости и грозы!
Избавлен наш народ смертей, лишений, ран,
Не страшен никому в бессилии тиран.

Димитрий. Ступай, душа, во ад, и буди вечно пленна!
(*Ударяет себя во грудь кинжалом и, издыхая,
падающий в руки стражей.*)
Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!

Конец трагедии.

¹ Инверсия: смягчи мною (моей смертью) суровство, в котором ты пылаешь.

² То есть вместо града будет казнена княжна.

Ссора у мужа с женой

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дюлиж и Деламида.

Деламида. Я думала, что вы уж ушли.

Дюлиж. А я не думал, что я вас сегодня еще увидеть удостоюсь.

Деламида. Это для вас, чтоб меня видеть, не очень велико.

Дюлиж. Всего больше, сударыня.

Деламида. Вы так мне флатируете¹, что уж не возможно, по чести.

Дюлиж. Вы мне еще не верите, что я вас адорирую².

Деламида. Я этого, сударь, не меритирую³.

Дюлиж. Я думаю, что вы довольно ремаркировать могли, что я в вашей презанс всегда в конфузии⁴.

Деламида. Что вы дистре⁵, так это может быть и от чего-нибудь другого.

Дюлиж. Я все, кроме вас, мепризирую⁶.

Деламида. Я этой пансе не имею, чтобы я и впрямь в ваших глазах эмабль была⁷.

Дюлиж. Трезэмабль⁸, сударыня, вы как деесса⁹ в моих глазах.

Деламида. И я вас очень эстимую¹⁰, да для того-то я за вас нейду; когда б вы моим мужем стали, так хотя вы и многие калите¹¹ имели, мне б вас больше эстимовать было уже нельзя.

Дюлиж. А для чего, разве бы вы любить меня не стали?

Деламида. Любить мужа, ха! ха! ха! ха! Это посадской бабе¹² прилично!

¹ От *flâter* (*фр.*) — лстить.

² От *adorer* (*фр.*) — обожать.

³ От *mériter* (*фр.*) — ценить.

⁴ То есть заметить могли, что я в вашем присутствии всегда в смущении.

⁵ *Distrain* (*фр.*) — рассеянный.

⁶ От *mepriiser* (*фр.*) — презирать.

⁷ *Pensée* (*фр.*) — мысль; *aimable* (*фр.*) — любима, любезна.

⁸ *Tres aimable* (*фр.*) — очень любимы.

⁹ Богиня.

¹⁰ *Estimer* (*фр.*) — почитать.

¹¹ Качества.

¹² Посадская баба — горожанка недворянского происхождения.

Дюлиж. Против этого спорить нельзя, однако ежели б вы меня из адоратера сделали своим амантом¹, то б это было пардонабельно².

Деламида. Пардонабельно любить мужа! ха! ха! ха! ха! Вы ли, полно, это говорите, я б не чаяла, чтоб вы так не резонабельны³ были.

1750

¹ *Adorateur* (*фр.*) — обожатель, *amant* (*фр.*) — любовник.

² Простительно.

³ Нерассудительны.

Алексей Андреевич Ржевский

Сонет, заключающий в себе три мысли

(Читай весь по порядку, одни первые полустихия и другие полустихия.)

Вовсе не пленюсь Ты ведай, я тобой По смерти не пременюсь; Век буду с мыслью той,	красавицей иной; всегда прельщаться стану, вовек жар будет мой, доколе не увяну.
--	---

Не лестна для меня Лишь в свете ты одна Скажу я не маня: Та часть тебе дана	иная красота; мой дух воспламенила. свобода отнята — о ты, что дух пленила!
--	--

Быть вовек противной мне, В сей ты одна стране Мне горесть и беда,	измены не брегись, со мною век любись. я мучуся тоскою.
--	---

Противен мне тот час, Как зрю твоих взор глаз, Смущаюся всегда	коль нет тебя со мной; минутой счастлив той, и весел, коль с тобою.
--	---

1761

Идиллия

На берегах текущих рек
Пастушок мне тако рек¹:
«Не видал прелестнее твоего я стану,
Глаз твоих, лица и век.
Знай, доколь продлится век,
Верно я, мой свет, тебя, верь, любить стану».

¹ Сказал (*устар.*).

Вздохи взор его мой зрел¹.
Разум был еще не зрел.
Согласилась мысль моя с лестной мыслью с тою.
Я сказала: «Будешь мой,
Ты лица в слезах не мой,
Только будь лишь верен мне, коль того я стою».

Страсть на лесь днесь променя²,
И не мыслит про меня.
О неверный! ныне стал пленен ты иною.
Мне сказал: «Поди ты прочь
И себе другого прочь».
Как несносно стражду днесь, рвуся я и ною.

1762

¹ Инверсия: мой взор (видел) его вздохи.

² Днесь (*устар.*) — теперь, ныне; променя — променявши.

Михаил Матвеевич Херасков

Сонет

Коль буду в жизни я наказан пищею,
И свой убогий век в несчастье проводить,
Я тем могу свой дух прискорбный веселить,
Что буду ставить все богатство суетою.

Когда покроюся печалей темнотою,
Терпеньем стану я смущенну мысль крепить;
Чинов коль не добьюсь — не стану я тужить,
Обидел кто меня — я не лишусь покою.

Когда мой дом сгорит или мой скот падет,
Когда имение мое все пропадет, —
Ума от этого еще не потеряю.

Но знаешь ли, о чем безмерно сокрушусь?
Я потеряю все, когда драгой лишусь;
Я счастья в ней ищу, живу и умираю.

1760

Мартышка во дворянах

С полфунта¹ накопя умишка,
Разумной сделалась Мартышка
И стала сильно врать²;
А этим возгордясь, и морду кверху драть.
Но разве для глухого
Казалась речь умна оратора такого.
Оратор этот врал,
А сверх того и крал.

¹ Полфунта — около 200 граммов.

² Врать (*устар.*) — болтать вздор.

И так он сделался из зверя дворянином,
Пожалован был чином.
В дворяне, господа, Мартышку занесло,
Так, следственно, у ней и спеси приросло.
Поймала счастье в руки,
На что уж ей науки!
Мартышка дворянин, как ты ее ни весь,
Обыкновенный герб таких героев — спесь.
Но, благородный став из подлости, детина
Сквозь благородие всем кажется скотина.

1761

Ода правоучительная III. Тишина

Дивятся, что ищу спокойства
Среди лугов, среди полей,
Не зная другого счастья свойства,
Доволен участью моей.

Хоть мне льстецы похвал не трубят,
Хотя поклонов низких нет,
Меня мои соседи любят,
Спокойно жизнь моя течет.

Пускай пред сильным господином
Змею вьется гнусна лесть;
Пусть он гордится пышным чином, —
Мне мил покой, каков он есть.

Мне просьбами не докучают
С утра до самой тьмы ночной
И слуха тем не огорчают,
Что много недовольных мной.

Когда на рощи, на долины,
На чистые поля смотрю,
Приятнее моей судьбины
В просторном мире я не зрю¹.

¹ Зрю (*церк.-слав.*) — вижу.

Здесь птички по кустам порхают,
Там в роще соловьи поют,
Стада на пастве¹ отдыхают,
При них венки пастушки вяют.

Зефиры² желты класы³ в поле
Колеблю, будто океан;
Не слышно шуму ниотколе,
Лишь песни слышны поселян.

Текущим потом и работой
Крестьянин сердце веселит;
Влечет по нивам плуг с охотой,
Что пищу он ему сулит.

Мне солнце кажется светлее
И лучше ночь прельщает взор;
А что всего еще милее —
Не слышно ни вестей, ни ссор.

Не слышно труб кровавой славы,
Одних свирелей слышен глас.
Спокойные и кротки нравы,
Поля изображают вас!

Друзья вельможей лицемерны,
Их лесть проходит, будто дым;
Друзья простолюдинов верны:
Какая нужда в лестии им?

Я малым жребием доволен,
Других степеней не ищю;
Однако всякий в мыслях волен —
Жить выбор всякому прощу.

<1762>

¹ Паства — здесь: пастбище.

² Зефир — в античной мифологии бог западного ветра. Здесь: легкие, нежные ветерки.

³ Класы (церк.-слав.) — колосья.

Разлука

Вид прелестный, милы взоры!
Вы скрываетесь от глаз;
Реки, и леса, и горы
Разлучат надолго нас.

Сладко было спознаваться
Мне, любезная, с тобой;
Горько, горько расставаться,
Горько... будто бы с душой!

Сердце ноет, дух томится;
Кровь то стынет, то кипит;
За слезой слеза катится,
Стон за стоном велед летит.

О несносное мученье,
Что любезно, то терять!
Медли, медли, разлученье...
Медли душу отнимать!

Нет отрады! Все теряю —
Час разлуки настает!
Стражду, мучусь, рвусь, рыдаю —
Ах, прости... прости, мой свет!

Во слезах, в тоске и скуке
Продолжится жизнь моя.
Будь спокойна ты в разлуке —
Пусть один терзаюсь я!

1796

Псалом

Коль славен наш Господь в Сионе¹,
Не может изъяснить язык:

¹ Сион — гора, на которой стоит Иерусалим; здесь также — Царствие Небесное.

Велик Он в небесах на троне!
В былинках на земли велик!
Везде, Господь, везде Ты славен!
В нощи, во дни сияньем равен!

Тебя Твой агнец¹ златорунный,
Тебя изображает нам!
Псалтирями десятиструнны²
Тебе приносим фимиам³!
Прими от нас благодаренье,
Как благодатное куренье!

Ты солнцем смертных освещаешь,
Ты любишь, Боже, нас как чад;
Ты нас трапезой насыщаешь
И зиждешь⁴ нам в Сионе град;
Ты смертных, Боже, посещаешь
И плотию Своей питаешь!

О Боже! во Твое селенье
Да взвудут наши голоса!
И наше взвудет умиление
К Тебе, как утрення роса!
Тебе в сердцах алтарь поставим,
Тебя, Господь, поем и славим!

1790-е гг.

Гонимые

Слезная драма в трех действиях

(Дон Гастон, оклеветанный доном Ренодом, бежал с дочерью Зеилой и поселился на необитаемом острове. Тула попадают сын Ренода — Альфонс,

влюбленный в Зеилу, а затем и Ренод, ищущий сына. Герои не узнают друг друга, даже вступают в поединки. В финале влюбленные соединились, их отцы помирились.)

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Зе и л а. Сама я Альфонса погубила! Пойду спасать его. (*Слышен голос за кулисами: «Зеила! Зеила, где ты?»*) Кто меня кличет? Ах! это батюшка! Любовь уступает природе: не в опасности ли он? Увы!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Зе и л а и Г а с т о н (*со стремлением входит*).
Зе и л а (*бросается в его объятия*). Ах, батюшка!
Г а с т о н. Любезная дочь! Ты еще жива? Но ты вся трепещешь, рыдаешь! Увы! Что с тобой случилось? Я жив и невредим. Ах! не Ренод ли?... Увы! Не может промолвить ни слова!.. Дочь моя, ты умираешь!
Зе и л а (*упав к его ногам*). Альфонс умирает!
Г а с т о н. Как! Альфонс умирает? Где он, скажи, где он умирает?
Зе и л а. Так, батюшка, может быть, его нет уже на свете! Я видела нападающих на него наших людей; я слышала его голос; он был умирающий! Ах! не ты ли? Увы! Ренод от меня полетел к его защищению.

Г а с т о н. И я бегу тула доказать, сколь мало я мщу за обиды!.. Но у меня оружия нет... На что оно? Довольно одного великодушия для обуздания неприятельской злобы. Встань, Зеила! Отец твой добродетелен; не подозревавай его; прости! Я бегу спасать Альфонса и Ренода.

Зе и л а (*встав*). Батюшка! Не ходи туда: там все в бешеном отчаянии сражаются.

Г а с т о н. Я в свежей памяти и затем иду к ним. Прости! <...>

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Зе и л а и А л ь ф о н с (*имея волосы склочены и лицо бледное, в крайнем отчаянии*).

Зе и л а (*бросаясь к нему*). Альфонс! это ты! ты ли это, друг мой? но лицо твое мертвеет! зрение потухает! трепещешь! Ах, ты ранен! умираешь! ответствуй мне, Альфонс.

¹ Агнец — ягненок, приносившийся в жертву; в Евангелии также аллегория Христа.

² Десятиструнными псалтирями — древними струнными музыкальными инструментами.

³ Фимиам — благовония, приносившиеся в жертву; иносказательно — славословия.

⁴ Зидить (*церк.-слав.*) — устанавливать, строить.

Альфонс. Скоро умру! но я не ранен, а убит смертным отчаянием.

Зеила. Что случилось... Боже мой! какое еще несчастье?

Альфонс. Зеила! я пришел навек с тобою проститься, и проститься как твой злодей.

Зеила. Ах! понимаю... Не досказывай! ты убил отца моего!.. Увы! злодей, что ты сделал?

Альфонс. Нет! отец твой жив; но мой умирает! прости, Зеила!

Зеила. Постой! Альфонс, постой! отец твой умирает? Кто его убийца?

Альфонс. Твой отец! и ты моего врага дочерию учинилась.

Зеила. Нет, я этому не верю!.. Как, отец мой умертвил твоего отца?.. Он пошел его и тебя спасать от смерти

Альфонс. Так, он прибежал во смутном виде к месту нашего сражения; увидя моего отца, меня защищающего от людей ваших, бросился ко мне; вырвал из рук у меня шпагу; обратился на моего и вскричал мне: «Удались, Альфонс, и поди к моей Зеиле, она умирает». Я кинулся разнять хотящих сражаться, но мой отец вопиял мне: «Поди, Альфонс, и не препятствуй нашему намерению»; все сие в едино мгновение совершалось... Я услышал твой вопль, чаял тебя в опасности и не знал, куда обратиться; любовь влекла сюда, а честь, должность и дружба там останавливала. Наконец, мои глаза затмили, и что я услышал! Боже мой! твой отец вскричал: «Отмщение учинено!» Я охладел и не знаю, как сюда мог достигнуть!.. Прости, Зеила! и прости навеки!

Зеила. Несчастный! я ли причина такому злополучию? за что меня покидаешь? Когда твой отец безвинно отнял моего у меня, убил мать мою, похитил имения и нашу славу, я с тобою чрез горы и моря следовала; а ты, лишенный по его достоинству твоего отца, который всякое мщение от моего заслуживал, ты меня покидаешь!

Альфонс. Знать, небо велит нам быть злодеями, а не друзьями; знать, оно так велит, учиня родителей наших врагами, а наконец и убийцами! Ах! Зеила, я люблю тебя и в сию минуту еще больше люблю; но для того навеки с тобою и разлучаюсь.

Зеила. Жестокий! мой отец твоего умертвил, а ты меня умертвить хочешь; убей меня сей разлукой и докажи, что злоба отца твоего еще жива во твоём сердце. Вот награждение за всю мою горячность!

Альфонс. Так ты хочешь, Зеила, чтоб я видел, непрестанно живучи с вами, отца моего убийцу; чтоб его кровавая тень в сей пустыне водворилась и стенанием своим, напоминая мне мою неблагодарность, совесть вашу угрызала; достоин ли я тогда любви твоей буду и могу ли тебя любить, не имея к самому себе отвращения? Нет, Зеила! скроюсь от тебя, скроюсь от всего света, погребусь во мрачной пещере, буду оплакивать тебя, отца моего и злую мою судьбину.

Зеила. А я, несчастная! куда сокроюсь, где бы тебя выгнать из мыслей умела? Нет в мире такого места! Ты будешь везде со мною, потому что все мое сердце ты один занимаешь! Ах! Альфонс, не покидай меня!

Альфонс. Любезная!.. Я хочу... и не могу с тобою остаться! Прости!

Зеила. Ты бежишь от меня! жестокий! Постой! увы! я умираю! (Приходит в беспамятство.)

Альфонс (бросясь к ее ногам). Зеила! любезная Зеила! ах! она вся хладеет! Боже мой! что мне делать! <...>

Кадм и Гармония

ПРЕДИСЛОВИЕ

<...> За несколько лет до сего издан мною «Нума Помпилий» на русском языке: там изображен истинный философ, из уединенной и приятной сельской жизни извлеченный, на римский престол возведенный и благоденствию своих подданных поспешествующий. Здесь¹ описывается сын царский, сам государствующий в Беотии, но по некоему злему року, а паче по его собственным душевным развлечениям, престола отчужденный и бедственную жизнь в мире влекущий. Два сии противоположные сочинения предоставляю вкусу и суждению моих читателей: первое или последнее привлечь их внимание удобнее может.

Мне советовали переложить сие сочинение стихами, дабы вид эпической поэмы оно приняло. Надеюсь, могут читатели поверить мне, что я в состоянии был издать сие сочинение стихами, но я не поэму писал, а хотел сочинить простую токмо повесть, которая для стихословия не столь удобна. Кому известны пиитические правила, тот при чтении сей книги почувствует, почему не стихами она писана. <...> Не одни стихи, но наипаче изобретения, естественность, украшения, привлекательность слога, убедительное нравоучение и остромие стихотворца составляют. <...>

КНИГА ВТОРАЯ

<...> Достигли они малого зданья, при праге² которого сидел украшенный ссинами старец. «Прими во твой покров³, — возопил

¹ В «Кадме и Гармонии».

² Праг (церж.-слав.) — порог.

³ Здесь: прими под свой кров.

Кадм, — прими, о старче! двух убогих путешественников, путешественников, не имеющих нигде пристанища; боги да утешат твою старость и вознаградят тебя за человеколюбивое страннолюбие». — Старец восстал и, отверзив¹ двери хижины, рек²: «Благодарю богов, посылающих мне средство еще быть полезным ближнему. Впидите, о странники, в мою печальную храмину³; но вы не обретете спокойного убежища в доме несчастного селянина, в скучном уединении, в бесчадном⁴ и беспомощном состоянии век свой скончающегося». — Тогда ввел он Кадма и Гармонию в небогатый чертог, где при самом убожестве видна была чистота и попечительное хозяйство, летам земледельца не соответствующие. Вскоре умыл он ноги странников и предложил им умеренную трапезу: поставил пред ними сот от пчел, сладкие плоды своего вертограда⁵, сыр и млеко⁶ от стада; сам он принес им сосуд воды чистый, почерпнутый из источника, сад его орошающего.

«Вот где истинное обитает человеколюбие, — говорил Кадм во время старцева отлучения, — вот человек, заслуживающий внимание царское, а мы о нем были неизвестны. О, коль мы несчастны!» — «Истинная добродетель, — отвечала Гармония, — редко в великодушных чертогах и посреди гордого любоначества видима бывает: ее любимые убежища хижины и пещеры суть; злато и роскоши — отвращающая для очей ее, от коих отвращается с негодованием; велегласные песни, безумные веселости и празднословие слуху ее противны; в непорочных и мудрых беседах любит она присутствовать. Мы чаем в Фивах при нашем дворе видеть добродетель, но видели одну ее личину, тщеславие, лесть, человеконенавидение прикрывающую, увы! и мы думали, что мы не обманывались».

«Изгладим из памяти нашей, — сказал Кадм, — изгладим навсегда сладкое мечтание о пребывании в Фивах, о нашем веледушном состоянии: оно теперь нам пагубно; скроем наши имена от целого мира и от сего старца, толь человеколюбиво нас угостившего; скроем от него даже скорбь и печаль нашу. Увы! мое имя, прежде честь и славу мне приносящее, в позор и порицание ныне обращается... Кадм должен имени своего стыдиться». — Вступившу старцу в храмину⁷, продолжал Кадм: «О богобоязненный старче! Что печешься толико о

бедных странниках, тобою угощаемых? Воссядь с нами при трапезе и беседуй: мы пресыщены уже твоим дружеством. Твоя беседа да усладит наше у тебя пребывание: она должна внешнему твоему виду и домостроюству соответствовать; многие твои лета многие и сведения обещают».

«Не всегда был я в таком бедном состоянии, — рек старец, — в каком меня видите. За несколько до сего месяцев земледелец Гифан угостил бы вас сладчайшими яствами и не простую воду предложил бы для питья вашего». — «Гифан, — рекла Гармония, — трапезою твоею безмерно мы удовлетворены и благодарим богов, такое убежище и такого странноприимца нам пославших; но какие превратности в доме твоём последовали? Отчего изобилие в ем исчезло? Повелай нам, какого существа было твое состояние?». — «Тогда еще, — отвечал Гифан дрожащим голосом, — тогда еще царь Кадм не похитил у меня двух сынов, моих сотрудников и подкрепителей болезненной моей старости». — Кадм при сих словах потупил очи и, краснея, спросил: «На что Кадм двух сынов твоих похитил?». — «Едино, — сказал Гифан, — исторгли из объятий моих ради возделания великодушного вертограда при доме царском, в угоду Таксиле заведенного, сей нечестивой Таксиле, добродетельного Кадма развратившей. Другого моего сына, — продолжал он — повлекли с поля моего от пропитавшего меня стада, увы! сего повлекли воины и включили в царские оруженосцы. Я остался один, сир, безроден, убог, лишенный зрения, дрожащими моими руками землю работающий; стада мои, не имеющие призрения, погибли; деревья малого вертограда иссохли, обильные ивы заросли терном — бедность в селении моем водворилась, горечь в сердце мое вступила, и слезы мои единственную мою учинились пищею и утешением».

«Почто, — рекла Гармония — почто не предстал ты царю Кадму. Не возрыдал пред ним, не убедил его просьбами ко возвращению тебе чад твоих?» — «Увы! — отвечал Гифан, — было время, когда Кадм, посещая поля наши, казался нам простым земледельцем и сотрудником нашим; когда на торжищах был он другом его подданных, при наших пиришествах кротким собеседником! Было время, когда мы в царский дом, будто в дом отца нашего, входили и, будто дети его, родителем приемлемы и ласкаемы были; тогда мы были счастливы, и царь Кадм прямо был благополучен, ибо он свое собственное благо в общем нашем заключал благе. Но со временем, когда хитрая Таксила появилась в доме его, со дней, когда сия коварная змея вкралась в его сердце, с тех дней восхотел Кадм, утратив свое, поколебать и наше общее спокойствие, похитив себя от нашего зрения; он отнял у нас наши дни златые и разделил их с Таксилою, которая единые мрач-

¹ Отверзив (церк.-слав.) — открыв.

² Рек (церк.-слав.) — сказал.

³ Храмина (церк.-слав.) — дом.

⁴ Бездетном.

⁵ Вертоград (церк.-слав.) — сад.

⁶ Млеко (церк.-слав.) — молоко.

⁷ Когда старец вступил в дом (старинный грамматический оборот).

ные тени веселостей вкруг него простерла, ибо сие мнимое увеселение на сладострастии основывалось. Тогда мы лишились Кадма: он заключил себя с Таксилою в позлащенные стены, потом и слезами подданных омовенные, сквозь кои ни вопли, ни воздыхания наши не могли уже пропикать до слуха царского. Наконец, окружил Кадм дом свой и себя самого неусыпную стражею и поставил вечную преграду между собою и народом, стражу, не от врагов царских, но от верных подданных его заслоняющую. Мы узрели нашего государя бедному пленнику подобна, пленнику, извне страшными орудиями окруженному, а во внутренности коварствами лукавые жены уловленному, и Фивы в печальное молчание стали и в уныние погружены. Еще малую надежду питая к сострадательному Кадмову сердцу, ходил я к царскому жилищу и молил именем богов свирепую стражу, да убедят Кадма ко возвращению моих сынов и да сжалеются над моею скорбною старостию; но, кроме слез и ругательств, ничего не приносил я в дом мой обратно, в дом, подобно моему тленному телу разрушающийся... О Кадм, Кадм! ты, может быть, еще не столько нечувствителен и злобен, колико злобна тебя окружающая стража; может быть, еще ты любишь своих подданных, но твои свирепые и гордые оруженосцы и самого тебя гордым и свирепым фивянам изображают. Так, любезные странники! мы еще сердечно любим нашего царя, но царь нашей любви чуждается. Боги да простят его ослеплению и да не взыщут на нем слез и воздыханий наших!». — Старец плакал, а Кадм и Гармония рыдали <...>

Россияда

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою от варваров Россию свободенну,
 Попранну власть татар и гордость низложенну;
 Движенье древних сил, трулы, кроваву брань¹,
 России торжество, разрушенну Казань.
 Из круга сих времен спокойных лет начало,
 Как светлая заря в России воссияла.
 О ты, витающий превыше светлых звезд,
 Стихотворенья дух! приди от горних² мест,

¹ Брань (церк.-слав.) — битва.

² Горний — вышний, небесный.

На слабое мое и темное творенье
 Пролей свои лучи, искусство, озаренье!

Отверзи, вечность! мне селений тех врата,
 Где вся отвержена земная суета,
 Где души праведных награду обретают,
 Где славу, где венцы тщетою почитают;
 Перед усыпанным звездами алтарем,
 Где рядом предстоит последний раб с царем;
 Где бедный нищету, несчастный скорбь забудет,
 Где каждый человек другому равен будет.
 Откройся, вечность, мне, да лирою моей
 Вниманье привлеку народов и царей.
 Завеса поднялась!.. Сияют пред очами
 Герои, светлыми увенчанны лучами.
 От них кровавая казанская луна¹
 Низвергнута во мрак и славы лишена.
 О вы, ликующи теперь в местах небесных,
 Во прежних видах мне явитесь телесных! <...>

(Действие происходит при Иоанне Грозном. Описывается состояние России и Казанского царства, которым управляет Сумбека, и осада русскими войсками Казани, долгое время не приносящая Грозному славы. Ни раздоры между татарами, связанные с соперничеством Алея и других вельмож из-за руки Сумбеки, ни пророчество о гибели Казани, которое изрекает царице дух ее покойного мужа, не облегчают положения русской армии. Тогда Иоанн решает взорвать стены Казани. Чувствуя, что русские готовят хитрость, казанский волшебник Нитрин обращается за помощью к адским силам и летит в царство Зимы.)

ПЕСНЬ ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ²

В пещерах внутренних кавказских льдистых гор,
 Куда не досягал отважный смертных взор,
 Где мразы³ вечный свод небесный составляют
 И солнечных лучей паденье притушают,
 Где молния мертва, где цепенеет гром,
 Иссечен изо льда стоит обширный дом;

¹ Луна (полумесяц) изображена на мусульманских знаменах.

² Двенадцатая.

³ Мраз (церк.-слав.) — мороз.

Там бури, тамо хлад, там вьюги, непогоды,
 Там царствует Зима, снедающая годы.
 Сия жестокая других времен сестра
 Покрыта сединой, проворна и бодра;
 Соперница весны, и осени, и лета,
 Из снега сотканной порфиною одета;
 Виссоном служат ей замерзлые пары;
 Престол имеет вид алмазные горы;
 Великие столпы, из льда сооруженны,
 Сребристый мещут блеск, лучами озаренны;
 По сводам солнечно сияние скользит,
 И кажется тогда, громада льдов горит;
 Стихия каждая движенья не имеет:
 Ни воздух двинуться, ни огонь пылать не смеет;
 Там пестрых нет полей, сияют между льдов
 Одни замерзлые испарины цветов;
 Вода, растопленна над сводами лучами,
 Окаменев, висит волнистыми слоями.
 Там зримы в воздухе вещаемы слова,
 Но все застужено, натура вся мертва;
 Единый трепет, дрожь и стоны жизнь имеют,
 Гуляют иней, зефиры там не имеют,
 Метели вьются вокруг и производят бег;
 Морозы царствуют заместо летних нег;
 Развалины градов там льды изображают,
 Единым видом кровь котопы застужают;
 Стесненны мразами составили снега
 Сребристые бугры, алмазные луга;
 Оттоле к нам Зима державу простирает,
 В полях траву, цветы в долинах пожират
 И соки жизненны древесные сосет;
 На хладных крыльях морозы к нам несет,
 День гонит прочь от нас; печальные длит ночи
 И солнцу отвращать велиг светящи очи;
 Ее со трепетом леса и реки ждуг,
 И стужи ей ковры из белых волн прядуг;
 На всю натуру сон и страх она наводит.
 <...> Отважный Иоанн
 Уже повелевал подвигнуть ратный стан;
 В долинах воинство препятства не встречало,
 Осады пламенной приближилось пачало.
 Возволновался вдруг натуры стройный чин:

Пришедший с бурями и мразами Нигрин
 На стены с вихрями, как облако, восходит,
 Оковы съемлет с них, в движение приводит;
 На войски указав, лежащи за рекой,
 Туда он гонит их и машет им рукой:
 «Летите, — вопиет, — на россов дхните прямо!
 Рассейте там снега, развейте стужи тамо!..»
 Он, бури свободив, вертится с ними вкруг;
 Как птицы хищные, спущенны с путел вдруг,
 Поля воздушные крылами рассекают,
 На стадо голубей паренье устремляют, —
 С стремленьем таковым, оставив скучный грал,
 На белых крыльях летят морозы, хлад,
 И воздух льдистыми наполнился иглами.
 Россиян снежными покрыв Борей крылами;
 Поблекла тучная зелень на лугах,
 Вода наморщилась и стынет в берегах;
 Жестокая зима на паствы возлегает,
 И грудь прижав к земле, жизнь к сердцу притягает,
 У светлой осени престол она берет
 И пух из облаков рукой дрожащей трет.
 Мертвеют ветвями леса, кругом шумящи;
 Главы склонили вниз цветы, поля красящи;
 Увяла сочная безвременна трава.
 Натура видима томна, бледна, мертва;
 Стада, теснимые метелями и хладом,
 В единый жмутся круг и погибают гладом;
 Крутится по льду вихрь, стремится воздух сжать,
 Не могут ратники оружия держать.
 Из облака мороз с стрелами вылетает,
 Всех ранит, всех язвит, дыханье отнимает.
 Российски ратники уже не ко стенам,
 Но, храбростью горя, бегут к своим огням;
 И там студеной вихрь возженный пламень тушит,
 Зима все вещи в лед преобразует, сушит.
 Не греет огонь, вода речная не течет,
 Земля седеет вкруг, и воздух зрится сед.
 Уже спасения россияне не чают,
 Смущенны на стенах Нигрина примечают,
 Который в торжестве с казанцами ходил,
 Руками действуя, морозы наводил,
 Сие лукавое казанское злодейство

Признали ратники за адско чародейство <...>
Однако царь совет священных старцев внемлет,
Который помощью врачебною приемлет;
И чародействие, и Тартар¹ отразить,
Велит, подияв хоругвь² свяществу, водрузить,
На ней изображен в сиянии Спаситель,
Геенских³ умыслов всемогущий победитель;
Святыня на челе, во взорах божество
Сулили над врагом России торжество <...>
Россиян строгая зима не победила,
Но снежная вода подкопы повредила;
Она в утробу их ручьями потекла,
Селитру пламенну в недейство привела.

Явлением святым воспламенились войски,
Воскресли в их сердцах движения геройски;
И видя помощь, им ниспосланну с небес,
Ликують посреди божественных чудес.
К осаде их сердца готовы, к браням руки;
При пении святом внимают трубны звуки <...>

(Далее в поэме описывается взрыв казанской стены при помощи подкопа и штурм города, принесший победу России.)

1779

Иван Петрович Котляревский

Енеїда¹

ЧАСТИНА ПЕРША

Еней був парубок моторний²
І хлопець хоть куди козак,
Удавсь³ на всеє зле проворний,
Завзятіший од всіх бурлак⁴,
Но греки, як спаливши Трою,
Зробили з неї скирту гною⁵,
Він, взявши торбу⁶, тягу дав;
Забравши деяких⁷ троянців,
Осмалених, як гиря, ланців⁸,
П'ятами з Трої наживав⁹.

Він, швидко поробивши човни¹⁰,
На синє море попускав
Троянців насаджавши повні,
І куди очі почухрав¹¹.
Но зла Юнона¹², суча дочка,
Розкудкудакалась, як квочка, —
Енея не любила — страх;

¹ По-українськи буква «і» читається як російська «и», буква «и» — як «ы», буква «е» — як «э».

² Был юноша проворный (быстрый, расторопный) (укр.). Эней — троянец, основавший царство в Италии, предок римлян.

³ Плут (укр.).

⁴ Бродяга (укр.).

⁵ Сделали из нее навозную кучу (укр.).

⁶ Торба — котомка, мешок.

⁷ Некоторых, кое-каких (укр.).

⁸ Оборванцев (укр.).

⁹ Из Трон удрал, убежал (укр.).

¹⁰ Он, быстро сделавши челны (лодки) (укр.).

¹¹ Поехал (укр.).

¹² Юнона — верховная римская богиня, супруга Юпитера.

¹ В греческой мифологии — подземное царство мертвых; здесь — силы ада.

² Хоругвь (устар.) — знамя.

³ Геенна — ад.

Давно уже вона хотіла¹,
Його щоб душка полетіла
К чортам і щоб і дух не пах.

Елей був тяжко не по серцю
Юноні — все її гнівив:
Здававсь гірчийший² їй від перцю,
Ні в чім Юноні не просив;
Но гірш³ за те їй не любився,
Що, бачиш⁴, в Трої народився
І мамою Венеру звав;
І що його покійний⁵ лялько,
Паріс, Пріамове дитятко⁶,
Путівочку⁷ Венері дав.

Побачила⁸ Юнона з неба,
Що пан Еней на поромах⁹;
А те шепнула сука Геба...¹⁰
Юнону взяв великий жаж!¹¹
Впрягла в гринджолята павичку¹²,
Сховала під кибалку мичку¹³,
Щоб не світилася коса;
Взяла спідницю, і шнурівку¹⁴,
І хліба з сіллю на тарілку¹⁵,
К Еолу¹⁶ мчалась, як оса.

«Здоров, Еоле, пане-свату!
Ой, як ся маєш, як живеш? —
Сказала, як ввійшла у хату,
Юнона. — Чи гостей ти ждеш?..»
Поставила тарілку з хлібом
Перед старим Еолом-дідом,
Сама же сіла на ослін¹.
«Будь ласкав, сватоньку-старика!
Ізбий Енея з пантелику,
Тепер пливе на морі він.

Ти знаєш, він який суціга,
Паливода і горлоріз²;
По світу як іще побіга,
Чийсь багачко³ вилле сліз,
Пошли на його лихо злєс,
Щоб люди всі, що при Енеї,
Послизли⁴, і щоб він і сам...
За сє ж дівку чорнобриву,
Смачною, гарну, уродливу⁵
Тобі я, далебі⁶, що дам».

«Гай, гай! Ой, дей же його, кату!⁷ —
Еол, насупившись, сказав. —
Я все б зробив⁸ за сую плату,
Та вітри всі порозпускав:
Борея недуж лежить з похмілля⁹,
А Нот поїхав на весілля¹⁰,
Зефір же, давній негодяй,
З дівчатами зажепихався¹¹,
А Евр в поденщики найнявся, —
Як хочеш, так і помишляй!» <...>

¹ Она хотела (укр.).

² Горчайший (укр.).

³ Горше (укр.).

⁴ Что, знаешь ли (укр.).

⁵ Покойный (укр.).

⁶ Парис — сын царя Трои Приама, был призван рассудить, кто красивее — Юнона, Минерва или Венера, — и отдал золотое яблоко (награду в споре) Венере.

⁷ Путивочка (укр.) — сорт яблок.

⁸ Увидела (укр.).

⁹ На кораблях (укр.).

¹⁰ Геба — в греческой мифологии богиня юности.

¹¹ Ужас (укр.).

¹² Гринджолята — небольшие санки. Павичка (укр.) — паван (павлин — священная птица Юноны).

¹³ Спрятала волосы под кибалку — украинский женский головной убор.

¹⁴ Юбку и корсет (укр.).

¹⁵ Хлеба с солью на тарелку (укр.).

¹⁶ Эол — в греческой мифологии повелитель ветров: северного (Борея), южного (Нот), западного (Зефир), восточного (Эвр).

¹ На скамью (укр.).

² Какой проходимец, озорник и говорорез (укр.).

³ Чьих-нибудь много (укр.).

⁴ Исчезли (укр.).

⁵ Девушку чернобровую, приятную, хорошую, красивую (укр.).

⁶ Ей-богу, право слово (укр.).

⁷ Чтоб его, мерзавца! (укр.).

⁸ Сделал (укр.).

⁹ С похмелья (укр.).

¹⁰ На свадьбу (укр.).

¹¹ Увлёкся ухаживанием.

Еол, оставшись на господі,
Зібрав¹ всіх вітрів до двора,
Велів поганій бути погоді...
Якраз на морі і гора!
Все море зараз спузирило,
Водою мов в кліючі забило,
Еней тут крикнув, як на пуп²;
Заплакався і заривався,
Пошарпався, увесь подрався,
На тім³ начесав аж струп.

Прокляті вітри роздулися,
А море з лиха аж реве;
Слізьми троянці облилися,
Енея за живіт бере;
Всі човники їх розчухрало⁴,
Багацько війська⁵ тут пропало;
Тоді набрались всі сто лих!⁶
Еней кричить, що «я Нептуну
Півкопи⁷ грошей в руку суну,
Аби на морі штурм утих» <...>

От тут-то вітри схаменулись⁸
І ну всі драла до нори;
До ляс, мов ляхи, шатнулись⁹,
Або од їжака тхори¹⁰.
Нептун же зараз взяв мітелку
І вимів море, як світелку,
То сонце глянуло на світ.
Еней тоді як народився,
Разів із п'ять перехрестився,
Звелів готовити обід.

1798

Ипполит Федорович Богданович

Песня

Пятнадцать мне минуло лет,
Пора теперь мне видеть свет:
В деревне все мои подружки
Разумны стали друг от дружки;
Пора теперь мне видеть свет. (2 раза)
Пригожей все меня зовут:
Мне надобно подумать тут,
Как должно в поле обходиться,
Когда пастух придет любиться;
Мне надобно подумать тут. (2 раза)

Он скажет: я тебя люблю,
Любовь и я ему явлю,
И те же ему скажу три слова,
В том нет урона никакого;
Любовь и я ему явлю. (2 раза)
Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов;
Попросит он любви задаток, —
Что дать? не знаю я ухваток;
Не знаю я любовных слов. (2 раза)

Дала б ему я посох свой, —
Мне посох надобен самой;
И, чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстаться;
Мне посох надобен самой. (2 раза)
В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирелки также нужны мне. (2 раза)

Я помню, как была мала,
Пастушка поцелуй дала;

¹ Собрал (укр.).

² Надрывно.

³ На темені (укр.).

⁴ Разбросало (укр.).

⁵ Большая часть войска (укр.).

⁶ Тогда претерпели все сто несчастий.

⁷ Четвертак (25 копеек).

⁸ Опомнились, спохватились.

⁹ Польский фразеологизм, применяемый при упоминании о стремительном бегстве.

¹⁰ Как от ежика хорьки (укр.).

Неужто пастуху в награду,
За прежнюю ему досаду,
Пастушка поцелуй дала? (2 раза)
Какая прибыль от того,
Я в том не вижу ничего:
Не станет верить он обману,
Когда любить его не стану;
Я в том не вижу ничего. (2 раза)
Любовь, владычица сердец,
Как быть, научит наконец:
Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит;
Как быть, научит наконец. (2 раза)
Пастушка говорит тогда:
Пусть пастух придет сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду;
Пусть пастух придет сюда. (2 раза)

1773

Душенька

Древняя повесть в вольных стихах

КНИГА ПЕРВАЯ

Не Ахиллесов гнев¹ и не осаду Трои,
Где в шуме вечных ссор кончали дни герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украсть песнь мою,
Котору в простоте и вольности слагаю.
Не лиры громкий звук — услышишь ты свирель.
Сойди ко мне, сойди от мест, тебе приятных,
Вдохни в меня твой жар и разум мой осмелъ
Коснуться счастья селений благодатных,
Где вечно ты без бед проводишь сладки дни,
Где царствуют без скуп веселости одни.
У хладных берегов обильной льдом Славены,
Где Феб² туманится и кроется из глаз,

¹ Ахиллесов гнев изображается в «Илиаде» Гомера.

² Феб — одно из имен Аполлона, античного бога искусств и света, здесь: солнце.

Яви потоки мне чудесной Иппокрены¹.
Покрытый снежными буграми здесь Парнас
От взора твоего растаивал не раз.
С тобою нежные присутствуют зефиры,
Бегут от мест, где ты, докучные сатиры,
Хулы и критики, и грусти и беды;
Забавы без тебя приносят лишь труды:
Веселья морщатся, амуры плачут сны.

О ты, певец богов,
Гомер, отец стихов,
Двойчатых², равных, стройных
И к пеню пристойных!
Прости вину мою,
Когда я формой строк себя не беспокою
И мерных песней здесь порядочно не строю.
Черты без равных стоп, по вольному покрою,
На разный образец крою,
И малой меры и большия,
И часто рифмы холостые,
Без сочетания законного в стихах³,
Свободно ставлю на концах.
А если от того устану,
Беструдно и отважно стану,
Забыв чернил и перьев страх,
Забыв сатир и критик грозу,
Писать без рифм иль просто в прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвал себе пою;
Но чтоб в часы прохлад, веселья и покоя
Приятно рассмеялась Хлоя⁴.

Издrevле Апулей, потом де ла Фонтен⁵,
На вечну память их имен,

¹ Иппокрена — река, протекающая возле Парнаса, аллегория поэзии.

² Двойчатые стихи — с парной рифмой.

³ То есть не соблюдает правила обязательного чередования мужских и женских рифм.

⁴ Хлоя — распространенное в любовной поэзии условное литературное имя.

⁵ Имеются в виду романы Апулея «Золотой осел» и Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона».

Воспели Душеньку и в прозе и стихами
 Другим языком с нами.
 В сей повести они
 Острейших разумов приятности явили;
 Пером их, кажется, что грации¹ водили
 Иль сами грации писали то одни.
 Но если подражать их слогу невозможно,
 Потщусь за ними вслед, хотя в словах простых,
 Тому подобно тень представить осторожно
 И в повесть иногда вставить забавный стих.
 В старинной Греции, в Юпитерово время,
 Когда размножилось властительное племя,
 Как в каждом городке бывал особый царь,
 И, если пожелал, был бог; имел алтарь,
 Меж многими царями
 Один отличен был
 Числом военных сил,
 Умом, лицом, кудрями,
 Избытком животных²,
 И хлеба, и скотов <...>
 Особо же он был отличен из царей
 За то, что трех имел прекрасных дочерей.
 Но солнце в красоте своей,
 Когда вселенну освещает,
 Луну и звезды помрачает, —
 Подобно так была меньшая всех видней,
 И старших сестр своих достоинства мрачила,
 И розы красоту, и белизну лилей,
 И, словом, ничего в подобном виде ей
 Природа никогда на свете не явила <...>
 Короче я скажу: меньшая царска дочь,
 От коей многие вздыхали день и ночь,
 У греков потому Психея называлась,
 В языках же других, при переводе слов,
 Звалась она Душа, по толку мудрецов,
 А после в повестях старинных знатоков
 У русских Душенька она именовалась³,

И пишут, что тогда
 Изыскано не без труда
 К ее названию приличнейшее слово,
 Какое было ново.
 Во славу Душеньке у нас от всех времен
 Поставлено оно народом в лексиконе
 Между приятнейших имен,
 И утвердила то любовь в своем законе <...>

(Красота Душеньки вызывает зависть Венеры.)

Собрав Венера ложь и всяку небылицу,
 Велела наскоро в дорожку колесницу
 Шестнадцать почтовых зефиров заложить,
 И наскоро летит Амура навестить¹ <...>
 «Амур, Амур! вступишь за честь мою и славу.
 Яви свой суд, яви управу.
 Ты знаешь Душеньку, иль мог о ней слышать:
 Простая смертная, ругаяся богами,
 Не ставит ни во что твою бессмертну мать;
 Уже и нашими слугами
 Осмелилась повелевать
 И в областях моих над мной торжествовать.
 Могу ли я сносить и видеть равнодушно,
 Что Душеньке одной везле и все послушно!
 За ней гоняся, от нас отходят прочь
 Поклонники, друзья, амур и зефиры,
 И скоро Душеньке послушны будут миры.
 Юпитер сам по ней вздыхает день и ночь,
 И слышно, что берет ее себе в супруги,
 Гречанку наглую, едва ли царску дочь,
 Забыв Юнонины и верность и услуги!
 Каков ты будешь бог и где твой будет трон,
 Когда от них другой родится Купидон²,
 Который у тебя отымет лук и стрелы
 И нагло покорит подвластны нам пределы?
 Ты знаешь, коль сыны Юпитеровы смелы <...>
 И можно ли терпеть, что Душенька собою,
 Без помощи твоей к себе внушает страсть,
 Какую возжигать один имел ты власть?

¹ Грации (хариты) — спутницы Аполлона.

² То есть подданных.

³ Греческое слово «Психея» переводится как «душа». Употребление имени «Душенька» — литературный прием.

¹ Венера — римская богиня красоты и любви — мать юного и крылатого бога любви Амура.

² Купидон — другое имя Амура.

Она уже давно смеется над тобою,
 И ставит в торжество себе мою напасть.
 За честь мою, за честь Венеры
 Яви ты строгости примеры;
 Соделай Душеньку постылою навск,
 И столь худую,
 И столь дурною,
 Чтоб каждый от нее чуждался человек;
 Иль дай ты ей в мужья, кто б всех сыскался хуже,
 Чтобы нашла она себе тирана в муже
 И мучила себя,
 Жестокого любя;
 Чтоб тем краса ее увяла,
 И чтобы я покойна стала» <...>

Не в долгом времени пришла к богине весть,
 Которую Зефир спешил скорей принести,
 Что бедство Душеньки преходит всяку меру,
 Что Душенька уже оставлена от всех
 И что вздыхатели, как будто ей в посмех,
 От всякой встречи с ней повсюду удалялись,
 Или к отцу ее во двор хотя являлись,
 Однако в Душеньку уж больше не влюблялись
 И к ней не подходили вблизи,
 А только издали ей низко поклонялись <...>
 Но царь и вся родня
 Любили Душеньку без меры,
 Без ней приятного не проводили дня, —
 Могли ль предать ее на мщение Венеры? <...>
 Впоследствии сродники советовать решились
 Спросить Оракула¹ о будущих судьбах.
 Оракул дал ответ в порядочных стихах,
 И к ним жрецы-пророки
 Прибавили еще свои для толку строки;
 Но тем ответ сей был не мене бестолков,
 И слово в слово был таков:
 «Супруг для Душеньки, назначенный сульбами,
 Есть то чудовище, которое всех язвит,
 Смушает области и часто их крушит,

И часто рвет сердца, питаюсь слезами,
 И страшный стрел колчан имеет на плечах:
 Стреляет, ранит, жжет, оковы налагает,
 Коль хочет — на земли, коль хочет — в небесах,
 И самый Стикс¹ ему путей не преграждает.
 Судьбы и боги все, определяя так,
 Сыскать его дают особо верный знак:
 Царевну пусть везут на самую вершину
 Неведомой горы за тридевять земель,
 Куда еще никто не хаживал досель,
 И там ее одну оставить на судьбину,
 На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину»
 <...>

Царевна наконец умом
 Решила неизвестность в том,
 Как все дела своим судом
 Она решила обычайно,
 Сказала всей родне своей,
 Чтоб только в путь ее прилично снарядили
 И в колесницу посадили,
 Пусть по воле лошадей,
 Без кучера и без вожжей:
 «Судьба, — сказала, — будет править,
 Судьба покажет верный след
 К жилищу радостей или бед,
 Где должно вам меня оставить».
 По таковым ее словам
 Недолги были сборы там.
 Готова колесница,
 Готова царская дочь, и вместе с ней царица,
 Котора Душеньку, не могли удержать,
 Желает провожать.
 Тронулись лошади, не ждав себе уряда:
 Везут ее без поводов,
 Везут с двора, везут из града
 И, наконец, везут из крайних городов.
 В сей путь, короткий или дальный,
 Устроен был царем порядок погребальный.
 Шестнадцать человек несли вокруг свечи
 При самом свете дня, подобно как в ночи;

¹ Прорицателя.

¹ Стикс — в греческой мифологии река в подземном царстве мертвых.

Шестнадцать человек с печальною музыкой
 Унылый пели стих в протяжности великой;
 Шестнадцать человек немного тех позадь
 Несли хрустальную кровать,
 В которой Душенька любила поживать,
 Шестнадцать человек, поклавши на подушки,
 Несли царевнины тамбуры и коклюшки¹,
 Которы клала там сама царица-мать,
 Дорожный туалет, гребенки и булавки
 И всякие к тому потребные прибавки.
 Потом в параде шел жрецов усатых полк,
 Стихи Оракула неся перел собою <...>
 Впоследствии ехала печальна колесница,
 В которой с дочерью сидела мать-царица <...>
 Уже, чрез несколько недель,
 Приехали они за тридевять земель,
 Но ни единого пригорка не видали,
 И кони более устали,
 Со всякой бранью возроптали,
 Что шли, куда не знали.
 Впоследствии, едучи путем и вдоль и вкруг,
 К одной горе они лишь только подступили,
 Тут сами лошади остановились вдруг
 И далее не шли, сколь много их не били <...>
 И все сказали вдруг, что должно точно там,
 На высоте горы, оракуловым словом,
 Оставить Душеньку у неба под покровом.
 Вручают все ее хранителям — богам,
 Ведут на высоту по камням и пескам,
 Где знака нет дороги,
 Едва подымля вверх свои усталы ноги,
 Чрез камни, чрез бугры и чрез глубоки рвы,
 Где нет ни лесу, ни травы,
 Где алчные рыкают львы.
 И хоть жрецы людей к отваге
 Увещевали в сих местах,
 Но все, при каждом шаге,
 Встречали новый страх;
 Ужасные пещеры,

И кверху крутизны,
 И к бездне глубины,
 Без вида и без меры.
 Иным являлись там метеры,
 Иным летучи дромадеры,
 Иным драконы и черберы¹,
 Которы ревами, на разные манеры,
 Глушили слух,
 Мутили дух.
 Таков был путь, куда царевна торопилась,
 Куда вся свита вслед за ней кряхтя толпилась.
 Осталась позади одна царица-мать,
 Не могли далее полугоры шагать,
 И с Душенькой навек, поплавав, там простились.
 При трудностях тогда царевнина кровать
 В руках несущих сокрушилась,
 И многие от страха тут,
 Имея многий труд,
 Немало шапок пороняли,
 Которы наподхват драконы пожирали.
 Иные по кустам одежи изодрали
 И, наготы имея вид,
 Едва могли прикрыть от глаз сторонних стыд.
 Осталось наконец лишь несколько булавок
 И несколько стихов Оракула для справок.
 Но можно ль описать пером
 Царя тогда с его двором,
 Когда на верх горы с царевной все явились?
 Читатель сам себе представит все умом.
 Я только лишь скажу, что с нею все простились;
 И напоследок царь, согнутый скорбью в крюк,
 Насильно вырван был у дочери из рук <...>

КНИГИ ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ

(Душенька осталась одна на ужасной горе, легкий ветерок унес ее в волшебные сады и чертоги, где она проводила время в удовольствиях. Ей

¹ Тамбур (*фр.*) — пальцы для вышивания; коклюшки — спицы для плетения кружев.

¹ Мерера — одна из фурий (см. примеч. 4 на с. 86); дромадер — одногорбый верблюд; Цербер — в античной мифологии трехголовый пес с растущими на шее змеями, стерегущий вход в царство мертвых.

прислуживали нимфы и амур, незримая сила исполняла все ее пожелания. Ночью в полном мраке ей являлся неизвестный супруг. Душенька дала страшную клятву никогда не пытаться узнать, кто он, или увидеть его. Однако завистливые сестры, которым супруг Душеньки позволил навестить царевну, папугали ее рассказами о том, что ее муж страшное и безобразное чудовище. Спрятав заранее лампу, Душенька рассмотрела своего мужа, когда тот спал, и увидела, что это прекрасный бог любви — Амур. Неосторожно наклонив лампу, царевна случайно капнула на Амура горящим маслом, тот проснулся, увидел меч, который сестры Душеньки приготовили для того, чтобы она убила мужа, разгневался и изгнал жену. Душенька пришла в отчаяние, потому что успела полюбить мужа еще до того, как увидела его. Несчастливая царевна пробовала покончить с собой, но тщетно: дерево, на котором она решила повеситься, склонилось перед ее красотой до земли, река, в которой она хотела утопиться, бережно опустила красавицу на берег и т. д. Наконец Душенька решила просить помощи у разных богинь, тоже безуспешно. Так она дошла до храма Венеры.)

Я прежде не сказал,
 Что весь народ Венеру
 В сей день по слуху ждал
 Из Пафоса в Цитеру¹.
 Увидя ж Душеньку, согласно весь народ
 Один другому в рот
 Шептал за новы вести:
 «Венера здесь тайком!..
 Бежит от всякой чести!
 ...Венера за столбом!..
 Венера под платком!..
 Венера в сарафане!..
 Пришла сюда пешком!..
 Во храм вошла пешком!..
 Конечно, с пастушком!..»
 И весь народ в обмане
 Пред Душенькою вдруг колена преклонил <...>

(Заставшая эту сцену Венера разгневалась, взяла Душеньку с собой и сделала ее своей рабыней, заставив выполнять разные опасные задания. Амур, который все же любил Душеньку, помогал ей через посыльного зевфира. Так, когда царевну послали за живой водой, которую охранял змей, Амур прислал Душеньке питье, предназначенное для отвлечения свирепого стража.)

¹ Остров, на котором находился храм Венеры.

<...> Царевна путь скончала, —
 Явилася у вод
 И змею поклонясь, умильную речь сказала,
 Котору выдала впоследствии и в народ:
 «О, Змей Горыныч, Чудо-Юда!
 Ты сыт во всяки времена,
 Ты ростом превзошел слона,
 Красою помрачил верблюда,
 Ты всяку здесь имеешь власть,
 Блестишь златыми чешуями,
 И смело разеваешь пасть,
 И можешь всех лавить когтями, —
 Содейлай край моим бедам,
 Пусти меня, пусти к водам».
 Хвалы и титулы пленяют всяки уши,
 И движутся от них жестокости самы души.
 Услышав похвалы от женского лица,
 Притом склоняясь ко власти питьеца,
 Горыныч пасть разинул
 И голову с хвостом при поиле разодвинул <...>

(Наконец Венера пошла на хитрость. Она велела Душеньке принести от супруги Плутона, владыки ада, горшочек и ни в коем случае не открывать его. Душенька не утерпела, приоткрыла крышку, из горшочка поднялась туча черной пыли, окутала красавицу, и она стала черна и безобразна. Не умея освободиться от чар, Душенька долго пряталась, претерпела множество несчастий, но наконец по просьбе Юпитера и всех богов была прощена Венерой, наделена былой красотой и обвенчана с Амуром.)

1778–1783

Императрица Екатерина Вторая

О, время!

*Комедия в трех действиях
(Сочинена в Ярославле во время чумы 1772 года.)*

(Непустов приходит в дом Ханжахиной, чтобы помочь своему другу Молокососову в сватовстве к внучке Ханжахиной — Христине. Ханжахина, ее сестра Вестникова и их подруга Чудикина воспитаны на старый лад, не любят новшеств, верят приметам, соблюдают церковные обряды, при этом Ханжахина отдает деньги в рост под чудовищные проценты, ругает и бьет прислугу. Христина хороша собой, но совсем не образованна, а потому несколько глуповата. Наиболее разумный человек в доме — горничная Мавра.)

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ VIII

Вестникова, Ханжахина, Непустов, Мавра.

Вестникова. Здравствуй, сестрица-матушка. Я без души к тебе скакала. Знаешь ли ты, какую чудную сложили свадьбу? По всему городу рассказывают (да уже и к знатым боярам дошло), что будто ты за Молокососова внучку свою выдаешь. Статочное ли это дело? Выдать внучку за такого несносного дурака! Да еще и нашей фамилии девушку! Я его вот этакое *(указывает)* еще знала; он и тогда и глуп, и спесив был. Однажды приехала я... я! — к матери его; хотела ей эту милость сделать... Он был тогда лет девяти. Вошел в горницу... ведь мы таки не подлые... поклонилась я всем; а он, стоя в углу, играет мячиком, а на меня и не глядит; да и во весь вечер — подумай, матка! — во весь вечер ко мне и не подошел, как будто я урод какой! С того времни я терпеть его не могу. Какая ж и нянюшка у него была! Да и матушка изрядная... не у кого, правду сказать, и научиться-то было. Няня была девица высокая, худощавая, косая, глупая; а мать, ты сама помнишь, дурища была непомерная... О, сестрица! ты не ведаешь со мною белы! Я б давно уже здесь была; да вот что сегодня со мною сделалось.

Я села в карету и не успела еще со двора съехать, как кучер мой, зашатавшись, упал с козел. Я думала... не здесь будь сказано! *(Они оплевываются, подергивают себя за ухо и одуваются.)*

Ханжахина *(делая то же, говорит)*. Ах! сестрица!..

Вестникова. Я думала, что черная немочь¹ его убила; а! оп, плут, пьян был. Я кликнула людей, велела его сечь. А поваришку спасибо: он сел на его место; однако сжал как сумасбродный, то вправо, то влево, а все невпопад. Уж я думала, что сегодня и до тебя не доеду. Два раза спало колесо; два раза бурые лошади выпрягались, а серые, поскользнувшись, упали. Да, полно, в том не кучер виноват: полиция, слава Богу! — полиция ничего не смотрит! Улицы так склизки, так скверны, что и ездить нельзя...

Мавра *(в сторону)*. А того не скажем, что лошади не кованы, у колес чек нет и что упряжка скверная!

Вестникова. Что ты ворчишь, Мавра?

Мавра. Ничего, сударыня, я о полиции говорю.

Вестникова. Да и ни в чем ныне смотрения нет. О, какие нынче времена! Что-то из этого будет! А я чуть жива доехала... Сестрица, я всем божилась, что ты внучки своей за Молокососова не выдашь.

Ханжахина. Все Божья воля, сестрица... Мавра, подай-ка стульях.

(Мавра подает стулья и выходит.)

Вестникова. Мы можем, сестрица, и здесь сесть. *(Указывая на кресла. И садятся.)* А вы не изволите ль тут? *(Указывает на стул. Садится и Непустов.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Ханжахина, Вестникова и Непустов.

Вестникова. Письма из Петербурга пришли. Пишут, что вода там так была высока, что весь город потопила и люди на кровлях насили место себе находили.

Непустов. Как же, сударыня? Разве водою почта оттуда отправлена, когда такое несчастье случилось?

Вестникова. Так, сударь. Ваши братья ничему не хотят верить; однако ж это так, как я рассказываю. Да пусть и не потонули, так по крайней мере с голода тамо люди мрут. Во всем недостаток, ни о чем ни правительство, ни полиция и никто не думает. Я и еще кое-что знаю похуже этого. Много оттуда вестей, хороших-то только нет; да

¹ Черная немочь — здесь: чума (см. подзаголовок комедии).

не все сказывать надобно. Пишут ко мне нечто под обиняком; однако я догадалась, что это значит.

Ханжахина. А что ж такое, сестрица, к тебе пишут?

Вестникова. Очень можно сказать. Пишут... да... точно этими словами пишут: «Если б вы знали, какие у нас к масленице готовятся крутые горы, то б вы удивились и испугались!» Вот какой обиняк! Да я разумею, что он значит: крутенька гора-то затевается! Вы увидите. Я ничего не говорю; однако ж я точно догадываюсь, что это значит.

Непустов. Все пустое, сударыня: гора как гора, и всякую масленицу бывает; а ваша мнимая гора, кроме мыши, ничего не родит¹. В прежние времена за болтанье дорого плачивали: притупляли язычок, чтоб меньше он пустого бредил; а ныне благодарить вам Бога надобно, что уничтожают этикие бредни. Разумно бы и с нашей стороны было, если б мы сами себя от глупостей, а паче от несбыточных затей и новостей воздерживали.

Вестникова. Ах, батька мой, куда как ты строг! да несколько и...

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Мавра.

Мавра. Госпожа Чудихина приехала, сударыня, да не изволит итти сюда и не хочет переступить через порог, для того что услышала сверчка. Если желаете, чтоб она не уехала, то просит, чтоб вы к ней вышли в другую горницу; а сюда войти боится, пока сверчка не поймают; я уже и за печником послала, который ловит сверчков.

Ханжахина. Изрядно, мы к ней выйдем. *(Ханжахина и Вестникова встают.)* Пожалуй, не погневаясь, сударь; она нам искренняя приятельница <...>

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ III

Мавра, Молокососов.

Молокососов. Отроду такой бабы не видывал! Ну, вся моя теперь надежда исчезла! Я погиб, Мавра. Старая твоя барыня наотрез мне отказала.

Мавра. Что ей сделалось? За что?

Молокососов. За проклятого кузнечика! О, кабы его черт взял!

Мавра. Что это такое? Я не понимаю.

Молокососов. Нелегко и рассказать это... Много в отказе участия имеют и г. Вестникова, и Чудихина, а папаче моя собственная неосторожность.

Мавра. Если ваша неосторожность, то сами на себя и пеняйте.

Молокососов. Да кому придет на ум, что можно подобною безделицею досадить людям и чтоб свадьба могла за кузнечика разойтись? Рассуди сама, вот в чем дело! Ханжахина рассказывала, что не токмо за год перед кончиною покойного ее супруга петух снес яйцо, но и дня за три кузнечик в стене без умолка стучал; что она из того неизбежно заключить могла, что супруг ее умрет, и потому, не упуская времени, к смерти приготовить его велела. Я, слыша этакий вздор, не мог удержаться и громко захохотал; господин Непустов, со всею своею твердостью, также не преодолев себя, треснул и он, и оба мы взлохотались. Старухи все три рассердились; вдруг стали креститься, вдруг плевать и одуваться, вдруг и в один голос кричать и бранить нас, называя насмешниками, бусурманами, безбожниками, которые ничему не верят. Ханжахина с подругою своею Чудихиною напали на г-на Непустова, а Вестникова опрокинулась со всею жестокостию на меня, и лучшее от нее слово мне было: «Спесивый дурак!» Я хотел с учтивством ей доказать, что суеверие есть порок, что правоучение закона запрещает таким нелепым верить басням; а она с яростию доказывала, что кузнечиково предсказание сбылось смертию г. Ханжахина и потому оно истинно, и что, кроме такого дурака, как я, всякий тому верить должен. В то же время, с другой стороны, Чудихина наступала с бешеным иступлением на г. Непустова, а милостивая твоя госпожа, раздвинувшись и запыхавшись от гнева, то в ту, то в другую сторону на помощь к обеим злобным бабам поспешая, словами вдовснисприличными уважала их доказательства. И наконец из всего сего шума вышло то, что она ясно объявила нам, что мы, то есть и сват, и жених, неверные, незаконники, бусурманы и чтоб из дому ее убирались; что она внучки своей никогда не отдаст за такого шалуна, каков я, и чтоб впредь мы и дому ее не знали.

Мавра. Вот каково глупым противоречить!

Молокососов. Я встал, поклонился и вышел от них вон... Теперь не знаю, что мне делать... И что я в страсти моей начну? От непочтения к проклятому кузнечнику погибла вся моя надежда.

(Мавра помогает Молокососову добиться прощения Ханжахиной. Она сообщает, что Вестникова любит подарки и падка на лесть. Подкупив Вест-

¹ В ходовом басенном сюжете: гора грозила родить нечто великое, а родила мышь.

никову, Молокососов уговорил ее хлопотать за его брак с Христиной перед Ханжахиной. Чудихиной Мавра говорит, что будто та сидит на месте, где прежде умер человек, и та в суеверном ужасе уезжает. Вестникова наконец уговаривает Ханжахину обвенчать Молокососова с Христиной.)

Передняя знатного боярина

Сочинена в городе Ярославле

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Господин Фактотов, правит с доверенностью дом Хрисанфов.

Михайло — слуга Хрисанфов.

Другой слуга, безгласный¹.

Меремида — вдова.

Претантена — вдова ж.

Выпивайкова — старуха.

Оранбар² — француз.

Барон фон Доннершлаг³ — немец, военный человек.

Дурфеджибасов — турецкий дворянин.

Перилов.

Тэфкин.

Уртелов.

Действие в доме Хрисанфовом.

Театр представляет великолепную комнату с тремя входами или большими дверьми. В стороне камин, на котором видны фарфоровые вазы и статуи, над дверьми и по стенам картины, а в комнате кресла и стулья множество.

ЯВЛЕНИЕ I

Михайло (*входит, протирая со сна глаза, и говорит*). Лишь только я проснулся, а стук тех людей уже и слышен, которые дом паш вседневно в осаде держат, не для того, чтобы мы им должны были, нет; мы благодаря нашей судьбе никому не должны. Экие люди! Ни

¹ То есть не произносит реплик.

² Возможно, переводится «Золотоносный» (*фр. or en bard* — золото на носилках для груза).

³ Donnerschlag (*нем.*) — громовой удар.

порядно¹ умыться, ни хорошенько одеться нам не дают. На самом рассвете, когда в городе еще все спят, они к нам и приходят, и приезжают шайкою, как будто сговорившись; а черт знает зачем? Никто их желаний перечесать не может, а тем меньше нелепых прихотей. Ни мы их просим, ни мы за ними посылаем, а они всегда здесь... Вот каково! Бороды не успел выбрить, ни башмаков от вчерашней пыли вычистить... Не спорю, кому есть нужда, тот пускай себе и ходил бы; а то многие душат нас только для того, чтобы сказать: мы, дескать, у Хрисанфа были. Он был в таком-то кафтане... он весел, или смутен... он с тем-то долго шептался... Вот эти-то несносны! А в одном счете с ними и те, по моему мнению, которые нам подтрунивают, и которые, и стыд, и совесть забыв, ласкают, почитая даже до собак наших... (*Послушав у дверей к спальне.*) Барин мой спит еще; да пусть отдыхает; я от сердца здоровья ему желаю. Он честный человек; я его люблю за то и вечно служить ему хочу. Только с ума сводит меня эта саранча, которая, не зvana будучи, к нам налетает и в передней повседневно то обои марают, то стулья и кресла ломает, то зеркала, стекло и фарфор бьет и, нанося нахальством своим нам скуку, нас же часто бранит, когда не по их прихотям делается. (*Стучатся в двери.*) Эй! чу! вот какой стук. Какое бесстыдство! Ломаются, как будто в кабак зашли! Не могут будто пождать, пока отойдет эта комната. А и в передней ведь не замерзнут: в камине всегда такой огонь, что и быка можно сжарить. Но прежде, нежели я их впущу, замкну эту дверь, чтоб не разбудили боярина. (*Он подходит к противной двери, запирает и ключ к себе берет.*) Ну, что делать, пойти им отворять. Ужо так станут тесниться, как будто бы всем вдруг можно пройти. Толчков не бояться, да еще и карманы в такой тесноте не в безопасности: часто иной, быв с табакеркой, останется для легкости пуст; а иной ошибкою вместит в себя и серебряные наши шандалы² вместо своей табакерки. (*Стучатся опять.*) Тотчас... тотчас... Ну... (*Отворяет двери.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Михайло, Оранбар, Меремида, Дурфеджибасов, Перилов, Претантена, Уртелов, Тэфкин, Выпивайкова. (*Все входят вдруг, тесняся и упреждая друг друга, бегут к противным затворенным дверям, а видя те замкнутые, иные ходят по театру взад и вперед, иные садятся, иные пересматривают все,*

¹ Порядочно.

² Подсвечники.

что есть в комнате, иные между собою разговаривают. Между тем Михайло говорит). Вот как лезут: как будто их кто в шею всех бьет. Где вежливость к хозяину? Где взаимное друг к другу учтивство? (Видя, что к запертой двери они приступают.) Э! взяли! Спасибо, что я догадался и их заблаговременно запер... Пойти мне теперь прибраться, чтоб г. Факотов, который до света встает, меня по-вчерашнему за неопрятность не побранил. Этот человек все видит и так прилежно за домом г. Хрисанфа смотрит, что ничто от него не прокрадется. (Хочет идти, а его останавливают.)

Уртелов. Скоро ли г. Хрисанф выйдет?

Михайло. Я не знаю.

Тэфкин. Как тебе, сударь, не знать.

Михайло. Что, уж и я «сударь»? Ведь я слуга, а не господин; и что знал, то вам сказал, а хотя б я ведал и больше, то, однако ж, не все бы сказывал. Ведь вы знаете, что у больших бояр, равно как и при дворе, такой обычай, что и здравствуй, и прощай, и добрый день пошепотом на ухо говорят.

Дурфеджибасов. Это мне знай: у наш султан таком манером. Много хорош манером у наш султан.

Михайло. Вы, конечно, сударь, не русский?

Дурфеджибасов. Я турецк дворянин. Мой бачкам¹ — велик человеком. Он там... он сам... (Размахивает направо и налево рукою.) и так, и сяк-ом... и все велит, все поклоняем ему...

Перилов. Что ж это значит? Он там... он сам... и так, и сяк-ом... и велит; разве он везде и все тамо повелевает?

Дурфеджибасов. Да, да. Султан не куши без бачкам, у бачка много, очень много маленьких... вот такем... (показывает величину больших и малых баранов, и как они ходят) велик... четверем ногам ходи... и такем мало, мало... и великом...

Перилов. Что бы это такое?

Дурфеджибасов. Бсло, как зима зсмя... а говори такем... бэ-э! бээ... бээ...

Меремид. Неужто это бараны?

Дурфеджибасов. Да, да, мачка, баранам... Бачка баран... много... Султан не куши без бачка... велик бачка...

Михайло. Конечно, бачка ваш ставит баранину султану.

Дурфеджибасов. Бачка дворянин знатно... и я сын бачкам.

Тэфкин. Незадорное же доказательство турецкого его дворянства.

Уртелов. Я думаю, что много турецких овчаров в эту счастливую войну набрано¹, и у нас в поварнях посуду этикие дворяне моют.

Перилов. Какие у турок дворяне? Сегодня паша, а завтра уголья на кухню носят.

Претаптепа. Охо-хо-хо! Кабы да скорей конец этой счастливой войны увидеть.

Выпивайкова. Вино и пиво так дорого стало, что и сказать-таки не можно. Я, кроме стола, уж и не пью, разве где добрые люди поднесут. Да полно, что нонеча! и этот учтивый и благоприятный обычай ныне выводится: уже почти нигде и не подносят... Правду сказать, как иначе и быть. Все дорого... так оттого-то все добрые обычаи и переводятся. А причина всему... как ни говори... причина всему — война... все, то и знай, накладки...² а на что?.. Все на вино да на пиво... Что бы диковинки, пусть на воду накладывали, а вино б хотя и не замали. Вино — добрая вещь, оно веселит сердце человеческое... Я, право, без него сокрушусь и жить не могу.

Претантена. Ах, мать моя! Ужась! Что ты говоришь! Как на воду накладки делать! Разве ты не умываешься?

Выпивайкова. Изредка! Да это только так говорится.

Претантена. Вот это правда, что город пустешенск стал. На-силу вечером соберешь партию в карты поиграть. Целый день ездешь, ездешь, и ни одного офицера на улице не встретится, уж не говоря — молодого. Пусто, очень везде без них пусто; а причиною тому война.

Перилов. Давно бы это миновалось, если б война-то была веде-на, как надлежит.

Меремид. Это правда, батька! Мое и женское дело, да и я вижу, что можно было войну-то инако... да и получше вести. Спросите-тка у господина Оранбара: вчера в компании, где и я была, он как порасказал, как бы быть-то надлежало, так уши вянут! Говорит, как книга! Не выкинешь словца!

Оранбар. Oh, madame, que dites-vous?³ Пожалуй, сударик, здесь молчание. Здесь, вы знаете, и двери слушают и говорят.

Меремид. Да для чего не говорить, батька! Ведь...

Оранбар. Oh, madame, я говори вам. L'évidence, l'évidence, mes-sieurs, est une belle chose; cela est convainquant⁴.

¹ Русско-турецкая война 1768–1774 гг.

² Налог.

³ О, сударыня, что вы говорите? (фр.) Далее имитируется французский акцент.

⁴ Очевидность, очевидность, господа, это прекрасная вещь, это убедительно (фр.).

¹ Попытка имитации турецкого акцента: бачкам — то есть батька, отец; мачка — мать и т. д.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и барон фон Доннершлаг.

Барон. Hol's der Henkel! Was für schöne Compagnie!¹ Здоровы, мои господа и госпожи!

Теккин. Здравствуй, господин барон фон Доннершлаг, все ли вы в добром здоровье?

Барон. Все, слав Бог! Что вы здесь делаете?

Уртелов. Мы ждем, сударь, всякий со своим дельцем, когда проснется господин Хрисанф.

Барон. Was Teufel², он спал еще! И давно ль вы здесь?

Перилов. С час уже, и поболее.

Барон. И дами так долго ожидают! Hol mich der Kukuck³, это несучливо. У нас, в немецко змли это не водится! Ich schwöre Ihnen⁴, дам везде дверь открывайся.

Меремид. Да нам здесь нескучно, мы между собой разговариваем.

Барон. О чем речь был?

Меремид. Так... ничего... постороннее!

Барон. А! Das gestehe ich⁵, и Оранбар здесь?

Оранбар. Слуга ваш, monsieur le baron⁶.

Перилов. Ну, господин Оранбар, как же бы надлежало войну-то вести?

Барон. Как война вести? Кто? Оранбар о войне говорить хочет? Он? Daß dich der schwere Noth!⁷ Он про то ничего не смыслит; он, я думаю, и перочинны ножиком драться не умеет.

Оранбар. Monsieur le baron, я драться не умею потому, что я драться не желаю.

Выпивайкова. Какие это бестолковые! Как они язык-от наш коверкают! Лихая бы им боль за это! К нам же приедут, да нас же, проклятые, и пересужают! Михайлушка, сделай милость, достань мне, если можно, чарочку водки: в горле у меня, право, засохло.

Михайло. Кто, сударыня, так рано водку пьет! Я и сам еще не пил.

Выпивайкова. Да мое такое обыкновение! (Михайло уходит.)

¹ Черт побери! Что за прекрасная компания! (нем.) Речь барона имитирует немецкий акцент.

² Что за черт (нем.).

³ Леший меня побери! (нем.)

⁴ Клянусь вам (нем.).

⁵ Понимаю (нем.).

⁶ Господин барон (фр.).

⁷ Чтоб тебя взяла нелегкая! (нем.)

Барон (ударяя по плечу Оранбара). Вы, французы, обо всем всегда говорить хотит; вы весь свет по-своему переделать желает. Verfluchte Gewohnheit der Franzosen!¹ Всего того, чего у них не водится, то дурно, то непристойно. А зачем же, если у них дома так хорошо, они по всему свету ездят хлеб себе доставать, браня тех, чей хлеб они кушат?

(Между тем как мужчины говорят, женщины пересматривают фарфор и все, что в комнате есть, перебирают.)

Оранбар. Monsieur le baron! Вы также сама здесь...

Барон. Да, я здесь. Да я человек военный, и ничего делать не желаю. А ты зачем сюда приехал?

Оранбар. Я... avec l'évidence, monsieur, avec l'évidence...²

Теккин. Что это такое за зверек? Разве он махину какую сюда привез? Или новую моду?

Оранбар. Нет, monsieur; вы тотчас узнай изволит. Я пришел сюда затем: я буль в своей земли, я думал тамо, что здесь все ходят эдаки... (Он показывает, как ходят на четвереньках.) Я добро человек, сердца хорошо, много знай, много читай; я и пошел сюда, дабы поднять всех вам на два ноги и для того сочинил l'évidence и принес сюда; это сильно demonstratio³, что лучше ходи на две ноги, а никак на четыре, так буди пригожа, лица видна, а эдак на четыре ходить, шей вытянуть, горло и борода болел будит. Это évidence, monsieurs, évidence!⁴ Мой прожек хорошо и нетрудно. Он немножко все, что прежнее делано, испортит; и все так ново делать безделись.

Теккин. Великую он нам, приехав сюда, честь сделал. Конечно, с ума этот мужик сошел!

Уртелов. И я так думаю. Хотя он и говорит, что много знает, только это видно, что неправда. Как можно вздумать, что люди на четвереньках ходят! По-моему, он сам в наставлении нужду имеет.

Перилов. Ну, сударь, мудрец французский, а война-то почему не так велена?

Барон. Вам прощали, вам люб такое слышет, чему после смеяться. O! die Bösewichter!⁵

Перилов. Дайте ему говорить, господин барон.

Оранбар. Oh! monsieur, tout avec l'évidence! Хотя здесь говорить страшно... одна вам скажу — надобни била нацинаить par raser la campagne⁶.

¹ Проклятое обыкновение французов (нем.).

² С очевидностью, сударь, с очевидностью... (фр.)

³ Наглядное доказательство.

⁴ Очевидность, сударь, очевидность (фр.).

⁵ Злодей! (нем.)

⁶ Снести укрепления, дословно: брить поле (во французских словарях XVIII в. фразеологизм дается в варианте «raser la place»).

Перилов. Перескажите нам по-русски. Я, право, по-французски не разумею.

Оранбар. Тотшас; начинать нада буль чрез брить поле напередь.

Перилов. Брить поле? У нас траву косят косою. Разве во Франции такой недостаток, что бритвою бреют траву?.. да и как бритвою брить?

Оранбар. Ah! monsieur, c'est un façon de parler pour parvenir à l'évidence¹, так, например, говори...

Перилов. О, это дело другое!

Оранбар. Кто это слышал? Ити прямо на турки! Жди турки! Не ходи на турки... он сам пришел... меньше труда. Башмак дороги... кожи надо купи... денги дай... денги береги... береги денги... Так мой рассуждай... Так наши во Франции рассуждай...

Барон. Ха! ха! ха! Daß dich Tausend Teufel hol!² — не ходи к туркам, чтобы башмаки не протопчили! ха! ха! Das war raisonirt!³ (*Ударяет француз по плечу.*) Однако, mon cher⁴, турки очень бит!

Оранбар. На што турка бить... Турки человеки... Не нады человеки бити...

Меремид. Да как их не бить, когда они сами задрали?

Оранбар. Не надобни; а попроси мирисся турок... но дават денги... наппа Франси попроси... оно поможе мирисся...

Барон. Как дават денги! Это стыдно. Ты теперь говоришь дать денги, а давичь и протопченных башмаков жалел, говорил, что они денга стоят, и кричал: денги береги, денги береги!

(*В сие время Претантена уронит из рук фарфоровую куклу и разобьет, говоря: «Ах! Ну... нет, ничего!»*)

Барон. Береги кукла, сударыня! береги денга! Ведь и это денги стоит. Убытка хозяин! (*Прочие все громко хохочут.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Все прочие, господин Факотов.

(*Когда Факотов входит, то все ему кланяются, подбегая, и он им сам соответствует.*)

Г. Факотов. Чему вы так много и так громко смеетесь?

Уртелов. Барон фон Доннершлаг нас насмешил, милостивый государь.

¹ Ах, сударь, это способ выразаться, чтобы доходило с очевидностью (*фр.*).

² Чтоб тебя взяла тысяча чертей! (*нем.*)

³ Это было резонно (*нем.*).

⁴ Милый мой (*фр.*).

Перилов. Могу ли я молвить слово наедине с его высокопревосходительством?

Тефкин. И мне крайняя нуждица поговорить с ним.

Меремид. Попросите, чтоб меня к себе допустил.

Претантена. Велите отворить дверь: я иди к нему хочу.

Выпивайкова. Меня, батька мой, и целый день из дому не выживете; я хоть до полуночи здесь, не пивши, не евши, просижу, а так-ки господина Хрисанфа дождуся.

Уртелов. Меня, милостивый государь, прежде всех пустите; я для самого его сюда приехал, чтоб ему в осторожность нечто донести.

Барон. Я чужестранец, здесь проживаю, пустите меня к нему... мне надо объяснени с господином Хрисанфом. Ich schwöre Ihnen das nicht mehr auszuhalten¹.

Оранбар. А я сюда из Франци пришел, чтоб все дурно исправи... Monseigneur² Хрисанпи должно говори со мною, когда люби свое государство.

Дурфеджибасов. Бачка мой великам человека! Я сын бачкам... Давай мне ключа³, я сам прямо ходила...

(*Они все сие скоро, живо, иные вместе. А иные друг за другом говорят.*)

Г. Факотов. Я всем вам ответствовать бы рад; но вы все вдруг почти говорите, то я и расслышать не могу.

Все (*вдруг, и каждый своим языком говорит*). Я господина Хрисанфа видеть хочу, мне нужда говорить с ним.

Г. Факотов. Не изволите ли согласиться говорить один за другим. Чтoб я мог узнать ваши желания и, записав, доложить господину Хрисанфу, который после, увидя ваши нужды, и переговорит с вами.

Оранбар. Мене слусии наперед...

Барон. Я барон, барон фон Доннершлаг, у меня шестнатцать душки и шестнатцать бабушки в фамильно рсестре, и все знатны дворянство, так я перво хочу...

Дурфеджибасов. Я турецк дворянин... Султан без бачка не кушай... У бачка много бээ! бээ! Я перво стунай...

Претантена. Неужто здесь забывается учтивство в рассуждении женщин? Что уж это, и к дамам консидерации⁴ нет! Кажется, мне надлежит наперед идти...

¹ Я вам клянусь, это больше невыносимо (*нем.*).

² Государь (*фр.*).

³ Имеется в виду камергерский ключ — особый знак придворного звания.

⁴ Здесь: уважения (*от фр.*).

Меремида. А я что? Ведь и я тоже, matka моя, право имею, какое и вы; да к тому и нужда моя и времени не терпит...

Выпивайкова. Хорошо, хорошо! А старухам от вас и места нет! Кажется мне, я постарее вас; хоть бы уже лета-то почтили да пустили меня вперед; еще кроха во рту сегодня не бывала... где мне вас натошак переждать...

Уртелов. Что вам ее слушать. Меня, пожалуйста, выпустите. Я за собственным господина Хрисанфа делом здесь. *(Говорит, будто на ухо, однако слышно.)* Ему надобно знать, что вчера в трактире про него говорили; хмель ведь говорит правду.

Перилов. Я никак доле ждать не могу: у меня есть кое-какие любовные дела.

Теткин. Мое дело в третьей апелляции; пожалуй, не дай разориться, и выслушайте хоть вы. Вот краткий экстрактец у меня в кармане. *(Подает превеликую свертку бумаг.)*

Г. Факотов. Сердечно бы желал я всех вас выслушать и вам помочь; но можно ли это исполнить, когда вы друг другу речь перебиваете; и один другому не даете времени выговорить? Пожалуйста, имейте терпение. Я охотно поодиночке каждого из вас выслушаю. Прошу только тех, до которых не дойдет еще очередь, выйти в другую комнату или подале гораздо отойти, пока с одним переговорю; а иначе я принужден буду оставить вас всех против желания моего. *(Выпивайковой.)* Пожалуйста сюда, сударыня...

Меремида и Претантена *(вместе)*. Пьяницу прежде нас слушать хотят! Возможно ли это сносить!

Г. Факотов. Пожалуйста, сударыни, оставьте нас с нею; я и с вами говорить буду, а иначе в целый день сегодня мы не разделимся. Извольте сесть между тем.

(Все удаляются подале, иные садятся, иные прохаживаются вдали театра.)

Выпивайкова. Спасибо, батька мой, что ты-таки призрил мою старость и бедности моей не оставил...

Г. Факотов. Какую, сударыня, имеете вы до господина Хрисанфа нужду?

Выпивайкова. А вот, батька мой, такая-то моя нужда. Будучи в дерсвнишке свосей, услышала я, что господин Хрисанф нам, бедным и неимущим вдовам, раздает к празднику деньги: так и я пригласилась, чтоб и мне пожаловал милостыню. Ныне так все дорого, что ни винца, ни сахарцу купить не на что. Да еще, пожалуй, попроси господина Хрисанфа, чтоб приказал имяшко мое вписать в богадельню...

Г. Факотов. В богадельню! Да ведь у вас деревня есть, как вы сами сказали: так зачем вам в богадельню?

Выпивайкова. Я всю правду, батька мой, тебе скажу: в деревнишке я-таки могу жить; а из богадельни-то, коли имя-то мое внесено туда будет, могу рублишков десятка два-три в год получить. Так и то годится!

Г. Факотов. Не грешно ли будет, если тем у настоящих нищих вы отнимете место и пропитание?

Выпивайкова. Ах, батька!.. Какой ты злой человек! Жаль тебе стало и того, что у меня рубликов десяток прибудет... Что я тебе, бедная, сделала?

Г. Факотов. Напрасно вы так слова мои принимаете; я в требовании вашем вам огнюдь не помешаю. Извольте этого искать, только вам должен то объявить, что богадельни не у господина Хрисанфа в правлении, и вы просите о том, где они ведомы¹.

Выпивайкова. Да хоть из раздаточных-то денег пожалуете ли мне что-нибудь?

Г. Факотов. Велика ли ваша деревня? Скажите правду; я ведь выправлюсь².

Выпивайкова. Душ сто, а не больше... Да вино-то и сахар больно дороги...

Г. Факотов. Раздаточные деньги ныне все вышли. А вам, сударыня, как, полно, не стыдно, что просите милостыни, имея свой достаток. Лучше не пить вина и не кушать сахару, нежели так таскаться и у неимущих, доукою своею, отнимать пропитание.

Выпивайкова. Вот еще какой черт! Хозяин жалует, а дворецкий отказывает! О, времечко! времечко! и хлеба куска не выпросить!

Г. Факотов. Старая пословица: говорить правду, так терять дружбу!.. Прощайте, сударыня.

Выпивайкова *(отошел от него, не выходит, однако ж, из комнаты, но, охая, говорит)*. Эдакая диковинка! и полакомиться не можно! Вино дорого, сахарная закуска и того дороже! Охо! охо! то-то развратные времена!

Г. Факотов *(Претантене)*. А ваше, сударыня, дело в чем состоит?

Претантена. Муж мой умер. Я приехала к господину Хрисанфу просить себе награждения.

Г. Факотов. Да разве не выдали вам той суммы, которую из казны вам дать приказано?

¹ В учреждении, которому они подведомственны.

² Справлюсь, разведую.

Претантена. Я получила... да и прожила уж.

Г. Факотов. Так скоро, сударыня?

Претантена. Я хотела ее умножить, и для того сделала из нее банк, и первый сетелева банк сорвал¹. Теперь мне жить нечем. Пустите меня к господину Хрисанфу; я попрошу его, чтоб он опять мне денег выходил. Где ж нам просить?

Г. Факотов. Я не думаю, чтоб господин Хрисанф в силах был в другой раз доставить вам награждение.

Претантена. Ах, батюшка! Какое это неучтивство — отказывать даме! Вы жить не умеете!

Г. Факотов. Что ж делать, сударыня! только я говорю правду.

Меремида. Воля ваша, да долго ли мне будет ждать? Уж мое терпение прошло!

Претантена. Какой это грубый человек! Ему, я чаю, кажется, что мне и ничего уже давать не надлежит, коли один раз дано! Да полно: каков поп, таков и приход. Вот ныне свет каков! Хоть пять мужей погребли, так ничего не выпросишь!

Меремида. Неужели вы еще не переговорили? Послушайте и меня...

Г. Факотов (Меремиде). Можно ли вас поздравить, сударыня? Я чаю, вы уже вышли замуж за того жениха, о котором вы сказывали, что за вас сватается? Помнится, что тогда мы помогли вам собрать приданое.

Тэфкин и Уртелов (смеются). Ха! ха! ха!

Г. Факотов. Чему вы смеетесь?

Тэфкин. Да как не смеяться! Этого жениха, за которого она будто шла, и тогда уже года два на свете не было.

Г. Факотов. Так почто ж было собирать приданое?

Меремида. Чтоб было что носить; а прочее я заложила.

Г. Факотов. Чего ж вы теперь хотите?

Меремида. Исходатайствуйте мне дозволение постричься и дайте мне вкладу в монастырь.

Г. Факотов. Вы постричься хотите? Не такие ваши глаза, чтоб в пустыне вам жить! Это новый род приданого. Сверх того, быв обманут однажды, не могу уже я докладывать об вас господину Хрисанфу.

Меремида. Куды какое великое, я чаю, дело, что однажды выпросила я у вас приданое! Откуда ж мне было взять? Ведь я не украла.

¹ Претантена пустилась играть в карты. Банкомет в азартных карточных играх (например, в фараоне) играет против понтеров, которые делают ставки против банка. Сетелева — ставка, увеличенная в 7 раз. Заявивший такую ставку понтер сорвал банк (выиграл деньги) у Претантены.

Г. Факотов. Подобные обманы весьма с кражею смежны.

Меремида (отходя, декламирует следующие слова).

О, коль несносную тоску и грусть терплю!

Во мне страдает дух, в напастях сердце рвется.

Превратен пыле свет, так должно ль в нем робеть?

Покинув злу печаль, пойдем на гульбище.

(Ухватив за руку Претантену, уходят.)

Уртелов (к-ну Факотову). Я, милостивый государь, быв убежден великими и превосходными качествами господина Хрисанфа, везде езжу разведывать, где что про него говорят, чтобы сказать ему для знания, кто хвалит, кто бранит его. По этому может он преданных себе отличить от неприятелей.

Г. Факотов. Да какая в том господину Хрисанфу нужда?

Уртелов. Как, в этом будто нужды нет!.. Однако, милостивый государь, я надеюсь, что господин Хрисанф, вспомя мои услуги, не оставит моей просьбы...

Г. Факотов. Да в чем она состоит, сударь?

Уртелов. Я большим не утруждаю: знаю, что много докучных и без меня; я только трех маленьких бездельиц прошу.

Г. Факотов. А именно?..

Уртелов. Пожаловали б мне только деревнишку, да чинишка с жалованьем, да сколько-нибудь деньжонок на обзаживание.

Г. Факотов. Умеренная просьба!

ЯВЛЕНИЕ V

Прежние, Михайло.

Михайло. Государи мои, барин мой уехал уже с заднего крыльца и приказал вас всех просить, чтоб вы на него не погневались, что сегодня вас видеть он не может: по него прислано было из дворца, чтоб он скоро с делами туда был. (Факотову.) А вам велел объявить, чтоб как наискорее с известными вам бумагами вы за ним поспешали. (Г-н Факотов хочет идти, но около него Оранбар, барон фон Доннершлаг, Дурфеджибасов, Перилов, Уртелов, Тэфкин и Выпивайкова, отступя, делают круг, и все вдруг, не выпуская его, говорят).

Перилов. Мясоед проходит¹, а мне жениться на госпоже Трихтиной до тех пор нельзя, доколе с мужем ее не разведут; я всякий день затем здесь таскаюсь, чтоб только попросить...

¹ Время от Крещения (6/19 января) до Масленицы. В мясоед часто играли свадьбы.

Оранбар. Ви не смисли, что не слушай l'évidence; ви мне надо б слушай. Я добро в карман привез... Без мене нет добро... Все свет не смысли... Я один все знай...

Дурфеджибасов. Я турецк дворянин. У бачка много бээ! бээ! Мне дай земель... дай деьга... дай лода, чина, барап, копи, корова, птичка... и всяко живот...

Барон. Я старой и знатной дворянство. Gott soll mich strafen, es ist erbärmlich!¹ Ничего нет. Я всем хочу казать, что драться умею со всеми, и один на один; прошу прежде за проект мой деньги...

Тэфкин. Что вы слушасте этих бестолковых немцев? Помогите мне, дело мое в третьей апелляции скоро решится; вот маленький экстрактик... *(Сует в руки пук великий бумаг.)*

Уртелов. За все мои господину Хрисанфу услуги и сказанные ему осторожки, и за все, что я ему доносил, что об нем люди говорят, и что, по моему мнению, об нем думают, неужель я останусь без награждения...

Выпивайкова. Хотя ты с господином Хрисанфом сто раз уходи, как воля ваша, но я до утра вас обоих здесь ждать стану.

Г. Факотов *(вертась между ими, говорит)*. Пожалуйте, выпустите меня. Господин Хрисанф меня спрашивает. Пустите, перестаньте здесь шуметь. Всех вас удовлетворить мудрено; однако я стараться стану, чтоб справедливость показана вам была. *(Весь круг даже до дверей с ним вертится, и за ним вместе сходят все с театра, кроме Выпивайковой, которая, за старостию, не может следовать.)*

Выпивайкова *(Михайле)*. Что ж ты, Михайлушка, не поднес мне, бедной, чарки водки? Я давеча у тебя еще просила, а без нее, право, не выйду; не могу, батька.

Михайло. Тотчас! *(Уходя)*. Добро, я тебя выживу; да и сам между тем выпью.

ЯВЛЕНИЕ VI

Выпивайкова *(одна)*. Выпивши чарку водки, подожду-таки я здесь до обеда. Авось назад приедут, так поклонюсь; а после поеду домка в три; да порасскажу, что здесь видела: так и там что-нибудь попадетя. В первом скажу, что здесь происходило; в другом, коли упомяну, так все, что слышала... а и забудется, так дополнить можно... а в третьем поплачу да пожалуюсь на Хрисанфа и на всех его домашних. Я ведь ведаю, что там его не любят; так авось-либо за то что-нибудь и дадут. И если что попадетя, так поеду купить виноградно-

¹ Бог меня накажи, это заслуживает жалости! *(нем.)*

го винца, да сахарцу заесть. А коли и не дадут ничего, так еще съезжу разбить две свадьбы, да одну составить; куда меня ждут, и на сердце у меня это лежит... После, если успею, то вотрюсь как-нибудь и в бесовские сени маскарадного дома, чтоб видеть, как одеты барыни, которые туда входят и оттуда выходят. И это падобно, чтоб завтра было что порассказать той благодетельнице, к которой колобовый пирог повезу. А! да вот Михайло...

ЯВЛЕНИЕ VII

Выпивайкова, Михайло *(с двумя чарками водки, а другой слуга со щеткою, что пол метут. Михайло подносит одну Выпивайковой, а другую сам пьет)*.

Выпивайкова *(принимая чарку)*. Благодарствую, мой батька. Да что у вас так чарочки-то малы?

Михайло. Не погневайся, сударыня; пожалуй, изволь теперь выйти: падобно здесь очистить, так вам пыльно будет. *(Другому слуге.)* Ну, делай свое дело.

Выпивайкова. Ах, батька мой! Неужто ты выгнать меня хочешь? Ведь я дворянская жена и хочу посидеть еще здесь. *(Слуга метет и старается ее выжечь, но не делая ей большой обиды.)*

Михайло. Оставь нас, сударыня: право, комнату прибрать падобно; разве вы хотите, чтоб мы бранены были?

Выпивайкова *(другому слуге)*. Тфу, батька, как ты пылишь! Черт вас, проклятых, возьми и с хозяином! Я его завтра в одном доме увижу, куда он частехонько ездит, да и пожалуюсь ему, как вы неучтиво с людьми обходитесь... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Михайло, слуга.

Михайло. Вот еще какая барыня! Сидит между слуг, мешая им отправлять их дела, да за неучитость и пеняет! *(Другому слуге.)* Смотри, чтоб между сора не вымести иногда и алмаза, выметай бережно; иногда и то случится, что между пыли и драгоценные попадают вещи, падобно как и между вышедшими теперь отсюда бывают и такие, кои не с пустяками, но от крайней приходят сюда нужды. Кто просит справедливого, я рад тому обои двери отворить. Помогать достойным

¹ Чарка — установленная мера объема жидкости (0,12 л).

людям есть каждого гражданина долг. (*К партеру*.) Не правда ли это, господа? Но вы мне не ответствуете, быв, однако ж, моего мнения: так, по крайней мере, в знак вашего согласия, побейте немножко в ладони.

1772

Сказка о царевиче Хлоре

До времен Кня, князя киевского, жил да был в России царь добрый человек, который любил правду и желал всем людям добра: он часто объезжал свои области, чтобы видеть, каково жить людям, и везде наведывался, делают ли правду.

У царя была царица. Царь и царица жили согласно. Царица езжала с царем и не любила быть с ним в разлуке.

Приехал царь с царицею в один город, построенный на высокой горе посреди леса. Тут родился царю сын дивной красоты, ему дали имя Хлор; но посреди сей радости и тридневного празднества царь получил неприятное известие, что соседи его беспокойно живут, въезжают в его земли и разные обиды творят пограничным жителям. Царь взял войски, кои в близости в лагере стояли, и пошел с полками для защиты границы. Царица поехала с царем. Царевич остался в том городе и доме, где родился. Царь приставил к нему семерых нянь разумных и в детском воспитании искусных. Город же царь укрепить велел стеною из дикого камня¹, по углам с башнями по старинному обычаю; на башнях пушек не поставили; тогда еще нигде не имели пушек. Дом, в котором жить остался царевич Хлор, хотя и не построен был из сибирского мрамора и порфира², но весьма хорош и покойно расположен был; позади палат насажены были сады с плодовитыми деревьями, возле которых выкопаны были пруды с рыбами, украшали местоположение; беседки же разных народов вкуса, откуда вид далеко простирался в округ лежащих полей и долинах, придавали приятство тому обитанию.

Как царевич стал вырастать, кормилица и няни стали примечать, что, сколь был красив, столь же был умен и жив, и повсюду слух носился о красоте, уме и хороших дарованиях царевича. Услышал о том какой-то хан киргизский, на дикой степи кочующий с кибитками,

полнобпытствовал видеть толь дивное дитя и, увидев, пожелал дитя увести с собою в степь, зачал просить нянь, чтоб поехали с царевичем к нему в степь; няни сказали со всякою учтивостию, что им того без дозволения царя делать нельзя, что они не имеют чести знать господина хапа и с царевичем не ездят к незнакомым людям в гости. Хан не был доволен тем учтивым ответом, пристал пуще прежнего, подобно как не свихший к тесту, одно просил, чтоб няни поехали к нему с дитятею в степь; но, получив твердый отказ, наконец понял, что просьбами не успеет в своем намерении, прислал к ним подарок; они, поблагодаря, отослали дары обратно и велели сказать, что они ни в чем нужды не имеют. Хан упрям был, пребывая в своем намерении, думал: как быть? Пришло ему на ум, нарядился в изодранную одежду и сел у ворот сада, будто человек старый и больной, просил милостыни у мимо ходящих. Царевич прогуливался в тот день по саду, увидел, что у ворот сидит какой-то старик, послал спросить, что за старик. Побежали, спросили, что за человек. Возвратились с ответом, что больной нищий. Хлор, как любопытное дитя, просился посмотреть больного нищего; няни унимали Хлора, сказали, что смотреть нечего, и чтоб послал к нему милостыню. Хлор захотел сам отдать деньги, побежал вперед, няни побежали за ним; но чем няни скорее побежали, то младенец шибче пустился бежать, побежал за ворота и, подбежав к мнимому нищему, зацепился ножкою за камешек и упал на личико; нищий вскочил, поднял дитя под руки и спустился с ним под гору. Тут стояли вызолоченные роспуски¹, бархатом обитые, сел на роспуски и ускакал с царевичем в степь; няни, как добежали до ворот, не нашли уже ни нищего, ни дитяти, ни следа их не видали, да и дороги тут не было, где хан с горы спустился, сидя, держал царевича перед собою одною рукою, как будто курочку за крылышко, другою же рукою махнул шапкою чрез голову и кричал три раза «ура». На сей голос няни прибежали к косогору, но поздно, догнать не могли. Хан благополучно Хлора довел до своего кочевья и вошел с ним в кибитку, где встретили хана его вельможи. Хан приставил к царевичу старшину лучшего; сей взял Хлора на руки и отнес его в богато украшенную кибитку, устланную китайскою красною камкою² и персидскими коврами, дитя же посадил на парчовую подушку и начал тешить его; но Хлор очень плакал и жалел, что от нянь шибко побежал вперед, и непрестанно спрашивал, куда его везут, зачем, на что и где он? Старшина и с ним находящиеся киргизы насажали ему много басней;

¹ Дикий камень — необработанный темно-серый (такой цвет именовался также диким).

² Порфир (от *греч.* porphyra — пурпуровый) — дорогой строительный камень вулканического происхождения. Название происходит от своеобразной красной породы с белыми крупными вкраплениями.

¹ Роспуски — широкая повозка, сани, расширяющиеся сзади, без специальных сидений.

² Камка (камча) — узорная шелковая ткань.

иной говорил, будто по течению звезд так определено, иной сказывал, будто тут лучше жить, нежели дома, всего насаждали, кроме правды, но, увидя, что ничто не унимало слез Хлора, вздумали его страшить небывальщиною, сказали: «Перестань плакать, или оборотим тебя летучею мышью или коршуном, а там волк или лягушка тебя съест». Царевич небоязлив был, среди слез расхохотался такой нелепости. Старшина, увидя, что дитя перестал плакать, приказал накрыть стол; стол накрыли и кушанье принесли, царевич покусал, потом подали варенья в сахаре и разные плоды, какие имели; после ужина раздели его и положили спать.

На другой день рано, до света, хан собрал своих вельмож и сказал им следующее: «Известно вам да будет, что я вчерашний день привез с собою царевича Хлора, дитя редкой красоты и ума. Хотелось мне заподлинно узнать, правда ли слышанное об нем; для узнания же его дарований употребить я намерен разные способы».

Вельможи, услыша слова ханские, поклонились в пояс; из них ласкатели¹ похвалили ханский поступок, что чужое, и то еще соседнего царя, дитя увез; трусы потакали, говоря: «Так, надежда государь хан, как иначе быть, как тебе на сердце придет?» Несколько из них, кои прямо любили хана, те кивали головою, и когда хан у них спрашивал, для чего не говорят, сказали чистосердечно: «Дурно ты сотворил, что у соседнего царя увез сына, и беды нам не миновать, буде не поправишь своего поступка». Хан же сказал: «Вот так, всегда вы ропщете противу меня», — и пошел мимо их, и как царевич проснулся, приказал принести его к себе; дитя, увидя, что нести его хотят, сказал: «Не трудитесь, я ходить умею, я сам пойду», — и, вошед в ханскую кибитку, всем поклонился, во-первых, хану, потом около стоящим направо и налево, после чего стал пред ханом с почтительным, учтивым и благопристойным таким видом, что всех киргизцов и самого хана в удивление привел. Хан, однако, опомнясь, рек тако: «Царевич Хлор! Про тебя сказывают, что ты дитя разумно; сыщи мне, пожалуй, цветок розу без шипов, что не колетя; дядька тебе покажет обширное поле, сроку же даю тебе трои сутки». Дитя паки² поклонился хану, сказал: «Слышу», — и вышел из кибитки, пошел к себе.

Дорогою попалась ему навстречу дочь ханская, которая была замужем за Брюзгой-султаном. Сей никогда не смеялся и сержился на других за улыбку, ханша же была нрава веселого и весьма любезна; увидя Хлора, сказала: «Здравствуй, царевич, здорово ли живешь?

Куда изволишь идти?» Царевич сказал, что по приказанию хана, батюшки ее, идет искать розу без шипов, которая не колетя. Ханша Фелица¹, так ее звали, дивилась, что дитя посылают искать таковой трудной вещи, и, возлюбя младенца в сердце своем, сказала: «Царевич, подожди маленько, я с тобою пойду искать розу без шипов, которая не колетя, буде батюшка хан позволит». Хлор пошел в свою кибитку обедать, ибо час был обеда, ханша к хану — просить позволения идти с царевичем искать розу без шипов, которая не колетя. Хан не токмо не позволил, но и запретил ей накрепко, чтобы не шла с дитятею искать розу без шипов, которая не колетя.

Фелица, вышедши от хана, мужа своего Брюзгу-султана уговорила остаться при отце ее хане, сама же пошла к царевичу; он обрадовался, как увидел ее, просил, чтоб села возле него, на что она согласилась и сказала ему: «Хан мне не велит идти с тобою, царевич, искать розу без шипов, которая не колетя, но я тебе дам совет добрый, пожалуй, не забудь; слышишь ли, дитя, не забудь, что тебе скажу». Царевич обещал вспомнить. «Отселе, в некотором расстоянии, — продолжала она, — как пойдешь искать розу без шипов, которая не колетя, встретишься с людьми весьма приятного обхождения, кои стараться будут тебя уговорить идти с ними, насажут тебе веселий множество, и что они-то провождают время в бесчисленных забавах; не верь им, лгут, веселия их мнимые и сопряжены с множеством скуп. За сим придут другие, кои о том же еще сильнее тебя просить будут; откажи им с твердостью: отстанут. Потом войдешь в лес, тут найдешь льстивых людей, кои всячески стараться будут приятными разговорами отвести тебя от истинного пути; но ты не забудь, что тебе единый цветок, розу без шипов и которая не колетя, искать надлежит. Я тебя люблю и для того я к тебе вышла навстречу сыну моего, и он поможет тебе найти розу без шипов, что не колетя». Хлор, выслушав речь Фелицы, сказал: «Разве так трудно сыскать розу без шипов, что не колетя?» — «Нст, — ответствовала ханша, — не так чрезвычайно трудно, буде кто прямодушен и твердо пребывает в добром намерении». Хлор спросил: «Нашел ли уже кто тот цветок?» — «Я видела, — сказала Фелица, — мещан² и крестьян, кои в том успевали не хуже вельмож, и царей, и царя». Сказав сие, ханша простилась с царевичем, старшина же дядька отвел дитя искать розу без шипов, которая не колетя, и для того пустил его сквозь калитку в превеликий зверинец. Тут увидел Хлор перед собою множество дорог: иные прямо лежащие, иные с кривизнами, иные перепутанные. Дитя не знал

¹ Лытцы.

² Вновь (устар.).

¹ Имя Фелица произведено от *лат.* «*felix*» — «счастливый».

² Горюжан.

сначала, по которой идти; но, увидя юношу, идущего ему навстречу, поспешил к нему спросить, кто он таков. Юноша отвечал: «Я Рассудок, сын Фелицын, меня мать моя прислала идти с тобою искать розу без шипов, которая не колется». Царевич, благодаря Фелице сердцем и устами, взяв его за руку, паведывался, по которой дороге идти. Рассудок с веселым и бодрым видом сказал ему: «Не бойся, царевич, пойдем по прямой дороге, по которой не все ходят, хотя она пригожее других». «Для чего же по ней не ходят?» — спросил царевич. «Для того, — сказал юноша, — что на других дорогах останавливаются или сбиваются». Идучи, юноша показал Хлору прекрасную дорожку, говоря: «Посмотри, царевич, дорога сия называется Благо-расположенных душ младенчества, она хороша, да кратка».

Пошли сквозь лес к приятной долине, в которой увидели речку прозрачной воды, подле которой нашли несколько молодых людей; иные из них сидели, иные лежали по траве и под деревьями. Как увидели царевича, встали и подошли к нему; один из них со всякою учтивостию и приветливостию сказал: «Позвольте, сударь, спросить: куда вы идете? Нечаянно ли вы сюда зашли? И не можем ли мы иметь удовольствие чем-нибудь вам услужить? Взгляд ваш наполняет нас уже почтением и дружбою к вам, и мы вне себя от радости видеть столь многие блистающие ваши качества». Царевич, вспомня слова Фелицы, улыбнулся и сказал: «Я не имею чести вас знать, ни вы меня не знаете, итак, ваши слова приписываю единой обыкновенной светской учтивости, а не моим достоинствам; иду же искать розу без шипов, которая не колется». Другой из тамо находившихся вступил в речь и сказал: «Намерение ваше показывает великие ваши дарования; но сделайте милость, одолжите нас, оставайтесь с нами хотя несколько дней и берите участие в нашем бесподобном веселии». Хлор сказал, что ему срок поставлен и остановиться недосуг; опасается ханского гнева. Они же старались его уверить, что ему отдохновение нужно для здоровья и что лучше и способнее места не найдется, ни людей усерднее их, и нивест как просили и уговаривали остаться за ними. Наконец, мужчины и женщины, взяв друг друга за руки, сделали около Хлора и его проводника круг; начали плясать и скакать, и не пускать их далее; но пока вокруг вертелись, Хлора под руку ухватил Рассудок, и выбежали из круга так скоро, что в кругу вертевшиеся не могли их удержать.

Отошед подальше, нашли Лентяг-мурзу, главного надзирателя того места, который прогуливался с своими домашними. Увидя Хлора с провожатым, принял их с ласкою и просил зайти в его избу; они, устав маленько, пошли к нему. Вошед в его горницу, он посадил их на диван, сам же лег возле них посреди пуховых подушек, покрытых старинною парчою; его же домашние сели около стены. Потом Лен-

тяг-мурза приказал принести трубки курительные и кофе. Услыша же от них, что табаку не курят, кофе не пьют, благовоными духами опрыскивать ковры велел, после чего спросил Хлора о причине его прихода в зверинец. Царевич отвечал, что по приказанию хана его ищет розу без шипов, которая не колется. Лентяг-мурза дивился, что в таких молодых летах принял таковой труд, говоря, «что и старее тебя едва ли станет; отдохните, не ходите далее, у меня здесь есть люди, кои находить старались, но, устав, покинули». Один из тут сидящих встал с места и сказал: «Я сам неоднократно хотел дойти, но скучил, а вместо того я остался жить у моего благодетеля Лентяг-мурзы, который меня поит и кормит». Между сих разговоров Лентяг-мурза уткнул голову в подушку и заснул. Как около стены сидящие услышали, что Лентяг-мурза храпит, то они полегоньку встали, иные пошли убираться¹ и украшаться, иные легли спать, иные начали всякие празднословия говорить, иные ухватились за карты и кости, и при всех сих упражнениях иные сердились, иные радовались, и на лицах всех разные их внутренние движения оказывались. Как Лентяг-мурза проснулся, все паки собрались около него, и внесли в горницу стол со фруктами. Лентяг-мурза остался посреди пуховых подушек и оттуда потчевал царевича, который весьма прилежно примечал все, что тамо ни делалось. Хлор лишь принялся было отвесть предлагаемое им от Лентяг-мурзы, как его проводник Рассудок его за рукав дернул полегоньку; кисть прекрасного винограда, которую царевич в руках держал, по полу рассыпалась, он же, опомнясь, тотчас встал, и оба вышли из хором Лентяг-мурзы.

Не в дальнем расстоянии увидели дом крестьянский и несколько десятин² весьма удобренной земли, на которой всякий хлеб, как то: рожь, овес, ячмень, гречиха и проч., — засеян был; иной попевал, иной лишь вышел из земли. Подальше увидели луга, на которых паслись овцы, коровы и лошади. Хозяина они нашли с лейкою в руках: обливает рассаженные женою его огурцы и капусту; дети же упражнены были в другом месте, щипали траву негодную из овощей. Рассудок сказал: «Бог помочь, добрые люди»; они ответствовали: «Спасибо, баричи»; кланялись же царевичу незнакомо, но Рассудок призывенно просили, говоря: «Посети, пожалуй, наше жилище, и матушка твоя ханша нас жалует, посещает и не оставляет». Рассудок согласился к ним войти; пошли с Хлором на двор. Посреди двора стоял ветхий и высокий дуб, а под ним широкая, чисто выскобленная лавка, а перед лавкою стол; гости сели на лавку, хозяйка с невесткою разо-

¹ Нарядиться.

² Десятина — старинная русская мера площади, приблизительно равная гектару.

стлали по столу скатерть и поставили на столе чашу с простоквашею, другую с яичницею, блюдо блинов горячих и яиц всячатку, а посреди не ветчину добрую, положили на столе ситный хлеб, да поставили возле каждого крынку молока, а после вместо закусок¹ принесли соты и огурцы свежие да клокву с медом. Хозяин просил: «Покушайте, пожалуй». Путешественники, которые проголодались, ничем не гнушались и меж тем разговаривали с хозяином и хозяйкою, кои им рассказывали, как они живут здорово, весело и спокойно и во всяком удовольствии по их состоянию, провождая век в крестьянской работе и преодолевая трудолюбием всякую нужду и недостаток. После ужина на той же лавке разостлали войлочные; Хлор и Рассудок на них положили свои спанчи², хозяйка каждому принесла подушку с белою наволочкою, легли спать и заснули крепко, для того что устали.

Путешественники встали на рассвете, поблагодарили хозяина, который за ночлег ничего с них взять не захотел, и пошли в путь. Отшел с полверсты³, услышали издали, что играют на волынке. Хлор вздумал подойти поближе, но Рассудок молвил, что волынкою отведут их от пути. Любопытство Хлора принудило его; подошел к волынке, но, увидя шалости пьяношатающихся в безобразии около волынишника, испугался и кинулся Рассудку на руки. Сей его отнес паки на прямую дорогу, где вскоре, прошед рощу, увидели возвышение крутое. Рассудок сказал царевичу, что тут растет роза без шипов, которая не колется. Здесь Хлор почувствовал зной солнечный и устал; начал скучать, говорил, что конца нет той дороге, долго ли это будет, нельзя ли идти по другой дороге? Рассудок отвечал, что он ведет его ближайшим путем и что терпением одним преодолевается труд. Царевич с неудовольствием сказал: «Авось-либо сам сыщу дорогу», — и, махнув рукой, удвоил шаг, удалился от провожатого.

Рассудок остался позади и пошел за ним молча тихим шагом. Дитя забрел в местечко, где мало кто бы на него поглядел, ибо торговый день был, и все люди заняты были торгом и сменою на рынке. Царевич, ходя между телегами и посреди торгового шума, заплакал. Один человек, который его не знал, пошел мимо его и, увидя, что дитя плачет, сказал ему: «Перестань, шенок, кричать, и без тебя здесь шума довольно». Рассудок дошел до него в самое то время; царевич жаловался на того человека, что щенком его называл. Рассудок, ни слова не говоря, вывел его оттуда; когда же Хлор спросил, для чего он не говорит по-прежнему с ним, Рассудок на то сказал: «Ты моих советов

не спрашиваешь, сам же забрел в непристойное место, так не прогневайся, буде нашел людей или речи не по твоим мыслям». Рассудок продолжать хотел речь, но встретили они человека не молодого, но приятного вида, который окружен был множеством юнош. Хлор, всегда любопытствуя о всем, отозвал одного из них, спросил кто таков? Юноша сказал, что «сей человек есть учитель наш; мы отучились, идем гулять; а вы куда идете?» На что царевич отвечал: «Мы ищем розу без шипов, которая не колется» — «Слышал я, — сказал юноша, — толкование розы без шипов, которая не колется, от нашего учителя; сей цветок не что иное значит, как добродетель: иные думают достигнуть косыми дорогами, но никто не достигнет, кроме прямою дорогою; счастлив же тот, который чистосердечною твердостью преодолевает все трудности того пути. Вот гора у вас на виду, на которой растет роза без шипов, которая не колется, но дорога крута и камениста». Сказав это, простился с ними, пошел за своим учителем.

Хлор с провожатым пошли прямо к горе и нашли узкую и каменистую тропинку, по которой шли с трудом. Тут попались им навстречу старик и старуха в белом платье, равно почтенного вида; они им протянули посохи свои, сказали: «Упирайтесь на них, не спотыкнетесь». Здесь находящиеся сказывали, что имя первого Честность, а другой — Правда.

Дошед, упираясь на тех посохах, до подошвы горы, принуждены были подняться с тропинки на ветвь, да с ветви на ветвь, добрались до вершины горы, где нашли розу без шипов, которая не колется. Лишь успели снять ее с куста, как в тамо находящемся храме заиграли на трубах и на литаврах, и разнесся всюду слух, что царевич Хлор сыскал в таких молодых летах розу без шипов, которая не колется. Он поспешил к хану с цветком, хан же Хлора и со цветком отослал к царю. Сей обрадовался столько приезду царевича и его успехам, что позабыл всю тоску и печаль. Царевича царь и царица и все люди любили час от часу более, для того, что час от часу укреплялся в добродетели. Здесь сказка кончится, а кто больше знает, тот другую скажет.

1782

¹ Закуской в XVIII в. нередко именовали десерт.

² Епанча (устар.) — длинный плащ, накидка из плотной ткани.

³ Верста — старинная русская мера длины, около километра.

Денис Иванович Фонвизин

Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке

Скажи, Шумилов, мне: па что сей создан свет?
И как мне в оном жить, подай ты мне совет.
Любезный дядька мой, наставник и учитель,
И денег, и белья, и дел моих рачитель!¹
Боишься Бога ты, боишься сатаны,
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены медведь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька и Петрушка?
На что ты создан сам? Скажи, Шумилов, мне?
На то ли, чтоб свой век провел ты в крепком сне?
О таинство, от нас сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумилов, ты седой своей главою;
«Не знаю, — говоришь, — не знаю я того,
Мы созданы на свет и кем и для чего.
Я знаю то, что нам быть должно век слугами
И век работать нам руками и ногами;
Что должен я смотреть за всей твоей казной,
И помню только то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я муж твоей любезной няньки;
На что сей создан свет, изволь спросить у Ваньки».
К тебе я обращаю теперь мои слова,
Широкие плеча, большая голова,
Малейшего ума пространный столица!
Во области твоей кони и колесница,
И стало наконец угодно небесам,
Чтоб слушался тебя извозчик мой и сам.
Па светску суету всedневно ты зриаешь
И, стоя назади, Петрополь² обтекаешь;
Готовься на вопрос премудрый дать ответ:
Вещай, великий муж, на что сей создан свет?
Как тучи ясный день внезапно помрачают,

Так Ванькин ясный взор слова мои смущают.
Сомнение его тревожить начало,
Наморщились его и харя, и чело¹.
Вещает с гневом мне: «На все твои затеи
Не могут отвечать и сами грамотей.
И мне ль о том судить, когда мои глаза
Не могут отличить от ижицы аза!»²
С утра до вечера держась на карете,
Мне тряско отвечать о Боге и о свете;
Неловко помышлять о том и во дворце,
Где часто я стою смиренно на крыльце,
Откуда кажлый час друзей моих гоняют
И палочьем гостей к каретам провожают;
Но если на вопрос мне должно дать ответ,
Так слушайте ж, каков мне кажется сей свет.

Москва и Петербург довольно мне знакомы,
Я знаю в них почти все улицы и дома.
Шатаюсь по свету и вдоль и поперек,
Что мог увидеть я, того не простерек.
Видал и трусов я, видал я и нахалов,
Видал простых господ, видал и генералов;
А чтоб не завести напрасный с вами спор,
Так знайте, что весь свет считаю я за вздор.
Довольно на веку я свой живот помучил,
И ездить назади я истинно наскучил.
Извозчик, лошади, карета, хомуты
И все, мне кажется, на свете суety.
Здесь вижу мотовство, а там я вижу скупость;
Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
Да, сверх того, еще приметил я, что свет
Столь много времени несправдоу живет,
Что нет уже таких кашеев³ на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Поны стараются обманывать народ,
Слуги — дворешкого, дворешкие — господ,
Друг друга — господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,

¹ Рачитель (устар.) — хранитель.

² Петербург.

¹ Чело — (устар.) — лоб.

² Аз (А) и ижица (У) — буквы старой русской азбуки.

³ Кашей — здесь: древний старик.

За благо рассудил приняться за обман.
 До денег лакомы посадские¹, дворяне,
 Судьи, подьячие², солдаты и крестьяне.
 Смирненны пастыри душ наших и сердец
 Изволят собирать оброк с своих овец.
 Овечки женятся, плодятся, умирают,
 А пастыри притом карманы набивают.
 За деньги чистые прощают всякий грех,
 За деньги множество в раю сулят утех.
 Но если говорить на свете правду можно,
 То мнение мое скажу я вам неложно:
 За деньги самого Всевышнего Творца
 Готовы обмануть и пастырь и овца!
 Что дурен здешний свет, то всякий понимает.
 Да для чего он есть, того никто не знает.
 Довольно я молот, пора и помолчать;
 Петрушка, может быть, вам станет отвечать».

«Я мысль мою скажу, — вещает мне
 Петрушка, —
 Весь свет, мне кажется, ребячая игрушка;
 Лишь только надобно подтверже то узнать,
 Как лучше, живучи, игрушкой той играть.
 Что нужды, хоть потом и возьмут душу черти,
 Лишь толко б удалось получше жить до смерти!
 На что молиться нам, чтоб дал Бог видеть рай?
 Жить весело и здесь, лишь ближними играй.
 Играй, хоть от игры и плакать ближний будет,
 Щечи³ его казну, — твоя казна прибудет;
 А чтоб приятнее еще казался свет,
 Бери, лови, хватай все, что ни попадет.
 Всяк должен своему последовать рассудку:
 Что ставишь в дело ты, другой то ставит в шутку.
 Не часто ль от того родится всем беда,
 Чем тешиться хотят большие господа,
 Которы нашими играют господами
 Так точно, как они играть изволят нами?
 Создатель твари всей, себе на похвалу,
 По свету нас пустил, как кукол по столу.

¹ Посадские — горожане.

² Подьячие — чиновники.

³ Щечи (от щетить, *устар.*) — таскай, воруй.

Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут,
 Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут.
 Вот как вертится свет! А для чего он так,
 Не ведаст того ни умный, ни дурак.
 Однако, ежели какими чудесами
 Изволили спознать вы ту причину сами,
 Скажите нам ее...» — Сим речь окончил он,
 За речию его последовал поклон.
 Шумилов с Ванькою, хваля догадку ону,
 Отвесили за ним мне также по поклону;
 И трое все они, возвыся громкий глас,
 Вспали: «Не скрывай ты таинства от нас;
 Яви ты нам свою в решениях удачу,
 Реши ты нам свою премудрую задачу!»

А вы внемлите мой, друзья мои, ответ:
 «И сам не знаю я, на что сей создан свет!»

1760-е годы

Письмо Тараса Скотинина к родной его сестре госпоже Простаковой

Матушка сестрица! я по отпуске сего письма жив, но в превеликом горе. Тебе неизвестно, что в деревенской жизни свиной завод мой составляет главное мое удовольствие. На сих днях сделалось у меня несчастье; я чуть было не дошел до отчаянности. Лучшая моя пестрая свинья, которую из почтения к покойной нашей родительнице (ты знаешь, что я всегда был сын почтительный) прозвал я ее именем, Аксинья, скончалась от заушницы. Сколько ни старался я об ее излечении, но вижу, что и свиные врачи не искуснее человеческих. Лечили несколько месяцев, денег перевели пропасть, а кончилось дело кончиною моею дражайшей Аксиньи, которая была дороже жизни и всего завода. Она жила беспорочно. Я между женщинами многих Аксиний знаю, но моя была их целомудреннее. Как скоро мне сказали, что она трудна, с тех пор не выходил я из хлева до последнего ее издыхания. Она умирала геройски, не показывая никакого знака истерпения. Я, будучи также смертный, истинно, глядя на нее, учился умирать.

Сие несчастное приключение переменяло совсем нрав мой. Мне свет опостылел. Я чувствую, что потерял прежнюю мою к свиньям охоту; но надобно чем-нибудь заняться. Хочу прилепиться к нравоучению, то есть исправлять нравы моих крепостных людей и крестьян.

ян; но как к достижению сего лучше взяться за кратчайшее и удобнейшее средство, то, находя, что словами я ничего сделать не могу, вознамерился нравы исправлять березой. Всегдашняя склонность моя влекла меня к строгости. Лишась моей Аксиньи, не буду знать ни пощады, ни жалости, а там пусть со мною будет, что будет. Я хочу, чтоб действие надо мною столь великой потери ощутили все те, кои от меня зависят. Ты знаешь, матушка, что всякую мою досаду, кольми паче¹ несчастье, над людьми моими вымещаю, и если между твоими крепостными найдутся такие, коих нравы исправлять надобно моим манером, то присылай ко мне; а я на свою руку охулки не положу и всегда рад тебе доказывать, что я твой достойный брат

Тарас Скотинин
1787

Всеобщая придворная грамматика

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Сия Грамматика не принадлежит частно ни до которого двора; она есть всеобщая, или философская. Рукописный подлинник оной найден в Азии, где, как сказывают, был первый царь и первый двор. Древность сего сочинения глубочайшая, ибо на первом листе Грамматики хотя год и не назначен, но именно изображены сии слова: *вскоре после всеобщего потопы*.

Глава первая

ВСТУПЛЕНИЕ

В о п р. Что есть придворная Грамматика?

О т в. Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языком и пером.

В о п р. Что значит хитро льстить?

О т в. Значит говорить и писать такую ложь, которая была бы знатным приятна, а льстецу полезна.

В о п р. Что есть придворная ложь?

О т в. Есть выражение души подлой пред душою надменною. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги, которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет.

¹ Тем более.

В о п р. На сколько родов разделяются подлые души?

О т в. На шесть.

В о п р. Какие подлые души первого рода?

О т в. Те, кои сделали несчастною привычку без малейшей нужды в передних знатных господ шататься вседневю.

В о п р. Какие подлые души второго рода?

О т в. Те, кои, с благоговением предстоя большому барину, смотрят ему в очи раболепно и алчут предузнать мысли его, чтобы заранее угодить ему подлым таканьем.

В о п р. Какие суть подлые души третьего рода?

О т в. Те, которые пред лицом большого барина, из одной трусости, рады все всклепать на себя небывальщины и от всего отпереться.

В о п р. А какие подлые души рода четвертого?

О т в. Те, кои в больших господах превозносят и то похвалами, чем гнушаться должны честные люди.

В о п р. Какие суть подлые души пятого рода?

О т в. Те, кои имеют бесстыдство за свои прислуги принимать воздаяния, принадлежащие одним заслугам.

В о п р. Какие же суть подлые души рода шестого?

О т в. Те, которые презрительнейшим притворством обманывают публику: вне дворца кажутся Катонами¹; восстанут против льстецов; ругают язвительно и беспощадно всех тех, которых трепещут единого взора; проповедуют неустрашимость и по их отзывам кажется, что они одни своею твердостью стерегут целостность отечества и несчастных избавляют от гибели, но переступя чрез порог в чертоги государя, делается с ними совершенное превращение: язык, ругавший льстецов, сам подлаживает им подлейшей лестию; кого ругал за полчаса, пред тем безгласный раб; проповедник неустрашимости боится нестати взглянуть, нестати подойти; страж целостности отечества, если находит случай, первый протягивает руку ограбить отечество; заступник несчастных для малейшей своей выгоды рад погубить невинного.

В о п р. Какое разделение слов у двора примечается?

О т в. Обыкновенные слова бывают: *односложные*, *двусложные*, *троесложные* и *многосложные*. Односложные: *так*, *князь*, *раб*; двусложные: *силен*, *случай*, *упал*; троесложные: *милостив*, *жаловать*, *угождать*; многосложные: *Высокопревосходительство*.

В о п р. Какие люди обыкновенно составляют двор?

О т в. Гласные и безгласные.

¹ Катон Старший (234–149 гг. до н. э.) — римский государственный деятель, славный своей принципиальностью, бескомпромиссной порядочностью.

Глава вторая

О ГЛАСНЫХ И О ЧАСТЯХ РЕЧИ

В о п р. Что разумеешь ты чрез гласных?

О т в. Чрез гласных разумею тех сильных вельмож, кои по большой части самым простым звуком, чрез одно отверстие рта, производят уже в безгласных то действие, какое им угодно. Например: если большой барин, при докладе ему о каком-нибудь деле, нахмурясь скажет: *о!* — того дела вечно сделать не посмеют, разве как-нибудь перетолкуют ему об оном другим образом, и он, получа о деле другие мысли, скажет тоном, изыявляющим свою ошибку: *а!* — тогда дело обыкновенно в тот же час и решено.

В о п р. Сколько у двора бывает гласных?

О т в. Обыкновенно мало: три, четыре, редко пять.

В о п р. Но между гласными и безгласными нет ли еще какого рода?

О т в. Есть: полугласные или полубояре.

В о п р. Что есть полубоярин?

О т в. Полубоярин есть тот, который уже вышел из безгласных, но не попал еще в гласные, или, иначе сказать, тот, который пред гласными хотя еще безгласный, но пред безгласными уже гласный.

В о п р. Что разумеешь ты чрез придворных безгласных?

О т в. Они у двора точно то, что в азбуке буква ъ, то есть сами собою, без помощи других букв, никакого звука не производят.

В о п р. Что при словах примечать должно?

О т в. Род, число и падеж.

В о п р. Что есть придворный род?

О т в. Есть различие между душою мужескою и женскою. Сие различие от пола не зависит, ибо у двора иногда женщина стоит мужичины, а иной мужчина хуже бабы.

В о п р. Что есть число?

О т в. Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно; а иногда счет: сколькими полугласными и безгласными можно свалить одного гласного; или же иногда: сколько один гласный, чтоб устоять в гласных, должен повалить полугласных и безгласных.

В о п р. Что есть придворный падеж?

О т в. Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бес- сильных к подлости. Впрочем, большая часть бояр думает, что все находятся пред ними в *винительном падеже*; снискивают же их расположение и покровительство обыкновенно *падежом дательным*.

В о п р. Сколько у двора залогов?

О т в. Три: *действительный, страдательный*, а чаще всего *отложительный*.

В о п р. Какие наклонения обыкновенно у двора употребляются?

О т в. Повелительное и неопределенное.

В о п р. У людей заслуженных, по беспомощных, какое время употребляется по большей части в разговорах с большими господами?

О т в. *Прошедшее*, например: *я изранен, я служил* и тому подобное.

В о п р. В каком времени бывает их ответ?

О т в. *В будущем*, например: *посмотрю, доложу* и так далее.

Глава третья

О ГЛАГОЛАХ

В о п р. Какой глагол спрягается чаще всех и в каком времени?

О т в. Как у двора, так и в столице никто без долгу не живет, для того чаще всех спрягается глагол *быть должным* (для примера прилагается здесь спряжение *настоящего времени*, чаще всех употребительнейшего): <...>

В о п р. Спрягается ли сей глагол в прошедшем времени?

О т в. Весьма редко: ибо никто долгов своих не платит.

В о п р. А в будущем?

О т в. В будущем спряжение сего глагола употребительно: ибо само собою разумеется, что всякий непременно в долгу будет, коли еще не есть.

1783 (?)

Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание

(Вопросы принадлежат Д. И. Фонвизину, ответы — Екатерине II)

<...>

Вопросы	Ответы
1. Отчего у нас спорят сильно в таких истинах, кои нигде уже не встречаются ни малейшего сомнения?	На 1. У нас, как и везде, всякий спорит о том, что ему не нравится или непонятно.

2. Отчего многих добрых людей видим в отставке?	На 2. Многие добрые люди вышли из службы, вероятно, для того, что нашли выгоду быть в отставке.
3. Отчего все в долгах?	На 3. Оттого в долгах, что проживают болес, нежели дохода имеют.
4. Если дворянством награждаются заслуги, а к заслугам отверсто поле для всякого гражданина, отчего же никогда не достигают дворянства купцы, а всегда или заводчики, или откупщики?	На 4. Одни, быв богаче других, имеют случай оказать какую ни на есть такую заслугу, по которой получают отличие.
5. Отчего у нас тяжущиеся не печатают тяжб своих и решений правительства?	На 5. Для того, что вольных типографий до 1782 года не было.
6. Отчего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелись общества между благородными?	На 6. От размножившихся клобов.
7. Отчего главное старание большей части дворян состоит не в том, чтоб сделать детей своих людьми, а в том, чтоб поскорее сделать их не служа гвардии унтер-офицерами?	На 7. Одно легче другого.
8. Отчего в наших беседах слушать нечего?	На 8. Оттого, что говорят небылицу.
9. Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми?	На 9. Оттого, что на суде не изобличены.
10. Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?	На 10. Оттого, что сие не есть дело всякого.
11. Отчего знаки почестей, должествующие свидетельствовать истинные отечеству заслуги, не производят по большей части к носящим их ни малейшего душевного почтения?	На 11. Оттого, что всякий любит и почитает лишь себе подобного, а не общественные и особенные добродетели.

12. Отчего у нас не стыдно не делать ничего?	На 12. Сие неясно: стыдно делать дурно, а в обществе жить не есть не делать ничего.
13. Чем можно возвысить упавшие души дворянства? Каким образом выгнать из сердец нечувственность к достоинству благородного звания? Как сделать, чтоб почтенное титуло дворянина было несомненным доказательством душевного благородства?	На 13. Сравнение прежних времен с нынешними покажет несомненно, колико души ободрены либо упали; самая наружность, походка и проч. то уже оказывает.
14. Имея монархию честного человека, что бы мешало взять всеобщим правилом: удостоиваться ее милостей одними честными делами, а не отваживаться прискивать их обманом и коварством?	На 14. Для того, что везде, во всякой земле и во всякое время род человеческий совершенным не родится.
15. Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?	На 15. Предки наши не все грамоте умели. NB. Сей вопрос родился от свободолюбия, которого предки наши не имели; буде же бы имели, то начали бы на нынешнего одного десяти прежде бывших.
16. Отчего многие приезжие из чужих краев, почитавшиеся тамо умными людьми, у нас почитаются дураками; и наоборот: отчего здешние умницы в чужих краях часто дураки?	На 16. Оттого, что вкусы разные и что всякий народ имеет свой смысл.
17. Гордость большей части бояр где обитает: в душе или в голове?	На 17. Тамо же, где нерешимость.
18. Отчего в Европе весьма ограниченный человек в состоянии написать письмо вразумительное и отчего у нас часто преострые люди пишут так бестолково?	На 18. Оттого, что тамо, учась слогу, одинако пишут; у нас же всяк мысли свои не учась на бумагу кладет.

19. Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, потом же оставляются, а нередко и совсем забываются?	На 19. По той же причине, по которой человек стареется.
20. Как истребить два противоположные и оба вреднейшие предразсудки: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?	На 20. Временем и знанием.
21. В чем состоит наш национальный характер?	На 21. В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных.

1783

Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях

*Беззакония мои аз познах
и греха моего не покрываю¹.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Славный французский писатель Жан-Жак Руссо издал в свет «Признания»², в коих открывает он все дела и помышления свои от самого младенчества, — словом, написал свою исповедь и думает, что сей книги его как не было примера, так не будет и подражателей.

Я хочу, говорит Руссо, показать человека во всей истине природы, изобразив одного себя. Вот какой подвиг имел Руссо в своих признаниях.

Но я, приближаясь к пятидесяти летам жизни моей, прешед, следовательно, половину жизненного поприща и одержим будучи трудною

¹ Беззаконие мое я осознал и греха моего не скрыл (*церк.-слав.*). Цитата из 31-го псалма. Далее Фонвизин периодически цитирует Священное Писание: это выделено курсивом, но оставлено без ссылки на источник.

² «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) опубликована посмертно (1782–1790).

болезнью, нахожу, что едва ли остается мне время на покаяние, и для того да не будет в признаниях моих никакого другого подвига, кроме раскаяния христианского: чистосердечно открою тайны сердца моего и беззакония моя аз возвещу. Нет намерения моего ни оправдывать себя, ниже¹ лукавыми словами прикрывать развращение свое: *Господи! не уклони сердца моего в словеси лукавствия и сохрани во мне любовь к истине, юже вселил еси в душу мою*².

Но как апостол глаголет³: *исповедуйте убо друг другу согрешения*, разумеется, ваши, а не чужие, то я почитаю за долг не открывать имени тех, кои были орудием греха и порока моего, ниже имен тех, кои приводили меня в развращение; напротив того, со слезами благодарности вспомню имена тех, кои мне благодействовали, кои сохранили ко мне долговременное дружество, кои имели в болезнь мою обо мне сострадание и кои, наконец, наставлением и советом своим совращали меня с пути грешника⁴ и ставили на путь праведен.

Не утаивая ничего из содеянного мною зла, скажу без прибавки и все то, что сделал я, следуя гласу совести. И если между множеством согрешений случилось мне в жизни сотворить нечто благое, то признаю и исповедую, что сие не от меня происходило, но от самого Бога, вся благая⁵ нам дарующего: тому единому восписую⁶ благие дела мои, ему единому за них благодарю и его молю, да мя в сем благом утвердит до конца жизни.

Сие испытание моей совести разделю я на четыре книги. Первая содержать будет мое младенчество, вторая юношество, третья совершенный возраст и четвертая приближающуюся старость.

Прежде нежели начну я мое повествование, необходимо надобно описать свойства тех моих ближних, к коим я в течение жизни моей имел более отношения. Да не причтется мне в пристрастие, ежели я, говоря правду, скажу нечто похвальное о ближних моих, ибо я в справедливости моей ссылаюсь на тех, кои их знали.

Отец мой был человек большого здравого рассудка, но не имел случая, по тогдашнему образу воспитания, просветить себя учением. По крайней мере, читал он все русские книги, из коих любил отменно древнюю и римскую историю, мнения Цицероновы и прочие хорошие переводы нравоучительных книг. Он был человек добродетель-

¹ Ни же. Старинная форма написания, сохраняется здесь и далее по традиции.

² Которую вселил в душу мою (*церк.-слав.*).

³ Глаголет (*церк.-слав.*) — говорит.

⁴ Грешнического, греховного.

⁵ Вся благая (*церк.-слав.*) — все благое.

⁶ Восписую (*церк.-слав.*) — приписываю.

ный и истинный христианин, любил правду и так не терпел лжи, что всегда краснел, когда кто лгать при нем не устыжался. В передних тогдашних знатных вельмож никто его не видывал, но он не пропускал ни одного праздника, чтоб не быть с почтением у своих начальников. Непавидел лихоимства и, быв в таких местах, где люди паживаются, никаких никогда подарков не принимал. «Государь мой! — говаривал он приносителю. — Сахарная голова¹ не есть резон для обвинения вашего соперника: извольте ее отнести назад, а принесите законное доказательство вашего права». После сего более уже не разговаривал с приносителем.

Отец мой жил с лишком восемьдесят лет. Причиною сему было воздержное христианское житие. Он горячих напитков не пил, пищу употреблял здоровую, но не объедался. Был женат дважды и во время супружества своего никакой другой женщины, кроме жен своих, не знал. За картами ни одной ночи не просиживал, и, словом, никакой страсти, возмущающей человеческое спокойствие, он не чувствовал. О, если бы дети его были ему подобны в тех качествах, кои составляли главные души его свойства и кои в нынешнем обращении света едва ли сохранить можно!

Отец мой был характера весьма вспыльчивого, но не злопамятного; с людьми² своими обходился с кротостию, но, невзирая на сие, в доме нашем дурных людей не было. Сие доказывает, что побои не есть средство к исправлению людей. Невзирая на свою вспыльчивость, я не слышал, чтоб он с кем-нибудь поссорился; а вызов на дуэль считал он делом противу совести. «Мы живем под законами, — говаривал он, — и стыдно, имея таковых священных защитников, каковы законы, разбираться самим на кулаках. Ибо шпаги и кулаки суть одно. И вызов на дуэль есть не что иное, как действие буйственной молодости». Наконец, должен я сказать к чести отца моего, что он, имея не более пятисот душ, живучи в обществе с хорошими дворянами, воспитывая восьмерых детей, умел жить и умереть без долга. Сие искусство в нынешнем обращении света едва ли кому известно. По крайней мере, нам, детям его, кажется непостижимо. Но ничто не доказывает так великодушного чувствования отца моего, как поступок его с родным братом его. Сей последний вошел в долги, по состоянию своему неоплатные. Не было уже никакой надежды к извлечению его из погибели. Отец мой был тогда в цветущей своей юности. Одна

вдова, старуха близ семидесяти лет, влюбила в него и обещала, ежели на ней женится, искупить имением своим брата его». Отец мой, по единому подвигу братской любви, не поколебался жертвовать ему собою: женился на той старухе, будучи сам восемнадцати лет. Она жила с ним еще двенадцать лет. И отец мой старался об успокоении ее старости, как должно христианину. Надлежит признаться, что в наш век не встречаются уже такие примеры братолюбия, чтоб молодой человек пожертвовал собою, как отец мой, благосостоянию своего брата. Вторая супруга отца моего, а моя мать, имела разум тонкий и душевными очами видела далеко. Сердце ее было сострадательно и никакой злобы в себе не вмещало: жена была добродетельная, мать чадолубивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная. Можно сказать, что дом моих родителей был тот, от которого за добродетели их благодать Божия никогда не отнималась. В сем доме проведено было мое младенчество, которого подробности в следующей книге читатель найдет.

КНИГА ПЕРВАЯ

*Господи! даждь ми помысл
исповедания грехов моих¹.*

Не естественно человеку помнить первое свое младенчество. Я никак не знаю себя до шести лет возраста. Но без сомнения имел и я в себе то зло, которое у других младенцев видать случается, то есть: злобу, нетерпение, любостяжание² и притворство, — словом, начатки почти всех пороков, кои уже окореняются и возрастают от воспитания и от примеров. Не знаю, для чего отнимали меня от кормилицы уже поздно. На третьем году случилось со мною сие лишение, которое, как сказывал мне сам отец мой, переносил я с ужасным нетерпением и тоскою. Однажды он, подошел ко мне, спросил меня: «Грустно тебе, друг мой?» — «А так-то грустно, батюшка, — отвечал я ему, затрепетав от злобы, — что я и тебя и себя теперь же вдавил бы в землю». Сие сильное выражение скорби показывало уже, что я чувствовал сильнее обыкновенного младенца. В четыре года начали учить меня грамоте, так что я не помню себя безграмотного.

Теперь пришло мне на мысль обстоятельство, случившееся во время моего младенчества, о котором я никогда никому не сказывал и которое здесь упомяну для того, что можно из него вывести неко-

¹ Сахар продавали большими глыбами (головами), которые потом раскалывали. Поскольку это был дорогой колониальный товар, то сахарные головы часто приносили в качестве взятки чиновникам.

² Люди — здесь: прислуга, крепостные.

¹ Господи, подай мне мысль об исповедании грехов моих (церк.-слав.).

² Любостяжание (устар.) — любовь к приобретению материальной собственности.

торое правило, полезное для детского воспитания. Родителей моих нередко посещала родная сестра отца моего, женщина кроткая, и нас, племянников своих, любила искренно. Она часто езжала в дом одного славного тогдашнего карточного игрока и всегда от него привозила к нам несколько игор карт¹, коими нас дарила. Я не могу изъяснить, сколько я пристрастился к картам с красными задками и бывал вне себя от радости, когда такие карты мне доставались; но сие случалось редко. Сколько хитростей, обманов и лукавства употреблял мой младенческий умишка, чтоб на деле доставались мне карты с красными задками! Но как хитрости мои редко удавались, то пришел я в уныние и для получения желаемого решился испытать другой способ и чистосердечно открыться самой тетюшке о моей печали; но признаюсь, что и тут употребил я некоторую хитрость, а именно: нашедшись с ней наедине, составил я лицо такое печальное и такое простодушное, что тетюшка спросила меня сама: «О чем ты тужишь, друг мой?» На сей вопрос признался я в пристрастии моем и, повинаясь, что я их всех обманывал, просил, чтоб вперед на деле доставались мне любимые карты. «Ты хорошо сделал, друг мой, что мне искренно открылся», — сказала она, — я для тебя привезу буду всегда особенно игру с красными задками, кои в деле входить не будут». Я в восторг пришел от сего отзыва и тогда ж почувствовал, что идти прямою дорогою выгоднее, нежели лукавыми стезями². Но должно признаться, что в течение жизни я не всегда держался сего правила, ибо случались со мною такие обстоятельства, в которых должен был я или погибать, или приняться за лукавство; не скрою, однако ж, и того, что во время младенчества моего, имея отца благо-разумного и справедливого, удавалось мне получать желаемое чаще, следуя чистосердечно, нежели прибегая к лукавству. И я почти внутренно уверен, что воспитатели, ободряя младенцев избирать во всем прямой путь, предусеют тем гораздо лучше вкоренить в них привязанность к истине и приучить к чистосердечию, нежели оставляя без примечания малейшие их деяния, в коих душевные их свойства обнаруживаться могут. Поистине, не могу я словами изъяснить, сколь сильны пристрастия и самого младенчества. Я могу сказать, что на картах с красными задками голова моя повернулась. Получение их составляло некоторым образом мое блаженство. И в самом Риме едва ли делали мне такое удовольствие арабески Рафаэлев³, как тогда

карты с красными задками. По крайней мере, смотря на первое, не чувствовал я того наслаждения, какое ощущал от любимых моих карт, будучи младенцем.

Чувствительность моя была беспримерна. Однажды отец мой, собрав всех своих младенцев, стал рассказывать нам историю Иосифа Прекрасного¹. В рассказывании его не было никакого украшения; но как повесть сама собою есть весьма трогательная, то весьма скоро навернулись слезы на глаза мои; потом начал я рыдать неутешно. Иосиф, проданный своими братьями, растерзал мое сердце, и я, не могши остановить рыдания моего, оробел, думая, что слезы мои почтены будут знаком моей глупости. Отец мой спросил меня, о чем я так рыдаю. «У меня разболелся зуб», — отвечал я. Итак, отвели меня в мою комнату и начали лечить здоровый мой зуб. «Баюшка, — говорил я, — я всклепал на себя зубную болезнь; а плакал я оттого, что мне жаль стало бедного Иосифа». Отец мой похвалил мою чувствительность и хотел знать, для чего я тотчас не сказал ему правду. «Я постыдился», — отвечал я, — да и побоялся, чтобы вы не перестали рассказывать истории». — «Я ее, конечно, доскажу тебе», — говорил отец мой. И действительно, чрез несколько дней он сдержал свое слово и видел новый опыт моей чувствительности.

Странно, что сия повесть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мне самому к извлечению слез у людей чувствительных. Ибо я знаю многих, кои, читая «Иосифа», мною переведенного², проливали слезы.

Не утаю и того, что приезжавший из Дмитриевской нашей деревни мужик Федор Сурагов сказывал нам сказки и так настрашал меня мертвецами и темнотою, что я до сих пор неохотно один остаюсь в потемках. А к мертвецам привык я уже в течение жизни моей, теряя людей, сердцу моему любезных.

Родители мои были люди набожные; но как в младенчестве нашем не будили нас к заутреням, то в каждый церковный праздник отправляемо было в доме всенощное служение, равно как на первой и последней неделях великого поста дома же моление отправлялось. Как скоро я выучился читать, так отец мой у крестов заставлял меня читать³. Сему обязан я, если имею в российском языке некоторое знание. Ибо, читая церковные книги, ознакомился я с славянским языком, без

¹ Карточных колод.

² Стезя (устар.) — путь.

³ Имеются в виду знаменитые лоджии Рафаэля — орнаментальные стенные росписи в Ватиканском дворце.

¹ История, изложенная в первой книге Ветхого Завета (Бытие), повествующая о приключениях сына Иакова — Иосифа, обладавшего способностью толковать вещие сны и проданного братьями в рабство в Египет.

² Перевод поэмы П. Ж. Битобе «Иосиф», выпущенный в 1769 г.

³ То есть заставлял читать богослужебные книги во время домашних молебнов.

чего русского языка и знать невозможно. Я должен благодарить родителя моего за то, что он весьма примечал мое чтение, и бывало, когда я стану читать бегло: «Перестань молоть, — кричал он мне, — или ты думаешь, что Богу приятно твоё бормотанье?» Сего не довольно: отец мой, примечая из читаемого мною те места, коих, казалось ему, читая, я не разумел, принимал на себя труд изъяснять мне оные; словом, попечения его о моем научении были безмерны. Он, не в состоянии будучи нанимать для меня учителей для иностранных языков, не мешкал, можно сказать, ни суток отдачею меня и брата моего в университет¹, как скоро он учрежден стал.

Остается мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был. Учителя и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает. Я скажу в пример бывший наш экзамен в нижнем латинском классе. Накануне экзамена делалось приготовление; вот в чем оно состояло: учитель наш пришел в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивленный сего странностию, спросил я учителя о причине. «Пуговицы мои вам кажутся смешны, — говорил он, — но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения; итак, — продолжал он, удара по столу рукою, — извольте слушать все, что говорить стану. Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. С спряжениями поступайте, смотря на мои камзолные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете». Вот каков был экзамен наш! О вы, родители, восхищающиеся часто чтением газет, видя в них имена детей ваших, получивших за прилежность свою преи́сы², послушайте, за что я медаль получил. Тогдашний наш инспектор покровительствовал одному немцу, который принят был учителем географии. Учеников у него было только трое. Но как учитель наш был тупее прежнего, латинского, то пришел на экзамен с полным партищем³ пуговиц, и мы, следовательно, экзаменованы были без всякого приготовления. Товарищ мой спрошен был: куда течет Волга? *В Черное море*, — отвечал он;

спросили о том же другого моего товарища; *в Белое*, — отвечал тот¹; сей же самый вопрос сделан был мне; *не знаю*, — сказал я с таким видом простодушия, что экзаменаторы единогласно мне медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужил бы ее из класса практического правоучения, по отпадью не из географического.

Как бы то ни было, я должен с благодарностию воспоминать университет. Ибо в нем, обучаясь по-латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам.

Склонность моя к писанию являлась еще в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на русский язык, достиг до юношеского возраста. Глас совести велит мне сказать, что до сего дня *от юности моя мнози борят мя страсти*².

А какие они были, то возвестит книга вторая.

КНИГА ВТОРАЯ

*Господи! отвори лице Твое от грех моих*³.

В университете был тогда книгопродавец, который услышал от моих учителей, что я способен переводить книги. Сей книгопродавец предложил мне переводить Голберговы басни⁴; за труды обещал чужестранных книг на пятьдесят рублей. Сие подало мне надежду иметь со временем нужные книги за одни мои труды. Книгопродавец сдержал слово и книги на условленные деньги мне отдал. Но какие книги! Он, видя меня в летах бурных страстей, отобрал для меня целое собрание книг соблазнительных, украшенных скверными эстампами, кои развратили мое воображение и возмутили душу мою.

И кто знает, не от сего ли времени началась скапливаться та болезнь, которою я столько лет стражду? О вы, коих звание обязывает надзирать над поведением молодых людей, не допускайте развращаться их воображению, если не хотите их погибели! Узнав в теории все то, что мне знать было еще рано, искал я жадно случая теоретические мои знания привести в практику. К сему показала мне годною одна девушка, о которой можно сказать: толста, толста! проста, про-

¹ Первоначально братья Фонвизины учились в университетской гимназии. Писатель не разграничивает здесь занятий гимназических и собственно университетских.

² Преи́с (нем.) — награда.

³ Партище — полный комплект пуговиц на мундире, количество их устанавливалось специальными указами.

¹ На самом деле Волга впадает в Каспийское море. До недавнего времени — общее место русской культуры.

² Многие побеждают меня страсти (церк.-слав.).

³ Господи, отвори лице Твое от грехов моих (церк.-слав.).

⁴ Людвиг Гольберг (1684–1754) — знаменитый датский драматург и прозаик. Был широко известен благодаря немецким переводам. Нравоучительные басни Гольберга написаны прозой.

ста! Она имела мать, которую ближние и дальние, — словом, целая Москва признала и огласила набитою дураю. Я привязался к ней, и сей привязанности была причиною одна разность полов: ибо в другое влюбиться было не во что. Умом была она в матушку; я начал к ней ездить, казал ей книги мои, изъяснял оstampy, и она в теории получила равное со мною просвещение. Желал бы я преподавать ей и физические эксперименты, но не было удобства: ибо двери в доме матушки ее, будучи сделаны национальными художниками, ни одна не только не затворялась, но и не притворялась. Я пользовался маленькими вольностями, но как она мне уже надоела, то часто вызывали мы к нам матушку ее от скуки для поговорки¹, которая, признаю грех мой, послужила мне подлинником к сочинению Бригадиршиной роли; по крайней мере, из всего моего приключения родилась роль Бригадирши. Все сие повествование доказывает, что я тогда не имел истинного понятия ни о тяжести греха, ни об истинной чести, ни о добром поведении. Заводя порочную связь, не представлял я себе никаких следствий незаконного моего начинания; но признаюсь, что и тогда совесть моя говорила мне, что делаю дурно. Остеречь меня было некому, и вступление мое в юношеский возраст было, так сказать, вступление в пороки.

Теперь настало время сказать нечто о моем характере и познакомиться читателя с умом моим и сердцем. Я наследовал от отца моего как вспыльчивость, так и непамятливость²; от матери моей головную боль, которою она во всю жизнь страдала и которая, промучив меня все время моего младенчества, юношества и большую часть совершенных лет, лишила меня многих способов к счастью; например, в университете пропускал я многие важные лекции за головную болью; в юношестве головная боль мешала мне часто показать мою исправность в отправлении службы, чрез что и заслужил я от одного начальника имя ленивца. Но со всем тем признаюсь, что головная боль послужила мне и к добру, а именно не допустила меня сделаться пьяницею, к чему имел я великий случай и склонность. Природа дала мне ум острый, но не дала мне здравого рассудка. Весьма рано появилась во мне склонность к сатире. Острые слова мои носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою; все же те, коих острые слова мои лишь только забавляли, прославили меня лобезным и в обществе приятным. Видя, что везде принимают меня за умного человека, заботился я мало о том, что разум мой похваляется на счет

сердца, и я прежде нажил неприятелей, нежели друзей. Молодые люди! не думайте, чтоб острые слова ваши составили вашу истинную славу; остановите дерзость ума вашего и знайте, что похвала, вам приписываемая, есть для вас сущая отравка; а особливо, если чувствуете склонность к сатире, укрощайте ее всеми силами вашими: ибо и вы, без сомнения, подвержены будете одинакой судьбе со мною. Меня стали скоро бояться, потом ненавидеть; и я, вместо того чтоб привлечь к себе людей, отгонял их от себя и словами и пером. Сочинения мои были острые ругательства: много было в них сатирической соли, но рассудка, так сказать, ни капли.

Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего так не боялся, как сделать кому-нибудь несправедливость, и для того ни перед кем так не трусил, как перед теми, кои от меня зависели и кои отомстить мне были не в состоянии. Я, может быть, истребил бы и склонность мою к сатире, если б один из соучеников моих, упражнявшийся в стихах, мне в том не воспрепятствовал. Я прослыл великим критиком, и мой соученик весьма боялся, чтобы я не стал смеяться стихам его; а дабы вернее иметь меня на своей стороне, то стал он хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала; но как тогда рассудок во мне не действовал, то я со всею моею острою не мог проникнуть, для чего он так меня хвалил, и думал, что я похвалу его заслуживал. Так-то вертят головы молодым писателям!

Сей мой соученик был знаком со мною, достигши уже и в совершенный возраст. Он был честный человек, благородных качеств. Заблуждение его состояло в том, что будто не льстя не можно быть учтиву. Он умер с тем, что я родился быть великим писателем; а я с тем жить остался, что ему в этом не верил и не верю.

В бытность мою в университете учились мы весьма беспорядочно. Ибо, с одной стороны, причиною тому была ребяческая леность, а с другой — нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учитель пил смертную чашу; латинского языка учитель был пример злонравия, пьянства и всех подлых пороков, но голову имел преострую и как латинский, так и российский язык знал очень хорошо.

В сие время тогдашний наш директор¹ вздумал схать в Петербург и везти с собою несколько учеников для показания основателю университета² плодов сего училища. Я не знаю, каким образом попал я и брат мой в сие число избранных учеников. Директор с своею супругою и человек десять нас, малолетних, отправились в Петербург

¹ Для того чтобы поговорить.

² Незлопамятность (*устар.*).

¹ И. И. Мелиссино.

² И. И. Шувалов был основателем в 1755 г. первого в России университета — Московского и его куратором.

зимою. Сие путешествие было для меня первое и, следственно, трудное, так, как и для всех моих товарищей; но благодарность обязывает меня к признанию, что тягость нашу облегчало весьма милостивое внимание начальника. Он и супруга его имели смотрение за нами, как за детьми своими; и мы с братом, приехав в Петербург, стали в доме родного дяди нашего. Он имеет характер весьма кроткий, и можно с достоверностию сказать, что во всю жизнь свою с намерением никого не только делом, ниже словом не обидел.

Чрез несколько дней директор представил нас куратору. Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, подвел к человеку, которого вид обратил на себя почтительное мое внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? «По-латыни», — отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правду сказать, красноречием. После обеда в тот же день были мы во дворце на куртаге¹; но государыня² не выходила. Признаюсь искренно, что я удивлен был великолепием двора нашей императрицы. Везде сияющее золото, собрание людей в голубых и красных лентах³, множество дам прекрасных, наконец, огромная музыка — все сие поражало зрение и слух мой, и дворец казался мне жилищем существа выше смертного. Сему так и быть надлежало: ибо тогда был я не старше четырнадцати лет, ничего еще не видывал, все казалось мне ново и прелестно. Приехав домой, спрашивал я у дядюшки: часто ли бывают у двора куртаги? «Почти всякое воскресенье», — отвечал он. И я решился prolongировать пребывание мое в Петербурге сколько можно долее, дабы чаще видеть двор. Но сие желание было действие любопытства и насыщения чувств. Мне хотелось чаще видеть великолепие двора и слышать приятную музыку; но скоро сие желание исчезло. Доброе сердце мое тосковать стало о моих родителях, которых захотелось мне видеть нетерпеливо: день получения от них писем был для меня приятнейший, и я сам по несколько раз засажал на почту за письмами.

Но ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр, который я увидел в первый раз отроду. Играли русскую комедию, как теперь помню, «Генрих и Пернилла»⁴. Тут видел я Шумского⁵, который шутками своими так меня смешил, что я, потеряв благопристойность,

хохотал изо всей силы. Действия, произведенного во мне театром, почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров — великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие. Я с ума было сошел от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядюшки моего, у которого я жил. И действительно, чрез некоторое время познакомился я тут с покойным Федором Григорьевичем Волковым, мужем глубокого разума, наполненного достоинствами, который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным. Тут познакомился я с славным нашим актером Иваном Афанасьевичем Дмитревским, человеком честным, умным, знающим и с которым дружба моя до сих пор продолжается. Стоя в партерах¹, свел я знакомство с сыном одного знатного господина, которому физиономия моя понравилась; но как скоро спросил он меня, знаю ли я по-французски, и услышал от меня, что не знаю, то он вдруг переменялся и ко мне похолодел: он счел меня невеждою и худо воспитанным, начал надо мною шпынять; а я, приметя из оборота речей его, что он, кроме французского, коим говорил также плохо, не смыслит более ничего, стал отъезжаться и моими эпиграммами загонял его так, что он унялся от насмешки и стал звать меня в гости; я отвечал учтиво, и мы разошлись приятельски. Но тут узнал я, сколько нужен молодому человеку французский язык, и для того твердо предпринял и начал учиться оному, а между тем, продолжал латинский, на коем слушал логику у профессора Шадена, бывшего тогда ректором. Сей ученый муж имеет отменное дарование преподавать лекции и изъяснять так внятно, что успехи наши были очевидны и мы с братом скоро потом произведены были в студенты. В самое же сие время не оставлял я упражняться в переводах на российский язык с немецкого: перевел «Сифа, царя египетского», но не весьма удачно. Знание мое в латинском языке пособило мне весьма к обучению французского. Чрез два года я мог разуметь Вольтера и начал пересводить стихами его «Альзиру»². Сей перевод есть не что иное, как грех юности моея, но со всем тем встречаются и в нем хорошие стихи.

В 1762 году был уже я сержант гвардии; но как желание мое было гораздо более учиться, нежели ходить в караулы на съезжую, то уклонялся я сколько мог от действительной службы. По счастью моему, двор прибыл в Москву, и тогдашний вице-канцлер³ взял меня

¹ Открытый прием при дворе (*фр., нем.*).

² Императрица Елизавета Петровна.

³ На голубой ленте носили орден Св. Андрея Первозванного, на красной — Св. Александра Невского.

⁴ Комедия Л. Гольберга, переведенная А. А. Нартовым.

⁵ О Шумском, Волкове, Дмитревском см. в справочных материалах в конце настоящего издания.

¹ В партере публика не сидела, а стояла, опираясь о специальные перила. Это были дешевые места.

² «Альзира» (1736) — одна из самых известных трагедий Вольтера.

³ Князь А. М. Голицын.

в иностранную коллегию переводчиком капитан-поручичья чина, чем я был доволен. А как переводил я хорошо, то покойный тогдашний канцлер¹ важнейшие бумаги отдавал именно для перевода мне. В тот же год послан я был с екатерининскою лентою² к покойной герцогине Мекленбург-Шверинской. Мне велено было заехать в Гамбург, откуда министр наш повез меня сам в Шверин. Тогда был я еще сущий ребенок и почти не имел понятия о светском обращении; но как я читал уже довольно и имел природную остроту, то у шверинского двора не показался я невеждою. И, впрочем, поведением своим приобрел я благоволение герцогини и одобрение публики. Возвратясь в Россию с рекомендациею нашего министра о моем поведении, имел я счастье быть весьма хорошо принятым моими начальниками; а между тем, перевод мой «Альзиры» стал делать много шума, и я сам начал иметь некоторое мнение о моем даровании; но признаюсь, что, будучи недоволен переводом, не отдал его ни на театр, ни в печать.

В 1763 году ездил я в Петербург; но в иностранной коллегии остался недолго. Один кабинет-министр³ имел надобность взять кого-нибудь из коллегии; а как по «Альзире» моей замечен был я с хорошей стороны, то именным указом велено мне было быть при том кабинет-министре. Я ему представился и был принят от него тем милостивее, что сам он, прославясь своим витийством на русском языке, покровительствовал молодых писателей. Я могу похвалиться, что сей мой начальник обходился со мною, как надобно с дворянином; но в доме его повсечасно был человек, давно ему знакомый и носивший его полную доверенность⁴. Сей человек, имеющий, впрочем, разум, был беспримерного высокомерия и правом тяжел пренесенно. Он упражнялся в сочинениях на русском языке; физиономия ли моя или не весьма скромный мой отзыв о его пере причиною стали его ко мне ненависти. Могу сказать, что в доме самого честного и снисходительного начальника всл я жизнь самую неприятнейшую от действия ненависти его любимца. Я был бы нечувствительный человек, если б не вспоминал с благодарностию, что сей начальник, узнавая меня

короче, стал более любить меня, может быть, примечая доброту моего сердца, или за открывающиеся во мне некоторые дарования, кои стали делать ему приятным мое общество. Покровительство его никогда от меня не отнималось. Я уверен, что сохранил его во всю жизнь мою.

В то же самое время вступил я в тесную дружбу с одним князем, молодым писателем¹, и вошел в общество, о коем я доньше без ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее препровождение времени состояло в богохулии и кощунстве. В первом не принимал я никакого участия и содрогался, слыша ругательство безбожников; а в кощунстве играл я и сам не последнюю роль, ибо всего легче шутить над святыней и обращать в смех то, что должно быть почтено. В сие время сочинил я послание к Шумилову, в коем некоторые стихи являют тогдашнее мое заблуждение, так что от сего сочинения у многих прослыл я безбожником. Но, Господи! Тебе известно сердце мое; Ты знаешь, что оно всегда благоговейно Тебя почитало и что сие сочинение было действие не безверия, но безрассудной остроты моей.

Тогда сделал я «Бригадира», скоро потом перевел «Иосифа» и все сие окончил в Москве, в которой познакомился я с одним полковником, человеком честным, но легкомысленным, имеющим жену предпочтенную; но как она любила мужа своего смертно, а он разорялся на одну девку, то жизнь жены его была самая несчастная. Однажды я, проводя у них вечер, нашел тут сестру ее родную, женщину, пленяющего разума, которая достоинствами своими тронула сердце мое и вселила в него совершенное к себе почтение. Я познакомился с нею и скоро узнал, что почтение мое превратилось в нелюбовь к ней привязанность. Я не смел ей открыться, ибо она была замужем и не подавала мне ни малейшего повода к объяснению, напротив того, всегда меня убегала. И хотя я примечал, что шутки мои, чтение моих сочинений и вообще я ей не нравились, однако важный ее вид держал меня в почтении к ней. Скоро потом полковник с женою и с сестрою поехали в подмосковную и меня пригласили, а особливо она уговаривала меня с ними ехать, и мы на несколько дней переселились в деревню. Тут проживши с неделю, так я в нее влюбился, что никогда оставить ее не мог, и с тех пор во все течение моей жизни по сей час сердце мое всегда было занято ею. Ибо страсть моя основана на почтении и не зависела от разности полов. Здесь должен я сказать, что частое мое посещение полковника возбудило внимание публики. Кле-

¹ Граф М. И. Воронцов.

² То есть с поручением вручить орден Св. Екатерины, специальный женский орден, учрежденный в России.

³ Иван Перфильевич Елагин (1725–1794) — один из личных секретарей Екатерины II, переводчик, историк, видный руководитель русского масонства, управляющий петербургскими театрами.

⁴ Владимир Игнатьевич Лукин — секретарь Елагина, в 1760-х гг. автор популярных сценариев западных пьес на русские нравы — «Мот, любовью исправленный», «Награжденное постоянство», «Щепетильник» и др.

¹ Князь Федор Алексеевич Козловский (?–1770) — чиновник и литератор, драматург; был направлен Екатериной II курьером к Вольтеру, погиб во время Чесменского сражения с турками.

ветники приписали оное на счет жены его; но я долгом чести и совести поставлю признаться, что сей слух был сущая клевета, ибо ни я к ней, ни она ко мне, кроме нелицемерного дружества, другого чувства никакого не имели. Из деревни возвратясь в Москву, стал я собираться в Петербург; а сестра полковницы к мужу, стоявшему с полком недалеко от Москвы. Накануне моего отъезда, увидясь с нею наедине, открылся я ей в страсти моей искренно. «Ты едешь, — отвечала она мне, — и, Бог знает, увидимся ли мы еще; я на тебя самого ссылаюсь, как я тебя убегала и как старалась скрыть от тебя истинное состояние сердца моего; но разлучение с тобою и неизвестность свидания, а паче всего сильная страсть моя к тебе не позволяет мне долее притвориться: я люблю тебя и вечно любить буду». Я так почитал сию женщину, что признанием ее не смел и помыслить воспользоваться; но, условясь с нею о нашей переписке, простился, оставя ее в прегорьких слезах.

Я приехал в Петербург и привез с собою «Бригадира» и «Иосифа». Надобно заметить, что я обе сии книги читал мастерски. Чтение мое заслужило внимание покойного Александра Ильича Бибикова¹ и графа Григорья Григорьевича Орлова², который не преминул донести о том государыне. В самый Петров день³ граф прислал ко мне спросить, еду ли я в Петергоф, и если еду, то взял бы с собою мою комедию «Бригадира». Я отвечал, что исполню его повеление. В Петергофе на бале граф, подошед ко мне, сказал: «Ее величество приказала после балу вам быть к себе, и вы с комедию извольте идти в Эрмитаж». И действительно, я нашел ее величество, готовую слушать мое чтение. Никогда не быв столь близко государя, признаюсь, что я начал было несколько робеть, но взор российской благотворительницы и глас ее, идущий к сердцу, ободрил меня; несколько слов, произнесенных монаршими устами, привели меня в состояние читать мою комедию пред нею с обыкновенным моим искусством. Во время же чтения похвалы ее давали мне новую смелость, так что после чтения был я завлечен к некоторым шуткам и потом, облобызав ее десницу⁴, вышел, имея от нее всемиловитейшее приветствие за мое чтение.

Дни через три положил я из Петергофа возвратиться в город, а между тем, встретился в саду с графом Никитою Ивановичем Пани-

ным¹, которому я никогда представлен не был; но он сам, остановив меня: «Слуга покорный, — сказал мне, — поздравляю вас с успехом комедии вашей; я вас уверяю, что ныне во всем Петергофе ни о чем другом не говорят, как о комедии и о чтении вашем. Долго ли вы здесь остаетесь?» — спросил он меня. «Через несколько часов еду в город», — отвечал я. «А мы завтра, — сказал граф. — Я еще хочу, сударь, — продолжал он, — попросить вас: его высочество желает весьма слышать чтение ваше, и для того по приезде нашем в город не умедлите ко мне явиться с вашею комедиюю, а я представлю вас великому князю, и вы можете прочитать ее нам». — «Я не премину исполнить повеление ваше, — отвечал я, — и почту за верх счастья моего иметь моими слушателями его императорское высочество и ваше сиятельство».

— «Государыня похвалит сочинение ваше, и все вообще очень довольна», — говорил граф. «Но я тогда только совершенно доволен буду, когда ваше сиятельство удостоит меня своим покровительством», — отвечивал я. «Мне будет очень приятно, — сказал он, — если могу быть вам в чем полезен». Сие слово произнес он с таким видом чистосердечия и честности, что сердце мое с сей минуты к нему привержено стало и как будто предчувствовало, что он будет мне первый и истинный благодетель.

По возвращении моем в город узнал я на другой день, что его высочество возвратился. Я немедленно пошел во дворец к графу Никите Ивановичу. Мне сказали, что он в антресолях²; я просил, чтобы ему обо мне доложили. В ту минуту позван был я к графу; он принял меня очень милостиво. «Я тотчас оденусь, — сказал он мне, — а ты посиди со мною». Я заметил, что он в разговорах своих со мною старался узнать не только то, какие я имею знания, но и какие мои моральные правила. Одевшись, повел меня к великому князю и представил ему меня как молодого человека отличных качеств и редких дарований. Его высочество изъявил мне в весьма милостивых выражениях, сколько желает он слышать мою комедию. «Да вот после обеда, — сказал граф, — ваше высочество, ее услышите». Потом, подошед ко мне: «Вы, — сказал, — извольте остаться при столе его высочества». Как скоро стол отошел³, то после кофе посадили меня, и его высочество с графом и с некоторыми двора

¹ А. И. Бибилов (1729–1774) — видный государственный деятель, полководец, покровитель литераторов.

² Граф Г. Г. Орлов (1734–1783) — фаворит Екатерины II, активно содействовавший ее воцарению.

³ В день святых Петра и Павла (29 июня / 12 июля) при дворе праздновались именины наследника престола.

⁴ Десница (*устар.*) — правая рука.

¹ Граф Н. И. Панин (1718–1783) — воспитатель наследника престола вел. кн. Павла Петровича, президент Коллегии иностранных дел.

² Антресоли — в старинных особняках верхний полуэтаж, встроенный внутрь основного последнего этажа.

³ Как только обед окончился.

своего сели около меня. Чрез несколько минут тоном чтения моего произвел я во всех слушателях прегромкое хохотанье. Паче всего внимание графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. «Я вижу, — сказал он мне, — что вы очень хорошо правы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всем родня; никто сказать не может, что такую же Акулину Тимофеевну не имеет или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу». По окончании чтения Никита Иванович делал свое рассуждение на мою комедию. «Это в наших нравах первая комедия, — говорил он, — и я удивляюсь вашему искусству, как вы, заставляя говорить такую дурицу во все пять актов, сделали, однако, роль ее столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сия комедия столь много имеет успеха; советую вам не оставлять вашего дарования». — «Ваше сиятельство, — говорил я, — для меня ничего лестнее быть не может, как такое одобрение ваше». Его высочеству, с своей стороны, угодно было сказать мне за мое чтение многие весьма лестные приветствия. А граф, когда вошли мы в другую комнату, сказал: «Вы можете ходить к его высочеству и при столе оставаться, когда только хотите». Я благодарил за сию милость. «Одолжи же меня, — сказал граф, — и принеси свою комедию завтра вечером ко мне. У меня будет мое общество, и мне хочется, чтобы вы ее прочли». Я с радостию обещал сие графу, и на другой день к вечеру чтение мое имело тот же успех, как и при его высочестве.

Я забыл сказать, что имел дар принимать на себя лицо и говорить голосом весьма многих людей. Тогда передражничал я покойного Сумарокова, могу сказать, мастерски и говорил не только его голосом, но и умом, так что он бы сам не мог сказать другого, как то, что я говорил его голосом; словом сказать, вечер провели очень весело, и граф мною был чрезмерно доволен.

Первое воскресенье пошел я к его высочеству и там должен был повторить то, что я делал у графа ввечеру. Дарование мое понравилось всем, и граф обошелся со мною отменно милостиво.

В сей день представлен был я графом брату его, графу Петру Ивановичу¹, который звал меня на другой день обедать и читать комедию. «И я у тебя обедаю, — сказал граф брату своему, — я не хочу пропустить случая слушать его чтение. Редкий талант! У него, братец, в комедии есть одна Акулина Тимофеевна: когда он роль ее читает, тогда я самое ее и вижу и слышу».

¹ Граф П. И. Панин (1721–1789) — брат Н. И. Панина, видный государственный деятель и полководец.

Чтение мое у графа Петра Ивановича имело успех обыкновенный. Покойный граф Захар Григорьевич¹ был тут моим слушателем. «А завтра, — сказал он мне, — милости прошу откушать у меня и прочесть комедию вашу». Потом пригласил он обоих графов. Граф Иван Григорьевич Чернышев² сделал мне ту же честь, и я вседневно звал был обедать и читать. Равное же внимание ко мне показали: граф Александр Сергеевич Строганов, который всю жизнь свою посвятил единой добродетели, граф Андрей Петрович Шувалов, покойные: графиня Мария Андреевна Румянцова, графиня Катерина Борисовна Бутурлина и графиня Анна Карловна Воронцова. И я, объезжая звавших меня, с неделю отдыхал; а между тем, приехал ко мне тот князь, с коим я имел неприятное общество. Он рассказывал мне, что весь Петербург наполнен моею комедию, из которой многие острые слова употребляются уже в беседах. «Мне поручил, — сказал князь, — звать тебя обедать граф***. Поедем к нему завтра». Сей граф был человек знатный по чинам, почитаемый умным человеком, но погрязший в сладострастии. Он был уже старых лет и все дозволял себе, потому что ничему не верил. Сей старый грешник отвергал даже бытие высшего существа. Я поехал к нему с князем, надеясь найти в нем, по крайней мере, рассуждающего человека; но поведение его иное мне показало. Ему вздумалось за обедом открыть свой образ мыслей, или, лучше сказать, свое безбожие, при молодых людях, за столом бывших, и при слугах. Рассуждения его были софистические и безумие явное, но со всем тем поколебали душу мою. После обеда поехал я с князем домой. «Что, — спросил он меня, — нравится ли тебе это общество?» — «Прошу меня от него уволить, — отвечал я, — ибо не хочу слышать таких умствований, кои не просвещают, но помрачают человека». Тут казалось мне, что пришло в мою голову наитие здравого рассудка. Я в карете рассуждал о безумии неверия очень справедливо и объяснялся весьма выразительно, так что князь ничего отвечать мне не мог.

Скоро двор пересел в Царское Село; а как тот кабинет-министр, при коем я находился, должен был, по званию своему, следовать за двором, то взял и меня в Царское Село. Я, терзаем будучи мыслями, поселенными в меня безбожническою беседою, хотел досужное³ время в Царском Селе употребить на дело мне полезнейшее, а именно: подумав хорошенько и призвав Бога в помощь, хотел определить систему мою в рассуждении веры. С сего времени считаю я вступле-

¹ Граф З. Г. Чернышев.

² Братья графы З. Г. и И. Г. Чернышевы — влиятельные вельможи, ближайшие доверенные лица Паниных.

³ Свободное.

ние мое в совершенный возраст, ибо начал чувствовать действие здравого рассудка. Сие время жизни моей содержит в себе

КНИГА ТРЕТЬЯ

Господи! всем сердцем моим испытую заповеди твои.

Итак, отправился я с начальником моим в Царское Село, в твердом намерении упражняться в богомыслии; а чтоб было мне из чего почерпнуть правила веры, то взял я с собою русскую Библию; для удобнейшего же понимания взял ту же книгу на французском и немецком языках.

Приехав в Царское Село, обрадовался я, нашед отведенную для меня комнату особливую, в которой ничто упражнениям моим не могло препятствовать. Первое утро открыл я Библию, и мне как нарочно встретилось место, которое весьма приличествовало моему намерению, а именно глава VI Второзакония:

«И да будут тебе словеса сия, яже аз заповедаю тебе днесь, в сердце твоём и в душе твоей; и да накажешь ими сыны твои, и да глаголеши о них седей в дому, и идый путем, и лежа, и востал»¹ (ст. 7).

Сие встретившееся мне толь кстати место из Священного Писания наложило на меня долг всякую досужную минуту посвящать испытанию о вышнем существе. Время было прекрасное, и я положил каждое утро ходить в сад и размышлять. Однажды в саду встретил я в уединении гуляющего Григория Николаевича Теплова², с коим я уже познакомился в доме начальника моего. Григорий Николаевич пригласил меня ходить с собою. Он достойно имел славу умного человека. Разум его был учением просвещенный; словом, я с великим удовольствием пошел гулять с ним по саду, и он говорил мне, что желает слышать комедию мою в своем доме, читанную мною. Я обещал сделать ему сию услугу. Он спрашивал меня, кому я ее читал? Я перечел ему всех поименно и не скрыл от него, сколько смущает душу мою посещение графа***. «Итак, вы хотите определить систему в рассуждении веры вашей», — говорил Григорий Николаевич. — С чего ж вы начинаете?» — «Я начинаю, — отвечал я, — с рассмотрения,

какие люди отвергают бытие Божие и стоят ли они какой-нибудь доверенности». — «Умное дело делаете, — говорил Григорий Николаевич, — когда стараетесь успокоить совесть свою в толь важном деле, каково есть удостоверение о бытии Божеском». — «Ваше превосходительство! — говорил я ему. — Я прошу вас, как умного человека, подать мне наставление, каким способом могу я достигнуть до сего удостоверения». — «Сядем здесь, — сказал он, подведя меня к одной лавке, — мы можем здесь о чем хотим беспреткновенно беседовать». Я намерен сию беседу описать здесь, сколько могу вспомнить.

Я. Я вижу, что безбожники разделяются на несколько классов: одни суть невежды и глупые люди. Они никогда ничего внимательно не рассматривают, а прочитав Волтера и не поняв его, отвергают бытие Божие, для того что полагают себе славою почитаться выше всех предубеждений, ибо они считают предубеждением то, чего слабый их рассудок понять не может.

Григорий Николаевич. Сии людишки не веруют, а жалают, чтобы их считали неверующими, ибо вменяют себе в стыд не быть с Волтером одного мнения. Я знаю, что Волтер развратил множество молодых людей в Европе; однако верьте мне, что для развращения юношества нет нужды ни в Волтеровом уме, ни в его дарованиях. Граф, у которого вы обедали, сделал в России не меньше разврату Волтерова, имея голову довольно ограниченную. Я знаю, что молодого слабенького человека может развратить такой, кто еще ограниченнее графа; пример сему видел я на сих днях моими глазами.

Я. Позвольте спросить, ваше превосходительство, как это было?

Григорий Николаевич. На сих днях случилось мне быть у одного приятеля, где видел я двух гвардии унтер-офицеров. Они имели между собою большое прение: один утверждал, другой отрицал бытие Божие. Отрицающий кричал: «Нечего пустяки молоть; а Бога нет!» Я вступился и спросил его: «Да кто тебе сказывал, что Бога нет?» — «Петр Петрович Чебышев вчера на Гостином дворе», — отвечал он. «Нашел и место!» — сказал я.

Я. Странно мне кажется, что Чебышев на старости вздумал на Гостином дворе проповедовать безбожие.

Григорий Николаевич. О, как я вижу, вы его не знаете.

Тут начал он описывать голову Чебышева ругательски, или, справедливее сказать, стал его бранить, так что я должен был предполагать у него с Чебышевым личную ненависть, и для того хотелось мне переменить сию материю, а возвратиться на прежнюю.

Я. Есть и еще род безбожников, кои умуствуют и думают доказать доводами, что Бог не существует. Противу сих последних желал бы

¹ И да будут слова те, которые я заповедал тебе сегодня, в сердце твоём и в душе твоей, и да внушишь их сыновьям своим, и да будешь о них говорить сидя дома и идя дорогою, лежа и встав от сна (церк.-слав.).

² Г. Н. Теплов (1725–1779) — влиятельный чиновник, служивший сначала при графе К. Г. Разумовском, затем в Кабинете Екатерины II, член Академии наук.

я иметь оружие и доказать им их безумие. Я прошу ваше превосходительство подать мне наставление, откуда могу почерпнуть наилучшие доводы о бытии Божиим.

Григорий Николаевич. Известны ли вам сочинения господина Кларка, который писал противу Гоббесия, Спинозы и их последователей?¹ Кларк восторжествовал над ними: он, логически выводя одну истину из другой, составил, так сказать, неразрывную цепь доказательств бытия Божия, и уже ни один безбожник умствованиями своими не вывернется от его убеждений.

Я. Мне известны Кларковы сочинения, но я тотчас сию книгу выпишу из Петербурга.

Григорий Николаевич. А я не сомневаюсь, что вы Кларком будете довольны.

Здесь кончилась наша беседа. Я, пришед домой, тотчас написал в Петербург; чтоб прислали ко мне сочинения Кларка. Между тем, будучи воспитан в христианском законе и находя заповеди Христовы сходственными с моим собственным сердцем, думал я: «Если Кларк доказал бытие Божие неоспоримыми доводами, то как бы я был доволен, найдя в его творениях доказанную истину христианского исповедания».

На другой день привезли ко мне книгу под заглавием «Самуэля Кларка доказательства бытия Божия и истины христианская веры».

Того-то я и желал! С жадностию бросился я читать сию драгоценную книгу и, прочитав, не доволен был одним разом, но тотчас начал чтение в другой раз. Как скоро я мог обнять порядок и способ Кларковых доводов, то пошел благодарить Григорья Николаевича. «Я знал, — говорил он мне, — что вы сию книгу будете довольны». — «Я вашему превосходительству откроюсь в моем намерении, — сказал я, — мне хочется перевести ее на русский язык и, издав в свет, сделать некоторую услугу моим соотечам». — «Намерение ваше похвально, но вы не знаете, с какими неприятностями сопряжено исполнение оного. Вам, без сомнения, известен перевод г. Поповского „Опыта о человеке“²» — спросил меня Гр. Николаевич. «Мне сей перевод очень знаком, — отвечал я, — и я его высоко почитаю». — «Но какие неприятности, какие затруднения встретил бедный переводчик к напечатанию, сказывал мне он же. Попы стали переправлять

перевод его и множество стихов исковеркали, а дабы читатель не почел их стихов за переводчиковы, то напечатали они их нарочно крупными буквами, как будто бы читатель сам не мог различить стихов поповских от стихов Поповского. Ваш перевод, без сомнения, подвержен будет равной участи. А мне кажется, вместо перевода полезнее будет, если сделаете вы из сочинений Кларковых выписку: вы употребите на нее меньше времени и труда; если же выписка, как я и думаю, хорошо сделана будет, то она принесет равную пользу с переводом, и вам ловчее будет, по востребованию иногда Синода¹, сделать перемену в выписке, нежели в самом переводе». — «Но неужели, — спросил я, — Синод делать будет мне нарочно затруднения в намерении толь невинном?» — «Да разве не знаете вы, кто в Синоде обер-прокурор?» — «Не знаю», — отвечал я. «Так знайте ж — Петр Петрович Чебышев», — сказал Григорий Николаевич. Как бы то ни было, я последовал совету Григорья Николаевича и сделал выписку из Кларка. Недавно я ее читал и нахожу за нужное поправить нечто в слого, а в прочем выписка годится. В самом конце моих «Признаний» я ее прилагаю, сердечно желая, чтобы труд мой принес хотя некоторую пользу благомыслящим читателям...

¹ Имеются в виду философы XVII в. — английские: С. Кларк и Т. Гоббс — и голландский — Б. Спиноза.

² Перевод философской поэмы английского поэта А. Попа «Опыт о человеке» (1734) Н. Н. Поповским, профессором Московского университета, учеником М. В. Ломоносова, был напечатан в 1757 г.

¹ Святейший Синод — государственное учреждение, управлявшее Православной церковью в 1722–1917 гг.

Яков Борисович Княжнин

Хвастун

Комедия в стихах, в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Верхолет, хвастун.
Полист, слуга его.
Простодум, дядя Верхолетов, сельский дворянин,
недавно из деревни приехавший.
Чванкина, богатая новопроезжая из деревни дво-
рянка.
Милена, дочь ее.
Марина, служанка Чванкина.
Честон, советник из наместничества¹.
Замир, сын его, влюблен в Милену.
Портной.
Приказчик².
Благочинный³.
Лакеи, гeyдуки⁴, скороходы Верхолетовы.

Действие в Петербурге, в наемном доме, где Верхолет и Чванкина живут.

Действие первое

(Верхолет со слугой Полистом живет в Петербурге. Он промотал состоя-
ние, но надеется исправить положение женитьбой на Милене, дочери Чван-
киной. В это время в столицу приезжает Простодум, узнавший о долгах
племянника и решивший наказать молодого человека).

¹ В наместничество по губернской реформе 1775 г. объединялось 2–3 губернии. В со-
вет, управлявший наместничеством, входили наместник (генерал-губернатор) и два со-
ветника.

² Приказчик — служитель в лавке.

³ Благочинный — служитель Управы благочиния (полиции).

⁴ Гейдук — выездной лакей.

ЯВЛЕНИЕ II

Полист, Простодум.

<...> Простодум. Полист, здоров ли ты?

Полист (*дразнит*). Полист, здоров ли ты?

Какис в голову вслились вам мечты?

И кем я вам кажусь?

Простодум. Какое вижу сходство!

Прости, коль ваше я обидел благородство;

Вы Верхолетовым казались мне слугой.

Полист (*гордо*). Кто этот Верхолет? и кто ты сам такой?

Простодум. Племянник он, а я ему ближайший дядя.

Дивлюся на твою высоко милость глядя:

Вовек не видывал я двух сходнее рож.

Племянников слуга во всем на вас похож.

Замашки те ж, лицо, не погневися, то же;

Лишь только десять лет назад он был моложе,

Да черны волосы; еще ж не так одет,

Еще ж великий плут...

Полист (*с досадой*). Довольно сих примет;

Оставши грубости не нынешнего века,

Они вредят ушам честного человека.

Узнай, старик, узнай: кто прежде звался плут,

Того уже теперь искусником зовут.

Простодум. В деревне живучи мы ваших мод не знаем.

Бездельников всегда плутами называем, —

Вот так у нас в глуши. Да дело не о том:

Сказали, Верхолет здесь свой имеет дом;

Вы это знаете?

Полист. Я ведал бы, конечно;

Но я не слыхивал...

Простодум. Жалею я сердечно.

К слуге было его привез я добру весть;

Да видно будет мне назад ее отвезть.

Весть эта не плоха, довольно серебриста,

Обрадовала бы она весьма Полиста. (*Хочет*

идти.)

Полист (*останавливая его учтиво*).

А! а! Полиста — вы изволили сказать;

Авось-либо о нем могу я толк вам дать.

Мне кажется, его, не знаю, как-то знаю.

Простодум. Вам кстати ль знать слугу? Я вас не унижаю
Знакомством таковым и верить не хочу...

Полист. Я не спесив и мне все люди по плечу.
Полист известен мне, и я вам в том божусь,
И, может быть, сго представить обяжуся...
Да что вы привезли?..

Простодум. В наследство сто рублей.

Полист (*с радостью*). Что слышу я? Да кто ж, по милости
своей,
Оставя здешний свет, Полисту сделал дружбу?

Простодум. Старуха тетушка его, которой службу
Я буду помпнить ввек, оставила ему
По смерти всю свою накопленну суму.
Хоть милости такой плут этот недостойн,
Но в совести своей не буду я спокоен,
Когда я теткихных деньжонок не отдам.
Я знаю, пьяница Полист...

Полист. Не стыдно ль вам
Такою клеветой злословить добродетель?
Я сам, сударь, бывал тому свидетель,
Как он по улицам чиннехонько идет,
Как прямо он ссбя, как всжливо всдет,
Ногами никогда он вензелей не пишет;
А если о вине он как-нибудь услышит,
Всегда наморщится, и придет тошнота.
Поверьте мне, Полист — лакеев красота.
Моим слугам всегда его в пример я ставлю...
Когда изволите, я дело все исправлю,
Отдайте деьги мне, а я ему отдам
И, может быть, тотчас его...

Простодум. Не стыдно ль вам
В дела чужих людей без просьбы их
мешаться?
Прощайте.

Полист (*останавливая его*). На часок.
(*Сам себе.*) Ну, можно ль удержаться?
(*К Простодуму.*) Скажите ж мне, за что вы
гневны на него?

Простодум. Скажите, нужна вам какая до того?

Полист. Я жалостлив, до ссор я очень неохотен,
И добрых я людей мирить всегда заботен.

Простодум. Да я с плутягами мириться не люблю:
Полисту прежде я ударов сто влеплю,
А там и сто рублей отдам на том же месте
Охотно.

Полист. Итого, Полист получит двести.
Он мог бы сотнею одной доволен быть,
То есть рублевою.

Простодум (*с сердцем*). Нет! нет!

Полист (*подставя спину*). Извольте ж бить.

Простодум. Проказить надо мной еще ты молодец.

Полист. Удары палашны моих на выкуп денег
Изволь отсчитывать: извольте — я Полист.

Простодум. Не верю.

Полист. Я клянусь!... И вашей трости свист,
И молодецкое моей спины терпенье
Докажут, что у вас в руках мое именье.
Всмотритесь, у меня Полистов глаз, рот, нос...

Простодум. Такого ж вора вид, да он черноволос.
Ты не Полист.

Полист. Я — он и телом и душою!...
Вот что, французы, вы наделали со мною!
От желтой, суларь, их причинныя муки
Такие вышли мне ужасные крюки¹ <...>
Поверьте хоть бровям, природного остатку,
Они уверят вас, реша сию загадку,
Что черен волосом я, как виновый туз;
А что я рыж кажусь, виновен в том француз,
У коего муку мой барин покупает,
Племянник ваш.

Простодум. Вот как повеса мой мотает.
Я слышал, по уши он врютился в долги?
Скажи, мошенник, мне, скажи же, да не лги.

Полист. Скажите прежде, кем теперь я вам кажуся?

Простодум. Преплутом, наглесом!

Полист. Прекрасно! я божуся!
Мне обхождения приятней без чинов,
И всякий ужась мне противен пустослов.
Пусть незнакомые между собой чинятся,
А нам, приятелям, недалеко считаться.

¹ Причинная мука — пудра, при помощи которой в XVIII в. изменяли цвет париков и волос. Вышли мне крюки — то есть возникли у меня неудачи.

Простодум. Кто? мы приятели?
Полист. А для чего ж не так?
Или...
Простодум (*подняв трость*). Как смеешь ты равняться мне, дурак?
Полист. Потихе, господин, прокиснувший в деревне! Потихе, говорю! Ведь вы здесь не в харчевне: Великий господин в сих комнатах живет.
Простодум. (*струся*). Так, видно, у него племянник служит?
Полист. Нет.
Какой же человек ты, сулдарь, непонятный! Теперь племянник ваш и сам уж барин знатный, А я секретарем имею честь служить.
Простодум. Не вправду ль?
Полист. Стану я пустое говорить!
Простодум. Да как секретарем? Ты грамоты не знаешь.
Полист. Что нужды!
Простодум. Как же ты дела-то отправляешь? <...>
Да как же в письменных без грамоты делах?
Полист. Мы с барином дела все кончим на словах. Он знатный человек.
Простодум. Какая же причина?
Какого ж секретарь, Полистушка, ты чина? Губернский ли?¹ или?..
Полист. Не знаю, я какой,
А только ведаю, что самый я большой.
Простодум. Коллежский?²
Полист. Более.
Простодум. Ахти! Сенатский?³
Полист. Боле.
Простодум. Ума не приложу!.. В твоей, однако ж, воле: Сенатских выше нет у нас секретарей.
Полист. Вы ничего в глуши не знаете своей.
Вы скудны разумом, хоть хлебом там богаты.
Недавно новые чинам здесь вышли штаты.
Простодум. А! а!

¹ Губернский секретарь — гражданский чин 12-го класса.

² Коллежский секретарь — гражданский чин 10-го класса.

³ Сенатский секретарь — должность, которую занимали чиновники 6–7-го классов.

Полист. Племянник ваш, делами здесь вертя,
Все это сработал, за службу мне платя.
Простодум. Итак, племянник мой нешуточный здесь барин.
За добру весть тебе, мой друг, я благодарен;
Вот денежки твои. Пожалуй, позабудь
Прошедшую вражду и милостив мне будь <...>
Полист. Давно ли вы меня дубинкою пугали?
Простодум. Пожалуй, то оставь, теперь друзья мы стали.

ЯВЛЕНИЕ III

Простодум, Полист, портной.

Портной. Твой барин дома ль?
Полист. Нет.
Портной. А где же?
Полист. Во дворце.
Да разве покладывать не мог ты на крыльце?
И без доклада к нам осмелился ввалиться.
Портной. Да у кого, скажи, мне было доложиться?
Полист. Как? мало ли людей? не там ли наш гейдук?
Портной. Там нету никого... Мне деньги за сюртук.
Полист (*тихо портному*). Потихе говори...
(*Вслух*.) Где наши скороходы?
Портной (*громко*). Нет, я хочу кричать...
Полист (*громче его*). О, скверные народы!
Лишь барин со двора — и все с двора тотчас.
Портной (*громко*). И денег...
Полист (*зажимая рот у портного, кричит*).
Водится лишь только то у нас.
Нет хуже тамо слуг, где знатный барин кроток.
Простодум. Да, у племянника день может быть короток.
Всегда он у двора, всегда в больших делах.
Нет время посмотреть, а людям надо страх.
Хотя бы ты...
Полист. И я всегда в делах бываю.
(*К портному*). Вес будст сделано, поди,
я обещаю.
Портной. Скажи же барину, Полист, чтоб в сей же день.
Полист (*толкая вон портного*).
Все будет, слышишь ли, негодный, грубый пень?
Вон!

ЯВЛЕНИЕ IV

Простодум, Полист.

Простодум. Этот человек ремесленник, как видно.
Чего он требовал так нагло и бесстыдно?
Полист. Ему есть надобность, она у нас в руках.
Простодум. Какая?
Полист. Нынче все рехнулись на чинах.
Портные, столяры — все одинакой веры;
Купцы, сапожники — все метят в офицеры;
И кто без чина свой проводит темный век,
Тот кажется у нас совсем не человек.
Портной, что был теперь, старанием Полиста
Желает чин достать себе протоколиста¹.
Простодум. Так может и Полист уже давать чины?
Полист. Да; мелкие одни во власть мне отданы,
А крупные себе племянник ваш оставил.
Простодум. Скажи, как он себе такую знать доставил?
Какой заслугой стал великий господин?
Каков богатством он? Какой имеет чин?
Полист (*увидя входящего Верховета*).
А вот он сам вам все расскажет.

ЯВЛЕНИЕ V

Верхолет, Простодум, Полист.

Верхолет (*вдали, с смятением увидя Простодума*). Это дядя! Он.
Простодум (*сам к себе*). Сердце прыгает, на знать такую глядя.
Как светлый месяц он, весь в злате, в серебре!
Кого поищет Бог...²
Полист (*Верхолету*). Сегодня при дворе
Необычайно вы как долго были.
Верхолет (*важно и надменно*). Меня делами там сегодня
задушили.
А! Кстати, я было сказать и позабыл...
Оно бездслица, я, право, не просил...
Иной бы вздором мог себя таким забавить...
Но я... поздравь меня.

¹ Протолист относился к низшим (внетабельным) чинам.

² Оборвана фраза: кого поищет (кому поможет) Бог, тому все удастся.

Полист. Имею честь поздравить!
Да только, сударь, с чем?
Верхолет. Так... ничего... я граф.
Полист. Я рад.
Простодум (*сам к себе*). Как счастлив я, роднею графу став.
(*К Верховету*.) Я, ваше графское сиятельство,
желаю
Благополучия и с тем же поздравляю.
Верхолет. Чем вам могу служить?.. Полист, кто он такой?
Полист. Бывал он дядя ваш, теперь пусть будет мой.
Когда племянником сго быть не хотите
Из милости к нему, мне в дяди уступите.
(*К Простодуму*.) Полисту быть родней, ей-ей, не
малый чин:
За счастье то сочтет и знатный дворянин.
Простодум. Я рад быть всем, чем граф сиятельный прикажет;
И, сделав дядею твоим, меня обяжет.
Верхолет. Со временем опять в мои произведу.
Простодум. То есть, когда в чинок поболее попаду
По вашей милости, чтоб дядей быть
достойным...
Верхолет. Я обещаю вам дотоль не быть спокойным,
Доколе вашего желанья не свершу.
Простодум. Я очень многого уже и не прошу;
Хотя бы штабского чинишка мне добиться!
Верхолет (*с сердцем*).
Стыдитесь, дядя мой!.. Как можно не сердиться!
Тот самый, кто моим в свет дядею рожден,
Быть может столько подл и духом унижен,
Чтоб дале не хотеть, как быть лишь ассессором².
Нет! Я произвести хочу вас сенатором³.
Простодум (*струсая, с радостью*). Да как...
Полист. Пожалуйте, не приводите в гнев:
Он вторит в канцлеры⁴, на вас освирипев.
Простодум. Ахти! беда моя... боюсь.
Верхолет. (*Грозно*). Ни слова боле,
Иль с глаз моих долой.
Простодум. Ин быть по вашей воле.

¹ Штабские чины — от 8-го до 6-го класса включительно.

² Ассессор (коллежский) — гражданский чин 8-го класса.

³ Сенатор — член Правительствующего Сената имел чин 2–3-го класса.

⁴ Канцлер — гражданский чин 1-го класса.

Верхолет. Меж тем вы можете мне сами услужить.
Простодум. Готов! но чем могу полезен графу быть?
Верхолет. Я рабски услужу.
Верхолет. Мой прежний управитель
Доходов был моих весьма дурной хранитель, —
Я сбил его с двора.
Полист. Он на руку нечист.
(В сторону.)
Верхолет. Чтoб пылъ в глаза пускать, как барин мой речист.
Без управителя я мог бы обойтись
Дней нeсколькo, но мнe задумалось жениться,
И свадьба может быть сегодня ввечеру...
Уж город знает то, известно и двору...
А управителя...
Простодум. Я буду, коль угодно.
Верхолет. Вам можно показать на месте сем свободно
Природой данные способности к делам
(Он треплет Простодума по плечу.)
И выйти в свет; а там... увидим мы... а там...
<...> Полист, ты съездил ли?
Полист. Кула, сударь?
Верхолет. К купцу,
Который должен мне; ведь надобно к венцу...
Полист. Я был.
Верхолет. Что ж деньги?
Полист. Он сегодня неисправен.
Верхолет. А я в сей день женюсь... куды как он забавен;
Взбеситься надобно, купец богатый толь...
Простодум. Возьмите у меня, сиятельный, изволь!
Три тысячи скопил я дома лет в десяток,
Не хлебом, не скотом, не выводом теляток,
Но кстaти в рекруты торгующи людьми¹.
Сиятельнейший граф, пожалуй, все возьми,
Я после получу.
Верхолет. Мне, право, это стыдно.
Простодум. Когда откажете, мне будет то обидно.
Полист *(Верхолету на ухо)*.
Рехнулись что ли вы? берите что дают:
Занять уж негде нам, и рок наш очень крут.

¹ Помещики должны были поставлять армии солдат (рекрутов). Некоторые господа не хотели отдавать собственных крестьян и покупали чужих специально для сдачи в рекруты. Это было запрещено законом, но совершалось очень часто. Рекрут стоил довольно дорого.

Верхолет *(Простодуму)*. Я соглашаюсь от вас принять услугу
И должен вам, сударь, открыться так, как другу,
Что мне не хочется женитьбы пропустить.
Простодум. А кто особа та, коль смею я спросить,
Избрашна вашего сиятельства невеста?
Верхолет. Вдовы богатая из отдаленна места,
Дворянки Чванкиной молоденькая дочь;
Они, гонясь за мной, не отступают прочь
И даже в этот дом ко мне переселились.
Простодум. Эх лакомы!
Полист. Они в нас по уши влюбились.
Верхолет. Подумай, от меня девчонка без ума.
Простодум *(любуясь Верхолетом)*. Я это думаю.
Полист. И так же мать сама.
Верхолет. Из жалости одной я должен согласиться.
Полист. На ней из милости изволит он жениться.
Простодум. А для чего ж? когда приданое при том.
Полист. Как чаша полная, дворянки этой дом;
И душ две тысячи, и денег страшна бездна.
Простодум. Так эта девушка, ей-ей! весьма любезна.
Извольте же со мной, чтоб деньги получить.

ЯВЛЕНИЕ VI

Полист *(один)*. Благодаря судьбе о чем теперь тужить?
<...>

ЯВЛЕНИЕ VII

Верхолет, Полист.

Верхолет. Вот деньги; дядя мой...
Полист. Ошиблись, — управитель.
Признайтесь, что он ваш ныне воскреситель,
Что им...
Верхолет. Но я ему за то и отслужу,
И сколько я силен, над ним то покажу.
Чему ж смешаешься ты?
Полист. Снимите ваши маски
При том, кто различать умеет всяки краски.
Верхолет. Я еду гейдуков, лакеев нанимать,
Чтобы себя во всем сияньи показать

Полист. И чтоб за мной всегда блестящи скороходы
Давали знать, что я презнатныя породы.
Опомнитесь, сударь, и тех, кому должны,
Верхолет. Спокойте малость хоть из дядиной казны.
По свадьбе пам о том подумат будет можно;
Дотоле поступай лишь только осторожно, —
Увидишь ты, как я умею награждать.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Простодум, Полист.

Простодум. Его сиятельство изволил поскакать?
Полист. Поехал ко двору, а после к нам заедет.
Простодум. А у меня все ум о сенаторстве бредит.
Когда у нас о том услышат в деревнях,
Всплеснув руками, все дворяне скажут: ах!
<...>

ЯВЛЕНИЕ IX

Простодум, Полист, Марина.

Полист. Девушке горничной, прекрасной, несравненной,
Красе всех горничных, Марине пребесценной
Мое почтение.
Марина. За то благодарю
Превеличайшему из всех секретарю.
Полист. Примолви: графскому.
Марина. Я этого не знаю.
Полист. Что графом Верхолет, я это объявляю.
Марина. Давно ли?
Полист. Вот теперь, при дядюшке моем,
Приехав, объявил о счастье он своем.
Марина. А это дядя ваш?
Простодум. К услугам лишь на время.
Марина. На время?
Полист. Да, он, дел имся здесь беремя,
Приехал на часок было да в добрый час
Он управителем останется у нас.
(Простодуму на ухо.)
На привязи язык держите свой болтливый.

Простодум (так же). Забылся, виноват.

Марина. Вот дядя молчаливый.

Полист. С дороги он устал.

Марина. Далеко ли путь его?

Простодум. Я прямо из села приехал моего.

Марина (Полисту). Ваш дядя дворянин?

Полист. Не шутишь ли, Марина?

Ты видела всегда в Полисте дворянина,

А родом дядя мой со мною одинак.

Простодум. Дворянство докажу я множеством бумаг:

Лишь выну грамоты, всяк будет безответен.

Полист. Я ближе всех ему, а дядя мой бездетен.

Не правда ли?

Простодум. Да, так, нет у меня детей.

Полист. Подите ж, дядюшка, вы к должности своей.

Марина (сама к себе).

Что дворянин Полист, все это не притворство.

Простодум (отходя, сам к себе).

Не стал бы потакать, кабы не сенаторство.

ЯВЛЕНИЕ X

Полист, Марина.

Полист. Теперь ты видишь ли, какой я сладкий кус?
Ты можешь свесить всех моих достоинств
груз:
Породой дворянин, изрядного я чина;
Достаток есть, служу у знатна господина;
Молодчик станом я, недурен и лицом;
И, правду говорить, могу своим умом
Какому хочешь ты уму свернуть я шею, —
Итак, мне кажется, все право я имею
То думать, что моей быть счастьем ты
сочтешь.
Марина. Теперь уверена я став, что ты не лжешь,
Дворянству твоему всем сердцем предаюся.
Полист. Итак, сегодня же я с графом и женюсь <...>

(Марина соглашается помогать устройству свадьбы Верхолета и Милены.
Однако та влюблена в благородного юношу Замира и не желает выходить за
Верхолета. Мать принуждает ее уступить.)

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ I

Чванкина, Марина.

Чванкина *(смотрясь в карманное зеркало)*.

Я что-то не к лицу сегодня нарядилась.

Марина *(в сторону)*. Лет двадцать не к лицу, сегодня спохватилась.

Чванкина *(смотрясь так же)*.

Не знаю, что-то бровь одна не такова.

Марина *(в сторону)*. Не так написана.

Чванкина *(смотрясь)*. И что-то голова.

Марина *(в сторону)*. Пуста, да как же быть?

Чванкина. Причесана прескверно.

(К Марине). Марине битой быть, и это очень верно.

Марина. А мне так кажется, что ваши красоты
Сегодня новые пустили в рост цветы.
Хоть прелесть ваша свет уже давно прельщает,
Но старость к ней еще напрасно приступает,
И...

Чванкина. Старость? Бредишь ты, Маринушка, мой свет,

Скажи-ка, сколько бы, ты думала, мне лет?

Марина <...> Вы вздумать можете, что это будто шутки.

Чванкина. Ну! говори, оставь излишни прибаутки.

Ведь я люблю, когда мне правду говорят.

Марина. Хоть зависть говорит, что вам за пятьдесят,
Но зависть это ведь; а я так без издевки
Могу сказать вам то, что есть вас старе девки.

Чванкина. То правда; но мои ты лета мне сочти.

Марина. По виду, кажется вам меньше двадцати.

Чванкина. И столько б мне еще, Марина, не казалось,

Коль сердце бы мое печалью не терзалось;

Но дочь упрямыца, Замира полюбя,

Любовью низкою и мать свою губя

И в глупой горести никак не видя света.

Не видит счастья быть женою Верхолета.

Подумай, он какой случайный человек!¹

Он только при дворе проводит весь свой век.

Богатства у него и знатности палата,

И графы и князья — все с ним запанибрата.

Марина. Боюсь, откажет он, теперь спешивей став.

Чванкина. А что?

Марина. Вы слышали ль, что он и сам уж граф?

Чванкина. Ну! что я сделала, душа моя Марина!

О, дочь негодная! какая ж я скотина,

Что в жалость я пришла!.. Однако как же
быть?

Марина. Я также не хочу Милены уморить...

Не слушайте никак Милены вашей вздора,

Замужство будто бы для девушек умора;

Не верьте этому и, поступя как мать,

Извольте только ей постороже приказать.

Чванкина. Ты правду говоришь...

Марина. А впрочем, ваша воля...

Какого будете вы ягодою поля,

Когда графинею звать станут вашу дочь.

Чванкина. Когда придет Замир, гони его ты прочь.

Марина. К вам станут приезжать графини да княгини;

И наши сельские, всему дивясь, разини,

Которым здешняя за диво и коза,

На вас, сударыня, как выпялят глаза! <...>

ЯВЛЕНИЕ III

Чванкина, Милена, Марина, Полист.

Чванкина. А! господин Полист! уж вы забыли нас.

Полист. Никак, сударыня, лишь только сей же час

У графа речь была о всячине¹ со мною.

Я и об вас ему напомнил; он душою

На вашей дочери сей день жениться рад.

Хоть это для него, по правде, и не клад,

Но делать счастье он другим всегда желает;

Притом же любит вас и очень почитает.

Уже об этом он уведомил и двор.

Чванкина *(с радостью)*.

И двор уведомил!.. Как в милостях он скор!

Так знают во дворце о нас?

Полист. Не только знают,

Но и по комнате² о вас лишь рассуждают.

¹ Случайный человек — то есть попавший «в случай», в милость при дворе.

¹ О разных вещах.

² По комнате — в покоях царицы.

Чванкина (с радостью). Уж и по комнате!
(К Миле). Смотри, какая честь!

Полист. И имя вашего не смеют произнести
Иначе, как всегда с учтивостью, с почтением.

Чванкина (с радостью). С почтением!
(К Миле). Спрячься, дочь, с любовным ты мученьем.
И надобно тебе исчезнуть от стыда.

Полист. Того я и смотрю, что кученю сюда
Наедут наши все придворны кавалеры;
И я, поверьте мне, сударыня, той веры,
Что свадьбе надобно сегодня точно быть;
Вы это знасте: двором нельзя шутить.

Чванкина. Такое мне родство прелестно и священо;
И свадьбу кончим мы сегодня непременно.

Милена. Да как же?..

Чванкина. Перестань.

Милена. Ах, матушка!

Чванкина. Не ври,
Замолкни.

Милена. Я умру.

Чванкина. Пожалуй, ты умри,
Да только лишь умри графиней.

Милена (отходя). Нет надежды!

Полист. А вот и граф идет.

ЯВЛЕНИЕ IV

Чванкина, Полист, Марина, Верховлет.

Перед ним выходит толпа лакеев, скороходов, гейдуков.

Верховлет (держа пук бумаг и притворясь, что никого не видит,
говорит сам с собою громко).
Как скучны мне невежды
Просители! они прохода не дают;
Как будто лишь для них все знатные живут.
Да если б были хоть их просьбы справедливы;
Без основания докучливы, брюзгливы,
Их все желания лишь только вздор один.

Полист (к Чванкиной).
Смотрите, знатный как страдает господин <...>

Верховлет. Гей! господин Полист! где вы?

Полист. Что граф прикажет?

Верховлет. Любезный секретарь меня весьма обяжет.
(Отдает бумагу.)
Все это рассмотрев, доложишь после мне.

Полист (указывает на Чванкину). Оборотитесь вы к этой
стороне.

Верховлет (к Чванкиной).
Вы здесь! Простите мне, я вас и не приметил.
Народ просителей меня вокруг осетил¹
И голову вскружил.

Чванкина. Извольте продолжать,
Не беспокойтесь.

Верховлет. Мне слова два сказать,
Вы не поверите, как жить нам, знатым, тошно.

Чванкина. Я это чувствую.

Верховлет (тихо Полисту). Так можно ль жить оплошно:
В передней я нашел заимодавцев тьму;
Они наделали б ужасну кутерьму.

Полист (тихо). Но вы умеее все так облагородить:
Ваш ум изо всего вам выгоды выводит.

Верховлет (громко Полисту).
Отправил ли мои ты письма к королям?

Полист (громко). Уже ко всем, сударь, отправлены дворам.

Чванкина (Марине).
Он пишет к королям, ты слышишь ли, Марина?

Марина. Пред знатностью его все червь и паутина.

Верховлет (Полисту). Тот князь, который мне отдыха не
давал?..

Полист. Уже определен.

Верховлет. А этот генерал,
Который к мосму так дому был привязан?

Полист. Он вам за пенсион во весь свой век обязан.

Верховлет. Я очень рад тому; доволен я теперь:
Сегодня запретить могу щедрбты дверь.
(К своим слугам.) Скажите всем, что я в сей день
невидим боле.
(К Чванкиной.) Теперь, сударыня, я весь, весь в
вашей воле <...>

Появляется приказчик портного и требует, чтобы с ним расплатились, но Верховлет и Полист выпроваживают его, выдав Чванкиной за своего должника.

¹ Осадил, окружил (устар.).

ЯВЛЕНИЕ VII

Верхолет, Чванкина, Марина, Полист, Простодум.

<...> Верхолет (к Чванкиной)

Я управителя вам в милость поручаю:
Он добрый человек, изрядный дворянин.
Простодум Верхолету кланяется.

Марина. Полисту дядюшка.

Простодум кланяется Марине.

Полист. И скоро в знатный чин...

Простодум кланяется Полисту.

Чванкина. Он стоит этого.

Простодум кланяется Чванкиной.

Верхолет. Мое он знает слово,

Лишь надо потерпеть.

Простодум (кланяясь Верхолету).

Не скоро, да здорово.

Верхолет (Чванкиной). Так точно свадьбе быть, сударыня, у нас?

Чванкина. Сегодня ж, граф!

Верхолет (Простодуму). Поди, я скоро дам приказ

Готовить все.

Простодум уходит.

Полист! как близко нам до срока,

Когда со всех мне сел привозят сбор оброка?

Полист. Мне кажется, еще темного не дошло.

(К Чванкиной.) Не думаете ль, что у нас одно село?

Его сиятельство их множество имеет.

Чванкина. О том иначе кто, сударь, и думать смеет?

Верхолет. Столичное село как будто городок...

Какой бы, например?..

Полист (Чванкиной). Вы знаете ль Торжок?

Чванкина. Чрез этот город я нередко проезжала.

Полист. А Тверь, сударыня?

Чванкина. И тамо я бывала.

Полист. Сложите ж вместе вы в уме Торжок и Тверь¹ —

Вот графское село, вы видите ль теперь?

Чванкина. От удивления, смутясь, мой разум вянет!

Верхолет. И тут, мне кажется, чего-то не достанет.

Верхолет (на ухо Верхолету).

Не надо ли еще Москвы мне приложить?

Извольте, я готов и тем вам услужить.

Верхолет (тихо Полисту).

То будет через край.

Чванкина. Как дочь моя счастлива!

Верхолет. Да где ж она?

Марина. Она, сударь, весьма стыдлива...

Хотя та честь, что ей оказана от вас,

Велика, но она... застенчива у нас <...>

Верхолет. Однако слышал я, что вашу дочь прельстили.

Полист. Как видно, то с пути ее романы сбили.

Чванкина (с сердцем). Романы!.. я ее поотучу от них!¹

Романы!.. слушаться таких людей дурных!

А где они живут? И как она видалась?

Марина, от тебя и дочь избаловалась.

Марина. Клянуся, у меня таких знакомцев нет.

Полист. Замир же виноват, что то болтает свет.

Чванкина. Бездельник он!.. Но чтоб яснее оправдаться,

(к Марине) Милене под венец вели ты одеваться,

А как нечаянно с тобой случилась честь,

Что хочет рок тебя в дворянки произвести,

Чтоб быть достойною толь знатной перемены,

Надень любимое ты платьице Милены.

Марина (уходя, к Полисту).

Теперь, наверное, дворянкою мне быть.

Полист (Марине). Я очень рад, что тем могу тебе служить.

(Марина, переодевшись в платье Милены и подражая ее голосу, говорит Полисту о своей любви к графу так, чтобы это услышал Замир. Юноша, пришедший на свидание, ревнует свою возлюбленную и ссорится с нею. Милена, которая не подозревает об обмане, очень расстроена и обижена. В это время приезжает отец Замира Честон, старый знакомый Чванкиной, и уговаривает сына оставить Милену, если та изменила обещаниям, забыть возлюбленную и посвятить себя государственной службе, соблюдая законы дворянской чести и выполняя свой долг. Однако вполне вразумить Замира не удается. Чванкина по-прежнему благоклонна к Честону и Замиру, убеждает их не ссориться с графом.)

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ VI

Верхолет со скороходами, лакеями и проч.,

Честон, Чванкина, Полист.

Верхолет. Со мною встретиться и — шляпы не подвинуть!

За это должно бы его с крыльца мне скинуть.

¹ Тверь — губернский город (в то время — около 15 тысяч жителей), Торжок — уездный город.

¹ Чванкина принимает слово «роман» за имя.

Чванкина. А кто осмелился, сиятельнейший зять,
Такие грубости пред вами показать?
Какой-нибудь дурак, невежа и скотина!

Верхолет. Замир, сударыня.

Чванкина. *(испугавшись)* Я, право, не причина.

Честон. Что будет далее, но только этот граф,
Как кажется, одним своим нахальством прав.

Верхолет. *(Честону)*. Подумайте, сударь!.. известно вам то буди:
И графы, и князья, все, словом, знатны люди,
То ведая, кто я, почтенье кажут мне.
Всей здешней, думаю, известно стороне...
Да что, известно то в местах и дальних света,
Как должно почитать всем графа Верхолета;
А мальчик...

Честон. Может быть, он вас и не узнал.

Верхолет *(хохочет)*. Вот что смешно! Не знать! Меня!

Чванкина. Нет, он нахал,
Мальчишка!..
(На ухо Честону). Не сердись, уж должно тут
браниться,
Как знатный господин изволит рассердиться.

Честон. *(на ухо Чванкиной)*. Я знатности слуга; и знатным я
не чту,
Кто...

Чванкина. Разве виснет брань кому на вороту?
Иль сына твоего он этим поубавит?

Верхолет. Изволит побранить, а после не оставит.
Не знаю, отчего такой молокосос
Возмог осмелиться пред графом вздернуть нос? <...>
Вот так-то молодость и счастье теряет,
Когда таких уже, как я, не почитает.
Я, может, тем его немного огорчил,
Что сердце от него Милены отлучил;
Но было у меня ему во утешенье
За то уже совсем готово награждение.
Когда бы не таков он был и груб и рьян,
То был бы гвардии он завтра капитан¹.

Честон. Того не надобно, пусть в армии послужит.

Верхолет. Изрядно сказано; пускай его потужит,

¹ Капитан — военный чин 9-го класса. Гвардия — привилегированная часть войск, гвардейцы при переходе в армию получали чин на два класса выше.

Пускай научится, как графов почитать;
И лучше бы отец его не мог сказать...
Но кто его отец?

Чванкина. Его он ожидает.

Верхолет. Для свадьбы, слышал я?.. Напрасно прогуляет
Путь дальний старичок; его мне очень жаль.

Честон. Отцу увидеться со сыном не печаль,
И верьте, что ему не будет то досадно...

Верхолет. Что у меня со всех сторон с Миленой ладно,
Не правда ли? Итак, умнее сына он?
А как его зовут?

Честон. Зовут его Честон. <...>

Чванкина. Такой учтивец он! такой во всем приветник!
И в городе у нас коллежский он советник.
За то от всех почтен он в нашей стороне.

Верхолет. Честон?.. Советник?.. Ба! да он известен мне.
За чином долго здесь у знатных волочился, —
Ничто не помогло, но я уже вступился.

Честон. Так должен вас Честон за чин благодарить?

Верхолет. Кому ж? неужто вам? коль смею то спросить <...>
Пришло бы ведь ни с чем Честону возвратиться,
Напрасно время здесь и труд свой погубя...

Честон. Да знаете ли вы его?

Верхолет. Как сам себя;
И этот батюшка любовника Милены
В передней у меня потер спиною стены.
Не правда ли, Полист? Вам скажет секретарь.
Бесплодно потоптав он крыльца здешних бар,
Которые ему совсем уж отказали, —
Знать, невозможностью дать чин ему считали, —
Не помню, у меня как случай он нашел —
И я его тотчас чрез графа произвел. <...>

Чванкина *(Честону на ухо)*.
Не спорь, отец мой, с ним: он, знаешь, барин знатный.

Честон *(на ухо Чванкиной)*.
Он дерзкий человек, хвастун, шалун развратный!

Чванкина *(заткнув уши)*. Не слышу я.

Верхолет. Что там вам смеют говорить?

Чванкина *(с трусостью)*.
Нет... право, ничего... Изволит вас хвалить.

Верхолет. Да почему же то быть может непонятно,
Что мне Честон знаком?

Честон. Мне то невероятно.
По слуху одному, который говорит,
Что, честно он служа, в передних не стоит,
Что он чрез подлости достоинств не ловитель,
Что барин — честь его, а служба — покровитель¹,
Что молвить за себя не просит он словца, —
А впрочем, я его не знаю и лица.

Верхолет. Так я ж вам сделаю его изображение.
Лицо широкое его, как уложение²,
Одето в красненький сафьянный переплет;
Не верю я тому, но, кажется, он пьст;
Хоть сед от старости, но бодр еще довольно...

Честон. А я вот слышал так, что говорит он вольно:
И если бы когда и граф какой стал лгать,
В глаза бы он сказал, что граф изволит врать.
Он сух, лицо его нимало не широко,
И хвастунов его далеко видит око;
А впрочем, он во всем походит на меня.

Верхолет. Но чтобы все сказать — Честон, сударь, сам я.
Какое же вранье, какая дерзость эта!..
Ну, кстати ль, старичок, в твои почтенны лета
Лгать нагло...

Чванкина. Подлинно!

Честон. Нет, вам, когда вы граф,
Не стыдно ль, честности, сударь, презрев устав,
Который вам хранить...

Верхолет. Я вас не разумею.

Честон. Поди, сударь, поди, я вместо вас краснею,
А вы...

Верхолет. Полист! уже ль все письма к королям?..

Полист. Готовы все, сударь.

Честон. (К Чванкиной.) А вы, не стыдно ль вам,
Когда при вас меня уверить в том дерзают,
Что я — не я, когда притом меня ругают,
А вы, сударыня, молчание храня...

Чванкина. Ох, боже мой! На что ссылаться на меня...
Честон ли ты иль нет, я этого не знаю;
Угодно графу как, я так и почитаю.

¹ То есть его баринном является лишь его честь, а покровителем — его служба.

² Уложение — свод законов. Широкое лицо красно, как уложение, одетое в красный переплет.

Честон. Как! столько подлости вы можете иметь,
Чтоб уличить его в толь видной лжи не сметь!
И, быв знакомы мне, сударыня, так близко,
Хотите потакать, и потакать так низко?..
Не граф, поверьте мне, — хвастун пристрашный он,
И это правда так, как то, что я Честон.

Чванкина. Так что ж, что ты Честон, хоть знаю, да не верю.

Верхолет. (с видом насмешливым и презрительным).
О нет, нет, что я граф, я в этом лицемерю.
Не граф я, а такой вот точно дворянин,
И темный и простой, как этот господин.

Честон. Поверьте, быть таким желаю вам неложно.

Верхолет. (с насмешкою).
О! Много чести мне — мне в том признаться должно.
(К Чванкиной.)
А впрочем, пусть по мне он будет то, что он,
Да в свете только ли, что он один Честон?
Что чином одолжил Честона я безмерно,
Я это ведаю и знаю очень верно.
Так я вам изъясню...

Честон. Того-то не терплю
И изъяснений я нимало не люблю.
(К Чванкиной.)
Вы видите ль, что стал он признаваться
И с благодарностью уж хочет унижаться?
Но благодарности стараюсь избегать:
Я не для этого желаю одолжать.

Чванкина. Какой бесстыдник он!

Верхолет. То правда, что бесстыден;
И он, как в зеркале, в своем Замире виден,
Который подло так Милсону клевстал.

Честон. Неправда, и мой сын...

Чванкина. Бездельник и нахал! <...>

ЯВЛЕНИЕ VIII

Честон, Простодум.
<...> Честон. Кто это?.. кажется, его как будто знаю...
Да это Простодум! Зачем бы здесь ему?
Быть здесь при месте, то не по его уму.
Да полно, к счастью ведь глупость не препона.
Простодум. Когда я не ослеп, то вижу я Честона.

Честон. Да, я Честон; а ты или не Простодум?
Простодум *(обнимая Честона)*. Я это.
Честон. Как тебе, мой друг, то впало в ум,
Чтоб из норы своей себя в столицу врютить?
Или в большой ты свет вступил?
Простодум. Чем черт не шутит?
Я только прискакал, а уж и в сенаторы.
Честон. Ну полно! говоришь ты, кажется мне, вздоры.
Простодум. Чтоб правда то была, не хочешь ты того,
Я вижу.
Честон. Не хочу.
Простодум. Скажи же, для чего?
Честон. А для того, что я тебе добра желаю.
Простодум. Я, право, этого добра не понимаю.
Честон. Когда изволишь, толк о том тебе я дам.
Простодум. Послушаем; горазд я, брат, на толки сам.
Честон. Тем лучше... Например, когда бы ты был
болен,
В болезни мог ли бы врачом тем быть доволен,
Который, никого до тех пор не леча
И не учась, себя бы выдал за врача?
Простодум. Ну нет!
Честон. Не правда ль, чтоб он был больным умора,
Здоровым смех?
Простодум. Тут нет нималого и спора.
Честон. Не спорь же, что такой ты точно сенатор.
Простодум. Лих нет! вот тут у нас и выйдет спор <...>
Честон. Кто должность на себя такую принимает,
Которой он и сам совсем не понимает,
В которой действуя, он только что вредит,
Не действуя, смсшон, за то что пнем сидит;
Который...
Простодум. Сам ты, пень, пожалуй, не бранися.
Честон. Я правду говорю, а ты себе бесися <...>
Которы на сию чреду возведены,
Те сердцем, как умом, равно отличены;
Не мысля о себе, о пользе помышляют,
Чем общества они блаженство подкрепляют;
Они хранители единой правоты.
Простодум. Какой же вздор, мой друг, от страха мелешь ты.
Нет, пет, не бось меня, тебя не изувечу.
Я сердцем только лишь на тех дворяней мечу,

Которы вокруг меня по деревням живут,
Которые меня, равно как скот мой, жмут.
Я так же их пожму во время сенаторства
И покажу мои им разные проворства.
Покрепче буду их держать в моих руках
И, как на собственных, на их косить лугах.
Честон. Так ты лишь для себя быть хочешь барин сильный?
Простодум. А для кого ж? И вот какой вопрос умильный!
Неужто для других?
Честон. Да кто же обещал
Тебе?
Простодум. Есть собственный мой знатный генерал,
У коего теперь я в службе управитель:
Случайный самый граф, надсжный покровитель.
Честон. Граф?
Простодум. Да, да, Верховлет... Чему ж смеешься ты?
Считаешь, думаю, все это за мечты?
Не веришь, что ко мне такую милость кажет
Великий господин?... Когда Честон прикажет,
По дружбе я ему открою весь секрет...
Узнай: племянник мне граф этот Верховлет.
Честон. Племянник!
Простодум. Так, мой друг.
Честон. Не тот ли он развратный,
Который...
Простодум. Да; теперь племянник очень знатный,
Богат, как Соломон¹, и силен у двора,
И в слове он так тверд, как будто бы гора.
Теперь поверишь?
Честон. Твой племянник?
Простодум. Что ж за диво?
Да только лишь тебя прошу весьма учтиво,
Чтоб ты до времени того не говорил,
Что дядя я ему; он сам о том просил.
Доколь не сенатор, я в дяди не гожуся.
Честон. *(смеется)*. Давно не хохотал, как я теперь смеюся.
Простодум. От радости?
Честон. Да, да.
Простодум. Я очнь рад тому,
Что услужить могу я другу моему <...>

¹ Библейского царя Соломона Господь наградил богатством, мудростью и долголетием.

(Честон выясняет обстоятельства петербургской жизни мнимого графа. Простолюд показывает приятелю бумагу «Помещен достоин быть в сенат», подписанную Верховлетом. Хитростью получив этот документ, Честон добивается ареста Верховлета в присутствии Чванкиной, ее дочери и служанки. Одновременно с этим приходит портной с приказчиком и сообщает об огромных долгах Верховлета. Выясняется и крестьянское происхождение Полиста. Благочинный уводит Верховлета в тюрьму, Чванкина соглашается на брак Замира и Милены, которые к тому времени уже помирились. Пьеса заканчивается репликой Марины:

Теперь то вижу я:
Чтоб глупо не упасть и чтоб не острамиться,
Так лучше не в свои нам сани не садиться.)

1785

Несчастье от кареты

Комическая опера в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Господин Фирюлин.
Госпожа Фирюлина.
Анюта, дочь Трофимова.
Лукьян, ее любовник.
Трофим, отец Анютин.
Афанасий, шут.
Клементий, приказчик¹.
Толпа крестьян.

Действие происходит в деревне господина Фирюлина, находящейся недалеко от Санкт-Петербурга.

Действие первое

(Крестьяне Лукьян и Анюта любят друг друга, но Анюта приглянулась приказчику, и тот решил отнять ее у Лукьяна.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Трофим, Лукьян, Анюта и приказчик Клементий
с крестьянами.

Приказчик. Возьмите его.
Трофим. Господин приказчик!

¹ Приказчик — здесь: управитель имения.

Приказчик. Чего?

Трофим. Помилуй, я милости твоей челом бую овцой.

Приказчик. Изрядно. Возьмите же его.

Трофим. Помилуй, и бараном.

Приказчик. Очень хорошо. Что вы стали? Да! Лукьяпа возьмите!

Трофим. А я, право, думал, что меня, кабы еще немного, всю бы скотину отдал.

Лукьян. А за что бы взять меня?

Приказчик. Я знаю за что.

Лукьян. Ты знаешь, да я не знаю.

Трофим. Не спорь, Лукьянушка, ведь он приказчик. Уж он знает, что делает.

Лукьян. Он приказчик, однако у нас и барин есть.

Приказчик. Да по чьему же, когда не по барскому, приказу я это делаю? Он мне прислал указ, и вот я его вам прочитаю. (*Приказчик читает.*) «О ты, которого глупым и варварским именем Клементия доньше бесчестили, из особливой моей к тебе милости, за то, что ты большую часть крестьян одел по-французски, жалую тебя Клеманом».

Приказчик при этом слове смотрит на всех, и мужики кланяются.

Трофим и мужики. Дай Бог счастья в новом чину.

Приказчик (*продолжает читать*). «И впредь повелеваю всем не оф... ан!.. си... ро... вать...»¹ (*Перестает читать.*) Это, кажется, не чин, однако, я не разумею. (*Читает.*) «Не офансировать тебя словом Клементия, а называть Клеманом». (*Спесиво смотря на всех.*) А называть Клеманом! слышите ли?

Трофим и мужики. Слышим-ста, слава Богу, мы все рады.

Приказчик (*продолжает читать*). «Между тем знай, что мне прекрайняя нужда в деньгах. К празднику надобна мне необходимо новая карста. Хотя у меня и много их, но эта вывезена из Парижа, вообрази себе, господин Клеман, какое бесчестие не только мне, но и вам всем, что ваш барин не будет ездить в этой прекрасной карете; а барыня ваша не купит себе тех прекрасных головных уборов, которые также прямо из Парижа привезены. От такого стыда честный человек должен удавиться. Ты мне писал, что хлеб не родился; это дело не мое, и я не виноват, что и земля у нас хуже французской. Я тебе приказываю и прошу, не погуби меня; найди, где хочешь, денег. Теперь уже ты Клеман и носишь по моей сеньерской милости платье

¹ От *offenser* (*фр.*) — оскорблять.

французского балъи¹, и так должно быть тебе умнее и проворнее. Мало ли есть способов достать денег? Например, нет ли у вас на продажу годных людей в рекруты. Итак, нахватай их и продай. Фирюлин». Ну, видите ли, что я не виноват и барское приказание исполняю? Поздравляю тебя, Лукьян, служивым.

А н ю т а. Я повсюду готова с тобою, где будешь ты, там мне везде хорошо.

Т р о ф и м. А мне с кем же остаться? Все меня оставить хотят.

П р и к а з ч и к. Не суетись, Трофим. Ведь он еще не женат. Анюта твоя и нам нужна; есть люди, которые ее не меньше Лукьяна любят.

А н ю т а. Да я их любить не могу.

П р и к а з ч и к. Как! ты не можешь приказчика любить? любить Клемана?

А н ю т а. Не только приказчика, ни барина и никого. Лукьян мне всех милее.

П р и к а з ч и к. Увидим, увидим.

Л у к ь я н. А что ты сделаешь?

П р и к а з ч и к. Что я сделаю? только что Анюта будет моя.

(Анюта и Лукьян просят помощи шута Афанасия, которого Фирюлины на французский манер зовут Буфоном. Крестьяне отдают ему последние деньги.)

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ IV

Т р о ф и м, Л у к ь я н, А н ю т а и ш у т.

Ш у т. <...> Видишь от каких безделиц беда. Ты влюблен в Анюту. Анюта в тебя, в Анюту приказчик, барин в карету, а карета безнадежно никого не любит. А от этого и все хоть брось <...>

АРИЯ

Провал возьми весь этот свет,
Где столько бед
То от карет,
То от манжет,
То от Анют
И где приказчик шут!

Однако я еще не отчаиваюсь: барин сам сюда скоро приедет. Вы сами его попросите, я вам буду помогать, авось-либо... Лукьян! не умеешь ли ты по-французски?

¹ Балъи — французский провинциальный судья.

Л у к ь я н. На что это?

Ш у т. То-то бы хорошо было.

Л у к ь я н. Я немного слов французских выучил, когда жил при старом барине, и Анюта также знает.

Ш у т. Как это хорошо! Теперь, пожалуй себе, не умирай; деньги твои верно будут мои.

ЯВЛЕНИЕ V

Фирюлин, Фирюлина, приказчик, шут,
а в отдалении Трофим, Анюта и Лукьян.

Фирюлин. Варварский народ! дикая сторона! какое невежество! какие грубые имена! как ими деликатес моего слуха повреждается! Видно, что мне самому приняться за экономию и переменить все названия, которые портят уши; это первое мое дело будет.

Фирюлина. Я удивляюсь, душа моя! наша деревня так близко от столицы, а никто здесь по-французски не умеет; а во Франции от столицы верет за сто все по-французски говорят.

Ш у т. Есть чему дивиться, вы, я думаю, с мужем скоро и тому станете удивляться, что собаки лают, а не говорят.

Фирюлин. Ха! ха! ха! как это хорошо сказано! по чести, здесь говорят, как лают <...> Когда согласишься на нас, великую разницу увидишь, не правда ли? А и мы еще, и мы, ах! — ничего перед французами.

Ш у т. Стоило ездить за тем, чтобы вывезти одно презрение, не только к землякам, да и к самим себе.

Фирюлин. Довольно бы, правду сказать, было и этого, но мы с женою вывезли еще много диковинок для просвещения грубого народа: красные каблучки¹ я, а она чепчики.

Фирюлина. Которые почти все разошлись, и теперь надобно самой покупать; а денег...

Фирюлин (к приказчику). Клеман, дорогой Клеман нам поможет.

П р и к а з ч и к. Извольте быть надежны, деньги будут.

Фирюлин. А девочка будет твоя, о которой ты просил.

Ш у т. Вывезли много вы диковинок, а жалости к слугам своим ничего не привезли, знать, там этого нет.

Фирюлин. Жалости к русским? Ты рехнулся, Буфон². Жалость моя вся осталась во Франции; и теперь от слез не могу воздержаться, вспомнив... о, Paris!³

¹ Во второй половине XVIII в. при французском дворе в моде были красные каблучки.

² Шут (фр.).

³ О Париж! (фр.)

Ш у т. Это хорошо! плакать о том, что вы не там, а слуг своих без жалости мучить; и за что? Чтоб французскую карету купить.

Ф и р ю л и н. Перестань, и не говори об этом! Нам, несчастным, возвратившимся из Франции в эту дикую сторону, одно только утешение и осталось, что на русскую дрянь, сделав честный оборот, можно достать что-нибудь порядочное французское; да и того удовольствия хотят нас лишить.

Ш у т. Теперь живите как хотите; я вам сказываю, что от вас уйду; и можно ли при вас жить? Того и бойся, что променяют на красный французский каблук.

Ф и р ю л и н. Нет, нет, тебя я не отдам.

Ш у т. Да разве хуже меня продаете? (*Указывая на Лукьяна*.) Посмотрите, какого молодца, который еще и по-французски знает!

Ф и р ю л и н. И по-французски! Mon dieu!¹ что я слышу!

Ф и р ю л и н. Ах! Mon sœur!² он по-французски знает, а скован! это никак пойдет!

Ф и р ю л и н. Это ужасно, horrible!³ снимите с него цепи. Mon ami!⁴ я перед тобой виноват.

П р и к а з ч и к. А карета французская...

Ш у т. Молчи, плут.

Ф и р ю л и н. А это что за девочка? Она недурна.

Л у к ь я н. Ах, сударь, это та, которую я люблю больше себя, которая меня любит и которую вы отдаете за приказчика.

Ф и р ю л и н. Что делать? Я слово дал.

А н ю т а. Отец твой нас любил, а сын его терзает.
Жестокий, жизнь мою в Лукьяне отнимает.

Л у к ь я н. Вели ты умертвить меня в сию минуту,
А после уж отдай иному ты Анюту.

В м е с т е. На слезы посмотри
Тсбс подвластных,
Страданье прекрати
Тобой несчастных.

Ф и р ю л и н. Parbleu!⁵ Я этому б не поверил, чтобы и русские люди могли так нежно любить; я вне себя от удивления! Да не во Франции

¹ Бог мой! (*фр.*)

² Сердце мое! (*фр.*)

³ Ужасно! (*фр.*)

⁴ Мой друг (*фр.*)

⁵ Черт возьми! (*фр.*)

ль я? Что он чувствует любовь, тому не так дивлюсь: он говорит по-французски, а ты, девчоночка, а ты?

Ш у т. И она разумеет.

Ф и р ю л и н. И она! теперь меньше дивлюсь.

Л у к ь я н (*на коленях*). Monseigneur! сжальтесь над нами!

А н ю т а (*на коленях*). Madame! вступитесь за нас!

Ф и р ю л и н. Monseigneur! Madame!¹ Встаньте, вы меня этими словами в такую жалость привели, что я от слез удержаться не могу.

Ш у т. Оставленную жалость во Франции вытащили отсюда два французские слова: видите ли вы, какого сокровища лишил вас плут приказчик?

Ф и р ю л и н (*грозя приказчику*). Monsieur Клеман, ты бездельник.

Ф и р ю л и н. Mon cher!² соединим их; они достойны друг друга и достойны жить при нас.

П р и к а з ч и к. Разве вы изволили отдумать карету покупать?

Ф и р ю л и н. Нет, но у меня еще много людей и без него, а мне такой лакей надобен, который бы знал по-французски, чтоб ездить за мной. (*К Лукьяну*.) Соглашаешься ли ты никогда не говорить по-русски?

Л у к ь я н. Я вам клянусь, и это мое последнее русское слово.

Ш у т (*Лукьяну*). Смотри же не промолвись. (*Фирюлину*.) Видите ли, какой он вам полезный человек?

АРИЯ

Какая это радость,
Какая сердцу сладость;
Коль, стоя назади,
Не говоря по-русски,
И вместо, чтоб кричать «поди»³,
Кричать он будет по-французски!
Какая это радость,
Какая сердцу сладость,
Как станет он о чем шуметь,
На улице никто не будет разуметь!

Ф и р ю л и н (*к Лукьяну*). Ну, mon ami! женись на ней, mariez-vous, теперь я тебе позволяю.

Ф и р ю л и н. Я этому очень рада! Они так друг друга любят, что мне, по чести, за них было тошно.

¹ Государь! Сударыня! (*фр.*)

² Мой милый (*фр.*)

³ Крик извозчика, чтобы уступили дорогу.

Трофим (*кланяясь Фирюлину*). Ты отец...
Фирюлин. Что это за тварь? Меня отцом называть смеет! Разве мой батюшка был твой отец, а я не хочу такому свинье отцом быть. Впредь не отваживайся.
Шут. Ни слова по-французски не разумеет, а туды же лезет <...>

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Шут, Лукьян, Анята, Трофим и крестьяне.
Шут. Ну, видите ли, когда я чего захочу, то все сделаю.
Лукьян. Ты жизнь мне дал; будь уверен, что я вечно не забуду твоего благодеяния.
Анята. И я.
Трофим. И я.
Шут. О чем вы плакали? Где шут Афанасий, там надобно смеяться. Видите ли, что на свете ни о чем не надобно тужить; и никогда не надобно прежде времени умирать.
Должно ль, чтоб нас жизнь крушила,
Хоть и много в жизни зла?
Нас безделка погубила,
Но безделка и спасла.

1779

Рослав

(В XVII в. Христиерн захватил шведский престол и стремится выведать у пленного русского полководца Рослава, где прячется законный правитель Густав. Христиерн влюблен в шведскую княжну Зафиру, возлюбленную Рослава.)

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ III

Рослав, Зафира и Христиерн с воинами.
Христиерн. <...> Открыто ль таинство? могу ль, его познав,
Не быть жесток?
Рослав. Или я больше не Рослав?

Христиерн. Оставим лютости; я оными скучаю
И гнев, хоть праведный, однако ж, укрошаю
С престола преклоню к щедроте я себя,
Сокровища мои открыты для тебя;
Скажи, что знать хочу, и можешь всё имсти.
Рослав. Оставь твое серебро, сии тиранов сети,
Ко удержанию на их главе венца
Могущи уловлять лишь подлые сердца;
Будь тронов ты и всех сокровищей владетель,
Возьми и жизнь, но мне остави добродетель.
Христиерн. Когда бы ты был царь, несчастьем ввержен в плен,
Твоею дерзостью я б не был удивлен;
Царя бы чтил в тебе, себя я уважая;
Но ты, в пленении против меня дерзая
И гнева моего не устрашаясь гроз,
Чтобы не трепетать, кто ты таков?
Рослав. Я росс!¹
Христиерн. Ты пленник дерзостный, ты раб мой!
Рослав. Тот свободен,
Кто, смерти не страшась, тиранам не угоден.
Христиерн. Внемли! — Хочу тебя впоследствии пощадить
И дерзости твоей в последний раз простить,
Хочу тебя спасти... Зрю², что тебя смущает
И тайны важной мне открыть не допускает:
Страх злобу заслужить от князя твоего;
Но будь мой подданный, оставь, оставь его.
От твоего твой рок зависит произвола, —
Чего желаешь ты, скажи?
Рослав. Ниже престола³.
Христиерн. Умри, злодей! мое терпенье истребя,
Надежду на кого влагашешь?
Рослав. На себя.
Христиерн. Во узах и в моей стеснен всевластной воле,
Оставленный от всех и в самой жалкой доле,
Спасение во мне одним могущим зреть, —
Что можешь ты?
Рослав. Могу тебя и смерть презреть.

¹ Росс — россиянин.

² Зрю (*церк.-слав.*) — вижу.

³ То есть не желаю ничего, даже престола.

Христиерн. Увидь мучения, уж смерть тебе готова,
 Когда велю терзать, откроешь всё.
 Росслав. Ни слова.
 Хотя бы за предел простерти могши гнев,
 Дышал ты муками, как ада страшный зев;
 Хотя бы на земле ты тартар¹ мне устроил, —
 Что б сделал тем? Мою б лишь славу ты удвоил.
 Христиерн. Увидим. Воины!
 Росслав. О, россы!
 Зафира (с ужасом). Государь!
 Христиерн (с яростию). Зафира!
 Зафира. Пленник он, а ты здесь сильный царь,
 Во власти он твоей, не помрачай короны.
 Христиерн (к Зафире).
 Смятение твое, твой плач, твой ужас, стоны —
 Не для меня то всё; и вижу ясно я,
 Чем страждет днесь душа растерзанна твоя.
 Зафира (с смятением).
 Кто, я? Я стражду? нет... Но ты невинность гонишь...
 Но ты... ах, ежели на жалость не преклонишь
 Ты сердца твоего... Когда Росслав падет...
 Когда... остави мне...
 Христиерн. Умрет мой враг, умрет.
 Ты плачешь! — Воины!
 Зафира. Не плачу — умираю. (*Упадает.*)
 Христиерн. А я ужаснейшу мне тайну открываю!
 Бессилен изъяснить, что в сердце я терплю,
 Лютейшей казнию я вам сие явлю;
 В мучениях своих познаете, как стражду.
 Готовься на смерть, я вашей крови жажду.
 (*Отходит, а несколько воинов остается.*)
 (Густав поднял восстание и освободил Росслава, который успел обезоружить ослепленного ревностью Христиерна, когда тот хотел убить Зафиру.)

¹ Тартар — в античной мифологии место посмертных мучений грешников.

Николай Александрович Львов

Русский 1791 год

<...> На полостланном фарфоре
 И на лыжах костяных,
 Весь в серебряном уборе
 И в камнях дорогих
 Развевая бороною
 И сверкая сединою,
 Во сафьянных сапожках,
 Между облаков коралльных
 Резвый вестник второях
 Едет из светлиц кристальных,
 Вынимая из сумы
 Объявление от Зимы:
 «Чтобы все приготавлились,
 Одевались, убирались
 К ней самой на маскарад;
 Кто же в том отговорится,
 Будет жизни тот не рад:
 Или пальцев он лишится,
 Или носа, или пят».
 Все тут вестника встречают,
 Кто с усмешкой, кто с слезой,
 Резвых бегунов впрягают,
 Одеваются лисой,
 Наряжаются волками,
 Иль медведем, иль бобрами, —
 Всяк согласно с кошельком.
 Вестник тут же для приманы,
 Занимаясь торжеством,
 Даром раздает румяны
 И бурмицким жемчугом
 Нижет бороды широки;
 И на теремы высоки
 Вкруг покрышек тесовых
 Цепит бахромы алмазны;
 А на улицах больших

Ставит фонари топазы
Вместо фонарей простых <...>
По домам уже блистают
И по улицам огни;
Все в парядах разъезжают,
Пляшут в горницах одни,
А на улицах другие
Без музыки, где иные
В рукавицы золотые
Бьют во славу зимних дней.
Между пряничных сластей
Сладки вины ароматны
Сквозь упитанных очей
Кажут жребий благодатный.
Посреди утех, отрад
Старый с временем смирился,
К молодечеству стремился
Сквозь туманный винный чад;
Он и годы забывает,
Нову бодрость изъясляет,
Теплой шубою укрыт,
И проворною походкой
За румяною молодкой,
Подрумянившись, спешит <...>

1790

Иван Иванович Хемницер

Метафизический¹ ученик

Отец один слышал,
Что за море детей учиться посылают
И что вообще того, кто за морем бывал,
От небывалого² отменно почитают;
Затем, что с *знанием* таких людей считают;
И, смотря на других, он сына тож послать
Учиться за море решился.
Он от людей любил не отставать,
Затем, что был богат. Сын сколько-то учился,
Да сколько ни был глуп, глупее возвратился.
Попался к школьным он вралям,
Неистолкуемым дающим толк вещам;
И словом, малого век дураком пустили.
Бывало, глупости он попусту болтал,
Теперь ученостью он толковать их стал.
Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А ныне разуместь и умные не стали;
Дом, город и весь свет враньем его скучал.
В метафизическом беспушья размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:
«Сыскать начало всех начал»,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.
Отец, встревоженный, который с ним случился,
Скоряе бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;
А думный между тем детина,
В той яме сидя, размышлял,
Какая быть могла падения причина?
«Что оступился я, — ученый заключал, —
Причиною землетрясенье;

¹ Метафизика — раздел философии об основах бытия, непостижимых чувственным опытом.

² То есть от того, кто за морем не был.

А в яму скорое произвело стремленье
 С землей и с ямою семи планет сношенье».
 Отец с веревкой прибежал.
 «Вот, говорит, тебе веревка, ухватись.
 Я потащу тебя, да крепко же держись.
 Не оборвись!..»
 — «Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
 Веревка вещь какая?»
 Отец, вопрос его дурацкий оставляя,
 «Веревка вещь, — сказал, — такая,
 Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».
 — «На это б выдумать орудие другое,
 А это слишком уж простое».
 — «Да время надобно, — отец ему, — на то.
 А это, благо, уж готово».
 — «А время что?»
 — «А время вещь такая,
 Которую с глупцом я не хочу терять.
 Сиди, — сказал отец, — пока приду опять».

Что, если бы вралей и остальных собрать
 И в яму к этому в товарищи сослать?..
 Да яма надобна большая!

1779

Лев, учредивший совет

Лев учредил совет какой-то, неизвестно,
 И, посадив в совет сочленами слонов,
 Большую часть прибавил к ним ослов.
 Хотя слонам сидеть с ослами и неуместно,
 Но лев не мог того числа слонов набрать,
 Какому прямо надлежало
 В совете этом заседать.
 Ну, что ж? пускай числа всего бы не достало,
 Ведь это б не мешало
 Дела производить.
 Нет, как же? а устав ужли переступить?
 Хоть будь глупцы судьи, лишь счетом бы их стало.

А сверх того, как лев совет сей учреждал,
 Он вот как полагал
 И льстился:
 Ужли и впрямь, что ум слонов
 На ум не паведет ослов?
 Однако, как совет открылся,
 Дела совсем другим порядком потекли:
 Ослы слонов с ума свели.

1779

Побор Львиный

В числе поборов тех, других,
 Не помню, право, я за множеством каких,
 Определенных Льву с звериного народа
 (Так, как бы, например, крестьянский наш народ
 Дает оброки на господ),
 И масло также шло для Львина обихода.
 А этот так же сбор, как всякий и другой,
 Имел приказ особый свой,
 Особых и зверей, которых набирали,
 Чтоб должность сборщиков при сборе отправляли.
 Велик ли сбор тот был, не удалось узнать,
 А сборщиков немало было!
 Да речь и не о том; мне хочется сказать
 То, что при сборе том и как происходило.
 Большая часть из них, его передавая,
 Катала в лапах наперед:
 А масло ведь к сухому льнет,
 Так следственно его немало
 К звериным лапам приставало;
 И царским пользуясь добром,
 Огромный масла ком стал маленьким комком.
 Однако как промеж скотами,
 Как и людскими тож душами,
 Не все бездельники, а знающие честь
 И совестные души есть,
 То эти в лапах ком не только не катали,
 Но сверх того еще их в воду опускали,

Чтоб масло передать по совести своей.
 Ну, если бы честных зверей
 При сборе этом не сыскалось,
 То сколько б масла Льву досталось?

 Не знаю, так ли я на вкус людей судил?
 Я Льву, на жалобу об этом, говорил:
 «Где сборы,
 Там и вору;
 И дело это таково:
 Чем больше сборщиков, тем больше воровство».

Лестница

Все надобно стараться
 С потребной стороны за дело приниматься;
 А если иначе, все будет без пути.
 Хозяин некакий стал лестницу мести;
 Да начал, не умея взяться,
 С ступеней нижних мести. Хоть с нижней сор
 сметет,
 А с верхней сор опять на нижнюю спадет.
 «Пе бестолков ли ты? — ему тут говорили,
 Которые при этом были. —
 Кто снизу лестницу метет?»
 На что бы походило,
 Когда б в правлении, в каком бы то ни было,
 Не с высших степеней, а с низших начинать
 Порядок наблюдать.

1782

Стрекоза

Всё лето стрекоза в то только и жила,
 Что пела;
 А как зима пришла,
 Так хлеба ничего в запасе не имела.

И просит муравья: «Помилуй, муравей,
 Не дай пропасть мне в крайности моей:
 Нет хлеба, ни зерна, и как мне быть, не знаю.
 Не можешь ли меня хоть чем-нибудь ссудить,
 Чтоб уж хоть кое-как до лета мне дожить?
 А лето как придет, я, право, обещаю
 Тебе всё вдвое заплатить».
 — «Да как же целое ты лето
 Ничем не запаслась?» — ей муравей на это.
 — «Так, виновата в том; да что уж, не взыщи
 Я запастися всё хотела,
 Да лето целое пропела».
 — «Пропела? Хорошо! поди ж теперь свищи».

Но это только в поученье
 Ей муравей сказал,
 А сам на прокормленье
 Из жалости ей хлеба дал.

Василий Васильевич Капнист

Ода на рабство

Приемлю лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней;
Простерши руку, отягченну
Железных бременем цепей,
Для песней жалобных настрою,
И, соглася с моей тоскою,
Унылый, томный звук пролью
От струн, рекой омытых слезной;
Отчизны моя любезной
Порабощенье воспою <...>

Куда не обращу зеницу¹,
Омытую потоком слез,
Везде, как скорбную вдовину,
Я зрю мою отчизну днесь²:
Исчезли сельские утехи,
Игрива резвость, пляски, смехи;
Веселых песней глас утих;
Златые нивы сиротеют;
Поля, леса, луга пустеют;
Как туча, скорбь легла на них.

Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,
Там тверды зиждет власть ограды
И вольность узами теснит.
Где благо, счастье народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
Увы! Судьбе угодно было,
Одно чтоб слово превратило
Наш ясный день во мрачну ночь.

¹ Зеница — здесь: взгляд.

² Днесь (церк.-слав.) — сегодня.

Так древле мира Вседержитель
Из мрака словом свет создал.
А вы, цари! На то ль Зиждитель¹
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить? <...>

Ты зришь, парипа! Се² ликует
Стенящий в узах твой народ.
Се он с восторгом торжествует
Твой громкий на престол восход.
Ярем свой тяжкий кротко сносит
И благ тебе от неба просит,
Из мысли бедство истребя,
А ты его обременяешь:
Ты цень на руки налагаешь,
Благословящие тебя!

Но ты, которая щедроты
Подвластные боготворят,
Коль суд твой, коль твои доброты
И злопребстунника шадят, —
Возможно ль, чтоб сама ты ныне
Повергла в жертву злой судьбине
Тебя любящих чад твоих?
И мыслей чужда ты суровых, —
Так что же? — благ не скрыла ль новых
Под мнимым гнетом бедствий сих? <...>

Дашь зреть нам то златое время,
Когда спасительной рукой
Вериг постыдно сложишь бремя
С отчизны моя драгой.
Тогда — о, лестно упованье! —
Прервется в тех краях стенанье,

¹ Зиждитель (церк.-слав.) — Создатель.

² Се (устар.) — вот.

Где в первый раз узрел я свет.
Там, вместо воплей и стенаний,
Раздастся шум рукоплесканий
И с счастьем вольность процветет.

Тогда, прогнавши мрак печали
Из мысли горестной моей
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастье наших дней,
От уз свободными руками
Зеленым лавром и цветами
Украшу лиру я мою;
Тогда, вослед правдивой славы,
С блаженством твоя держава
Твое я имя воспою.

1783

На смерть Юлии

Уже со тьмою ночи
Простерлась тишина.
Выходит из-за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Петь скорбь, объявшу дух.
Приди грустить со мною,
Луна, печальных друг!

У холодной сей могилы,
Под сенью древ густых,
Услышь мой вопль унылый
И вздохов стон моих.
Здесь Юлии любезной
Прах милый погребен.
Я лить над ним ток слезный
Навеки осужден.

Подобно розе нежной,
Ты, Юлия! цвела.

Ты в жизни сей мятежной
Мне друг; мне все была.
Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать
Иль, скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

Но песни сей плачевной
Прервать я должен стон:
Слезам омоченной
Немест лиры звон.
Безмолвною тоскою
Сильный теснится дух:
Приди ж грустить со мною,
Луна, печальных друг!

1792

Ручей (Из Панара)¹

Ручей, что по долине вьешься!
Во многом сходен я с тобой:
Ты все одним склоненьем льешься,
Я склонностью влекусь одной.

В теченьи камушки встречая,
Журчишь ты жалобно, чуть-чуть;
В любви преграды ощущая,
Насилу смею я вздохнуть.

Как ясный твой поток серебристый,
Стеклянна, зеркальна струя,
Так страстно Ниной сердце чисто,
Так искренна душа моя.

От гроз, от бурного ненастья
Ты кроешься в тени ветвей;

¹ Панар Шарль (1694–1765) — французский поэт, автор водевилей.

От гибельных превратов счастья
Я скрылся в хижине моей.

К долине милой постоянно
Стремясь, твоя струя течет;
Так пленно сердце беспрестанно
К моей любезной Нине льнет.

Когда она в тебе глядится,
Прелестный вид приемлешь ты;
В моем так сердце он хранится:
В нем врезаны ее черты.

Не знаю льстить я клятвой ложной,
Пучин не можешь ты скрывать;
На дне твоём все видеть можно
И все в душе моей читать.

Влечению следуя природы,
Стремишь ты к устью свой покат,
Доколь твои кристальны воды
Не заморозит лютый холод.

Без Нины будет жизнь страданьем,
И не погаснет к ней любовь,
Пока с последним трепетаньем
В сем сердце не застынет кровь.

1806

Обуховка¹

Non ebut neque aureum
Mea renidet in domo lacunar².

В миру с соседями, с родными,
В согласьи с совестью моей,
В любви с любезною семьей

¹ Обуховка — имение В. Капниста в Полтавской губернии, под Миргородом.

² Ни слоновая кость, ни золотой потолок не сверкают в моем доме (лат.). Стихи Горация.

Я здесь отрадами одними
Теченье мерю тихих дней.

Приютный дом мой под соломой
По мне, — ни низок, ни высок;
Для дружбы есть в нем уголок,
А к двери, знатным незнакомой,
Забываю лень прибить замок.

Горой от севера закрытый,
На злачном холме он стоит
И в рощи, в дальний луг глядит;
А Псе́л, пред ним змеей извитый,
Стремясь на мельницы, шумит.

Вблизи, любимый сын природы,
Обширный многосенный лес
Различных купами древес,
Приятной не тесня свободы,
Со всех сторон его обнес.

Пред ним, в прогалине укромной,
Искусство, чтоб польстить очам,
Пологость дав крутым буграм,
Воздвигнуло на горке скромной
Умеренности скромный храм.

Умеренность, о друг небесный!
Будь вечно спутницей моей,
Ты к счастью ведешь людей,
Но твой алтарь, не всем известный,
Скрыт от черни богачей.

Ты с юных дней меня учила
Честей и злата не искать,
Без крыльев — кверху не летать
И в светлом червячке — светила
На диво миру не казать.

С тобой, милейшим мне на свете,
Моим уделом дорожу;
С тобой, куда ни погляжу,

Везде и в каждом здесь предмете
Я нову прелесть нахожу.

Сойду ль с горы — древес густою
Покрытый теплою теремок,
Сквозь наклоненный в свод лесок,
Усталого зовет к покою
И смотрится в кристальный ток.

Тут вечно царствует прохлада
И освежает чувства, ум,
А тихий, безмолкный шум
Стремительного водопада
Наводит сон средь сладких дум.

Там двадцать вдруг колес вертятся,
За кругом поспешает круг;
Алмазы от блестящих дуг,
Опалы, яхонты дождятся,
Под ними клубом бьет жемчуг.

Так призрак счастья движет страсти,
Кружится ими целый свет.
Догадлив, кто от них уйдет:
Они всё давят, рвут на части,
Что им под жернов попадет.

Пойдем, пока не вечереет,
На ближний остров отдохнуть;
К нему ведет покрытый путь,
Куда и солнца луч не смеет
Сквозь темны листья проскользнуть.

Там сяду я под берест мшистый,
Опершись на дебелий пенёк.
Увы! недолго в жаркий день
Здесь будет верх его ветвистый
Мне стлать гостеприимну тень.

Уж он склонил чело¹ на воду,
Подмывши брега крутизну,

Уж смотрит в мрачну глубину,
И скоро, в бурну непогоду,
Вверх корнем ринется ко дну.

Так в мире времени струями
Всё рушится средь вечной при¹, —
Так пали древни алтари,
Так с их престольными столпами
И царства пали и цари.

Но скорбю чтоб рассеять думу,
Отлогою стезей² пойдем
На окруженный лесом холм,
Где отражает тень утрюму
С зенита ярким Феб³ лучом.

Я вижу скромную равнину
С оградой пурпурных кустов:
Там Флора⁴, нежна мать лугов,
Рассыпала свою корзину,
Душистых полную цветов.

Там дале, в области Помоны⁵,
Плоды деревья тяготят;
За ними Вакхов вертоград⁶,
Где, сока нектарного полны,
Янтарны гроздия блестят.

Но можно ль все красоты картины,
Всю прелесть их изобразить?
Там дальность с небокругом слить,
Стадами тут устлав долины,
Златою жатвой опустить?

Нет, нет, оставим труд напрасный,
Уж солнце скрылось за горой,

¹ Чело (*устар.*) — лоб.

¹ Пря (*устар.*) — спор, ссора; здесь: война, борьба.

² Стезя — путь, дорога.

³ Феб — здесь: солнце.

⁴ Флора — римская богиня цветов и растительности.

⁵ Помона — римская богиня плодов.

⁶ Вакх — греческий бог вина и веселья. Вертоград (*церк.-слав.*) — сад.

Уж над эфирной синевой
Меж туч сверкают звезды ясны
И зыблются в реке волной.

Пора к семейству возвратиться,
Под мой беседочный намет¹,
Где, зря² оно померкший свет,
Уж скукой начало томиться
И моего возврата ждет.

Всхожу на холм — луна золотая
На легком облаке всплыла
И верх текущего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой провела.

О! как сие мне место мило,
Когда, во всей красе своей,
Приходит спутница ночей
Сливать с мечтой души унылой
Воспоминанье светлых дней!

Вдали зрю смесь полянок чистых
И рощ, покрывших гор хребты,
Пред мною нежных роз кусты,
А под навесом древ ветвистых,
Как мрамор, белые кресты.

Благоговенье! Молчалива,
Витийственна³ предметов речь
Гласит: «Ты зришь своих предтеч,
Священна се господня нива:
Ты должен сам на ней возлечь».

Так, здесь и прах отца почтенный,
И прах семи моих детей
Сырою я покрыл землей;

Близ них дерновый круг зеленый —
Знак вечной храмини моей.

Мир вам, друзья! Ваш друг унылый
Свиданья с вами скоро ждет;
Уж скоро!.. Кто сюда придет,
Над свежей скромною могилой
В чертах сих жизнь мою прочтет:

«Капнист сей глыбою покрылся,
Друг муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что ей, как мог, служа, трудился,
И только здесь он опочил».

1818

Ябеда

Комедия в пяти действиях

ЛИЦА

П р а в о л о в, отставной асессор¹.
К р и в о с у д о в, председатель Гражданской палаты².
Ф е к л а, жена его.
С о ф и я, дочь его.
П р я м и к о в, подполковник служащий³.
Б у л ь б у л ь к и н, А т у е в, Р а д б ы н, П а р о л ь к и н, члены Гражданской палаты.
Х в а т а й к о, прокурор⁴.
К о х т и н, секретарь Гражданской палаты.
Д о б р о в, повытчик⁵.

¹ Асессор (коллежский) — гражданский чин 8-го класса.

² Губернский суд в России конца XVII в. состоял из Уголовной и Гражданской палат.

³ Подполковник — военный чин 7-го класса.

⁴ В XVIII в. прокурор — специальный чиновник, обязанный следить за соблюдением законов.

⁵ Повытчик — чиновник, готовящий дела к слушанию в суде.

¹ Намет — шатер.

² Зря (устар.) — видя.

³ Витийственный — ораторский (в данном случае — возвышенный, торжественный).

А н н а, служанка Софии.
Н а у м ы ч, поверенный Праволова.
А р х и п, слуга Прямикова.
Действие происходит в доме Кривосудова.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ VI

Кривосудов и Добров.

<...> Д о б р о в *(берет бумаги и подносит ему)*.
Три дела тут, сударь, которы по помете
Уж более трех лет не решены лежат:
Пора бы кончить их...
К р и в о с у д о в. Да кто же виноват?
Лежат! — вот на! Затем, что николи не ходят
Просители ко мне.
Д о б р о в. Да, чай, они и бродят
Под окнами, сударь, но, чтоб сюда прийти,
Так не с чем им.
К р и в о с у д о в. Так что ж?
За ними мне ходить
Прикажешь?
Д о б р о в. Пет, сударь, но я за них таскаюсь.
Их прав иск: я нашел...
К р и в о с у д о в. Так я и не мешаюсь,
Когда ты что нашел; находка пред тобой.
Д о б р о в. Да вот у этого последнею земель
Грабительски его соседи завладели
И дом его сожгли.
К р и в о с у д о в. Хозяина, знать, грели.
Д о б р о в. А бедных сих дворян в подушный всех оклад¹
Помещик записал.
К р и в о с у д о в. Я был бы очень рад,
Когда б в крестьянску чернь, чтоб носа не
вносили,
Всех мелкотравчатых дворян перекрестили.

¹ Подушную подать (то есть личный налог) платили в России крестьяне и мещане. За крепостных подать вносил помещик. Получается, что помещик записал дворян в свои крепостные.

Д о б р о в. А этот, наконец, за поземельный спор,
Обманом заведен к помещику на двор,
Обруган там, прибит; домой чуть дотащился
И в три дни отдал дух.
К р и в о с у д о в. Знать, дурно он лечился.
Д о б р о в *(в сторону)*. Ну, вот и приговор!
(Вслух.) Да что ж хоть первым двум...
К р и в о с у д о в. Да дела не могу решить я наобум:
Кто прав, кто виноват, мне это видеть должно.
Д о б р о в. Из дела...
К р и в о с у д о в. Ничего увидеть невозможно <...>
Д о б р о в. Но дело на письме гласит довольно ясно.
К р и в о с у д о в *(вырывает бумаги, бьет об стол и бросает)*.
Но дело на письме, хоть бей об стол, безгласно.
Да полно пустошью мне голову ломать,
Поди: к обеду мне пора уж поспешать.
Д о б р о в *(поднявши бумаги)*. Хоть взгляните.
К р и в о с у д о в. Ах, поди, не говори мне боле.
Д о б р о в. При белом их, сударь, принес я протоколе,
Лишь подписать.
К р и в о с у д о в. Поди!
Д о б р о в. Для ангела!
К р и в о с у д о в. Поди!
Д о б р о в. Для праздника!
К р и в о с у д о в. Поди, поди и пропади!

(Выталкивает его.)

(Прямиков, вернувшись с войны в свое имение, был втянут соседом, известным ябедником Праволовым, в судебную тяжбу. Низшие судебные учреждения признали правоту Прямикова, но в Гражданской палате, которая выносит окончательное решение, дело остановилось. Прямиков приходит в дом Кривосудова, куда после пожара перенесены и присутственные места, и встречает Доброва, единственного честного чиновника в этом учреждении. Добров, по старому знакомству, рассказывает Прямикову, как опасен его противник, а также дает характеристики своим сослуживцам: судья и секретарь — предатели истины и взяточники, прокурор — вор, члены суда — пьяница (Бульбулькин), страстный охотник, который вместо службы ездит за дичью (Атуев), честный, но почти неграмотный заика (Радбын) и картежник (Паролькин). Прямиков отказывается дать взятку, будучи уверен в законности своих требований. Праволов же приписит судье, его семейству и чиновникам обильные подношения и настраивает всех в

свою пользу. Выясняется, что Прямыков и дочь Кривосудова Софья еще прежде были знакомы и полюбили друг друга, однако судья хочет выдать Софью за Праволова.)

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ IX

(Кривосудов празднует именины. Чиновники напиваются и поют песню, сочиненную прокурором:

Бери, большой тут нет науки,
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?

Праволов проигрывает чиновникам в карты большие деньги.)

<...> Праволов. Ну! Я довольно просолил.
(Платит Кривосудову и Бульбулькину.)
Извольте ж проигрыш.
Кривосудов. Да я бы погодил.
Праволов. Нет, я люблю платить: ведь денежка счет любит.
(К Бульбулькину, платя.)
Мой проигрыш никто, я чаю, не растрюбит.
Бульбулькин. Никто, никто.
(К Кривосудову.) А с вас по старым сколько я?..
Кривосудов (вынимая записную книжку).
Сочтем тотчас: при мне записочка моя.
Праволов (к Атуеву). Я в деле лишь на вас надежду неизменну...
Атуев (почти падая с пьянства).
Надейся на меня, как на кремлевску стену.
Праволов (к Паролькину). Могу ли в деле я на вас?..
Паролькин (держит стакан и облив руку пуншем). Хоть согрешу,
Пусть высохнет рука, коли не подпишу.
Праволов (к Радбыну). На вас надеяться я как на друга стану.

Радбын (указывая на товарищей, пьющих и играющих «Бери...»).

Уж от-от-от-от них я не от-от-от-стану.

Праволов (к Бульбулькину).
Позвольте ль па вас падежду в деле класть?

Бульбулькин. Скажи секретарю, — а он что мне подаст...
(Кохтин подает ему бокал, а он берет его.)
То я хоть этими обесими руками...

Праволов (к Хватайку).
Я вас меж лучшими моими чту друзьями
И вашей помощи всех более ищу.

Хватайко. Свахляют пусть они — а я уж пропушу.
(Выпивает стакан.)

Праволов (к Кривосудову). На вас я в деле уж...
Кривосудов. Да дело-то худенько!
Ведь штраф пятьсот рублей, так надо береженько!..

Праволов. Когда случится что, я их плачу за вас,
Надежны будьте.

Кривосудов. Так, но лучше бы в запас...

Праволов. Так я их поутру пришло в сохранность вашу.

Кривосудов (указывая на членов, поющих «Бери...»).

Ин быть так: с ними уж я не поразноглашу.

Праволов (Кохтину). У всех теперь уж я настроил дело в лад.
Ты помощь окажи. А это на! — в заклад.
(Дает ассигнацию.) Могу ль надеяться?

Кохтин (подставляя карман). Извольте положиться.

Праволов (ко всем). Однако не пора ль с хозяином проститься?

Бульбулькин. Пора, — покойна ночь.

Атуев. Прощайте, уж пора.

Хватайко. Слуга ваш.

Паролькин. Сладка сна!

Радбын. Пора-ра нас с двора.
(Гости все уходят, обнявшись и припевая «Бери, бери...»:
а Фекла и Анна под руки отводят Кривосудова.)

(На следующее утро Гражданская палата присудила имение Праволову, однако в этот момент пришли два сенатских указа: о том, что Праволов как злостный ябедник подлежит аресту, и о том, что Гражданская палата отдается под суд за взятки. Прямыков, явившись к Кривосудову, выразил ему сочувствие, вновь попросил руки Софьи и получил согласие.)

А н н а. Авось-либо и все нам с рук сойдет слегка.
Д о б р о в. Впрямь: моет, говорят ведь, руку-де рука,
 А с Уголовною Гражданская палата,
 Ей-ей, частехонько живет запанибрата;
 Не то при торжестве уже каком ни есть
К р и в о с у д о в. Под милостивый вас подвинут манифест.
А н н а. Ну, что ни говорить, а дело плоховато!
 Жить ябедой и тем, что взято, то и свято.

1798

Гавриил Романович Державин

Хор (по случаю взятия Измаила)

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый росс!
Звучной славой украшайся.
Магомета ты потряс.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать.

Воды быстрые Дуная
Уж в руках теперь у нас;
Храбрость россов почитая,
Тавр¹ под нами и Кавказ.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать.

Уж не могут орды Крыма
Ныне рушить наш покой;
Гордость низится Селима,
И бледнеет он с луной².
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать.

Стон Синая³ раздастся
Днесь в подсолнечнойезде;
Зависть и вражда мятется
И терзается в себе.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать.

Мы ликуем славы звуки,
Чтоб враги могли узреть,

¹ Крым.

² Селим — турецкий султан. Луна — символ ислама.

³ Прежнее название Измаила.

Что свои готовы руки
В край вселенной мы простretch.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать.

Зри¹, премудрая царица!
Зри, великая жена,
Что твой взгляд, твоя десница²
Нам закон, душа одна.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать.

Зри на блещущи соборы,
Зри на сей блестящий строй;
Всех сердца тобой и взоры
Оживляются одной.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать.

1791

Бог

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет³, сохраняет,
Кого мы называем — Бог!

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, —
Тебе числа и меры нет!

¹ Зреть (*церк.-слав.*) — видеть.

² Десница (*устар.*) — правая рука, здесь: власть.

³ Зиждет (*церк.-слав.*) — утверждает, создает.

Не могут духи просвещенны,
От света Твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает, —
В Твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн Ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом Ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавший все единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот¹ даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от Тебя рождаются;
Как в мразный², ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют, —
Так звезды в безднах под Тобой.

Светил возжженных миллионы
В неизмеримости текут³,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед Тобой — как ночь пред днем.

¹ Живот (*устар.*) — жизнь.

² Мразный (*церк.-слав.*) — морозный.

³ Текут (*церк.-слав.*) — движутся.

Как капля в море опущенна,
Вся твердь перед Тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед Тобою я?
В воздушном океане опом,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, — и то,
Когда дерзну сравнить с Тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мне сияешь
Величеством Твоих доброт¹;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно есть и Ты!

Ты есть! — Природы чин вешает,
Гласит² мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества³ я той,
Где начал тварей Ты телесных,
Где кончил Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я Бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь¹,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правле нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие Твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

1784

Властителям и судиям

Восстал Всевышний Бог, да судит
Богов земных во сонме² их;
Доколе, рек³, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

¹ Доброты (устар.) — достоинства.

² Чин — здесь: порядок. Вещать, гласить (церк.-слав.) — говорить, сообщать; восклицать.

³ Естество (устар.) — природа.

¹ Тварь (церк.-слав.) — творение, создание.

² Сонм — собрание.

³ Рек (устар.) — сказал.

Ваш долг есть сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздой очеса¹:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья, —
Но вы, как я подобно, страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

1787

На смерть князя Мещерского

Глагол² времен! металла звон!
Твой страшный глас³ меня смущает,

Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает:
Монарх и узник — снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глотает царства алчна смерть.

Скользя мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приедем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать,
И быть себя он вечным чаёт;
Приходит смерть к нему, как тать¹,
И жизнь внезапно похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег²,
К брегам ты мертвых удалился;

¹ Очеса — двойственное число от «очи» («глаза»). Мзда — награда, здесь: незаконные награды.

² Глагол (церк.-слав.) — слово, речь.

³ Глас (церк.-слав.) — голос.

¹ Тать (устар.) — вор.

² Брег (церк.-слав.) — берег.

Здесь персть¹ твоя. А духа нет.
Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и вздыхаем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь,
Где купно² с здравием блистали,
У всех там пененет кровь
И дух мятется³ от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики⁴,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красоты,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества⁵ и страх!
Мы гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра — где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,

Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Пойдите счастья прочь возможные,
Вы все переменны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев¹! должно нам, конечно:
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

1779

Фелица

Богородица царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!²
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы³
Царевичу младому Хлору⁴
Взойти на ту высоко гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:

¹ Персть (церк.-слав.) — прах, пыль.

² Купно — вместе.

³ Мятется — смущается, томится.

⁴ Лики — ликования, радостные песни.

⁵ Естество (устар.) — природа.

¹ Перфильев и князь Мещерский — светские знакомые Державина.

² Киргиз-кайсаки — казахи.

³ Открыла верный путь.

⁴ Хлор и Фелица — герои «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II (см. с. 142 наст. издания). Первая строфа оды пересказывает сюжет сказки. Под Фелицей далее разумеется Екатерина II.

Она мой дух и ум пленяет,
Поддай, найти ее совет.

Поддай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает.
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам¹ твоим не подражая.
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налосем²
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Те слишком любишь маскарады,
А в клуб³ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой⁴;
Коня парнаска не седлаешь⁵,
К духам в соборанье не выезжаешь⁶,
Не ходишь с трона на Восток⁷, —
Но кротости ходя стезею⁸,
Благотворящею душою
Полезных дней проводишь ток.

¹ Мурза — татарский или турецкий вельможа.

² Налой — небольшой стол, здесь: конторка, за которой писала Екатерина II.

³ Клуб.

⁴ То есть не учишься архаическим нелепостям.

⁵ То есть не пишешь стихов.

⁶ То есть не занимаешься оккультными науками и тайным знанием.

⁷ С трона на Восток ходили пари-волхвы, провидевшие Рождество Христово.

⁸ Стезя — путь.

А я, проспавши до полудни¹,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плеп от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и златом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят, —
Шампанским вафли запиваю
И все на свете забываю
Средь вин, сладстей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит²,
Где все мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь,
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом³
В карете английской, златой,
С собакой, шутом, или другом,
Или с красавицей какой

¹ В трех следующих строфах — намек на князя Г. А. Потемкина.

² Имеется в виду Эолова арфа — натянутые на воздухе струны, звучащие от ветра.

³ Ехать цугом — в экипаже, где несколько лошадей (обычно 4–6) запряжены одна за другой. Так ездили лишь очень богатые и знатные люди.

Я под качелями гуляю;
В шинки¹ пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку пабекрепе,
Лечу на резвом бегуне².

Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской весело мой дух³;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов⁴;
Или над Невскими брдами
Я тешусь по ночам рогами⁵
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу⁶,
Играя в дураки с женой,
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюсь⁷,
То ею в голове ищусь⁸;
То в книгах рыться я люблюю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю⁹;
За Библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.

Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лептением и брюзгой,
Между тщеславия и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел, — но лъзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вжды?
Везде соблазн и лесь живет;
Пашей¹ всех роскошь угнетает.
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шинов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить:
Из разногласия — согласие
И из страстей свирепых — счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт² плывущий,
Ловя под парус ветр ревуций,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхождением правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, —

¹ Шинок — трактир, кабак.

² На скаковой лошади.

³ Любителем скаковых лошадей и кулачных боев считался граф А. Г. Орлов-Чесменский.

⁴ Намек на страстного охотника П. И. Панина.

⁵ В XVIII в. в моде была роговая музыка. Намек на ее любителя С. К. Нарышкина.

⁶ Строфа иронизирует над начальником Державина князем А. А. Вяземским.

⁷ Свайка — железный стержень, который нужно было забрасывать в кольцо.

⁸ Поиск насекомых в голове — одна из форм интимной ласки в старину.

⁹ Подразумеваются лубочные романы о Бове-королевиче и Полкане, считавшиеся чтением низкопробным, пригодным лишь для непросвещенной черни.

¹ Паша — турецкий вельможа.

² Понт (греч.) — море.

Но Богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь
И воздаешь достойным честь;
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава —
Калифов¹ добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастьях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отрелась и мудрой слыть².
Еще же говорят неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и вьявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себс не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам³,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.

О! Коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирный.
Сокрытый в светлости порфирной,
С небс ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не квохчут,
Любимцы¹ вьявь им не хохочут
И сажей не марают рож².

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновенья
Ты пишешь в сказках поученья
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого³
Лжецом презренным сотворишь».

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.

¹ Властителей.

² В 1767 г. Екатерина II отклонила титул «Премудрая», поднесенный ей Сенатом.

³ Зоил — здесь: ненавистник.

¹ Любимцы правителя, фавориты.

² Излагается судьба некоторых аристократов, при дворе императрицы Анны Иоанновны ставших шутами.

³ Сатир — античное лесное божество, полукозел-получеловек, аллегория грубости, невежества.

Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтись мог?¹
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерлапом²,
Кто в благодати велик, как Бог?

Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоем, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывает ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить.

Которого закоп, десница
Дают и милости и суд. —
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитает?
Где добродетели сияют? —
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде? Смирне? Кашемире?¹
Послушай, где ты ни живешь:
Хвалы мои тебе примета,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя²
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез³ не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицеизренья насладюсь!
Небесные прошу я силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблещат.

1782

Видение мурзы⁴

На темно-голубом эфире⁵
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире⁶
Блестаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала

¹ Ланцет для кровопускания (основной вид лечения в XVIII в.) надо применять лишь при сильной горячке.

² Тамерлан — знаменитый средневековый монгольский правитель и завоеватель.

¹ Восточные города: Багдад в Месопотамии, Смирна — в Малой Азии, Кашмир — в Индии.

² Бешмет — восточная верхняя мужская одежда.

³ Крез — греческий царь, прославившийся своим богатством.

⁴ Мурзой — татарским вельможей — Державин называет себя как потомок мурзы Багрима.

⁵ Эфир (*греч.*) — воздух.

⁶ Порфира — царская мантия, на самом деле алая.

На лаковом полу моем.
 Сон томною своей рукою
 Мечты различны рассыпал,
 Кропя забвения росой,
 Моих домашних усыплял.
 Вокруг вся область почивала,
 Петрополь¹ с башнями дремал,
 Нева из урны² чуть мелькала,
 Чуть Бельт³ в брегах своих сверкал;
 Природа, в тишину глубоко
 И в крепком погружена сне,
 Мертва казалась слуху, оку
 На высоте и в глубине;
 Лишь веяли одни зефиры⁴,
 Прохладу чувствам принося.
 Я не спал — и, со звоном лиры
 Мой тихий голос соглася,
 «Блажен, — воспел я, — кто доволен
 В ссм свете жребием своим,
 Обилеи, здрав, покоен, волен
 И счастлив лишь собой самим;
 Кто сердце чисто, совесть праву
 И твердый нрав хранит в свой век
 И всю свою в том ставит славу,
 Что он лишь добрый человек;
 Что карлой он и великаном
 И дивом света не рожден
 И что не создан истуканом
 И оных чтить не принужден;
 Что все сего блаженствы мира
 Находит он в семье своей;
 Что нежная его Пленира⁵
 И верных несколько друзей
 С ним могут в час уединенный
 Делить и скуку и труды! —

Блажен и тот, кому царевны
 Какой бы ни было орды
 Из теремов своих янтарных
 И серебро-розовых светлиц,
 Как будто из улусов дальних,
 Украдкой от придворных лиц,
 За рассказни, за растабары,
 За вирши иль за что-нибудь
 Исподтишка драгие дары
 И в досканцах червонцы шлют¹;
 Блажен!» — Но с речью сей внезапно
 Мое все зданье потряслось,
 Раздвинулись стены, и стократно
 Ярче молний пролилось
 Сиянье вокруг меня небесно;
 Сокрылась, побледнев, луна.
 Виденье я узрел чудесно:
 Сошла со облаков жена, —
 Сошла — и жрицей очутилась
 Или богиней предо мной².
 Одежда белая струилась
 На ней серебряной волной;
 Градская на главе корона,
 Сиял при персях³ пояс злат;
 Из черно-огненна виссона⁴,
 Подобный радуге, наряд
 С плеча десного⁵ полоосою
 Висел на левую бедру;
 Простертой на алтарь рукою
 На жертвенном она жару
 Сжигая маки благовонны
 Служила вышню божеству.

¹ Петрополь — Петербург.

² Под урной здесь разумеется русло Невы, заключенное в каменные набережные.

³ Бельт — Балтийское море.

⁴ Зефиры — здесь: легкие, нежные ветры.

⁵ Пленирой (от глагола «пленить») Державин называл свою жену Екатерину Яковлевну.

¹ За оду «Фелица» Екатерина II выслала Державину золотую, осыпанную бриллиантами табакерку, полную червонцев. О царевне киргиз-кайсацкия орды см. оду «Фелица». Янтарные терема — намек на янтарный кабинет Царскосельского дворца. Досканец — шка-тулка.

² Далее описывается известный парадный портрет Екатерины II кисти Д. Г. Левиц-кого.

³ Перси (устар.) — грудь.

⁴ Виссон — дорогая льняная материя, употреблявшаяся в античности.

⁵ Десной (устар.) — правый.

Орел полунощный¹, огромный,
 Сопутник молний торжеству,
 Геройской провозвестник славы,
 Сидя пред ней на груди книг,
 Священны блюл ее уставы;
 Потухший гром в когтях своих
 И лавр с оливными ветвями²
 Держал, как будто бы уснув.
 Сафирно-светлыми³ очами,
 Как в гневе иль в жару, блеснув,
 Богиня на меня воззрела.
 Пребудет образ ввек во мне,
 Она который впечатлела!
 «Мурза! — она вещала мне, —
 Ты быть себя счастливым часшь,
 Когда по дням и по ночам
 На лире ты своей играешь
 И песни лишь поешь царям.
 Вострепещи, Мурза несчастный!
 И страшны истины внесли,
 Которым стихотворцы страстны
 Едва ли всрят на зсмли;
 Одно к тебе лишь доброхотство
 Мне их открыть велит. — Когда
 Поэзия не сумасбродство,
 Но выпиний дар богов, — тогда
 Сей дар богов лишь к чести
 И к поученью их путей
 Быть должен обращен, не к лести
 И тленной похвале людей.
 Владыки света люди те же,
 В них страсти, хоть на них венцы;
 Яд лести их вредит не реже, —
 А где поэты не льстецы?
 И ты сирен поющих грому
 В вред добродетели не строй;
 Благотворителю прямому

¹ Полунощный — северный, то есть символ, изображенный на Гербе России.

² Лавр — аллегория славы, олива — мира.

³ Сафирно (сапфирно)-светлый — светло-синий.

В хвале нет нужды никакой.
 Хранящий муж честные нравы,
 Творяй¹ свой долг, свои дела,
 Царю приносит больше славы,
 Чем всех пинтов похвала.
 Оставь нектаром наполненну
 Опасну чашу, где скрыт яд». —
 «Кого я зрю столь дерзновенну
 И чьи уста меня разят?
 Кто ты? Богиня или жрица?» —
 Мечту стоящу я спросил.
 Она рекла мне: «Я Фелица!»
 Рекла — и светлый облак скрыл
 От глаз моих ненасыщенных
 Божественны ее черты;
 Курение мастик бесценных
 Мой дом, и место то цветы
 Покрыли, где она явилась.
 Мой Бог! мой ангел во плоти!
 Душа моя за ней стремилась,
 Но я за ней не мог идти.
 Подобно громом оглушенный,
 Бесчувствен я, безгласен был.
 Но, током слезным орошенный,
 Пришел в себя и возгласил:
 «Возможно ль, кроткая царевна!
 И ты к Мурзе чтоб своему
 Была сурова столь и гневна,
 И стрелы к сердцу моему
 И ты, и ты чтобы бросала,
 И пламени души моей
 К себе и ты не одобряла?
 Довольно без тебя людей,
 Довольно без тебя поэту
 За каждую мысль, за каждый стих
 Ответствовать лихому свету
 И от сатир щититься злых!
 Довольно золотых кумиров,
 Без чувств мои что песни чли²;

¹ Творяй — старая форма причастия — творящий.

² Чли — читали.

Довольно кадиев, факиров¹,
 Которы в зависти сочли
 Тебе их неприличной лестью;
 Довольно нажил я врагов!
 Иной отнес себе к бесчестию,
 Что не дерут его усов²;
 Иному показалось больно,
 Что он наседкой не сидит;
 Иному — очень своевольно
 С тобой Мурза твой говорит;
 Иной вменял мне в преступленье,
 Что я посланницей с небес
 Тебя быть мыслил в восхищенье
 И лил в восторге токи слез.
 И словом: тот хотел арбуза,
 А тот соленых огурцов,
 Но пусть им здесь докажет муза,
 Что я не из числа льстецов;
 Что сердца моего товаров
 За деньги я не продаю
 И что не из чужих анбаров
 Тебе наряды я крою.
 Но, венценосна добродетель!
 Не лесть я пел и не мечты,
 А то, чему весь мир свидетель, —
 Твои дела суть красоты.
 Я пел, пою и петь их буду
 И в шутках правду возведу;
 Татарски песни из-под спуду,
 Как луч, потомству сообщу;
 Как солнце, как луну поставлю
 Твой образ будущим векам;
 Превознесу тебя, прослаблю;
 Тобой бессмертен буду сам».

1784

¹ Кадий — мусульманский священник, занимающий судейский пост, факир — здесь: дервиш, нищенствующий мусульманский проповедник.

² Здесь и далее — отсылки к оде «Фелица».

Осень во время осады Очакова

Спустил седой Эол Борей
 С цепей чугунных из пещер;
 Ужасные криле¹ расширя,
 Махнул по свету богатырь;
 Погнал стадами воздух синий,
 Стустил туманы в облака,
 Давнул — и облака расселись,
 Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна Осень носит
 Снопы златые на гумно,
 И роскошь винограду просит
 Рукою жадной на вино.
 Уже стада толпятся птичьи,
 Ковыль сребрится по степям;
 Шумящи красно-желты листья
 Расстались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,
 Как колпик², поседев лежит;
 Ловецки раздаются роги,
 И выжиц³ лай и гул гремит.
 Запасиися крестьянин хлебом,
 Ест добры щи и пиво пьет;
 Обогащенный щедрым небом,
 Блаженство дней своих поет.

Борей на Осень хмурит брови
 И Зимы с севера зовет:
 Идет седая чародейка,
 Косматым машет рукавом;
 И снег, и мраз, и ипей сыплет,
 И воды претворяет в льды;
 От хладного ее дыханья
 Природы взор оцепенел.

¹ Крылья (церк.-слав.).

² Колпик — белая степная птица.

³ Выжица — гончая собака.

Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сгуют и доли,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы¹ голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом домы,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

Российский только Марс, Потемкин²,
Не ужасается зимы:
По развсвающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата³
Летает и темнит луну⁴;
Под звучным крил его мельканьем
То черн, то бел, то рдян Эвксин⁵.

Огонь, в волнах неугасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет⁶;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрет, иль победит.

Мужайся, твердый росс и верный,
Еще победой возблистать!
Ты не наемник — сын усердный;
Твоя Екатерина — мать,
Потемкин — вождь, Бог — покровитель;
Твоя геройска грудь — твой щит,
Честь — мзда твоя, вселенна — зритель,
Потомство блесками гремит.

Мужайтесь, росски Ахиллеса¹,
Богини ссверной сыны!
Хотя вы в Стикс² не погружались,
Но вы бессмертны по делам.
На вас всех мысль, на вас всех взоры,
Дерзайте ваших вслед отцов!
И ты спешి скорей, Голицын!³
Принесли в твой дом с оливей⁴ лавр.

Твоя супруга златовласа,
Пленира⁵ сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,
На мать нежны взоры вскинешь
И в радости не сыщешь слов.

Когда обильными речами
Потом восторг свой изъявишь,
Бесценными побед венцами
Твою супругу удивишь;
Геройские дела расскажешь
Ее ты дяди и отца⁶,

¹ Нимфа — античное божество рек, полей и лесов.

² Марс — римский бог войны. Князь Г. А. Потемкин-Таврический возглавлял русскую армию в войне с Турцией (1787–1791).

³ Митридат правил Таврическим царством в Крыму.

⁴ Луна — символ ислама.

⁵ Эвксинский Понт — древнегреческое наименование Черного моря.

⁶ Лавр — аллегория славы.

¹ Ахиллес — греческий герой, персонаж «Илиады» Гомера, сильный и неуязвимый воин.

² Стикс — в античной мифологии подземная река в царстве мертвых.

³ Ода посвящена С. Ф. Голицыну, находившемуся в армии Потемкина под Очаковым.

⁴ Олива — аллегория мира.

⁵ Пленира (от глагола «пленить») — так Державин называл красавиц (в том числе и свою первую жену).

⁶ Голицын был женат на Варваре Федоровне, племяннице Потемкина, который любил ее, как дочь.

И дух, и ум его докажешь,
И как к себе он влек сердца.

Спеши, супруг, к супруге верной,
Обрадуй ты, утешь ее;
Она задумчива, печальна,
В простой одежде, и, волосы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе;
И светло-голубые взоры
Ее всечасно слезы льют.

Она к тебе вседневно пишет:
Твердит то славу, то любовь,
То жалостью, то негой дышит,
То страх ее смущает кровь:
То дяде торжества желает,
То жаждет мужниной любви,
Мятеся, борется, вещает:
«Коль долг велит, ты лавры рви!»

В чертоге вокруг ее безмолвном
Не смеют нимфы пошептать;
В восторге только музы томном
Осмелились сей стих бряцать. —
Румяна Осень! Радость мира!
Умножь, умножь еще твой плод!
Приди, желанна весть! — и лира
Любовь и славу воспоет.

1788

Водопад¹

Алмазна сыплется гора
С высот четырех скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;

От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит — и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по берегам
Лежит буграми в лебях темных;
Стук слышен млатов¹ по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоём жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны поражены? —
Ломаются в тебе в куски;
Грозами ль камни отторжены? —
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стекляна ниспадают.

Волк рыщет вокруг тебя и, страх
В ничто вменяя, становится;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он вост, согласясь с тобой.

Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падающий рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж деревьев;
Ее страшит вокруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;

¹ Описывается водопад Кивач на реке Суне в Олонецкой губернии (Карелия).

¹ Млат (церк.-слав.) — молот.

Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет;
И подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу — некий муж седой
Склонился на руку glavой.

Копье, и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая злато-рдяной,
Как вечер во заре румяной, —

Сидит — и, взор впере к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человек нам
Сей водопад изображает? —
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?

Не зрим ли всякий день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скryp подземной?
Не упадет ли в сей зев
С престола царь и друг царев?

Падут — и вождь непобедимый,
В Сенате Цезарь среди похвал,
В тот миг, желал как диадимы,
Закрыв лице плащом, упал¹;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны к трону вежды².

Падут — и несравненный муж
Торжеств несметных с колесницы,
Пример великих в свете душ,
Презревший прелесть багряницы,
Пленивший Велизар царей
В темнице пал, лишен очей³.

Падут. — И не мечты прельщали,
Когда меня, в цветущий век,
Давно ли города встречали,
Как в лаврах я, в оливах тек?⁴
Давно ль? — Но ах! теперь во брани⁵
Мои не мещут молний длани!⁶

Ослабили силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила;
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила.
Он рек — и тихим смолкнул сном.
Морфей⁷ покрыл его крылом <...>

Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увселяй и слух, и взгляд
Твоим стремленьем светлым, звучным

¹ В 44 г. до н. э. Цезарь, желавший императорской короны (диадемы; Державин употребляет слово «диадима»), был убит в Сенате.

² Вежды (церк.-слав.) — веки.

³ Велизарий — знаменитый византийский полководец VI в., был оклеветан, ослеплен, умер в тюрьме.

⁴ Лавр — аллегория славы, олива — мира. Тек (церк.-слав.) — шел.

⁵ Брань (церк.-слав.) — битва.

⁶ Длань (церк.-слав.) — ладонь. Не мещут (мечут) молнии — не посылают смертельные удары.

⁷ Морфей — в античной мифологии бог сна.

И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! — и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали
Разженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща,
О Суна! коль с высот блистать
Ты можешь — и, от зарь горяща,
Кипишь и сеешь дождем
Сафирным, пурпурным огнем, —

То тихое твое течение —
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремление,
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу,

И без примесей чуждых вод
Поя златые в нивах брести,
Великолепный свой ты ход
Вливашь в светлый сонм Онеги —
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

1794

Приглашение к обеду

Шекснинска стерлядь¹ золотая,
Каймак² и борщ уже стоят;

В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовонья льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вокруг ожидая;
Хозяйка статная, молодая
Готова руку протянуть¹.

Приди, мой благодетель давний²,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди — и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, злата и серебра,
Мой посети; его богатство —
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нелестливый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться,
Без вредных здравью приправ.

Не чин, не случай и не знатность
На русский мой простой обед
Я звал — одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель!
Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется³,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю
И знаю то, что век наш — тень;
Что лишь младенчество проводим —
Уже ко старости приходим,

¹ Шексна — река на севере России, стерлядь — ценная осетровая рыба.

² Каймак — топленые сливки.

¹ Для приветствия.

² Строфа адресована А. А. Безбородко.

³ Да будет отстранен.

И смерть к нам смотрит чрез забор.
Увы! — то как не умудриться
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слышал, слышал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! — и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

Итак, доколь еще ненастье
Не помрачит красных дней,
И приголубливает счастье,
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

А если ты или кто другие!¹
Из званных милых мне гостей,
Чертоги предпочтут златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откушать, —
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха,
А в здравьи и спокойстве духа, —
Умеренность есть лучший пир.

1795

¹ Строфа адресована П. А. Зубову, который не явился на обед, отговорившись тем, что его задержала императрица.

Евгению. Жизнь Званская¹

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных²,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на волюну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен³ под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен дней в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утреннует дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор⁴
Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши в ней,
Чтоб черная змея мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как выют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих среди сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

¹ Обращено к новгородскому митрополиту Евгению. Званка — поместье Державина под Новгородом.

² Приказный — здесь: чиновный, служебный.

³ Сирены — в античной мифологии красавицы, завлекавшие пенным корабли на подводные скалы; иносказательно: куртизанки, прекрасные, но неверные и влекущие к гибели.

⁴ Позор (*устар.*) — зрелище.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков¹ в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав², гром желн³ и коней ржанье.

На кровле ж зазвенит как ласточка, и пар
Повеет с дома мне, манжурский иль левантский⁴,
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар⁵
О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамах по стенам златых блистают лица
Для вспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы,

В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в «Вестнике»⁶, в газетах иль журналах
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны, образцы салфеток, скатертей,
Ковров и кружев, и вязани;

Где с скотен, пчельников и с птичников, прудов
То в масле, то в сотах зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами;

В которой, обозрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Прося на пищу им: тем с поливкой калач,
А тем лекарствица, в подспоре.

Где также иногда по биркам, по костям¹
Усатый староста иль скопидом брюхатый
Дают отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой.

И где, случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине,
И получают в дар подачи за труды,
А в час и денег по полтине².

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда, в игры зело горячи,
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон³,
По грошу⁴ в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилище я муз,
И с Флакком, Пиндаром⁵, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим, иль к небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лире.

Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю дрсвних, новых всков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе и драки челоуеков.

Всё суета сует! я, въздыхая, мню,
Но, бросив взор на блеск светила полудневна,
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бремени?
Творцом содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах его
Единого во всем вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя им доля.

¹ Барашки (*диал.*) — бекасы.

² Крава (*церк.-слав.*) — корова.

³ Желна (*диал.*) — дятел.

⁴ Манжурский пар — чайный, левантский — кофейный.

⁵ Раздобар (растобар) — болтовня.

⁶ Имеется в виду журнал «Вестник Европы».

¹ На счетах.

² Полтина — 50 копеек.

³ Простейшие азартные карточные игры.

⁴ Грош — полкопейки.

⁵ Флакк — Квинт Горацій Флакк (65–8 гг. до н. э.) — римский поэт, в подражание которому написан этот текст. Пиндар (518–438 гг. до н. э.) — греческий лирик, образцовый одописец.

Дворовых между тем, крестьянских рой детей
Собираются ко мне не для какой науки,
А взять по несколько баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать, — хоть мыслей нет больших,
Блестят и жучки в епанечках.

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны.
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая: прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно всё и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здоровый.

Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И липца, воронка¹ и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин —
Беседа за сладкими шутлива.

Но молча вдруг встаем — бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок² до подвечных бревен³:
За здоровье с громом пьем любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток⁴
И тешусь разными играми.

Иль из кристальных вод, купален, между древ.
От солнца, от людей под скромным осененьем¹,
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев,
С душевным неким восхищеньем.

Иль в стекла оптики картинные места
Смотрю моих усадьб; на свитках грады, царства,
Моря, леса, — лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства².

Иль в мрачном фонаре любуюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленье:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут, горя
Премудрости ко прославлению³.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движа машину, древа на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча, огонь, толчет и мелет⁴.

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Мариной рукой прядутся⁵.

Иль как на леп, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль парницы⁶;
Сталь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск.
Куется в бсердыши милицы⁷.

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя, мы, — говорят, — помрем,
Чем у французов быть в подданстве».

¹ Липец и воронка — светлый и темный хмельной мед.

² Домашнее шипучее вино из березового или яблочного сока.

³ Подвечные бревна — бревна потолка, под венцом крыши.

⁴ Играет в волан (пернатый леток), лапта — бита для волана.

¹ Осенние — прикрытые.

² Описывается волшебный фонарь (эпидиаскоп).

³ Описывается камера-обскура.

⁴ Описывается водяная лесопильная мельница.

⁵ Описывается прядильная и ткацкая фабрика, машины для которой выписала из Англии вдовствующая императрица Мария Федоровна.

⁶ Описывается красильня.

⁷ Куется оружие для милиции — для ополчения времен войны с Наполеоном 1805–1807 гг.

Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом
Качусь на дрожжах¹ я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив, — и, ароматов полн,
Порхает ветер меж нимф рядами².

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желто-зеленым
И сходит солнышко на нижнюю степен
К холмам и рощам сине-темным.

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень:
На бреге Волхова разводим огонь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Забавно! в тьме челнов с сетью как рыбаки,
Ленивым строим плав, страшат тварь влаги стуком;
Как парусы суда и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие, отлогие берега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, дуга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк идет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый восход меж роз осиявая,
Где встречу водомет³ шумит лучей дождем,
Звучит музыка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками¹.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутри дома тешимся стоиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детям
Блистать: музыкой, пляской, пеньем.

Амурчиков, харит плетень иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры²,
Цветочные венки пастух пастушке вьст, —
А мы на них и палим взоры.

Там с арфы звучны порывный в души гром,
Здесь *тихогро*ма³ с струн смягченны, плавны тоны
Бегут, — и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седи
Склонясь, ношусь в мечтах умильных, —

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетащи суть все времени мечтаны:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум
И всех зефиров⁴ повсваныи.

Ах! где ж, ищущу я вкруг минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела? — Сокрылось солнце, — тень!..
Кто вест⁵ и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век:
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;

¹ Дрожжи — легкий экипаж.

² Жали хлеб обычно женщины, именуемые здесь нимфами.

³ Водомет — фонтан.

¹ Гудок — музыкальный инструмент наподобие скрипки.

² Хариты (грации) — богини изящества, вкуса. Талия — муза комедии, Терпсихора — муза танца.

³ Тихогром — фортепиано.

⁴ Зефиры — здесь: ветры вообще.

⁵ Кто вест (церк.-слав.) — кто знает.

Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мечет днесь и он перуны¹.

Умолкнут ли они? — Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом² их своим, как строй какой ведет,
Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт
И поглумляется безумству человека:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет
И днешних и грядущих³ веков.

Грудь россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсшлай⁴;
Младых вождей расцвел победами там взор
И скрыл орла седого славу⁵.

Так самых светлых звезд блеск меркнет от ночей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спохнет моих костей
Сатурн⁶ крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не вспомняется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дулл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот
страшный.
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный⁷,

¹ Мечет сегодня и он молнии.

² Перст (палец) — здесь: указание.

³ И нынешних, и будущих.

⁴ Новый Темир (Тамерлан) — Наполеон Бонапарт, войско которого было побеждено в Пруссии под Пултуском и Прейсш-Эйлау в 1807 г.

⁵ Вместо старого графа М. Ф. Каменского командующим был назначен молодой генерал Л. Л. Бенningсен.

⁶ Сатурн — римский бог времени.

⁷ По преданию, под холмом в Званке похоронен волхв, чье имя дало название реке Волхов.

От коего, как гром катается над ним,
С булатных ржавых врат и сбури медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим,
В лесах трясая, звучат стрел тулы.

Так, разве ты, отец! святым своим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вокруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть — в бездны.

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на понижение счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Чрез Клины воскресишь согласи¹.

Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзвывы
От лиры моея шумящею рекой
Неслись чрез холмы, доли, нивы.

Ты слышал их, и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий гром:
«Здесь Бога жил певец, — Фелицы».

1807

Разные вина

Вот красно-розово вино,
За здравье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
Ты тож румяна, хороша —
Так поцелуй меня, душа!

¹ Клиня (Клио) — муза истории. Митрополит Евгений составлял словарь русских писателей.

Вот черно-тинтово¹ вино,
За здравье выпьем чернобровых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст пунцовых!
Ты тож, смуглянка, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

Вот злато-кипрское вино,
За здравье выпьем светловласых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст прекрасных!
Ты тож, белянка, хороша —
Так поцелуй меня, душа!

Вот слезы ангельски вино²,
За здравье выпьем жен мы нежных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст любезных!
Ты тож нежна и хороша —
Так поцелуй меня, душа!

1782

Философы пьяный и трезвый

Пьяный. Сосед! на свете все пустое:
Богатство, слава и чины;
А если за добро прямое
Мечты быть могут почтены —
То здраво и покойно жить,
С друзьями время проводить,
Красот любить, любимым быть
И с ними сладко есть и пить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

¹ Черно-тинтово — чернильно-черное.

² Вино «Lacrime Cristi» («Слезы Христа»).

Трезвый. Сосед! На свете не пустое
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщем в них прямое,
Когда мы будем лишь умны,
Привыкнем прямо честь любить,
Умеренно, в довольстве жить,
По самой нужде есть и пить, —
То можем все счастливы быть.
Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед!

Пьяный. Гонялся я за звучной славой,
Встречал я смело ядры лбом;
Сей зверской упоен отравой,
Я был ужасным дураком.
Какая польза страшным быть,
Себя губить, других мёртвить.
В убийстве время проводить?
Безумно на убой ходить.

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый. Гоняться на войне за славой
И с ядрами встречаться лбом
Велит тому рассудок здравый,
Кто лишь рожден не дураком:
Царю, отечеству служить,
Чад, жен, родителей хранить.
Себя от плена оборонить, —
Священна должность храбрым быть!
Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед!

Пьяный. Хотел я сделаться судьбою,
Законы свято соблюдать —
Увидел, что кривят душою,
Где должно сильных осуждать.
Какая польза так судить?
Одних щадить, других казнить

И совестью своей шутить?
 Смешно в тенета мух ловить.
 Как пенится вино прекрасно!
 Какой в нем запах, вкус и цвет!
 Почто терять часы напрасно?
 Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый. Когда судьба тебе судьбою
 В судах велела заседать —
 Вертеться нужды нет душою,
 Когда не хочешь взяток брать.
 Как можно так и сяк судить,
 Законом правду тенетить
 И подкупать себя пустить?
 Судье злодеем страшно быть!
 Пусть пенится вино прекрасно,
 Пусть запах в нем хорош и цвет;
 Не наливай ты мне напрасно:
 Не пью, любезный мой сосед!

1789

Пчелка

Пчелка золотая!
 Что ты жужжишь?
 Все вокруг летая,
 Прочь не летишь?
 Или ты любишь
 Лизу мою?

Соты ль душисты
 В желтых власах,
 Розы ль огнисты
 В алых устах,
 Сахар ли белый
 Грудь у нее?

Пчелка золотая!
 Что ты жужжишь?
 Слышу, вздыхая,
 Мне говоришь:
 «К меду прилипнув,
 С ним и умру».

1794

* * *

Каша золотая,
 Что ты стоишь?
 Пар испущая,
 Вкус мой манишь?
 Или ты любишь
 Пузу мою?

Зерна ль златисты
 Полбы в крупах,
 Розы ль огнисты
 Гречи в горшках,
 Сахар ли белый
 Проса с млеком?

Каша золотая,
 Что ты стоишь?
 Слышу, вздыхая,
 Мне говоришь:
 К каше привыкнув,
 С ней и умрешь.

1804

Старик

Мне девушки шептали:
 «Ты стар, и сед, и лыс;
 Вот зеркало, сказали,
 Возьми и посмотришь».

«Что нужды мне, не знаю,
 Я стар, — сказал, — иль нет;
 А только уверяю,
 Что я душой не сед.

И старику нужнее
 В веселии пожить,
 Приходит чем скорее
 Меня похоронить».

1802

Шуточное желание

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках, —
Я ждал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девочкам
На моих сидеть ветвях.
Чтоб сидели бы и пели,
Вили гнезда и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался,
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

1802

Памятник

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру; но часть меня большая,
От плена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал.

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И пренебрежи кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело¹ твое зарей бессмертия венчай.

1795

Привратнику

Един есть Бог, един Державин, —
Я в глупой гордости мечтал, —
Одна мне рифма — древний Навин,
Что солнца бег останавливал².
Теперь другой Державин зрится³,
И рифма та ж ему годится.
Но тот Державин — поп, не я:
На мне парик — на нем скуфья⁴.

Итак, чтоб врат моих приста́ву
В Державиных различье знать,
Пакетов, чести по уставу
Чужих мне в дом не принимать,
Не брать от *имреков*⁵ пасквилей,
Цидул⁶, листов, не быть впредь филей⁷,
Даю сей вратнику приказ:
Не выпускать сего из глаз.

На имя кто б мое пакеты
Какие, письма ни принес,
Вопросы должен на ответы
Тотчас он дать, бумаг тех в вес,

¹ Чело — лоб.

² В Ветхом Завете Иисус Навин во время изгнания войском израильтяев Гаягона приказал, чтобы продлить сражение, остановиться солнцу и луне, что те, по Божию повелению, и осуществили.

³ Стихотворение написано в связи с тем, что Г. Р. Державину случайно доставили пакет, адресованный его однофамильцу — священнику Державину.

⁴ Скуфья — круглая шапка, которую носили в том числе и священники.

⁵ То есть имярек — лицо с таким-то прозванием, именем.

⁶ Записок.

⁷ Простофилей.

Сказать: отколь, к кому писанья?
И те все произнестъ признанья
Свободным, без запинок, ртом;
Подметны сплетни жги огнем.

А чтоб Державина со мною
Другого различал ты сам —
Вот знак: тот млад, но с бороною,
Я стар — юн духом по грехам.
Он в рясе длинной и широкой,
Мой фрак кургуз и полубокой¹.
Он в волосах, я голъ головой;
Я подлинник — он список мой.

Он пел молебны, панихиды
И их поныне все поет;
Слуга был Марса я, Фемиды²,
А ныне — отставной поэт.
Он пастырь чад, отец духовный;
А я правитель был народный;
Он обер-поп, я ктитор³ муз,
И днесъ⁴ пресвитер⁵ их зовусь.

Кропит водой, курит кадилом,
Он тянет руку дам к устам;
За честь я чту тянуться с рылом
И целовать их ручки сам.
Он молит небеса о мире,
Героев славлю я на лире.
Он тайны сердца исповестъ,
Скрывать я шашни чту за честь.

Различен также и делами:
Он ест кутью, а я салму⁶.

Он громок многими псалмами,
Я в день шепчу по одному.
Державин род с потопа влекая;
Он в семинарии им нарека
Лишь сходством рифм моих и стоп.
Мой дед мурза¹ — его дед поп.

И словом: он со мной не сходен
Ни видом, ростом, ни лицом;
Душой, быть может, благороден,
Но гербом — не Державин он!
В моем звезда рукой держима;
А им клюка иль трость носима.
Он может четки взнестъ в печать —
Я лирою золотой блистать.

А потому почталионов,
Его носящих письма мне,
Отправля множество поклонов,
Ни средь обедов, ни во сне
Не рушь ты моего покою;
Но позлащенной булавою
С двора их с честью провожай;
Державу с митрой² различай.

1808

Признание

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечесъ
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,

¹ Однобокий.

² Марс — римский бог войны, Фемида — богиня правосудия; то есть: я был воин и судья.

³ Ктитор — церковный староста.

⁴ Днесъ (церк.-слав.) — сегодня.

⁵ Пресвитер — священник.

⁶ Кутья — постная каша с изюмом и пряностями, салма — тесто, варенное в масле или жире.

¹ Предок Державина — татарский мурза (вельможа) Багрим (XV в.).

² Держава — символ светской, митра — духовной власти.

С струн моих огонь летел, —
 Не собой блистал я — Богом;
 Вне себя я Бога пел.
 Если звуки посвящались
 Лиры моея царям —
 Добродетельми казались
 Мне они равны богам.
 Если за победы громки
 Я венцы сплетал вождям —
 Думал перелить в потомки
 Души их и их детям.
 Если где вельможам властным
 Смел я правду брякнуть вслух —
 Мнил быть сердцем беспристрастным
 Им, царю, отчизне друг.
 Если ж я и суетою
 Сам был света обольщен —
 Признаюся, красотою
 Быв плененным, пел и жен.
 Словом, жег любви коль пламень,
 Падал я, вставал в мой век.
 Брось, мудрец! на гроб мой камень,
 Если ты не человек.

1807

Александр Николаевич Радищев

* * *

Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда я еду?
 Я тот же, что и был и буду весь мой век.
 Не скот, не дерево, не раб, но человек!
 Дорогу проложить, где не бывало следу,
 Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
 Чувствительным сердцам и истине я в страх
 В острог Илимский еду¹.

1791 (?)

Осьмнадцатое столетие

Урна времен часы изливает, каплям подобно:
 Капли в ручьи собрались, в рски ручьи возросли
 И на дальнейшем берегу изливают пенные волны
 Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов;
 Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
 Веки в него протекли, в нем исчезает их след.
 Но знаменито веки своею кровавой струею
 С звуками грома течет наше столетие туда;
 И сокрушил наконец корабль, надежды несущий,
 Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
 Счастье и добродетель, и вольность пожрал омут ярый,
 Зри, всплывают еще страшны обломки в струе.
 Нет, ты не будешь забвенно, столетие безумно и мудро,
 Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех,
 Крови — в твоей колыбели, припевание — громы сраженье,
 Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб;
 Но зри, две вознеслись скалы во среде струй кровавых:
 Екатерина и Петр, вечности чада! и роса.
 Мрачные тени созали, впрели их солнце;
 Блеск лучезарный его твердой скалой отражен.
 Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,

¹ Написано Радищевым в связи с его высылкой в Илимский острог в Сибирь.

Но зри, стоит еще там, ледяной хребет, теремья;
 Так и они — се воля Господня — исчезнут, растая,
 Да человечество в хлябь льдяну, трясясь, не падет.
 О незабвенно столетье! радостным смертным даруешь
 Истину, волю и свет яспо созвездье вовек;
 Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки¹ создало;
 Царства погинули тобой, как раздробленный корабль;
 Царства ты зиждешь²; они расцветут и низринутся паки;
 Смертный что зиждет, все то рушится, будет все прах.
 Но ты творец было мысли: они ж суть творения Бога,
 И не погибнут они, хотя бы гибла земля;
 Смело счастливой рукою завесу творенья возвеса,
 Скрыту природу сглядев в дальном таилище дел,
 Из океана возникли новы народы и земли³,
 Нощи глубокой из недр новы металлы тобой⁴.
 Ты исчисляешь светила, как пастырь играющих агнцев;
 Нитью вождения вспять ты призываешь комет⁵;
 Луч рассечен тобой света⁶; ты новы солнца воззвало;
 Новы луны из тьмы дальней воззвало пред нас⁷;
 Ты побудило упряму природу к рождению чад новых⁸;
 Даже летучи пары ты заключило в ярем⁹;
 Молнию небесно сманило во узы железны на землю¹⁰
 И на воздушных крылах смертных на небо взнесло¹¹.
 Мужественно сокрушило железны ты двери призраков,
 Идолов свергло к земле, что мир на земле почитал.
 Узы прервало, что дух наш тягчили, да к истинам новым
 Молний крылатой парит, глубже и глубже стремясь.
 Мощно, велико ты было, столетье! дух веков прежних
 Пал пред твоим алтарем ниц и безмолвен, дивясь.

¹ Паки (устар.) — вновь.

² Зияждить (церк.-слав.) — создавать, утверждать.

³ В XVIII в. были открыты многие острова Тихого океана, исследованы берега Австралии.

⁴ В течение XVIII в. было открыто 11 металлов.

⁵ Имеются в виду труды Галлея, вычислявшего орбиты комет.

⁶ Имеются в виду оптические эксперименты И. Ньютона.

⁷ Разумеются значительные успехи астрономии в XVIII в., например открытие планеты Уран.

⁸ В конце XVIII в. в Англии в племенных питомниках выведены новые породы овец и коров.

⁹ Подразумевается изобретение паровой машины.

¹⁰ Имеется в виду изобретение Б. Франклином громоотвода.

¹¹ Имеются в виду первые полеты братьев Монгольфье на воздушном шаре.

Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада,
 Брызжущих пламенный яд чрез многотысячный век,
 Их недостало на бешенство, ярость, железной ногою
 Что подавляют цветы счастья и мудрости в нас.
 Кровью на жертвеннике еще хищности смертны багряты,
 И человек претворен в люта тигра еще.
 Пламенник браней, зри, мычется там на горах и на нивах,
 В мирных долинах, в лугах, мечется в бурной волне.
 Зри их спутников черных! — ужасны, идут — ах! идут, зри:
 (Яко ночные мечты) лютости, буйства, глад, мор! —
 Иль невозвратен навек мир, дающий блаженство народам?
 Или погрязнет еще, ах, человечество глубже?
 Из недр гроба столетия глас утешенья изыде:
 Срини отчаяние! смертный, надейся, Бог жив.
 Кто духу бурь повелел истязати бунтующи волны,
 Времени держит еще цепь тот всемогущей рукой:
 Смертных дух бурь не развеет, зане суть лишь твари дневные,
 Солнца на восходе цветут, блекнут с закатом они;
 Вечна едина премудрость. Победа ее увенчает,
 После тревог воззовет смертных достойный...
 Утро столетия нова кроваво еще нам явилось,
 Но уже гонит свет дня ночи угрюмую тьму;
 Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
 Свет ты на землю снеси, молнии смертельны оставь.
 Мир, суд правды, истина, волюность лиются от трона,
 Екатериной, Петром вздвигнут, чтоб счастлив был росс.
 Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
 Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
 Гений хранитель всегда, Александр, будь у нас...

1801–1802

Иван Иванович Дмитриев

Чужой толк

«Что за диковинка? Лет двадцать уж прошло,
Как мы, напрягши ум, наморщивши чело¹,
Со всеусердием все оды пишем, пишем,
А пи себе, пи им похвал пигде не слышим!
Ужели выдал Феб² свой именной указ,
Чтоб не дерзал никто надеяться из нас
Быть Флакку, Рамлеру³ и их собратьям равным
И столько ж, как они, во песнопеньи славным?
Как думаешь?.. Вчера случилось мне сличать
И их и нашу песнь: в их... нечего читать!
Листочек, много три, а любо, как читаешь —
Не знаю, как-то сам как будто бы летаешь!
Судя по краткости, уверен, что они
Писали их резвясь, а не четыре дни;
То как бы нам не быть еще и их счастливей,
Когда мы во сто раз прилежней, терпеливей?
Ведь наш начнет писать, то все забавы прочь!
Над парюю стихов просиживает ночь,
Потеет, думает, чертит и рвет бумагу,
А иногда берет такую он отвагу,
Что целый год сидит над одою одной!
И подлинно уж весь приложит разум свой!
Уж прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная, иная в двести строф!
Судите ж, сколько тут хороших есть стишков!
К тому ж и в правилах: сперва прочтешь вступление,
Там предложение⁴, а там и заключение —
Точь-в-точь как говорят ученые по церквам!
Со всем тем нет читать охоты, вижу сам.

¹ Чело — лоб.

² Феб — в античной мифологии одно из имен Аполлона, бога искусств и света.

³ Рамлер (1723–1798) — немецкий поэт.

⁴ Предложение — здесь: развитие темы.

Возьму ли, например, я оды на победы,
Как покорили Крым, как в море гибли шведы;
Все тут подробности сраженья нахожу,
Где было, как, когда, — короче я скажу:
В стихах реляция! прекрасно!.. а зеваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздник иль на что подобное тому:
Тут найдешь то, чего б нехитрому уму
Не выдумать и в век: зари багряны персты¹,
И райский крин², и Феб, и небеса отверсты!³
Так громко, высоко!.. а нет, не веселит,
И сердца, так сказать, ничуть не шевелит!»

Так деловских времен с любезной простотою
Вчера один старик беседовал со мною.
Я, будучи и сам товарищ тех певцов,
Которых действию дивился он стихов,
Смутился и не знал, как отвечать мне должно;
Но, к счастью — ежели назвать то счастьем можно,
Чтоб слышать и себе ужасный приговор, —
Какой-то Аристарх⁴ с ним начал разговор.

«На это, — он сказал, — есть многие причины;
Не обещаюсь их открыть и половины,
А некоторые вам охотно объявлю.
Я сам язык богов, поэзию, люблю,
И нашей, как и вы, утешен так же мало;
Однако ж здесь, в Москве, толкался я, бывало,
Меж напих Пиндаров⁵ и всех их замечал:
Большая часть из них — лейб-гвардии капрал,

¹ Персты — пальцы. «Розы (багряно) перстая заря» — одический штамп. См. примеч. 5 на с. 59.

² Крин (церк.-слав.) — дилія. В одах «крин» в род. падеже — устойчивая рифма к слову «Екатерина».

³ Отверсты (церк.-слав.) — открыты. Часто в одах изображались герои и боги в небесах.

⁴ Аристарх — греческий критик, прославившийся строгостью. Его имя стало нарицательным.

⁵ Пиндар — греческий лирик.

Ассессор, офицер, какой-нибудь подьячий¹,
Иль из кунсткамеры антик², в пыли ходячий,

Уродов страж, — народ все нужный, должностной;
Так часто я видал, что истинно иной
В два, в три дни рифму лишь прибрать едва успеет,
Затем что в хлопотах досуга не имеет.
Лишь только мысль к нему счастливая придет,
Вдруг било шесть часов! уже карета ждет;
Пора в театр, а там на бал, а там к Лиону³,
А тут и ночь... Когда ж заехать к Аполлону?
Назавтра, лишь глаза откроет, — уж билет:
На пробу⁴ в пять часов... Куда же? В модный свет,
Где лирик наш и сам взял Арлекина ролю.
До оды ль тут? Тверди, скажи два раза к Кролю⁵;
Потом опять домой: здесь холься да рядись;
А там в спектакль, и так со днем опять простись!

К тому ж у древних цель была, у нас другая:
Гораций, например, восторгом грудь питая,
Чего желал? О! он — он брал не с высоко:
В веках бессмертия, а в Риме лишь венка
Из лавров иль из мирт, чтоб Делия⁶ сказала:
“Он славен, чрез него и я бессмертна стала”.
А наших многих цель — награда перстеньком,
Нередко сто рублей иль дружество с князьком,
Который отроду не читывал другого,
Кроме придворного подчас месящеслова⁷,
Иль похвала своих приятелей; а им
Печатный всякий стих быть кажется святым.
Судя ж, сколь разные и тех и наших виды,
Наверно льзя сказать, не делая обиды

Ретивым господам, питомцам русских муз,
Что должен быть у них и особый вкус
И в сочинении лирической поэмы
Другие способы, особые приемы;
Какие же опи, сказать вам не могу,
А только объявлю — и, право, не солгу, —
Как думал о стихах один стихотворитель,
Которого трудов “Меркурий” наш, и “Зритель”¹,
И книжный магазин, и лавочки полны.
“Мы с рифмами на свет, — он мыслил, — рождены;
Так не смешно ли нам, поэтам, согласиться
На взморье в хижину, как Демосфен², забиться,
Читать да думать все, и то, что вздумал сам,
Рассказывать одним шумящим лишь волнам?
Природа делает певца, а не ученье;
Он не учась учен, как придет в восхищенье;
Науки будут все науки, а не дар;
Потребный же запас — отвага, рифмы, жар”.
И вот как писывал поэт природный оду:
Лишь пушек гром подаст приятну весть народу,
Что Рымникский Алкид поляков усмирил
Иль Ферзен их вождя Костюшку полонил³,
Он тотчас за перо и разом вывел: ода!
Потом в один присест: такого дня и года!
“Тут как?... Пою!.. Иль нет, уж это старина!
Не лучше ль: *Даждь мне, Феб!*.. Иль так: *Не ты одна*
*Попала под пяду, о чалмоносна Порта!*⁴
Но что же мне прибрать к ней в рифму, кроме черта?
Нет, нет! Нехорошо; я лучше поброжу
И воздухом себя открытым освежу”.
Пошел и на пути так в мыслях рассуждаст:

¹ Каирал — унтер-офицерское звание; ассессор — гражданский чин 8-го класса; подьячий — чиновник, здесь слово употреблено с явным пренебрежительным оттенком.

² Антик — древняя или редкостная вещь.

³ Бывший содержатель вольных петербургских маскарадов (примеч. Дмитриева).

⁴ Проба — репетиция.

⁵ Петербургский портной (примеч. Дмитриева).

⁶ Делия — имя, под которым воспевал возлюбленную Гораций.

⁷ Месящеслов — календарь. В придворном календаре (адрес-календаре) перечислялись все чиновники и помещики с указанием их чинов, титулов и регалий.

¹ Петербургские журналы (примеч. Дмитриева).

² Великий греческий оратор Демосфен был от рождения косноязычен и, желая работать правильную дикцию, усидевший на берегу моря, набивал рот галькой и так читал речи.

³ В 1794 г. после второго раздела Польши (1793) произошло восстание поляков против завоевателей, возглавленное Т. Костюшко. Восстание было жестоко подавлено войском под командованием А. В. Суворова-Рымникского и И. Е. Ферзена. Суворов уподоблен мощному греческому герою Геркулесу (Алкиду).

⁴ Пародируются традиционные формы начала стихотворений высокого стиля. Даждь (церк.-слав.) — дай. Порта — Турция. Фраза, видимо, задумана так: «Не ты одна попала под пяду (России), о Порта, но и Польша».

“Начало никогда певцов не устрашает;
 Что хочешь, то мели! Вот штука, как хвалить
 Героя-то придет! Не знаю, с кем сравнить?
 С Румянцевым его, иль с Грейгом, иль с Орловым?¹
 Как жаль, что древних я не читывал! А с новым —
 Неловко что-то все. Да просто напишу:
Ликуй, Герой! Ликуй, Герой ты! — возлашу.
 Изрядно! Тут же что? Тут надобен восторг!
 Скажу: *Кто завесу мне вечности расторг?*
*Я вижу молний блеск! Я слышу с горня света*²
И то, и то... А там?.. известно: *много лета!*
 Брависсимо! И план, и мысли, все уж есть!
 Да здравствует поэт! Осталось присесть,
 Да только написать, да и печатать смело!”
 Бежит на свой чердак, чертит и в шляпе дело!
 И оду уж его тисненью продают,
 И в оде уж его нам ваксу продают!
 Вот как пиндарил он, и все, ему подобны,
 Едва ли вывески надписывать способны!
 Желал бы я, чтоб Феб хотя во сне им рек:
 “Кто в громкий славою Екатеринин век
 Хвалой ему сердец других не восхищает
 И лиры сладкою слезой не орошает,
 Тот брось ее, разбей, и знай: он не поэт!”

Да ведает же всяк по одам мой клевет,
 Как дерзостный язык бесславил нас, ничтожил,
 Как лириков ценил! Воспрянем! Марсий³ ожил!
 Товарищи! к столу, за перья! отомстим,
 Налуемся, напред, ударим, поразим!
 Напишем на него предлинную сатиру
 И оправдаем тем российску громку лиру...

1794

¹ П. А. Румянцев-Задунайский (1725–1796) — великий полководец, С. К. Грейг (1736–1788) и А. Г. Орлов-Чесменский (1737–1808) — видные флотоводцы.

² Горний (*церк.-слав.*) — верхний.

³ Марсий в античной мифологии осмелился состязаться в пении с Аполлоном и за это был наказан: с него живьем содрали кожу. Здесь: невежественный и дерзкий соперник мастера.

Ермак

Какое зрелище пред очи
 Представила ты, древность, мне?
 Под ризою угрюмой почи,
 При бледной в облаках луне,
 Я зрю Иртыш: крутит, сверкает,
 Шумит и пеной подмывает
 Высокий берег и крутой;
 На нем два мужа изнуренны,
 Как тени, в аде заключенны,
 Сияют, склонясь на длань головой;
 Единый млад, другой с брадой¹
 Седою и до чресл² висящей;
 На каждом вижу я наряд,
 Во ужас сердце приводящий!
 С булатных шлемов их висят
 Со всех сторон хвосты змеины
 И веют крылья совины;
 Одежда из звериных кож;
 Вся грудь обвешана ремнями,
 Железом ржавым и кремнями;
 На поясе широкий нож;
 А при стопах их два тимпана³
 И два поверженные копья;

То два сибирские шамана,
 И их словам внимаю я.

Старец

Шуми, Иртыш, реви ты с нами
 И вторь плачевным голосам!
 Навек отвержены богами!
 О, горе нам!

Млады

О, горе нам!
 О, страшная для нас невзгода!

¹ Один — молод, второй — с бородой (*церк.-слав.*).

² Чресла (*церк.-слав.*) — бедра.

³ Тимпан — ударный музыкальный инструмент.

Старец

О ты, которья венец
Поддерживали три народа,
Гремевши мира по конец¹,
О сильна, древняя держава!
О мать нескольких племен!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь! и ты познала плен!

Млады

Твои народы расточенны,
Как вихрем возмятенный прах,
И сам Кучум², гроза вселенны,
Твой царь, погиб в чужих песках!

Старец

Священные твои шаманы
Скитаются в глуши лесов.
На то ль судили вы, шайтаны³,
Достигнуть белых мне власов,
Чтоб я, столетний ваш служитель,
Стенал и в прахе, бывши зритель
Паденья тысяч ваших чад?

Млады

И от кого ж, о боги! пали?

Старец

От горсти русских!.. Мор и глад⁴!
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ах, лучше б трус⁵, потоп иль гром

Всемощны¹ на нее послали,
Чем быть попоранной Ермаком!

Млады

Бичом и ужасом природы!..
Клянните вы сго всяк час,
Сибирски горы, холмы, воды:
Он вечный мрак простер на вас!

Старец

Он шел, как столп, огнем палящий,
Как лютый мраз², все вокруг мертвящий!
Куда стрелу ни посылал —
Повсюду жизнь пред ней бледнела
И страшна смерть вослед летела.

Млады

И царский брат пред ним упал.

Старец

Я зрел с ним бой Мегмета-Кула³,
Сибирских стран богатыря:
Рассыпав стрелы все из тула⁴
И вящим жаром возгоря,
Извлек он саблю смертоносну.
«Дай лучше смерть, чем жизнь поносна⁵
Влачить мне в плене!» — он сказал —
И вмиг на Ермака напал.
Ужасный вид! они сразились!
Их сабли молнией блещут,
Удары тяжкие творят,
И обе разом сокрушились.
Они в ручной вступили бой:
Грудь с грудью и рука с рукой;

¹ Татары, остяки и вогуличи (*примеч. Дмитриева*).

² Кучум из царства своего ушел к калмыкам и убит ими (*примеч. Дмитриева*). Кучум — сибирский хан.

³ Сибирские кумиры (*примеч. Дмитриева*) — предметы поклонения. Поэт считал их сибирскими божествами.

⁴ Глад (*церк.-слав.*) — голод.

⁵ Трус (*церк.-слав.*) — землетрясение.

¹ Всемощные, то есть всеисильные — высшие божества.

² Мраз (*церк.-слав.*) — мороз.

³ Царский брат, которого Ермак пленил и отослал к царю Иоанну Васильевичу; от него произошли князья Сибирские (*примеч. Дмитриева*).

⁴ Тул — южан для стрел.

⁵ Позорную.

От вопля их дубравы воют;
Они стопами землю роют;
Уже с них сыплет пот, как град;
Уже в них сердце страшно бьется,
И ребра обоих трещат;
То сей, то оный набок гнется;
Крутятся, и — Ермак сломил!
«Ты мой теперь! — он возопил, —
И все отныне мне подвластно!»

М л а д ы й

Сбылось пророчество ужасно!
Пленил, поправ Сибирь Ермак!..
Но что? ужели стон сердечный
Гонимых будет...

С т а р е ц

Вечный! вечный!
Внемли, мой сын: вчера во мрак
Глухих лесов я углубился
И тамо с пламенной душой
Над жертвою богам молился.
Вдруг ветер восстал и поднял вой;
С деревьев листья полетели;
Столетни кедры заскрыпели,
И вихрь закланных серп унес!
Я пал и слышу глас с небес:
«Неукротим, ужасен Рача¹,
Когда казнит вселенну он.
Сибирь, отвергши мой закон!
Пребуди вовек, стоная, плача,
Рабыней белого царя!
Да светлая тебя заря
И черна ночь в цепях застанет;
А слава грозна Ермака
И чад его вовек не вянют
И будет под луной громка!» —

¹ Главный остяцкий идол. Кучум, родившийся в магометанской вере, частью уговорил, частью принудил большую половину Сибири верить Алкорану (*примеч. Дмитриева*), то есть обратил в ислам.

Умолкнул глас, и гром трикратно
Протек по бурным небесам...
Увы! погибли невозвратно!
О, горе нам!

М л а д ы й

О, горе нам!
Потом, с глубоким сердца вздохом
Восстав с камней, обросших мохом,
И сняв орудия с земли,
Они вдоль берега потекли¹
И вскоре скрылись в тумане.

Мир праху твоему, Ермак!
Да увенчают россияне
Из злата вылитый твой зрак²,
Из ребр Сибири источенна
Твоим булатным копием!
По что я рек, о тень забвенна!
Что рек в усердии моем?
Где обелиск твой? — Мы не знаем,
Где даже прах твой был зарыт.
Увы! он вепрем попираем
Или остяк³ по нем бежит
За ланью быстрой и рогатой,
Прицелясь к ней стрелой пернатой,
Но будь утешен ты, герой!
Парящий стихотворства гений
Всяк день с Авророю⁴ златой,
В часы божественных явлений,
Над прахом плавает твоим
И сладку песнь гласит над ним:
«Великий! Где б ты ни родился,
Хотя бы в варварских веках
Твой подвиг жизни совершил;
Хотя б исчез твой самый прах;

¹ Потекли (*церк.-слав.*) — пошли.

² Зрак (*церк.-слав.*) — здесь: образ.

³ Остяками в старину называли хантов — сибирский народ финно-угорского происхождения.

⁴ Аврора — в римской мифологии богиня утренней зари.

Хотя б сыны твои, потомки,
 Забыв деянья предка громки,
 Скитались в дебрях и лесах
 И жили с алчными волками, —
 Но ты, великий человек,
 Пойдешь в ряду с полубогами
 Из рода в род, из века в век;
 И славы луч твоей затмится,
 Когда померкнет солнца свет,
 Со треском небо развалится
 И время на косу падет!»

1794

Модная жена

Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!
 Той песню, той сонет, той лестный мадригал¹;
 А вы, о нежные мужья под сединою!
 Ни строчкой не были порадованы мною.
 Простите в том меня; я молод, ветрен был,
 Так диво ли, что вас забыл?
 А ныне вижу сам; на лбу моем морщины
 Велят уже и мне
 Подобной вашей ждать судьбины
 И о Цитерской стороне²
 Лишь в сказках вспоминать; а были, небылицы,
 Я знаю, старикам разглаживают лица:
 Так слушайте меня, я сказку вам начну
 Про модную жену.
*Пролаз*³ в течение полвека
 Все полз да полз, да бил челом⁴,
 И наконец таким невинным ремеслом
 Дополз до степени известна человека,
 То есть стал с именем, — я говорю ведь так,
 Как говорится в свете:

¹ Мадригал — небольшое стихотворение комплиментарного характера.

² Цитера — остров, на котором жила богиня любви Венера.

³ Говорящее имя. В XVIII в. пролазами называли проходивцев.

⁴ Бить челом (*устар.*) — просить о чем-либо, подавать прошение.

То есть стал ездить он шестеркою в карете¹;
 Потом вступил он в брак
 С прелестной девушкой, которая жить умела,
 Была умна, ловка
 И старика
 Вертела, как хотела;
 А старикам такой закон,
 Что если кто из них вскружит себя вертушкой,
 То не она уже, а он
 Быть должен наконец игрушкой;
 Хоть рад, хотя не рад,
 Но поступать с женою в лад
 И рубль подчас считать полушкой².
Пролаз хотя пролаз, но муж, как и другой,
 И так же, как и все, ценою дорогой
 Платил жене за нежны ласки;
 Узнал и он, что блонды, каски,
 Что креп, лино-батист, тамбурина кисея³.
 Однажды быв жена — вот тут беда моя!
 Как лучше изъяснить, не приберу я слова —
 Не так чтобы больна, не так чтобы здорова,
 А так... ни то ни се... как будто не своя,
 Супругу говорит: «Послушай, жизнь моя,
 Мне к празднику нужна обнова:
 Пожалуй, у мадам Бобри купи тюрбан;
 Да слушай, душенька: мне хочется экран⁴
 Для моего камина;
 А от нее ведь три шага
 До английского магазина;
 Да если б там еще... нет, слишком дорога!
 А ужас⁵ как мила». —
 «Да что, мой свет, такое?» —
 «Нет, папенька, так, так, пустое...

¹ В карете, запряженной шестеркой лошадей; так ездили лишь высокопоставленные особы.

² Полушка — четверть копейки.

³ Блонды — тонкое шелковое белое или кремовое кружево; каска — модный в конце XVIII в. дамский головной убор; креп — легкая шелковая или бумажная прозрачная морщинистая ткань; лино-батист — дорогой тонкий батист; тамбурина кисея — кисея (тонкая ткань) для вышивания в тамбуре (на пальцах).

⁴ Экран — ширма.

⁵ Ужас — вместо ужас — слово из шегольского жаргона.

По чести, мне твоих расходов жаль». —
 «Да что, скажи, откройся смело;
 Расходы знать мое, а не твое уж дело». —
 «Меня... стыжусь... пленила *шаль*¹;
 Послушай, ангел мой! она такая точно,
 Какую, помнишь ты, выписывал нарочно
 Князь для княгини, как у князя праздник был».
 С последним словом прыг на шею
 И чок два раза в лоб, примолвя: «Как ты мил!» —
 «Изволь, изволь, я рад со всей моей душою
 Услуживать тебе, мой свет!» —
 Был мужнин сй ответ. —
 Карету!.. Только вряд успеть уж мне к обеду!
 Да я... в Дворянский клуб отголе заверну!» —
 «Ах, мой жизненочек! как тешишь ты жену!
 Ступай же, Ванечка, скорее». — «Еду, еду!»
 И Ванечка седой,
 Простясь с женою молодой,
 В карету с помощью двух долгих слуг втащился,
 Сел, крикнул, покатилося.
 Но он лишь со двора, а гость к нему на двор —
 Утодник дамский, *Миловзор*,
 Взлетел на лестницу и прямо порх к уборной.
 «Ах! я лишь думала! как мил!» — «Слуга покорный». —
 «А я одна!» — «Одне? тем лучше! где же он?» —
 «Кто? муж?» — «Ваш нежный Купидон».
 «Какой, по чести, ты ругатель!» —
 «По крайней мере, я всех *милых* обожатель».
 Однако это ведь не ложь,
 Что друг мой на него хоть несколько похож.
 «То есть он так же стар, хотя не так прекрасен».
 «Нет! я вам докажу». — «О! этот труд напрасен».
 «Без шуток, слушайте: тот слеп, а этот крив²;
 Не схожи ли ж они?» — «Ах, как ты злоречив!» —
 «Простите, перестану...

Да! покажите мне диванну:
 Ведь я еще ее в отделке не видал;
 Уж, верно, это храм! храм вкуса!» — «Отгадал».
 «Конечно, и... любви?» — «Увы! еще не знаю.
 Угодно поглядеть?» — «От всей души желаю».
 О бедный муж! спеши иль после не тужи,
 И от дивана ключ в кармане ты держи:
 Диван для городской вострушки,
 Когда на нем она сам-друг,
 Опаснее, чем для пастушки
 Средь рощицы зеленый луг.
 И эта выдумка диванов,
 По чести, месть нам от султанов!¹
 Но как ни рассуждай, а *Миловзор* уж там,
 Рассматривает все, любит, дивится;
 Амур же, прикрнувшись к столику часам,
 Приставил к стрелке перет, и стрелка не вертится²,
 Чтoб двум любовникам часов досадный бой
 Не вспоминал того, что скоро возвратится
 Вулкан домой³.
 А он, как *в руку сон!*.. Судьбы того хотели!
 На тяжких веревках ворота заскрипели,
 Бич хлопнул, и супруг с торжественным лицом
 Явился на конях усталых пред крыльцом.
 Уж он на лестнице, таща в руках покунку,
 Торопится свою обрадовать голубку;
 Уж он и в комнате, а верная жена
 Сидит, не думая об нем, и не одна.
 Но вы, красавицы, одной с *Премилой* масти,
 Не ахайте об ней и успокойте дух!
 Ес пенаты⁴ с ней, так сй ли ждать напасти?
 Фиделька⁵ резвая, ее надежный друг,
 Которая лежала,
 Свернувшись клубком
 На солнышке перед окном,

¹ В конце XVIII в. была мода на восточные наряды, в том числе тюрбаны и шали. Последние действительно часто были очень дороги. Слово «шаль» выделено как термин из жаргона шеголих и для усиления ассоциации с русским словом «шаль» в значении «глупость, безрассудство».

² Бог любви Купидон (Амур) изображался с повязкой на глазах.

¹ Диван, восточная мебель, вошел в моду в конце века, после победоносных войн с Турцией.

² Фигурка Амура на часах — распространенная деталь отделки интерьера в стиле рококо. Перет (*устар.*) — палец.

³ Вулкан, бог огня, застал свою жену Венеру в объятиях Марса и жестоко наказал обоих.

⁴ Пенаты — в античности боги-хранители домашнего очага.

⁵ Фиделька (*фр.* Верная) — распространенная кличка комнатных собачек.

Вдруг встрепелулася, вскочила, побежала
 К дверям и, как разумный зверь,
 Приставила ушко, потом толк лапкой в дверь,
 Ушла и возвратилась с лаем.
 Тогда ж другой пенат, зовомый попугаем,
 Три раза вестовой из клетки подал знак,
 Вскричавши: «*Кто пришел? дурак!*»
Премила вздрогнула, и *Миловзор* подобно;
 И тот и та — о время злобно!
 О непредвиденна беда!
 Бросаясь туда, сюда,
 Решились так, чтоб ей остаться,
 А гостю спрятаться хотя позаль дверей, —
 О женщины! могу признаться,
 Что вы гораздо нас хитрей!
 Кто мог бы отгадать, чем копчилась тревога?
 Муж, в двери выставя расцветшие два рога,
 Вошел в диванную и видит, что жена
 Вполглаза на него глядит сквозь тонка сна.
 Он ближе к ней — она проснулась,
 Зевнула, потянулась;
 Потом,
 Простерши к мужу руки:
 «Каким же, — говорит, — я крепким сном
 Заснула без тебя от скуки!
 И знаешь ли, что мне
 Привиделось во сне?
 Ах! и теперь еще в восторге утопаю!
 Послушай, миленький! лишь только засыпаю,
 Вдруг вижу, будто ты уж болсе не крив;
 Ну, если этот сон не лжив?
 Позволь мне испытать». — И вмиг, не дав супругу
 Прийти в себя, одной рукой
 Закрыла глаз ему — здоровый, не кривой, —
 Другую же на дверь указывая другу,
Пролазу говорит: «Что, видишь ли, мой свет?»
 Муж отвечает: «Нет!»
 «Ни крошечки?» — «Нимало;
 Так темно, как теперь, еще и не бывало».
 «Ты шутишь?» — «Право, нет; да дай ты мне взглянуть».

«Прелестная мечта! — Лукреция¹ вскричала. —
 Зачем польстила мне, чтоб после обмануть!
 Ах! друг мой, как бы я желала,
 Чтобы один твой глаз
 Похож был на другой!» *Пролаз*,
 При нежности такой, не мог стоять болваном;
 Он сам разнежился, и в радости души
 Супругу наградил и шалью и тюрбаном.
Пролаз! ты этот день во святцах запиши:
 Пример согласия! Жена и муж с обновой!
 Но что записывать? Пример такой не новый.

1791

* * *

Стонет сизый голубочек;
 Стонет он и день и ночь;
 Миленький его дружок
 Отлетел надолго прочь.

Он уж больше не воркует
 И пшенички не клюет;
 Все тоскует, все тоскует
 И тихонько слезы льет.

С нежной ветки на другую
 Перепархивает он
 И подружку дорогую
 Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее... увы! но тщетно,
 Знать судил ему так рок!
 Сохпнет, сохпнет неприметно
 Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает;
 Носик в перья завернул;

¹ Лукреция, верная жена, будучи обесчещена римским царевичем Тарквинием, от стыда покончила с собой.

Уж не стонет, не вздыхает;
Голубок... навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека,
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем воя.
Ходит милого вокруг —
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг.

1792

* * *

Видел славный я дворец
Нашей матушки царицы;
Видел я ее венец
И златые колесницы.

«Все прекрасно!» — я сказал
И в шалаш мой путь направил:
Там меня мой ангел ждал,
Там я Лизоньку оставил.

Лиза, рай всех чувств моих!
Мы не знатны, не велики;
Но в объятиях твоих
Меньше ль счастлив я владыки?

Царь один веселый час
Миллионом покупает;
А природа их для нас
Вечно даром расточает.

Пусть певцы не будут плесть
Мне похвал кудрявым складом:
Ах! сравню ли я их лесть
Милой Лизы с нежным взглядом?

Эрмитаж мой — огород,
Скипетр — посох, а Лизета —
Моя слава, мой народ
И всего блаженство света.

1794

* * *

Всех цветочков боле
Розу я любил;
Ею только в поле
Взор мой веселил.

С каждым днем милее
Мне она была;
С каждым днем алее
Все как вновь цвела.

Но на счастье прочно
Всяк надежду кинь:
К розе, как нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла —
Тот же самый цвет;
Но не та уж стала:
Аромата нет!..

Хлоя! как ужасен
Этот нам урок!
Сколь, увы! опасен
Для красы порок!

1795

Два друга

Давно уже, давно два друга где-то жили,
Одну имели мысль, одно они любили

И каждый час
 Друг с друга не спускали глаз;
 Все вместе; только ночь одна их разводила;
 Но нет, и в ночь душа с душою говорила.
 Однажды одному приснился страшный сон;
 Он вмиг из дому вон,
 Бежит встревоженный ко другу
 И будит. Тот вскочил.
 «Какую требуешь услугу? —
 Смуться, он говорил. —
 Так рано никогда мой друг не пробуждался!
 Что значит твой приход? Иль в карты проигрался?
 Вот вся моя казна! Иль кем ты огорчен?
 Вот шпага! Я бегу — умру иль ты отмщен!» —
 «Нет, нет, благодарю; ни это, ни другое, —
 Друг нежный отвечал, — останься ты в покое:
 Проклятый сон всему виной!
 Мне снилось на заре, что друг печален мой,
 И я... я столько тем смутился,
 Что тотчас пробудился
 И прибежал к тебе, чтоб успокоить дух».
 Какой бесценный дар — прямой, сердечный друг!
 Он всякие к твоей услуге ищет средства:
 Отгадывает грусть, предупреждает бедства;
 Его безделка, сон, ничто приводит в страх,
 Друг в сердце, друг в уме — и он же на устах!

1795

Змея и Пиявица

«Как я несчастна!
 И как завидна часть¹ твоя! —
 Однажды говорит Пиявице Змея. —
 Ты для людей в чести, а я для них ужасна;
 Тебе охотно кровь они свою дают;
 Меня же все бегут и, если могут, бьют;
 А кажется, равно мы с ними поступаем:
 И ты и я людей кусаем».

¹ Часть — здесь: участь.

— «Конечно! — был на то пиявицын ответ. —
 Да в цели нашей схождения нет:
 Я, например, людей к их пользе уязвляю,
 А ты для их вреда;
 Я множество больших чрез это исцеляю,
 А ты и не больным смертельна завсегда.
 Спроси самих людей: все скажут, что я права;
 Я им лекарство, ты отрав».

Смысл этой басенки встречается тотчас:
 Не то ли Критика с Сатирою у нас.

1803

Муха

Бык с плугом на покой тащился по трудах;
 А Муха у него сидела на рогах,
 И Муху же они дорогой повстречали.
 «Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос.
 А та, поднявши нос,
 В ответ ей говорит: «Откуда? — мы нахали!»
 От басни завсегда
 Нечаянно дойдешь до были.
 Случалось ли подчас вам слышать, господа:
 «Мы сбили! Мы решили!»

1803

Рысь и Крот

Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота,
 Из жалости ему по-свойски говорила:
 «Увы! мой бедный Крот! несчастье слепота!
 И рощица, и луг с цветами — все места
 Тебе как темная могила!
 Какая жизнь твоя!
 С утра до вечера ты спишь или зеваешь,
 И ни о чем не рассуждаешь;

А я
 Теперь же, будто на ладони,
 Все вижу за версту вокруг
 И все пересказать готова, — слушай, друг:
 Вот ястреб в облаках за коршупом в погоне;
 Здесь ласточка своих птенцов
 Питает мухами, добычей пауковой;
 Там хитрая лиса цыпленку строит ков;
 Там кролика постиг ружья удар громовой;
 Здесь кошка давит мышь; а там
 Змея впиалась в корову;
 А далее — мелвель, разинув пасть багрову.
 Ревет и гонится за серной по скалам;
 А вот и лютый волк ягненокча терзает...» —
 «Ах, полно, полно! — Крот болтуню прерывает. —
 Утешно ль зрячим быть для ужасов таких?
 Довольно и того, что слышал я об них».

1810

Бобр, Кабан и Горноста́й

Кабан да Бобр, и Горноста́й
 Стакнулись к выгодам искать себе дороги.
 По долгом странствии, в пути отбивши ноги,
 Приходят, наконец, в обетованный край,
 Привольный для всего; однако ж этот рай
 Был окружен болотом,
 Вместилищем и жаб и змей.
 Что делать? Никаким не можно изворотом
 Болота миновать а кто себе злодей?
 Кому охотно жизнь отваживать без славы?
 В раздумьи путники стоят у переправы.
 «Осмелюсь», — Горноста́й помыслил; и слегка
 Он лапку вброд и вон, и одаль в два прыжка:
 «Нет! братцы, — говорит, — по совести признаться,
 Со всем обилием край этот не хорош;
 Чтoб вход к нему найти, так должно замараться,
 А мне и пятнышко ужаснее, чем нож!»
 «Ребята! — Бобр сказал. — С терпеньем
 И уменьем
 Добьешься до всего; я в две недели мост

Исправный здесь построю:
 Тогда мы перейдем к довольству и покою:
 И гады в стороне, и не замаран хвост;
 Вся сила не спешить и бодрствовать в надежде».
 — «В полмесяца? пустяк! я буду там и прежде», —
 Вскричал Кабан — и разом вброд:
 Ушел по рыло в топь, и змей и жаб — все давит,
 Ногами бьет, пыхтит, упорно к цели правит,
 И хватски на берег из мутных вылез вод.
 Меж тем как на другом товарищи зевают,
 Кабан, встряхнувшись, надмснный принял вид
 И чрез болото к ним с презрением хрючит:
 «Вот как по-нашему дорогу пробивают!»

1818

Сверчки

Два обывателя столицы безымянной,
 Между собою земляки,
 А нацией сверчки,
 Избрали для себя квартирой постоянной
 Судейский дом;
 Один в передней жил, другой же в кабинете,
 И каждый день они видались тайком.
 «Нет лучше нашего хозяина на свете!
 Сказал товарищу Сверчок, —
 Как гнется, даром что высок!
 Какая кротость в нем! какая добродетель!
 И как трудолюбив! Я сам тому свидетель,
 Какую кучу он записок отберет,
 И что же? Ни одной из них не издерет,
 А всё за ним тапчат!» — «На произвол судьбины, —
 Товарищ подхватил. —
 Дружок! Ты, видно, век в прихожих только жил
 И вместо лиц привык рассматривать личины;
 Не то бы ты сказал, узнавши кабинет!
 В передней барин то, чем хочет он казаться,
 А здесь — каким родился в свет:
 Богатому служить, пред сильным пресмыкаться;
 А до других и дела нет:

Вот нашего ханжи и всё тут уложение!¹
 Оставь же лишнее к нему ты уваженье!
 И в обществе людском,
 Где многое тебе покажется превратным,
 Умей ты различать двух человек в одном:
Парадного с частным».

<1810>

Старик и трое молодых

Старик, лет в семьдесят, рыл яму и кряхтел.
 Добро бы строить, нет! садить еще хотел!
 А трое молодцов, зевая на работу,
 Смеялися над ним. «Какую же охоту
 На старости Бог дал!» —
 Один из них сказал.
 Другой прибавил: «Что ж? еще не опоздал!
 Ковчег и большего терпенья стоил Ною»².
 — «Смешон ты, дедушка, с надеждою пустою! —
 Примолвил третий Старику. —
 Довольно, кажется, ты пожил на веку;
 Когда ж тебе дожидаться
 Под тению твоей рябинки прохлаждаться?
 Ровесникам твоим и настоящий час
 Неверен;
 А *завтра* льстить себя оставь уже ты нас». —
 Совет довольно здрав, довольно и умерен
 Для мудреца в шестнадцать лет!
 «Поверьте мне, друзья, — Старик сказал в ответ, —
 Что *завтра* ни мое, ни ваше;
 Что парка³ бледная равно
 Взирает на течение наше.
 От Провидения нам ведать не дано,
 Кому из нас оно судило
 Последнему взглянуть на ясное светило!

¹ Уложение — закон.

² Ной, по Библии, с семьей спасся во время всемирного потопа, построив, по воле Божьей, ковчег (судно).

³ Парка — в римской мифологии богиня судьбы.

Не можете и вы надежны быть, как я,
 Ниже на миг один... Работа же моя
 Не мне, так детям пригодится;
 Чувствительна душа и вчуже веселится.
 Итак, вы видите, что мной уж собран плод,
 Которым я могу теперь же наслаждаться
 И *завтра*, может статься,
 И далее... как знать — быть может, что и год,
 Ах! может быть и то, что ваш безумец хилый
 Застанет месяца восход
 Над вашей, розами усыпанной... могилой!»
 Старик предчувствовал: один, прельстясь песком —
 Конечно, золотым, — уснул на дне морском;
 Другой под миртами¹ исчез в цветущи лета;
 А третий — дворянин, за честь к отмщенью скор, —
 Войдя с приятелем в театре в легкий спор,
 За креслы, помнится... убит из пистолета.

<1795>

Пустынник и Фортуна²

Какой-то добрый человек,
 Не чувствуя к чинам охоты,
 Не зная страха, ни заботы,
 Без скуки провождал свой век
 С Плутархом³, с лирой
 И Пленирой⁴,
 Не зная точно где, а только не у нас.
 Однажды под вечер, как солнца луч погас
 И мать качать дитя уже переставала,
 Нечаянно к нему Фортуна в дом попала
 И в двери ну стучать!

¹ Мирт, священное дерево Венеры, традиционно выступает как аллегория любовных наслаждений.

² Пустынник — здесь: человек, уединенно живущий в пустых (пустынных) местах. Фортуна — в римской мифологии богиня счастья, удачи и случая.

³ Здесь имя знаменитого греческого историка использовано в значении любимой увлекательной книги.

⁴ Возлюбленной. Условное имя, образовано от слова «пленить». Так называл свою жену Державин.

«Кто там?» — Пустынник окликает.
 «Я! я!» «Да кто, могу ли знать?»
 «Я! та, которая тебе повелевает
 Скорее отпереть». — «Пустое!» — он сказал
 И замолчал.
 «Отóпрешь ли? — еще Фортуна закричала. —
 Я ввек ни от кого отказа не слыхала;
 Пуси Фортуны ты со свитою к себе,
 С Богатством, Знатью и Чинами...
 Теперь известна ль я тебе?»
 — «По слуху... но куда мне с вами?
 Поги в другой ты дом,
 А мне не поместить, ей-ей! такой содом»¹.
 — «Невежа! да пуси меня хоть с половиной,
 Хоть с третью, слышишь ли?.. Ах! сжался над судьбиной
 Великолепия... оно уж чуть дышит,
 Над гордой Знатностью, которая дрожит
 И, стоя у порога, мерзнет;
 Тронись хоть Славою, мой миленький дружок!
 Еще минута, всё исчезнет!..
 Упрямый, дай хотя Желанью уголок!»
 — «Да отвязися ты, лихая пустомеля! —
 Пустынник ей сказал. — Ну, право, не могу.
 Смотри: одна и есть постеля,
 И ту я для себя с Пленирой берегу».

<1792>

Эпиграммы

* * *

Мне лекарь говорил: «Нет, ни один больной
 Не скажет обо мне, что недоволен мной!»
 «Конечно, — думал я, — никто того не скажет:
 Смерть всякому язык привяжет».

1791

* * *

«Я разорился от воров!»
 — «Жалею о твоём я горе».
 — «Украли пук моих стихов!»
 — «Жалею я об воре».

1803

* * *

Прохожий, стой! во фрунт! скинь шляпу и читай:
 «Я воин, грамоты не знал за недосугом.
 Направо кругом!
 Ступай!»

1805

¹ Содом — здесь: шумная, беспорядочная толпа, источник беспокойства.

Николай Михайлович Карамзин

Бедная Лиза

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели — куда глаза глядят — по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты.

Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря¹. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного *амфитеатра*: великолепная картина, особенно когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбачьих лодок или шумящая под рулем грузных стругов², которые плывут от плодотворнейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом.

На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; молодые пастухи, сидя под тению деревьев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для их единообразные. Подалее, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь³; еще далее, почти на краю горизонта, синюются Воробьевы горы⁴. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим⁵.

¹ Имеется в виду Симонов Успенский мужской монастырь, основанный в XIV в., во времена Карамзина находился на окраине Москвы. На момент написания повести не действовал, будучи во время эпидемии 1771 г. упразднен и преобразован в чумной госпиталь. В 1795 г. возрожден. В советское время большая часть построек монастыря была взорвана, в наши дни происходит их восстановление.

² Струг — большая плоскодонная парусная лодка.

³ Свято-Данилов монастырь, основанный в XIII в. на правом берегу Москвы-реки.

⁴ Воробьевы горы — один из семи московских холмов, крутой берег Москвы-реки на юго-запад от центра.

⁵ Село Коломенское — царская летняя подмосковная резиденция, выстроенная в XVII в.

Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий. Там, опершись на развалины гробных кампей, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, — стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет. Иногда вхожу в келии и представляю себе тех, которые в них жили, — печальные картины! Здесь вижу седого старца, преклонившего колена перед распятием и молящегося о скором разрешении земных оков¹ своих, ибо все удовольствия исчезли для него в жизни, все чувства его умерли, кроме чувства болезни и слабости. Там юный монах — с бледным лицом, с томным взором — смотрит в поле сквозь решетку окна, видит веселых птичек, свободно плавающих в море воздуха, видит — и проливает горькие слезы из глаз своих. Он томится, вянет, сохнет — и унылый звон колокола возвещает мне безвременную смерть его. Иногда на вратах храма рассматриваю изображение чудес, в сем монастыре случившихся, там рыбы падают с неба для насыщения жителей монастыря, осажденного многочисленными врагами; тут образ Богоматери обращает неприятелей в бегство. Все сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества — печальную историю тех времен, когда свирепые татары и литовцы огнем и мечом опустошали окрестности российской столицы и когда несчастная Москва, как беззащитная вдовица, от одного Бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях.

Но всего чаще привлекает меня к стенам Си...нова монастыря — воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! Я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби!

Сажень² в семидесяти от монастырской стены, подле березовой рощицы, среди зеленого луга, стоит пустая хижина, без дверей, без окончин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой хижине лет за тридцать перед сим жила прекрасная, любезная Лиза с старушкою, матерью своею.

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаем, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы

¹ Освобождение от земных оков (то есть от земной жизни).

² Сажень — мера длины, равная 2 м 13 см.

о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любить умеют! — день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать. Одна Лиза, — которая осталась после отца пятнадцати лет, — одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды — и продавала их в Москве. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее к слабо биющемуся сердцу, называла Божескою милостию, кормилцею, отрадою старости своей и молила Бога, чтобы он наградил ее за все то, что она делает для матери. «Бог дал мне руки, чтобы работать», — говорила Лиза, — ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенком; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживят батюшки». Но часто нежная Лиза не могла удержать собственных слез своих — ах! она помнила, что у нее был отец и что его не стало, но для успокоения матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и веселою. — «На том свете, любезная Лиза, — отвечала горестная старушка, — на том свете перестану я плакать. Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть — что с тобою без меня будет? На кого тебя покинуть? Нет, дай Бог прежде пристроить тебя к месту! Может быть, скоро сыщется добрый человек. Тогда, благословя вас, милых детей моих, перекрещусь и спокойно лягу в сырую землю».

Прошло два года после смерти отца Лизина. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы — и покраснела. «Ты продаешь их, девушка?» — спросил он с улыбкою. — «Продаю», — отвечала она. — «А что тебе надобно?» — «Пять копеек». — «Это слишком дешево. Вот тебе рубль». — Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, — еще более покраснела и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмет рубля. — «Для чего же?» — «Мне не надобно лишнего». — «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля. Когда же ты не берешь его, вот тебе пять копеек. Я хотел бы всегда покупать у тебя цветы; хотел бы, чтоб ты рвала их только для меня». — Лиза отдала цветы, взяла пять копеек, поклонилась и хотела идти, но незнакомец остановил ее за руку. — «Куда же ты пойдешь, девушка?» — «Домой». — «А где дом твой?» — Лиза сказала, где она живет, сказала и пошла. Молодой человек не хотел удерживать ее, может быть, для того, что мимоходящие начали осматривать ее, смотря на них, коварно усмехались.

Лиза, придя домой, рассказала матери, что с нею случилось. «Ты хорошо сделала, что не взяла рубля. Может быть, это был какой-нибудь дурной человек...» — «Ах нет, матушка! Я этого не думаю. У него такое доброе лицо, такой голос...» — «Однако ж, Лиза, лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даром. Ты еще не знаешь, друг мой, как злые люди могут обидеть бедную девушку! У меня всегда сердце бывает не на своем месте, когда ты ходишь в город; я всегда ставлю свечу перед образ и моллю Господа Бога, чтобы он сохранил тебя от всякой беды и напасти». — У Лизы навернулись на глазах слезы; она испцеловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самых лучших ландышей и опять пошла с ними в город. Глаза ее тихонько чего-то искали. Многие хотели у нее купить цветы, но она отвечала, что они непроданные, и смотрела то в ту, то в другую сторону. Наступил вечер, надлежало возвратиться домой, и цветы были брошены в Москву-реку. «Никто не владеет вами!» — сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть в сердце своем. — На другой день ввечеру сидела она под окном, прядя и тихим голосом пела жалобные песни, но вдруг вскочила и закричала: «Ах!..» Молодой незнакомец стоял под окном.

«Что с тобой сделалось?» — спросила испугавшаяся мать, которая подле нее сидела. — «Ничего, матушка, — отвечала Лиза робким голосом, — я только его увидела». — «Кого?» — «Того господина, который купил у меня цветы». Старуха выглянула в окно. Молодой человек поклонился ей так учтиво, с таким приятным видом, что она не могла подумать об нем ничего, кроме хорошего. «Здравствуй, добрая старушка! — сказал он. — Я очень устал; нет ли у тебя свежего молока?» Услужливая Лиза, не дождавшись ответа от матери своей — может быть, для того, что она его знала наперед, — побежала на погреб — принесла чистую кринку, покрытую чистым деревянным кружком, — схватила стакан, вымыла, вытерла его белым полотенцем налила и подала в окно, но сама смотрела в землю. Незнакомец выпил — и нектар из рук Гебы¹ не мог бы показаться ему вкуснее. Всякий догадается, что он после того благодарил Лизу и благодарил не столько словами, сколько взорами. Между тем добродушная старушка успела рассказать ему о своем горе и утешении — о смерти мужа и о милых свойствах дочери своей, об ее трудолюбии и нежности, и проч. и проч. Он слушал ее со вниманием, но глаза его были — нужно ли сказывать где? И Лиза, робкая Лиза посматривала изредка на молодого человека; но не так скоро молния блескает и в облаке исчезает.

¹ Геба — в античной мифологии богиня юности, которая прислуживала на пирах богов, подавая нектар.

зает, как быстро голубые глаза ее обращались к земле, встречаясь с его взором. — «Мне хотелось бы, — сказал он матери, — чтобы дочь твоя никому, кроме меня, не продавала своей работы. Таким образом, ей незачем будет часто ходить в город, и ты не принуждена будешь с пею расставаться. Я сам по временам могу заходить к вам». — Тут в глазах Лизинных блеснула радость, которую она тщетно скрыть хотела; щеки ее пылали, как заря в ясный летний вечер; она смотрела на левый рукав свой и щипала его правой рукою. Старушка с охотою приняла сие предложение, не подозревая в нем никакого худого намерения, и уверяла незнакомца, что полотно, вытканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бывают отменно хороши и носятся долее всяких других. — Становилось темно, и молодой человек хотел уже идти. «Да как же нам называть тебя, добрый, ласковый барин?» — спросила старуха. — «Меня зовут Эрастом», — отвечал он. — «Эрастом», — сказала тихонько Лиза, — Эрастом!» Она раз пять повторила сие имя, как будто бы стараясь затвердить его. — Эраст простился с ними до свидания и пошел. Лиза провожала его глазами, а мать сидела в задумчивости и, взяв за руку дочь свою, сказала ей: «Ах, Лиза! Как он хорош и добр! Если бы жених твой был таков!» Все Лизино сердце затрепетало. «Матушка! Матушка! Как этому стать? Он барин, а между крестьянами...» — Лиза не договорила речи своей.

Теперь читатель должен знать, что сей молодой человек, сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вел рассеянную жизнь, думал только о своем удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце. Он читывал романы, идилли, имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди бесечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои проводжали. Ему казалось, что он нашел в Лизе то, чего сердце его давно искало. «Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям», — думал он и решился, — по крайней мере, на время — оставить большой свет.

Обратимся к Лизе. Наступила ночь — мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна, но на сей раз желание ее не исполнилось: Лиза спала очень худо. Новый гость души ее, образ Эрастов, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. Еще до восхождения сол-

нечного Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траве и, подгорюнившись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе и, подымаясь вверх, оставляли блестящие капли на зеленом покрове природы. Везде царствовала тишина. Но скоро восходящее светило дня пробудило все творение: рощи, кусточки оживились, птички вспорхнули и запели, цветы подняли свои головки, чтобы напитаться животворными лучами света. Но Лиза все еще сидела подгорюнившись. Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось? До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты залумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу. — Между тем молодой пастух по берегу реки гнал стадо, играя на свирели. Лиза устремила на него взор свой и думала: «Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои, рожден был простым крестьянином, пастухом, — и если бы он теперь мимо меня гнал стадо свое: ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: „Здравствуй, любезный пастушок! Куда гонишь ты стадо свое? И здесь растет зеленая трава для овец твоих, и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей“». Он взглянул бы на меня с видом ласковым — взял бы, может быть, руку мою... Мечта!» Пастух, играя на свирели, прошел мимо и с пестрым стадом своим скрылся за ближним холмом.

Вдруг Лиза услышала шум весел — взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке — Эраста.

Все жилки в ней забились, и, конечно, не от страха. Она встала, хотела идти, но не могла. Эраст выскочил на берег, подошел к Лизе и — мечта ее отчасти исполнилась: ибо он *взглянул на нее с видом ласковым, взял ее за руку...* А Лиза, Лиза стояла с потупленным взором, с огненными щеками, с трепещущим сердцем — не могла отнять у него руки — не могла отворотиться, когда он приблизился к ней с розовыми губами своими... Ах! Он поцеловал ее, поцеловал с таким жаром, что вся вселенная показалась ей в огне горящего! «Милая Лиза! — сказал Эраст. — Милая Лиза! Я люблю тебя!», и сии слова отозвались во глубине души ее, как небесная, восхитительная музыка; она едва смела верить ушам своим и... Но я бросаю кисть. Скажу только, что в сию минуту восторга исчезла Лизина робость — Эраст узнал, что он любим, любим страстно новым, чистым, открытым сердцем.

Они сидели на траве, и так, что между ими оставалось не много места, — смотрели друг другу в глаза, говорили друг другу: «Люби меня!», и два часа показались им мигом. Наконец Лиза вспомнила,

что мать ее может об ней беспокоиться. Надлежало расстаться. «Ах, Эраст! — сказала она. — Всегда ли ты будешь любить меня?» — «Всегда, милая Лиза, всегда!» — отвечал он. — «И ты можешь мне дать в этом клятву?» — «Могу, любезная Лиза, могу!» — «Нет! мне не подобно клятвы. Я верю тебе, Эраст, верю. Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь этому нельзя быть?» — «Нельзя, нельзя, милая Лиза!» — «Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!» — «Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать». — «Для чего же?» — «Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое». — «Нельзя стать-ся». — «Однако ж прошу тебя не говорить ей об этом ни слова». — «Хорошо: надобно тебя послушаться, хотя мне не хотелось бы ничего таить от нее». — Они простились, поцеловались в последний раз и обещались всякий день ввечеру видаться или на берегу реки, или в березовой роще, или где-нибудь близ Лизиной хижинки, только верно, непременно видаться. Лиза пошла, но глаза ее сто раз обращались на Эраста, который все еще стоял на берегу и смотрел вслед за нею.

Лиза возвратилась в хижину свою совсем не в таком расположении, в каком из нее вышла. На лице и во всех ее движениях обнаруживалась сердечная радость. «Он меня любит!» — думала она и восхищалась сею мыслию. «Ах, матушка! — сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. — Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как все весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!» — Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно, в самом деле, показалось ей отменно приятным; любезная дочь весельем своим развеселяла для нее всю натуру. «Ах, Лиза! — говорила она. — Как все хорошо у Господа Бога! Шестой десяток доживаю на свете, а все еще не могу наглядеться на дела Господни, не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатер, и на землю, которая всякий год новою травой и новыми цветами покрывается. Надобно, чтобы Царь небесный очень любил человека, когда Он так хорошо убрал для него здешний свет. Ах, Лиза! Кто бы захотел умереть, если бы иногда не было нам горя?.. Видно, так надобно. Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали». А Лиза думала: «Ах! Я скорее забуду душу свою, нежели милого моего друга!»

После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда, как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в березовой роще, но всего чаще под тению сто-

летних дубов (саженях в восьмидесяти от хижинки) — дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, еще в древние времена ископанный. Там часто тихая луна, сквозь зеленые ветви, посеребривая лучами своими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры¹ и рука милого друга; часто лучи сии освещали в глазах печной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовым поцелуем. Они обнимались — но целомудренная, стыдливая Цинтия² не скрывалась от них за облако: чисты и непорочны были их объятия. «Когда ты, — говорила Лиза Эрасту, — когда ты скажешь мне: „Люблю тебя, друг мой!“; когда прижмешь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю все, кроме — Эраста. Чудно! Чудно, мой друг, что я, не зная тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мне это непонятно, теперь думаю, что без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Без глаз твоих темен светлый месяц; без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен». — Эраст восхищался своей пастушкой — так называл Лизу — и, видя, сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми *страстная дружба* невинной души питала сердце его. С отвращением помышлял он о презрительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства. «Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, — думал он, — не употреблю во зло любви ее и буду всегда счастлив!» — Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?

Лиза требовала, чтобы Эраст часто посещал мать ее. «Я люблю ее, — говорила она, — и хочу ей добра, а мне кажется, что видеть тебя есть великое благополучие для всякого». — Старушка в самом деле всегда радовалась, когда его видела. Она любила говорить с ним о покойном муже и рассказывать ему о днях своей молодости, о том, как она в первый раз встретилась с милым своим Иваном, как он полюбил ее и в какой любви, в каком согласии жил с нею. «Ах! Мы никогда не могли друг на друга наглядеться — до самого того часа, как лютая смерть подкосила ноги его. Он умер на руках моих!» — Эраст слушал ее с непритворным удовольствием. Он покупал у нее

¹ Зефир — в античной мифологии бог западного ветра. Здесь: легкие, нежные ветерки.

² Цинтия — в римской мифологии одно из имен Дианы, целомудренной богини луны.

Лизину работу и хотел всегда платить в десять раз дороже назначаемой ею цены, но старушка никогда не брала лишнего.

Таким образом прошло несколько недель. Однажды ввечеру Эраст долго ждал своей Лизы. Наконец пришла она, но так невесела, что он испугался; глаза ее от слез покраснели. «Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось?» — «Ах Эраст! Я плакала!» — «О чем? Что такое?» — «Я должна сказать тебе все. За меня сватается жених, сын богатого крестьянина из соседней деревни; матушка хочет, чтобы я за него вышла». — «И ты соглашаешься?» — «Жестокий! Можешь ли об этом спрашивать? Да, мне жаль матушки; она плачет и говорит, что я не хочу ее спокойствия, что она будет мучиться при смерти, если не выдаст меня при себе замуж. Ах! Матушка не знает, что у меня есть такой милый друг!» — Эраст целовал Лизу, говорил, что ее счастье дороже ему всего на свете, что по смерти матери ее он возьмет ее к себе и будет жить с нею неразлучно, в деревне и в дремучих лесах, как в раю. — «Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» — сказала Лиза с тихим вздохом. — «Почему же?» — «Я крестьянка». — «Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная, невинная душа, — и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу».

Она бросилась в его объятия — и в сей час надлежало погибнуть непорочности! — Эраст чувствовал необыкновенное волнение в крови своей — никогда Лиза не казалась ему столь прелестною — никогда ласки ее не трогали его так сильно — никогда ее поцелуи не были столь пламенны — она ничего не знала, ничего не подозревала, ничего не боялась — мрак вечера питал желания — ни одной звездочки не сияло на небе — никакой луч не мог осветить заблуждения. — Эраст чувствует в себе трепет — Лиза также, не зная, отчего — не зная, что с нею делается... Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где — твоя невинность?

Заблуждение прошло в одну минуту. Лиза не понимала чувств своих, удивлялась и спрашивала. Эраст молчал — искал слов и не находил их. «Ах, я боюсь», — говорила Лиза, — боюсь того, что случилось с нами! Мне казалось, что я умираю, что душа моя... Нет, не умею сказать этого!.. Ты молчишь, Эраст? Вздыхаешь?.. Боже мой! Что такое?» — Между тем блеснула молния и грянул гром. Лиза вся задрожала. «Эраст, Эраст! — сказала она. — Мне страшно! Я боюсь, чтобы гром не убил меня, как преступницу!» Грозно шумела буря, дождь лился из черных облаков — казалось, что натура сетовала о потерянной Лизиной невинности. — Эраст старался успокоить Лизу и проводил ее до хижины. Слезы катились из глаз ее, когда она прощалась с ним, «Ах, Эраст! Уверь меня, что мы будем по-прежнему

счастливы!» — «Будем, Лиза, будем!» — отвечал он. — «Дай Бог! Мне нельзя не верить словам твоим: ведь я люблю тебя! Только в сердце моем... Но полно! Прости! Завтра, завтра увидимся».

Свидания их продолжались; но как все переменилось! Эраст не мог уже доволен быть одними невинными ласками своей Лизы — одними ее любви исполненными взорами — одним прикосновением руки, одним поцелуем, одними чистыми объятиями. Он желал больше, больше и, наконец, ничего желать не мог, — а кто знает сердце свое, кто размышлял о свойстве нежнейших его удовольствий, тот, конечно, согласится со мною, что исполнение *всех* желаний есть самое опасное искушение любви. Лиза не была уже для Эраста сим ангелом непорочности, который прежде восплалял его воображение и восхищал душу. Платоническая любовь уступила место таким чувствам, которыми он не мог *гордиться* и которые были для него уже не новы. Что принадлежит до Лизы, то она, совершенно ему отдавшись, им только жила и дышала, во всем, как агнец, повиновалась его воле и в удовольствии его полагала свое счастье. Она видела в нем перемену и часто говорила ему: «Прежде бывал ты веселее, прежде бывали мы покойнее и счастливее, и прежде я не так боялась потерять любовь твою!». — Иногда, прощаясь с ней, он говорил ей: «Завтра, Лиза, не могу с тобою видаться: мне встретилось важное дело», — и всякий раз при сих словах Лиза вздыхала.

Наконец, пять дней сряду она не видала его и была в величайшем беспокойстве; в шестой пришел он с печальным лицом и сказал ей: «Любезная Лиза! Мне должно на несколько времени с тобою проститься. Ты знаешь, что у нас война, я в службе, полк мой идет в поход». — Лиза побледнела и едва не упала в обморок.

Эраст ласкал ее, говорил, что он всегда будет любить милую Лизу и надеется по возвращении своем уже никогда с нею не расставаться. Долго она молчала, потом залилась горькими слезами, схватила руку его и, взглянув на него со всею нежностью любви, спросила: «Тсбе нельзя остаться?» — «Могу», — отвечал он, — но только с величайшим бесславием, с величайшим пятном для моей чести. Все будут презирать меня; все будут гнушаться мною, как трусом, как недостойным сыном отечества». — «Ах, когда так», — сказала Лиза, — то поезжай, поезжай, куда Бог велит! Но тебя могут убить». — «Смерть за отечество не страшна, любезная Лиза». — «Я умру, как скоро тебя не будет на свете». — «Но зачем это думать? Я надеюсь остаться жив, надеюсь возвратиться к тебе, моему другу». — «Дай Бог! Дай Бог! Всякий день, всякий час буду о том молиться. Ах, для чего не умею ни читать, ни писать! Ты бы уведомлял меня обо всем, что с тобою случится, а я писала бы к тебе — о слезах своих!» — «Нет, береги себя, Лиза,

береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты без меня плакала». — «Жестокий человек! Ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нет! Расставшись с тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце мое». — «Думай о приятной минуте, в которую опять мы увидимся». — «Буду, буду думать об пей! Ах, если бы она пришла скорее! Любезный, милый Эраст! Помни, помни свою бедную Лизу, которая любит тебя более, нежели самое себя!»

Но я не могу описать всего, что они при сем случае говорили. На другой день надлежало быть последнему свиданию.

Эраст хотел проститься с Лизиной матерью, которая не могла от слез удержаться, слыша, что *ласковый, пригожий барин* ее должен ехать на войну. Он принудил ее взять у него несколько денег, сказав: «Я не хочу, чтобы Лиза в мое отсутствие продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежит мне». — Старушка осыпала его благословениями. «Дай Господи, — говорила она, — чтобы ты к нам благополучно возвратился и чтобы я тебя еще раз увидела в здешней жизни! Авось-либо моя Лиза к тому времени найдет себе жениха по мыслям. Как бы я благодарила Бога, если б ты приехал к нашей свадьбе! Когда же у Лизы будут дети, знай, барин, что ты должен крестить их! Ах! Мне бы очень хотелось дожить до этого!» — Лиза стояла подле матери и не смела взглянуть на нее. Читатель легко может вообразить себе, что она чувствовала в сию минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эраст, обняв ее в последний раз, в последний раз прижав к своему сердцу, сказал: «Прости, Лиза!..» Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, разливалась по восточному небу. Эраст стоял под ветвями высокого дуба, держа в объятиях свою бледную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь с ним, прощалась с душою своею. Вся натура пребывала в молчании. Лиза рыдала — Эраст плакал — оставил ее — она упала — стала на колени, подняла руки к небу и смотрела на Эраста, который удалялся — далее — далее — и, наконец, скрылся — воссияло солнце, и Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти.

Она пришла в себя — и свет показался ей уныл и печален. Все приятности природы сокрылись для нее вместе с любезным ее сердцу. «Ах! — думала она. — Для чего я осталась в этой пустыне? Что удерживает меня лететь вслед за милым Эрастом? Война не страшна для меня; страшно там, где нет моего друга. С ним жить, с ним умереть хочу или смертию своею спасти его драгоценную жизнь. Постой, постой, любезный! Я лечу к тебе!» — Уже хотела она бежать за Эрастом, по мысли: «У меня есть мать!» — остановила ее. Лиза вздохнула и, преклонив голову, тихими шагами пошла к своей хижине. —

С сего часа дни ее были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать от нежной матери: тем более страдало сердце ее! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь в густоту леса, могла свободно проливать слезы и стенать о разлуке с милым. Часто печальная горлица соединяла жалобный голос свой с ее стечанием. Но и тогда — хотя весьма редко — златой луч надежды, луч утешения освещал мрак ее скорби. «Когда он возвратится ко мне, как я буду счастлива! Как все переменится!» — От сей мысли прояснялся взор ее, розы на щеках освежались, и Лиза улыбалась, как майское утро после бурной ночи. — Таким образом прошло около двух месяцев.

В один день Лиза должна была идти в Москву, затем чтобы купить розовой волю, которою мать ее лечила глаза свои. На одной из больших улиц встретила сй великолепная карета, и в сей карете увидела она — Эраста. «Ах!» — закричала Лиза и бросилась к нему, но карета проехала мимо и поворотила на двор. Эраст вышел и хотел уже идти на крыльцо огромного дому, как вдруг почувствовал себя — в Лизиних объятиях. Он побледнел — потом, не отвечая ни слова на ее восклицания, взял ее за руку, привел в свой кабинет, запер дверь и сказал ей: «Лиза! Обстоятельства переменились; я помолвил жениться; ты должна оставить меня в покое и для собственного своего спокойствия забыть меня. Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Вот сто рублей — возьми их, — он положил ей деньги в карман, — позволь мне поцеловать тебя в последний раз — и пооди домой». — Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел ее из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора».

Сердце мое обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте — готов проклинать его — но язык мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?

Итак, Эраст обманул Лизу, сказав ей, что он едет в армию? — Нет, он в самом деле был в армии, но, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти все свое имение. Скоро заключили мир, и Эраст возвратился в Москву, отягченный долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства — жениться на пожилой богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей. Но все сие может ли оправдать его?

Лиза очутилась на улице и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!» — вот ее мысли, ее чувства! Жестокий обморок перервал их на время. Одна добрая женщина, которая шла по улице, остановилась над Лизою, лежавшею на земле, и старалась привести ее в память.

Несчастная открыла глаза — встала с помощью сей доброй женщины, — благодарила ее и пошла, сама не зная куда. «Мне нельзя жить, — думала Лиза, — нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!.. Нет! небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» — Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов. Сие воспоминание потрясло ее душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице ее. Но через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость — осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, — кликнула ее, вынула из кармана десять имперялов¹ и, подавая ей, сказала: «Любезная Анюта, любезная подружка! Отнеси эти деньги к матушке — они не краденые — скажи ей, что Лиза против нее виновата, что я таила от нее любовь свою к одному жестокому человеку, — к Э... На что знать его имя? — Скажи, что он изменил мне, — попроси, чтобы она меня простила, — Бог будет ее помощником, — поцелуй у нее руку так, как я теперь твою целую, — скажи, что бедная Лиза велела поцеловать ее, — скажи, что я...» Тут она бросилась в воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти ее, побежала в деревню — собрались люди и вытащили Лизу, но она была уже мертвая.

Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы там, в новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!

Ее погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на ее могиле. Тут часто сижу в задумчивости, опершись на вместилище Лизина праха; в глазах моих струится пруд; надо много шумят листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ее от ужаса охладела — глаза навск закрылись. — Хижина опустела. В ней воет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: «Там стонет мертвец; там стонет бедная Лиза!»

Эраст был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привел меня к Лизиной могиле. — Теперь, может быть, они уже помирились!

1792

¹ Имперял — золотая монета стоимостью в 10 рублей.

Моя исповедь

Письмо к издателю журнала

Признаюсь вам, государь мой, что я не читаю вашего журнала, а желаю, чтобы вы поместили в нем мое письмо. Для чего? Сам не знаю. Более сорока лет живу на свете и никогда еще не давал себе отчета ни в желаниях, ни в делах своих. Великое слово «так» было всегда моим девизом.

Я намерен говорить о себе: вздумал и пишу — свою исповедь, не думая, приятна ли будет она для читателей. Нынешний век можно назвать веком *откровенности* в физическом и нравственном смысле: взгляните на милых наших красавиц!.. некогда люди прятались в темных домах и под щитом высоких заборов. Теперь везде светлые дома и большие окна на улицу: просим смотреть! Мы хотим жить, действовать и мыслить в прозрачном стекле. Ныне люди путешествуют не для того, чтобы узнать и верно описать другие земли, но чтобы иметь случай поговорить о себе; ныне всякий сочинитель романа спешит как можно скорее сообщить свой образ мыслей о важных и неважных предметах. Сверх того, сколько выходит книг под титулом: «Мои опыты», «Тайный журнал моего сердца»! Что за перо, то и за искреннее признание. Как скоро нет в человеке старомодного варварского стыда, то всего легче быть автором исповеди. Тут не надобно ломать головы: надобно только вспомнить проказы свои, и книга готова.

Однако ж не думайте, чтобы я хотел оправдываться примерами; нет, такая мысль оскорбительна для моего самолюбия. Следую только собственному движению и замечаю мимоходом, что оно некоторым образом согласно с общим; но сохрани меня Бог казаться рабским подражателем! Для того, в противность всем исповедникам, наперед сказываю, что признания мои не имеют никакой нравственной цели. Пишу — так! Еще и другим отличусь от моих собратьев — авторов, а именно краткостью. Они умеют расплодить самое ничто; я самые важные случаи жизни своей опишу на листочке.

Начну уверением, что натура произвела меня совершенно особенным человеком и что судьба все случаи жизни моей запечатлела какою-то отменной печатью. Например, я родился сыном богатого, знатного господина — и вырос шалуном! Делал всякие проказы — и не был сечен! Выучился по-французски — и не знал народного языка своего! Играл десяти лет на театре — и в пятнадцать лет не имел идеи о должностях человека и гражданина.

На шестнадцатом году дали мне изрядный чип и отправили меня в чужие края, не сказав для чего. Правда, что со мною поехал гоф-

мейстер¹, женевец (прошу заметить, а не француз, потому что в это время французские гувернеры в знатных домах наших выходили уже из моды), которому даны были все нужные наставления. Господин Мендель знал, к чему по большей части готовится знатный молодой человек, а всего более знал свои выгоды — и поступал со мною вследствие своего благоразумного плана. Надобно отдать ему справедливость: он любил искренность и немедленно со мною объяснился. «Любезный граф! — сказал мне гофмейстер. — Природа и судьба уговорились сделать тебя образцом любви и счастья; ты прекрасен, умен, богат и знатен; довольно для блестящей роли в свете! Все прочее не стоит труда. Мы едем в Лейпцигский университет; родители твои, следуя обыкновению, желают, чтобы ты украсил разум свой знаниями, и поручили тебя моему смотрению; будь спокоен! Я родился в республике и ненавижу тиранство! Надеюсь только, что моя снисходительность заслужит со временем твою признательность». Я обнял его и обещал ему такую пенсию, какая не всегда дается и министру за долготлетнюю службу.

Приехав в Лейпциг, мы спешили познакомиться со всеми славными профессорами — и нимфами². Гофмейстер мой имел великое уважение к первым и маленькую слабость к последним. Я взял его себе за образец — и мы одним давали обеды, другим — ужины. Часы лекций казались мне минутою, оттого что я любил дремать под кафедрою докторов, и не мог их послушаться, оттого что никогда не слушал. Между тем господин Мендель всякую неделю уведомлял моих родителей о великих успехах дражайшего сына и целые страницы наполнял именами наук, которым меня учили.

Наконец, прожив три года в Лейпциге, мы отправились путешествовать, наняв секретаря для описания любопытных предметов, ибо господин Мендель был ленив. Родители мои из каждого города получали от нас толстые пакеты, не могли нарадоваться умными замечаниями своего сына и с гордостью читали их нашим родственникам. Я не виноват был ни в одной строке, уполномочив секретаря своего философствовать вместо меня (к счастью, рука его совершенно на мою походила), но к некоторым его описаниям прибавлял от себя выразительные карикатуры — произведение единственного таланта, данного мне натурою.

Однако ж я наделал много шума в своем путешествии — тем, что, прыгая в контрдансах¹ с важными дамами немецких княжеских дворов, нарочно ронял их на землю самым неблагопристойным образом, а всего более тем, что с добрыми католиками целуя туфель папы, укусил ему ногу и заставил бедного старика закричать изо всей силы. Эта шутка не прошла мне даром, и я высиел несколько дней в крепости Св. Ангела². Обыкновенная же забава моя дорогою была — стрелять бумажными шариками из духового пистолета в спину постиллионам³.

В Париже я вошел в связь со многими из славных ветренников и нашел способ удивить их как смелою своею философиею, так и всеми тонкостями языка повес, всеми его техническими выражениями, заимствованными мною по большей части от господина Менделя, который служил некогда домашним секретарем герцога Ришелье. Будучи введен в некоторые хорошие дома, я имел случай узнать и славнейших французских остроумцев; слышал однажды чтение Лагарповой «Мелании»⁴, хвалил без памяти талант автора и после сведал, что он в письме своем к одному знатному человеку в П* (без сомнения, из благодарности) описывал меня редким молодым человеком, рожденным для чести и славы отечества. Я имел счастье быть представлен герцогу Орлеанскому, ужинать с его избранными друзьями и разделять забавы их, достойные кисти нового Петрония⁵.

Надобно было видеть Англию; подобно Альцибиаду, я стал другим человеком в другой земле⁶ и пил так усердно с британцами, что через месяц слег в постель. Пользуясь временем моего выздоровления, я сделал карикатуры на всю королевскую фамилию, — и лондонские журналы говорили об них с великою похвалою.

Возвращение сил моих было горестно для господина Менделя: мне вздумалось столкнуть его с лестницы за то, что ему вздумалось приласкаться к моей Джессии. Нежная англичанка упала в обморок, между тем как мой гофмейстер считал головою ступени. Однако ж уверяю читателя, что сердце мое совсем не способно к ревности: это

¹ Популярный в XVIII в. танец.

² Замок Святого Ангела — тюрьма в Риме.

³ Постиллионы — почтальоны.

⁴ Трагедия Лагарпа «Мелания» была запрещена церковной цензурой, но читалась в салонах.

⁵ Гай Петроний Арбитр (27–66 гг. н. э.) — римский писатель, описавший свободу нравов в «Сатириконе».

⁶ Афинский государственный деятель Алкивиад (Альцибиад), бежав в Спарту, стал действовать против Афин.

¹ Здесь наименование придворной должности несет иронический смысл.

² Нимфы — в античности прекрасные богини вод, полей и лесов. Ироническое употребление.

минутное движение было, конечно, следствием моей болезни. Господин Мендель расстался со мною. Мы оба уведомили моих родителей о нашем разрыве; он называл меня шалуном, а я описывал его недостойным имени гофмейстера. И то и другое могло быть справедливо, по матушка одному мне поверила, а батюшка согласился с нею.

Наконец я возвратился в отечество, где лавры и мирты¹ ожидали меня. В голове моей не было никакой ясной идеи, а в сердце — никакого сильного чувства, кроме скуки. Весь свет казался мне беспорядочною игрою китайских теней, все правила — уздою слабых умов, все должности — несносным принуждением. Ласки родителей не сделали в холодной душе моей никакого впечатления; но, зная выгоды человека, образованного в чужих землях, я спешил поразить умы соотечественников разными странностями и с удовольствием видел себя истинным законодателем столицы. Мореплаватель во время бури не смотрит с таким вниманием на магнитную стрелку, с каким молодые люди на меня смотрели, чтобы во всем соображаться со мною. Я везде, как в зеркале, видел себя с ног до головы: все мои движения были срисованы и повторены с величайшею верностию. Это забавляло меня до крайности. Но главным моим предметом были женщины, которых лестное внимание открывало мне обширное поле деятельности. Здесь не могу удержаться от некоторых философических рассуждений. Влюбленность — извините новое слово: оно выражает вещь — влюбленность, говорю, есть самое благодетельное изобретение для света, который без нее походил бы на монастырь Латрапский². Но с нею молодые люди наипрекраснейшим образом занимают пустоту жизни. Открывая глаза, знаешь, о чем думать; являясь в обществах, знаешь, кого искать глазами; все имеет цель свою. Правда, что мужья иногда досаждают; что жены иногда дурачатся от ревности; но мы заняты, — а это главное! С одной стороны, искусство нравиться, с другой — искусство притворяться и самого себя обманывать не дают засыпать сердцу. Часто выходит беспорядок в семействах, но он имеет свою приятность. Сцены обморока, отчаяния для знаатоков живописны. *Sauve qui peut*³, всякий о себе думай — и довольно!

Будучи модным прелестником, я имел счастье поссорить многих коротких приятельниц между собою и развести не одну жену с мужем.

¹ Лавры и мирты — слава и удовольствия.

² Латрапский — монастырь ордена траппистов, требовавшего от монахов крайнего аскетизма.

³ Спасайся, кто может (*фр.*).

Всякая соблазнительная история более и более прославляла меня. О характере моем говорили ужасы: это самое возбуждало любопытство, которое действует весьма живо и сильно в женском сердце. Система моя в любви была самая надежная; я тиранил женщин то холодною, то ревностною; являлся не прежде десяти часов вечера на *любовное дежурство*, садился на оттомане¹, зевал, пил гофмановы капли² или начинал хвалить другую женщину; тайная досада, упреки, слезы веселили меня недель шесть, иногда гораздо долее; наконец, следовал разрыв связи — и новый миртовый венок падал мне на голову. Справедливость требует от меня признания, что не все красавицы были моими Дидонами³; нет, одна из них, вышедши из терпения, осмелилась указать мне на двери. Я был в отчаянии — и на другой день представил ее в живой карикатуре: заставил всех смеяться и сам утешился.

Вдруг пришло мне на мысль жениться, не столько в угождение матери (отца моего уже не было на свете), сколько для того, чтобы завести у себя в доме благородный спектакль, который мог служить для меня приятным рассеянием среди трудных обязанностей модного человека. Я выбрал прекрасную небогатую девушку, хорошо воспитанную в одном знатном доме, надеясь, что она из благодарности оставит меня в покое, и в сих мыслях обещался на другой день ужинать, по обыкновению, с глазу на глаз с резвою Алиною, которая тогда занимала меня своею любезностию. Вышло напротив. Эмилия из благодарности считала за долг быть нежною, страстною женою, а нежность и страсть всегда ревнивы. Философия моя заставляла ее плакать, рваться: я вооружился терпением, смотрел, слушал равнодушно; играл ее шалью — и зевал, воображая, что бури непродолжительны, особливо женские. В самом деле, Эмилия мало-помалу приходила в рассудок, утихала и становилась гораздо милее; томные взоры ее развеселялись, и легкие упреки произносились уже вполголоса, даже с улыбкою. Наконец я совершенно уверился в исправлении жены моей, видя вокруг ее толпу искателей. Дом наш сделался оттого гораздо приятнее: Эмилия перестала грубить молодым женщинам и всячески старалась заслужить имя любезной хозяйки. Мы набрали к себе в дом итальянских кастратов⁴, играли оперы, комедии, давали маленькие балы, большие ужины — подписывали счета, но никогда

¹ Оттоман — модный в конце XVIII в. мягкий диван без спинки, которую заменяют подушки.

² Гофмановы капли — успокоительное лекарство.

³ Дидона — карфагенская царица, покинутая ее возлюбленным Энеем в «Энеиде» Вергилия.

⁴ В Италии XVIII в. лучшими оперными певцами почитались кастраты.

не считали, — занимали деньги и никогда не имели их, — одним словом, жили прекрасно!

Одна мать моя, у которой от старости испортился нрав, была недовольна и часто упрекала меня ветреною безрассудностью; говорила, что мы разоряемся; говорила даже, что Эмилия дурно ведет себя! Но я — зевал и, как должно хорошему сыну, советовал ей беречь свое здоровье, то есть не сердиться. Она не хотела послушаться и прежде времени отправилась на тот свет. Бедная! Мы пожалели об ней — тем искреннее, что ее смерть на несколько месяцев расстроила наши спектакли.

Скоро в хозяйстве нашем открылись маленькие неприятности: иногда накануне большого ужина дворецкий сказывал мне, что у него нет ни рубля на расход и что он нигде не мог занять денег. В таком случае я обыкновенно выгонял его из комнаты — и ужин бывал прекрасный. Являлись добрые люди с товарами: одни продавали мне на вексель, другие в ту же минуту покупали у меня на чистые деньги, и дело было с концом. Но время от времени встречалось более трудностей, и часто за вексель в тысячу рублей давали мне только дюжину шесть помады! Уведомляю читателя, что искусные люди, которых профаны называют ростовщиками, знают наизусть все нужды и все коммерческие способы богатых мотов; взяв карандаш в руку, они в минуту исчисляют, во сколько лет, месяцев, дней и часов такой-то останется без души христианской; по сему верному расчету служат ближнему деятельно, усердно и редко обманываются. Наши отечественные лихоимцы прежде всех других оставляют человека на славном и широком пути разорения, подобно меланхолическим докторам, которые слишком рано осуждают больных на смерть; они отдают его на руки иностранным ростовщикам: немцы уступают место французам, французы — италиянцам, италиянцы — грекам; в эту последнюю эпоху рубль мота ходит уже в копейке. Я спокойно прошел сквозь всю жидовскую фалангу и стоял уже на последней ступени. Имение мое записывали, продавали с публичного торгу, но я все еще не унывал и в самый тот день, как меня выгнали из дому, думал играть главную роль в комедии «Беспечного». Жестокие заимодавцы не хотели видеть спектакля — и мне надлежало искать убежища в доме одного моего родственника.

Если читатель удивится, что семь или восемь тысяч душ моих так скоро исчезли с дымом, то он, без сомнения, не знает умножительной силы долгов, считаемых не должником, а заимодавцами; вексели, как полипы, чудесным образом плодятся, если завеса беспечности скрывает следствия от глаз рассудка. К тому же всякий почтенный мот находит верных сотрудников в своих управителях и дворецких, которые всячески облегчают бремя господского имения, примитив, что оно угнетает

господина. — Я назвал мота почтенным и спешу оправдаться. Он есть благодетель отечества и народа, разделяя с обществом свое богатство. Собирает подобен жадной реке, которая течет в прямой линии, плещет ручейки и потоки, влажит только берега свои и сушит окрестности, по расточителю можно сравнить с рекою щедрою, которая делится на тысячу рукавов, сообщает влагу свою великому пространству и, малопомалу исчезая, делается жертвою благотворительности.

Кому угодно, может вообразить меня спокойно и даже гордо идущего по улице; два человека несли за мною две корзины, наполненные любовными женскими письмами: единственное сокровище, которое заимодавцы позволили мне вынести из дому! Рождественник принял меня холодно и с упреком. Эмилия приехала к нему вслед за мною и, забыв, что мы вместе проживали имение, осыпала меня жестокими укоризнами, объявила торжественно, что союз наш разрывается, села в карету и скрылась. Я летел к женщине, которая за день перед тем уверяла меня в любви своей, — меня не приняли, летел ко многочисленным друзьям моим — одних не было дома, другие вздумали читать мне наизусть книжные наставления, как должно быть умеренным и благоразумным в жизни! Им надлежало бы говорить о том, когда я утешал их. — В прибавок ко всему меня выгнали из службы, как распутного человека.

Такие случаи и неприятности могли бы огорчить другого, но я родился философом — сносил все равнодушно и твердил любимое слово свое: «Китайские тени! Китайские тени!» Всего хуже было то, что заимодавцы, недовольные остатками моего имения, грозились посадить меня в тюрьму. Признаюсь, что мысль о темной конурке пугала и самую мою философию.

Месяца через два приехал ко мне один богатый князь с требованием, чтобы я подписал некоторую бумагу, и с обещанием удовлетворить моих кредиторов; то есть мне надлежало взвести на себя небылицу, которая давала Эмилию право избрать другого мужа. Я сперва захохотал, а после задумался, воображая, с одной стороны, ужасы темницы, а с другой — злые насмешки людей. Между тем князь говорил о своей благодарности, признавался, что он намерен жениться на Эмили, желая спасти ее от бедствий нищеты, предлагал мне свою дружбу, уверял, что дом его будет моим домом, даже звал меня жить к себе. Тут *счастливая мысль* пришла мне в голову: я подписал бумагу.

Эмилия красноречивым письмом извятила мне свою признательность (она вышла за князя, который немедленно выкупил мои вексели) и в заключение говорила: «Мы не умели быть счастливыми супругами: будем, по крайней мере, нежными друзьями! Муж мой клянется любить вас как брата». — Я спешил уверить ее в своей чувст-

вительности — и с того времени поселился у князя, обедал, ужинал с Эмилией, казался томным, печальным и, оставаясь наедине с нею, говорил со слезами о прежней своей безрассудности, о моем сердечном раскаянии, о потерянном навеки счастье, то есть имени супруга любезнейшей женщины в свете. Сперва она шутила, но мало-помалу начала слушать меня с важным видом и задумываться. Надобно знать, что князь был человек пожилой и весьма неприятный наружностью. Часто глаза ее тихонько сравнивали нас и с выражением горести потуплялись в землю. Эмилия некогда любила меня; перестав быть ее мужем, я казался ей тем любезнее. Боясь света, который громко осуждал ее второе замужество, она вела уединенную жизнь; уединение же, как известно, питает страсти. Женщина, самая романтическая, в некоторых обстоятельствах может прельститься богатством, но богатство теряет для нее всю свою цену при первом движении сердца. Не хочу томить читателя долгим приуготовлением. *План мой* счастливо исполнился. Мы изъяснились. Эмилия отдалась мне со всеми знаками живейшей страсти, а я через минуту едва мог удержаться от смеха, воображая странность победы своей и новость такой связи. — Старый муж отстал новому, но мне еще не довольно было восторгов Эмилией, тайных свиданий, нежных писем: я хотел громкой славы! Я предложил своей жене-любовнице уйти со мною. Она испугалась — описывала наше положение самым счастливым (ибо князь стыдился ревновать ко мне) — предвидела ужас света, если мы отважимся на такой неслыханный пример разврата, — и заклала меня со слезами сжалиться над ее судьбою. Но женщина, которая преступила уже многие (по словам моралистов) должности, не может ни в чем отвечать за себя. Я хотел непременно, требовал, грозил (помнится) застрелить себя — и через несколько дней мы очутились на Мо-ской дороге.

Торжество мое было совершенно; я живо представлял себе изумление бедного князя и всех честных людей; сравнивал себя с романтическими ловчелами и ставил их под ногами своими: они увозили любовниц, а я увез бывшую жену мою от второго мужа! Эмилия грустила, но утешалась мыслью, что она следует движению непобедимого чувства и что любовь ее ко мне есть героическая, — утешение, к которому обыкновенно прибегают женщины в заблуждениях страсти или воображения!

В М-е знатные мои родственники не хотели пустить меня в дом, а набожные тетки и бабушки, встречаясь со мною на улице, крестились от ужаса. Зато некоторые молодые люди удивлялись смелости моего дела и признавали меня своим героем. Я покоился на лаврах, не боясь никаких следствий: ибо добрый князь, заключив горсть в сердце, не жаловался никому и говорил своим знакомым, что он сам отправил жену в М-у для экономии. Эмилия продала свои брилли-

анты, и мы жили недурно; но она жаловалась иногда на мое равнодушие и, наконец, узнав, что я вошел в связь с одною известною ветреницею, слегла в постель, сказала мне, что, быв женою, она могла сносить мои неверности, но, сделавшись любовницею, умирает от них. Эмилия сдержала слово — и при смерти своей говорила мне такие вещи, от коих волосы мои стали бы дыбом, если бы, к несчастью, была во мне хотя искра совести; но я слушал холодно и заснул спокойно; только в ту ночь видел страшный сон, который, без сомнения, не сбудется в здешнем свете.

Не хочу говорить о дальнейших моих любовных приключениях, которые не имели в себе никакого особенного блеска, хотя мне удалось разорить еще двух или трех женщин (правда, немолодых). Видя, наконец, что лета и невоздержность кладут на лицо мое угрюмую печать свою, я решился взять другие меры, сделался ростовщиком и, сверх того, забавником, шутом, поверенным мужей и жен в их маленьких слабостях. Мудрено ли, что мне снова отверен вход во многие именитые дома? Такие люди нужны на всякий случай. Одним словом, я доволен своим положением и, видя во всем действии необходимой судьбы, ни одной минуты в жизни моей не омрачил горестным раскаянием. Если бы я мог возратить прошедшее, то думаю, что повторил бы снова все дела свои: захотел бы опять укунить ногу папе, распутствовать в Париже, пить в Лондоне, играть любовные комедии на театре и в свете, промотать имение и увезти жену свою от второго мужа. Правда, что некоторые люди смотрят на меня с презрением и говорят, что я остыл род свой, что знатная фамилия есть обязанность быть полезным человеком в государстве и добродетельным гражданином в отечестве. Но поверю ли им, видя, с другой стороны, как многие из наших любезных соотечественников стараются подражать мне, живут без цели, женятся без любви, разводятся для забавы и разоряются для ужинов! Нет, нет! Я совершил свое предопределение и, подобно страннику, который, стоя на высоте, с удовольствием обнимает взором пройденные им места, радостно вспоминаю, что было с мною, и говорю себе: так я жил!

Граф NN
1802

Чувствительный и холодный Два характера

Дух системы заставлял разумных людей утверждать многие странности и даже нелепости: так, некоторые писали и доказывали, что

наши природные способности и свойства одинаковы; что обстоятельства и случаи воспитания не только образуют или развивают, но и дают характер человеку вместе с особенным умом и талантами; что Александр в других обстоятельствах мог быть миролюбивым брамингом, Эвклид — автором чувствительных романов, Аттила — нежным пастушком¹, а Петр Великий — обыкновенным человеком! Если бы надобно было опровергать явную ложь, то мы представили бы здесь множество хорошо воспитанных, множество ученых людей, которые имеют все, кроме — чувства и разума... Нет! Одна природа творит и дает: воспитание только образует. Одна природа сеет: искусство или наставление только поливает семя, чтобы оно лучше и совершеннее распустилось. Как ум, так и характер людей есть дело ее: отец, учитель, обстоятельства могут помогать его дальнейшим развитиям, но не более. — Привязывает ли натура умственные способности и нравственные свойства к некоторым особенным формам или действиям физического состава, мы не знаем: это ее тайна. Система Лафатера и доктора Галья² кажется нам по сие время одною игрою воображения. Сам почтенный и благоразумный Кабанис³, изыскав свойством твердых частей и жидкостей счастье и несчастье жизни — прав, страсти, печаль и веселье, — не берется измерить и развесить по-аптекарьски, сколько чего надобно для произведения гения, математика, философа, стихотворца, злодея или добродетельного мужа.

Как бы то ни было, мы видим в свете людей умных и чувствительных, умных и холодных, *от колыбели до гроба*, согласно с русскою пословицею; и нравственное свойство их так независимо от воли, что все убеждения рассудка, все твердые намерения перемениться нравом остаются без действия. Лафонтен сказал:

Мы вечно то, чем нам быть в свете суждено.
Гони природу в дверь: она влетит в окно!

Правда, что сию нсволью знают одни чувствительные; холодные всегда довольны собою и не желают перемениться. Одно такое замечание не доказывает ли, что выгода и счастье на стороне последних? Первые, без сомнения, живее наслаждаются; но как в жизни более горестей, нежели удовольствий, то слабее чувствовать те и другие есть

¹ Имеются в виду Александр Великий, македонский царь и завоеватель, греческий математик Эвклид и жестокий вождь гуннов Аттила.

² Лафатер И. К. (1741–1801) — швейцарский литератор и мыслитель, основоположник физиогномики, науки, изучающей характер по внешности человека. Ф.-И. Галь (1758–1828) — немецкий врач, основоположник френологии, науки, изучающей характер по строению черепа.

³ Кабанис П.-Ж.-Ж. (1758–1808) — французский философ-материалист и врач.

выигрыш. «Боги не дают, а продают нам удовольствия», — сказал греческий трагик; «И слишком дорого», — можно примолвить, так что мы с покупкою остаемся в глупцах. Но чувствительный есть природный мот: он видит свое разорение, борется с собою и все покупает.

Однако ж, любя справедливость, заметим и свойственные ему преимущества. Равнодушные люди бывают во всем благоразумнее, живут смиреннее в свете, менее делают бед и реже расстраивают гармонию общества; но одни чувствительные приносят великие жертвы добродетели, удивляют свет великими делами, для которых, по словам Монтаня¹, нужен всегда «небольшой примес безрассудности» — «un peu de folie», они-то блистают талантами воображения и творческого ума: поэзия и красноречие есть дарование их. Холодные люди могут быть только математиками, географами, натуралистами, антиквариями и — если угодно, философами!..

Мы имели случай узнать историю двух человек, которая представляется в лицах сии два характера.

Эраст и Леонид учились в одном пансионе и рано сделались друзьями. Первый мог назваться красавцем: второй обращал на себя внимание людей отменно умным лицом. В первом с самого младенчества обнаруживалась редкая чувствительность; второй, казалось, родился благоразумным. Эраст удивлял своим понятием, Леонид — прилежанием. Казалось, что первый не учится, а только воспоминает старое; второй же никогда не забывал того, что узнавал однажды. Первый, от излишней надежности на себя, откладывая всякое дело до последней минуты, иногда не выучивал урока; второй знал его всегда заблаговременно, все еще твердил и не верил своей памяти. Эраст делал иногда маленькие проказы. Ссорился с товарищами и нередко заслуживал наказание; но все его любили. Леонид вел себя тихо, примерно и не оскорблял никого; но его только хвалили. Одного считали искренним, добродушным: таков он был в самом деле. Другого подозревали в хитрости и даже в лукавстве: но он был только осторожен. — Их взаимная дружба казалась чудною: столь были они несходны характерами! Но сия дружба основывалась на самом различии свойств. Эраст имел нужду в благоразумии, Леонид — в живости мыслей, которая для его души имела *прелесть удивительного*. Чувствительность одного требовала сообщения; равнодушие и холодность другого искали занятия. Когда сердце и воображение пылают в человеке, он любит говорить; когда душа без действия, он слушает с удовольствием. Эраст еще в детстве пленялся романами, поэзией, а в истории более всего любил чрезвычайности, примеры героизма

¹ Монтань (Монтень) М. (1533–1592) — знаменитый французский философ.

и великодушия. Леонид не понимал, как можно заниматься небылицами, то есть романами! Стихотворство казалось ему трудною и бесполезною игрою ума, а стихотворцы — людьми, которые хотят прятко бегать в кандалах. Он читал историю с великою прилежностью, по единственному для того, чтобы знать ее, не для внутреннего наслаждения, но как вокабулы или грамматику. Мудрено ли, что мнения друзей о героях ее были несогласны? Эраст превозносил до небес великодушие и храбрость Александра: Леонид называл его отважным безумцем. Первый говорил: «Он победил вселенную!» Второй отвечал: «Не зная, для чего!» Эраст обожал Катона¹, добродетельного самоубийцу: Леонид считал его помешанным гордецом. Эраст восхищался бурными временами греческой и римской свободы: Леонид думал, что свобода есть зло, когда она не дает людям жить спокойно. Эраст верил в истории всему чрезвычайному: Леонид сомневался во всем, что не было согласно с обыкновенным порядком вещей. Один спрашивался с воображением пылким, а другой — с флегматическим своим характером.

Как мнения, так и поступки наших друзей были различны. Однажды дом, где они учились и жили, загорелся ночью: Эраст вскочил с постели не одетый, разбудил Леонида и других пансионеров, тушил огонь, спасал драгоценные вещи своего профессора и не думал о собственных. Дом сгорел, и Эраст, обнимая друга, сказал с великодушным чувством: «Я всего лишился; но в общих бедствиях хорошо забывать себя...» — «Очень дурно, — отвечал Леонид с хладнокровием, — человек создан думать сперва о себе, а там о других; иначе нельзя стоять свету. Хорошо, что мне удалось поправить твою безрассудность: я спас и сундуки и книги наши». Так Леонид мыслил и поступал на шестнадцатом году жизни. — В другой раз они шли по берегу реки: в глазах их мальчик упал с моста. Эраст ахнул и бросился в воду. Леонид хотел удержать его, но не успел; однако ж не потерял головы, даже не закричал, а только изо всей силы пустился бежать к рыбакам, которые вдали расправляли сети, — бросил им рубль и велел спасти Эраста, который уже тонул. Рыбаки через пять минут вытащили его вместе с мальчиком. Леонид бранил своего друга: называл глупцом безумным; однако ж плакал... Редкая чувствительность холодных людей бывает тем заметнее и трогательнее. Эраст целовал его и восклицал: «Я жертвовал собою для спасения человека, обязан жизнью другу и вижу слезы его: какое счастье!»

¹ Катон Младший (Утический) (95–46 гг. до н. э.) — римский государственный деятель, участвовал в гражданских войнах на стороне Помпея и после поражения его войск покончил с собой.

Они в одно время оставили пансион и вместе отправились в армию. Эраст твердил: «Надобно искать славы!» Леонид говорил: «Долг велит служить дворянину...» Первый бросился в опасности — другой шел, куда посылали его. Первый от излишней запальчивости скоро попался в плен к неприятелю; другой заслужил имя хладнокровного, благоразумного офицера и крест Георгия при конце войны. Мир освободил Эраста. Как искренно радовался он возвышению друга, который далеко опередил его в чинах воинских! Ни малейшая тень зависти не омрачила его доброго, чистого сердца. — Оба вместе перешли они в гражданскую службу. Леонид занял место совсем не блестящее и трудное; Эраст вступил в канцелярию знатнейшего вельможи, надеясь своими талантами заслужить его внимание и скоро играть великую роль в государстве. Но для успехов честолюбия нужны гибкость, постоянство, холодность, терпение; Эраст же не имел ни одного из сих необходимых свойств. Он писал хорошо; но, вручая бумагу министру, гордым взором не просил снисходительного одобрения, а требовал справедливой хвалы; не боялся досадить ему: боялся только перед ним унизиться. «Пусть он знает, — говорил Эраст Леониду, — что я служу государству, а не ему, и соглашаюсь на время трудиться в неизвестности, чтобы стать некогда на ту степень, которая достойна благородного честолюбия и на которой дела мои будут славны в отечестве!» — «Любезный друг! — отвечал Леонид. — Никакие таланты не возвысят человека в государстве без угождения людям; если не хочешь служить им, то они не дадут тебе способа служить и самому отечеству. Не презирай нижних ступеней лестницы: они ведут к верхней. Искусный честолюбец только изредка взглядывает на отдаленную цель свою, но беспрестанно смотрит себе под ноги, чтобы идти к ней верно и не обступиться...» Сей медленный, благоразумный ход не мог нравиться пылкому Эрасту. Иногда он работал с удивительным прилежанием; иногда, утомленный делами, искал отдохновения в светских рассеяниях. Но сей опасный, мнимый отдых мало-помалу обратился для него в главное дело жизни. Эраст был молод, прекрасен, умен и богат: сколько прав наслаждаться светом! Женщины ласкали его, мужчины ему завидовали: сколько приятностей для сердца и самолюбия! Он сократил вечера для работы, чтобы продлить их для удовольствий общества, находя, что одобрительная улыбка министра не так любезна, как нежная улыбка прелестных женщин. К чести его скажем, что он, забывая должность, стыдился внутренно своей несправности; однако ж не хотел сносить ни малейших выговоров и всякий раз отвечал на них требованием отставки. Министр его был человек добрый и рассудительный, но человек: он вышел из терпения — и Эраст сделался, наконец, свободным, то есть праздным.

«Поздравь меня с любезною вольностью! — сказал он Леониду, вбежав в кабинет к нему. — Мне запретили быть полезным государству: никто не запретит мне быть счастливым». Леонид пожал плечами и с холодным видом отвечал другу: «Жалею о тебе! Человеку в двадцать пять лет не позволено жить для одного удовольствия».

Разумеется, что Эраст, взяв отставку, тем ревностнее служил грациям. Он был истинно чувствителен: следственно, хотел еще более любить, нежели нравиться. Скоро очарование нежной страсти представило ему свет в одном предмете и жизнь в одном чувстве... Блаженный любовник, забыв вселенную, вспомнил только о друге и летел к нему говорить о своем счастье. — Снисходительный Леонид оставлял приказные бумаги и слушал его; но часто, облокотясь на камин, дремал среди самых описаний нового Сен-Пре¹, который иногда в жару сердечного красноречия не видал того; иногда же, пораженный усыпительным действием своих, как ему казалось, чрезмерно любовных рассказов, говорил с жалким видом: «Ты дремлешь...» — «Мой друг! — отвечал Леонид. — Вы, любовники, имеете обыкновение твердить сто раз одно; а всякие ненужные повторения склоняют меня к дремоте». Леонид держался Бюфоновой системы², и нравственная любовь казалась ему дурною выдумкою ума человеческого. Эраст называл его грубым, бесчувственным, камнем и иными подобными ласковыми именами. Леонид не сердился, но стоял в том, что благоразумному человеку надобно в жизни заниматься делом, а не игрушками разгоряченного воображения. — Споры друзей продолжались — и не решились; но Эраст оставлял иногда обожаемую красавицу, чтобы ехать к Леониду и доказывать ему неописанное счастье, каким любовник наслаждается в присутствии любовницы! Хладнокровный философ наш улыбался...

Он находил и другие случаи торжествовать над своим противником. Давно уже сравнивают любовь с розою, которая плещет обоняние и глаза, но колет руку: к несчастию, терние долговечнее цвета!.. Эраст, наслаждаясь восторгами, испытывал и неудовольствия: иногда сам скучал, иногда им скучали; иногда страдал от своей верности, иногда мучился от непостоянства любовниц. Надобно заметить, что и самые блестящие молодые люди по большей части входят в связи с женщи-

нами ветреными, которые избавляют их от трудного искания: мудро ли, что любовь и непостоянство имеют почти одно значение в свете? Эраст со слезами бросался иногда в объятия к верному другу, чтобы жаловаться ему на милых обманщиц. Леонид в таких случаях поступал великодушно: утешал его и не думал смеяться над бедным страдальцем. Но искренний Эраст сам любил обвинять себя, проклинал заблуждения страстей, писал едкие сатиры на кокеток и сперва читал их только другу — а через несколько дней женщинам — а через несколько дней бросал в огонь, снова пленяясь каким-нибудь ангелом: ибо всякая томная прелестница, которая брала на себя труд уверить его в любви своей, обыкновенно казалась ему существом небесным, и Леонид снова должен был засыпать, слушая красноречивые описания милых ее свойств и чувствительности. — Одним словом, Эраст или блаженствовал, или терзался, или, в отсутствие живых чувств, томился несносною скукою. Леонид не знал счастья, но не искал его и был доволен мирным спокойствием души ясной и кроткой. Первый умом обожал свободу, но сердцем зависел всегда от других людей; второй соглашался волю свою с порядком вещей и не знал тягости принуждения. Эраст *иногда* завидовал равнодушию Леониду; Леонид *всегда* жалел о пылком Эрасте.

Сей последний уехал наконец из П* — следом за одною красавицею, — оставив Леонида больного; дорогою беспокоился, считал себя преступником в дружбе, хотел десять раз воротиться, но между тем въехал уже в М-у — откуда через несколько дней известил друга о своей женитьбе... «Уверенный, — писал он, — многими опытами, что все нежные связи, основанные только на удовольствии, не могут быть надежны и, разрываясь, оставляют в сердце горесть о минувшем заблуждении, я прибегнул к союзу, освященному мнением и законом! Вечность его пленяет душу мою, утомленную непостоянством». — Эраст заклинал друга спешить в его объятия и быть свидетелем его истинного счастья. Леонид скоро явился в М*... Обрадованный Эраст бросился к нему навстречу, говоря: «Теперь вижу опыт нежной дружбы твоей!..» — «Я отпросился в отпуск, — сказал Леонид равнодушно, — чтобы ехать в свою деревню. Мне через М-у дорога...» И в самом деле уехал через два дня.

Эраст и самому себе и другим казался счастливым: Нина, супруга его, была прекрасна и мила. Он наслаждался вместе и любовию и покоем; но скоро приметил в себе какое-то чудное расположение к меланхолии: задумывался, унывал и рад был, когда мог плакать. Мысль, что судьба его навсегда решилась, — что ему уже нечего желать в свете, а должно только бояться потери, — удивительным образом тревожила его душу. Мы никогда не изыскаем сего чувства

¹ Сен-Пре — герой романа Ж. Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», учитель и чувствительный возлюбленный главной героини.

² Граф де Бюффон Ж. Л. Л. (1707–1788) — французский философ-просветитель, автор «Естественной истории», уподоблявший человека иным животным физически и нравственно.

холодным людям: оно покажется им безумием, но делает самых счастливых несчастными. Воображение, которому навеки занято сердце не позволяет уже искать таинственного блаженства за отдаленным горизонтом, как будто бы скучает своим бездействием и рождает печальные фантомы вокруг нас.

В сем расположении Леонид нашел Эраста, возвратясь из деревни в М-у, и дал слово прожить с ним несколько времени. Нина желала показаться ему любезною: мудрено ли? Эраст так неумеренно хвалил его! И друзья мужей, как известно, имеют великие права на ласку жен. Леонид, всегда равнодушный и спокойный, был тем занимательнее в обществе; сердце никогда не мешало уму его искать на досуге приятных идей для разговора. К тому же мы заметили, что холодные люди иногда более чувствительных нравятся женщинам. Последние с излишнею скоростью и без всякой *экономии* обнаруживают себя, а первые долее скрываются за щитом равнодушия и возбуждают любопытство, которое сильно действует на женское воображение. Хочется видеть в пылкой деятельности сердце флегматическое, хочется оживить статую... Но без дальнейших изъяснений скажем, что Леонид вдруг — уехал в П*, не простившись ни с хозяином, ни с хозяйкою.

Эраст изумился и спешил к жене своей... Нина обливалась слезами, писала и хотела скрыть от него бумагу. Он вырвал письмо из рук ее... Бедный муж, но друг счастливый!.. Открылось, что Нина обожала Леонида, но что он не хотел изменить дружбе и для того удалился. Безрассудная в письме своем к нему заклинала его возвратиться, а в противном случае грозила отравить себя ядом... Эраст оцепенел от ужаса... Виновная супруга лежала у ног его без памяти... Видя смертную бледность ее, он забыл все и старался только привести ее в чувство... Нина открыла томные глаза свои. Не знаю, что она говорила Эрасту, но Эраст через несколько минут, прижав ее к своему сердцу, громко воскликнул: «Такое ангельское раскаяние милее самой непорочности; все забываю, и мы будем счастливы!..» В тот же день он написал к Леониду: «О друг верный и бесценный! Поступок твой затмевает добродетель Сципионову!; но смею думать, что в подобных обстоятельствах я сделал бы то же!» Леонид в ответе своем изъяснил сожаление о *домашней его неприятности* и сказал, между прочим: «Женщины любезны и слабы, как дети; надобно многое спускать им;

но какой благоразумный человек пожертвует старинным другом минутной их прихоти?»

Сердца нежные всегда готовы прощать великодушно и радуются мыслию, что они приобретают тем новые права на любовь виновного, по раскаяние души слабой не надолго укрепляет ее в добродетельных чувствах: оно, как трепетание музыкальной струны, постепенно утихает, и душа входит опять в то расположение, которое довело ее до порока. Легче удержаться от первой, нежели от второй вины — и бедный Эраст развелся с женою, ибо не все его знакомые, подобно Леониду, спасались бегством от прелестей Нины.

Мы видим несчастных мужей в свете и почти привыкли к ним, но если они чувствительны, то можем ли искренно не сожалеть об них? Мы любим плакать со вдовцом горестным; он счастлив в сравнении с мужем, который должен ненавидеть или презирать супругу!.. Эраст в отчаянии своем жаловался на судьбу, а еще более — на женщин. «Я любил вас пламенно и нежно, — говорил он. — Умел быть постоянным для самых ветрениц, умел быть честным в самых нечестных связях, видел, как забываете ваши должности, но помнил свои, — и в награду за то, быв несколько раз оставленным любовником, сделался наконец обманутым мужем!» Эраст недели две плакал, недели две скитался один по окрестностям города, а там, желая чем-нибудь заняться, вздумал быть — автором.

Чувствительное сердце есть богатый источник идей: ежели разум и вкус помогают ему, то успех несомнителен и знаменитость ожидает писателя. Эраст жил уединенно, но скоро обратил на себя общее внимание; умные произносили его имя с почтением, а добрые — с любовью: ибо он родился нежным другом человечества и в творениях своих изображал душу, страстную ко благу людей. Призрак, называемый славой, явился ему в лучезарном сиянии и воспламенил его ревностью бессмертия. «О слава! — думал он в восторге сердца. — Я искал тебя некогда в дыму сражений и на поле кровопролития; ныне, в тихом кабинете, вижу блестящий образ твой перед собою и посвящаю тебе остаток моей жизни. Я не умел быть счастливым, но могу быть предметом удивления; венки миртовые вянут с юностью; венок лавровый зеленеет и на гробе!..» Бедный Эраст! Ты променял одну мечту на другую. Слава благотворна для света, а не для тех, которые приобретают ее... Скоро зашипели схины зависти, и добродушный автор нажил себе неприятелей. Сии чудные люди, которых он не знал в лицо, бледнели и страдали от его авторских успехов; сочиняли гнусные, ядовитые пасквилы и готовы были растерзать человека, который не оскорбил их ни делом, ни мыслию. Напрасно Эраст вызывал завистников своих писать лучше его: они умели только изливать яд и

¹ Оба римских полководца — Сципионы Африканские — почитались воплощениями добродетели. Сципион Старший был известен великодушным отношением к противникам и пленникам и умел проявить это великодушие, не отступая от своих принципов. В кружке Сципиона Младшего стремление к добродетели было объявлено главной целью жизни.

желчь, а не блистать талантом. Эраст имел слабость огорчаться их ненавистию и писал к своему другу: «Узнав ветренность женщин, вижу теперь злобу мужчин. Первые извиняются хотя удовольствием: вторые делают зло без всякой для себя выгоды». «Всего вернее, — отвечал ему Леонид, — идти в свете большою дорогою и запасаться такими деньгами, которые везде принимаются. Служба есть у нас вернейший путь к уважению (которого сродно искать людям в гражданском соединении), а чины — ходячая монета; положим, что слава драгоценнее, но многие ли знают ее клеймо и высокую пробу? Это не монета, а медаль: один знаток возьмет ее вместо денег. К тому же дарования ума всегда оспариваются, и причина ясна: души малые, но самолюбивые, каких довольно в свете, хотят возвыситься унижением великих. Но дело сделано, и ты стоишь на пути славы: имей же твердость презирать усилие зависти, которая есть необходимое условие громкого имени! Не только презирай, но и радуйся ей: ибо она доказывает, что ты уже славен». — Письмо Леонидово заключалось сими словами: «Я через месяц женюсь, чтобы избавить себя от хозяйственных забот. Женщина нужна для порядка в доме».

Эраст забыл свои авторские неудовольствия, чтобы спешить в П* к свадьбе друга... Они уже давно не видались. Леонид, несмотря на прилежность делового человека, цвел здоровьем; ибо всякая диетика начинается предписанием: «Будь спокоен духом!» Эраст, некогда прекрасный молодой человек, высох, как скелет; ибо «огненные страсти, по словам одного англичанина, суть курьеры жизни: с ними не долго ехать до кладбища». Любовь и слава питают душу, а не тело. Леонид, несмотря на свою холодность, с прискорбием заметил Эрастову болезнь... Он не обманул друга и в самом деле женился только «для порядка в доме», заблаговременно объявив невесте условия: «1) ездить в гости однажды в неделю; 2) принимать гостей однажды в неделю; 3) входить к нему в кабинет однажды в сутки, и то на пять минут». Она, исполняя волю отца, на все согласилась и строго соблюдала предписания мужа, тем охотнее, что меланхолик Эраст жил в их доме, любил сидеть с нею у камина и читать ей французские романы. Иногда они плакали вместе, как дети, и скоро души их свыклись удивительным образом. Первые движения симпатии требуют откровенности: сердце в таком случае имеет всю догадку проникательного разума и знает, что искренность действует сильнее самых красноречивых уверений в дружбе. Каллиста свела подробности Эрастовой жизни, неизвестные и мужу ее, — и чудно: она слушала Эраста с живейшим удовольствием, а Леонид — с холодностию. Плата доверенности до доверенности, Каллиста жалавалась ему на равнодушные Леонидово и сказала однажды: «Я хотела бы узнать безрассудную

Нину, чтобы иметь понятие о женщине, которая не умела быть с вами счастливою!..» Но она уже и без слов объяснялась с Эрастом. Тронутая чувствительность имеет язык свой, которому все другие уступают в выразительности; и если глаза служат вообще зеркалом души, то чего не скажет ими женщина страстная? Всякая минута, всякое движение Каллисты доказывало, что Эрасту надлежало — удалиться! Он хотел себя обманывать, но не мог; ужасался быть любимым, но не переставал быть любезным; хотел навеки расстаться, но с утра до вечера видел Каллисту. Что ж делал между тем благоразумный Леонид? Занимался приказными делами. Однако ж холодные люди не слепцы — и бедному Эрасту в одно утро объявили, что он хозяин в Леонидовом доме!.. То есть флегматик наш без дальних сборов посадил жену в карету и благополучно уехал с нею из П*, написав следующую записку к другу: «Ты вечно будешь ребенком; а Каллиста — женщина. Знаю тебя и хочу спасти от упреков совести. Мне поручили кончить важное государственное дело за тысячу верст отсюда. Верный друг твой до гроба...» Читатели могут пощадить Эраста: угрызения совести довольно наказали его. Для нежного сердца все возможные бедствия ничто в сравнении с теми случаями, где оно должно упрекать себя. «Безрассудный! — думал он. — Я прельстил жену друга, который не хотел воспользоваться слабостию моей жены! Вот награда за добродетель! О стыд! Я смел не удивляться ей и думал, что сам могу поступить так же!..» К чести Эраста скажем, что он не досадовал на Леонида за разлуку свою с Каллистой.

Судьба послала ему утешение. Он сведал, что тесть Леонидов имел важное судное дело и, по всем вероятностям, должен был лишиться своего имени. Эраст тайно дал на себя вексель его сопернику в большой сумме с условием, чтобы он прекратил тяжбу миром. Сия великодушная жертва тем более ему нравилась, что и Леонид и Каллиста были вместе ее предметом; он не хотел любить, но позволял себе жалеть о слабой женщине, которая для него забыла должность свою!

Эраст искал рассеяния в путешествии, пленительном в те годы, когда свет еще нов для сердца; когда мы, в очарованиях надежды, только готовимся жить, действовать умом и наслаждаться чувствительностию; когда, одним словом, хотим запасаться приятными воспоминаниями для будущего и средствами нравиться людям. Но душа, изнуренная страстями, — душа, которая вкусила всю сладость и горечь жизни, — может ли еще быть любопытною? Что остается ей знать, когда она узнала опытом восторги и муки любви, прелесть славы и внутреннюю пустоту ее? — Эраст не имел удовольствия завидовать людям, ибо сердце его не хотело уже верить счастию.

Смотря на великолепные палаты, он мыслил: «Здесь плачут так же, как и в хижине», — вступая в храмы наук, говорил себе: «Здесь учат всему, кроме того, как найти благополучие в жизни», — смотря на молодого красавца, счастливого нежными улыбками прелестниц, думал: «Ты оплачешь свои победы». Эраст воображал, что сердце его, наконец, ожесточилось: так мыслят всегда люди чувствительные, натерпевшись довольно горя; но, слушая музыку нежную, он забывался, и грудь его орошалась слезами; видя бедного, хотел помогать ему и, встречая глазами взор какой-нибудь миловидной незнакомки, тайно от ума своего искал в нем ласкового приветствия. Эраст иногда писал и внутренне утешался мыслию, что зависть и вражда умирают с автором и что творения его найдут в потомстве одну справедливость и признательность; следственно, он все еще обманывал себя воображением: разве холодные души не удивляют нас жаром своим, когда они терзают память бедного Жан Жака?¹ Злословие есть наследственный грех людей: живые и мертвые равно бывают его предметом.

Эраст возвратился в отечество, чтобы не оставить костей своих в чужой земле: ибо здоровье его было в худом состоянии. Он пылал нетерпением видеть друга, но помнил вину свою и боялся его взоров. Леонид, уже знатный человек в государстве, обрадовался ему искренно и представил молодую красавицу, вторую жену свою. Каллисты не было уже на свете: супруг ее, еще не скинув траура, помолвил на другой и *ровно* через год обвенчался. Эраст не смел плакать в присутствии Леонида, но огорчился душевно: Каллиста была последним предметом его нежных слабостей!.. Друг обходился с ним ласково, но не предлагал ему жить в доме своем!

Эраст думал посвятить остаток жизни тихому уединению и литературе, но, к несчастию, ему отдали медальон с волосами Каллисты и письмо, которое она писала к нему за шесть дней до кончины своей. Он узнал, что Каллиста любила его страстно, нежно и постоянно, узнал, что сия любовь, противная добродетели, сократила самую жизнь ее. Бедный Эраст!.. Меланхолия его обратилась в отчаяние. Ах! Лучше сто раз быть обманутым неверными любовницами, нежели умереть от одной верной!.. В исступлении горести он всякий день ходил обливать слезами гроб Каллисты и терзать себя упреками; однако ж бывали минуты, в которые Эраст тайно наслаждался мыслию, что его хотя один раз в жизни любили пламенно!..

Он скоро занемог, но успел еще отдать половину своего имени Нине, сведав, что она терпит нужду. Сия женщина, наказанная судьбою за неверность и тронутая великодушием супруга, оскорбленного

ею, спешила упасть к ногам его. Эраст умер на ее руках, с любовию произнося имя Каллисты и Нины: *душа его примирилась с женщинами, но не с судьбою!*.. Леонид не ездил к больному, ибо медики объявили его болезнь заразительною; он не был и на погребении, говоря: «Бездушный труп уже не есть друг мой!..» Два человека погребли его и с искреннею горестию оплакали: Нина и добродушный камердинер Эрастов...

Леонид дожил до самой глубокой старости, наслаждаясь знатностию, богатством, здоровьем и спокойствием. Государь и государство уважали его заслуги, разум, трудолюбие и честность, но никто, кроме Эраста, не имел к нему искренней привязанности. Он делал много добра, но без всякого внутреннего удовольствия, а единственно для своей безопасности; не уважал людей, но берегся их; не искал удовольствий, но избегал огорчений; *несчастье* казалось ему наслаждением, а равнодушие талисманом мудрости. Если бы мы верили прехождению душ, то надлежало бы заключить, что душа его страдалась уже в каком-нибудь первобытном состоянии и хотела единственно отдыхать в образе Леонида. Он лишился супруги и детей, но, воображая, что горесть бесполезна, старался забыть их. — Любимую его мыслию было, что здесь все для человека, а человек только для самого себя. При конце жизни Леонид согласился бы снова начать ее, но не желал того: ибо стыдился желать невозможного. Он умер без надежды и страха, как обыкновенно засыпал всякий вечер.

1803

¹ Имеется в виду Жан Жак Руссо.

Владислав Александрович Озеров

Эдип в Афинах

Действие второе

Театр представляет кипарисную рощу; в стороне храм Эвменид¹.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эдип и Антигона.

Эдип. Постой!.. дочь нежная преступного отца,
Опора слабая несчастного слепца!
Печаль и бедствия всех сил меня лишили.

Антигона. Здесь камень вижу я; над ним древа склонили
Густую сень свою: ты отдохни на нем.

Эдип (*севши на камень*). Спокойно я мой век на камне кончу
сем.

Антигона. Ужасною тоской твои все мысли полны.

Эдип. Увы, как в бурный день свирепы гонят волны
И отвергает брег обломки корабля,
Так небом и землей гонима жизнь моя!

Антигона. Каким мечтанием смущаешь дух унылый!

Эдип. Ах, я Эдип!

Антигона. Увы, ты с большей прежде силой
Несправедливый гнев судьбы своей сносил!

Эдип. Печальну жизнь влачить недостает мне сил.
Слепец, чтоб слезы лить, остались мне очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нет, никогда уже мой не увидит взор
Ни красоты долин, ни возвышенных гор,
Ни в вешний день лесов зеленая одежды,
Ни с жатвою полей, оратаев² надежды,
Ни мужа кроткого приятного чела,
Которого богов рука произвела;
Сокрылись от меня все прелести природы.
При имени моем все восстанут народы:
Как язва лютая отвсюду я гоним!

¹ Эвмениды (Эринии) — в греческой мифологии богини мщения.

² Оратай (*устар.*) — пахарь.

Антигона. Мы здесь убежище найдем бедам своим.

Эдип. С какой жестокостью сыны меня изгнали!

Антигона. Почто возобновлять прошедшие печали?

Эдип. Я их любил...

Антигона. Увы, забудь, забудь о них
И вспоминаньем ран не растравляй своих!

Эдип. Предвижу их беды: тщеславия развратом
Влекомый, Полиник не будет в мире с братом...
На злость, на пагубу детей извел я в свет!

Антигона. Ужели пред тобой и я виновна?

Эдип. Нет;
Ты утешенье мне, любезна Антигона,
Против гонения одна мне оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Сан светлый, царский двор и юности забавы:
Одно нам рубище¹ от всей осталось славы.

Антигона. Ах! Не жалею я о пышной славе той;
Горжусь сим рубищем, моею нищетой;
Предпочитаю их сиянию короны.
Твоей опорой быть: вот счастье Антигоны,
Вот титул славное, превыше титулов всех!
Спокойствие твоё дороже мне утех.
Увы, родитель мой, гоним людьми, судьбою,
Без помощи моей что б сделалось с тобою!
Ты древнюю главу к кому бы преклонил?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронил?
Прохлады в жаркий день в моей ты ищешь тени;
Я сяду, ты главу мне склонишь на колени;
Среди густых лесов, в жестокость бурных зим
Ты согрвасм мной, дыханием моим.
Ах, свет, забывший нас, взаимно мы забудем,
И утешением один другому будем!
Ко мне ты проливай свою сердечну боль,
Но мне защитой твоею быть дозволю!
Не позавидую в моей тогда я доле
И братьев участи, сидящих на престоле.

1804

¹ Рубище — нищенское одеяние, лохмотья.

Фингал

(Владыка Морвена Фингал победил локлинского царя Старна, убил в сражении его сына Тоскара, а самого Старна взял в плен. После войны Старн получил свободу, но решил жестоко отомстить Фингалу. Дочь Старна Моина и Фингал страстно полюбили друг друга. Старн решает этим воспользоваться для мести: он отвечает согласием на сватовство Фингала, и тот прибывает в Локлин для совершения брака. Трагедия начинается хором бардов и девушек, прославляющих могущество красоты, которая побеждает даже героев и воинов. Старн принимает Фингала, пылающего любовью к Моине, и ставит лишь одно условие: брак должен быть заключен в храме Одина. Хотя Фингал христианин, а не язычник, из любви к Моине он согласен исполнить волю ее отца.)

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Фингал. О, небо, доверши блаженство дней моих!
Моина, повтори приятность слов твоих!
Скажи, что моему ты не противясь счастьем,
Не оскорбляешься моею нежной страстью,
Что ты довольна ей, что мил тебе Фингал!
Когда бы знала ты, как много я страдал
Со дня, как в первый раз твои красы увидел!..
Дотоле, мыслью дик, любовью я ненавидел,
Считал ее мечтой и слабостью умов:
Как стужа наших зим был дух во мне суров.
Твой взор переменял нрав дикий и суровый:
Он дал мне новую жизнь, дал сердцу чувства новы
И, огонь, палящий огонь, пролив в моей крови,
Мне дал почувствовать страдания любви,
Уныние, тоску, отчаянье разлуки,
И страх немым быть, и ревности все муки.
Не утолялся огонь в прохладности ночей,
И сон не мог тебя скрыть от моих очей.
Сей голос, коим ты со мною говорила,
Твой тихий, светлый взгляд, твоя улыбка мила,
Твое дыхание и легкий шум шагов,
Как вешний ветерок, журчащий меж листов,
И все, что ты, плена мое воображеньем,

Моина.

В разлуке множило любовное мученье,
Как ныне все, что ты, Фингала веселит.
Пусть счастье мое Моина подтвердит!
В пустынной тишине, в лесах, среди свободы,
Мы возрастаем здесь, как дочери природы,
И столько ж искренни, сколь искренна она.
Итак, о государь, открыть тебе должна,
Что с первого тебя я полюбила взгляда.
К герою страсть души высокая отрада:
Гордясь чувством сим и радуясь ему,
Призналась в том отцу, народу и всему,
Что в отческой стране чувствительность имеет.
И праху матери, который в гробе тлеет,
Природе, словом, всей известна страсть моя,
О коей небесам сказать готова я.
Поверь, Моина здесь не менее Фингала
Терзалась мыслию, разлукою страдала.
Как часто с берегов или с высоких гор,
Я в море синее свой простирала взор!
Там каждый вал вдали мне пеною своею
Казался парусом, надеждою моею,
Но, тяжело опустясь к глубокому песку,
По сердцу разливал мне мрачную тоску.
Как часто в темну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я к морю приходила!
Внимая шуму волн, биющихся о брег,
Мечтала слышать в нем твой быстрый в море бег.
Ты прибыл наконец, Фингал, перед Моиною:
Забывши грусть, любви я предаюсь единой.
Не столько звуки арф в вечерний тихий час
Приятны при заре, сколь твой приятен глас.
Сколь каждую речь твою я нахожу прелестну,
Песущу радость мне, дотоле неизвестну!
Но я, блаженствуя в моей теперь судьбе,
Не знаю, чем и как воздать могу тебе,
Которой должен я толикою отрадой.
Моина. Люби лишь, может быть одна любовь наградою <...>

Фингал.

Когда Фингал и Моина приходят в храм, Верховный жрец, полученный Старном, заявляет, что ему было видение: тень убитого Тоскара требует, чтобы Фингал почтил его память на могильном холме и совершил тризну, иначе брака заключить нельзя. Фингал вступает в спор со жрецом, но поддается уговорам Моины и Старна.

Действие третье

Театр представляет дикий лес с рассеянными камнями, посреди — холм, под коим погребен Тоскар. Гробница, по обычаю, означена четырьмя большими камнями по углам; на холме посажено дерево, на котором висит щит, меч и стрелы погребенного царевича; у древа жертвенник воздвигнут из камней; в отдалении видно море и на берегу одного храм Одена¹.

Хор бардов. Надежда бывшая сих стран,
От нас взятый судьбою гневной!
Ты был своим народам дан,
Как в месяц зимний луч полдневный.
Блеснув на час, ты вдруг исчез
И стал предметом наших слез. <...>

Во мраке туч как грозный гром,
Ты не носись в странах воздушных;
Но преселись во горный² дом
Твоих отцов великодушных,
Сидящих в радужных кругах
С спокойствием светлым на челах³.

Фингал. Нет, глазам никогда надгробным я не внесмлю,
Чтоб мысль не возвращал в отеческую землю,
Где возвышенный ряд родительских могил
Служил источником моих душевных сил;
Где часто при заре, над молчаливым холмом,
Под облачной грядой, беседовал я с сонмом⁴
Почиющих отцов... Казалось, глас взывал,
Который мужество мне в чувство проливал.
Унылы высоты теперь остались холмны,
И тени в облаках печальны и безмолвны,
С вечерней тишиной, при уклонении дня,
По холмам странствуют, искав вотще меня.
Я удалился вас, от оных мест священных,
За волны шумные, в страну иноплеменных,
Куда меня влекла могущая любовь.
Но вы не сетуйте: она и вашу кровь
В веселый возраст дней, как огонь,
воспламеняла;

¹ Оден (Один) — верховный бог у древних скандинавов.

² Горный (церк.-слав.) — вышний, небесный.

³ Чело (устар.) — лоб.

⁴ Сонм — собрание.

Улыбка красоты и вас равно пленяла.
Вы были счастливы; но я!.. (*Впадает в задумчивость.*)

Старн (*тихо Колле*). Еще ли ждать?
В нем дух упыл: нам знак не в сей ли час
подать?

Колла. Доколе, государь, свой меч Фингал имеет,
Противустать никто из воинов не смеет.

Старн (*Колле*). Я способы найду его меча лишить.
(*К Фингалу*.) Не время ли, Фингал, нам к играм
приступить,
Почтить сражением умершего героя?
Отборны воины готовы здесь для боя.
Но, чтобы большее в них мужество возжечь,
Наградой лестною им предложи свой меч.
Потщатся воины быть одного достойны.
Над гробом храброго сражения пристойны;
Отрадою и в жизнь их почитал твой сын.
Я победителям не только меч один,
Но и мой звучный рог наградой предлагаю:
Познай, о Старн, как прах Тоскара почитаю.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Прежние и восемнадцать воинов Старновых во всеоружии выходят из-за холма и, проходя мимо могилы Тоскаровой, преклоняют оружие. Между ними идет Карилл. Потом изображают они сражение, в котором Карилл и другой воин, оставшись победителями над прочими, сражаются между собою. Карилл обезоруживает своего противника, и оба являются пред Старна, который подводит их к Фингалу для получения предложенного награждения.

Старн. Фингал! как судия, как славный сам боец,
Ты награди теперь отважность их сердец.
Сему принадлежит твой рог далекозвучный,
А сей, пред прочими в бою благополучный,
Пусть примет славный меч от рук, Фингал,
твоих.

Фингал (*воину, отдавая свой рог*). Прими мой рог... всегда
он воинов моих
К сраженьям призывал, их призывал ко славе.
(*К Кариллу*.) А ты, искуснейший из всех, который вправде

Носить Фингалов меч... Что вижу я? Карилл!
 Ты ль мужеством в бою награду заслужил?
 В отважности твоей уверен был и прежде.
 Вот меч: ответствуй ты всегда моей надежде!
 Но ты колеблешься и не берешь его;
 Смущенье на челе зрю духа твоего...
 Что значит то?

Старн *(поспешно берет Фингалов меч. К Кариллу)*.
 Почто безмолвным остаешься?
 Иль недостойным ты награды признаешься?

(Вполголоса.) Прими, беги и скрой страх слабыя души.
(К Фингалу.) Иди, Фингал, на холм и тризну доверши.

Фингал восходит на холм и берет чашу, поставленную на жертвеннике. В сие самое время ударяют в щит.

Фингал. Я слышу браней глас!
 Старн. И смерть тебе, злодею!
 Воины *(устремляются к холму)*. Умри, Фингал!
 Фингал *(бросая чашу)*. И я оружия не имею!
(Увидев висящий на дереве меч, срывает оный.)
 Тоскаров вижу меч, защитою мне будь!

Старн *(остановившимся воинам)*. Чего робеете? врага пронзите грудь!

Фингал. Лишь шаг, и будет Старн моею первой жертвой.

Старн. Не бойтесь угроз: пушай паду я мертвый,
 Лишь кровию его спокойте сына прах.

Фингал. Кто смеет приступить?
 Воины *(устремляются еще раз)*. Умри!

Старн. Разитесь!

Колла. Страх!

Фингала воинов сюда ведет Моина.
 Воины удаляются к стороне Старна.

Старн. О ярость! не могу я отомстить за сына!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Прежние, Моина, Уллин, воины Фингала.

Фингал. Моина! пыле жизнь твоей любви мне дар!
 Моина. О радость! я могла тот отклонить удар,

Который наднесла невольно на Фингала:
 Тебя, на холм послав, на смерть я посылала.
 Но если счастливо спасен ты ныне мной,
 Останется ль отец виновным пред тобой?

Фингал. Достойн твой отец... но не окончу слова.
 Взирай! страдает как его душа сурова!
 Но не раскаяньем сия душа полна:
 Отмщеньем, злобою терзается она.

Старн. Ты наконец познал мои сердечны чувства!
 Фингал. Познай и ты тщету коварного искусства.
 В расставленну мне сеть ты сам, о Старн,
 упал,
 И, саном возвышен, ты сердцем столько мал,
 Что пыле жизнь твоя от рук моих зависит.

Старн. Здесь жизнь... от рук твоих?.. Фингал легко то мыслит.

Фингал. Моими войсками отвсюду окружен,
 По слову одному ты можешь быть сражен,
 И ты, и ратники, служители лукавства,
 И казнь в сей день принять, достойную коварства.

По справедливости измену наказав,
 Пред всей твоей страной, пред светом буду прав.

Но безоружного разит один бесчестный:
 С моими мыслями поступок несовместный!
 Сколь сердцу Старнову всегда приятна месть,
 Мне столько же всегда священна будет честь.
 Обиды от врагов свирепый отомщает,
 Дух кроткий их простит, великий забывает.
 Ты мстил, забуду я, вот разность между нас!
 Ты пленником моим уже один был раз;
 Теперь в моих руках, но будь опять свободен!
 Мир искренний со мной когда тебе не сроден,
 Позволь ты дочери моей супругой быть,
 И с нею поспешу от сей земли отплыть.

Моина. Как можешь речь к отцу толь обращать жестоку?

Фингал. Быть твердым надлежит, как говоришь пороку.

Старн *(по некотором молчании)*. Сердечны чувства и мой свирепый нрав
 В сей самый день, Фингал, в несчастный день познав,

Ты хочешь, чтоб я дочь тебе вручил супругой;
Ты можешь требовать? Скажи, какой заслугой?
Что право подает? или мой плен, позор?
Иль, лучше на сей холм ты обрати свой взор,
На холм, воздвигнутый тобой сраженну сыну,
Союза объяви мне право и причину.
Печаль мою, и прав, и мщение порочь
И докажи отцу, что должен ныне дочь
На самом холме сем, над прахом здесь

сыновным,
Тебе в супруги дать согласиём виновным.
Нет, нет, Фингал! меж нас несбыточен союз.
Отмщение!.. других мне нет с тобою уз.
Мне брак предложом был, по смерти твоей

желаньем;
Дарить тебя хотел не дочерью — страданьем.
Не храм, готовил гроб; не брачных свет огней,
Но блеск, но грозный блеск убийственных

мечей.
Хотел, чтобы погиб ты смертию бесчестной,
И не моею рукой, рукою неизвестной;
Дабы к страданию по смерти ты возлег
На тучи хладные, носящи град и снег;
Хотел тебе принести в те смертные минуты
Все долговременны мои мученья люты.
Оден, судьба и дочь — мне изменило все:
Не изменит теперь отчаянье мое.
(Вынимает из пояса кинжал и стремится на Фингала.)

Моина (приметившая движение его руки, бросается спасти Фингала).

Что делаешь, отец?

Старн. Еле ль останавливаешь?

(Поражает ее кинжалом.) Несчастная, умри,
коль долгу изменяешь!
И пусть со мною здесь погибнет весь мой род!
(Закалается.)

Фингал (хочет устремиться на Старна, и воины Фингала за ним также устремляются). Злодей!

Моина. Постой, Фингал! остановись, народ!
Мой горестный отец сам ныне гнева жертва.
(К Фингалу) О радость! за тебя я упадоу
мертва.

Фингал. Увы! она прешла!.. Неистовый отец!
Старн. Ты страждешь горестью! Итак, я наконец
Доволен... отомщен... и счастлив умираю...

Колла относит его на камень.

Фингал. Моины нет! увы! я с нею все теряю.
О злополучие! о горестный удар!
И я живу еще?.. И жизнь, Моины дар,
Сей дар несчастный мне виной ее кончины!
И я живу еще? жить должен без Моины!
И всякий день в мечтах ее я буду звать;
И будет всякий день мне сердце отвечать,
Что я лишен ее, остался на мученье.
Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней

теченье,

Когда к страданию даны мне грустные дни?

Прерву... (Вырывает из рук Уллина меч и хочет заколоться.)

Уллин (останавливает руку Фингала). Фингал! тебе ль принадлежат они?

Ты царь, с народами священным узлом связан:
Для подданных твоих ты жизнь хранить обязан.

Фингал. Рассудка, должности днесь гласу ты внемли.
Увы! жестокий долг! мой друг, из сей земли
Ты извлеки меня, из сей земли плачевной;
Но, в облегчение моей тоски душевной
(указывая на тело Моины)

Возьми ты сей предмет, чтобы я каждый день
Из гроба воззывал Моины легку тень.

В отчаянии упадет к Уллину, воины подходят к телу Моины; занавес опускается.

1805

Иван Андреевич Крылов

Подщипа, или Трумф

Шутотрагедия в двух действиях, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Вакула.
Царевна Подщипа, его дочь.
Трумф, немецкий принц.
Слюняй, князь, жених Подщипы.
Дурдуран, гофмаршал¹ двора царя Вакулы.
Чернавка, наперсница² Подщипы.
Паж царя Вакулы.
Цыганка.
Бояре, члены совета царя Вакулы.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ I

Подщипа и Чернавка.

Чернавка. Престанете ль, княжна, крушиться столько вы
И молодость губить?
Подщипа. Увы! увь!! увь!!!
Чернавка. Ах, сжальтесь над собой! и так уж вы, как
спичка,
И с горя в неглиже, одеты, как чумичка:
Не умываетесь, я чаю, дней вы шесть,
Не чешетесь, ни пить не просите, ни есть.
Склонитесь наконец меня, княжна, послушать:
Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

¹ Гофмаршал — придворный, отвечающий за церемонии и довольство двора.

² Наперсница — подруга.

Подщипа. Чернавка милая! петиту¹ нет совсем;
Ну что за прибыль есть, коль я без вкуса ем?
Сегодня поутру, и то совсем без смаку,
Насилу съесть могла с сегом я кулебяку.
Ах! в горести моей до пищи ль мне теперь!
Ломает грусть меня, как агнца² лютый зверь.
Чернавка. Лишь меру надо знать. Увы! и я не спорю,
Что много есть для вас причин законных к горю
С тех пор, как Трумф немчин, красой твоей пленясь,
Проклятых свах заслал, и, за отказ взбесясь,
А более за то, что любишь ты Слюняя,
Вошел войною к нам, все грабя и пленяя;
Премудрый твой отец, Вакула, светлый царь,
В Сенате будучи, спускал тогда кубарь³,
Когда о близкой толь беде ему сказали.
Все меры приняты: указом приказали,
Чтоб шить на армию фуфайки, сапоги
И чтоб пекли скорей к походу пироги.
По лавкам тот же час за тактикой послали,
Намазали тупей, подкоски подвязали⁴,
Из старых скатертей наделали знамен,
И целый был постав⁵ блинами завален.
Но ах! уж поздно все! Трумф под город пробрался,
Как вихрь в полях взвился и в город он ворвался.
Ах! сколько видела тогда я с нами бед!
У нас из-под носу сожрал он наш обед,
Повыбил окна все; из наших генералов
Поделал он себе конюших да капралов⁶,
По бешеным домам министров рассадил,
Всем графам да князьям затылки подобрал⁷,
И ах! — как не пришиб его тогда святой Никола! —
Он бедного царя пинком спихнул с престола.

¹ Петит (*простопа*) — аппетит.

² Агнец (*церк.-слав.*) — ягненок.

³ Кубарь — шар или волчок, подгоняемый плетью, — распространенная простонародная забава.

⁴ При императоре Павле Первом военные носили парик с косою и тупеем (зачесом спереди, вроде хохла) или пудрили собственные волосы и укладывали их в соответствующую прическу.

⁵ Постав (поставец) — походный ящик.

⁶ Капрал — унтер-офицерский чин.

⁷ То есть забрал графов и князей в армию.

Что делать в крайности и гибели такой?
Вакула, наконец, спастись хотел тобой
И немцу вдруг твою он руку предлагает.
Любовь и зверские сердца преодолают!
Согласен Трумф за то корону возратить,
И к свадьбе пиво он скорей велел варить.
П о д щ и п а. А бедный князь Слоняй, с его жестокой страстью,
Колико поражен такую стал напастью!
Увы! из детских я к нему привыкла лет,
И с ним заветного у нас друг другу нет.
Как вспомнить я могу без слез его все ласки,
Щипки, пинки, рывки и самые потаски!
Делили все мы с ним забавы меж собой:
Катанья в Маслену, качели о Святой!¹
Друг без друга, увы! мы в жмурки не играли
И вместе огурцы по огородам крали...
А ныне, ах! за весь его любовный жар
Готовится ему несносный столь удар!!!
Ч е р н а в к а. Не спорю, что его опасно то здоровью:
Как резом в животе, он мучится любовью;
Но если спасти должна ты царство и отца,
Княжна! поступком сим ты все пленишь сердца,
И скажут все, что ты героев всех не ниже.
П о д щ и п а. Да, да, рассказывай: рубашка к телу ближе.

ЯВЛЕНИЕ II

Т е ж е и Дурдуран (с капдуном в руках).
Дурдуран (кланяясь низко).
Княжна! родительский узнай к тебе приказ,
И будь готова ты венчаться через час.
Сейчас лишь каплуна я сам купил на рынке
И нанял на вечер гудок² да две волюнки.
П о д щ и п а. Что слышу!.. ой, умру!.. ой, тошно!.. ой, живот!..
Ч е р н а в к а. Страшусь, она себя с печали надорвет!
Дурдуран. Я знаю всей ее великой жертвы цену...
(К Чернавке.) Понюхать бы дала царевне ты хоть
хрену.

¹ На Масленицу (восьмая неделя до Пасхи, последняя перед постом) устраивали катания в санях, на Святой (пасхальной) неделе ставили качели.

² Гудок — простонародный музыкальный инструмент, вроде скрипки.

Ч е р н а в к а. О бедная княжна! злосчастная любовь!
Хотя б рожечную скорей пустить ей кровь.
Дурдуран (ощупывая княжну).
Смотри: копна копной, не можно с места сдвинуть.
Не лучше ль на живот горшка ей два накинута!¹
П о д щ и п а (несколько опаматовавшись).
Где я?.. Скажите мне: теперя ночь или день?
Ч е р н а в к а. Царевна! что у вас?
П о д щ и п а. Ваперы да мигрень².
Дурдуран. Скрепитесь, о княжна! и давши Трумфу руку...
П о д щ и п а. Нет, нет! Не вытерплю такую злую муку!
Зарежусь, утоплюсь...
Ч е р н а в к а. Опомнитесь, княжна!
(Дурдурану.) Ну, если впопалну утопитесь она?
Дурдуран. Царь все предвидел то и, страхом отчим движим,
Велел ей пузыри носить на место фижем³,
Чтоб, если кинется в реку, наверх ей всплыть;
А за столом велел лишь жеваным кормить,
Да чтоб, спустя чулки, ходила без подвязок...
Но пропадайте вы! Мне с вами не до сказок! <...>
(Уходит.)
П о д щ и п а. Не сон ли это все? — Не брежу ль я?..
Ч е р н а в к а. Ах, нет! Но укрепись, княжна! се твой жених грядет!⁴
П о д щ и п а (встаивая).
О царский сан! ты мне противней горькой редьки!
Почто, увы! не дочь коношного я Федьки!

ЯВЛЕНИЕ III

Т е ж е и Трумф.
Трумф. Старофа ль, анкель мой! прелесна мой княшон!⁵
Для плапалушна шас, кохта мой путешь шон,
Мой ноши весь не спит, и серса полна смотся;
Прелесна тфой фикур на мой туша шифется.
Курит ли трупка мой, — из трупка тфой пихтишь.

¹ Имеется в виду вид кровопускания. Горшки — банки, которые активно применяли в старинной медицине, вытягивающие рожечную (идущую из-под рожка банки) кровь.

² Ваперы (фр. пары) — истерика, меланхолия. Модные на тот момент болезни.

³ Фижмы — каркас из китового уса, применявшийся для придания пышности юбкам.

⁴ Иронически употребленная цитата из Евангелия.

⁵ Речь Трумфа имитирует немецкий акцент, вместо глухих согласных часто надо подставлять звонкие.

Или мой кафе пил, — тфой в шашешка сидишь;
 Фезте мой фидит тфой — на поля и на пупка,
 И кочет auf ein Mal¹ уфидеть на патушка,
 Корона, скиптра, трон и слафа растелить,
 И фместе на слатей из пушешка палить.

П о д щ и п а. Конечно, государь! мне много б было славы!
 Но вспомни, что у нас совсем различны нравы:
 Ты любишь устрицы, а я их не терплю;
 Противны сочни² вам, а я их смерть люблю;
 Привык ты на войне сносить и жар и холод,
 И к пище всякой там тебя привадит голод;
 А я лишь выборный люблю везде кусок:
 Петушки гребешки, у курочки пупок.
 Ты всяку дрянн рад есть, находишь вкус в лягушках,
 А я у матушки взросла лишь на ватрушках;
 Ты храбр, но с нежностью и вкусом не знаком,
 И за версту, о князь, воняешь табаком.
 Помысли ж, каково мне быть твоей женою,
 Подумай, — государь, — и сжался надо мною.

Т р у м ф. Фай! Што тут шалиться? нам путет пить утешна,
 Кохта на цепки нас Амур сафяшет фешна:
 Из крушешка отна мы путем пифа пиль,
 Из трупешка отна тапах с тапой куриль;
 Не путет мала тфой ни домик, ни палатка,
 Ни платьиса пахат, ни санка, ни лошатка:
 Все это путит дал. Не тушь, mein Herz³, не тушь!
 Шесна пароль⁴ тепе: мой путет топра муш.

П о д щ и п а. Нет, нет, о государь! не льсти себя напрасно!
 Боюсь, с тобою мне супружество ужасно!

Т р у м ф. Паись со мной? кафо? — На всех стреляй фелит!
 Не пось, не там тепе, красафис мой, ф опит;
 На карнафаль к тепе подсушьс я лишь тетинка,
 Мой псарь тотшас тафай он фухтеля⁵ на спинка.
 Мой стелай, чтоп нихто на твой не смел клядить,
 И в спальна сарска к нам нихто не смей кадить:
 Ни графа, ни министр, ни сама генерала,
 Отна фельдфебель мой und⁶ два иль три капрала.

¹ Однажды (нем.).

² Сочень — пресная лепешка с начинкой.

³ Сердце мое! (нем.)

⁴ Пароль (фр.) — слово.

⁵ Фухтель — палочный удар.

⁶ И (нем.).

П о д щ и п а. Я музыку люблю.
 Т р у м ф. О мусык слафна наш!
 На кларинет тепе икрай я путет марш;
 Тва тонка флейтошка та тольста тва тимпана,
 Симфонья на опет нам стелай с парапана.

П о д щ и п а. До танцев страстна я.
 Т р у м ф. Мой путет бал тафал,
 И станет пил тафо, кто не буль тансофал.
 Мой люпит фесел шить: скакать, плясать,
 ресфиться;
 И палькой на дворца сконяит веселиться.

П о д щ и п а. Я не люблю тебя, мне вид противен твой!
 Т р у м ф. Не люпишь?.. Этофа стерпель не мошна мой!
 Противна Трумф?.. фай, фай! Такая паруканья
 Тастойна саслупить тешола накасання <...>
 Рукаться на мене!.. Не там тепе поташка;
 Коль быль не хочешь шон, так мой ты путешь
 прашка!

П о д щ и п а. Тиран! Не устраишь ты сердце тем мое:
 В моем несчастье мне сноснее мыть белье,
 Когда бы только князь Слюняй носил мне воду,
 Чем быть супругою столь скверному уроду.

Т р у м ф. Der Teufel!..¹ я урот?.. Стерпел нет больше мошь!
 Ну фот заплат са фесь моя люповь!.. Карош!
 Мольши! на корот стесь не путет шиф ни мушка,
 Сейшас пошел фелеть на фсех стреляй из пушка.
 (Уходит.)

П о д щ и п а. Ступай, тиран! твоих я ядер не боюсь,
 О князе бедном лишь своим слезами льюсь!

ЯВЛЕНИЕ IV

П о д щ и п а, Чернавка и Слюняй.
 С л ю н я й (крадется тихонько из-за кулис).
 Князьня! Усой-и он? Ну, бьят, какой сейдитой!²
 Он съядит хоть бы с кем, хоть с куцейем Никитой.
 Пьссстная! Как я бояйся за тсбя,
 Уз так за двейню там езом я сзай себя.

¹ Черт! (нем.)

² Речь Слюняя имитирует детскую речь, выступая при этом пародией на шегольское произношение: шипящие звуки заменяются свистящими, а «р» и «л» пропускаются.

Ну так и думаю: убьет ее до смейти.
 Подщипа. Насию побьяти его отсюда цейти!
 Слюняй. Что б сделал ты, мой князь?
 Ну, так бы и завый!
 Подщипа. Без миенькой князны куда б я годен бый?
 Слюняй. Ужели б сим мечом ты не сразил злодея?
 Скажи, любезный князь, утешь меня скорее!
 Слюняй. Да, да! Подсеунся-ка к сго ты паясу!
 Ведь деевяннуу я спагу-то носу.
 Чернавка. Возможно ль, государь?
 Слюняй. А как бы ты хотел?
 Мне матуска носить зеезной не веся.
 Чернавка. Но если, князь, на вас напасть дерзнул бы кто...
 Подщипа. Скажи, чем спасся б ты?
 Слюняй. А ноги-то на сто?
 Подщипа. Небось, как дам стьецка, так поминай как зван!
 Слюняй. Увы, любезный князь! С тобою мы пропали.
 Ой! Как мне быть, как ты с дьогим пойдешь к венцу!
 Я так юбью тебя... ну пусце еденцу.
 Ты знаесь, мияя, мойей веикость стьясти;
 Подумай, как бы нам спастися от напасти.
 Кой выйдешь за него, — не быть со мной добыю.
 Подщипа. От нажимации² одной лишь я умру.
 Чернавка милая! бсги, беги скорсе —
 Сказать родителю, что жизнь мне смерти злее,
 Когда с Слюняем я любезным разлучусь,
 Что вечно Трумфовой я быть не соллашусь <...>
 Беги, беги к нему!
 Чернавка. Бегу, но все напрасно! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, кроме Чернавки.
 Подщипа. Так, так! напрасно все! И я то вижу ясно.
 Но есть еще одно прибежище у нас,
 И смерть от хищника спасет нас сей же час.
 Скажи, мой князь, в любви ты мне не лицемеришь?
 Слюняй. Хоть пьисягнуть готов! Узьи ты мне не веишь?
 Подщипа. Готов ли вместе ты со мною умереть?

¹ Палаш — вид шпаги.

² То есть от воображения (*фр.* «imagination»).

Слюняй. Позяюй!
 Подщипа. Вместе нам приятна будет смерть.
 Пойдем же, бросимся сейчас стремглав в окошко
 И слолим головы. (*Тацит его за руку.*)
 Слюняй. Постой, постой немносько!
 Отсей вить высоко. Позяюй бесюсь я,
 Но тойко, знаесь сто: из низнего зийя¹.
 Подщипа. Я вижу: смерти род такой тебе ужасен.
 Но менее ль, скажи, злодей для нас опасен?
 Ведь умирать же нам. А может, нас убьют.
 Пойдем же, бросимся с тобою вместе в пруд,
 И Трумфу нашему тем досадим злодею.
 Слюняй. Позяюй, — тойко я вить пьивать не умею.
 Подщипа. Жестокий! Робостью ты бед моих не множь!
 Ну, хочешь ли: вот я украла в кухне нож...
 Зарежемся!.. Мы тем от бед себя избавим,
 И наши имена навек с тобой прославим!
 Слюняй. Извой.
 Подщипа. (*подавая ему нож*). Начни ж.
 Слюняй. Гьяди.
 Подщипа. Увы! я вся дрожу!
 Слюняй. (*отдавая нож*). Князна! Засеься ты, я пьезде погьяжу.
 Подщипа. О варвар! Так-то ты в любви своей мне клялся?
 Где нежность вся твоя? Где пламень твой девался?
 Прочь, прочь! Я более тебя уж не люблю,
 И виду твоего, Слюнявий, не терплю!
 Прощай!.. быть нежным ввек ты счастья не вкусишь.
 Прямой Слюняй, когда зарезаться ты трусишь.
 (*Уходит.*)

(Царь Вакула собрал совет, чтобы решить, как противостоять Трумфу. Во время заседания царь велел приготовить к игре кубарь.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Вакула (*встает и подходит к одному из вельмож*).
 Ну что ж, придумал ты, мой дорогой Совет?
 А, слышь, и в помощи нам недостатка нет.
 (*Подает бумагу.*) Прочти, какую нам сосед дает
 подмогу.
 Не без кумов-то ведь и я здесь, слава Богу!
 Ну что ж? Прочел ли ты?

¹ Жилье (*устар.*) — этаж.

Дурдуран *(привстает)*. Он слеп, о государь!

Вакула. Так, слышь ты, не прочтет...

Паж. Прикажете ль кубарь?

Вакула. Тотчас, слышь. *(Подходит ко второму.)*
Ну, так ты скажи свое, слышь, мне

И докажи свое и знание и умение.
С чего бы заговор нам лучше свой начать,
Уменьшко произвесть и славно окончать?
Ну, что ж ты думаешь? Скажи хотя мне слово.

Дурдуран *(привстает)*. Он нем, о государь!

Вакула. Ну, вот тебе здорово!
(Подходит к третьему.)
Скажи же ты хотя, как горю пособить.
А я, ну, право, слышь, не знаю, как мне быть.
Эх, слышь! Ну что ж ты стал?.. *(Толкает его в бок.)*

Дурдуран *(привстает)*. Он, государь, не слышит!

Вакула *(к четвертому)*. Хоть ты!

Дурдуран *(привстает)*. За старостью, о царь, едва он дышит!

Паж. А у меня кубарь готов, навит совсем.

Вакула. Ну, ладно же, так мы в столовую пойдем.
(К Совету.) Вы, слышьте, вздумайте, да не сходя
со стула.
А я, знашь, подмахну вам тотчас: царь Вакула.
(Уходит с пажом.)

Дурдуран. Молчите ж, ни гу-гу! И думать мы начнем;
А что придумаем, царю то донесем.

(Один после другого начинают зевать и дремать. Все засыпают и храпят.)
(Занавес опускается.)

(Совет постановил спросить совета у цыганки. Цыганка гадала царю, Поддипле и ворвавшемуся в ярости Трумфу, получает ото всех деньги и всем сулит удачу. Трумф запугивает князя Слюня и требует, чтобы тот не только отрекся от Поддипы, но и уговорил ее выйти за Трумфа. Князь, обезумевший от ужаса перед спрятавшимся Трумфом, пытается склонить возлюбленную к браку с тираном, но безуспешно. Едва разъяренный Трумф набросился на непокорных любовников, явились царь, Дурдуран и цыганка и сообщили, что вражеское войско побеждено: цыганка подсыпала солдатам табак (для чихания) и слабительного, вся армия стала недееспособной. Трумф арестован, а Поддипа и Слюня отправляются к венцу. Свадьба откладывается лишь потому, что жених должен переменить белье, испорченное в минуты испуга.)

Часть вторая

КРИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Николай Иванович Новиков¹

Опыт исторического словаря о российских писателях (отрывки)

Ломоносов Михайло Васильевич <...> Сей муж был великого разума, высокого духа и глубокого учения. Сколь отменна была его охота к наукам и ко всем человечеству полезным знаниям, столь мужественно и вступил он в путь к достижению желаемого им предмета. Стремление преодолевать все случавшиеся ему в том препятствия награждено было благополучным успехом. Бодрость и твердость его духа сказывались во всех его предприятиях; начав учиться иностранным языкам в таких уже летах, в коих многие за невозможность почитать в них упражняться, достиг он до великого совершенства. На немецком языке писал и говорил как почти на своем природном; латинский знал очень хорошо и писал на нем; французский и греческий разумел не худо; а в знании российского языка, яко его природного и им много вычищенного и обогащенного, почитался он в свое время в числе первых. Слог его был великолепен, чист, тверд, громок и приятен. Предприимчивость, сколь часто бывает в других пороком, столь многократно ему приобретала похвалу. Он упражнялся во всех философических и словесных науках, в химии с ее разными частями; а особливо прилежал к физике экспериментальной, которую и перевел на российский язык; в механике и в истории нашего отечества. Стихотворство и красноречие с превосходными познаниями правил и красоты российского языка столь великую принесли ему похвалу не только в России, но и в иностранных областях, что он почитается в числе наилучших лириков и ораторов. Его похвальные оды, надписи, поэма «Петр Великий» и похвальные слова принесли ему всемирную славу. Прав имел он веселый, говорил коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять острые шутки; отечеству и друзьям своим был верен, покровительствовал упражняющимся во словесных науках и ободрял их; во обхождении был по большей части ласков, к искателям его милости щедр, но при всем том горяч и вспыльчив. Сочинения

¹ Сведения о Н. И. Новикове см. в настоящем издании на с. 594–597.

его следующие: две части разных стихотворений, содержат в себе духовные и похвальные оды, надписи, две песни героической поэмы «Петр Великий», похвальные слова и другие стихотворения; «Российская грамматика», «Риторика», «Краткий российский летописец», первая книга «Древней российской истории», «Краткое понятие о физике», «Металлургия», две трагедии — «Тамира и Селим» и «Демофонт» — и ученые рассуждения о разных материях. Я не могу распространяться в похвале сему великому писателю; и довольно будет, когда сообщу из эпистол г. Сумарокова:

Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:
Он наших стран Малгерб, он Пиндару подобен...¹

И также стихи г. Поповского² к его портрету:

Московский здесь Парнас изобразил витию³,
Что чистый слог стихов и прозы ввел в Россию.
Что в Риме Цицерон и что Вергилий был,
То он один в своем понятии вместил.
Открыл природы храм богатым словом россов;
Пример их остроты в науках Ломоносов <...>

Сумароков Александр Петрович <...> — действительный статский советник, ордена святыя Анны кавалер и Лейпцигского ученого собрания свободных наук член. Различных родов стихотворными и прозаическими сочинениями приобрел он себе великую и бессмертную славу не только от россов, но и от чужестранных академий и славнейших европейских писателей. И хотя первый он из россиян начал писать трагедии по всем правилам театрального искусства, но столько успел во оных, что заслужил название северного Расина. Его эклоги равняются знающими людьми с Вергилиевыми и поднесъ еще остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищем российского Парнаса; и в сем роде стихотворения далко превосходит он Федра и де ла Фонтена, славнейших в сем роде⁴. Впрочем, все его сочинения любителями российского стихотворства весьма много почитаются, из коих стихотворные следующие: трагедии «Хорев», «Си-

нав и Трувор», «Гамлет», «Артистона», «Семира», «Ярополк и Димиза», «Вышеслав» и «Димитрий Самозванец»; драма «Пустынник»; оперы «Алцеста», «Цефал и Прокрис»; прологи «Прибежище добродетели» и «Новые лавры»; три книги «Притчей»; великая книга разных стихотворений, содержащая в себе духовные и торжественные оды, эклоги и элегии и другие мелкие стихотворения; прозаические: комедии «Ссора у мужа с женою», «Тресотиниус», «Третейный суд», «Приданое обманом», «Опекун», «Лихоимец», «Три брата совместники», «Ядовитый», «Нарцисс»; драма «Грешник»; описание стрелецкого бунта. «Трудолюбивая пчела», ежемесячное 1759 года сочинение, издано им и большею частию наполнено его стихотворными и прозаическими сочинениями; также писал он много разных стихотворений, напечатанных в других ежемесячных сочинениях <...>

Тредиаковский Василий Кириллович <...> Сей муж был великого разума, многого учения, обширного знания и беспримерного трудолюбия; весьма знающ в латинском, греческом, французском, итальянском и в своем природном языке; также в философии, богословии, красноречии и в других науках. Полезными своими трудами приобрел себе бессмертную славу и первый в России сочинил правила нового российского стихосложения, много сочинил книг; а перевел и того больше, да и столь много, что кажется невозможным, чтобы у одного человека достало к тому столько сил; ибо одну только древнюю Ролленову историю перевел он два раза, потому что первого перевода тринадцать томов и еще многие другие книги в бывший в его доме пожар совсем сгорели <...> Но он не только что исправлял рачительно по его чину все должности, но и сверх того трудился в Историческом собрании три года; отправлял многократно должность секретаря, будучи уже профессором, и в то же время читал лекции в Академическом университете и отправлял должность унтербиблиотекаря. Притом не обинуясь к его чести сказать можно, что он первый открыл в России путь к словесным наукам, а паче¹ к стихотворству, причем был первый профессор, первый стихотворец и первый положивший толико труда и прилежания в переводе на российский язык преподанных книг <...>

Фон Визин Денис Иванович <...> Сей человек молодой, острый, довольно искусный во словесных науках, также в российском, французском, немецком и латинском языках. Он перевел в стихи Волтерову трагедию «Алзиру»; преложил по свойству наших нравов Грессетово сочинение «Сидней» стихами ж² и написал много острых и

¹ Цитата из «Эпистолы о стихотворстве» А. П. Сумарокова.

² Николай Никитич Поповский (ок. 1730–1760) — поэт и ученый, любимый ученик Ломоносова. Ломоносов далее сравнивается с Цицероном как оратор и Вергилием как поэт.

³ Вития (устар.) — оратор.

⁴ Сочинения Сумарокова сопоставлены Новиковым с произведениями римских поэтов Вергилия (Новиков использует написание Вергилий) и Федра, французских поэтов XVII в. Ж. Расина и Ж. де Лафонтена.

¹ Паче (устар.) — особенно.

² Переделка пьесы французского писателя Грессе «Сидней» — комедия Фонвизина «Коринн».

весьма хороших стихотворений. Его «Послание к людям своим, Шумилову, Ваньке и Петрушке»¹, а другое — «Матюшка-разносчик»² свидетельствуют остроту разума и тонкость в сатирах. Поэму «Иосиф» перевел прозою на русский язык с совершенным искусством. В переводе сем держался он важности славянского и чистоты русского языка. Его проза чиста, приятна и текуща так, как и его стихи. Он сочинил комедию «Бригадир и Бригадирша»³, в которой острые слова и замысловатые шутки рассыпаны на каждой странице. Сочинена она точно в наших нравах, характеры выдержаны очень хорошо, а завязка самая простая и естественная. Наконец, он сочинил слово на выздоровление Его Императорского высочества, которое за чистоту слога, важность и изображение мыслей весьма похвально. В заключение о нем сказать должно, что Россия надеется увидеть в нем хорошего писателя <...>

Херасков Михайло Матвеевич <...> Вообще сочинения его весьма много похваляются, а особливо трагедия «Борислав», оды, песни, обе поэмы⁴, все его сатирические сочинения и «Нума Помпилий» приносят ему великую честь и похвалу. Стихотворство его чисто и приятно, слог текущ и тверд, изображения сильны и свободны; его оды наполнены стихотворческого огня, сатирические сочинения — остроты и приятных замыслов, а «Нума Помпилий» — философических рассуждений; и он по справедливости почитается в числе лучших наших стихотворцев и заслуживает великую похвалу <...>

1772

Николай Михайлович Карамзин¹

Пантеон российских авторов (отрывки)

Князь Кантемир Антиох Дмитриевич

<...> Наш Ювенал. Сатиры его были первым опытом русского остроумия и слога. Он писал довольно чистым языком и мог по справедливости служить образцом для современников, так что, разделяя слог наш на эпохи, *первую* должно начать с Кантемира, *вторую* — с Ломоносова, *третью* — с переводов *славяно-русских* господина Елагина и его многочисленных подражателей, а *четвертую* — с нашего времени, в которое образуется *приятность слога*.

В стихах Кантемировых нет еще истинной меры — долгие и короткие слоги смешаны без разбора — но есть гармония. В прозе он лучше выражал свои, нежели чужие, мысли; например, стиль в предисловии к Фонтенелевой книге «О множестве миров» несравненно глаже, нежели в самом переводе. Мы имсли случай видеть его министерские донесения из Лондона и Парижа, писанные ясно и правильно. Между прочим, характеристическое изображение Роберта Вальполя², славного министра Англии, доказывает, что Кантемир имел острый взор для замечания тайных сгибов человеческого сердца и легкое перо для описания своих замечаний.

Самые просвещенные иноземцы чувствовали цену его ума и нравственных достоинств. Кантемир был другом известного аббата Гуаско и приятелем славного Монтескье. Любовь к наукам и словесности, следствие нежного образования души, всегда бывает соединена с благородным влечением к дружбе, которая, питая чувствительность, дает уму еще более силы и парения <...>

¹ Точное название — «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке».

² Не сохранилось.

³ Имеется в виду комедия «Бригадир».

⁴ Подразумеваются поэмы «Плоды наук» и «Чесменский бой».

¹ Сведения о Н. М. Карамзине см. в настоящем издании на с. 560–564.

² Роберт Уолпол (1676–1745) — глава английского правительства с 1721 по 1742 г.

Тредиаковский Василий Кириллович

<...> Если бы охота и принадлежность¹ могли заменить дарование, кого бы не превзошел Тредиаковский в стихотворстве и красноречии?

Но упрямый Аполлон вечно скрывается за облаком для самозванцев-поэтов и сыплет лучи свои единственно на тех, которые родились с его печатню.

Не только дарование, но и самый вкус приобретается; и самый вкус есть дарование. Учение образует, но не производит автора.

Тредиаковский учился во Франции у славного Роллена²; знал древние и новые языки; читал всех лучших авторов и написал множество томов в доказательство, что он... не имел способности писать.

Однако ж труды его были не совсем бесполезны. Он первый изъяснял на русском языке меры стихов и перевел «Древнюю историю», которую по сие время читают наши провинциальные дворяне.

Имя Тредиаковского будет известно самым отдаленным потомкам. Сохраним же образ его и почтим в нем... трудолюбие науки и несчастье природы.

Не многие, может быть, знают следующий анекдот. Екатерина II, любя успехи российского языка, желала, чтобы в избранном обществе «Эрмитажа» все говорили по-русски. Ее воля была законом. Но законодатель должен предвидеть и неисполнение: какое же наказание определила монархиня для преступников? За всякое иностранное слово, вмененное в разговор, виновный осуждался прочесть сто стихов из «Тилемахиды» Тредиаковского <...>

Ломоносов Михайло Васильевич

<...> Рожденный под хладным небом Северной России, с пламенным воображением, сын бедного рыбака, сделался отцом российского красноречия и вдохновенного стихотворства.

Ломоносов был первым образователем нашего языка; первый открыл в нем изящность, силу и гармонию. Гений его советовался только сам с собою, угадывал, иногда ошибался, но во всех своих творениях оставил неизгладимую печать великих дарований.

Он вписал имя свое в книгу бессмертия, там, где сияют имена Пиндаров, Горациев, Руссо³.

¹ Принадлежность — здесь: прилежание.

² Роллен III. — видный французский историк, автор «Древней истории».

³ Перечислены знаменитые одописцы — греческий, римский и французский (Жан-Батист Руссо).

Современники могли только удивляться ему; мы судим, различаем и тем живее чувствуем его достоинство.

Лирическое стихотворство было собственным дарованием Ломоносова. Для эпической поэзии нашего века не имел он, кажется, достаточной силы воображения, того богатства идей, того всеобъемлющего взора, искусства и вкуса, которые нужны для представления картины нравственного мира и возвышенных иройских¹ страстей. Трагедии писаны им единственно по воле монархини; но оды его будут всегда драгоценностью российской музыки. В них есть, конечно, слабые места, излишности, падения; но все недостатки заменяются разнообразными красотами и пиитическим совершенством многих строф. Никто из последователей Ломоносова в сем роде стихотворства не мог превзойти его, ниже² сравняться с ним.

Проза Ломоносова вообще не может служить для нас образцом; длинные периоды его утомительны, расположение слов не всегда сообразно с течением мыслей, не всегда приятно для слуха; но талант великого оратора блистает в двух похвальных речах его, которые и теперь можно назвать одним из лучших произведений российского <...> красноречия.

Если гений и дарования ума имеют право на благодарность народов, то Россия должна Ломоносову монументом.

Сумароков Александр Петрович

<...> Имя Сумарокова было в свое время так же велико, как имя Ломоносова. Один славил Елисавету на лире и на кафедре академической; другой пленял ее чувствительность драматическими картинами на сцене. Оба талантами своими украсили и прославили время ее царствования. Имя того и другого напоминает счастливое рождение нашего нового стихотворства.

Сумароков еще сильнее Ломоносова действовал на публику, избрав для себя сферу обширнейшую. Подобно Вольтеру, он хотел блистать во многих родах — и современники называли его нашим Расином, Мольером, Лафонтеном, Буало³. Потомство не так думает, но, зная трудность первых опытов и невозможность достигнуть вдруг совер-

¹ Иройский (*устар.*) — геройский.

² Ни (же).

³ Французские писатели XVII в. Расин прославился трагедиями, Мольер — комедиями, Лафонтен — баснями, Буало — сатирами и «Поэтическим искусством», трактатом о правилах стихотворства.

шенства, оно с удовольствием находит многие красоты в творениях Сумарокова и не хочет быть строгим критиком его недостатков.

Уже фамию не дымится перед кумиром; но не тронем мраморного подножия; оставим в целости и надпись: *Великий Сумароков!* Соорудим новые статуи, если надобно, не будем разрушать тех, которые воздвигнуты благородною ревностью отцов наших!

Но, признавая (вместе со всеми) басни Сумарокова лучшим его творением, мы не сравниваем их с Лафонтеновыми, которые пленяют любезной простотою и живописными стихами. Русский басенник может нравиться только легкостью и резкою сатирою; Лафонтен также колет глаза пороку, но всегда с видом неизъяснимого добродушия; Сумароков язвит сильным стихом без пошлости.

В трагедиях своих он старался более описывать чувства, нежели представлять характеры в их эстетической и нравственной истине; не искал исключительных положений и великих предметов для трагической живописи, но, в надежде на приятную кисть свою, основывал драму всегда на самом обыкновенном и простом действии; любил так называемые *прощальные сцены*, для того что они извлекали слезы из глаз чувствительной Елисаветы; а, называя героев своих именами древних князей русских, не думал соображать свойства, дела и язык их с характером времени. Но многие стихи в его трагедиях нежны и милы; многие сильны и разительны. Довольно для вечной славы поэта, открывшего в России сцену Мельпомены!¹

1802

Алексей Федорович Мерзляков¹

Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии

<...> Со времен Петра Великого начала проявляться заря новой критики, которая час от часу более и более освещает стихии нашей словесности. Тредьяковский, ученик славного Роллена, первый российский профессор, прежде всех обратился к сему новому поприщу. Приехав из чужих краев, обогащенный многими познаниями, наблюдавший долго литературу французскую в то время, когда была она уже в высокой степени совершенства, он застал в России еще грубый славяно-польский язык в ученых, а в публике — неготовность помогать писателям своею разборчивостью. Он решился давать правила и примеры и имел при дворе звание придворного стихотворца. В сочинениях его видно, при грубости слога, *неизвестное* прежде искусство принаравливать к предметам, месту и времени; он говорит об единстве, действиях, о характере. Он переводит пиитику Буало-Депрео²; короче сказать: если в нем не было человека с великим талантом, то он был уже просвещенный учитель литературы <...> По моему мнению, и в слоге заслуживает извинение Тредьяковский: грубость языка не столько ему принадлежит, сколько времени. Сравните стихи, быть может, излишне порицаемой «Тилемахиды» с другими его века и скажите, кто писал лучше? <...> В то время как Ломоносов в Германии прилепился к Гинтеровым ямбам и одам³, Сумароков в Петербурге обрабатывал хорей Тредьяковского. Мы увидим, сколь ощутительное влияние произвели на литературу нашу различные характеры двух великих современных стихотворцев. Ломоносов не столько был сведущ во французской словесности, сколько в немецкой, которая в то время находилась в посредственном состоянии, обремененная игом

¹ Мерзляков А. Ф. (1778–1830) — профессор Московского университета (1804–1830), поэт, переводчик, критик. Лекции Мерзлякова по риторике и истории словесности пользовались исключительной популярностью и повлияли на вкусы русской публики и на репутацию многих авторов.

² Стихотворный трактат Н. Буало-Депрео «Поэтическое искусство».

³ Гюнтер И. К. (1695–1723) — немецкий лирик, повлиявший на раннюю поэзию Ломоносова.

¹ Мельпомена — муза трагедии.

педантизма. Рассмотрите же оды Ломоносова: в них приметен какой-то ученый и несколько холодный для оды порядок. Сумароков пошел по другой дороге и, может быть, слишком уже много привязан к французским писателям. Сумароков и Ломоносов в свое время были две самодержавные власти в царстве литературы; они разделяли стороны любителей словесности; на них смотрели суеверными глазами: доказательство, что гений их утек гораздо далее, нежели образованность народа; их никто не мог судить: очень немногие понимали. Но писатель не в силах усовершенствовать своего дарования, если публика не может разбирать, судить его творения. Мирное царствование Елисаветы, а особливо блистательный век Екатерины много способствовали распространению вкуса и словесности. Устроенный по Петровой университет начал процветать. Народные училища, воздвигнутые законодательницей Севера, рассеяли семена просвещения по всей России. Прежде сего литература была уделом и наслаждением некоторых частных людей: пример мудрой государыни отверз ей врата в публику. Двор и столица занимались чтением иностранных и своих писателей. Ученые сведения раздражали честолюбие; вкус потребовал пищи. Явились переводы, журналы; все известные поэмы, многие учебные книги, лучшие романы переложены на язык российский и принадлежат к средним летам царствования государыни; составились литературные общества, не щадили издержек на издания. Книжные лавки наполнены произведениями сего времени <...>

Слава оды принадлежит ко временам Ломоносова и Сумарокова.

Сумароков после Симеона Полоцкого переложил все псалмы Давидовы, которые находятся в его сочинениях, разделенные на 20 книг. Такое изобилие само по себе подозрительно. В большей части псалмов не соблюдено, кажется, высокого достоинства сего вдохновенного песнопевца. Некоторые псалмы писаны размером и слогом басен, и притом слогом басен Сумарокова. То же можно сказать и о других духовных его сочинениях и предложениях.

Торжественных и философских од написал он около 70-ти. Здесь является уже славный стихотворец, нередко сохраняющий важность своих предметов. Слог его менее важен, менее величествен, менее цветущ, нежели у Ломоносова; но зато, если смею сказать, имеет более движений, чувства, разнообразия. Почти все оды его короче од Ломоносова, и потому планы их проще и легче. В них менее обнаруживается искусство поэта; нет с трудом приведенных эпизодов или отступлений; реже встречаются принужденные восторги: он всегда стремителен и пылок. Ломоносов — орел, ширяющий в небесах медленно, стройно и важно. Сумароков подобен птице, всегда почти летающей над поверхностью земною и в поворотах разнообразней-

ших и быстрейших достигающей своей цели. Сумароков оставил великое множество песней и хоров; почти все низки в слог и в мыслях, — все забыты. <...>

Заслуги Ломоносова языку и литературе бессмертны. В его сочинениях со сладостным изумлением заметили россияне в первый раз богатство, пышность, великолепие языка своего, искусно соединенного с славянским. Жизнеописатель его, г. профессор Поповский, говорит о том впечатлении, какое произвела первая ода его при дворе императрицы Анны. Все нашли новый язык, новые слова, новые звуки; чувствовали, что они их родные, и дивились, почему они прежде их не знали. Их удивление справедливо. Ибо и теперь — дерзну сказать откровенно — никто не сравнился с Ломоносовым в высоте слога, в очаровательном соединении слов славянских с российскими, в оборотах сильных и кратких. Он должен быть первою любимую книгою питомца муз. Он написал 18 од. В первых гораздо более пылкости воображения, более огня, нежели в последних. Сии последние гораздо исправнее, покойнее и холоднее. Вообще, в одах Ломоносова часто обнаруживается искусный оратор, располагающий оду свою по правилам речи или рассуждения; часто строфы связываются холодными выражениями: «но се! но что я зрю! но горы и поля, скачите! ликуйте, множества озер!» Таковые частые и нелепые обращения к предметам бездушным разрушают очарование. Но если будем разбирать каждую строфу особенно — какая высота! сила! стремительность! В каждой оде срастает¹ вы отрывки истинно бессмертные, которым нет ничего подобного в нашей поэзии! Жаль, что Ломоносов писал на одни предметы — талант его был стеснен: оды все однообразны. Самый способ (введение исторических лиц и эпизодов) доставить им разнообразие всегда один и тот же. Надобно заметить, что стихотворство при других занятиях сего великого мужа было отдохновением. Любя славу Ломоносова, нельзя не сожалеть также и о том, что он писал одни торжественные оды, ибо они не могут быть занимательными для иностранцев; напротив того, правоучительные переводятся на все языки: они приятны для всех народов драгоценными всеобщими истинами, в них заключенными <...>

В предложениях псалмов Ломоносов чувствовал высоту и парение Св. Писания более, нежели Сумароков, и лучше выражал их.

Оды Петрова² прекрасны. Они отличаются от всех других какою-то полнотою мыслей, сильных и кратких. Петров — стихотворец-

¹ Срастаете (церк.-слав.) — встречается.

² Василий Петрович Петров (1736–1799) — поэт, продолжатель и подражатель Ломоносова. Екатерина II с похвалой отзывалась об одах Петрова и называла его своим «карманным стихотворцем».

философ. Может быть, он стоял бы наравне с Ломоносовым, если бы слог его не был грубее и жестче. Впрочем, он исполнен картин превосходных, написанных пламенною кистью! Ломоносов хвалит очень открыто и просто; Петров имел особенное искусство хвалить. Еще заметим, что и язык его не везде шероховат. Есть целые оды, написанные гладкими, гармоническими стихами.

К бессмертным памятникам Екатеринина века, без сомнения, принадлежат песнопения Державина. Громкие победы на море и на сухом пути, покорение двух царств, унижение гордости Оттоманской Порты¹, столь страшной прежде для европейских государей, преобразование империи, законы, гражданская свобода, великолепные торжества, просвещение, тонкий вкус — все это было сокровищем для гения Державина. Он был Гораций своей государыни². В его творениях описывается самая домашняя жизнь и времяпрепровождение императрицы, места, где она гуляла в часы отдохновения, где заседала с мудрецами, дабы решить судьбу народов, где забавлялась играми своих приближенных. Все это и теперь кажется для нас волшебным! Песни Державина будут драгоценны для русского вместе с славою Екатерины, с славою Румянцева, Орлова, Суворова и других знаменитых людей ее времени.

Может быть, о Державине скажут некоторые то же, что сказал Квинтилиан об Овидии: «*Nimius sui ingenii amator*»³. Кажется, он иногда слишком увлекается своим воображением. Наш поэт, подобно Пиндару, полною рукою рассыпает сапфиры, яхонты, бриллианты там, где энергические мысли его, как чистое золото, блещут сами собою и не имеют нужды ни в каких украшениях. Державин — великий живописец. Краски его ярки и свежи, но не всегда бывают располагаемы нежною рукою, не всегда слиты, не всегда в мере; как роскошный богач, он их кидает, а не всегда располагает с заботливостию художника: таков полет гения! Впрочем, есть оды, которые могут служить образцом чистоты и правильности расположения. Характер од Державина по большей части нравоучительный; он оставил тесную стезю Ломоносова. Он хвалит, укоряет и учит. Он писал оды духовные, героические, философские, анакреонтические. Во всех его творениях встречаются многие новые, составленные им слова, которые столь прекрасны в его стихах и столь смешны у его подражателей: он ввел также много гармонических собственно русских слов, которые забыты были или от всенародного употребления казались низки для

поэзии. Обе сии золотые руды остались собственностью Державина, от неискusstва ли других стихотворцев или оттого, что более свойственны духу русского барда, они дают какую-то особенную новизну его творениям. Ломоносов всегда раб своего предмета; Державин управляет им по своей воле. Первый всегда равен в своем парении; другой, подобно молнии, поражает вдруг и часто скрывается от своего читателя. Одного можно уподобить величественной реке, текущей постоянно в берегах своих; другой уподобляется водопаду, им самим описанному, между камнями стремящему яркие волны свои, всегда свободному, придающему некоторую дикость самой природе. Ломоносов в слог более чист, более точен, — бережливее, связнее; Державин цветнее, разнообразнее, роскопнее. Он возвышает дух наш и каждую минуту дает чувствовать благородство своего духа; но в мыслях его бывает иногда более блеску, нежели верности <...>

Оды Хераскова, при свойственной ему знаменитому писателю чистоте и гладкости стихов, все почти спокойны, не имеют быстрых порывов, не дышат пламенем лирическим. Судьба наградила его трубою военною.

Оды Дмитриева изящны, хотя не столь живописны, как Ломоносова и Державина. Он отличается особливою исправностию слога. Песни его лучше всех на нашем языке. Он точно нашел этот затейливый, легкий образ выражения, который составляет прелесть пиес сего рода <...> Кто не любит заунывной, а иногда величественной лиры Капниста! <...>

Мы, русские, весьма холодны, весьма небогопытны к творениям, имеющим предметом своим нашу славу. У нас есть «Россиада», «Владимир»: две поэмы, которых содержанием самые важнейшие происшествия нашей истории. Большая часть русских знают только по имени ту и другую поэму, между тем как «Генриаду»¹ учат наизусть <...>

«Россиада» состоит из 12 пессн; «Владимир» — из 18. Кажется, для нас труднее сочинять поэмы, нежели для древних: они имели мифологию и право поступать с своими богами, как угодно. Оживотворение страстей, как махин чудесного, всегда будет холодно: это фигуры риторические, а не боги. После Вольтера Херасков старался испытать сей способ; но он вообще недостаточен в том и другом писателе. Сверх того, в «Россиаде» вымышленные силы не всегда определены, не всегда действуют по одному плану к одной цели: это призраки, которые являются и исчезают мгновенно, и часто без нуж-

¹ Оттоманская Порта — Турецкая империя.

² Имеются в виду сочинения Горация, восхваляющие императора Августа.

³ Чрезмерный любитель своих способностей (*нат.*).

¹ «Россиада» и «Владимир Возрожденный» — поэмы Хераскова, «Генриада» — поэма Вольтера.

ды. Характеры все однообразны. Главный узел ослаблен: Казань пала от собственных неустойств, а тем самым у победы Иоанновны отнята надлежащая важность. Сия поэма будет иметь всегда свою цену по обилию картин трогательных, живописных, по стопосложению гладкому, чистому, благородному, по богатству эпизодов, хотя они иногда вредят единству действия; по важности самого содержания, наконец, по цели автора нравоучительной и высокой. Во «Владимире» еще более прекрасных описаний и картин — это достоинство предмета <...> Сверх сих поэм Гомер российский написал еще прекрасную поэму «Чесменский бой», «Вселенную», «Плоды наук» и пр. Он есть один из обильнейших наших стихотворцев.

О бесценном творении, известном под названием «Душенька»¹, не говорю ни слова, все его знают наизусть <...>

Мы чрезвычайно богаты драматическими творениями. Издание под названием «Театр Российский», если бы было продолжаемо, составило бы теперь томов 100 и более. Но количество — не достоинство. Ныне из сего издания ничего почти не играют.

Невозможно не восчувствовать удивления, рассматривая чрезвычайные шаги Сумарокова в успехах драмы. Представьте с одной стороны нравоучительные зрелища об Олоферне при царевне Софии и «Дедамию»², а с другой — в таком близком расстоянии «Семиру», «Синава и Трувора»! Сравните с сими драматическими творениями современные творения Ломоносова — «Демофонта», «Селима и Темиру»³: вот точка, с которой гений Сумарокова является в самом блистательном виде. Действие, характеры, катастрофы, порядочно расположенные, — все это было сотворено для русских Сумароковым и в то время, когда русские его достоинства ценить были не в состоянии, как сам он жалуется в предисловии своем к «Димитрию Самозванцу». Пусть говорят, что Сумароков подражал: это не унижительно. Гений-подражатель от простого подражателя отличается тем, что он умеет выбрать изящнейшее для подражания и даст подражанию живой вид подлинника. Сумароков не переводил, как Княжнин, но он, почувствовав в иностранных писателях изящность расположения, завязок и развязок, характеров, старался сие искусство перенести на свой театр и сохранял правила, которые священны для народа образованного, тогда как мы, целым полувеком от него удаленные, с дикостию выслушиваем ученое слово *действие* и, не думая об нем, пишем драмы.

¹ Поэма И. Ф. Богдановича.

² Анонимная инсценировка библейского эпизода «Юдифь» и пьеса Тредиаковского «Деидамия».

³ Правильно: «Тамира и Селим».

В «Семире» и «Хореве» легкость и краткость изложения, быстрота действия, интерес, завязка, характеры — все истинно трагическое. Странно покажется, что «Димитрий Самозванец», слабейшее между другими творение, удержалось на театре долее, нежели «Семира», «Синава и Трувор». Может быть, этому причиною — приближенность происшествий и хорошие актеры, любившие сию пьесу. Как бы то ни было, Сумароков заслуживает, чтобы лучшие пьесы его были разобраны с большим вниманием. Он может быть и теперь полезен еще многим нашим трагикам в искусстве расположения. Отчего упали трагедии Сумарокова? — Причина: устарелый язык и неблагородство разговора, который часто бывает ниже комического <...> О комедиях его не скажу ни слова. Они все показывают младенчество искусства.

Место Сумарокова занял родственник и ученик его Княжнин. В его трагедиях слог чище, благороднее, возвышеннее, нежели в трагедиях Сумарокова. Нет столь неприличных и частых обращений к предметам бездушным или к *устам, рукам, слезам, очам*, но зато он впадает в противную погрешность. Слог его бывает часто холоден, напыщен, несвободен: он терялся в подробностях и не умел себя останавливать; ему хотелось быть везде высоким: в одной сцене «Рослава» поместил он все высокие слова, рассеянные в разных трагедиях Корнеля, Расина и Вольтера. Он подражал всем французским трагикам вместе или лучше, переводил из них <...> Между комедиями его есть некоторые прекрасные. «Чудаков» и «Хвастуна» можно поставить недалеко от бессмертных «Недоросля» и «Бригадира» Фон-Визина.

После Княжнина трагедия наша долго была в некотором усыплении. Немецкие драмы наводнили театр. Коцебу¹ переведен весь; Русалка² волшебным своим жезлом окаменела Сумарокова, Княжнина, драмы Хераскова, славные комедии Фон-Визина <...> Но Озеров разрушил очарование — и снова обратил вкус публики на предметы важнейшие. Красота слога в его трагедиях составляет главное достоинство; планы не везде счастливы, характеры не везде поддержаны; в нравах соблюдена не всегда надлежащая точность. Если бы, напр(имер), автор подражал «Эдипу» Софоклову, а не Дюисову³, тогда бы план его был стройнее и грски действовали бы по-гречески <...>

¹ Август фон Коцебу (1761–1819) — немецкий драматург; автор популярных у современников сентиментальных драм, наиболее известна — «Ненависть к людям и раскаяние». Коцебу вызывал у многих презрение, так как занимался политическим сыском; убит немецким студентом Зандом.

² Очень популярная волшебная опера Н. С. Краснопольского «Днепровская русалка» (1805).

³ Дюис Жан Франсуа (1733–1816) — популярный в конце XVIII в. французский драматург.

Сатира наша также не в цветущем еще состоянии. Исправность слога, острота ума Кантемирова заслуживают все уважение. Но будут ли его читать те, которые привыкли к гармонии стихов новейших, к языку очищенному? Сумароковы сатиры не приобрели особенного внимания <...>

Мы очень богаты притчами. Сумароков нашел их среди простого, низкого народа; Хемницер привел их в город; Дмитриев отворил им двери в просвещенные, образованные общества, отличающиеся вкусом и языком. Басни Крылова заслуживают также все уважение <...>¹

1812

Виссарион Григорьевич Белинский¹

Литературные мечтания

<...> Говорят, что музы любят тишину и боятся грома оружия: мысль совершенно ложная! Однако как бы то ни было, а царствование Петра оглашалось одними проповедями, которые остались только в памяти ученых, а не народа; ибо это пестрое, мозаическое красноречие или, скорее, разноречие, было не что иное, как дурной прививок от гнилого дерева католического схоластицизма западного духовенства, а не живой убедительный голос святых истин религии. Оно у нас еще не было рассмотрено и оценено настоящим образом. Если верить возгласам наших литературных учителей, то в духовном красноречии мы едва ли не превосходим всех европейских народов. Не берусь решать этого вопроса, ибо говорю о нем мимоходом, <...> как о деле, не прямо относящемся к предмету моего обзора; да и сверх того я мало знаком с памятниками нашего духовного красноречия, которое, конечно, не без удачных опытов.

Не стану также распространяться о Кантемире; скажу только, что я очень сомневаюсь в его поэтическом призвании. Мне кажется, что его прославленные сатиры были скорее плодом ума и холодной наблюдательности, чем живого и горячего чувства. И диво ли, что он начал с сатир — плода осеннего, а не с од — плода весеннего? Он был иностранец, следовательно, не мог сочувствовать народу и разделять его надежд и опасений; ему было спола-горя смеяться. Что он был не поэт, этому доказательством служит то, что он забыл. Старинный слог! Пустое!.. Шекспира сами англичане читают с комментариями.

Тредьяковский не имел ни ума, ни чувства, ни таланта. Этот человек был рожден для плуга или для топора; но судьба, как бы в насмешку, нарядила его во фрак: удивительно ли, что он был так смешон и уродлив?

Да — первые попытки были слишком слабы и неудачны. Но вдруг, по прекрасному выражению одного нашего соотечественника, на берегах Ледовитого моря, подобно северному сиянию, блеснул Ломоносов. Ослепительно и прекрасно было это явление! Оно доказало

¹ Печатается по: Литературная критика 1800–1820-х годов. М., 1980. С. 120–130.

¹ В. Г. Белинский (1811–1848) — великий русский критик, властитель дум нескольких поколений.

собой, что человек есть человек во всяком состоянии и во всяком климате, что гений умеет торжествовать над всеми препятствиями, какие ни противопоставляет ему враждебная судьба, что, наконец, русский способен ко всему великому и прекрасному не менее всякого европейца; по вместе с тем, говорю, это утешительное явление подтвердило, к нашему несчастью, и ту неопровержимую истину, что ученик никогда не превзойдет учителя, если видит в нем образец, а не соперника, что гений народа всегда робок и связан, когда действует не своеобразно, не самостоятельно, что его произведения, в таком случае, всегда будут походить на поддельные цветы: яркие, красивые, роскошные, но не душисты, не ароматны, безжизненны. С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим. Нужно ли говорить, что это был человек великий и ознаменованный печатью гения? Всё это истина несомненная. Нужно ли доказывать, что он дал направление, хотя и временное, нашему языку и нашей литературе? Это еще несомненнее. Но какое направление? <...> Ломоносов — это Петр нашей литературы: вот, кажется мне, самый верный взгляд на него. В самом деле, не замечаете ли вы поразительного сходства в образе действия сих великих людей, равно как и в следствиях сего образа действия? На берегах Северного океана, в царстве зимы и смерти, родился у бедного рыбака сын. Ребенка мучит какой-то неведомый демон, не дает ему покоя ни днем, ни ночью, шепчет ему на ухо какие-то дивные речи, от которых сильнее трепещет его сердце, жарче кипит его кровь; на что ни взглянет этот ребенок, ему хочется знать: откуда это, почему и как; бесконечные вопросы давят и тяготят его юную душу — и нет ответов! Он выучивается кое-как грамоте; тайные внушения его докучного демона раздаются в его душе, как обольстительные звуки Вадимова колокольчика¹, и манят его в туманную даль... И вот он оставляет отца своего и бежит в Москву белокаменную. Беги, беги, юноша! Там узнаешь ты всё, там утолишь в источнике знания свою мучительную жажду! Но, увы! надежда обманула тебя: жажда твоя еще сильнее — ты только пуще раздражил ее. Дальше, дальше, смелый юноша! Туда, в ученую Германию, там сады райские, а в тех садах древо жизни, древо познания, древо добра и зла... Сладки плоды его — спеши вкушать их... И он бежит, он вступает в очаровательные сады и видит искусительное древо, и жадно пожирает плоды его. Сколько чудес, сколько очарований! Как жалеет он, что не может разом всего захва-

¹ Имеется в виду герой поэмы В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» Вадим, которого звук неведомого колокольчика манил вдаль и привел к зачарованному замку, где ему суждено было пробудить спящих дев.

тить с собою и перенести в драгое отечество, в святую родину!.. Однако ж... нельзя ли как попытаться?... Ведь он русский, стало быть, ему всё под силу, всё возможно; ведь его ожидает Шувалов: стало быть, ему нечего страшиться предрассудков, врагов и завистников!.. И вот Русь оглашается одами, смотрит на трагедии, восхищается эпопеею, смеется над побасенками, слушает Цицерона и Демосфена и важно рассуждает об электричестве и громовых отводах: чего же медлить? Не правда ли, что и сам Петр воскликнул бы с удовольствием: это по-нашему! Но и с Ломоносовым сбылось то же, что с Петром. Прельщенный блеском иноземного просвещения, он закрыл глаза для родного. Правда, он выучил в детстве наизусть варварские вирши Симеона Полоцкого, но оставил без внимания народные песни и сказки. Он как будто и не слышал о них. Замечаете ли вы в его сочинениях хотя слабые следы влияния летописей и вообще народных преданий земли русской? Нет — ничего этого не бывало. Говорят, что он глубоко постиг свойства языка русского! Не спорю — его «Грамматика» дивное, великое дело. Но для чего же он паялил и корчил русский язык на образец латинского и немецкого? Почему каждый период его речей набит без всякой нужды таким множеством вставочных предложений и заострен на конце глаголом? Разве этого требовал гений языка русского, разгаданный сим великим человеком? Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на нем сообразно с сими законами. И в сем последнем случае нельзя довольно удивиться гению Ломоносова: у него есть строфы и целые стихотворения, которые по чистоте и правильности языка весьма приближаются к нынешнему времени. Следовательно, его погубила слепая подражательность; следовательно, она одна виною, что его никто не читает, что он не признан и забыт народом и что о нем помнят одни записные литераторы. Некоторые говорят, что он был великий ученый и великий оратор, но совсем не поэт; напротив, он был больше поэт, чем оратор; скажу больше: он был великий поэт и плохой оратор. Ибо что такое его похвальные слова? Набор громких слов и общих мест, частию взятых напрокат из древних витий, частию принадлежащих ему, плоды заказной работы, где одна только шумиха и возгласы, а отнюдь не выражение горячего, живого и неподдельного чувства, которое одно бывает источником истинного красноречия. Некоторые места, прекрасные по слогу, ничего не доказывают: дело в том, каково целое. И удивительно ли, что так случилось: мы и теперь очень мало нуждаемся в красноречии, а тем меньше тогда нуждались в нем; следовательно, оно родилось без всякой нужды, из одной подражательности, и потому не могло быть удачным. Но

стихотворения Ломоносова носят на себе отпечаток гения. Правда, у него и в них ум преобладает над чувством, но это происходило не от чего иного, как от того, что жажда к знанию поглощала всё существо его, была его господствующею страстью. Он всегда держал свою энергическую фантазию в крепкой узде холодного ума и не давал ей слишком разыгрываться. Вольтер сказал, помнится, о Корнеле, что он в сочинении своих трагедий похож на великого Конде, который хладнокровно обдумывал планы сражений и горячо сражался: вот Ломоносов! От этого-то его стихотворения имеют характер ораторский, от этого-то сквозь призму их радужных цветов часто виден сухой остов силлогизма. Это происходило от системы, а отнюдь не от недостатка поэтического гения. Система и рабская подражательность заставила его написать прозаическое¹ «Письмо о пользе Стекла», две холодные и надутые трагедии и, наконец, эту неуклюжую «Петриаду»², которая была самым жалким заблуждением его мощного гения. Он был рожден лириком, и звуки его лиры там, где он не стеснял себя системою, были стройны, высоки и величественны...

Что сказать о его сопернике, Сумарокове? Он писал во всех родах, в стихах и прозе, и думал быть русским Вольтером. Но при рабской подражательности Ломоносова, он не имел ни искры его таланта. Вся его художественная деятельность была не что иное, как жалкая и смешная натяжка. Он не только не был поэт, но даже не имел никакой идеи, никакого понятия об искусстве, и всего лучше опроверг собой странную мысль Бюффона³, что будто гений есть терпение в высочайшей степени. А между тем этот жалкий писака пользовался такою народностью! Наши словесники не знают, как и благодарить его за то, что он был отцом российского театра. Почему ж они отказывают в благодарности Тредьяковскому за то, что он был отцом российской эпопеи! Право, одно от другого не далеко ушло. Мы не должны слишком нападать на Сумарокова за то, что он был хвастун: он обманывался в себе так же, как обманывались в нем его современники; на безрыбье и рак рыба, следовательно, это извинительно, тем более, что он был не художник. <...>

Воцарилась Екатерина Вторая, и для русского народа наступила эра новой, лучшей жизни. Ее царствование — это эпопея, эпопея гигантская и дерзкая по замыслу, величественная и смелая по созда-

нию, обширная и полная по плану, блестящая и великолепная по изложению, эпопея, достойная Гомера или Тасса! Ее царствование — это драма, драма многосложная и запутанная по завязке, живая и быстрая по ходу действия, пестрая и яркая по разнообразию характеров, греческая трагедия по царственному величию и исполинской силе героев, создание Шекспира по оригинальности и самоцветности персонажей, по разнообразию картин и их калейдоскопической подвижности, наконец, драма, зрелище которой исторгнет у вас невольно крики восторга и радости! С удивлением и даже с какою-то недоверчивостию смотрим мы на это время, которое так близко к нам, что еще живы некоторые из его представителей; которое так далеко от нас, что мы не можем видеть его ясно без помощи телескопа истории; которое так чудно и дивно в летописях мира, что мы готовы почтеть его каким-то баснословным веком. Тогда в первый еще раз после царя Алексея¹ проявился дух русский во всей своей богатырской силе, во всем своем удалом разгулье и, как говорится, пошел писать. Тогда-то народ русский, наконец освоившийся кое-как с тесными и не свойственными ему формами новой жизни, притерпевшийся к ним и почти помиравшийся с ними, как бы покорясь приговору судьбы неизбежной и непреодолимой — воле Петра, в первый раз вздохнул свободно, улыбнулся весело, взглянул гордо — ибо его уже не гнали к великой цели, а вели с его спросу и согласия, ибо умолкло грозное слово и дело², и вместо его раздается с трона голос, говоривший: «Лучше прощу десять виновных, нежели накажу одного невинного; мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что мы живем для нашего народа; сохрани Боже, чтобы какой-нибудь народ был счастливее российского»; ибо с «Уставом о рангах» и «Дворянскою грамотою» соединилась неприкосновенность прав благородства; ибо, наконец, слух Руси лелеется беспрестанными громами побед и завоеваний. Тогда-то проснулся русский ум, и вот заводятся школы, издаются все необходимые для первоначального обучения книги, персводится всё хорошее со всех европейских языков; разыгрался русский меч, и вот потрясаются монархии в своем основании, сокрушаются царства и сливаются с Русью!..

Знаете ли, в чем состоял отличительный характер века Екатерины II, этой великой эпохи, этого светлого момента жизни русского народа? Мне кажется, в народности. Да — в народности, ибо тогда Русь, ста-

¹ Имеется в виду не ритмическая организация, а настрой, дух ломоносовского послания.

² Незавершенная поэма Ломоносова «Петр Великий».

³ Граф Ж. Л. Бюффон (1707–1788) — французский философ-просветитель, автор «Естественной истории».

¹ Имеется в виду царь Алексей Михайлович.

² Пароль «Слово и дело государево» применялся для препровождения подозреваемых в государственной измене в Тайную канцелярию (учреждение, занимавшееся политическим сыском), упраздненную в 1762 г.

раясь по-прежнему подделываться под чужой лад, как будто назло самой себе, оставалась Русью. Вспомните этих важных радушных бояр, дома которых походили на всемирные гостиницы, куда приходил званный и незванный и, не кланяясь хлебосольному хозяину, садился за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за питье медовые; этих величавых и гордых вельмож, которые любили жить нараспашку, жилища которых походили на царские палаты русских сказок, которые имели свой штат царедворцев, поклонников и ласкателей, которые сожигали фейерверки из облигаций правительства; которые умели попировать и повеселиться по старинному дворовому обычаю, от всей русской души, но умели и постоять за свою матушку¹ и мечом и пером: не скажете ли вы, что это была жизнь самостоятельная, общество оригинальное? Вспомните этого Суворова, который не знал войны, но которого война знала; Потемкина, который грыз ногти на пирах и, между шуток, решал в уме судьбы народов; этого Безбородко, который, говорят, с похмелья читал матушке на белых листах дипломатические бумаги своего сочинения; этого Державина, который в самых отчаянных своих подражаниях Горацию, против воли, оставался Державиным и столько же походил на Августа поэта, сколько походит могучая русская зима на роскошное лето Италии: не скажете ли вы, что каждого из них природа отлила в особенную форму и, отливши, разбила вдребезги эту форму?.. А можно ли быть оригинальным и самостоятельным, не будучи народным?.. Отчего же это было так? Оттого, повторяю, что уму русскому был дан простор, оттого, что гений русский начал ходить с развязанными руками, оттого, что великая жена умела сродниться с духом своего народа, что она высоко уважала народное достоинство, дорожила всем русским до того, что сама писала разные сочинения на русском языке, дирижировала журналом и за презрение к родному языку казнила подданных ужасною казнию — «Тилемахиною»!..²

Да — чудно, дивно было это время, но еще чуднее и дивнее было это общество! Какая смесь, пестрота, разнообразие! Сколько элементов разнородных, но связанных, но одушевленных единым духом! Безбожие и изуверство, грубость и утонченность, материализм и набожность, страсть к новизне и упорный фанатизм к старине, пиры и победы, роскошь и довольство, забавы и геркулесовские подвиги, великие умы, великие характеры всех цветов и образов и, между ними,

Недоросли, Простаковы, Тарасы Скотинины и Бригадиры; дворянство, удивляющее французский двор своею светскою образованностью, и дворянство, выходившее с холопами на разбой!..

И это общество отразилось в литературе; два поэта, впрочем, весьма перавные гением, преимущественно были выражением опого: громозвучные песни Державина были символом могущества, славы и счастья Руси; едкие и остроумные карикатуры Фонвизина были органом понятий и образа мыслей образованнейшего класса людей тогдашнего времени.

Державин — какое имя!.. Да — он был прав: только Навин могло быть ему под рифму! Как идет к нему этот полурусский и полутатарский наряд, в котором изображают его на портретах³: дайте ему в руки лилейный скипетр Оберона⁴, придайте к этой собольей шубе и бобровой шапке длинную седую бороду: и вот вам русский чародей, от дыхания которого тают снега и ледяные покровы рек и расцветают розы, чудным словам которого повинуются послушная природа и принимает все виды и образы, каких ни пожелает он! Дивное явление! Бедный дворянин, почти безграмотный, дитя по своим понятиям; неразгаданная загадка для самого себя; откуда получил он этот вещий, пророческий глагол, потрясающий сердца и восторгающий души, этот глубокий и обширный взгляд, обхватывающий природу во всей ее бесконечности, как обхватывает молодой орел мощными когтями трепещущую добычу? Или и в самом деле он повстречал на перепутье какого-нибудь шестикрылого херувима? Или и в самом деле огненное чувство ставит в иные минуты смертного, без всяких со стороны его усилий, наравне с природою, и, послушная, она открывает ему свои таинственные недра, дает ему подсмотреть биение своего сердца и почерпать в лоне источника жизни эту живую воду, которая влагает дыхание жизни и в металл и в мрамор? Или и в самом деле огненное чувство дает смертному всезрящие очи и уничтожает его в природе, а природу уничтожает в нем, и, ее всемогущий властелин, он повелевает ею самовластно и, вместе с нею, раскидывается, по своей воле, подобно Протею⁵, на тысячи прекрасных явлений, воплощается в тысячи волшебных образов и те образы называет потом своими созданиями!.. Державин — это полное выражение, живая

¹ Отсылка к началу стихотворения «Привратнику». См. текст и примечания к нему в настоящем издании (с. 283).

² Имеется в виду портрет работы Тончи.

³ Оберон — в средневековых преданиях волшебный король эльфов и фей.

⁴ Отсылка к стихотворению А. С. Пушкина «Пророк».

⁵ Протей — в античной мифологии морское божество, способное менять облик.

¹ Здесь и далее под матушкой разумеется императрица Екатерина Великая.

² На интимных собраниях при дворе было запрещено говорить на иностранных языках. Нарушитель должен был выпить стакан невской воды и прочесть несколько стихов из поэмы Тредиаковского «Тилемахида».

летопись, торжественный гимн, пламенный дифирамб¹ века Екатерины, с его лирическим одушевлением, с его гордостью настоящим и надеждами на будущее, его просвещением и невежеством, его эпикуреизмом и жаждою великих дел, его пиришествною праздностью и неистощимою практическою деятельностью! Не ищите в звуках его песен, то смелых и торжественных, как гром победы, то веселых и шуточных, как застольный говор наших прадедов, то нежных и сладостных, как голос русских дев, не ищите в них тонкого анализа человека со всеми изгибами его души и сердца, как у Шекспира, или сладкой тоски по небу и возвышенных мечтаний о святой и великой жизни, как у Шиллера, или бешеных воплей души пресыщенной и всё еще несытой, как у Байрона: нет — нам тогда некогда было анатомизировать природу человеческую, некогда было углубляться в тайны неба и жизни, ибо мы тогда были оглушены громом побед, ослеплены блеском славы, заняты новыми постановлениями и преобразованиями; ибо тогда нам еще некогда было пресытиться жизнью, мы еще только начинали жить и потому любили жизнь; итак, не ищите ничего этого у Державина! Поищите лучше у него поэтической вести о том, как велика была несравненная, богоподобная Фелица киргизкайсацкая орды, как этот ангел во плоти разливал и сеял повсюду жизнь и счастье и, подобно Богу, творил всё из ничего; как были мудры ее слуги верные, ее советники усердные; как герой полуночи², чудо-богатырь, бросал за облака башни, как бежала тьма от его чела и пыль от его молодецкого посвисту, как под его ногами трещали горы и кипели бездны, как пред ним падали города и рушились царства, как он, при громах и молниях, при ужасной борьбе разъяренных стихий, сокрушил твердыни Измаила или перешел чрез пропасти Сент-Готара³; как жили и были вельможи русские с своим неистощимым хлебом-солью, с своим русским сибаритством и русским умом; как русские девы своими пламенными взорами и соболиными бровями разят души львов и сердца орлов, как блещат их бслые чсла златыми лентами, как дышат их нежные груди под драгими жемчугами, как сквозь их голубые жилки переливается розовая кровь, а на ланитах любовь врззала огневые ямки!

Невозможно исчислить неисчислимых красот созданий Державина. Они разнообразны, как русская природа, но все отличаются одним

общим колоритом: во всех них воображение преобладает над чувством, и всё представляется в преувеличенных, гиперболических размерах. Он не взволнует вашей груди сильным чувством, не выдавит слезы из ваших глаз, но, как орел добычу, схватывает вас внезапно и неожиданно и па крылах своих могучих строф мчит прямо к солнцу и, не давая вам опомниться, носит по беспредельным равнинам неба; земля исчезает у вас из виду, сердце сжимается от какого-то приятного изумления, смешанного со страхом, и вы видите себя как бы ринутыми порывом урагана в неизмеримый океан; волна то увлекает вас в бездны, то выбрасывает к небу, и душе вашей отдално и привольно в этой безбрежности. Как громка и величественна его песнь Богу! Как глубоко подсмотрел он внешнее благолепие природы и как верно воспроизвел его в своем дивном создании! И однако ж он прославил в нем одну мудрость и могущество Божие и только намекнул о любви Божией, о той любви, которая возвала к человекам: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы!», о той любви, которая с позорного креста мучения взывала к отцу: «отче, отпусти им: не ведают бо, что творят!» Но не осуждайте его за это: тогда было не то время, что ныне, тогда был восемнадцатый век. Притом же не забудьте, что ум Державина был ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности, что его стихиею и торжеством была природа внешняя, а господствующим чувством патриотизм, что в сем случае он был только верен своему бессознательному направлению и, следовательно, был истинен. Как страшна его ода «На смерть Мещерского»: кровь стынет в жилах, волосы, по выражению Шекспира, встают на голове встревоженною ратью, когда в ушах ваших раздается вещий бой глагола времен, когда в глазах мерещится ужасный остов смерти с косою в руках! Какою энергическою и дикою красотою дышит его «Водопад»: это песнь угрюмого севера, пропетая сребровласым скальдом во глубине священного леса, среди мрачной ночи, у пылающего дуба, зажженного молнией, при оглушающем реве водопада! Его послания и сатиры представляют совсем другой мир, не менее прекрасный и очаровательный. В них видна практическая философия ума русского; посему главное отличительное их свойство есть народность, народность, состоящая не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи. В сем отношении Державин народен в высочайшей степени. Как смешны те, которые величают его русским Пиндаром, Горацием, Анакреоном; ибо самая эта тройственность показывает, что он был ни то, ни другое, ни третье, но всё это вместе взятое, и, следовательно, выше всего этого отдельно взятого! Не так же ли нелепо было бы

¹ Дифирамб — хвалебная песня.

² Севера.

³ Имеются в виду победы А. В. Суворова: взятие Измаила (1790) и переход Альпийских гор (1799). Обе победы воспеты в отдельных одах Державина. Чудо-богатырями Суворов называл русских солдат.

назвать Пиндара или Анакреона греческим или Горация латинским Державиным, ибо если он сам не был ни для кого образцом, то и для себя не имел никого образцом? Вообще, надобно заметить, что его невежество было причиной его народности, которой, впрочем, он не знал цены; оно спасло его от подражательности, и он был оригинален и народен, сам не зная того. Обладая он всеобъемлющею ученостию Ломоносова — и тогда прости, поэт! Ибо, чего доброго? он пустился бы, пожалуй, в трагедии и, всего вернее, в эпопею: его неудачные опыты в драме доказывают справедливость такого предположения. Но судьба спасла его — и мы имеем в Державине великого, гениального русского поэта, который был верным эхом жизни русского народа, верным отголоском века Екатерины II.

Фонвизин был человек с необыкновенным умом и дарованием; но был ли он рожден комиком — на это трудно отвечать утвердительно. В самом деле, видите ли вы в его драматических созданиях присутствие идеи вечной жизни! Ведь смешной анекдот, предложенный на разговоры, где участвует известное число скотов, — еще не комедия. Предмет комедии не есть исправление нравов или осмеяние каких-нибудь пороков общества; нет: комедия должна живописать несообразность жизни с целью, должна быть плодом горького негодования, возбуждаемого унижением человеческого достоинства, должна быть сарказмом, а не эпиграммою, судорожным хохотом, а не веселою усмешкою, должна быть писана желчью, а не разведенною солью, словом, должна обнимать жизнь в ее высшем значении, то есть в ее вечной борьбе между добром и злом, любовью и эгоизмом. Так ли у Фонвизина? Его дураки очень смешны и отвратительны, но это потому, что они не создания фантазии, а слишком верные списки с натуры; его умные суть не иное что, как выпускные куклы, говорящие заученные правила благонравия; и всё это потому, что автор хотел учить и исправлять. Этот человек был очень смешлив от природы: он чуть не задохнулся от смеху, слыша в театре звуки польского языка, он был в Франции и Германии и нашел в них одно смешное: вот вам и комизм его. Да — его комедии суть не больше, как плод добродушной веселости, над всем издевавшейся, плод остроумия, но не создание фантазии и горячего чувства. Они явились впору и потому имели необыкновенный успех; были выражением господствующего образа мыслей образованных людей и потому нравились. Впрочем, не будучи художественными созданиями в полном смысле этого слова, они всё-таки несравненно выше всего, что ни написано у нас по сию пору в сем роде, кроме «Горя от ума» <...>. Одно уже это доказывает дарование сего писателя. Прочие его сочинения имеют цену еще, может быть, большую, но и в них он является умным наблюдателем и остро-

умным писателем, а не художником. Насмешка и шутливость составляют их отличительный характер. Кроме неподдельного дарования, они замечательны еще и по слогу, который очень близко подходит к Карамзинскому; особенно же драгоценны они тем, что заключают в себе многие резкие черты духа того любопытного времени.

Как забыть о Богдановиче? Какою славою пользовался он при жизни, как восхищались им современники и как еще восхищаются им и теперь некоторые читатели? Какая причина этого успеха? Представьте себе, что вы оглушены громом, трескотнею пышных слов и фраз, что все окружающие вас говорят монологами о самых обыкновенных предметах, и вы вдруг встречаете человека с простою и умною речью: не правда ли, что вы бы очень восхитились этим человеком? Подражатели Ломоносова, Державина и Хераскова оглушили всех громким одоением; уже начинали думать, что русский язык неспособен к так называемой легкой поэзии, которая так цвела у французов, и вот в это-то время является человек с сказкою, написанною языком простым, естественным и шутливым, слогом, по тогдашнему времени, удивительно легким и плавным: все были изумлены и обрадованы. Вот причина необыкновенного успеха «Душеньки», которая, впрочем, не без достоинств, не без таланта. Скрамный Хемницер был не понят современниками: им по справедливости гордится теперь потомство и ставит его наравне с Дмитриевым. Херасков был человек добрый, умный, благонамеренный и, по своему времени, отличный версификатор, но решительно не поэт. Его дюжинные «Россияда» и «Владимир» долго составляли предмет удивления для современников и потомков, которые величали его русским Гомером и Виргилием и проводили во храм бессмертия под щитом его длинных и скучных поэм¹; пред ним благоговел сам Державин, но, увы! ничто не спасло его от всепоглощающих волн Леты!² Петров недостаток истинного чувства заменял напыщенностию и совершенно доконал себя своим варварским языком. Княжнин был трудолюбивый писатель и, в отношении к языку и форме, не без таланта, который особенно замечен в комедиях. Хотя он целиком брал из французских писателей, но ему и то уже делает большую честь, что он умел из этих похищений составлять нечто целое, и далеко превзошел своего родича Сумарокова. Костров и Бобров были в свое время хорошие версификаторы.

Вот все гении века Екатерины Великой; все они пользовались громкою славою, и все, за исключением Державина, Фонвизина и Хемницера, забыты. Но все они замечательны как первые действова-

¹ Отсылка к надписи к портрету Хераскова, сочиненной И. И. Дмитриевым.

² Лета — в античной мифологии река забвения, протекающая в царстве мертвых.

тели на поприще русской словесности; судя по времени и средствам, их успехи были важны и преимущественно происходили от внимания и ободрения монархини, которая всюду искала талантов и всюду умела находить их. Но между ними только один Державин был таким поэтом, имя которого мы с гордостью можем поставить подле великих имен поэтов всех веков и народов, ибо он один был свободным и торжественным выражением своего великого народа и своего дивного времени. <...>

Первые действователи на поприще литературы никогда не забываются; ибо, талантливые или бездарные, они в обоих случаях лица исторические. Не в одной истории французской литературы имена Ронсаров, Гарнье и Гарли¹ всегда предшествуют именам Корнелей и Расинов. Счастливые люди! как дешево достается им бессмертие! В предшествовавшей статье моей я впал в непростительную ошибку, ибо, говоря о поэтах и писателях века Екатерины II, забыл о некоторых из них. Посему теперь почитаю неслыханным долгом исправить мою ошибку и упомянуть о Поповском, порядочном стихотворце и прозаике своего времени; Майкове, который своими созданиями, относившимися во времена оны во всех пиитиках к какому-то роду комических поэм, не мало способствовал к распространению в России дурного вкуса и заставил знаменитого нашего драматурга, кн. Шаховского, написать довольно невысокое стихотворение под названием: «Расхищенные шубы»; Аблесимове, который как будто ненарочно или по ошибке, между многими плохими драмами, написал прекрасный народный водевиль «Мельник», произведение, столь любимое нашими добрыми дедами и еще и теперь не потерявшее своего достоинства; Рубане, которому, по милости и доброте наших литературных судей былых времен, бессмертие досталось за самую дешевую цену; Нелединском, в песнях которого сквозь румяны сентиментальности проглядывало иногда чувство и блестящий талант; Ефимьеве и Плавильщикове, некогда почитавшихся хорошими драматургами, но теперь, увы! совершенно забытых, несмотря на то, что и сам почтенный Николай Иванович Греч не отказывал им в некоторых будто бы достоинствах. Кроме сего, царствование Екатерины II было ознаменовано таким дивным и редким у нас явлением, которого, кажется, еще долго не дожидаться нам, грешным. Кому не известно, хотя по наслышке, имя Новикова? Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом необыкновенном и, смею сказать, великом человеке! У нас всегда так: кричат без умолку о каком-нибудь Сумарокове, бездарном

писателе, и забывают о благодетельных подвигах человека, которого вся жизнь, вся деятельность была направлена к общей пользе!..

Век Александра Благословенного, как и век Екатерины Великой, принадлежит к светлым мгновениям жизни русского народа и, в некотором отпопении, был его продолжением. Это была жизнь беспечная и веселая, гордая настоящим, полная надежд на будущее. Мудрые узаконения и нововведения Екатерины укоренились и, так сказать, окрепли; новые благодетельные учреждения царя юного и кроткого упрочивали благосостояние Руси и быстро двигали ее вперед на поприще преуспевания. В самом деле, сколько было сделано для просвещения! Сколько основано университетов, лицеев, гимназий, уездных и приходских училищ! И образование начало разливаться по всем классам народа, ибо оно сделалось более или менее доступным для всех классов народа. Покровительство просвещенного и образованного монарха, достойного внука Екатерины, отыскивало повсюду людей с талантами и давало им дорогу и средства действовать на избранном ими поприще. В это время еще впервые появилась мысль о необходимости иметь свою литературу. В царствование Екатерины литература существовала только при дворе; ею занимались потому, что государыня занималась ею. Плохо пришлось бы Державину, если бы ей не понравились его «Послание к Фелице» и «Вельможа»; плохо бы пришлось Фонвизину, если бы она не смеялась до слез над его «Бригадиром» и «Недорослем»; мало бы оказывалось уважения к певцу «Бога» и «Водопада», если бы он не был действительным тайным советником и разных орденов кавалером. При Александре все начали заниматься литературой, и титул стал отделяться от таланта. Явилось явление новое и доселе неслыханное: писатели сделались двигателями, руководителями и образователями общества; явились попытки создать язык и литературу. Но, увы! не было прочности и основательности в этих попытках; ибо попытка всегда предполагает расчет, а расчет предполагает волю, а воля часто идет наперекор обстоятельствам и разногласит с законами здравого смысла. Много было талантов и ни одного гения, и все литературные явления рождались не вследствие необходимости, произвольно и бессознательно, не вытекали из событий и духа народного. Не спрашивали: что и как нам должно было делать? Говорили: делайте так, как делают иностранцы, и вы будете хорошо делать. Удивительно ли после того, что, несмотря на все усилия создать язык и литературу, у нас не только тогда не было ни того ни другого, но даже нет и теперь! Удивительно ли, что при самом начале литературного движения у нас было так много литературных школ и не было ни одной истинной и основательной; что все они рождались как грибы после дождя, и исчезали, подобно мыльным

¹ Участники кружка «Плеяда», поэты XVI в., творчество которых еще не было оценено по достоинству.

пузырям; и что мы, еще не имея никакой литературы, в полном смысле сего слова, уже успели быть и классиками и романтиками, и греками и римлянами, и французами и итальянцами, и немцами и англичанами?..

Два писателя встретили век Александра и справедливо почитались лучшим украшением начала оного: Карамзин и Дмитриев. Карамзин — вот актер нашей литературы, который еще при первом своем дебюте, при первом своем появлении на сцену, был встречен и громкими рукоплесканиями и громким свистом! Вот имя, за которое было дано столько кровавых битв, произошло столько отчаянных схваток, переломлено столько копий! И давно ли еще умолкли эти бранные вопли, этот звук оружия, давно ли враждующие партии вложили мечи в ножны и теперь селятся объяснить себе, из чего они воевали? Кто из читающих строки сии не был свидетелем этих литературных побоев, не слышал этого оглушающего рева похвал преувеличенных и бессмысленных, этих порицаний, частью справедливых, частью нелепых? И теперь, на могиле незабвенного мужа, разве уже решена победа, разве восторжествовала та или другая сторона? Увы! еще нет! С одной стороны, нас, как «верных сынов отчизны», призывают «молиться на могиле Карамзина» и «шептать его святое имя», а с другой — слушают это воззвание с недоверчивой и насмешливою улыбкою. Любопытное зрелище! Борьба двух поколений, не понимающих одно другого! <...>

Карамзин отметил своим именем эпоху в нашей словесности; его влияние на современников было так велико и сильно, что целый период нашей литературы от девятых до двадцатых годов по справедливости называется периодом Карамзинским. Одно уже это достаточно доказывает, что Карамзин, по своему образованию, целою головою превышал своих современников. За ним еще и по сию пору, хотя нетвердо и неопределенно, кроме имени историка, остаются имена писателя, поэта, художника, стихотворца. Рассмотрим его права на эти титулы. Для Карамзина еще не наступило потомство. Кто из нас не утешался в детстве его повестями, не мечтал и не плакал с его сочинениями? А ведь воспоминания детства так сладостны, так обольстительны: можно ли тут быть беспристрастным? Однако ж попытаемся.

Представьте себе общество разнохарактерное, разнородное, можно сказать, разноплеменное; одна часть его читала, говорила, мыслила и молилась Богу на французском языке; другая знала наизусть Державина и ставила его наравне не только с Ломоносовым, но и с Петровым, Сумароковым и Херасковым; первая очень плохо знала русский язык; вторая была приучена к напыщенному, схоластическо-

му языку автора «Россииды» и «Кадма и Гармонии»; общий же характер обеих состоял из полудикости и полуобразованности; словом, общество с охотою к чтению, но без всяких светлых идей об литературе. И вот является юноша, душа которого была отверзта для всего благого и прекрасного, по которому, при счастливых дарованиях и большом уме, был обделен просвещением и ученою образованностью, как увидим ниже. Не ставши наравне с своим веком, он был несравненно выше своего общества. Этот юноша смотрел на жизнь, как на подвиг, и, полный сил юности, алкал славы авторства, алкал чести быть споспешествователем успехов отечества на пути к просвещению, и вся его жизнь была этим святым и прекрасным подвижничеством. Не правда ли, что Карамзин был человек необыкновенный, что он достоин высокого уважения, если не благоговения? Но не забывайте, что не должно смешивать человека с писателем и художником. <...> Намерение и исполнение — две вещи различные. Теперь посмотрим, как выполнил Карамзин свою высокую миссию.

Он видел, как мало было у нас сделано, как дурно понимали его соотечественники по ремеслу, что должно было делать, видел, что высшее сословие имело причину презирать родным языком, ибо язык письменный был в раздоре с языком разговорным. Тогда был век фразеологии, гнались за словами и мысли подбирали к словам только для смысла. Карамзин был одарен от природы верным музыкальным ухом для языка и способностью объясняться плавно и красно, следовательно, ему не трудно было преобразовать язык. Говорят, что он сделал наш язык сколком с французского, как Ломоносов сделал его сколком с латинского; это справедливо только отчасти. Вероятно, Карамзин старался писать, как говорится. Погрешность его в сем случае та, что он презрел идиомы русского языка, не прислушивался к языку простонародному и не изучал вообще родных источников. Но он исправил эту ошибку в своей «Истории». Карамзин предположил себе целью — приучить, приохотить русскую публику к чтению. Спрашиваю вас: может ли призвание художника согласиться с какой-нибудь заранее предположенной целью, как бы ни была прекрасна эта цель? Этого мало: может ли художник унижаться, нагнуться, так сказать, к публике, которая была бы ему по колена и потому не могла бы его понимать? Положим, что и может; тогда другой вопрос: может ли он в таком случае остаться художником в своих созданиях? Без всякого сомнения, нет. Кто объясняется с ребенком, тот сам делается на это время ребенком. Карамзин писал для детей и писал по-детски: удивительно ли, что эти дети, сделавшись взрослыми, забыли его и, в свою очередь, передали его сочинения своим детям? Это в порядке вещей: дитя с доверчивостию и с горячею верою слушал рассказы своей старой

няни, водившей его на помочах, о мертвецах и привидениях, а выросши, смеется над ее рассказами. Вам поручен ребенок: смотрите ж, что этот ребенок будет отроком, потом юношей, а там и мужем, и потому следите за развитием его дарований и, сообразно с ним, перемещайте методу вашего ученья, будьте всегда выше его; иначе вам худо будет: этот ребенок станет в глаза смеяться над вами. Уча его, еще больше учите сами, а не то он перегонит вас: дети растут быстро. Теперь скажите, по совести, <...>: кто виноват, что как прежде плакали над «Бедною Лизою», так ныне смеются над нею? <...> Другие времена, другие нравы! Повести Карамзина приучили публику к чтению, многие выучились по ним читать; будем же благодарны их автору; но оставим их в покое, даже вырвем их из рук наших детей, ибо они наделают им много вреда: растлят их чувство приторною чувствительностию.

Кроме сего, сочинения Карамзина теряют в наше время много достоинства еще и оттого, что он редко был в них искренен и естествен. Век фразеологии для нас проходит; по нашим понятиям фраза должна прибираться для выражения мысли или чувства; прежде мысль и чувство приискивались для звонкой фразы. <...> Ныне едва ли найдется такой добренький простачок, который бы поверил, что обильные потоки слез Карамзина изливались от души и сердца, а не были любимым кокетством его таланта, привычными ходульками его авторства. Подобная ложность и натянутость чувства тем жалостнее, когда автор человек с дарованием. <...> Итак, здесь авторитет не только <не> оправдание, но еще двойная вина. В самом деле, не странно ли видеть взрослого человека, хотя бы этот человек был сам Карамзин, не странно ли видеть взрослого человека, который проливает обильные источники слез и при взгляде на кривой глаз великого мужа грамматики, и при виде необозримых песков, окружающих Кале, и над травками, и над муравками, и над букашками и таракашками?.. Ведь и то сказать:

Не всё нам реки слезные
Лить о бедствиях существенных!¹

Эта слезливость или, лучше сказать, плаксивость нередко портит лучшие страницы его истории. Скажут: тогда был такой век. Не правда: характер осмнадцатого столетия отнюдь не состоит в одной плаксивости; притом же здравый смысл старше всех столетий, а он запрещает плакать, когда хочется смеяться, и смеяться, когда хочется плакать. Это просто было детство смешное и жалкое, мания странная и неизлечимая.

¹ Цитата из поэмы Н. М. Карамзина «Имя-богатырь».

Теперь другой вопрос: столько ли он сделал, сколько мог, или меньше? Отвечаю утвердительно: меньше. Он отправился путешествовать: какой прекрасный случай предстал ему развернуть пред глазами своих соотечественников великую и обольстительную картину вековых плодов просвещения, успехов цивилизации и общественного образования благородных представителей человеческого рода!.. Ему так легко было это сделать! Его перо было так красноречиво! Его кредит у современников был так велик! И что ж он сделал вместо всего этого? Чем наполнены его «Письма русского путешественника»? Мы узнаем из них, по большей части, где он обедал, где ужинал, какое кушанье подавали ему и сколько взял с него трактирщик; узнаем, как г. Б*** волочился за г-жою N и как белка опаралась ему нос; как восходило солнце над какою-нибудь швейцарскою деревушкою, из которой шла пастушка с букетом роз на груди и гнала перед собою корову... Стоило ли из этого ездить так далеко?.. Сравните в сем отношении «Письма русского путешественника» с «Письмами к вельможе» Фонвизина, — письмами, написанными прежде: какая разница! Карамзин виделся со многими знаменитыми людьми Германии, и что же он узнал из разговоров с ними? То, что все они люди добрые, наслаждающиеся спокойствием совести и ясностию духа. И как скромны, как обыкновенны его разговоры с ними! Во Франции он был счастливее в сем случае, по известной причине: вспомните свидание русского скифа с французским Платоном. Отчего же это произошло? Оттого, что он не приготавливался надлежащим образом к путешествию, что не был учен основательно. Но, несмотря на это, ничтожность его «Писем русского путешественника» происходит больше от его личного характера, чем от недостатка в сведениях. Он не совсем хорошо знал нужды России в умственном отношении. О стихах его нечего много говорить: это те же фразы, только с рифмами. В них Карамзин, как и везде, является преобразователем языка, а отнюдь не поэтом.

Вот недостатки сочинений Карамзина, вот причина, что он так был скоро забыт, что он едва не пережил своей славы. Справедливость требует заметить, что его сочинения там, где он не увлекается сентиментальностию и говорит от души, дышат какою-то сердечною теплотою; это особенно заметно в тех местах, где он говорит о России. Да, он любил добро, любил отечество, служил ему сколько мог; имя его бессмертно, но сочинения его, исключая «Истории», умерли, и не воскреснуть им <...>

«История государства Российского» есть важнейший подвиг Карамзина; он отразился в ней весь со всеми своими недостатками и достоинствами. Не берусь судить о сем произведении ученым образом, ибо, признаюсь откровенно, этот труд был бы далеко не под силу мне.

Мое мнение (весьма не новое) будет мнением любителя, а не знатока. Сообразив всё, что было сделано для систематической истории до Карамзина, нельзя не признать его труда подвигом исполинским. Главный недостаток оного состоит в его взгляде на вещи и события, часто детском и всегда, по крайней мере, не мужеском; в ораторской шумихе и неуместном желании быть наставительным, поучать там, где сами факты говорят за себя; в пристрастии к героям повествования, делающем честь сердцу автора, но не его уму. Главное достоинство его состоит в занимательности рассказа и искусном изложении событий, нередко в художественной обрисовке характеров, а более всего в слоге, в котором Карамзин решительно торжествует здесь. В сем последнем отношении у нас и по сию пору не написано еще ничего подобного. В «Истории государства Российского» слог Карамзина есть слог русский по преимуществу; ему можно поставить в параллель только в стихах «Бориса Годунова» Пушкина. Это совсем не то, что слог его мелких сочинений; ибо здесь автор черпал из родных источников, упитан духом исторических памятников; здесь его слог; за исключением первых четырех томов, где по большей части одна риторическая шумиха, но где всё-таки язык удивительно обработан, имеет характер важности, величавости и энергии и часто переходит в истинное красноречие. Словом, по выражению одного нашего критика, в «Истории государства Российского» языку нашему воздвигнут такой памятник, о который время изломает свою косу. Повторяю: имя Карамзина бессмертно, но сочинения его, исключая «Историю», уже умерли и никогда не воскреснут!..

Почти в одно время с Карамзиным выступил на литературное поприще и Дмитриев (И. И.). Он был в некотором отношении преобразователь стихотворного языка, и его сочинения, до Жуковского и Батюшкова, справедливо почитались образцовыми. Впрочем, его поэтическое дарование не подвержено ни малейшему сомнению. Главный элсмент его таланта есть остроумие, посему «Чужой толк» есть лучшее его произведение. Басни его прекрасны; им недостает только народности, чтоб быть совершенными. В сказках же Дмитриев не имел себе соперника. Кроме сего, его талант возвышался иногда до лиризма, что доказывается прекрасным его произведением «Ермак» и особенно переводом, подражанием или переделкою (назовите как угодно) пьесы Гёте, которая известна под именем «Размышления по случаю грома»...

Крылов возвел у нас басню до *pes plus ultra*¹ совершенства. Нужно ли доказывать, что это гениальный поэт русский, что он неизмеримо

возвышается над всеми своими соперниками? Кажется, в этом никто не сомневается. Замечу только, впрочем, не я первый, что басня оттого имела на Руси такой чрезвычайный успех, что родилась не случайно, а вследствие нашего народного духа, который страх как любит побасенки и примечания. Вот самое убедительнейшее доказательство того, что литература непременно должна быть народною, если хочет быть прочною и вечною! Вспомните, сколько было у иностранцев неудачных попыток перевести Крылова. Следовательно, те жестоко ошибаются, которые думают, что только рабским подражанием иностранцам можно обратить на себя их внимание.

Озерова у нас почитают и преобразователем и творцом русского театра. Разумеется, он ни то, ни другое; ибо русский театр есть мечта разгоряченного воображения наших добрых патриотов. Справедливо, что Озеров был у нас первым драматическим писателем с истинным, хотя и не огромным талантом; он не создал театра, а ввел к нам французский театр, т. е. первый заговорил истинным языком французской Мельпомены. Впрочем, он не был драматиком в полном смысле сего слова: он не знал человека. Приведите на представление Шекспировой или Шиллеровой драмы зрителя без всяких познаний, без всякого образования, но с природным умом и способностью принимать впечатления изящного: он, не зная истории, хорошо поймет, в чем дело; не понявши исторических лиц, прекрасно поймет человеческие лица; но когда он будет смотреть на трагедию Озерова, то решительно ничего не уразумеет. Может быть, это общий недостаток так называемой классической трагедии. Но Озеров имеет и другие недостатки, которые происходили от его личного характера. Одаренный душою нежною, но не глубокою, раздражительною, но не энергическою, он был не способен к живописи сильных страстей. Вот отчего его женщины интереснее мужчин; вот отчего его злодеи ни больше, ни меньше, как олицетворение общих родовых пороков; вот отчего он из Фингала сделал аркадского пастушка и заставил его объясняться с Моиною мадригалами, скорее приличными какому-нибудь Эрасту Чертополохову¹, чем грозному поклоннику Одена. Лучшая его пьеса, без сомнения, есть «Эдип», а худшая «Дмитрий Донской», эта надутая ораторская речь, переложенная в разговоры. Теперь никто не станет отрицать поэтического таланта Озерова, но вместе с тем и едва ли кто станет читать его, а тем более восхищаться им².

¹ Пародийный персонаж, наделенный гипертрофированной чувствительностью.

² Печатается по: *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. I. М., 1953. С. 41–62.

¹ Высшей степени (*лат.*).

Барон Николай Николаевич Врангель¹

Женщина в русском искусстве XVIII века

«Душонок мой, дурак, дорогие сладкие губки, кот заморский, лев в тростнике, милый, милушка, милая милуша, павлин, радость, *mon beau faisan d'or*², славный и сладкий, собственный мой милый, татарин, тигр, шалун, сударушка», — вот слова ласки, которые говорила женщина XVIII века своим возлюбленным. Этот «язык любви», как сладостный вздох ветерка, навеивает мысли о минувшем веке.

Но был ли этот век пудры и вздохов, век воркующих голубей, «томных арф», «пастухов и пастушек» таким, каким создала его греза художников? Что это — правда жизни, которую отразил Сумароков в своих «Песнях», Капнист — в душистых, как весенние ландыши, «Вздохах», Дмитриев, Ермил Костров и Богданович? Или просто выдумка, «вздор», неправда, которой тешили себя поэты? И то, и другое. Любовная лирика XVIII века — не отражение жизни, но и не ложь. Это сон о жизни, греза о действительности. Это квинтэссенция мечтательного желания, вылившегося в чистые кристаллы слов. И когда сравниваешь правду жизни, «то, что было», с тем, «что рассказано», то еще яснее становится тот красивый дурман, которым так легко и умело опьяняли себя люди времен Елисаветы, Екатерины и Павла.

Русские XVIII века, остриженные и переодетые Петром, вместе с «Всепьянейшим Собором»³, потеряли все свои старые идеалы. Женщина, запертая в светлице, выведена на хмельную ассамблею, на грубые пирушки с гогочущими здоровенными немецкими конюхами и русскими пьяницами. Шуты и скоморохи, весь «балаган жизни», вдруг выброшенный из темных углов в общественность, сразу перевернул все прежние понятия о домовитости и благопристойности русского человека. Те, кто накануне еще кланялись Богу и его святым, кто вчера еще блюли заветы старой Церкви, — стали вдруг вместе с

«Царем-Антихристом» надругиваться над прежними святынями. «Княгиня-игуменья» и «князь-папа» в непристойной святотатственной пляске среди прихлебателей Великого Преобразователя России символизировали «*Todentanz*»⁴ над старой жизнью. Все женщины, долгие годы таившие свои страстные вздохи среди стен домов, вырвавшись на свободу, сразу опьянились жизнью и ее радостями.

Князь Щербатов в своем «Повреждении нравов в России»² говорит: «Приятно стало женскому полу, бывшему почти до сего невольницами в домах своих, пользоваться всеми удовольствиями общества, украшать себя одежаниями и уборами, умножающими красоту лица их и оказующими их хороший стан; немалое ж им удовольствие учинило, что могли прежде видеть, с кем должны навек совокупиться. Страсть любовная, до того почти в грубых нравах незнаемая, начала чувствительными сердцами овладевать, и первое утверждение сей перемены от действия чувств произошло. А сие самое и учинило, что жены, до того не чувствующие своей красоты, стали силу ее познавать, стали стараться умножать ее пристойными одежаниями и более предков своих, распростерли роскошь в украшениях».

«Дщерь Петрова»³, как известно, также любила веселые кутежи, «сказывают, особенно любила токайское», и фаворитизм, процветавший при дворе, был, как и всегда, примером для всего русского общества.

После веселой распутной Елисаветы царствование Петра III было также полно любовных утех.

«Не токмо государь, — рассказывает М. М. Щербатов, — угождая своему любострастию, тако благородных женщин для удовольствия имел, но и весь двор в такое пришел состояние, что каждый почти имел незакрытую свою любовницу; а жены, не скрываясь ни от мужа, ни родственников, любовников себе искали. Исчислило ли я к стыду тех жен, которые не стыдились впадать в такие любострастия, с презрением стыда и благопристойности, иже сочиняет единую из главнейших добродетелей жен? Нет, да сокроются от потомства имена их, и роды их да не обесчепутся напаметований преступлений их матерей и бабок».

«Московские дамы отличаются любезностью, — говорит Казанова⁴ посетивший Россию в 1766 году. — Они ввели в моду премилый

¹ Барон Н. Н. Врангель (1880–1915) — видный русский искусствовед, знаток и исследователь старинного усадебного искусства, журналист, близок к кругу общества «Мир искусства»; младший брат известного руководителя Белого движения в годы Гражданской войны.

² Прекрасный мой золотой фазан (*фр.*).

³ Всепьянейший собор под предводительством князя-папы (боярина Ромодановского) — шутовские карнавальные кощунственные церемонии, устраивавшиеся Петром Великим.

¹ «Пляска смерти» (*нем.*). Здесь: надгробная пляска.

² Князь М. М. Щербатов (1733–1790) — видный историк и общественный деятель, консерватор. В трактате «О повреждении нравов в России» (1787) он дал смелую и резкую характеристику российского общества.

³ Императрица Елисавета Петровна.

⁴ Дж. Казанова (1725–1798) — итальянский литератор и авантюрист, известный любовными похождениями.

обычай, который желательно было бы распространить и в других краях, а именно: довольно чужестранцу поцеловать у них руку, чтобы они тотчас же подставили и ротик для поцелуя. Не сочту, сколько я ручек спешил расцеловать в течение первой недели моего пребывания».

Свобода отношений в XVIII веке, особенно во второй его половине, была удивительно проста. Девушки, почти дети, уже мечтали о любовных утехах, создавая сладкий мир грез. В книге «Переписка мод», изданной в 1791 году¹, говорится о современных женщинах: «Девушки почитают за достоинство иметь много любовников и мало к ним любви. В самое же то время когда они по богатству выходят за одного мужа, тогда по сердцу обручаются со всеми, которые им милы».

Такого рода взгляды и легкое отношение к любовным ласкам прививалось в очень ранние годы. Многие еще в детском возрасте выходили замуж, почти совсем не зная своих женихов. Княжна Мещерская, мать Римской-Корсаковой, вышла замуж — двенадцати лет, Н. М. Телегина — одиннадцати. Таких примеров во всех слоях общества можно привести множество. К тому же надо прибавить те гаремы из крепостных, которые имели почти все помещики. У князя Н. Б. Юсупова в его подмосковной² было собрание портретов более 300 красавиц, расположением коих он пользовался.

В этой волшебной атмосфере XVIII столетия все были опьянены красивым дурманом страсти. Правду скучной жизни никто не хотел знать. Все создавали себе химеры, хотя бы из тех крепостных Малаших, Дунек и Лиз, которых самодуры-помещики заставляли играть роли богинь на картинах и героинь на сценах помещичьих театров.

Вся жизнь превратилась в театральную декорацию, и все разыгрывали роли актеров и актрис, не замечая, как иногда грубо сшиты их платья, как картонны декорации и как путает суфлер. Вся эта «нарочитая неправда» минувшего жизненного строя теперь уже не возродится никогда. В этом мире красивой лжи было совсем особое, плеснительное издали, острое и пряное смешение утонченной изысканности и грубой животной страсти. Так было до конца XVIII века.

Следующее поколение романтических мечтателей Александровской эпохи стало дальше от жизни, жило более мечтой, чем страстью тел. Геройские подвиги эпохи «Войны и мира» заставили надолго забыть пастушескую идиллию XVIII столетия.

¹ Имеется в виду сатирическое издание Н. Н. Страхова.

² В подмосковной усадьбе. Имеется в виду Архангельское, знаменитое поместье видного дипломата и мецената Н. Б. Юсупова (1750–1837), воспетого А. С. Пушкиным в стихотворении «К вельможе».

Как же теперь рисуется нам русская женщина XVIII века не по правдивым протоколам жизни, а по стихам поэтов, картинам и портретам художников? Подчеркнули или затушевали они яркие черты русского быта? Нет, они просто забыли их, уйдя в другой мир, где есть «воспоминание о земле», но нет ни копии, ни правды жизни. Они создали себе замок грез, полный нежной, ласковой, мечтательной поэзии. И, как дети, они стали играть со своими разряженными куклами, воображая, что это настоящие живые люди. Недаром же в XVIII столетии так любили театр марионеток...

Но, зная жизнь прошлого, еще увлекательнее кажется условный стиль, жеманная манера переложения правды на выдумку. Ведь если читаешь воспоминания того времени, бесхитростную переписку — эти беспристрастные документы жизни, то поражаешься прежде всего той странной смесью грубого и изысканного, неряшливости и внешнего лоска, которые в своеобразном сплетении дают такой пряный аромат русской жизни XVIII века. И тогда еще более ценишь поэзию этой эпохи, любишь тех, кто только силой фантазии смог превратить быль в сказку, людей в богов, капустный огород — в лес «Спящей красавицы». Долго любишь этими бутафорскими словами и образами, которые составляют весь «живой инвентарь» поэзии XVIII века. И милы, дороги и красивы нам игрушки — слова Сумарокова, Дмитриева и Богдановича: «розы», «бабочки», «голубки», «цветочки» и «пастушок». Яркое и выпуклое выявляются изящные, драгоценные безделушки «ювелиров слова» на несколько грубом, но сочном фоне русской действительности. Кажется, будто видишь не тела, но души всех этих Анют, Аглай, Катенок и Лизанек, чувствуешь сокровенные, «придуманные» ими слова любви и ласки. Что же другое нужно от поэзии, от красивого эха плачущих струн сердца?

В живописи XVIII столетия мы находим те же черты условности, ту же изысканную пантомиму. Люди этого времени были слишком хорошо воспитаны, чтобы рассказывать быль. Они понимали, что факты жизни окажутся жалкими словами для потомков и только ложь и фантастика останутся навсегда. Вот отчего в картинах и портретах этого времени тот же особый стиль пасторальной, бутафорской красоты. «Живописец всегда должен стараться изображать токмо выгодные лица или приятные моменты. Нос кривоватый можно поправить, грудь сухую, плеча слишком высокие принаравливать к хорошей осанке». Так говорится в наставлении «совершенному живописцу».

Действительно, на картинах этого времени женщина рисуется нам какой-то особенной, прекрасной. Кажется, будто всегда она была нарядной и холерной, что она мыслила и чувствовала изящно. И как теперь в литературе и живописи намеренно подчеркивается в жен-

щине все, что в ней есть распущенного и нездорового, так тогда, в XVIII столетии, говорились о ней только «изысканная правда» и «красивая ложь». Но под этими бутафорскими словами всегда чувствуется острый и опьяняющий аромат скрытой правды. Порочные мысли и чувства поэтов парочито заключены в почти детские образы, выражаются условными, наивными словами. И тем более поражают и волнуют они, когда знаешь, что испорченные большие дети только притворяются маленькими, играя на своих театральных подмостках в куклы. Вот почему в этом кажущемся ребяческом и невинном лепете таится такой особенный, неотразимый и губительный злой яд. Этот яд и в картинах художников, и в стихах поэтов — словом, во всем, что сохранило благоухание XVIII века: в табакерках и вёсрах, в кружеве музыки и в остро словии прежней речи. Ведь не все ли равно, какие игрушки забавляют взрослых: игрушки звуков или слов или игрушки красок?

И вот, людям нынешнего века так весело и хорошо вспоминать об играх своего детского возраста: взрослым прикидываться маленькими, злым — добрыми, а испорченным — невинными детьми. Так забавно и радостно смешать старое и молодое, слишком умное со слишком глупым. И забыть про свой век, про свою скуку, и боль, и тоску под ласковые дорогие слова женских писем: «душонок мой, дурак, кот заморский, шалун, сударушка, *mon beau faisan d'or*, славный и сладкий...»¹.

Лев Васильевич Пумпянский¹

Поэзия Тредиаковского

В сравнении с местом Тредиаковского в истории русского стихосложения <...> место его в истории нашей поэзии гораздо скромнее. Но неверно думать, что он был бездарным поэтом: он был в высшей степени своеобразен, и это своеобразие свое он упорно отстаивал против победивших стилей Ломоносова и Сумарокова. Своеобразие это уже потому заслуживает анализа, что оно не является случайным капризом, а, напротив, имеет определенный историко-культурный, а следовательно, и историко-социальный смысл.

Это была позиция затрудненной стихотворной речи. Уже рано, по-видимому, Тредиаковский стал считать латинский синтаксис идеальной нормой для всякой синтаксически упорядоченной речи <...> Тредиаковский сознательно стремится эту латинскую систему насильственно перенести в русский стих.

В «Эпистоле к Аполлону» (1735) таких насильственно латинизированных стихов так много, что случайностью это объяснить нельзя:

Был Виргилия Скарон осмеять шутливый²,

т. е. Скаррон был достаточно остроумен, чтобы осмеять (пародировать) Виргилия <...>

Особенно пленило Тредиаковского свободное место междометия в латинской фразе. В результате «ах» или «о» стоит у него (сотни раз) там, где меньше всего ожидаешь восклицательного перерыва фразы...

Нспрестанною любви мучит, ах! бедою...

...Илидоры нет уж, ах! нет уж предрагия <...>

Также на латинский лад Тредиаковский переносит во всей фразе союз «и» («мельник и сказал»); эта странность еще усилена употреб-

¹ Пумпянский Л. В. (1891–1940) — литературовед, один из значительнейших исследователей русской литературы XVIII в.

² Тредиаковский использует написание Виргилий. Поль Скаррон (1610–1660) — французский писатель, автор бурлескной поэмы «Виргилий наизнанку».

¹ Печатается по: Сборник любовной лирики XVIII века. СПб., 1910. С. XI–XVIII.

лением союза «а» в смысле «и» (по-видимому, полонизм¹, воспринятый через бурсу²):

Некогда отстал паук от трудов и дела,
А собрался, вдале пошел, мысль куда велела.

Еще более затемняется смысл беспримечной в русской поэзии свободой инверсии. Именно благодаря непрерывным инверсиям стихи Тредиаковского часто нуждаются в переводе на обычную конструкцию; без перевода они непонятны. Так, например, не сразу понятно начало такой важной программной пьесы, как «Эпистола к Аполлону»:

Девяти Парнаских сестр купно Геликона,
О начальник Аполлон, и Пермесска звона!
Посылаю ти сию, русска поэзия,
Кланяясь до земли, должно что, самую.

Это значит: «О, Аполлон, начальник девяти парнаских сестер, также Геликона и пермесского звона! Я, русская поэзия, посылаю тебе сию (эпистолу), кланяясь (при этом), как и должно, до самой земли».

Чтобы понять литературный смысл такой сплошной латинизации синтаксиса русской стихотворной речи, надо заметить, прежде всего, одно очень важное обстоятельство: оды (четырехстопным ямбом) и особенно александрийские стихи, т. е. стихи ломоносовских метров, Тредиаковский пишет не по «Тредиаковскому», а более или менее общим для 1750-х годов стилем, конечно, хуже и несколько темнее, чем Ломоносов и Сумароков, но приблизительно так же, как написаны их второстепенные стихи. Но совсем иначе, сплошь «по Тредиаковскому», написаны все стихи его собственного метра, когда-то им изобретенного, т. е. семистопного хоря <...>:

Совокупно двое ехали на корабле,
Меж собою были в крайнем недружбы зле;
Так один из них сидел на носу за спором,
А другой тут место взял на корме с прибором.
Вот пресильна буря стала море волновать
И корабль, валами всеконечно разбивать...

Сразу перед нами инверсии («в недружбы зле»), слова-затычки (так, тут), ненужные для действия и не оправданные в дальнейшем

детали (один «за спором», а другой «с прибором»), канцелярские славянизмы («всеконечно»), странные сочетания слов («зло недружбы») и т. д. Вывод может быть только один: так как Тредиаковский умеет писать и нормальной для середины XVIII века стихотворной речью, если он в ряде случаев и особенно в любимых им размерах пишет иначе, то это не каприз, не косноязычие... не стилистическая бездарность, а осуществление своей стилистической нормы. Норма эта была для середины XVIII века, для ломоносовской эпохи, архаичной, потому что она возникла еще в прошлом веке в богословской школе. Ее сложили латинское школярство, приказная канцелярская витиеватость и речевые навыки духовенства <...> Именно в этой среде, из смешения грубого просторечия <...> с церковнославянским языком и славянизированным языком бумаг канцелярии, в переработке этого многосоставного жаргона латинской грамматикой <...> сложилась особая языковая культура <...> В послепетровскую эпоху вся эта столетняя культура не только не умерла, но именно в Тредиаковском нашла одно из последних и самое яркое выражение. Схоластический стих, конечно, был уже архаичен в ломоносовские годы, и именно этим объясняется борьба, которую Ломоносов и Сумароков вели против Тредиаковского; но архаичность не есть незаконность. Напротив, вооруженный новоевропейской наукой <...> обогащенный лучшим знанием и античности, и новых литератур, схоластический стиль пережил в поэзии Тредиаковского свое европеизированное возрождение. Вот почему место Тредиаковского в истории русской поэзии, при своей скромности, аналогично <...> его роли в истории стихосложения; как новый стих Тредиаковского был не разрывом с силлабической системой, а ее реформой, так поэзия Тредиаковского была расширенным и реформированным эпилогом к истории целого периода в истории поэзии <...>¹

1939

¹ Полонизм — заимствование из польского языка.

² В Польше и на Украине бурсой называли школу, преимущественно церковную.

¹ Печатается по: Гукковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1998. С. 69–73.

Григорий Александрович Гуковский¹

Стиль Ломоносова

<...> Поэтическая деятельность Ломоносова протекала в ту эпоху, когда все европейские литературы были в большей или меньшей степени захвачены властью классицизма. Конечно, Ломоносов не мог не подчиниться до известной степени инерции этого могучего стиля <...> Но в основном, в самой сути <...> поэзия Ломоносова не может быть включена в круг явлений, обозначаемых наименованием классицизма. Ей остался чужд рационалистический взгляд на действительность, на искусство, на слово <...> боязнь фантазии, схематизация отвлеченной мысли <...> Деловитая простота, трезвость классицизма не могла быть приемлема для Ломоносова-мечтателя, творца грандиозных видений будущего, а не систематизатора настоящего. Титанические образы идеала, характерные для Ломоносова, ведут нас <...> к космическому <...> обобщению идеальных чаяний человечества Возрождения. Ломоносов и был последним великим представителем европейской традиции культуры Возрождения в поэзии. Патетика ломоносовской оды, ее грандиозный размах, ее <...> яркая метафорическая манера сближают ее именно с искусством Возрождения <...>

Ломоносов не задавался целью изобразить то, что видел вокруг себя, и в этом смысле он не был и не хотел быть художником-реалистом. Но он хотел провозгласить великие истины, открывшиеся ему и народу. Оды Ломоносова и самым стилем своим выражают эту устремленность к мечте <...> С другой стороны, стиль од Ломоносова, величественно-торжественный, приподнятый, пышный, соответствовал тому чувству национального подъема, гордости, тому ощущению величия и победы русской государственности, которые явились законным результатом петровского времени в сознании лучших людей в середине XVIII столетия. Успехи России и возникшая на основе именно этих успехов вера в будущее русского народа определяют общий характер громозвучного стиля Ломоносова.

Ломоносов считал, что о возвышенных идеалах государственного строительства нельзя говорить так, как говорят о повседневных, обычных вещах. Поэтому и в своем теоретическом мышлении он различал высокую поэтическую речь, «язык богов», от практически-бытового привычного языка. Ломоносов ищет для высокой темы торжественности слога <...> Поэтому он считает достоинствами поэтической речи «важность», «великолепие», «возвышение», «стремление», «силу», «изобилие» и т. д. <...>

Теории Ломоносова соответствовала его поэтическая практика. <...> Ломоносов строит целые колоссальные словесные здания, напоминающие собой огромные дворцы Растрелли; его периоды¹ самым объемом своим, самым ритмом производят впечатление гигантского подъема мысли и пафоса <...>

В этих периодах Ломоносов хочет единым взглядом окинуть все пространство, все богатства великой страны, определить все разнообразие ее состава в стройном движении государственного механизма, воплощенного в строгой и стройной архитектуре фразы <...>

Обилие в его одической речи славянизмов, библеизмов, слов, овеянных благоговением и ореолом неземного величия, поддерживает общую атмосферу торжественности стиля. Такое же назначение имеют и частые риторические фигуры: восклицания, вопросы ораторского характера.

В высшей степени характерен самый подбор слов в высоком стиле Ломоносова, соответствующий его замыслу говорить о великих вещах величественным языком; он любит слова «избранные», звучные, как бы приподнятые над землей, создающие самим своим звучанием, своим словарно-семантическим ореолом впечатление чрезвычайного блеска, необычного великолепия. Еще в оде 1742 г. Ломоносов писал:

Там кони бурными ногами
Взвывают к небу прах густой,
Там смерть меж готфскими² полками
Бежит, ярясь, из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух...

¹ Гуковский Г. А. (1902–1950) — литературовед, один из значительнейших исследователей русской литературы XVIII в.

¹ Период — обширная фраза или несколько фраз, объединенных интонационно и по смыслу.

² Готфами (готаами) Ломоносов называет шведов.

Тут и славянизмы, и русские слова подобраны по признаку великолепия, пышности: бурный, взвывают, ярясь, отверзает и т. д. И самое созвучие: «гордый исторгает» — должно поддержать общий колорит громозвучной поэзии. Ломоносов скопляет в своих стихах такие слова, как: великолепный, сладострунный, колосс, сияние, радостные клики, великий, славный, несравненный и т. п. Для него эмоциональный колорит таких слов важнее иногда, чем узкорациональное их значение <...> ибо в том ослепительном мире идеалов государственного величия, в который уводит читателя Ломоносов, он может подняться выше плоской для него логики обыденного. Отсюда и выражения, подобные приведенному «Там кони бурными ногами», повторенному и в оде 1750 г. о коне Елизаветы Петровны: «И топчет бурными ногами, Прекрасной всадницей гордясь» <...> Сумароков будет потом издеваться над такими выражениями Ломоносова: для рационально-логического языкового мышления классициста ноги коня могут быть тонкими, стройными, могут быть быстрыми, но никак не бурными. Но Ломоносов хочет не логически определить ноги коня, а выразить ту грандиозную бурю стихий, то потрясение, которое в воспламененном воображении и в патетике общего гражданского подъема делает особо значительными все части картины, рисуемой им, и сам стих его становится бурным. Для Ломоносова характерна смелая метафоризация речи <...>

Эмоциональный подъем од Ломоносова композиционно сосредоточивается вокруг темы лирического восторга самого поэта-описца. Этот поэт, присутствующий во всех одах Ломоносова, — не сам Ломоносов. Его образ лишен конкретных индивидуальных человеческих черт. Это — как бы дух поэзии, дух государства и народа, выразивший себя в стихах и, конечно, не в стихах камерного стиля. Земные предметы не могут предстать взору этого поэта. <...> Все представляется ему увеличенным, возведенным в достоинство божественного. Конкретные предметы, темы, чувства, даже понятия предстают в виде аллегорий, доведенных до предела. Так, Россию Ломоносов представляет в виде гигантского существа человеческого вида, возлегшего локтем на Кавказ. Ода составляется из ряда патетических и аллегорических картин <...>

Гораздо более, чем в торжественных одах Ломоносова, прост его поэтический язык в «духовных» одах, в переложениях псалмов и примыкающих к ним произведениях, в совокупности составляющих значительный и количественно, и качественно раздел его творчества. Псалтырь, книга библейских псалмов, оставалась в течение всего

XVIII столетия одной из любимых читателями очень широкого круга книг, и вовсе не в качестве церковно-религиозного произведения, а в качестве сборника лирики, в ярких красках восточной поэзии рисовавшего тоску человека высокого духа, окруженного дурными людьми, негодующего на неправду, торжествующую в мире. Именно так понимал Псалтырь и Ломоносов, как и все грамотные люди, знавший его вдоль и поперек (по Псалтырю учили грамоте). Его духовные оды, в частности «преложения» псалмов, — это его, Ломоносовская, лирика. Но и в лирике зрелой поры Ломоносов предстает перед нами не как страдающий человек, жалующийся или стремящийся углубиться в свою индивидуальную душу, а как сын Отечества и ученый, славящий величие своего идеала, величие своего Бога, свою природу, — в укор и в назидание непонимающим, врагам, хулителям. Победный гимн мужеству добродетельного, гневная отповедь порочным — таков лирический пафос духовных од Ломоносова <...> Ломоносов, открыто вступивший в борьбу с врагами просвещения и науки, и в псалмах черпает мотивы борьбы и радости победы:

Благословен Господь мой Бог
Мою десницу укрепивый
И персты в брани научивый
Сотреть врагов взнесенный рог.

(Преложение псалма 143)

Эта тема борьбы переплетается в духовных одах Ломоносова с темой природы, ее величия, ее необъятного разнообразия, мудрости и красоты. Ломоносов славит Бога именно в природе. Так, например, в великоленном «Преложении» псалма 103 он говорит о Боге-природе: он славит звезды на небе, встры и облака, дождь и снег, горы и доли, пещеры и горные ключи, травы и злаки, хлеб, масло и вино — все дары матери-природы, символом и принципом которой является его Бог. Как создатель дивных и чудесных явлений природы выступает у Ломоносова Бог и в знаменитой «Оде, выбранной из Иова», в которой Бог вступает в спор с ропщущим человеком и доказывает ему свое могущество именно картинами величественного творения; и опять Бог — это творец звезд и луны, моря и суши, птиц и зверей и прочих земных вещей, мудрая сила мироздания. Пафос Ломоносова в «Оде, выбранной из Иова» — гимн природе, силам ее, чудесам ее.

Ломоносов рисует грандиозные, доходящие до фантастической сказочности образы див природы.

Величие природы, к которой Ломоносов-поэт подходит одновременно как ученый-естественник, является темой и лирическим пафосом и «Утреннего размышления», и «Вечернего размышления о божием величестве» <...>

Говоря о переложениях Ломоносова из Библии («Размышления» к ним, конечно, не относятся), следует указать два обстоятельства: во-первых, Ломоносов далеко не точно передает «священный» текст, толкуя его по-своему, добавляя его мотивы и т. д.; во-вторых, он опирается в данном жанре на довольно крепкую традицию как в русской, так и в западной поэзии <...> Может быть, именно этим влиянием можно объяснить бlyшнюю простоту, легкость, ясность языка духовных од Ломоносова по сравнению с его торжественными одами. Впрочем, значительную роль здесь сыграла и другая тематика, более человеческая, чем государственная. В этом смысле особое место занимает «Ода, выбранная из Иова», в которой человек побежден в соревновании с Богом-природой, и божественная речь опять звучит торжественно, громко. Во всяком случае, большая легкость духовной лирики Ломоносова, меньшая перегруженность и напряженность ее обеспечили ей и огромное влияние на русскую поэзию, и подлинную популярность. Еще в XIX веке народные певцы-нишние пели ломоносовские псалмы; и Пушкин считал духовные его оды его лучшими произведениями («они останутся вечными памятниками русской словесности»)¹.

1939

О сумароковской трагедии

<...> Изучая судьбы русской литературы додержавинской эпохи, я пришел к убеждению, что главенствующим направлением в конце 50-х, в 60-х и даже 70-х годах было то, которое осуществлялось школой Сумарокова. Это положение применимо, в частности, к истории трагедии: Сумароков и его ученики в течение 20 лет владели трагической сценой, хотя уже с конца 60-х годов их место заступили представители нового течения в драматургии. Во всяком случае, история русской трагедии в середине XVIII столетия — это история сумароковской трагической системы.

¹ Печатается по: *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1998. С. 99–107.

Сумароков, автор первых русских трагедий, воспользовался, как известно, при создании этого драматического жанра на русской почве примером французских трагиков XVII–XVIII веков. Ряд характерных признаков их системы, как, например, стихи (александрийский стих), 5 актов, отсутствие внесюжетных вставок и отступлений, отсутствие комических элементов, «высокий» слог и т. д., Сумароков перенес в свои трагедии. Это обстоятельство, равно как издавна установившееся мнение о «подражательности» сумароковской системы, о ее полной объяснимости из фактов французской классической литературы, заставляет избрать именно французскую трагедию опорным пунктом сравнения при рассмотрении системы русского трагика и его учеников.

Представление о трагедии Сумарокова как о «сколке» с трагедии французов сомнительно уже потому, что эта последняя не являет в течение всей своей более чем столетней жизни единой и неизменной системы. Корнель <...> сохранил в своей трагедии сложную интригу <...> любовь к необыкновенным приключениям. Для него характерна быстрая смена событий, сеть более или менее запутанных отношений между персонажами, ряд совпадений, переименований героев, узнаваний и т. п. Расин обновил трагедию, объединив ее вокруг самой интриги, основанной на простых ситуациях. Он отказался от слишком затянутого узла отношений и внешних событий <...> но заменил его детальной разработкой психологических ситуаций <...> Новый тип трагедии утвердил уже Кребильон¹. Его драматургия основана на устрашающих театральных эффектах <...> Завершителем развития трагедии в середине XVIII века был Вольтер. И он строил свои пьесы на интриге, составленной из ряда быстро сменяющихся событий и ужасных положений <...> Вместе с тем трагедия Вольтера отошла от принципа абстракции, обрела плоть исторического приурочения <...> В трагедию врываюся потрясающие *coups de theatre*²; на сцене — тени убитых героев, сенат, бракосочетание, подложное чудо и т. п. <...> В интересах редкости и эффекта Вольтер переносит действие своих трагедий в экзотические страны; у него фигурируют китайцы, индейцы, скифы, турки, арабы и т. д.; причем им придаются черты некоторой местной характерности. Трагедия приобретает характер блестящего, красочного и патетического представления.

¹ Кребильон, Проспер Жильо (1674–1762) — французский драматург, автор трагедий. Считался соперником Вольтера-драматурга.

² Театральные приемы (*фр.*).

Трагическое творчество Вольтера достигло своего наивысшего развития, когда Сумароков выступил со своими первыми трагедиями; если бы он хотел и мог пересадить на русскую почву французскую трагедию, то он, конечно, воспользовался бы системой современного ему драматурга, перед которым он к тому же преклонялся, а не отошедшими в прошлое системами трагиков XVII века. Однако ни того ни другого не случилось. Согласно с общими основами своего литературного мирозерцания, Сумароков построил свою трагедию на принципах крайней экономии средств, упрощенности <...> сдержанности, «естественности». Простота драматического сюжета его пьес не позволяет говорить об интриге, так как нет узла событий <...> Исходная ситуация, также упрощенная до крайности, тянется через всю почти трагедию и в конце снимается, упраздняется; едва ли можно назвать конец такой пьесы развязкой, поскольку нет событий, из которых она могла бы вытекать. Такова схема, к которой стремятся и приближаются сумароковские трагедии <...> В меру малоподвижности всей трагедии и роли Сумарокова обыкновенно неподвижны (или почти неподвижны). Трагедия заполняется в значительной мере раскрытием содержания основной ситуации в ее значимости для каждой пары героев в отдельности. Диалоги, в особенности центральных героев (влюбленных), получают лирическую окраску; появляются повторения тех же сцен, т. е. диалогов тех же персонажей на ту же тему, как бы драматический рефрен <...> Центральное место драмы, III акт, отмечается, по преимуществу, внесюжетным приемом: герои извлекают из ножен мечи или кинжалы (тщетно стремясь или заколоться, или заколоть кого-либо). Этот примитивный театальный жест, излюбленный Сумароковым, является наивысшим эффектом <...> на который он решается. Вообще, стремление к эффекту ему вовсе чуждо, так же как интерес к экзотике и местным краскам. Любопытно, что действие большинства трагедий Сумарокова (7 из 9) отнесено к Древней Руси (один раз даже к XVII веку — «Димитрий Самозванец»); здесь Сумароков нарушает державшийся еще в середине XVIII века во Франции обычай изображать в трагедии далекие эпохи или далекие страны.

<...> Мы можем разделить персонажей французской классической трагедии на две противоположные группы: с одной стороны, имеем *героев*, активно двигающих основное действие, вытекающее из их взаимных отношений, с другой — *наперсников*, не имеющих активности в интриге и служащих опорой ложных диалогов с ними героев <...> Французская трагедия <...> не может обойтись без наперсников;

тайны <...> переодевания, играющие столь существенную роль в особенности у драматургов XVIII века <...> требуют их; притом наперсники придают характерный темп (медлительный, с остановками) французской трагедии и дают возможность развернуть детально игру страстей героев <...> Наоборот, у Сумарокова, с его упрощенной системой действия, наперсники не могли иметь значительной роли в построении трагедии. Сумароков различными способами вытравляет их из своих пьес. Так, в «Синаве и Труворе» их вовсе нет. В других трагедиях они остаются; но в значительном большинстве случаев на иных правах, чем это было у французов. Сумароков оставляет наперсника как статиста, произносящего несколько слов, или как вестника <...> или же сокращает его роль до нескольких стихов в одной сцене трагедии <...> иногда в самой первой ее сцене <...> В других случаях наперсник, наоборот, выдвигается вперед; Сумароков надевает его в один из моментов драмы активностью в действии; он образует событие и, следовательно, становится второстепенным героем, отличаясь от главных героев лишь непродолжительностью своего участия в основном развитии сюжета и, в особенности, тем <...> что он не заинтересован в других персонажах, и исход трагедии на нем не отражается.

<...> С тенденцией к устранению наперсничества связывается необходимость строить трагедию без хитросплетенных узлов интриги. Сумароков должен был ограничиться простейшими положениями, элементарными человеческими отношениями, в которых все ясно само собой, в которых герои откровенны друг с другом. С другой стороны, не имея возможности раскрывать в ложных диалогах ход страстей героев, Сумароков должен был стремиться свести каждую роль к одному психологическому мотиву, именно тому, который проявился в единственном событии трагедии. Это именно и было нужно драматургической системе Сумарокова <...>

Отход от системы наперсничества обусловил развитие и обилие монологов у Сумарокова, поскольку монолог в какой-то мере может заменить ложный диалог с наперсником. В самом деле, Сумароков использует монолог для сообщения зрителю сведений о мыслях, чувствах и намерениях героев <...> тогда как у французов (особенно в XVII в.) монолог был, по преимуществу, лирической вставкой. В трагедиях Сумарокова по 7 («Хорев», «Синава», «Димитрий», «Мстислав»), 8 («Вышеслав»), 9 («Ярополк») или 6 («Гамлет», «Семира»; лишь в «Аргистоне» — 2) монологов. Обычные для французов циф-

ры — 2 (у Корнеля — 3 пьесы, у Расина — 2 и т. д.), 1 (у Корнеля — 3 пьесы, у Расина — 1; у Корнеля в 9 пьесах даже вовсе нет монологов), 3 (у Расина — 3 пьесы), 4 (у Расина — 3 пьесы; те же цифры и у Вольтера); редкостью является трагедия с 5 монологами <...> или еще больше.

В связи с общим смыслом трагической системы Сумарокова стоит и его стремление к сокращению общего числа персонажей трагедии, обусловленное отчасти тягой к освобождению от наперсников. Если у французов, нуждавшихся в персонажах, как элементах основных или мимолетных ситуаций, как в опоре нитей интриги, обычны цифры 8–9 персонажей в пьесе, то у Сумарокова имеем 5 («Вышеслав»), 6 («Семира», «Ярополк», «Димитрий») ... а в «Синаве и Труворе» даже 4 (обстоятельство, отмечавшееся современной критикой). Вместе с тем Сумароков сокращает число персонажей, фигурирующих в каждой сцене трагедии.

Таким образом Сумароков создал весьма единую композиционную схему трагедии <...> Самостоятельность этой системы не позволяет говорить о перенесении Сумароковым извне в русскую литературу французской трагедии; наоборот, создавая русскую систему, Сумароков воспользовался рядом элементов французской системы, получивших, конечно, иной смысл в новой связи приемов.

<...> Французская трагедия XVII века была лишена ясно выраженной этической или идейной тенденции. Она хотела нравиться и трогать, умилять и мало думала об исправлении рода человеческого. Ее персонажи не имеют оценочной моральной характеристики; они одушевлены той или иной страстью, но не этическими принципами. Категория морали почти вовсе отсутствует, напримр, у Расина. С другой стороны, значительное большинство трагедий этой эпохи развязаны трагически; это вытекает из задания потрясти, разжалобить зрителя. Иной смысл приобретает трагедия у Вольтера. Он, в духе своего воинствующего мировоззрения, начал употреблять трагедию как одно из средств пропаганды своих идей. Его трагедии должны доказывать конкретные тезисы, опровергать предрассудки или установления. Отсюда их трагические развязки: гибель несчастных героев, изображаемая как следствие фанатизма или тирании, возмущает зрителя и заставляет его проклинать эти исторические явления. Вместе с тем появляется положительная этическая характеристика некоторых персонажей; катастрофа должна пасть на невинных, добродетельных героев, иначе она не будет возмущать, не достигнет своей цели. Наоборот,

отрицательной оценочной характеристики героев Вольтер обычно избегает; если бы катастрофа осуществлялась злой волей <...> то идея трагедии потеряла бы свою универсальность и доказательность; важно порицать не злых людей, а причину всяческих злодейств, идею и установление. Иначе, чем Расин и Вольтер, отнесся к вопросу о тенденции в трагедии Сумароков. Он думал вместе с Тредиаковским (и другими теоретиками), что «трагедия делается для того, чтоб... вложить в зрителей любовь к добродетели, а крайнюю ненависть к порокам», и поэтому придавал своим трагедиям характер панегирика индивидуальным добродетелям. Сумароковские пьесы никого ни в чем не убеждают; они стремятся возбудить в зрителе восторг перед добродетелью, подействовать на его эмоциональную восприимчивость. Апеллируя к «чувствительности», как сказали бы люди конца XVIII века, сумароковская трагедия движима не пафосом отрицания, опровержения, порожденным у Вольтера первыми веяниями прогрессивной мысли, а пафосом утверждения, положительными идеалами. Она хотела исправлять души зрителей, а не их умы и не государственный аппарат. В связи с таким осмыслением назначения трагедии стоит значительное преобладание у Сумарокова счастливых развязок. Лишь две трагедии его заканчиваются трагически для героев — «Хорев», первый опыт еще не установившейся системы, и «Синав и Трувор»; после этой пьесы (третьей по хронологическому порядку) Сумароков вовсе отказался от несчастий в катастрофе. В связи с той же моральной направленностью сумароковской трагедии стоит наличие в ней отчетливой морально-оценочной характеристики персонажей; перед нами или идеальные, мудрые, добродетельные герои (Семира, Трувор, Димиза и др.), или же черные злодеи, нередко бравирующие своей порочностью (Димитрий Самозванец, Клавдий в «Гамлете» и др.); само собой разумеется, что злодеи гибнут. <...> Оскольд в «Семире» хоть не злодей, но гибнет, так как, восстав, отступил от добродетели, а добродетельные герои благополучно выходят из бедствий и могут венчать свою любовь.

Трагедия Сумарокова не осталась одиноким явлением в русской литературе; она породила традицию <...> Следующее поколение поэтов, воспитанное на творчестве Сумарокова, и в области трагедии шло по путям, открытым учителем. Впрочем, трагедий в эту эпоху появлялось мало; еще творил сам Сумароков, и рядом с его пьесами лишь изредка появлялись произведения его учеников.

<...> Княжнин последовательно создавал свою систему на основе элементов, заимствованных у французов. <...> Трагическая система, наиболее заметным представителем которой был Княжнин, связанная крепкими узами с современной французской трагической традицией, укрепились в России; постепенно она все больше вытесняла элементы сумароковской системы даже в произведениях прежних учеников Сумарокова, вместе с Княжниным уже с начала 70-х годов пошедших по новому пути. <...> Основная традиция вела русскую трагедию ... по пути, предугазанному Княжниным и завершеному творчеством Озерова¹.

1925

Лидия Юлиевна Виндт¹

Басня сумароковской школы

Русская басня в первый период своего существования представляет в высшей степени своеобразное явление. В ней ярко выступают черты разлагающегося жанра — резкая подчеркнутость, ударность отдельных элементов за счет целого, подновление осязательности приемов через остраение² и т. п. Дело в том, что, являясь первыми на русской почве (если не считать Тредьяковского), притчи Сумарокова как переводы примыкают к западноевропейской басне, уже вполне установившейся. Сумароков не ограничивается переводом, а дает дальнейший этап в развитии басни, сообщая ей гротескно-комическую окраску. Басня Лафонтена и Федра становится у него неузнаваемой. Заимствуя общий сюжетный стержень, он нанизывает на него пестрый ряд комических эффектов. В его притчах обнажены и обесмыслены традиционные басенные приемы, притом именно те, на которых особенно настаивают все теоретики басни.

Прежде всего — фикция рассказчика. Обычны авторские отступления или «размышления» («réflexion») такого типа:

Une souris tomba du bec d'un chat-huant;
Je ne l'eusse pas ramassée;
Mais un bramin le fit; je le crois aisément:
Chaque pays a sa pensée (La Fontaine, IX)³.

Сумароков делает подобные отступления бессмысленными и ненужными, объясняя то, что само собой понятно:

В реке пил волк, ягненок пил;
Однако в низ реки гораздо отступил;
Так пил он ниже;

¹ Виндт Л. Ю. — литературовед и переводчик, в 1920-е гг. — сотрудник Института истории искусств.

² Остраение — термин формальной школы литературоведения: изображение чего-либо в странной, необычной форме; неожиданный прием, поворот действия и т. п.

³ Одна мышь выпала из клюва совы // Я не осмелился ее подобрать // Но один брамин сделал это; я так полагаю // У всякой страны свои понятия (дословно — мысли) (Лафонтен. Книга IX).

¹ Печатается по: *Гуковский Г. А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII в. М., 2001. С. 214–228.

И следственно, что волк к тому был месту ближе,
Отколе токи вод стремление влечет:
Известно, что вода всегда на низ течет (I, 2)¹.

Это место служило классическим примером плеоназма² в XIX веке. Прием авторского незнания: «Certain renard gascon, D'autres disent normand» (La Fontaine, III)³ — у Сумарокова развит в комических рассуждениях:

Была лисица <...>
Была замужняя она или девица,
Про то
Не сказывал никто:
Могла вдруг девка быть, и баба, и девица,
И попросту вдова (I, 9).

Есть и пародирование naïveté («простодушья»), считавшегося главным достоинством баснописца: он должен сам верить тому, что рассказывает:

Немножко должно мне теперь полицемерить,
Расскажу этому и я хочу поверить.
Хочу:
Я пошлину за то в казну не заплачу (II, 8).

Сумароков грешит и против «правдоподобия»: змея у него «подымает брови» (IV, 2), лисица ночует в больнице (IV, 46), ослу ломают «дубиной гордый рог» (III, 13), тигр спрашивает львицу: «Читала ль ты, кума, Гомера?» и т. д. Здесь чаще всего остранено классическое басенное перенесение поступков и свойств людей на животных. Об этом подробнее дальше.

Наконец, те же обычные уподобления животных мифологическим героям у Сумарокова неожиданны и комичны, потому что связывают слишком разнородных персонажей. Так, об овцах сказано: «Собаки вместо Парк их время пряли» (III, 35). Это не значит, что притчи Сумарокова — пародия на Лафонтена и других баснописцев; но, во всяком случае, частичное пародирование басни лафонтеновского типа служит для него одним из комических приемов.

Сумароков делает басни низким, вульгарным жанром. Лексика его чрезвычайно груба. Это считается главным его недостатком в XIX ве-

ке. «Непомерная смелость его выражений причиною, что басни сии мало читаются. Многие из сих выражений оскорбляют образованный вкус»¹. Внедряются целые куски высокого стиля — обычно для комического эффекта. Это сближает притчи с героико-комическими поэмами XVIII века. Ср., напр.: «О чем па высоту ужасной глас бросает? — Блоха его кусает!» (II, 27).

Языковые эффекты играют в притчах Сумарокова центральную роль. Самоцельность языкового хода — вот основной их принцип, выделяющий их из общей массы произведений Сумарокова с их тенденцией к точному и сглаженному словоупотреблению. Особенно интересны семантические приемы. Они становятся понятными только на фоне его теоретических взглядов, высказанных в «Критике на оду» (8-ю оду Ломоносова). Статья эта направлена против неточного словосочетания, учитывающего только часть смыслового содержания каждого слова, оставляя другую в тени. Затухающими оказываются обычно индивидуальные смысловые элементы слова (основной признак значения — по терминологии Ю. Н. Тынянова); выдвигаются же более общие, могущие входить в состав и других слов (общие не в логическом смысле родовых понятий, а нужные в данном контексте второстепенные и колеблющиеся признаки). Например, критикуемое Сумароковым «в роскоши прохладных теней», где *роскошь* берется только со стороны своей эмоциональной окраски. Сумароков не подчиняется тому требованию неполного (а с другой стороны — расширенного) осмысления слов, которое заложено в оде Ломоносова. Каждое словосочетание он реализует до конца (в применении к Ломоносову это означает перевод из эмоционального плана в вещественно-логический). Словесный ход не должен быть самоцелью: создаваемые им образы должны соответствовать законам природы и логики. Приведя цитату из Ломоносова, он замечает: «“Ветром кротко разглашать наши времена”. Это уходит от понятия моего. Мне кажется, что больше ветер, то больше он делает разглашения». Оды Ломоносова, не рассчитанные на подобное восприятие, разумеется, не выдерживают этой критики.

Reductio ad absurdum — основной прием критической статьи Сумарокова. Он же применяется в его «Вздорных одах», пародирующих Ломоносова и Петрова. В статье он обнаруживает логическую несовместимость словесных построений Ломоносова, выдвигая основные признаки значения, в одах заставляя самого читателя их реализовать. Достигается это: 1) вводом конкретных подробностей: «Претяжкою ступил ногою // На Пико яростный Титан // И, поскользнувшись, дру-

¹ Римской цифрой Л. Ю. Виндт обозначает номер книги басен, арабской — номер текста.

² Плеоназм — излишнее пояснение.

³ «Одна лиса — гасконская, а другие говорят — нормандская» (Лафонтен. Книга III).

¹ Сын Отечества. 1825. № 23. С. 287.

гою // Во грозный льдистый океан» (Ода II). Или: 2) слова, подобранные по эмоциональным признакам, совершенно несовместимы в своих конкретных значениях: «Во восхищении глубоко // Вознесся к дну морских я вод, // И в утоплении высоко // Низвергся я в небесный свод» (Ода IV). Или: 3) для обнажения привычного образного сочетания подставляется аналогичное, но неупотребительное: «Реку лежания пьет там он» (Ода IV). (Ср.: «Река забвенья»). В статье по поводу стиха Ломоносова «На гроб и на дела взглянуть» Сумароков замечает: «На гроб взглянуть можно, а на дела нельзя. А если можно сказать: *я взглянул на дела*, то можно и *на мысль взглянуть* молвить». В III оде: «Заря багряною ногою // Выводит новые лета». Это — пародия на ломоносовское: «Заря багряною рукою» и т. д.

Здесь и следует искать источники семантического комизма притчей. В них сознательно вводится то самое, что в статье о «Вздорных одах» выставляется как достойное осмеяния. Это не значит, что Сумароков строит притчи по принципу неточного словосочетания, за которое порицает Ломоносова. Для обнажения нелепостей, к которому он ведет, он пользуется искусственными построениями, примеры которых приведены выше. Они, правда, генетически связаны с приемами неточного словосочетания, так как построены по их образцу, но построены так, что вместо неточности как затуманивания части смысловых признаков получается обратное полное и конкретное осмысление всех слов, данное как комическая катахреза.

Подобные нарочито нелепые сочетания и вводит Сумароков в свои притчи, но уже не для разоблачения чужих погрешностей, а как самодовлеющие комические приемы для создания гротескной семантики. Говорить в данном случае о пародии было бы натяжкой; но все же здесь очень близкая к пародированию деформация определенной, уже существующей системы, отталкивание от нее. В данном случае материалом служит не литературное произведение, а разговорный язык. С ним Сумароков проделывает то же, что с одами Ломоносова, т. е. реализует языковые штампы в их буквальном смысле, докапываясь для этого до этимологического значения каждого слова. Используются те же приемы *reductio ad absurdum*: словесное развертывание, несовместимость с контекстом, замена традиционного сочетания новым. Чаще всего все эти приемы слиты в одно. Для каждой сумароковской бессмыслицы можно найти языковой корень, из которого она развивается, на основании умозаключения, много раз приводимого в статье: «если можно сказать так, то можно сказать и этак». Умозаключение казуистическое, ибо приписывает языку несуществующую рациональность и, как следствие, возможность словесного развертывания и замены любого выражения аналогичным без ущерба для смысла.

Реализация образа в притчах дана часто через словесное развертывание, вводящее конкретизирующие детали: «Кошун ему попался, // И в смехе утопался, // Как рыба в нем купался» (II, 31), «Богатства у него великая река, // Или ясней сказать, и Волга и Ока» (II, 2). Можно подставить все то же рассуждение: если говорят «богатства река», отчего не дать ей название? — Так и оправдывался сумароковский эпигон Хвостов еще в 1822 году: «Стих: *Открыв он челюсти свирепых моря волн* — окритикован за неправдоподобие... Что касается до выражения: *открыв он* (Борей) *челюсти моря*, то оно очень обыкновенно. Оно не только употребляется в витийственных пиитических описаниях, но даже в простом разговоре (курсив мой. — Л. В.). Мы нередко говорим: море его поглотило. А что может глотать, тому естественно иметь рот и челюсти».

Обнажение языковых метафор сводится к тому, что слово дано сначала в переносном смысле, но дальнейшее развертывание заставляет реализовать его конкретный смысл. Таким образом, слово дается сразу в двух значениях. Чем больше они раскололись на протяжении истории, тем комичнее действует сознание их лексического тождества. Лисица «от собак летала, будто птица» (I, 9). Лисица летала, т. е. убегала, но добавление «будто птица» заставляет реализовать первоначальное значение слова. Так же в следующем комическом сравнении: «Мысли у него (Юпитера) гораздо глубоки, // Поглубже и реки» (II, 38). Такое двоякое осмысление слова бывает дано в обнаженном виде как чисто языковое сцепление, без смысловой мотивировки: «Внутри у клячи адский жар, // А на спине морская пена» (I, 56). Тигр говорит львице: «Послушай ты, *сестрица*, // Послушай, *мать*, // Послушай, *бабушка*...» (I, 13). Это относится к тем случаям, когда конкретное значение слова не противоречит контексту, но неожиданно сливается с ним; например, когда пса ругают «сукиным сыном» (II, 14).

Шаблонная метафора благодаря некоторому видоизменению становится странной и комичной. Так, старый мир превращается в «старуху», а луна — в «спутницу старухину» (III, 6).

В одной притче вор хочет украсть вола и думает: «Поем говядинки я ныне». Далее слово *говядина* прямо переносится на вола: «Вор черту говорит: я стану приниматься // С говядиной ломаться. // А черт на то: она сыра и замычит» (I, 51). На этом примере ясно видна техника сумароковских словесных развертываний: слово вводится сначала в вполне законном применении, потом захватывает все большую область. Оба плана смешиваются: говядина мычит, бык вместо живого оказывается сырым. На этом смешении двух планов основаны комические развернутые сравнения: в основной план незаметно вводятся черты сопоставляемого. О кошке, превращенной в женщину:

У кошки кошачья нет боле ничего;
 На кошке фижбейная юбка
 Из китовых усов,
 Алмазы светятся из волосов,
 И ходит кошка, будто шлопка,
 Да на пустом пути:
 Водой пешком нельзя идти (I, 8).

Все приведенные примеры основаны на словесном развертывании; но чаще смысловая неленость создается более скудными средствами, обнаруживаясь сразу. В практической речи часты случаи, когда слово не осознается во всем его объеме, не превращаясь в метафору, т. е. не приобретая еще второго самостоятельного значения. Но это затухание части смыслового содержания слова возможно только до тех пор, пока фактически ничто не препятствует его полной реализации. Если же другие слова вносят элементы, противоречащие его основному, индивидуальному значению, то оно резко выдвигается, и в смысловом столкновении обнаруживается неленость. Например, когда мы говорим — *на смертном одре*, это значит — перед смертью, не больше. У Сумарокова мальчик, упав в колодезь, «на смертном одре, без помощи, лежит» (I, 29). В сочетаниях *добрый человек*, *умный человек* и т. п. сознание схватывает только значение прилагательного; слово *человек* совершенно стерто (так было, несомненно, уже в эпоху Сумарокова). Но оно сразу оживает в противоречивом сочетании: «Был *тигр* ученый *человек*» (I, 13). Комизм в том, что возможность выплести слово в данный контекст по общим (второстепенным) признакам остается в силе и в то же время оказывается невыполнимой, потому что основное его значение никак не вяжется с окружением.

Обнажение традиционных сочетаний — один путь; другой заключается в комическом подражании приёмам неточного словоупотребления; по привычным образцам создаются новые. Если в предыдущей группе доминировала несовместимость основных значений слов (катахреза), то здесь выступает оттенок бессмыслицы: в слове слишком много конкретных признаков, которые не вяжутся с контекстом; читатель недоумевает, зачем оно приведено. (Этот расчет на эпатирование читателя определяет всю поэтику сумароковских притчей.) Здесь комизм опять-таки в том, что какие-то общие признаки слова подходят к данному случаю. Но слишком конкретное значение слова не позволяет ему стать образным заместителем целого смыслового комплекса. Примеры: «Толико писаны стихи его нескладно, // Что уж и чергу стало холодно» (V, 15) (Очевидно, по образцу таких выражений, как *стало тошно*, *стало жарко* и т. п.). «Ослепшая Фортуна в жмурки начала на

свете сем играть» (IV, 10). «Хотя в лесу и густо, // Захочется ль гулять, когда в желудке пусто» (II, 9). В притче «Кошка» (I, 8) «какой-то господин» кошку «любил, как девуку» — «да кошка по его не знает говорить». В обоих последних случаях приведена слишком частная, неважная деталь. Можно спросить, почему густота составляет главное достоинство леса, и неумение говорить — главное препятствие для брака с кошкой? (Ср. в «Критике», стр. 91: «Но для чего здесь один лук поминается, есть у охотников и другое оружие, которое они для охоты употребляют».) У Сумарокова обычно такое развитие повествования *через ввод* неожиданных, мало относящихся к делу деталей. Симулируется логическая неупорядоченность, случайное сцепление мыслей.

Итак, языковой материал использован в двух направлениях: в обнажении старых словосочетаний и в создании новых по их образцу. Приемы эти можно еще разбить в ином плане по тематическому признаку. Остановимся на двух, особенно разработанных группах. В разговорной речи обычно употребление названия животного или принадлежащих ему свойств в переносном, обобщенном значении. Сумароков остраивает его, применяя к другому животному. Отсюда — реализация затухевших признаков и резкий комизм. О львице говорится: «Хотя сурова тварь, и люта эта *птица*» (I, 19) «В невода // Заходит и *щенок*, да только лишь не сучий, // Но жителей воды, а здесь попался щучий» (II, 26) (Ср. в IV вздорной оде — о Пегасе: «Да здравствует пернатой *тигр*»). «Псы коз до крошечки *склевали*» (III, 35), «Коль пес кого *ужалил*» (I, 19). Еще — аналогичные примеры, хотя в них фигурируют не только животные: «Медведь *пачет* берлогу» (II, 31), «Вор вола здесь *удит*» (I, 51). В таких случаях бывает использовано сопоставление более или менее развернутое. Так, о голубе говорится, что для него «нет под облаками *стойла*» и дальше: «А он по воздуху под облаками *скачет*» (V, 34) (невыведенное уподобление голубя коню). Или тоже невиведенное уподобление сыра мыши, что вслед к приписыванию ему несуществующего качества: «Частенько кошка к сыру *скачет*, // И *ловит* сыр. // Так часто у нее с мышами мир: // Сыр мыши *пожиряет*» (I, 12). Все это — обнажение очень распространенных языковых метафор: *птица*, *щенок*, *скачет* и т. п. нередко применяются к людям. Хвостов так и оправдывает свой стих. «И пасть разинула — упал кусок» из басни «Ворона и сыр»: многие критиковали слово *пасть*, свойственное только зверям, а не птицам. Автор знает, что у птиц рот называется *клювом*, но здесь первое употреблено в переносном смысле, ибо говорится и о человеке — *он разинул пасть*. — (См. «Словарь Российской академии»). Этот прием особенно отразился у учеников Сумарокова, вероятно, потому, что легко поддавался механическому подражанию.

В притчах Сумарокова сохранились следы, что такое словоупотребление было встречено современниками далеко не без протеста. В 1761 году он напечатал притчу «Коршун в павлиньих перьях» (VI, 3), в которой был стих: «И туловище все, все гордостью *жеребо*». Стих этот вызвал возражения, что видно из притчи «Коршун» (VI, 51), которая при жизни Сумарокова не была напечатана. «У коршуна брюшко иль стельно, иль жеребо... // Не скажут ли мне то, // Что коршун ведь не зверь, но птица? // Не бесконечна ли сей критики граница? // Что // Худого в том, что я сказал жеребо? // ...Жеребо слово я ошибкой не считаю» и т. д.

Другая группа — перенесение условий жизни людей на животных. В этом — основа басни как жанра вообще; но помимо основных черт, входящих в сюжет и заимствованных из оригинала, Сумароков вводит еще отдельные детали, имеющие чисто орнаментальное значение: «Лисица не пила ни водки, ни вина» (I, 9). Мыши «хотели воевать, да пушек нет» (I, 11). Лягушки «вели сочинить экстракт из дела» — о том, что солнце хочет жениться (I, 22). Кошка «ушла на дерево и смотрит из окошка» (IV, 3). Другие примеры приведены выше (ср. в IV вздорной оде: «Металлы пали на колени»). Это не каноничное перенесение людских свойств на животных, а тоже семантическая игра, но больше основанная на нелепости и неожиданности; она не имеет никакого сюжетного значения, потому что эти подробности не подкреплены другими указаниями, не вплетены в рассказ (например, лягушки сочиняют экстракт из дела, но нигде не сказано, чтобы у них было заседание — экстракт реального значения не имеет). Нечего и говорить, что в подлиннике этих подробностей нет — они изобретены Сумароковым.

Дать исчерпывающий обзор языковых приемов Сумарокова было бы безнадежной попыткой. Из наиболее ярких следует отметить еще игру синонимами, с комическим переходом от мужского к женскому роду, и наоборот. «Высокий, толстый *боров* // Был добрая *свинья*...» (V, 56). Иногда создается впечатление, что речь идет о двух разных лицах: «Взнуздal седок *коня* и оседлал *лошадку*», «*Лошадку* гладят и ласкают, // Однако уж *коня* домой не отпускают» (II, 12).

Так вся семантическая игра у Сумарокова идет по линии словесного развертывания, немотивированного и самодовлеющего. Можно отметить две основные тенденции, которые переплетаются между собой: с одной стороны — установка на бессмыслицу, с другой — стремление к конкретизации и образности (обычно перифразы, например, «у ног пороги» — вместо копыт, III, 17), к непрерывному вводу новых и неожиданных словесных тем. Средством для этого служит, между прочим, сравнение и отрицание. «Вы знаете, что зай-

ца больше слон, // И не взойдет он жареный на блюдо» (I, 14). Безногий говорит слепому: «Дружок, // Без глаз ты, я без ног! // Дай теста, дам я круп, и сделаем пирог» (IV, 13). Не мешает отметить, что в «Критике» Сумароков протестует против подобных сравнений, где сами члены сравнения между собой несопоставимы (напр., «зрак приятнее рая»), а в I вздорной оде пародирует немотивированный ввод новых тем через отрицание: «Там громы в громы ударяют // И не целуют тишины».

Для усиления комических приемов у Сумарокова служат рифмы. Неожиданный ввод словесных тем получает как бы ложную мотивировку — набор слов для рифмы. Сумароков сам подчеркивает это в своей полемической притче «Коршун»: «Что // Худого в том, что я сказал жеребо? // Для рифмы положил я слово то, для небо... // Напрасно, кажется, за то меня ругают, // Что я *неслыханну* (курсив мой. — Л. В.) тут рифму положил» (VI, 51). Чем неожиданнее и отдаленнее рифмующие слова, тем заметнее рифма. И с другой стороны, богатство рифм, часто близких к каламбуру, обесмысливает сюжетную сторону, особенно при наличии коротких стихов с смежной рифмовкой:

На той реке, слывет котора Нил,
Пила собака, пил
И крокодил,
А пив, собаке говорил (II, 52).

Лисица, «*повизжа*, оставила *ежа*» (IV, 46); «А *бык* // Во норки лазить не *обык*» (IV, 32); «Стал *дюж* // И *муж*» (I, 32); «Кричит: подайте мне врагов, и я *сражуся*, // И я уже *сержуся*, // И *покажуся*» (V, 25); «Тут не было ни дам и ни людей *ученых*, // Так стали говорить о яблоках *моченых*» (II, 35); «Другой сказал: так мы нашли *находку*. // А тот отвечивал: Заткни себе ты *глотку*» (I, 26).

Много рифм типа *брюхата* — *хата*, *издевка* — *девка* и т. п. Некоторые рифмы становятся шаблонными, возвращаясь во многих притчах: лев — зев, бежит — дрожит, скотина — детина, губы — зубы, сатана — жена, хохочет — хочет — хлопочет, толки — волки — иголки и др. Один член неминусемо влечет за собой и второй. На этих рифмах особенно обнажается нарочитая искусственность подбора слов, и деформируется их смысловое значение.

Несколько примеров: «Козленка волк поймал и растерзати *хочет*. // Козленок не *хлопочет*» (III, 3); «Орел *хохочет*, а птаха все *хлопочет*; // И если вверх нельзя, на низ летети *хочет*» (III, 37); «Лягушка каждая *хлопочет*: // Жениться солнце *хочет*» (I, 22); «О чем свинья *хлопочет*: // Какой-то философ то видит и *хохочет*» (III, 38); «Кто *хочет*; // Пускай *хлопочет*, // Пускай *хохочет*» (II, 2).

Детина — скотина. «Лисица говорит: хоть лев и дюж *детина*, // Однако ведь и он такая же *скотина*» (II, 3); «Уж мальчик мой *детина*. // Не шапки на уме у мальчика, *скотина*» (III, 14); «У лекаря служил // *Детина*: // По виду человек, по разуму *скотина*» (III, 31) и др.

Такие же серии примеров можно бы привести для каждой из указанных пар.

Так же резко выделены суффиксальные «звериные» рифмы: «Сок кол горит любовью к *соколихе*, // Осетр к *осетрихе*, // Осел к *ослихе*, // А уж к *ужихе*» (I, 32). Нужная рифма вводится часто через отрицание или сравнение: «А тот бежит не *львицей*, // Но зайцем иль *лисицей*, // А, может быть, летит стрелою он и *птицей*» (V, 35).

Ритм сумароковского вольного ямба также способствует выделению рифм: каждый стих — законченное синтаксическое и интонационное целое. Главное ударение часто падает на последнее слово; если же этого нет, то (обратное влияние) необычность и каламбурное богатство рифм заставляют интонационно выделять рифмующие слова.

Сюжет притчей Сумарокова носит тот же характер грубой ударности и гротескной вычурности, как и все остальное. Но рассмотрение его не входит в нашу задачу.

Четкость и выделенность присмов у Сумарокова давали богатый материал для подражания. Притчи сумароковского типа фабриковались его учениками во множестве¹. Все они чрезвычайно сходны между собой. У Сумарокова заимствуют готовые формулы, часто перефразируют его. Но у всех его последователей меньше комизма, так что эти приемы резче выступают как внешние штампы.

Тот же тип авторских отступлений: «Но волки бегают всегда ногами» (Ржевский)²; «Львы // Не кушают травы» (Майков, II, 7). В этих отступлениях бывает стернианская игра: «И нужды также нет, была ли та река // Мелка иль глубока: // Читатели мои чрез реку не поедут, // Затем, что та река // От книги далска» (Левшин, С. 43). Семантическая игра строится по сумароковскому принципу: «Вор склевал колечко золотое» (Майков, I, 10); «Обмок, как будто мыш» (Левшин, С. 2); «Хлебают нес уху, хлебают так, *без ложки*» (Херасков, I, 19). У Аблесимова — «брюхо заболело» вместо проигрался: сумароковский прием отдельной перифразы. У Хераскова «картина

кверху нос дерет» (II, 24), здание «подъемлет бровь» (II, 13). У Хвостова голубь «разгрыз зубами узелки» (III, 19), осел «крепко лапами за дерево хватает» (IV, 35). Эти последние примеры стали классическими, так же как и знаменитый осел (IV, 35), который на протяжении басни превращается в ослицу: доведенная до абсурда сумароковская игра синонимами.

Обычные сумароковские перифразы: надул губу = рассердился, потеть = трудиться, взятки брать = красть — повторяются по много раз у каждого его подражателя.

Рифмы — тоже комические, часто каламбурные, — «неслыханные», по выражению Сумарокова. В этом, кажется, последователи илут дальше его: «И груль несет так горло, будто *зоб*. // Навстречу им *Езот*» (Майков, I, 22); «И что ты мне ни *бай*, // Но лучше всех плутов ссылай в *Ботанибай*» (Левшин, С. 75). *Брамы* — *рамы* (Левшин), *дожук* — *Кук* (Хвостов), *пригнула* — *прогнула* (Левшин) и т. п. Повторяются сумароковские шаблонные рифмы: детина — скотина, хохочет — хлопочет и др. Заимствован и сумароковский поиск обнаженного звукоподражания. Лягушки у Левшина: «Куда как к вам во пруд, к вам, к вам во пруд пора» (ср. у Сумарокова: «О как нам, как нам к вам, к вам, боги, не гласить», I, 22).

Любопытна судьба Сумарокова как баснописца в XIX веке. Он имеет большое влияние. Целый ряд баснописцев (Крылов, А. Измайлов, Цитович и др.), чтобы подновить басню, обращаются к его притчам как к неисчерпаемому источнику комизма. А между тем его не хотят признавать баснописцем, его притчи называют «нескладными и отвратительными»¹. Шишков жалуется, что «Сумароков час от часу становится неизвестнее»². Самое интересное — в том, что, по видимому, совершенно утратилось понимание сумароковской поэтики. Доходило до таких курьезов, как причисление Сумарокова к «систематикам, сковавшим Лафонтена уставом ложного классицизма», у которых басня «умирает сухоткою, затянутая в корсет»³. То, что у него было сознательным приемом, считают недостатком. Его отступления приводят как пример плеоназма, находят у него ошибки против правдоподобия, не сознавая, что они были сознательными. Особенно нападали за это на его ученика Хвостова, который, по словам М. Дмитриева, «составил себе имя тем, что в его сочинениях сама природа является иногда навыворот»⁴.

¹ Отдельные сборники: Нравоучительные басни Василия Майкова, 1766–1767; Нравоучительные басни Михаила Хераскова, 1764; Сказки Александра Аблесимова, 1769; Нравоучительные басни и притчи Василия Левшина, 1787; Д. Хвостов. Избранные притчи, 1802.

² Свободные часы. 1763. С. 592.

¹ Измайлов // Благонамеренный. 1820. № 6. С. 345.

² Сравнение Сумарокова с Лафонтеном // Драматический вестник. 1808. Ч. 5. С. 82.

³ Статья Полевого о Хемницере // Библиотека для чтения. 1837. Т. 94. С. 32.

⁴ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд. 1869. С. 82.

В «Русском архиве» 1866 года напечатаны арзамасские пародии на Хвостова. В них выдвинуты все основные приемы сумароковской притчи.

Однажды
Шел дождик дважды.
А если дождь идет, то знают, что мокро
Промокнет и ребро (Притча 6).

Мужик, вскочивши на осину,
За обе щеки драл рябину.
Иль, попросту сказать, российский чернослив.
Знать, он в любви был несчастлив.
Осел, увидя то, ослины лупит взоры
И лает: воры, воры! (Притча 5)

Так пародировать притчу сумароковской школы — значит не понимать ее, потому что она сама пользуется пародийными приемами. Это не пародия, а подражание¹.

1925

Князь Петр Андреевич Вяземский¹

Фон-Визин
(отрывки)

Глава I

<...> Фон-Визин один из малого числа писателей наших, которые выразили себя в сочинениях своих; сочинений его немного, это правда, но он умел быть оригинальным посреди подражателей. Главные творения его имели много успеха в свое время; они носят на себе отпечаток ума и эпохи его, не утратили и ныне ходячей цены и сохранились в народном обращении.

Фон-Визин жил в царствование Екатерины. Она любила ум не только за границу, но и у себя дома, покровительствуя ему в чужих землях, благодетельствовала ему в отечестве <...> Фон-Визин был современником эпохи благоприятной, был действующим лицом на сцене петербургской, в сей сфере деятельности русской, в сем средоточии русской гражданственности; он был преимущественно писатель драматический и сатирический, следовательно, живописец и поучитель нравов.

Обозревая сии указательные черты, я говорил себе, что из биографического портрета Фон-Визина может выйти историческая картина общества; но после многих исследований и применений не нашел ни связи, ни полноты в предмете своем, раскрытом на все стороны. В обществе не дознался я отголоска Фон-Визина и в самом Фон-Визине отыскал мало отпечатков общества. Например, комедии его не картина нравов, господствовавших в обществе, ему предстоящем; он жил в столице, а описывал провинцию; изображенные им лица верны и подсмотрены с природы, но сходство их было почти отвлеченное, без живого применения к лицам, пред коими они были выведены. Комедии Фон-Визина были читаны и играны в Петербурге и в Москве;

¹ Вяземский П. А. (1792–1878) — известный поэт и критик романтического направления, долго изучал творчество Фонвизина, собрал его архив — первый в России литературный архив.

¹ Печатается по: Поэтика. Л., 1926. С. 81–92.

театров по губернским городам, домашних театров тогда если и было, то немного, — следовательно, настоящие Простаковы в глуши губерний и деревень, вероятно, и не знали, что двор смеется над ними, глядя на их изображение. Вероятно, были *недоросли* и *бригадиры* в числе зрителей комических картин Фон-Визина; по комик колол не их глаза. Смех их был оттого свободнее, но менее было и пользы. Следовательно, и здесь автор и его публика не были в борьбе лицом к лицу и рука с рукою. Это не то, что Мольер, который списывал с натуры знакомых тартофов, маркизов, жеманок и призывал оригиналов своих на очную ставку с учительными портретами <...>

Глава VII

Есть ли у нас театр? На сей вопрос можно дать два ответа: есть и нет!.. Есть — и укажем на сорок две части «Российского театра», изданные еще в прошлом столетии (а сколько частей могло бы придать к ним нынешнее?). Нет — и в доказательство предложим терпеливому читателю прочесть оные. После сего можно бы отделаться от обозрения драматической словесности нашей известною пословицею: *на нет и суда нет*. Но мы не воспользуемся лаконизмом сего приговора. Приступая к рассмотрению двух комедий Фон-Визина, поговорим вообще о нашей старой комедии, которая при всей ничтожности своей существенно новейшей и, во всяком случае, занимательнее <...>

По старшинству Сумароков первый наш комический писатель. Комедии его бедны содержанием, расположением и искусством: но какая-то оригинальность, беглый огонь сатирический, хотя и не драматический, местами искупают в них главнейшие недостатки. В уме его была живость, в авторском темпераменте раздражительность <...> Он часто переносил горячий памфлет в свои холодные комедии. Он иногда угадывал Бомарше¹. Ученый критик скажет, что эти отступления не у места в комедии, и сошлется в том на Аристотеля и других законоискусников; умный читатель прочтет их с удовольствием и будет ссылаться на них как на сборник и памятник некоторых тогдашних обыкновений, как на вывеску ума и эпохи писателя <...>

Вообще, в комедиях Сумарокова должно быть много личностей, как и в других творениях русского театра. Если нынешним читателям и нельзя без посторонних объяснений понять многие намеки, то мож-

но их угадывать. К тому ж личности были и везде пособиями младенчеству комедии; общие характеристические лица суть уже соображения просвещенной комедии. Личности дают комiku средства без большого труда рассмешить зрителей своих и угодить лукавой злости, свойственной каждой публике. Комедия Сумарокова «Триссотиnius»¹, коей название заимствовано у Мольера, представившего также живой характер в лице *Триссотина*, должна метить на Тредиаковского. Тут в одной сцене есть забавный спор о букве твердо (т): *которое правильнее — о трех ли ногах или об одной?* Слуга *Кимар*, призванный *Бобембусом* и *Триссотиniusом* сказать свое мнение о сей ученой задаче, отвечает, что он *треножное твердо одноножному предпочитает: ибо у этого если нога переломится, так его и брось; а у того хотя и две ноги переломятся, так еще третья останется*. Забавное самохвальство автора высказывается на заглавном листе сей комедии, которая зачата 12 января 1750, а окончена 13 января 1750 года <...>

Замечательнейшими и драгоценнейшими произведениями «Российского театра» должно почесть творения Екатерины Великой если не по драматическому достоинству, то по литературной и исторической важности. Нельзя требовать от них того, чего не находим и у писателей, занимавшихся драматическим искусством как ремеслом, а не как отдыхом и увеселением. К тому же едва ли можно ожидать от писателя-венценосца того изучения людей, нравов их и характеров, которое образует комика. Должно жить с людьми, заставить их в делах жизни, так сказать, врасплох, быть самому рядовым действующим лицом на общей сцене, чтобы самому изведать людей во всех их видах и отношениях <...> Уже самая мысль Екатерины — писать для театра — есть событие в истории искусства. Ее исторические представления в подражание Шекспиру, как сказано в оглавлении (хотя в них шекспировского и немного), были у нас первыми романтическими опытами; они могли быть великолепными театральными зрелищами. Намерение счастливое и поэтическое! Жаль, что сей пример не был богаче последствиями. При скудости своей наш театр мог бы оживиться и сделаться народным подобными представлениями <...>

О Княжнине здесь не упоминаем, ибо он достоин отдельного разбора. В его творениях нет природы истинной, чистой. Комедия его переработана в природу искусственную, условную. Но если допустить, что на сцене позволительно соиздать мир театральный, только по некоторым отношениям соответственный миру действительному, то, без сомнения, должно признать Княжнина первым комиком нашим.

¹ Комедия Бомарше «Севильский цирюльник» поставлена в 1774 г., «Свадьба Фигаро» — в 1783 г.

¹ «Тресотиниус».

«Хвастун» его не в наших нравах, но и не в нравах иноплеменных, а разве в нравах классической комедии; «Чудаки» тоже. Но ту и другую комедию перечитываешь всегда с удовольствием и смехом, чего не скажешь о прочих комедиях наших, и в особенности писанных стихами <...>

Со всем тем жаль, что старый театр наш в подобном забвении. Воскресить его на сцене, вероятно, уже невозможно; но, выбрав для чтения из многотомного собрания его тома три или четыре, мы заплатили бы дань признательности и уважения к людям века минувшего, которые были не хуже нашего; между тем и нынешнему поколению доставили бы чтение любопытное и если не поучительное в отношении к искусству, то не бесполезное в другом. Должно бы издать сей сокращенный театр с комментариями более историческими, нежели чисто критическими <...> К чести нашей старой комедии заметим, что она не в бровь, а в самый глаз колола пороки и злоупотребления, не щадя ни их, ни злоупотребляющих ими. Такие открытые нападения мало благоприятствуют искусству, которое, содействуя и самой истине, должно быть несколько лукаво <...> Главными пружинами комедии нашей были злоупотребления судей и домашней, то есть помещичьей, власти. И в этом отношении она есть, в некотором смысле, политическая комедия, если нужно ее обозначить каким-нибудь особенным родом. (Почти такова и басня Крылова, в которой так много драматических лиц и действия.)

Глава VIII

<...> Поистине, читая Фон-Визина, чувствуешь часто недостаток его; читая писавших у нас для комической сцены прежде и после его, удивляешься одному его превосходству. Фон-Визин не был решительно драматиком, не был и комиком, даже каков, например, Княжнин; по крайней мере в художественном отношении последний был изобретательнее его в распоряжении, в хозяйственном устройстве комедии. Басня¹ обеих комедий автора нашего слаба и бедна, в картине его есть нигривость и яркость, но нет движения: это говорящая картина — и только; но и то говорят в ней не всегда участвующие лица, а часто говорит сам автор. Все это правда; но живое чувство истины, мастерское изображение портретов с натуры, хотя и не во весь рост, удачная съемка русских нравов без примеси красок чуждых или неестественных, свобода и оригинальность, с которою выливается у него комическая фраза, русская

¹ Басня — в данном случае: фавула.

веселость, которая должна существовать, как есть русская физиогномия физическая и нравственная, все это образует характер автора и отличное достоинство его, неоспоримое, неотъемлемое. В слог его есть какое-то движение, какая-то комическая мимика, приспособленные с большим искусством к действующим лицам его. Определить, в чем состоит она, невозможно; но чувство ее постигает.

«Бригадир» более комическая карикатура, нежели комическая картина; но здесь карикатурный отпечаток не признак безвкусицы, а выражение ума оригинального; тут есть поэзия веселости <...>

Может быть, мысль представить шестидесятилетнего бригадира, влюбившегося нечаянно в советницу, которую узнал он недавно, а советника, также скоропостижно влюбившегося в старую бригадиршу, не совсем правдоподобна: тут есть какая-то симметрия в волокитстве, которая забавна в последствиях своих, но неестественна в начале. Допустив еще грехопадение советника, лицемера и святоши, который насильно выдаст дочь свою за сына бригадирши, *чтобы по родству чаще видеться с возлюбленною сватьей*, хотя и старухой, как значится из дела, но дурачество и поползновение к соблазну бригадира, который выведен на сцену человеком грубым, но довольно благодарным, кажется, решительно противуречит истине. Зато с какою непринужденною веселостию исполнена эта мысль! Как хорошо явление, где советник, прикрывая грешные желания свои святошеством речей, признается бригадирше в любви, а она отвечает ему с простою, *что она церковного-то языка столько же мало смыслит, сколько и французского*, которым, на беду ее, щеголяет сын, недавно возвратившийся из Парижа! Открытие в любви бригадира перед советницею хотя не так оригинально, но в свою очередь забавно. Объяснение же во взаимной любви советницы и бригадирского сына, жениха падчерицы ее, исполнено не только комической веселости, но и комической истины; оно совершенно в провинциальных нравах, разгадывается на картах и вырывается восклицаниями: «Ты ксеровая дама!», «Ты трэфовый король!». Как живо переносит нас сие явление во времена простосердечного волокитства, которое, не ломая головы над сочинением любовных писем, выражало себя просто симпатическими мастями или конфетными билетцами, писанными Сумароковым для обихода страстных любовников! Жаль нравственности, но всех бледнее и всех скучнее в комедии законная любовь *Софьи и Добролюбова*, довершающая общую картину нежных склонностей, превративших дом советника в уголок Аркадии¹. В «Бригадире» в первый

¹ Аркадия — область Греции, где, по древним преданиям, жили безмятежно счастливые поселенцы.

раз услышали на сцене нашей язык натуральный, остроумный: вот где Фон-Визин является писателем искусным <...> В разговоре действующих лиц можно заметить несколько натяжек, несколько эпиграмм слишком увесистых, не отлетающих от разговора, но брошенных поперек его самим автором. Кое-где встречаются шутки, так сказать, слишком заряженные: шутка, слишком туго набитая, как орудие не попадает в цель, а разрывается в сторону. Таковы многие из речей, относящихся до Парижа, до несчастья быть русским, и тому подобные <...> Все критические замечания наши подтверждают сказанное выше: Фон-Визин не был драматическим творцом, а только писателем комическим, в чем большая разница. Выступая на театр, он не был побуждаем желанием творить, испытывать силы и соображения свои в устремлении жребия лиц, коими населял свою сцену <...> Фон-Визин не имел в виду сих обширных предначертаний: он хотел просто вылить в некоторые из драматических форм частные свои наблюдения, свои мысли о том и о сем, расцветить кистью своею лица, которые встречал в обществе или которые представляло ему воображение, создавая вымышленные образы по чертам и очеркам действительных.

Влияние, произведенное комедиею Фон-Визина, можно определить одним указанием: от нее звание бригадира обратилось в смешное нарицание, хотя сам бригадирский чин не смешнее другого. Наричание пережило даже и самое звание: ныне бригадиров уже нет по табели о рангах, но есть еще род светских староверов, к которым имя сие применяется <...> Петербургские злоязычники называют Москву старою бригадиршею.

В комедии «Недоросль» автор имел уже цель важнейшую: гибельные плоды невежества, худое воспитание и злоупотребления домашней власти выставлены им рукою смелою и раскрашены красками самыми ненавистными. В «Бригадире» автор дурачит порочных и глупцов, язвит их стрелами насмешки; в «Недоросле» он уже не шутит, не смеется, а негодует на порок и клеймит его без пощады: если же и смешит зрителей картиной выведенных злоупотреблений и дурачеств, то и тогда внушаемый им смех не развлекает от впечатлений более глубоких и прискорбных. И в «Бригадире» можно видеть, что погрешности воспитания русского живо поражали автора; но худое воспитание, данное бригадирскому сынку, это полупросвещение, если и есть какое просвещение в поверхностном знании французского языка, в поездке в чужие края без нравственного, приготовительного образования, должны были выделывать из него смешного глупца, чем он и есть. Невежество же, в котором рос *Митрофанушка*, и примеры домашние должны были готовить в нем изверга, какова мать его,

Простакова. Именно говорю: изверга, и утверждаю, что в содержании комедии «Недоросль» и в лице *Простаковой* скрываются все пружины, все лютые страсти, нужные для соображений трагических; разумеется, что трагедия будет не по греческой или по французской классической выкройке, но не менее того развязка может быть трагическая. Как *Тартюф* Мольера стоит на меже трагедии и комедии, так и *Простакова*. От авторов зависело ее и его присвоить той или другой области. Характер и личность остались бы те же, но только приуроченные к узаконениям и обычаям, существующим по одну или другую сторону литературной границы. Что можно назвать сущностью драмы «Недоросля»? Домашнее, семейное тиранство *Простаковой*, содержавшей у себя, так сказать, в плену *Софью*, которую приносит она на жертву корыстолюбию своему, выдавая насильно замуж сперва за брата, а потом за сына. Как характеризуется она самим автором? *Презлою фурию, которой адский нрав делает несчастье целого дома*. Все прочие лица второстепенны: иные из них совершенно посторонние, другие только примыкают к действию. Автор в начертании картины дал лицам смешное направление; но смешное, хотя у него и на первом плане, не мешает разглядеть гнусное, ненавистное в перспективе. В семействах *Простаковых*, когда, по несчастью, встречаются они в мире действительности, трагические развязки не редки. Архивы уголовных дел наших могут представить тому многочисленные доказательства. Вот нравственная сторона творения сего, и патристическая мысль, одушевляющая оное, достойна уважения и признательности! Можно сказать, что подобное исполнение не только хорошее сочинение, но и доброе дело, что, впрочем, можно применить и ко всякому изящному творению, ибо, нет сомнения, что оно всегда имеет нравственное действие. Между тем и комическая сторона «Недоросля» не менее удачна. В сей драме замечен один недостаток, уже замеченный выше: недостаток изобретения и неподвижность события. Из сорока явлений, в числе коих несколько довольно длинных, едва ли найдется во всей драме треть, и то коротких, входящих в состав самого действия и развивающихся из него, как из драматического клубка.

Первое действие почти с начала до конца ведется драматически. В трех первых явлениях мастерски выставлен характер *Простаковой*. Первое явление заключается в нескольких словах, сказанных ею, но они так выразительны, что его можно почесть прекрасным изложением не действия драмы, потому что не оно главное, но главного лица, которому все прочее служит одною обставкою. Разговор ее с портным *Тришкой* или, лучше сказать, пожалованным в портные исполнен комической силы. Веселость автора совершенно приурочена к ли-

цам; сцена совершенно русская, снятая с природы. Перепадка воз-
ражений между госпожою и *портным поневоле* оживлена драмати-
ческим кресчендо¹ и кончается неодолимым возражением его: «*Да*
первый-то портной, может быть, шил хуже и моего!» Поболее
таких явлений — и Фон-Визин был бы один из остроумнейших ко-
миков <...> Вообще, все сцены, в которых является *Простакова*,
исполнены жизни и верности, потому что характер ее выдержан до
конца с неослабевающим искусством, с неизменяющеюся истинною.
Смесь наглости и низости, трусости и злобы, гнусного бесчеловечия
ко всем, и нежности, равно гнусной, к сыну, при всем том невежество,
из коего, как из мутного источника, истекают все сии свойства, со-
гласованы в характере ее живописцем сметливым и наблюдательным.
В последних явлениях автор показал еще более искусства и глубоко-
го сердцеведения. Когда *Стародум* прощает *Простакову* и она, встав
с коленей, восклицает: «Прости! ах, батюшка, прости! Ну, теперь
дам я зорю канальям своим людям», — тут слышен голос природы.
Скупость ее прорывается весьма забавно в сцене, когда *Правдин*, на-
значенный от правительства опекуном над деревнею ее, рассчитывает-
ся с учителями *Митрофанушки*. Тут уже не хвастает она, как пре-
жде, познаниями своего сына и невольно говорит *Кутейкину*: «Да
коль пошло на правду, чему ты выучил Митрофанушку?» Но послед-
няя черта довершает полноту картины, сосредоточивая все гибельные
плоды злонравия ее и воспитания, данного сыну. Лишенная всего,
ибо лишилась власти делать зло, она, бросаясь обнимать сына, гово-
рит ему: «Один ты остался у меня, мой сердечный друг Митрофа-
нушка!», а он отвечает ей: «Да отвязись, матушка, как навязалась!»
Признаюсь, в этой черте так много истины, эта истина так прискорб-
на, почерпнута из такой глубины сердца человеческого, что по не-
вольному движению точно жалелась о виновной, как при казни пре-
ступника, забывая о преступлении, сострадательно вздрагиваешь за
несчастливого. В начертании характера *Простаковой* Фон-Визин был
глубоким исследователем и живописцем <...> Из того, что видим на
сцене, мы коротко знаем *Простакову* и могли бы начертать полную
биографию ее. Не все комические портреты так поучительны и от-
кровенны. У многих наших комиков узнаешь о представленных ими
лицах только то, что сказано про них на афишах. *Скотинин* — кари-
катура: он вроде театральные тираны классической трагедии и гово-
рит о любви своей к свиньям, как *Димитрий Самозванец* Сумарокова
о любви к злодействам. Но сцена его с *Митрофанушкою* и *Еремеевою*
очень забавна. Вообще характер мамы, хотя вскользь обозначенный,

удивительно верен: в нем много русской холопской оригинальности.
Пересказывают со слов самого автора, что, приступая к упомянутому
явлению, пошел он гулять, чтобы в прогулке обдумать его. У Мя-
сницких ворот набрел он на драку двух баб, остановился и начал сто-
рожить природу. Возвратясь домой с добычею паллодепей, пачертал
он явление свое и вложил в него слово «зацепы», подслушанное им
на поле битвы. Роль *Стародума* можно разделить на две части: в
первой он решитель действия и развязки если не содействием, то во-
лею своею; в другой он лицо вставное, правоучение, подобие хора в
древней трагедии. Тут автор выразил несколько истин, изложил не-
сколько мнений своих. В доказательство, что эта часть не идет к делу,
напомним, что в представлении многое выкидывается из роли *Старо-
дума*. Была бы пьеса написана хорошими стихами, то, вероятно, тер-
пение партера не утомилось бы отступлениями; но несвыгода *Старо-
дума* пред древним хором в том, что сей выражается поэзиею лири-
ческою, а тот дидактическою прозою, которая скучна под конец <...>
Можно еще прибавить, что многое из правоучений *Стародума* хотя
и весьма справедливо и назидательно, но довольно обыкновенно <...>
Нет сомнения, что в обществе встречаются говоруны или поучители,
подобные *Стародуму*; но правда и то, что они скучны и что от них
бегашь. На сцене они еще скучнее, потому что в театр едешь для
удовольствия, а слушая их, подвергаешься скуке добровольной. Меж-
ду тем первое явление пятого действия приносит честь и писателю и
государю, в царствование коего оно написано. Может быть, заметим
еще, что *Стародум*, разбогатевший в Сибири и нечаянно возвращаю-
щийся, чтобы обогатить племянницу свою, сбивается несколько на
непрерывных дядей французской комедии, которые для развязки ко-
мической интриги падали из Америки золотым дождем на голову
какого-нибудь бедного родственника.

Роли *Милона* и *Софьи* бледны. Хотя взаимная склонность их одна
из главных завязок всего действия, но счастливой развязке ее раду-
ешься разве из беспристрастной любви к ближнему. *Правдин* — чи-
новник; он разрезывает мечом закона сплетение действия, которое
должно б быть развязано соображениями автора, а не полицейскими
мерами наместника. В наших комедиях начальство часто занимает
место рока (fatum) в древних трагедиях; но в этом случае должно
допустить решительное посредничество власти, ибо им одним может
быть совершено наказание *Простаковой*, которое было бы неполно,
если бы имение осталось в руках ее. *Кутейкин*, *Цыфиркин* и *Враль-
ман* — забавные карикатуры; последний и слишком карикатурен, хотя,
к сожалению, и не совсем пестрышное дело, что в старину немец
кучер попал в учителя в дом *Простаковых*.

¹ Crescendo (итал.) — нарастание, усиление (музыкальный термин).

Мне случалось слышать, что Фон-Визина упрекали в исключительной цели, с которою будто он начертал лицо *Недоросля*, осмеивая в нем неслужащих дворян. Кажется, это предположение вовсе неосновательно. Во-первых, Фон-Визин не стал бы метить в небывалое зло <...> Дворянство наше випить можно не в том, что оно не служит, а разве, что оно иногда худо готовится к службе, не запасаясь необходимыми познаниями, чтоб быть ей полезным. *Недоросль* не тем смешон и жалок, что шестнадцати лет он еще не служит; жалок был бы он служа, не достигнув возраста рассудка; но смеешься над ним оттого, что он неуч. Правда, что правило *Стародума*, по которому в одном только случае позволяется дворянину выходить в отставку — *когда он внутренно удостоверен, что служба его прямо пользы отечеству не приносит*, слишком исключительно. Дворянин перед самым отечеством может иметь и без службы священные обязанности. Дворянин, который усердно занимался бы благоустройством и возможным нравственным образованием подвластных себе, воспитанием детей, какою-нибудь отраслью просвещения или промышленности, был бы не менее участником в общем деле государственной пользы и споспешником видов благонамеренного правительства, хотя и не был бы включен в списки адрес-календаря. К тому же правило *Стародума* несбыточно в исполнении: в государстве нет довольно служебных мест для поголовного ополчения дворянства. Должно признать, что и *Правдин* имеет довольно странное понятие о службе, говоря *Митрофанушке* в конце комедии: «С тобою, дружок, знаю, что делать: пошел-ка служить!» Ему сказать бы: «Пошел-ка в училище!», а то хороший подарок готовит он службе в лице безграмотного поваря.

Успех комедии «Недоросль» был решительный. Нравственное действие ее несомненно. Некоторые из имен действующих лиц сделались нарицательными и употребляются доныне в народном обращении. В сей комедии так много действительности, что провинциальные предания именуют еще и ныне несколько лиц, будто служивших подлинниками автору. Мне самому случилось встретиться в провинциях с двумя или тремя живыми экземплярами *Митрофанушки*, то есть будто служившими образцом Фон-Визину. Вероятно, предание ложное, но и в самых ложных преданиях есть некоторый отголосок истины. В «Бригадире» есть тоже намеки на живые лица и между прочими на какого-то президента коллегии, который любил великорослых и по росту определял подчиненных своих на места. Если правда, что князь Потемкин после первого представления «Недоросля» сказал автору: «Умри, Денис, или больше ничего уже не пиши!», то жаль, что эти слова оказались пророческими и что Фон-Визин не писал уже более

для театра. Он далеко не дошел до геркулесовых столпов драматического искусства; можно сказать, что он и не создал русской комедии, какова она быть должна; но и то, что он совершил, особенно же при общих неудачах, есть уже важное событие <...>¹

1830

О Державине

Угасло одно из светил поэзии нашей, лучезарнейшее светило ее! Державина нет! Смерть похитила в нем у муз почтенного их Нестора², у отчества — мужа знаменитого, прешедшего со славою и пользою поприще долгой жизни, у ближних и друзей — добродушного старца, украшенного семейственными добродетелями. Пускай другие следуют за ним на пути гражданской службы, застанут его простым рядовым на часах в день восшествия на престол Екатерины II и потом с удивлением увидят его любимцем, статс-секретарем и певцом Екатерины Великой: мы кинем взгляд на его поприще литературное <...>

Державин, как другой Ломоносов, создал сам себя. Судьба не уравнила пути, по которому он должен был достигнуть до первых степеней государственного человека и вершины славы пиитической <...> Первыми его учителями в стихотворстве были, кажется, Ломоносов и Петров. У первого он научился звучности языка пиитического и живописи поэзии; у другого похитил он тайну заключать живую или глубокую мысль в живом и резком стихе, — тайну, совершенно неизвестную Ломоносову.

В скором времени Державин сравнился с наставниками и, конечно, превзошел Петрова. Не долго, однако же, следовал он по дороге, проложенной его предшественниками. Своенравный гений его, испытанный богатством и свойство языка почти нового, пробил себе путь особенный, на котором не было ему вожатого и не будет достойного последователя. Без сомнения, если многие из од Державина могут разделиться на определенные роды: *Пиндарический*, *Горацианский*, *Анакреонтический*, то многие по всей справедливости должны называться *Державинскими*. И строгий законодатель вкуса и правил не усомнится прибавить новую статью к своей пиитике. Какая словесность древних или новейших народов могла служить ему образцом для од: «Фелица», «Изображение Фелицы», «Видение мурзы», «Осень

¹ Печатается по: *Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984.

² Имя Нестора из «Илиады» использовалось для обозначения почтенного старейшины.

во время осады Очакова», «Счастье», «На походы в Персию», «Вельможа» и пр.? Не говорю уже об оде «На смерть Мещерского» или «К первому соседу», где, конечно, наш поэт, следуя Горацию, одел глубокие истины и философию прелестью поэзии, но кисть и краски запял он не у римского поэта. Не говорю уже о «Водопаде», где все дышит дикою и ужасною красотою, где поэзия победила живопись, но где, к сожалению, не видно единства в расположении и приметно, что поэт (как точно, говорят, и было) составил свою поэму в разные времена и из разных частей. Пьесы вышеназванные и некоторые другие можно назвать рудниками поэзии, сокровищем опасным, до которого на свою гибель дотронется рука легкомысленного последователя. Из всех поэтов, известных в ученном мире, может быть, Державин более всех отличился оригинальностью, и потому род его должен остаться непревзойденным <...> Но если Державин, как создатель рода, до него неизвестного, сорвал вечнозеленую пальму поэзии, то и по творческим подражаниям он может занять место наряду с величайшими поэтами. Сомневаюсь, чтоб Анакреон превзошел нашего певца в прелесть и простоте стихотворений, освященных его именем; разве, может быть, по достоинству слога, о котором одни современники его могли судить безошибочно, но, конечно, не по прелесть живописи, затейливой игривости и свежести воображения.

<...> В течение трех царствований раздавались песни Державина. Но блестящий век Екатерины, сей пиитический век славы России (которого Державин, казалось, был посреди нас живым и красноречивым памятником), был лучшую эпохою и его славы. Он застал его в полном цвете мужества и силы. Настоящие дни, обильные грозными бурями и величайшими подвигами народного мужества, были свидетелями заката его гения, удрученного летами. Но подвиги сынов Суворова часто пробуждали от сна его песнопевца и извлекали из лиры, уже охладевшей, звуки, достойные минувших дней <...>

Часто Державин, увлеченный свосправисм смелого гения, посреди лирических восторгов пламенел негодованием Ювенала, и струны *Пиндарической* лиры метали укоризны в порок¹ <...> Некоторые из од его, как, например, «Вельможа», могут по справедливости называться *лирическими сатирами*.

Первый том его стихотворений, кроме пиитического достоинства, имеет для нас и другую привлекательную сторону. Он один живописует глазам нашим картину двора великой монархии, родит в сердцах наших драгоценные воспоминания и сохраняет для внуков некоторые

черты лиц, игравших значительные роли в сем периоде, столь обильном чудесными происшествиями <...>

Иные сравнивали Державина с Ломоносовым; но что между ними общего? Одно: тот и другой писали оды. Род, избранный ими, иногда одинаков, но дух поэзии их различен. Ломоносов в стихах своих болс оратор, Державин всегда и везде поэт. И тот и другой бывают иногда на равной высоте; но первый восходит постепенно и с приметным трудом, другой быстро и неприметно на нее возлетает <...> Ломоносова читатель неподвижен; Державин увлекает, уносит его всегда за собою. Державин-певец всех веков и народов! Ломоносов — певец российского двора. Гораций не дожил бы до нашего времени, если бы из его творений сохранились одни похвалы Августу. Может быть, тогда вовсе не читали бы его или читали бы в латинских классах университетов и училищ, и круг славы величайшего из поэтов-философов был бы весьма ограничен. Пиитический гений Державина возлагает дани на всю природу — и вся природа ему покорна. Гений Ломоносова довольствовался некоторыми даяниями, и мы негодуем на его умеренность. Вся природа говорит сердцу и воображению творца «Водопада» пиитическим и таинственным языком, и мы слышим отголоски сего языка. Ломоносов был, кажется, невнимателен к ес вдохновениям. Державин смотрел на природу быстрым и светозарным взором поэта-живописца; Ломоносов — медленным взглядом наблюдателя. Пиитическая природа Державина есть природа живая, тот же в ней пламень, те же краски, то же движение. В Ломоносове видны следы труда и тщательная отделка холодного искусства. Одним словом, все, что человечество имеет священнейшего, — доблесть сердечная, сострадание, праведное негодование и презрение к пороку, глубокие мысли о бессмертии и создателе, печальные чувства при виде слабости и страданий человечества, сердечные воспоминания юности, родины, великих деяний предков и современников, все сокровища души, ума и сердца обогатили воображение величайшего из поэтов — Державина <...>

Разборчивая и строгая критика изречет со временем свой решительный приговор достоинству Державина и в горниле своем очистит золото от чуждой примеси. Но мы, еще живо пораженные утратою великого мужа, в первые минуты горести осыпшем цветами припадетности свежую могилу песнопевца, которого память не остынет в сердцах ближних его, а место, быть может, еще долгое время останется праздным на нашем Парнасе!¹

¹ Пиндар (518–442 гг. до н. э.) — греческий одописец; Ювенал (ок. 60—127) — римский поэт-сатирик.

¹ Печатается по: *Вяземский П. А. Сочинения*: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 7–12.

О жизни и сочинениях В. А. Озерова

<...> Драматическое искусство у нас еще в колыбели. Несмотря на несколько трагических и комических сцен, мелькающих в малом числе драматических творений, из коих всякое более или менее ознаменовано печатью отвержения, наложенною на наш театр рукою Талии и Мельпомены, кажется, можно сказать решительно, что до сего времени мы не имели еще ни одной оригинальной комедии в стихах и до Озерова не видали трагедии.

Сумарокову, сему писателю, хотевшему с жадностию обнять все отрасли ученой славы и у которого нельзя отнять ни ума, ни дарования, предназначено было судьбою проложить у нас пути к разным родам сочинений, но самому не достигнуть ни одной цели. Как Моисей, он повел других на обетованную землю, но сам не вступил в ее границы. Ослепленные современники венчали неутомимого писателя похвалами, добродушное потомство довольствуется быть отголоском старины, не налагая на себя тяжелого труда быть действующим судиею славы Сумарокова, и, таким образом, творец русского театра, хотя и не лишенный почести сего имени, уже почти не имеет места на русском театре. Может быть, и совсем поглотила бы его бездна забвения, если бы не приходило на мысль благочестивым и суеверным поклонникам старины, предпочитающим всегда славу усопших славе живых, ставить нам, без зазрения совести, в образец басен на русском языке басни Сумарокова и в образец трагического слога напыщенные и холодные порывы притворного иступления «Димитрия Самозванца». Должно заметить, однако же, что в трагедиях Сумароков так же выше комедий своих, как Княжнин в комедиях выше трагедий Сумарокова и своих собственных.

Княжнин первый положил основание как трагическому, так и комическому слогу. Лучшая комедия в стихах на нашем театре есть, неоспоримо, «Хвастун», хотя и в ней критика найдет много недостатков, и вкус не все стихи освятил своей печатью. Но зато сколько сцен истинно комических, являющих блестящие дарования автора! Сколько счастливых стихов, вошедших неприметно в пословицы! Сколько целых мест, свидетельствующих, так сказать, о зрелости слога Княжнина! <...> «Утешенная вдова» до сего времени может служить у нас образцовою по достоинству прозаического и комического слога, тонкой насмешки и веселости. В «Чудаках» блистает то же дарование и еще больше комической веселости. В других его комедиях везде рассыпаны искры дарования и соль остроумных шуток, выкупающих погрешности планов его и несходство в списывании лиц.

Княжнин, как трагик, заслуживает более укоризны, не имея блестящих достоинств, вознаграждающих за ошибки его в комедиях. Язык в последних всегда кажется естественным: язык в его трагедиях всегда принужден и холоден. В *Дидоне* видим не любовницу, в *Рославле* не пламенного друга отечества. О *Рославле* можно заметить, что имя *хвастуна* ему приличнее, нежели действительному *Хвастуну*. *Верхолет* более лжец и обманщик: *Рослав* есть трагический хвастун. Княжнин, сказывают, признавался, что *Рослав* написан им по желанию собрать в одно все черты высокого, рассыпанные во французских трагедиях. Одно это желание, признанное или умолченное, — все равно, но главное в трагедии его, — может служить ему обвинением. В ответах *Рослава* слышен всегда автор <...> Я часто слышал рукоплескания, заслуживаемые трагедиями Княжнина; но, признаюсь, не видал никогда в глазах зрителей красноречивого свидетельства участия, принимаемого сердцем их в бедствиях его героев или героинь; не видал слез, невольной и лучшей дани, приносимой трагическому дарованию от растревоженных чувств сострадания или страха обманутого воображения. Должно сказать, что погрешности в трагедиях Сумарокова и Княжнина не могут быть оправданы временем. В то время как они писали, сокровища иностранных театров совершенно были им открыты; не говорю о древних источниках, которые тогда, как и самый язык древних, были забыты. В трагедиях того и другого встречаем мы нередко частые подражания Корнелью, Расину и Вольтеру. Можно похитить блестящую мысль, счастливое выражение; но жар души, но тайна господствовать над чувствами других сердец не похищается, и нельзя ей научиться от правил пиитики. Главный недостаток Княжнина происходит от свойств души его. Он не рожден трагиком <...>

Кажется, решительно можно сказать, что у нас не было трагедий, и величество Мельпомены не царствовало на трагической сцене. Актеры под пышными именами выходили перед зрителями, говорили стихи, иногда хорошие, чаще дурные; зрители рукоплескали, чаще зевали; но и рукоплескания их были данью звучности стихов, блестящему выражению, сильным изречениям, сохранению некоторых условий искусства, но тайна трагедии не была еще постигнута. Явился Озеров — и Мельпомена приняла владычество свое над душами. Мы услышали голос ее, повелевающий сердцу, играющий чувствами, сей голос — столь красноречивый в Расине и Вольтере. В первый раз увидели мы на сцене не актеров, пожалованных по произволу автора в греческих, римских или русских героев и представляющих нам галерею портретов почти на одно лицо, которое узнавать надобно было по надписи <...>

Софокл в «Эдипе-царе» имел многих последователей; у одних французов есть около десяти подражателей. «Эдип в Колонском предместьи» реже был переносим на новейший театр. Озеров, избравши его, основался на Софокле, пользуясь и другими французскими подражаниями <...> Содержание «Эдипа» известно. Сия прекрасная трагедия, зрелое и жизни исполненное произведение маститого старца, почитается одним из лучших памятников древности. Софокл, обвиняемый сыном в несостоянии править имением по старости лет и упадку рассудка, прочел для оправдания своего перед судьями «Эдипа в Колонском предместьи», оконченного им в самое то время. Восхищенные судьи отослали со стыдом обвинителей и с торжеством проводили Софокла до дома. Сия трагедия, осветившая вечер славы греческого певца, озарила утро славы нашего трагика и была зарею нового дня на русском театре. Но, вероятно, современники наши хладнокровнее древних, и едва ли голос клеветы для слуха их не доступнее голоса дарования. Сравнивать подлинник с подражанием не должно. Древние в трагедиях своих имеют великое преимущество над нами. Трагедия греческая заимствовала свою силу от всего, что было священо для греческого сердца. Слава предков и современных граждан, народные предания и обычаи, таинства религии, таинственные обряды богослужения были, так сказать, сокровищем греческих трагиков. Мы можем постигать красоту их искусства, но, и постигнув ее, будем единственно холодными зрителями действия, а не участниками оного. Смерть Эдипа, залог благоденствия Афин, может ли производить над зрителями чуждыми то действие, которое имела она на Афинском театре? До какого же совершенства должны были достигнуть древние трагики, чтобы внушить и нам, отдаленным от них веками, а еще более совершенною противоположностью понятий и чувств, то уважение, которое имеем к их творениям! <...>

Вернейшее подражание древним трагикам, согласно с правилами, которые они завещали нам своим примером, было бы не подражать им <...> Обратимся к Озерову.

Он, как благоразумный художник, воспитал дарование свое в греческой школе и знал, что для театра нашего, еще в младенчестве, полезны могут быть и правила, и самые примеры наставников, коих искусство возросло до зрелости трудами их гения и не устарело с веками <...> Повесть Эдипа останется всегда богатым и счастливым наследством древних, которым успешно могут пользоваться и новейшие трагики. Озеров, в сопоставлении своей трагедии, отступал и от Софокла, и от подражателей его, иногда с успехом, иногда и нет <...>

Антигона Озерова — совершенная Антигона. Такова она у Софокла, такова и в природе. Ни на одно мгновение, ни в одном движении, ни в одном слове не изменяет она себе. Пленительный образец дочерней любви, трогательное сочетание нежности и твердости, чувствительности и благородного презрения к бедствиям; одним словом, счастливое соединение всех женских добродетелей. В первый раз услышали мы на сцене голос женский. Антигоне не автор подсказывает, но сердце ее. Заметим здесь, что Озеров с вернейшим успехом ловил сходство женских лиц; кисть его при изображении их была разборчивее в красках, точнее в оттенках и тщательнее в отделке. Взгляните на Антигону, Моину, Ксению, Гекубу и Поликсену: каждый из списков¹ их носит на себе печать истины и некоторым образом свидетельствует о пристрастии к себе автора <...> любовавшегося трудом своим. Может быть, почерпнул он сию верность изображения в нежном образовании души своей, отражавшей с большею живостию и ясностию женские добродетели; может быть, заимствовал он ее от частого обращения с женщинами, очищающими как вкус наш, так и самые чувства <...>

Из благословенной Эллады, цветущего отечества изящного и искусств, муза Озерова перенесла его под суровое и туманное небо, прославленное однообразными, но сильными и сладостными для души песнями — северного Гомера! Певец греческий открывает богатый рудник трагикам; Оссиян не столь щедрою рукою рассыпает свои сокровища. Воображение Гомера богато, роскошно и разноцветно, как вечная весна, царствующая на отеческих его полях. Воображение Оссияна грустно, однообразно, как вечные снега его родины. У него одна мысль, одно чувство: любовь к отечеству, и сия любовь согревает его в холодном царстве зимы и становится обильным источником его вдохновения. Его герои — ратники; поприще их славы — бранное поле; алтари — могилы храбрых <...> Цвет поэзии Оссияна может быть удачнее обильного в оттенках цвета поэзии Гомерово перенесен на почву нашу. Некоторые русские переводы песней северного барда подтверждают сие мнение. Но ровное и <...> одноцветное поле его поэм обещает ли богатую жатву для трагедии, требующей действия сильных страстей, беспрестанного их борения и великих последствий? Не думаю. И посему-то «Фингал» Озерова может скорее почтаться великолепным трагическим представлением, нежели совершенною трагедиею <...> В трагедии «Фингал» одно только трагическое лицо: Старн <...> Старн скрывает свое негодова-

¹ Список — здесь: образ, изображение.

ние от дочери, не разделяющей ненависти его к победителю сына, и, вместо обещанного брачного торжества, хочет принести Фингала в жертву мести своей на холме надгробном Тоскара. Вот одна трагическая сторона поэмы Озеровой! Он с искусством умел противопоставить мрачному и злобному Старпу, таящему во глубине печальной души преступные замыслы, взаимную и простосердечную любовь двух чад природы, искренность Моины, благородство и доверчивость Фингала; он сочетал в одной картине свежие краски добродетельной страсти, владычествующей прелестью очарования своего в сердцах невинных, с мрачными красками угрюмой и кровожадной мести и хитрость злобной старости с доверчивою смелостью добродетельной молодости <...>

Трагедия «Фингал» — торжество северной поэзии и торжество русского языка, богатого живописью, смелостию и звучностию. Речи Моины, утренний голос весны, пробуждающий сладостным очарованием тишину безмолвных рошей; сетования мрачного Старпа — унылый голос осени, беседующей с ночью бурю: с ним говорят

И ветров страшный рев,
И моря грозный шум, и томный скрип дерев.

<...> Счастливым преемником Озерова может приняться после него за Эдипа, частью сравняться с ним, а частью и превзойти его; но едва ли кто-нибудь дерзнет по следам его искать добычи в поэмах Оссиана. Он найдет поле, уже пожатое и обнаженное рукою счастливою и искусною в выборе. Представление «Фингала» говорит воображению, сердцу и глазам зрителей. Тут все у места: пение бардов, хоры жрецов, сражения. Все сии принадлежности, во многих трагедиях часто излишние, в «Фингале» нужные — тесно связаны с главным содержанием и <...> идут не за сочинителем, а за действующими лицами <...>

В 1807 году, когда взоры России устремлены были на борьбу храбрых сынов ее с силою грозного врага, готовившего цепи рабства Европе, Озеров в трагедии «Димитрий Донской» напомнил согражданам своим о великой эпохе древней славы России <...> Озеров возвратил трагедии истинное ее достоинство: питать гордость народную священными воспоминаниями и вызывать из древности подвиги великих героев, благотворителей современникам, служащих образцом для потомства. <...> Но имеет ли право трагик облакать по-своему лица, заимствованные им из истории, и может ли удовольствоваться тем, что предлагает ему история? Древние позволя-

ли себе изменять хронологической истине истории, смешанной у них всегда почти с баснословными преданиями, не менее уважаемыми. Мне кажется, что и новейшие трагики могут отступать от частной исторической истины с тем только, чтобы быть ей верными в общем смысле <...> Трагик, представивший нам тирапа благотворителем своих подданных или друга свободы рабом пресмыкающимся, равно виновен перед историею и перед трагедиею. Но Озеров, представивший Димитрия любовником Ксении в день битвы Донской, когда он в истории является уже супругом великой княгини Евдокии, пользовался свободою, законною принадлежностью искусства. Счастлив был бы Озеров, если бы довольствовался сею трагическою вольностию; но, увлеченный романтическим воображением, он нанес преступную руку на самый исторический характер Димитрия и унизил героя, чтобы возвысить любовника. Не только в Димитрии, но едва ли во всей отечественной истории найдете образец списка, представленного нам Озеровым. Его Димитрий, и в самых благородных движениях души своей, и в самом подвиге славы, напоминает нам не великого князя московского, но более полуденного рыцаря средних веков. Позволю себе и более обвинить Озерова: неверный блюститель истины в изображении исторического Димитрия, не избегает он справедливой укоризны и за Димитрия, созданного его воображением <...> Не унижается ли достоинство Димитрия, когда Ксения, не менее его страстная, находит довольно мужества в душе, чтобы заглушить голос любви, и произвольною жертвою не укоряет ли она его в постыдном малодушии? Кончина Бренского, на смерть посланного Димитрием, не есть ли ужаснейшая и неоспоримая укоризна ему? Самый соперник Димитрия не исторгает ли невольную дань уважения, отказываясь от руки Ксении <...>? Между тем в этом самом обвинении не найдем ли мы убедительнейшего доказательства искусства трагика, который, будучи как бы в распре с самим собою, попеременно водит Димитрия от стыда к торжеству, невольно привязывает нас к его участи и, побеждая сердце назло рассудку, заставляет осуждать его слабости и принимать в них живейшее и господствующее участие. Может быть, в сем случае трагик многим обязан поэту. Роли Димитрия и Ксении писаны с начала до конца рукою истинного поэта. Говорит ли он о храбрости, о благородной любви к отечеству? В речах его отзываются звуки мужественного голоса Корнелия. Сетует ли нежная любовь? Трогательные звуки чувствительной души Расина доходят до глубины сердца <...> Вообще трагедия, кроме ее драматического достоинства, согрета какою-то поэтическою любовию к отечеству, которая отражается с живостью и силою в русских сердцах и кото-

рой напрасно будем искать в творениях Сумарокова, Княжнина и самого Хераскова, песнопевца России. Она и при начале своем имела разительное отношение к современным обстоятельствам; но после событий 1812 года, которые некоторым образом предсказаны во многих стихах «Димитрия», еще более становится на нашем театре народною трагедиею <...>

Расин, обогативший «Федрою» своих современников, нашел в них пристрастных и несправедливых судей; Озеров испытал почти ту же участь, написав «Поликсену», совершеннейшее произведение своего дарования и, следственно, лучшую трагедию нашу. Несмотря на некоторые погрешности в плане, «Поликсена» полнее и совершеннее в целом прежних трагедий Озерова. Характеры Пирра, Агамемнона, Гекубы, Поликсены выдержаны до конца. Мастерство кисти Озерова, замеченное прежде в изображении женских характеров, торжествует здесь с новым блеском <...>

Таким образом, как трагик, Озеров неоспоримо стоит в летописи отечественной словесности победителем своих предшественников и опасным соперником для последователей <...> Озеров-трагик может и должен служить образцом на театре нашем. Как поэт, хотя и неоспоримо утвердившийся на чреде наших поэтов, не может и не должен он быть образцовым. В самых красотах слога он более счастлив, нежели правилен. Одарив русский язык богатством, до него еще безызвестным, не падит он его во многих случаях <...> Суровость языка времен Княжнина глухо отзывается еще в поэмах Озерова. Но зато, где говорит сердце, какая сила красноречивая! Какая истина и верность в звуках чувствительной души! Какая увлекательная прелесть в порывах мечтательного воображения! <...> «Димитрий Донской» усеян историческими воспоминаниями, местными подробностями. «Фингал» есть некоторым образом пантеон северной поэзии; в «Поликсене» взята обильная дань с «Илиады» <...>

Исчисля заслуги Озерова, принесенные русскому театру, благодарность заставляет упомянуть и о том, что он произведениями своими образовал актрису, которая на сцене нашей первая постигла тайну трагического искусства <...> Великий трагик творит великих актеров. Озеров создал Ксению и Моину; Семенова поняла поэта и оживотворила идеалы его воображения¹.

1816

Борис Михайлович Эйхенбаум¹

Державин

Яви искусством чудотворным,
Чтоб льды прияли вид лилей.

Сим изображается вызов
иностранных к населению
колоний на саратовских степях.

*Примеч. Г. Р. Державина к оде
«Изображение Фелицы» (Акад. изд. III — 611)*

<...> В июле 1916 года исполнилось сто лет со дня смерти Г. Р. Державина — кто скажет, что его поэзия оценена и осмыслена? <...> Мне хотелось бы показать, как много в поэзии Державина того, что осталось до сих пор совершенно незамеченным в науке. Эпиграф, выбранный для этой статьи, может служить подтверждением: Державин в примечании к замечательным строкам своей оды точно пародирует методы будущих ученых. И если в самом поэте трогательно такое беспощадное обращение с собственным творчеством, то для науки такой путь историко-литературного анализа просто недопустим.

1

В поэзии Державина нет еще цельных и свободных эстетических замыслов — этого и нельзя требовать от наших поэтов XVIII века <...> У Державина есть поэтические видения. Часто, почти всегда, они не имеют никакого отношения к общей теме оды — и смешно бывает вспомнить, что эти строки оказались в оде «На взятие Варшавы» или «На отсутствие Ее Величества в Белоруссию». Его вдохновение проявляет себя вспышками, и иногда какие-нибудь четыре строки, как молния, озаряют целый мир:

¹ Эйхенбаум Б. М. (1886–1959) — литературовед, один из создателей формальной школы.

¹ Печатается по: Вяземский П. А. Сочинения: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 12–43.

Яви искусством чудотворным,
 Чтоб льды прияли вид лилей;
 Весна дыханьем теплотворным
 Звала бы с юга лебедей;
 Летели б с криком вереницы,
 Звучали б трубы с облаков.

Важно ли, что эти строки, полные настоящей напевности и пафоса, скрыты в томительно-растянутой оде «Изображение Фелицы»? Нужно ли следить за тем, что после них поэт, верный своей теме, заключает:

Так в царство бы текли Фелицы
 Народы из чужих краев.

Добросовестный Я. К. Грот делает к этим строкам примечание, совершенно в духе Державина: «Здесь разумеется вызов иностранцев (манифестами 4 декабря 1762 года и 22 июля 1763) для учреждения колоний в малонаселенных краях России». Но то, что трогательно в устах самого поэта, кажется смешным в устах исследователя <...>

2

Слово Державина как поэтический материал необыкновенно точно — оно <...> становится как бы весомым и осязаемым. Поэтому так явственно разделены в его поэзии рассудочная отвлеченность, которой он отдал дань в оде «Бог», и конкретная насыщенность его настоящих поэтических видений. Все отвлеченное настолько еще чуждо первобытной силе его творчества, что оно ни в какой степени не становится у него поэтическим. Он наслаждается словом, как точным образом вещи, сверкающим всеми цветами живой реальности. Ему еще совершенно чуждо то томление по слову, которое вызовет потом у Жуковского вопрос: «Невыразимое подвластно ль выражению?» — и приведет к утверждению Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь»¹. Эстетика умолчания, недоговоренности, намек совершенно не нужна ему. Он, как чернорабочий, впервые обтесывает почти нетронутую и бесформенную глыбу русского языка и радуется, когда камень принимает некий определенный вид. Поэтому так необыкновенно материальны и радостно-точные его видения. Небо он

назовет «синей *крутизной* эфира», о воде всегда скажет, что она «стекляная», или представит водопад как «алмазную гору», с которой сыплется и кипит внизу «жемчугу бездна и серебра». Он чувствует совершенную полноту слова, совершенную его адекватность явлению, когда восклицает в «Ключе»:

Когда в дуги в твои серебристы
 Глядится красная заря,
 Какие пурпуры огнисты
 И розы пламенны, горя,
 С паденьем вод твоих катятся!

Он лелеет эту свою власть и, всматриваясь в явление, видит равное ему по силе материальности слово. За обедом он видит жуку и что-то шепчет; на вопрос И. И. Дмитриева он отвечает: «Я думаю, что если бы мне случилось приглашать в стихах кого-нибудь к обеду, то при исчислении блюд, какими хозяин намерен потчевать, то можно было сказать, что будет и *жука с голубым пером*». Так он и сделал в «Жизни Званской», а еще раньше не менее точно и увлекательно приглашал к обеду:

Шекснинска стерлядь золотая,
 Каймак и борщ уже стоят;
 В графинах вина, пунш, блистая
 То льдом, то искрами, манят.

(«Приглашение к обеду»)

Рисую пейзаж Кавказа, он видит, «как серны, вниз склонив рога, зрят в мгле спокойно под собою рождение молний и громов» или «как в степи среди зноя огромных змей стога кишат, как блещут пестрой чешуею и льют шипя друг в друга яд» («На возвращение графа Зубова из Персии»). У пляшущих девушек он видит, «как сквозь жилки голубые льется розовая кровь» <...> Как любитесь Державин меткостью и силой воспроизведения, свойственной его слову, когда в замечательном стихотворении «Развалины» изображает Киприду-Екатерину, как она

На восклицающих смотрела
 Поднявших крылья лебедей;
 Иль на станицу *сребробоких*
 Ей милых сизых голубков;
 Или на пестрых, *краснооких*
 Ходящих рыб среди прудов;
 Иль на собачек, ей любимых,
 Хвосты несущих *вверх* кольцом.

¹ Цитаты из стихотворений «Невыразимое» В. А. Жуковского и «Silentium» Ф. И. Тютчева (примеч. сост.).

<...> Совершенно был прав Державин, хотя и считал себя весьма слабым эстетиком, когда, объясняя заглавный рисунок к стихотворению «К лире», написал: он (*поэт*) *запел то, что увидел, а не то, что хотел*. На рисунке представлен поэт с лирой, которому амур сзади подставил поты и закрывает от его глаз орла, сидящего в стороне на барабане. Так постоянно поступала Муза с Державиным и заставляла его петь не о «взятии Варшавы», а о весне, он сам понял это, когда, отринув лирные громы, воскликнул:

Петь откажемся героев,
А начнем мы петь любовь.

Невозможно здесь останавливаться на ритме и фонетике державинского стиха <...> Иногда он соединяет различные размеры, как в очаровательной своей «Ласточке» — стихотворении, обращенном к первой его жене, милому, веселому и изящному существу, которую Н. А. Львов называл «президиальной художницей»:

О, домовитая ласточка!
О, милосизая птичка!
Грудь краснобела, касаточка!
Летняя гостья, певичка!

Отсюда — непосредственный переход к амфибрахию:

Ты часто по кровлям щебечешь;
Над гнездышком сидя, поешь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь¹.

Капнист был недоволен этим свободным обращением Державина с классическими размерами и переделал стихотворение на ямбический лад:

О, домовита сиза птичка,
Любезна ласточка моя.

Нечего говорить, что от этой переделки пропала вся прелесть державинской пьесы.

Пробовал Державин применять и более сложные размеры, как в оде «На взятие Варшавы», где имеются ритмические паузы:

Черная туча, мрачные крыла,
С цепи сорвав, весь воздух покрыва;
Вихрь полуночный, летит богатырь!
Тьма от чела, с посвиста пыль!

¹ Последняя строка — анапест (примеч. Б. М. Эйхенбаума).

Этих замечаний достаточно, чтобы видеть, какой своеобразной жизнью полно слово Державина, как владеет он своим материалом <...> У Державина можно еще учиться <...> Кто хочет говорить о мире через вещи, кто чувствует реальную полноту живого слова, тот найдет в его поэзии много для себя цепного.

3

Стиль не есть просто техника; он дается только тому, кто обладает целостным знанием <...> О чем же знает Державин, иначе говоря — каковы основы его поэтики? <...>

Замечательно, что нигде не удалось Державину дать конкретно-убедительный образ Смерти — он всегда, когда говорит о ней, спускается с высоты своего видения на низины отвлеченностей в духе XVIII века. Монарх и узник — снедь червей — вот все, что мог сказать Державин об этой тайне. Зато стоит ему заговорить о стихиях природы или о неге, страсти и наслаждении — слова его загораются настоящим поэтическим огнем. Еще П. А. Вяземский писал, что «поэзия Державина была жаркий летний полдень. Все сияло, все грело ярким блеском. Много было очарования для воображения и глаз». Он действительно был слишком «пленен красотой» («Признание») открывшегося перед ним пира природы и пира человеческих чувств, чтобы верить смерти. Она его ужасала, но тогда он старался о ней забыть и звал друзей на лоно природы и наслаждения, а в иное время она просто не существовала для него. Природа открылась ему, как могучая волна первобытных стихий, полных света огня и красок, и такую же первобытно-стихийной чувствовал он человеческую душу. Настоящим его богом было солнце, которому он поет гимн более вдохновенный, чем богу библейскому... Можно сказать, что в душе Державин был истым огнеспоклонником — с этим неразрывно связывался и «азиатская» нега его вельмож.

О, солнце! О, душа вселенной!
О точный облик божества! <...>
Порфирию великолепной
Объяв твою шар земной,
Рукой даруешь неприметной
Обилю, жизнь, тепло, покой.
Орлов лучами воскрыляешь,
На насекомых в тьме блестяшь <...>
Ты образ доброго царя:

Край ризы твоея — заря <...>
Над безднами и высотами
Без ужаса взнося свой зрак,
Ты исполинскими шагами
Отсюда прогонишь мрак.

(«Гимн Солнцу»)

Державин недаром сравнивает себя с теми тварями, которые «не-
каким безумным вождельем» летят на огонь и сгорают в нем <...>
(«Прогулка»). И если нет в нем томления по всевыражающему слову,
как у Жуковского, то настоящей эстетической его мечтой было вос-
кликание в оде «Бессмертие души»:

О если б стихотворство знало
Брать краску солнечных лучей.

Другой его постоянной тоже эстетической мечтой были «сладко-
певны соловьи», о которых он пел так нежно и так по-своему:

<...> О если бы одну природу
С тобою взял я в образец,
Воспел богов, любовь, свободу:
Какой бы славный был певец!
В моих бы песнях жар и сила
И чувства были вместо слов;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармония моих стихов <...>

(«Соловей»)

Таким славным певцом, подобным соловью, и был Державин. В об-
разец себе он взял природу, потому что она полна жизни, света и
свободы. Бесконечны были бы цитаты, если бы я захотел собрать
вместе все его пейзажи. Но нельзя удержаться от некоторых, чтобы
подтвердить свою мысль. Осталось свидетельство И. И. Дмитриева
о том, что он часто заставлял Державина неподвижно стоявшим против
окна и устремившим глаза к небу. «“Что вы задумались?” — однажды
спросил я. “Любуюсь вечерними облаками”, — отвечал он». И тут же
рождались слова:

О день, о день благоприятный!
Несутся ветром голоса,
Раскрылись крины ароматны,
Склонились к долу небеса.
Лазурны тучи, краезлаты,

Блистаючи рубином сквозь,
Как испещренный флот богатый,
Стремятся по эфиру вкось.

(«Любителю художеств»)

В ясный день вода и небо сливаются в одну непрерывную и про-
зрачную стихию — и поэтически-острый глаз Державина видит тогда,
«как ходят рыбы в небесах и выются полосаты флаги». К этим строкам
он сам делает трогательное примечание: «В тихий, ясный летний день
бывают видимы в воде облака и развевающиеся флаги корабельные»
<...>

Почему Державину постоянно нужны такие метафоры, как перлы,
рубины, алмазы, яхонты, янтарь? Конечно, потому, что природа была
для него «роскошным пиром» самоцветных огней, потому, что для
него солнце — первоначало, а все остальное — игра его лучей. Он
настойчив и неустойчив в своей поэтике стихий, «за нами вслед ле-
тела жемчужная струя, кристал шумел от весел», «сребром блистали
воды, рубином облака» («Прогулка в Царском Селе»). Именно блеском
и огнем соединяются у него совершенно разные, враждебные стихии:
в разноцветных брызгах «тонкий дождь горит» («На возвращение
графа Зубова»), а в другой пьесе «сребро-розовые птицы... с перьев
бисер отряхают, разноцветный влажный огонь» («Праздник воспита-
ниц девичьего монастыря»). Облако, ступившее из тонкой влаги и
паров, носится по бездне голубой, «рубином, златом испещряясь и
багрянницею стелясь» («Облако»). И как непреложный канон для ху-
дожника звучит замечательная <...> строфа из стихотворения «Радуга»:

Только одно солнце лучами
В капле дождя, в дол отразясь,
Может писать своими цветами,
В мраке и мгле вечно светясь.
Умей подражать ты ему:
Лей свет в тьму.

Его метафоры и сравнения устойчивы — они всегда рождает пред-
меты временного, рождающегося и вечно исчезающего мира с его
твердыми основами, с миром планет, металлов и неподвижно-про-
зрачных кристалльных граней.

Смотри: в проталинах желтеют,
Как звезды, меж снегов цветы <...>

(«К Музе»)

или:

Стеклянные реки лучом полуденным,
Жидкому злату подобно текут.

(«Лето»)

<...> Кто так знает и любит стихию света и игру ее в красках, тот знает и тень, тьму. В светлый, ясный день все стихии образуют как бы одно целое, один слившийся и нераздельный мир природы в их гармоническом подчинении солнцу. Тьма разрывает эту связь, и стихии вступают между собою в спор:

Кровавая луна блистала
Чрез покровенный ночью лес,
На море мрачном простирала
Столбом багровым свет с небес.
По огненным зыбям мелькая,
Я видел, в лодке некто плыл;
Тут ветер, страшно завывая,
Ударил в лес — и лес завыл;
Из бездн восстали пенны горы,
Брега пустили томный стон;
Сквозь бурные стихиев споры
Зияла тьма со всех сторон.

(«На выздоровление Мецената»)

Тут невольно вспоминаются ночные стихи Тютчева, в которых воем ветра ночной и поет песню о древнем хаосе, а человеку страшно, потому что перед ним обнажена бездна «с своими страхами и мглами». Я вообще думаю, что между Державиным и Тютчевым можно установить большую близость — здесь пролегает какая-то особая линия русской лирики, развивающаяся независимо от других ее линий. В оде «На взятие Измаила» Державин рисует грозную ночь, когда «черно-багрова буря» возлегла на лес и мчит воздух «с свистом, воем, ревом». Картина растет, становится фантастической, и перед глазами разворачивается последний день природы, о котором и Тютчев пророчествовал:

Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река;
На огонь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи к тучам гнали,

Что мрак лишь молнии освещали,
Что гром потряс всемирну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно.

Огонь и вода, гармонически сочетающиеся в летнем пейзаже (недаром солнце выходит из понта голубого), здесь разделсны и враждебны, потому что солнце покрылось мглой и стало просто раскаленным ядром <...>

4

Если такова природа, то таков же и мир человеческой души. В ней тоже борются различные стихии, и только «нежнейшей страсти пламя», свет любви, делает ее единой и неизменной <...> Смерть, как ни сильна она во тьме, не может победить света:

Не может быть, чтоб с плотью пленной,
Не чувствуя нетленных сил,
Противу смерти разъяренной
В сраженьи воин выходил.

(«Бессмертие души»)

Все женщины Державина — *Пламиды* <...> Радостен его гимн женам, за здоровье которых он пьет разные вина — за жен румяных, чернобровых, светловласых и нежных. Хороши и смуглянки, и белынки. Державин — огнепоклонник, он же поклонник и песенник жен:

Признаюсь, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом: жег любви коль пламень,
Падал я, вставал в мой век —
Брось, мудрец, на гроб мой камень,
Если ты не человек.

(«Признание»)

В этих глубоко искренних и глубоко человеческих строках сказала со всей силой настоящая целостность личности Державина и действительная ее артистичность <...> Его *Пламиды* не уступят ни в чем древним нимфам. Он зовет друга: «Пойдем сегодня благовоный мы черпать воздух, друг мой, в сад», а там черноокая и статная Даша с белокурой Лизой пропляшут им казачка —

И нектар с пламенным сверканьем
Их розова подаст рука.

(«Другу»)

<...> Для его Варюши, которую он пазывает алмазом, жемчугом и солнцем, «нужен мальчик нежный, страстный, взгляд любви — крылатый бог» («Варюша»). Живописцу Тончию он советует нарисовать его «в натуре самой грубой», но просит придать немного нежности:

Чтоб жар кипел в моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мне вздыхали
Хоть в платонической любви.

(«Тончию»)

Постоянная влюбленность — это «нетления символ». Уже стариком Державин изображает себя раненым стрелою Амура и прибавляет:

И со стрелкой таковою
Шестьдесят уж лет пляшу:
Не скучаю красотою
И любовь в душе ношу.

(«На пастуший балет»)

Я <...> думаю, что слишком мало обращено внимания на страстную любовь Державина к античности и к античным мифам. Только грубо-формальное и догматическое направление литературной науки может говорить о «ложноклассицизме» у Державина. Каждая эпоха по-своему впитывает в себя предания античной культуры — по-своему пережил ее и Державин. Рядом с дионисийским восторгом он знает и аполлоновскую красоту <...>

Я еще далеко не исчерпал всей поэтики страсти и наслаждения у Державина. Сколько азиатской неги в его вельможах, в его «приглашениях к обеду» и «похвалах сельской жизни». Персидские златошвейные шатры, драгоценные китайские глины, венские хрустали, лакомые столы с горами сластей и ананасов, молодые девы, которые подносят вина, — все это воспето Державиным со всей полнотой знания и упоения <...>

Кто станет спорить после этого, что строфы об умеренности как «лучшем пире» есть только дань рационалистической сухости разумного XVIII века, столь чуждой подлинному вдохновению Державина? Не довольно ли прочесть его старческую «Жизнь Званскую», чтобы

увидеть настоящий его лик, не прикрашенный житейской мудростью придворных философов? Настоящая его мудрость возвышенна:

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтанья:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум,
И всех зефиров повеянья.

Не проходят только солнце и любовь, которая сильнее смерти. Человеческая и, вообще, животная жизнь мелькает на земле, как картины волшебного фонаря: «Явись! И бысть... Исчезнь! Исчез» <...> Так заканчивает Державин, зритель мечты, смотря с высоты своего поэтического видения на кипящую кругом него жизнь.

<...> В поэзии Державина, в настоящих его поэтических видениях, преодолены рассудочные элементы русского XVIII века, и внутри его самого найдены пути к художественной интуиции. Державин хорошо знал направление своего века, когда к стихам своим делал примечание, что «сим изображается вызов иностранных к населению колоний». Но зато он преодолел его или познал скрытую сверхвременную сущность и сопринадлежность мечте, когда воскликнул об этих «иностранных» такие слова:

Яви искусством чудотворным,
Чтоб льды прияли вид лилей.

«Ледяной» XVIII век принял, в его поэтике, вид лилейной мечты и утвердил власть света и любви над тьмою смерти и холодом рассудка¹.

1916

¹ Печатается по: Ходасевич В. Ф. Державин. М., 1988. С. 295–313.

Юрий Михайлович Лотман¹

Пути развития русской просветительской прозы XVIII века

Становление русской литературы XVIII века совпало с образованием двух основных типов романа: «высокого», политического, и «низкого», плутовского.

Политический роман, воплощая принципы рационалистической эстетики, как и трагедия классицизма, решал «высокие» государственные задачи. Содержание романа, как правило, посвящено было поискам истины, чаще всего политической. Главный герой — в большинстве случаев будущий монарх — сталкивался с различными типами управления, разными политическими системами, персонифицированными в образах правителей и вельмож воображаемых государств. Идеальный спутник героя, олицетворяющий отвлеченный разум, выносил им приговор. Все действие совершалось в сфере идей, все действующие лица воплощали концепции, существующие не только вне реальных социально-исторических условий, но и вне бытовой конкретизации. Окружающий героев быт, чаще всего заимствованный из арсенала античной литературы, имел насквозь условный литературный характер <...>

Эстетическая природа политического романа требовала и своеобразной композиции: поскольку сюжет строился как цепь эпизодов, подчиненных идее искания истины, композиционно он воплощался чаще всего в форме путешествия. Это было не странствие по реальной географической карте, а путешествие сквозь политические системы, путешествие по воображаемой карте идей. В зависимости от того, мыслились ли эти системы и идеи автором как отрицательные или он относился к ним апологетически, повествование приобретало осудительный характер или черты литературной утопии. Однако в любом случае герои входили в произведение лишь своими отвлеченно умственными и нравственными качествами, а страны — законами, образом мысли правителей, моралью жителей.

¹ Лотман Ю. М. (1922–1993) — литературовед, основатель Тартуской семиотической школы.

<...> Поскольку государство мыслилось как защитник общей пользы, а сама эта польза объявлялась равнозначной разуму и противоположной личному эгоизму отдельных людей, утверждалось, что руководство в государстве должно принадлежать наиболее разумным — дворянам, а народ — раб страстей — может быть лишь объектом управления. Вместе с тем государь, не предводимый разумом, обуянный страстями, является тираном, недостойным своего сана <...>

Окружавшая русского писателя в середине XVIII века действительность мало походила на идеальное царство разума. Государственная теория рационалистов оправдывала господство абсолютизма. Но она же могла стать основой для критики действительно существовавшего государственного порядка <...> Не подвергая еще сомнению мысль о том, что идеальное дворянское государство — это лишь орудие общей пользы, а идеальный монарх — венценосный слуга общества, писатель начинал критиковать данного монарха и данный общественный порядок, открывая тем самым традицию критики действительности в литературе <...>

Политический роман тяготел к «высокому», «благородному» слогу, порой приближался к ритмической прозе (Херасков). Показательно, что еще Фенелон подчеркнул эту сторону своего произведения. Превращение Тредиаковского «Приключений Телемака» в «Телемахиду» в этом смысле в высшей мере знаменательно.

Русский плутовской роман возник в XVII веке в ходе формирования литературы, независимой от идеологического и стилистического влияния церковной культуры. Вместо идеи страдания на земле и загробного блаженства он выдвигал стремление к земному материальному счастью, причем в наиболее конкретных, чувственных и даже примитивных его формах <...> Отбросив церковную мораль жертвенности, авторы ставили на ее место интересы отдельного, конкретно данного человека. Вместо церковного идеала страдания на земле, подчинения реальной личности господству абстракций, литература выдвигала мысль о борьбе за земное счастье и отказ от любых отвлеченностей. Абстракцией объявлялась не только церковная мораль, но и сама мысль о морали. Герой стремился к земному благополучию, и вопрос о недопустимости каких-либо средств на пути к этой цели вообще перед ним не вставал <...> Наиболее полно такое мироощущение выразил один из героев «Похождений Жиль-Блаза»: «Я столько же готов сделать доброе дело, как и худое»¹.

¹ Похождения Жиль-Блаза де-Сантьяны, описанные г. Лесажем, а переведенные Василием Тепловым. СПб., 1768. Ч. III. С. 1–2.

Становясь жертвой чужого аморализма, будучи обманутыми или ограбленными, герои воспринимают это как должное, считая, что к жизненной борьбе моральные критерии неприменимы: «Неправ медведь, что корову съел, неправа и корова, что в лес забрела»¹. Эгоистическая сущность человеческих отпошений предельно обнажена <...> Автор убежден, что единственной реальной связью между людьми является враждебное соперничество из-за материальных благ. Если герой говорит о каких-либо побуждениях, не сводимых к чувственной любви, жажде богатства и т. д., то это значит, что автор задумал образ лицемера, скрывающего свои вождения ссылкой на несуществующие общие этические нормы, чаще всего церковные.

Отсюда и своеобразный реализм прозы подобного типа — привязанность к изображению эмпирической действительности. При этом автор может обнаружить умение пристально наблюдать отдельные факты, точно воспроизводить во всех деталях отдельные явления данной действительности.

С другой стороны, автор не имеет концепции человеческого общества и человеческого характера: враждебным ему теориям он противопоставляет не свои теории, а апологию эмпирической практики. С этим связано и стремление авторов придать своим повестям подчеркнуто документальный характер введением ссылок на точные исторические даты, точным указанием места действия <...> Для того чтобы придать интерес к сюжету, читателю нужно верить, что так было.

<...> Аморализм героя, его неукротимая жажда личного жизненного успеха, его презрение к «теории» сделали его антиподом подавляющего «гибельные» страсти героя трагедий Сумарокова и романов Хераскова.

Считая антиобщественный «эгоизм» неотъемлемым качеством человека и не веря в то, что отвлеченные идеи могут пересилить чувственные побуждения, автор плутовского романа не возлагает на литературу никакой учительной роли. Он решительно отказывается учить читателя, внушать ему какие-либо идеи. Это придает сатире Чулкова, его пониманию смеха принципиально иной характер, чем тот, который был присущ, скажем, сатире Новикова.

Плутковский роман XVIII века отличался от новеллы о плуте XVII века одной существенной чертой. Возникнув в результате циклизации подобных новелл, включая и переводные повести, и фольклорные бытовые сказки, он строился по образцу западноевропейского плутовского романа — типа испанского («Лазарильо из Тормеса», «Плу-

товка Жюстина» или «Великий плут» Кеведо), французского («Жиль Блаз») или английского («Моль Флендерс»)¹.

Плутовская новелла, изображая быструю победу ловкого героя, была проникнута духом уверенности в неизбежном торжестве инициативы над пассивностью, веры в закономерность поражения слабых и неприспособленных людей. Она возникла в период, когда основным злом была узда, наложенная церковной моралью на инициативу человеческой личности, и когда читатель верил, что эта инициатива сама по себе, вне зависимости от своей направленности, является достоинством и одновременно гарантирует успех. Герой, играя судьбами других людей (как это делает, например, Фрол Скобеев²), оставался хозяином собственной судьбы.

Плутовский роман писался значительно позже. Бесконечные взлеты и падения его героя отражают совершенно иное авторское мироощущение. Мир раскрывается перед героем как социальный хаос, как скопление не связанных никакими общими понятиями людей. Инициатива одной личности на каждом шагу сталкивается с устремлениями других, не менее напористых индивидов. Миром правит не энергичная воля личности, а слепой случай. Случай — результат столкновения бесчисленных человеческих вождений, не управляемых никаким общественным разумом, — подстерегает человека на каждом шагу. Герой является теперь зачастую не только нападающей, но и обороняющейся стороной: ему необходимы бесконечные ухищрения, чтобы противостоять плутням других людей, стремящихся урвать у него материальные блага.

Борьба как основной жизненный закон уже совсем не вызывает восторга у автора. Он просто считает это непрменным свойством человеческого общежития и принимает его как факт, так же как он принимает человеческую злобу, алчность, зависть, считая их присущими человеку, но отнюдь ими не восхищаясь <...>

Таким образом, если плутовская новелла давала четкую и оптимистическую картину торжества реального и здравого смысла, вооруженного волей, над иррациональной аскетической моралью и простодушной пассивностью людей, не привыкших завоевывать земные блага в упорной борьбе, то плутовский роман рисовал совсем не столь бодрую картину: теперь само стремление бесчисленных человеческих единиц к материальному благополучию превращалось в слепую, иррациональную силу, обращающую в ничто усилия ума и воли отдельного человека.

¹ Чулков М. Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины // Русская проза XVIII века: в 2 т. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 165.

¹ «Жиль Блаз» написан Лесажем; «Моль Флендерс» — Дефо.

² Фрол Скобеев — главный герой анонимной повести петровского времени.

Изображение мира как скопление слепых случайностей имело двойной смысл. С одной стороны, оно противостояло оптимизму религиозного взгляда, утверждению, что все явления жизни «строятся» по божественному промыслу и плану, имеют высшую цель и оправдание. Именно это позволило Вольтеру воспользоваться композиционной структурой подобного романа для антирелигиозной повести «Кандид, или Оптимизм». Антирелигиозный смысл идеи о хаотичности явлений жизни подчеркнул и Фонвизин в «Послании слугам моим».

Благодаря обилию эпизодов, широте интриги, вовлекающей героев всех общественных кругов, роман стал эпическим и сам эмпиризм автора, его враждебность теоретическому мышлению начинали приобретать характер своеобразной теоретической позиции.

Таким образом, разрушая церковные и отвлеченно рационалистические этические воззрения, защищая право человека на счастье, утверждая интерес к эмпирической действительности, вводя широкую картину реальной жизненной борьбы, плутовский роман тем самым подготавливал просветительский роман, появившийся в русской прозе в последней трети XVIII века.

Но, с другой стороны, когда философский роман просветителей уже возник, обнаружилось резкое расхождение между ним и «эмпирическим» романом, с его отрицанием теории и теоретического мышления и моралью «человек человеку — волк». Вместо просветительских представлений о врожденно доброй или социально детерминированной природе человека и об ответственности общества за искажение прекрасных возможностей человеческой личности плутовский роман проповедовал идеи врожденного эгоизма и взаимной враждебности людей. Просветители боролись за «естественный» общественный порядок, а плутовский роман внушал, что существующий строй жизни — единственно возможный. Просветители понимали право на эгоизм как право на борьбу за общество, при котором выгода одного будет выгодой для всех, а писатели типа Чулкова истолковывали это право в смысле утверждения своего личного благополучия в мире вечного общественного зла <...>

Новый этап в развитии русской прозы связан с просветительским философским романом.

Просветительская идеология, отрицающая феодальный порядок как систему, исходила из идеи природного равенства людей, их естественной склонности к добру и праву на земное счастье. Подобные представления складывались в целостную идеологическую систему, в которой и социология, и философия, и этика, и политика, и воззрения на искусство органически дополняли друг друга и были пропи-

таны духом борьбы с насильственным ограничением человеческой личности и сословным неравенством.

Антифеодалная идеология просветителей базировалась на представлении о существовании определенной, раз навсегда данной, «естественной» природы человеческой личности. В качестве «естественных» свойств человека мыслились склонность к добру, способность к счастью, право на свободу и собственность, созданную личным трудом <...> С этим положением были связаны и отрицание врожденных свойств, и мысль о зависимости человека от окружающей действительности <...>

Из этой основной предпосылки вытекал вывод о том, что источником зла является окружающая действительность феодального общества, которая «неестественна» и «искажает» прекрасные возможности человека. Угнетение объявлялось не только несправедливым, но и глупым, не только результатом корысти угнетателей, но и плодом недостаточного понимания плодов человеческого общежития <...>

Просветительство, как особая форма общественного сознания, породило и новую форму прозаического произведения большого жанра — философский роман XVIII века. <...>

Сама сущность философского романа просветителей требовала наличия в нем двух планов: жизни в ее реальном облике и жизни в ее «естественном виде». Кроме того, противопоставление теории и реальности приобретало новый смысл: действительность отталкивала не своей грубо материальной природой, а своей социальной уродливостью. Рассказ о социально справедливом порядке не «очищался» от бытовых, вещественных деталей <...> Двуплановый подход к явлениям действительности мог в практике художественной прозы реализовываться несколькими путями. Писатель мог сосредоточить внимание на «естественном» развитии, вынеся сопоставление его с реальной действительностью за скобки и предоставляя делать это сопоставление самому читателю. Так возникали утопии об «естественном» обществе и сюжеты, построенные на «робинзонаде». Герой, изгнанный из общества, развивался по законам человеческой природы, не зная угнетения и общественного зла. Повествование по образцу «Эмиля» Руссо или рассказы о жизни путешественника, оказавшегося на необитаемом острове, позволяли отделить истинные потребности от ложных, противостественные привычки, воспитанные модой и обществом, от вытекающих из самой природы прав, интересов и склонностей. К этому же ряду относятся произведения о «добрых» дикарях, их естественной и счастливой жизни <...>

Сопоставление «естественных» мыслей человека, воспитанного в соответствии с его прекрасными возможностями, и предрассудков,

уродливостей современного общества сообщило произведению ту двуплановость, которая составляла отличительную черту просветительского философского романа.

Появлялись романы, где сопоставление «дикого» и человека современного общества перепосились и на русскую почву. Назовем хотя бы роман П. Богдановича «Дикий человек, смеющийся учености и нравам нынешнего света», вышедший в Петербурге в 1781 году и, «вторым тиснением», в 1790 году. <...>

Идеал «естественного» человека, с точки зрения которого оценивается действительность, мог быть воплощен не только в дикаре, но и в ребенке. В этом отношении особо примечателен «Отрывок путешествия в... И*** Т***» <...>

«Отрывок» построен весьма знаменательно. Сталкивая два описания жизни — крестьян и богачей, «любимцев Плутых», автор вводит в повествование образы трех грудных младенцев <...> Для того чтобы создать такой образ в начале 1770-х годов, надо было пережить своеобразный идейно-художественный перелом. До тех пор, пока добродетель человека ставилась в прямую зависимость от его «разумности», а чувства оценивались как источник «эгоистических», антиобщественных устремлений, положительный герой — и это характерно не только для Сумарокова, но и для Фонвизина — должен был быть «разумным». Для Фонвизина «Простаков» — значащее имя для характеристики глупого, т. е. отрицательного, персонажа. Простаков же Вольтера — положительный герой именно в силу детского простодушия характера, ставящего его вне мира социального зла <...> Рупором авторских идей у Фонвизина выступает Стародум — человек, умудренный опытом, годами, чтением нравственных сочинений. Ребенок вводится в литературу лишь как объект воспитания. Он раскрывает свои положительные качества прилежным усвоением наук, тем, что рассуждает, как взрослый. Митрофан же, сохраняющий детский ум в детском возрасте, — отрицательный персонаж.

Для того чтобы сделать ребенка не только положительным героем, но и носителем лучших человеческих качеств, надо было поставить нравственную ценность в зависимость не от ума, а от близости к «природе человека». Такой подход подразумевал мысль о том, что сам «разум идет чувствованиям вослед», «по системе Гельвецевой», как скажет А. Н. Радищев¹.

Хотя осуждение дворян произносится в «Отрывке» детьми разных возрастов (эпизод с крестьянскими детьми, разбегающимися при виде дворянского мундира), но центральное место занимают образы трех

грудных младенцев, воплощающих три основные черты природы человеческой личности. Автор «Отрывка», бесспорно, читал «Эмилия» Руссо, где образ грудного младенца неоднократно выступает в той же роли <...> Руссо прямо связывал природу ребенка с социальными проблемами современности <...>

Речь, конечно, идет не о каком-либо заимствовании внешнего приема, — точно так же как интерес к детям (и особенно крестьянским) у Тургенева, Некрасова, Толстого, Чехова, каждый раз своеобразно переосмысленный, не представлял заимствования, а вытекал из природы мировоззрения каждого отдельного писателя. Автор «Отрывка путешествия в... И*** Т***» резко подчеркнул этот мотив: он ввел в повествование трех грудных младенцев одного возраста в одной и той же избе — случай редкий и маловероятный с точки зрения житейского правдоподобия, той эмпирической правды, которая привлекала, например, Чулкова. Но автора в данном случае это не беспокоит. В бытовом ключе дано отрицательное описание жизни крестьянина; здесь отклонения от правдоподобия были бы нарушением торжественно сформулированного принципа: «Истина пером моим руководствует!» Но младенцы представляют «теоретический» план «Отрывка». Они призваны нести «философскую» правду о природе человека. В данном случае осуществляется тот принцип, который сформулировал Руссо, характеризуя романы Вольтера: «Он нарушал, не нарушая правды»¹. Недаром помощь младенцам оценивается автором «Отрывка» как «услуга человечеству»².

Весьма интересно рассмотрение вопроса, что же считает автор «Отрывка» «естественными» свойствами человека. Первая потребность — пища: «Увидел я, что у одного упал сосок с молоком; я его поправил, и он успокоился». Далее следует стремление к сохранению жизни: «Другого нашел обернувшегося лицом к подушонке из самой толстой холстины, набитой соломою; я тотчас его оборотил и увидел, что без скорой помощи лишился бы он жизни, ибо он не только что посинел, но и, почернел, был уже в руках смерти; скоро и этот успокоился». Третий младенец олицетворяет стремление избежать страданий: «Подошел к третьему, увидел, что он был распеленан, множество мух покрывали лицо его и тело и немилосердно мучили сего ребенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и этому услугу <...> замолчал и этот»³.

Автор сразу же истолковывает протест младенцев как свидетельство наличия у человека природных неотъемлемых прав и прямо пе-

¹ Rousseau J. J. Œuvres complètes. Paris, 1824. Т. 3.

² Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 296.

³ Там же.

¹ Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 346.

реходит к общим социальным вопросам. Отсутствие пищи и страдания младенцев — философская «робинзоада», свидетельствующая о «нестественности» отнятия средств пропитания и мучений народа. «Смотря на сих младенцев <...> вскричал я: жестокосердный тиран, отъемлющий у крестьян пашущий хлеб и последнее спокойствие! посмотри, чего требуют сии младенцы! У одного связаны руки и ноги, приносит ли он о том жалобы?»¹ — Нет, он спокойно взирает на свои оковы. Чего же требует он? — Необходимо нужного только пропитания. Другой произносил вопль о том, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третий вопил к человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бедные твари, сказал я, проливая слезы, произносите жалобы свои, наслаждайтесь последним сим удовольствием во младенчестве; когда возмужаете, тогда и сего утешения лишитесь. О солнце, лучами щедрот своих Россию озаряющее, призри на сих несчастных!»²

Обращает на себя внимание то, что в число «естественных» потребностей автор «Отрывка», разойдясь с Руссо, не включил свободу. Показательно и то, что младенец «спокойно взирает на свои оковы», а сам путешественник, «оказав услугу человечеству», совершает действие, резко осужденное Руссо, — пеленает ребенка «другими, хотя и нечистыми, но однако ж сухими пеленками». Вспомним, что именно обычай пеленания, а также найма кормилиц встретили со стороны Руссо резкое осуждение как «противоестественные» <...> Автор «Отрывка», бесспорно, читал вышедшего в 1762 году «Эмиля», и позиция его в этом вопросе не может рассматриваться как случайная <...> Расходясь с Руссо, автор «Отрывка» сближался с этикой французских материалистов Гельвеция и Гольбаха. Философы-материалисты считали, что человек обладает лишь следующими «естественными» свойствами: стремлением к наслаждению и отвращением к страданию и смерти. Стремление к свободе возникает уже как вторичная потребность в обществе, отнимающем у человека возможность наслаждения.

Однако носитель «нормальной» точки зрения в просветительском романе мог и не быть ребенок или дикарь. Эта точка зрения могла вообще не конденсироваться в каком-либо образе. Она могла быть выражена путем нескрываемого отрицательного отношения автора к существующему, подчеркивания ненормальности и глупости общественных установлений. Реальная действительность осуждалась как чуждая во

имя идеала правильной жизни. Поскольку просветительское сознание, исходя из прямолинейно толкуемой идеи природной разумности человека, не могло объяснить возникновение угнетения, последнее изображалось как результат глупости людей. Существующий порядок осмеивался не только как социально несправедливый, но и как пелено-глухой. Следовательно, главным объектом сатиры делались нравы, обычаи.

Так сложилась просветительская сатира на Западе — от Свифта и Вольтера до Гойи, а также в России — от Крылова и других сатириков XVIII века до «Доктора Крупова» Герцена (с характерным введением образа «естественного» человека — дурачка Левки) и сатиры Салтыкова-Щедрина.

Создание русского сатирического романа XVIII века опиралось на двойную традицию: с одной стороны, русская литература имела опыт сатирической журналистики конца 1760-х годов, с другой — бесспорно, учитывался опыт сатирической просветительской прозы Западной Европы, и в первую очередь философских повестей Вольтера. Вместе с тем ни один из этих источников не покрывал задач, возникавших перед русской просветительской сатирой. Сама идея сатирического романа была связана с представлением о порочности не отдельных лиц и явлений, а всего порядка. Сатира Новикова еще покоилась на убежденности в том, что порок — следствие невежества и что просвещение ума и порочного сердца может превратить жестокого угнетателя в добродетельного гражданина. Мысль о зависимости человека от обстоятельств, о человеке как жертве искажающих социальных условий и вытекающее из этого стремление к целостной оценке действительности — все эти идеологические принципы были еще чужды Новикову <...> Изображая в «Кандиде» человеческую жизнь как бесконечную цепь бессмысленных злоключений (внешне это достигалось путем воспроизведения композиционной структуры плутовского романа с заменой героя-плута простаком), Вольтер в первую очередь имел в виду критику церковных догм. Чрез голову оптимистической лейбнизианской метафизики удар наносился по идее божественного промысла и всемирной целесообразности. В этом смысле в русской литературе наиболее близки по духу к романам Вольтера «Дворянин-философ» Дмитриева-Мамонова и «Послание к слугам моим» Фонвизина.

Ориентация на социальную сатиру требовала новых решений. Найдены они были лишь И. А. Крыловым.

Необходимо подчеркнуть, что «Почта духов» — по своей художественной природе — уже не сатирический журнал, в том смысле, который придал этому жанру Новиков, а роман, разбитый на выпуски. «Почта духов», «Каиб», «Ночи» Крылова — типичные романы просветительской сатиры. Композиционно примыкая (особенно «Почта

¹ Любопытное свидетельство того, что образы младенцев имеют философский, а не эмпирический смысл: спеленуты, конечно, все три младенца, а не один, но автор в каждом из них берет лишь то, что может прояснить идею «естественных» нужд. Поэтому связанные руки и ноги двух младенцев его уже не интересуют.

² Сатирические журналы Н. И. Новикова. С. 296.

духов») к плутовскому роману, они дают широкую картину общества в целом. Феодално-крепостническое государство — царство насилия, поэтому оно вызывает отвращение, но оно же и царство глупости, и этим вызывает смех. В «Почте духов» Крылов вводит духов — носителей «нормального» сознания. В «Каибе» подобных персонажей уже нет, их роль выполняет смех. Смех, чувство комического возникает как осознание разницы между порядками и правами феодално-монархического государства и требованиями «природы» и «разума». Вне представления о социальной норме общественных отношений нет и комизма ранней крыловской прозы <...>

Наличие характерной для всей просветительской литературы двуплановости преломлялось в сатире как сочетание в изображении общественных отношений фантастического сюжета и жизненной правды <...>

Остановимся на характерных чертах той формы просветительской идеологии, которая порождала сатирический взгляд на жизнь. Причем мы сознательно привлекаем среднего писателя, для того чтобы иметь возможность говорить об общераспространенных чертах метода. В качестве примера рассмотрим книгу Н. Страхова «Переписка Моды».

<...> Он убежден в том, что ценность человека — в личных достоинствах, «природных» качествах. Между тем в современном ему обществе Страхов видит, что человек оказался заслоненным деньгами и чинами. Предметы, выдуманные людьми и не имеющие самостоятельной ценности, собственного безотносительного достоинства, ценятся выше, чем люди <...> При этом автор подчеркивает, что ценность золота и драгоценных камней выдумана, что она создана повелением «моды» и «предрассудков».

Благородная природа человека заслонена внешними свидетельствами мнимых достоинств: одеждой, наружным знаком богатства, и мундиром — воплощением чина. Вместо «естественного» подчинения человеку одежда, будучи произведением его рук, приобретает самостоятельное значение и подчиняет себе человека. Созданная человеком фикция достоинства главенствует над реальными ценностями и над самим человеком <...>

Такое представление в известной мере напоминает, при всем исторически обусловленном различии, ход мысли Гоголя с его антитезой подлинных человеческих достоинств и власти выдуманной иерархии чипов, мундиров, денежного капитала.

А. В. Западов указал на сходство между отдельными листами «Карманной книжки» Страхова и «Невского проспекта» Гоголя¹. Однако

в еще большей степени такая параллель правомерна для широко употребляемого в «Переписке Моды» приема метонимии — вместо людей в «свете» (как у Гоголя в «Невском проспекте») фигурируют части одежды и части человеческого тела. Настоящего человека заслонил чудовищный маскарад внешних, показных достоинств, вместо природного — выдуманное <...>

Дальнейшее развитие просветительской идеологии выдвигало проблему противоречия между «натуральным» сословно-крепостническим порядком и правами человеческой личности. Столкновение человека и его чувств с любыми формами ограничивающих природу предрассудков — семейных, религиозных или сословных — превращалось в общественный конфликт. Автор мог и не излагать теории «естественных прав» человека и «общественного договора» — они уже были известны читателю по философской литературе; повествование о любовной, человеческой драме героя проектировалось — как это имеет место, например, в «Новой Элоизе» — на второй, «философский» план романа. Вне этого подтекста все действие превратилось бы в рассказ о любовной неудаче героя, в чисто психологический этюд и потеряло бы свой смысл.

С другой стороны, если сатирико-фантастический роман предполагал сложный сюжет и в этом смыкался с плутовским или «волшебным» романом, то произведения нового типа требовали раскрытия судьбы личности — быта и психологии, а в сюжетно-композиционном отношении, как правило, были просты.

Качественно новым этапом в этом плане явились романы А. Н. Радищева. Уже в «Житии Федора Васильевича Ушакова» Радищев попытался найти художественную форму, которая позволила бы вместить в произведение такое огромное социально-политическое содержание, как идея народной революции. Вместе с тем, ставя перед собой задачу пропаганды определенных теоретических положений, Радищев, будучи материалистом и сенсуалистом¹, убежден, что читателя нельзя убедить абстрактными истинами. Читатель должен сам иметь опыт, наблюдать конкретные явления и уже на их основании строить теорию. Это заставляет Радищева относиться к эмпирическому плану произведения с уважением. Ему важно убедить читателя, что все сообщаемые автором факты научно достоверны. Отсюда насыщение «Жития» документально-фактическим материалом, демонстративная биографическая достоверность деталей. Но за всем этим стоит фи-

¹ Западов А. В. Николай Страхов и его сатирические издания // Проблемы реализма в русской литературе XVIII в.: сб. статей / под ред. Н. К. Гудзия. М.: Л., 1940. С. 318.

¹ Сенсуализм — философское учение, считающее основой познания чувственный, эмпирический опыт и противоположное рационализму, считающему основой познания разум и разумный опыт.

лософский план. Радищев строит «робинзонаду», но не для выяснения «природных» свойств человека, а для доказательства «естественности» революции. В теоретическом плане повести группа студентов — это народ, Бокум — тиран, царь, Ушаков — народный руководитель. Вся образная система повести построена так, чтобы за студенческим «бунтом» читатель увидел рождение народной революции.

Еще более интересно построение «Путешествия из Петербурга в Москву». Возродив «путешествие» как композиционную основу романа (речь идет, конечно, не о стернианском «путешествии», имеющем к композиции книги Радищева весьма отдаленное отношение, а о «путешествии идей» рационалистического романа), Радищев переосмыслил его с точки зрения просветительской эстетики. Эмпирически наблюдаемый мир — мир крестьянский, трудовой и угнетенный — делается для автора носителем высших этических ценностей. В книге есть характерные для просветительской эстетики два плана — реальный и идеологический. Это находит отражение и в двух стилистических пластах. Но оба плана связаны неразрывно. Все увлеченные идеи, составляющие стержень книги, берутся из наблюдений над эмпирически данной действительностью (Радищев был убежден, что истина идет вослед чувствам).

Однако если реалист XIX века, наблюдая жизненный факт, не имеет заранее готового вывода и процесс писания книги становится процессом исследования жизни, то просветительское мышление Радищева идет другим путем. Автор выступает здесь не как исследователь, сам не знающий еще результатов своего опыта, а как ученый, демонстрирующий аудитории опыт, уже проделанный в лаборатории. Он считает полезным, чтобы читатель сам дошел до вывода, восприняв чувствами предлагаемые ему конкретные жизненные факты. Но автору вывод из этих фактов уже известен. Поэтому в каждой главе книги главенствует конкретный эпизод, но последовательность глав несет явные следы авторской конструкции — это последовательность идей, внушаемых читателю.

«Путешествие из Петербурга в Москву» завершило исследуемый ряд литературных явлений. XIX век поставил перед романом новые задачи. Однако наше представление о реализме XIX столетия было бы неполным без учета влияния на этот реализм просветительской прозы предшествующего периода¹.

1961

¹ Печатается по: Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. М., 2000. С. 207–230.

Александр Николаевич Веселовский¹

Эпоха чувствительности

С первой трети XVIII века в европейских литературах начинает водворяться новый стиль; там, где он зародился, ему предшествовало и соответственное настроение общественной психики как отражение совершившегося социального переворота <...> Сущность водворившегося настроения состояла в переоценке рассудка и чувства и их значения в жизни личности и общества. Первый создал искусственную культуру, с ее законами, устоями нравственности и салонным этикетом, обузданное чувство требованиями обрядового приличия, фантазию — стеснительными литературными формами; он верил в свою непререкаемость, в просветительную силу своей логики, своей науки <...> Все это связывало свободу личности, и протест растет; условной рассудочной культуре противопоставляется идеал человека, каким он вышел из рук творца, человека, доброго по природе, не испорченного цивилизацией <...> Чувство ставится выше рассудка. «Разум наш — наполовину чувство», — заявляет Стерн; «Не надменный разум отверзает врата неба, любовь находит доступ туда, где гордой науке нет хода», — писал Юнг <...> Явилась «философия чувства», явились и литературные представители чувства и чувствительности; они читали Ричардсона и Фильдинга, Юнга и Стерна. Руссо систематизировал для них разбросанные и неясные черты постепенно выяснявшегося учения о чувстве и сердце, о природе и естественности, природе — наставнице добру, милосердию, нравственности; о свободе страстей и идеале демократии.

Программа принималась и исполнялась различно. Психологически можно различить две группы исполнителей <...> Одна группа характеризуется ярче всего деятелями немецкого Sturm und Drang² 60–80-х годов XVIII века. Они отличают науку от гениального прозрения, энтузиазма, с которым люди рождаются. Гениальность может дремать в каждом из нас, подсказал им Юнг, надо только уметь ее открыть и воспитать, и гений вспорхнет, «вдохновенный энтузиаст»

¹ Веселовский А. Н. (1838–1906) — литературовед, один из виднейших представителей сравнительного литературоведения.

² Бури и натиска (нем.).

<...> Они сознают себя свободными от всех рассудочных суеверий, которые до тех пор считались нормой жизни; из мещански-растворенной условной культуры их тянет к природе, к народу и его песне, к идеализированной народной старине, в простор всемирной поэзии, к обновлению литературных форм. Во всем этом влияние Англии несомненно; англичане в это время вновь открыли Шекспира — Прометея, отсюда начало его популярности во Франции (Мерсье) и Германии. Требование свободы чувств распространилось и на область нравственных вопросов: ставятся новые решения, потому что «гениям» противен всякий догматизм, они жаждут простора, полны самосознания, хотят взять жизнь полностью и любить реально <...>

Рядом с этой группой людей «страстного чувства» — другая: это мирные энтузиасты чувствительности, ограниченные стенками своего сердца, убаюкивающие себя до тихих восторгов и слез анализом своих ощущений, которые за жизненной тщетой давали предчувствовать небо <...> И на природу они смотрят как на объект чувствительных и религиозных излияний — по поводу; избыток чувства не изощряет глаза <...>; все дело в настроении; оттого они так любят музыку; самонаблюдение доходит до болезненной шепетильности. Так воспитывают они «добродетель» и зрят их «человечность», их *schöne Seele, belle âme*¹ Руссо, «душа» Карамзина.

<...> В такой среде любовь принимает особый оттенок: она жалостливая, печалующаяся, сумрачная, не знающая смеха; St. Preux² любит трогательную бледность, залог любви, и ненавидит назойливое здоровье. Оттуда пристрастие к контрастам: утра и вечера, весны и осени; именно весна вызывает нередко печальные чувства; питаются картинами унылой, дикой природы, полутонами и полусветом: заходящее солнце, сумерки, настраивающие на грустный лад, луна, прячущаяся за полные слез облака. Поэтический словарь отвечает настроению: всячь, обвесь, шептать, божественный, небесный; говорится о мерцающем месяце — и о мерцающей (*dämmernde*) душе, мерцающих мыслях. Такая любовь соседит с идеей смерти, любви за гробом, где встретятся стремившиеся друг к другу души, в чувстве которых здоровый реальный порыв терялся в новом обобщении, в том, что называли впоследствии *amitié amoureuse*³. Это нечто колеблющееся на разделе страсти и приязни, не удовлетворяя ни той ни другой <...>

¹ Прекрасная душа (нем., фр.).

² Сен-Пре — главный герой романа Ж. Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза».

³ Дословно: любовная дружба (фр.).

Вместе с *amitié amoureuse* развилось особое чувство дружбы, также смешанное из любви и приязни и невольно вызывающее на сравнение с таким же психологическим явлением Renaissance'a¹.

«Нам нужен друг, чтобы мы сами себе нравились и сами собой наслаждались», — говорил Юнг; немецкие сентименталисты, пачиная с Клопшток, лелеют это чувство, ревнивое, тревожное и взыскательное, как будто дело идет о любимой женщине <...> Сэр Чарльз Грандисон² затевает построить храм Дружбы на месте, где влюбленная в него miss Harriett обняла свою соперницу, его жену.

Показатель чувствительного благоустроенного сердца — способность проливать слезы. Стерн говорит об упоении слез <...> и сам плакал над встреченным ослом и птичкой-узником; Юнг открыл «философию слез», а сентименталистам торный путь: полились слезы, явился дар беспечальных слез <...> Мать Генриха Штиллинга обладала этой драгоценной способностью: весною, когда все расцветало, ей было не по себе, точно она из другого мира, но, стоило ей увидеть поблекший цветок, сухую былинку, она принималась плакать, и было ей так хорошо, так хорошо, что и сказать нельзя, а не весело. — Вертер и Лотта³ любят удалившейся грозой; ее глаза полны слез; «Клопшток!» — сказала она, положив руку на руку Вертера; он вспомнил чудесную оду Клопшток и поцеловал руку девушки с блаженными слезами на глазах <...> При расставании друзья пили поочередно из стакана, в который каждый из них пролил несколько слез; поэтическим эффектом считалась игра месячного луча на намернувшейся слезе; с этим эффектом знаком был кн. Шаликов.

Эта сфера чувствительности воспитала свою музу: задумчивую Меланхолию, обитательницу развалин, старых келий и теней, не оглашенных весельем <...> Смерть царит в мире, уйти от нее нельзя, но в ней же и утешение: она венец жизни, даст человеку крылья, чтобы взлететь в горние области, где он обретет более того, что утратил в раю. Апофеоз смерти среди глухой безмолвной ночи, вещающей о бессмертии и вечном дне, в освещении бледной Цинтии — Луны. До тех пор она редко показывалась для выражения печальных или таинственных настроений; какой-то сечентист XVII века даже дерзнул назвать ее небесной яичницей; Юнг изобрел ее снова; ее грядущую популярность поддержал макферсоновский Оссиан, Клопшток пустил ее в оборот <...> говорилось о меланхолическом месяце, о месяце,

¹ Ренессанса, эпохи Возрождения.

² Герой одноименного романа С. Ричардсона.

³ Главные герои романа И. В. Гёте «Страдания юного Вертера».

«простирающем в лесах великую тайну меланхолии, которую он любит напечатывать старым дубам (Шатобриан), о «месяце в сердце» <...> В связи с ним входит в моду у поэтов «Геттингенского кружка» эпитет «серебряный» о свете и звуке <...> У поэтов псевдоклассических вкусов, например у Попе и его школы, такому же обобщению подвергся эпитет «золотой»; но они любили солнце, теперь оно зашло <...> Присоединим к таинственному пейзажу, который мы пытались нарисовать, оссиановские туманы и мир экзотических призраков — и у нас под руками целая система представлений и образов, питавших балладу, в которой видели продукт романтической фантазии. Но это не романтизм с его теоретической обоснованностью, а доромантизм <...> на почве чувствительности.

Так создалось литературное течение, вызвавшее к бытию груды черепов и скелетов, сонмы призраков и мыслей на кладбище, все это закутанное ночью или освещенное задумчивой луною. К могилам паломничали неудачно влюбленные барышни, любили рисовать могильный холм, на котором выписывали свое имя. Слезы и мысли о смерти, безотчетное уныние стали литературной манерой, в меланхолию играли («мрачные удовольствия меланхолического сердца» Шатобриана); у чувствительников явился свой этикет, наслаждение своим сердцем нормировалось — рассудком, и новый флаг нередко прикрывал вожделения старой чувствительной эклоги <...> Гёте, Шиллер, Жан-Поль Рихтер пережили в юности sentimentalный период, чтобы выйти каждый на свой путь. У Шиллера настроение это звучит дольше; «Гимны к ночи» Новалиса, пережитые «воображением сердца», отзываются чтением юнговских дум: разница между теми и другими в поэзии и новой стилистике; мы на почве романтизма. Мания слез и печали не только создала поэтов, но и типы беспредметных меланхоликов, разновидность «проблематических натур»; они, как и бурные гении, влились в течения романтизма и байронизма.

И у нас обнаружили течения чувствительности, и у нас они сменили влияние просветительной, рассудочной литературы XVIII века. В силу исторических условий мы не могли не подражать, но подражали, не пережив того общественно-психического процесса, который делает такого рода влияния жизнеспособными. Мы не так болели умом, чтобы искать спасения в чувстве; на Западе протест во имя его был принципиальный, у нас он обратился против уродливых явлений нашей просветительности с ее упрощенным материализмом, наивной игрой в неверие и увлечением западной салонной культурой. Явились рассуждения «о злоупотреблениях разума некоторыми новыми писателями» (Лопухин), «умственность родила зло», — писал Херасков,

а Сумароков мог сказать, что с развитием наук «погибла естественная простота, а с нею и чистота сердца».

Наступил период сердца <...> Противоречия сентиментализма и классицизма ощущались как литературные, не как внутренние; сентиментальная литература и не подняла чувства, а лишь открыла новые источники чувствительности; она приучила к известному поэтическому шаблону и не открывала глаза на русскую природу и русскую действительность. Юнг и Оссиан коснулись уже Державина <...> Для Карамзина Юнг — «несчастных друг, несчастных утешитель» («Поэзия», 1787 г.), а песни Оссиана, «нежнейшую тоску вливая в томный дух, настраивают нас к печальным представлениям; но скорбь сия мала и сладостна душе» (там же). В библиотеке Карамзина мы найдем Руссо, Бернардена de Saint Pierre, Ричардсона, Томсона, Стерна, его французских подражателей и немецких сентименталистов. Карамзин — организатор нашего литературного сентиментализма. Схема мирозерцания нам известна: природа, славящая творца, чувствительное сердце («Бог — отец чувствительных сердец», «Песнь Боже-ству», 1793 г.; святая поэзия — «Бог чувствительных сердец», «Дарования», 1795 г.), прославление добродетели и дружбы; общественный идеал — человек, который

...Малым может быть доволен,
Не скован в чувствах, духом волен...
Душою так же прям, как станом,
Не ищет благ за океаном
И с моря кораблей не ждет,
Шумящих ветров не робеет,
Под солнцем домик свой имеет,
В сей день для дня сего живет
И мысли вдаль не простирает;
Кто смотрит прямо всем в глаза,
Кому несчастного слеза
Отравы в пищу не вливает;
Кому работа не трудна,
Прогулка в поле не скучна
И отдых в знойный час любезен;
Кто ближним иногда полезен
Рукой своей или умом;
Кто может быть приятным другом,
Любимым счастливым супругом
И добрых милых чад отцом;
Кто муз от скуки призывает

И нежных Граций, спутниц их;
 Стихами, прозой забавляет
 Себя, домашних и чужих,
 От сердца чистого смеется
 (Смеяться, право, не грешно
 Над тем, что кажется смешно!),
 Тот в мире с миром уживется.

(«Послание к Александру Алексеевичу
 Плещееву», 1794 г.)

Такого человека, «в ком дух и совесть без пятна» («Послание к Дмитриеву», 1793 г., Письмо Филалета к Мелодору, 1784 г.), смерть не страшит: она — «пристань и покой», где снова соединятся разлученные («Берег», 1803 г.), где для умевших любить «любовь будет вечно» («Мысли о любви», 1797 г.); «Кладбище» (1793) — «обитель вечного мира». — Все это создает атмосферу меланхолии; она «мрачная», ее не разгонит даже улыбка весны («Весенняя песнь меланхолика», 1788 г.), но в ней есть и своеобразное наслаждение: она «нежнейший перелив»

От скорби и тоски к утехам наслажденья!
 Веселья нет еще, и нет уже мученья;
 Отчаянье прошло... но, слезы осушив,
 Ты радостно взглянуть на свет еще не смеешь
 И матери своей, печали, вид имеешь.

(«Меланхолия», подражание Деллию, 1800 г.)

Либо говорится о «флёре», «прозрачной завесе чувствительности», сквозь которую сияют глаза героя («Рыцарь нашего времени»).

У Карамзина явилась школа; сам он шел по чужим следам, но его школа всего лучше выдаст слабость ремесла <...> Особенно показателен для игры в сентиментализм князь Шаликов: «в нем есть нечто тепленькое», — писал о нем Карамзин, защищая его от нападок Дмитриева. Весна наводит на него меланхолию и слезы; в хрустале глаз играет солнечный луч, но «часто кроткое сияние луны перемещает его (хрусталь? луч?) на бирюзовом небе перед глазами моими». Стихотворение «Кладбище» обращается в гимн «кроткой, священной меланхолии», в послании к «Философу горы Алаунской» поэт вспоминает, как они философствовали над могилами под старым развесистым дубом, тогда как «меланхолический свет луны увеличивал меланхолию места и предметов»; на возвратном пути их внимание остановил печальный готический замок; это — острог. «Москва-река»

и «Днепр» вызывают грустные мысли по поводу, которого мы не видим; объект исчезает, только за Днепром «небольшие рощицы, убежища любви и блаженства» и т. д. «О природа! О чувствительность!» Русский пейзаж, местные впечатления ценятся, поскольку они подсказаны западными впечатлениями и чтением. У путешественника Карамзина западный «стихотворец» всегда «в мыслях и руках» — или в кармане для справки: он любуется видами или сентиментализирует там, где до него прошли Галлер, Геснер, Руссо, и в их стиле. Шаликов переносит этот прием на русский пейзаж <...> Описание сельского праздника открывается признанием: «Для друга человечества и природы есть неизъяснимое удовольствие в чистом веселии чистосердечных поселян». — А вот и праздник Купалы: «Вечеру по захождению солнца на зеленом лугу и маленьких островках светлой речки подле сосновой рощи и во внутренности ее запылали смоленные бочки... Нетерпеливые поселяне потекли со всех сторон на место веселия; сельские Дицы ударили в смычки свои; там раздались нежные свирели, здесь громкие песни; молодые крестьянки и крестьяне составили резвые пляски; пожилые сели за столы, на которых из больших сосудов благоухал нектар и амброзия их — горилка и свежий хлеб; иные бросились на качели... прочие рассеялись по роще и лугу; мы ходили и веселились с счастливыми поселянами. Добрый их помещик радовался искренно счастью их и разделял его с нами в чувствительном своем сердце. Все, что Вергилий, Геснер, Флориан, Делиль воспели на бессмертных свирелях своих, оживилось в памяти, в душе моей... Люблю поля, люблю добродетель, люблю и тебя, Делиль».

Юнговская меланхолия на кладбище — и народная жизнь, виденная из окон помещичьего дома, с чистосердечными, счастливыми поселянами, нежными свирелями, резвыми плясками на зеленом лугу, у светлой речки, с водкой — амброзией. Действительность могла подсказывать другое, но нельзя было отделаться от Юнга и Деллия, не припомнить «обманы и Ричардсона и Руссо» («Евгений Онегин») <...> Мать Карамзина обнаруживала удивительную склонность к меланхолии, просиживала целые дни в глубокой задумчивости; ее любимое чтение — чувствительные романы <...> Отец Гоголя любил заниматься разбивкой садов и для каждой аллеи подыскивал особое название; в соседнем лесу у него была «Долина спокойствия», запрещено было стучать и даже колотить белье на пруду, чтобы не разогнать соловьев. Летом 1810 года Гнедич застал Батюшкова больным, «кажется, от московского воздуха, зараженного чувствительностью, сырого от слез, проливаемых авторами, и густого от их воздыханий». И Батюшков шутит над «модными писателями, которые проводят

целые ночи на гробах и бедное человечество пугают привидениями, духами, страшным судом, а более всего своим слогом», предаваясь «мрачным рассуждениям о бренности вещей, которые позволено делать всякому в нынешнем веке меланхолии» («Прогулка по Москве», 1810).

Засентиментальничал и Жуковский, единственный настоящий поэт эпохи нашей чувствительности <...>¹

1904

Александр Павлович Скафтымов¹

О стиле «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева

<...> Какова организующая целеустремленность «Путешествия»? Вся его текстуальная структура указывает на публицистические цели. Нужно было высказать ряд положений и назиданий к исправлению существующего порядка жизни. Это само собой влекло к необходимости в какой-то мере рисовать жизнь, брать ее картины, отражать действительность. Отсюда диктовались элементы бытового наполнения «Путешествия». Нужно было вскрыть мрак и ужас в настоящем и заявить призыв к лучшему, обнаружить перспективы должного. Отсюда все элементы негодующих lamentаций, рассуждений, теорий и доказательств. Форма *путешествия* при литературных условиях XVIII века оказалась самой близкой и подходящей для этих целей.

«Путешествие» как беллетристическая форма выработалось, несомненно, из общих стремлений второй половины века «рисовать жизнь» <...> Тяготение к факту, к конкретной бытовой реальности расширяет и деформирует рамки схематических авантюры в романе и повести, заполняя полотно рисунка обширными описательными установками. Авантюра хотя и продолжает жить, но преобладающее поле теперь занято «нравами», «психологией», назидательной рефлексией и дидактической указкой.

С другой стороны, форма «записок», «мемуаров», «писем» поднимается на вершину господствующего читательского интереса. Теперь желают ценить больше не события, а состояния, не случайное и редкое, а отстоявшееся, постоянное, обиходное <...>

В этой же общей линии идет развитие вкуса к «путешествиям» <...> По мере увеличения описательного или дидактического медитативного элемента всякая повесть неминуемо приближалась к типу «путешествий». Форма «путешествия» оказалась пригодной для всех целей. «Путешествие», как стержень, могло дать внешнее объединение какому угодно содержанию. С пробуждением вкуса к бытовому рисунку «путешествие» получило новое направление: дидактическая

¹ Печатается по: Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». М., 1999. С. 39–50.

¹ Скафтымов А. П. (1890–1968) — литературовед, представитель телеологического направления формальной школы.

стихия постепенно заменилась правоописательной живописью. В этом состоит тот элемент новизны, который сделал «путешествие» к концу XVIII века *новым* жанром.

С этим новым видом «путешествий» «Путешествие» Радищева имеет очень мало соприкосновения. Их сближают форма совершенной свободы и несвязанности в следовании текста и некоторые повторяющиеся мотивы. Но в общем плане «Путешествия» эти сближающие моменты занимают место слишком незначительное¹. Радищев, в сущности, занят исключительно целями публицистического назидательного воздействия. Жанр, быт, картины действительности сами по себе не занимали его художественного интереса. Он не увлекается рисунком. Морализирующая патетика у него настолько обильна и стремительна, что описательные элементы совершенно теряются в общем потоке рассуждений. Радищев почти совсем не знает бытовой описательной части, нет у него и природы, нет анализа чувств и наслаждения чувством. Если отдельные «эпизоды» «Путешествия» и содержат в себе два элемента: 1) описание или указание некоторого конкретного факта жизни и 2) медитативный комментарий к этому факту, то вся структура изложения ясно говорит, что из этих двух элементов комментирующее рассуждение являлось главной определяющей частью.

«Путешествие» Стерна Радищеву послужило лишь образцом формы свободного, несвязанного изложения. Конечно, о путешествии как таковом в применении к «Путешествию» Радищева (как и Стерна) не может быть и речи. Об этом ясно говорят те способы, которыми вводится в текст фактическая конкретность, импульсирующая и мотивирующая медитативную публицистическую часть.

<...> Иногда «случай» дается как сама непосредственно наблюдаемая действительность. Сам автор-путешественник является здесь ее свидетелем <...>

Это имется в главах «Любани», «Едрово», «Городня», «Завидово», «Клин», «Пешки», «Черная грязь», «Новгород» <...>

В других главах поводами к дидактическим размышлениям являются те или иные отголоски прошлого, которые встретились на пути путешественника. Такова глава «Новгород» <...> Кроме некоторых летучих исторических припоминаний о прошлом Новгорода, описа-

тельной части в этой главе совсем нет <...> Описательная часть также совершенно отсутствует в главе «Бронницы». Автор лишь вспоминает, что на горе около Бронниц был когда-то языческий храм. Это даст ему достаточный повод, чтобы высказать деистические воззрения <...>

Нетрудно заметить, что для большинства тем, по которым автор имел в виду высказаться, путешествие само по себе не давало естественной мотивировки: на пути следования не могло встретиться все, что должно было бы служить нужным поводом и толчком к его мыслям. В целях вовлечения в рассказ намеченных тем автор выходит за пределы непосредственных впечатлений и вводит в повествование такие элементы действительности, которые с его путешествием не имели никакой связи. Это осуществляется или встречами со случайными рассказчиками, или найденными рукописями, которые могли говорить, конечно, обо всем, что нужно было автору <...> Нередко автор является лишь случайным свидетелем чьей-нибудь речи <...>

Еще чаще автор передает рассказ и размышления не услышанные, а прочитанные им по рукописи. Здесь уже совсем нет связи с путешествием <...> Записки и рассказы подставных лиц, в свою очередь, иногда содержат в себе обе главные конструктивные единицы: 1) упоминания или рассказы о некоторых конкретных случаях жизни и 2) комментирующие размышления по их поводу («Чудово», «Зайцово», «Медное»). Но большинство из них дают чистые рассуждения на обобщенную тему без всяких вводных эпизодов и конкретных картин («Хотилово», «Выдропуск», «Подберезье», «Торжок», «Тверь», «Слово о Ломоносове»).

Уже этот обзор внешней структуры «Путешествия» свидетельствует, что основополагающим и определяющим началом и в формировании этого произведения было вовсе не желание рассказать о некоем реальном путешествии, а желание теоретически высказаться по некоторым принципиальным вопросам.

<...> Радищев не остановится на детали, не даст лишней подробности. Он стремительно идет к последней цели, к нравоучительному выводу. Событие чаще всего лишь названо, но не обрисовано.

Автор спешит к диалогу, к беседе. Диалог построен чаще всего в виде вопросов и ответов или длинных докладывающих монологов одного из собеседников. Под короткими вопросами автора собеседник высказывает свое тягостное положение в данную минуту, что и дает автору повод к дальнейшему поучительному размышлению. Иногда подобная сценка обрамляется некоторыми деталями, конкретизирующими обстановку встречи. Этот живописный элемент присутствует в очень небольшой мере и всегда целиком и неприкрыто обслужива-

¹ Из этих мотивов можно отметить: обращение к друзьям, присутствие стихов, крестьянская свадьба <...> (но у Радищева, в сущности, нет свадьбы, только упоминание о ней), противопоставление города и деревни (но у Радищева наполнение этого противопоставления дано в ином пафосе), картины завтрака и кофе (но у Радищева опять нет картины, момент только назван) <...>

ет поставленную подчеркивающую цель. В главе «Любани» разговор с крестьянином происходит в тяжелый жаркий летний день, чтобы в большей мере была для читателя ощутима тяжесть крестьянского труда. И это здесь единственная живописующая деталь <...>

Иногда автор совсем не дает никакой сценки, он только упоминает о происшедшем, чтобы сейчас же перейти к оценочным и комментирующим размышлениям. В главе «Черная грязь», где автор негодует за судьбу девушки, вышедшей замуж по принуждению, он только мимоходом упоминает, что проездом видел свадьбу и «на челе определенных вступить в супружество зрелись печаль и уныние». Никаких иных описательных деталей автор не считал нужным прибавить.

Те собеседники, с которыми приходится сталкиваться автору, никогда не бывают обрисованы. Радищев почти не знает художественной проблемы портрета или характера. Его фигуры обозначены общим контуром, это только говорящие существа, которые могли автору что-то сказать и тем самым вызвать пространно изложенное размышление. Еще чаще автор совсем отождествляется с рассказчиком, рассказчик и рассуждает. Обычно встреча происходит на почтовой станции во время ожидания лошадей. Обстоятельства встречи отмечаются коротко, в нескольких словах. Повествование стремительно идет к рассказу собеседника, обильно и всюду проникнутого дидактическими выводами и уроками <...>

В некоторых случаях автор все же хочет быть художником («Чудово» — приключение на море; «Спаская Полесь» — быстрый приезд устриц для наместника; «Зайцово» — рассказ крестьянина о расправе крестьян с помещиками и некоторые места в главах «Новгород», «Валдаи», «Едрово»).

Среди описательных картинок имеется описание бури на море <...>

Описание природы скорее всего можно было бы считать отражением сентиментализма, но то описание, которое имеем здесь, целиком примыкает к старой классической традиции. Традиция описания бури на море через романы и повести XVIII и XVII веков далеко уходит к греческому роману и классической поэме (Вергилий). В частности, в русском романе XVIII века буря — единственный и очень прочный описательный мотив, одиноко врезающийся в схематическую повествовательную ткань. В наполнении этих описаний легко отмечаются прочно отстоявшееся клише, с которыми совпадает и рисунок Радищева. Буря налетает внезапно. Идут тяжелые облака. Вздываются валы. Шум. Блеск молнии. Удары грома.

Еще до Руссо эстетическое любование морем было уже известно. К морю направлялись прогулки. Восхищались огромною массою волн,

их величественным падением, шумом их бегущего напора на скалы, белой пеной, смешивающейся с облаками, игрою света в их отблесках <...>

Для Радищева является характерной та особенность, что единственная картина природы им дана во вкусе старой классической традиции. Если он и говорит о наслаждении морем, то для выражения этого чувства у него, кроме восклицания: «ах, как хорошо!», не нашлось никаких красок.

Среди портретов в «Путешествии» самое большое место по объему принадлежит фигуре царя, в образе которого автор увидел себя во сне («Спаская Полесь»). Описание состоит из перечня царских регалий и эмблем монархической власти. Это, в сущности, не что иное, как словесный перечень традиционных атрибутов придворной казенной портретики. Эмблематическая иносказательность вводит этот портрет в обширную категорию аллегорических изображений, на которые так щедро было классическое искусство во всех его жанрах и разновидностях.

Рядом имеется другой портрет той же категории — изображение носительницы истины — Прямовзоры. В ее наружности аллегорически отмечено должное отношение, которого заслуживала бы, с точки зрения автора, и царская власть, и весь придворный этикет и порядок жизни. Она испускает «вздохи скорби», являет вид презрения и негодования. Черты лица ее «суровы», «платье простое». В означенном независимости истины от произвола тирана голова Прямовзоры «покрыта была шляпою, когда все другие с обнаженными стояли главами». И далее, когда царь, просвещенный словами Прямовзоры, стал понимать ложь и фальшивость своего царского величия, его новое состояние развертывается опять в форме аллегорической портретной иносказательности <...>

Имеются у Радищева и элементы бытового портрета. Здесь намечаются две крайности. Портрет приобретает характеризующую условность или в резкой психологической идеализации, или в уродливости гротеска.

В стиле психологической идеализации дан портрет «крестницкого дворянина» («Крестцы»). Элементы психики отмечены общими и в то же время резко, прямолинейно, без оттенков <...> Столь же общими и условно намечены черты лиц детей дворянина.

Совсем иначе выписаны портреты Карпа Дементьева и его семьи («Новгород»). Здесь вместо открытой психологической характеристики рисунок замкнут в резких физиономических знаках. Психологический комментарий отсутствует. Эмоциональное впечатление складывается само собою в подборе преувеличенных деталей, в рез-

кой стянутости немногих, но выпукло поставленных линий и пятен. Лукаво-ироническая интонация подчеркивает смысл собранного гротеска, всюду обнаруживая насмешливо-негодующую улыбку автора-публициста <...>

В такой же лапачности и резкой четкости обрисованы деревенские женщины («Едрово»), хотя здесь дан лишь массовый портрет, не индивидуализированный; вместо порицающей иронии, прямолинейная оценочная эмоция направлена к открытой идеализации <...>

Сопоставление со щеголихами дает рисунку новый полемический смысл <...> Оценочный комментарий опять легко сбивает краски к привычному *аллегоризму*: «У вас на щеках румяна, на сердце румяна или сажа. Все равно, румяна или сажа» и т. д.

Эти немногие эпизодические портретные моменты свидетельствуют о принадлежности манеры Радищева к прежним отвлеченно-психологическим навыкам классической традиции (аллегоризм, обобщенность, недостаточная конкретность, широкость психологической терминологии). Конечно, такие портреты, как Карп Дементьев и крестьянские бабы в гл. «Едрово», указывают на интерес Радищева к живым бытовым наблюдениям в области портрета. Однако печать рационалистических привычек сознания, воспитанного на классических литературных образах, сказывается и в этом «реалистическом» рисунке (стремление к изоляции, резкая выделенность отмечаемых свойств, крайняя заостренность в «положительную» и «отрицательную» сторону) <...>

Перечисленные выше портретные моменты в «Путешествии» стоят одиноко, несмотря на обилие фигур, которые при желании автора могли бы быть так или иначе обрисованы. Большого тяготения к этому искусству Радищев, очевидно, не имел <...>

В психологическом рисунке Радищева преобладает та же обобщенность и резкость контура, несложность линий. Это прежде всего сказывается в строгой обозначенности психических качеств и переживаний, в определенной названности состояний. При незначительной конкретизации Радищев довольствуется общими психологическими понятиями: «Господин добрый и человеколюбивый»; «Душу он имел чувствительную и сердце человеколюбивое»; «С красотой телесною соединяла *скарденейшую* душу и сердце *жесткое* и *суровое*».

Психические состояния у Радищева субстантивированы как самостоятельные, независимые и неразложимые инстанции — единицы. Они живут в человеке как вещи замкнутые и навсегда определенные. Элементы психики в человеке появляются всегда одинаковые и неизменные и как бы перекачиваются в каком-то пространстве, заменяя

и выталкивая друг друга, но навсегда сохраняя определенность и законченность своего содержания. Отсюда обилие субстантивированных психологических терминов-понятий: «*Надежда*, преследуя человека до крайности, нас укрепляла»; «*Надежда* жития, возвращающаяся из сердца, возбудила мысли»; «*О, надежда*, сладостное несчастному чувство, пребуди во мне» <...>; ср. в таком же употреблении слова: «чувствительность», «тишеславие», «блаженство», «восторг», «радость и восторг», «бодрость», «жестокосердие» <...> «невинность», «удовольствие», «ужас», «скука», «строгости», «веселости» <...>

Та же замкнутость и застывшая окаменелость понятий сохраняется при изображении переходов из одного состояния в другое и при характеристике сложных состояний: <...> «*Отчаяние* превратилось в *восторг*, *горесть* и восклицания»; «*Удовольствие* мое переменилось в *негодование*».

В связи с таким гипостазированием душевных переживаний получает особенно обильное применение тот элемент риторики, где витиеватость речи создается непрерывными олицетворениями и метафоризацией психических качеств и состояний:

«Развратный рассудок изгнал совесть» <...> «На месте мужества водворилась надменность и самолюбие, на месте благородства души и щедроты посеялись раболепие и самонедоверие, истинные скряги на великое» <...> «Стрелы чувствительности». «Жало зла». «Дремота восклицания». «Обытия бесстыдства». «Скипетр жестокосердия». «Хижина унижения». «Чаша рассудка на весах воли» и пр.

Другая особенность психологического рисунка Радищева — это преувеличенность внешнего выражения эмоций и вместе с тем затвердевшая штампованность, однообразие в подыскании мимического эквивалента для данных психических состояний. Все эмоционально-мимические аксессуары исчерпываются «трепетаниями», «содроганиями», «искаженными взорами», «воплями», «вздохами», обмороками, терзанием волос, обилием слез, рыданий, а в радостных случаях — плесканием рук:

«Необыкновенный вошь *терзающего* на себе *власы* человека понулил меня остановиться». Человек яркого и нетерпеливого сложения *рвал волосы*, *кусал персты*, проклиная час своего выезда». «*Я волосы драл с досады*». «*Взяв обеими руками себя за волосы*, восклицал диким голосом» <...>

Мимическая динамика лица не имеет разнообразия. Нет живых контуров, нет оттенков. Все средства выразительности исчерпываются общей психологической терминологией, о которой речь шла выше:

«Похвалы сопутствуемы были искренности наружными чертами» <...> и т. п.

Особенно нужно отметить элементы физиологизма. Здесь, помимо таких общих и механизированных выражений, как «хлад разлился в моих жилах» <...> и т. п., обращают на себя особое внимание элементы психофизиологического параллелизма: «Возмущенные соки мыслию стремились мне, спящу, к голове и, тревожа нежный состав моего мозга, возбудили в нем воображение; далее излагается сновидение» <...>

Все эти особенности психологического рисунка Радищева находят себе полное соответствие опять-таки преимущественно в прежней классической традиции. Абстрактность, склонность к рационалистическому обобщению, преимущественный интерес к общему в людях — все это в конце концов приводило к слитности психологических представлений, к неразличению подлинного наполнения и проявления индивидуального психического момента. Взгляд останавливался на наиболее резко, наиболее заметном; различались и обособлялись крайности, промежуточное мало занимало, интересовала природа чувства вообще, частности и вместе с ними все живое, конкретное ускользало от наблюдательного глаза. В искусстве это должно было само собою сказаться той же обобщенностью, слитностью в деталях, неразличимостью, заостренностью в крайностях, т. е. во всем том, чем отличается классическое искусство в изображении человека.

Особое замечание вызывает обилие слез. Слезы принято считать признаком сентиментализма. Это не совсем правильно. Слезами издавна было принято обозначать всякое волнение души. Слезы наиболее заметны в волнуемом человеке, и писатель ими пользовался задолго до сентиментализма <...> Трудно указать пример в литературе XVIII века самых разных стилей, где не было бы излишка слез. Это не столько порождение сентиментализма, сколько результат общего излишества внешней экспрессивности внутренних состояний, того излишества, которое было начато античностью и побеждено было лишь в XIX веке Флобером, Толстым и Мопассаном <...>

Радищева не столько в количестве слез, сколько в их качестве. Специфически сентиментальные слезы — это слезы умиления. Культ умиления, тихой вознесенности над жизнью, сладость покорной грусти — это дает особый сентиментальный колорит, но не слезы сами по себе. В «Путешествии» Радищева такие слезы имеются лишь однажды, о них скажем ниже. У него слезы обычно лишь средство обозначения всякого взволнованного состояния, и в этом случае они являются общей принадлежностью психологической выразительности XVII, XVIII и первой половины XIX века.

Некоторым завоеванием в сторону «реализма» может показаться физиологическая интерпретация психических состояний. Но это влияние философии не послужило к обновлению искусства. Эта «физиология» явилась только лишним поводом к рассуждениям. Радищев тут не одинок. «Кровь», «пары», «кага», «теплота» фигурируют, например, в той же роли, как у Радищева, в произведении Ф. Эмина «Приключения Фемистокла» <...>

Выше мы заметили, что Радищев, пренебрегая обрисовкой своих персонажей, всегда спешит к диалогу <...> При этом указано было, что обычно он мало индивидуализирует речь говорящих <...> Иногда Радищев стремился придать своему диалогу характер подлинной разговорной интонации и свойства словаря и синтаксиса говорящих старался построить соответственно их культурному уровню и социальному положению. Удавалось это ему не везде одинаково. Крестьянская речь всегда мало удачна. Язык крестьянина, несмотря на некоторые элементы просторечия (преимущественно в словаре), всегда сбивается на книжные обороты. Здесь слышатся и *пасторальная* подделанность, и искусственность надуманного фальшивого просторечия, и диссонансы искусственных вторжений песенной интонации в общий разговорный тон, и, наконец, явная, откровенная литературность: славянизмы, запутанность синтаксиса, закругленность, законченность фразеологии. Речь певца-нищего в «Клину» целиком литературная, совсем сливается с общей авторской стилистической манерой. В речи крестьянки в «Пешках» тоже преобладает стиль самого Радищева («витиеватые речи»). Все ее реплики на вопросы автора-собеседника построены в принятом стиле риторического рассуждения.

Особо нужно поставить речь Карпа Дементыча по ее непринужденности, простоте и живости интонации, хотя и сюда вторгается диссонирующий славянизм: «заимодавцы мои». Довольно живо передан диалог в рассказе о женитбе Дурындина («Зайцово») и в рассказе о наместнике, любителе устриц («Спасская Полесь»).

Живая разговорная речь в литературе была тогда делом весьма новым. Попытки ввести живое просторечие в диалог только еще начинались. Радищев хотя и способен был иногда схватить оттенки живого разговорного просторечия <...>, но, очевидно, не чувствовал надобности и живой склонности к этой стороне литературной живописи и, кроме отдельных случаев, явно пренебрегал этой задачей.

В «Путешествии» проходит большая вереница фигур и типов <...> Но все это дано эскизно и схематично. Это не лица, а лишь условные фигуры, которым вменено обозначение самых широких социальных и психологических понятий. Чем шире понятие, тем меньше в нем признаков, и радищевские персонажи, например идеальный крестья-

янин, помещик-тиран и пр., выражают собою печаль, страдание, добродетель и, наоборот, хищничество, жестокосердие и пр. в самых общих и крайних признаках.

Поскольку литературе XVIII века были свойственны темы об административной несправедливости, о несправедливости, о тяжести крепостного права, о воспитании, о царской власти, постольку и образы, подобные радищевским, были неизбежны. Параллелью Радищеву может послужить весь состав беллетристики и журнальной публицистики, где так или иначе затрагивались эти темы <...>

Проникал в литературу и образ крестьянина, осознавшего свое положение и хотя покоряющегося, но уже негодующего и внутренне протестующего (у Радищева крестьянин в главе «Любани», крестьянка в главе «Пешки». Ср. «Несчастье от кареты», опера «Анюта», опера «Мельник» и др.¹).

Общим местом для литературы времени Радищева являются образы дурного, идеального или прозревшего царя. Наиболее близким к соответствующей главе Радищева является произведение Львова «Храм истины» <...>

<...> Медитации Радищева — это не сентиментальные жалобы с описанием переживаемых чувств. Радищев в этих случаях или в виде общей сентенции делает вывод из только что рассказанного эпизода или разъясняет, доказывает, логически расчленяет все мысли, какие должны быть возбуждены данным эпизодом. Так или иначе, всюду присутствует последовательный логический аппарат. Каждый раздел размышлений построен в четкой логической упорядоченности.

Но отметим раньше исключения из этого общего правила. Характерная сентиментальная медитация имеется в главе «Выезд» (о дружбе, о разлуке), в главе «София» (о приятности смерти, обращение к Богу и пр.) и особенно в главе «Клин». Здесь по поводу пения старика-слепца автор восклицает:

«О природа, koliko ты властительна! <...> Сколь сладко незыблительное чувство скорби! Koliko сердце оно обновляет и оно чувствительность! Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером... О мой друг, мой друг! почто и ты не зрел сия картины? Ты бы прослезился со мною, и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее».

Вот все, что имеется в «Путешествии» явно сентиментального. Везде в других случаях автор не изливается в чувствах, а рассуждает и поучает <...>

Вопросы в «Путешествии» имеют логическое назначение, это — логические переходы, стержни или звенья, побуждающие и направляющие дальнейшее развитие мыслей.

Здесь разные группы. Чаще всего ставится вопрос, обозначающий новый поворот мысли. Импонация здесь еще не предвещает ответа, который последует. Это просто переломный момент в системе размышления. «Что ж есть право народное?» — Далее следует ответ. За этим опять вопрос: «В естественном состоянии человека какие суть его права?» И далее ответ. И до конца рассуждения развертывается линия вопросов и ответов. Вопросы обращены к разным сторонам понятия о народном праве, и путем эвристически раскрываемых элементов права автор приходит к своей последней мысли о праве сильного, идущем в противовес естественному праву.

Такого рода вопросы иногда следуют группами, один за другим. И за ними следуют ответы такими же компактными массами. Оформленные в аналогичные параллельно построенные синтаксические сочетания вопросо-ответные массы падают, усиливая, подчеркивая и выдвигая ритмичностью и равномерностью своего движения настойчивость, уверенность и определенность высказываемой мысли <...>

Около этих вопросо-ответных центров распределяется дальнейшее логическое движение мысли, как непрерывный причинно-следственный ход. Синтаксически это выражается в причинно-следственных, условных и разделительных союзах, устанавливающих или связь между мыслями, или новое расчленение мысли, или необходимость данной мысли при конкретных обстоятельствах. Отсюда непрерывная сеть союзов: «следственно», «ибо», «или-или», «когда-тогда» (в условном значении) <...>

Вся эта логическая цепь сопоставлений, расчленений и выводов является как бы привешенной к изначальным, зажигающим вопросам, которые и составляют организующий центр данного логического и стилистического гнззда. За последним утверждением логически законченного ядра следует призыв к должному или предостережение от выясненного недолжного. Здесь стилистическая конструкция обильно вбирает в себя частицы пожелания: «Да не» или слова угрозы: «Горе ему», или, наоборот, слова одобрения и призыва: «Блажен, блажен...» и пр.

Иногда вопросы в своем составе, без всяких дополняющих пояснений, содержат в себе аргументацию, указывающую на несостоятельность возражений и отводов, какие могла бы встретить выраженная здесь мысль <...>

В других случаях эта импонационно (вопросной формой) указавшая несостоятельность получает дальнейшее логическое опровержение

¹ Перечислены комические оперы Княжнина, Попова, Аблесимова.

в фактических доводах. Вопрос несет здесь эмоционально-подготовительную, вводящую функцию <...>

Часто вопрос содержит в себе аргументирующую формулу в виде условного суждения. Причем вопросы даны в определенной логической градации. Сначала идут условия с конкретными примерами, последний вопрос формулирует мысль в окончательном, обобщенном смысле <...>

Нередко в вопросе дается сопоставление двух фактов в целях подведения некоторого нового факта к положению, заранее очевидному: «Ты во гневе своем устремляешься на гордого господина... а сам?» и т. д.

К этой группе по смыслу близки вопросы, возвращающие мысль к аксиоматической предпосылке: «Велаешь ли, что в первенственном уложении в сердце каждого написано?»

Очень часто смысл такого вопроса заключается только в усилении логического удара на утверждении, заключающемся в нем самом <...>

Путем сопоставления несовместимого вопрос часто формулирует несообразность существующего, создавшегося или принятого порядка вещей. Вместо прежней функции логического созидания вопрос здесь несет функцию логического разрушения <...>

Аналогично, в функции логической убедительности, создается и вопросительная фигура *умолчания*. Это вопрос-намеки. Вопрос дает собою аргументирующую ссылку на некоторое общеизвестное обстоятельство, о котором автор, ввиду его общеизвестности или по другим причинам, не хочет говорить <...>

Гораздо меньше встречаются вопросы с назначением по преимуществу эмоциональным. Вопрос и в этом случае апеллирует к какой-то неназываемой, но самоочевидной инстанции.

«Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя?» <...> Здесь вопрос дает интонацию негодующего удивления. В других случаях удивления нет. Вопрос лишь ставит слушателя перед лицом вопиющей несообразности. Вопрос придает речи тон страстного обличения <...>

Иногда вопросом высказывается сожаление или о том, что в жизни имеется недолжное, или о том, что не совершается желанное.

«О счастье! Почто ты так обидело меня в твоём разделе?» <...> Ироническое сожаление: «О Кук! почто ты жизнь свою провел в трудах и лишениях» <...>

Среди *восклицаний* выделяется опять категория, по преимуществу реагирующая на логическую убедительность мыслей.

Если вопрос является направляющим и регулирующим движение мыслей, восклицание всегда несет оценочную реакцию на убедительность или несообразность этой мысли.

Чаще всего восклицание выражает возмущение несообразностью. Восклицание указывает на существование двух взаимно противоречащих явлений и интонацией подчеркивает явную несообразность такого объединения <...>

Очень близко к этому удивленное указание на недостаточность причины для вышедшего из нее следствия <...>

Наиболее часто восклицание применяется в качестве усиленного логического удара. Таким образом, подчеркивается значительность только что высказанного утверждения или *интенсивность* и *степень* названного качества, количества, действия или чувства.

«О гордость, о надменность, воззри на сие и познай, *како* ты ползуша!» <...>

Наконец, отметим восклицания, осуществляющие собою риторические фигуры «восхищения», «желания», «моления» и т. п.

<...> Как наиболее яркое выражение непрерывного дидактического тона в стиле «Путешествия» отметим обилие оценочных эпитетов в восклицательных обращениях:

«Опомнитесь, заблудшие, смягчитесь, жестокосердые!»; «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем?» <...>

Мы имели в виду по возможности охватить все разновидности вопросо-восклицательных форм, как наиболее заметных и преобладающих в стиле «Путешествия». В результате эта сторона стиля, на наш взгляд, ни в коем случае не может быть признана сентиментальной. Преобладающее устремление вопросов и ответов направлено к логической убедительности мыслей. Пафос «Путешествия» не в риторическом обнаружении чувства <...>, а в риторическом, эмоционально насыщенном *доказательстве*. Риторика Радищева — это взволнованное патетическое *рассуждение*, и только. На долю чистой эмоциональности (элементы восхищения, умиления, безотчетного желания, наслаждения чувством и пр.) приходится лишь очень немногое. И не эти элементы создают стиль «Путешествия» <...>

Рассматриваемое с точки зрения принадлежности к той или иной литературной традиции, «Путешествие» Радищева должно быть признано произведением, выросшим на почве сложного взаимодействия прежних рационалистических представлений и композиционно-стилистических привычек с нарождающимся стремлением к обрисовке живой действительности в ее бытовом многообразии.

При этом преобладающий и подавляющий круг стилистических средств Радищевым целиком взят из традиционного запаса классической риторики и дидактики середины XVIII века. Это сказывается в недостаточной конкретизации действительности, в отсутствии опи-

сательных деталей, в бледности и крайней обобщенности тех образов и живописных линий, какие даны. Это обнаруживается и в стиле Радищева, в основном характеризующем качестве его лексики (субстантивированность свойств и качеств вещи, — отсюда обилие общих слов-понятий, метафоризация и олицетворение понятий, склонность к аллегоризму), а также и в динамической структуре его речи (причинно-следственные ряды, вопросы и восклицания в преобладающей логической функции) <...>

Элементы сентиментализма были близки Радищеву лишь в тех реалистических устремлениях, которые частично сентиментализм в себе содержал (созерцание и изображение бытовых форм жизни, элементы гуманизма в изображении деревни и пр.). Индивидуально специфические качества сентиментализма (наслаждение чувством, анализ эмоциональных состояний, оптимистическое умиление, стремление к «приятности» в слоге) Радищеву были чужды. Эта сторона находилась бы в противоречии с основным пафосом его общественного призыва¹.

1929

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

¹ Печатается по: Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958. С. 77–103.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГРУППЫ XVIII века

«Ученая дружина»

В 1720-х гг. в Петербурге видные государственные деятели, сподвижники Петра Великого, занимавшиеся на досуге словесностью, организовали кружок «Ученая дружина». Глава этого первого в России литературного кружка — **Феофан Прокопович** (1681–1736). Он родился на Украине, получил образование в нескольких европейских университетах и духовных академиях, для поступления в которые на время перешел в католицизм из православия. В начале XVIII в. преподавал в Киево-Могилянской академии, был известен трудами по красноречию. В 1709 г. написал поэму на победу русских войск под Полтавой, чем заслужил благосклонность Петра Великого. Приехав в 1716 г. по вызову царя в Петербург, Феофан возглавил церковную реформу, направленную на подчинение духовенства светской власти, написал «Духовный регламент» (1721) — новый порядок церковной жизни — и учредил Святейший Синод. В своих проповедях Прокопович восторженно пропагандировал политику Петра Великого и превозносил личность императора, способствуя созданию мифа о нем как об идеальном правителе. После смерти своего покровителя Феофан продолжал занимать высокие церковные должности, но находился в опале при дворе. Он неоднократно выступал против Верховного тайного совета, состоявшего из противников реформ и управлявшего страной от имени Екатерины I и Петра II. При вступлении на престол Анны Иоанновны Прокопович вместе с князем А. Д. Кантемиром поднес императрице просьбу российского дворянства не принимать ограничительных условий, предъявленных новой правительнице Верховным советом. Последние годы жизни Феофан провел в почете и богатстве. Помимо проповедей, имевших большой успех, богословских и филологических сочинений Прокопович писал также силлабические стихи и создал драму о крещении Руси — «Владимир».

Другим видным государственным деятелем, входившим в «Ученую дружину», был **Василий Никитич Татишев** (1686–1750). Он не был духовным лицом, начал карьеру как военный, сражался со шведами

и успешно выполнил ряд ответственных дипломатических поручений царя. В 1720–1722 и в 1734–1737 гг. занимался развитием металлургической промышленности и основал несколько заводов на Урале, в том числе Екатеринбург. В 1740-х гг. служил астраханским губернатором. Татищев, как и Феофан, был врагом Верховного совета и сподвижником петровских реформ. Особенно велики заслуги Татищева в области науки и просвещения: он первым начал издавать старинные документы, в том числе «Русскую правду», составил первый русский энциклопедический словарь и написал пятитомный труд по истории России.

Князь Кантемир Антиох Дмитриевич

(1708, Константинополь — 1744, Париж)

Самый молодой член «Ученой дружины», сын правителя Молдавии и Валахии (нынешней Румынии). Отец поэта был образованным человеком, написал «Историю Оттоманской империи» (то есть Турции), которая была для европейских читателей эпохи Просвещения, даже таких эрудированных, как Монтескье и Вольтер, одним из главных источников информации о Ближнем Востоке. Вступив в союз с Петром Великим, Дмитрий Кантемир вынужден был после поражения России в Прутском походе (1711) бежать из Турции и поселился в Петербурге. Его сын получил прекрасное образование, владел несколькими языками (в семье говорили по-итальянски и по-гречески; мать Антиоха была гречанкой). Будущий сатирик брал уроки у воспитанника московской Славяно-греко-латинской академии Ивана Ильинского, затем слушал лекции при Академии наук. В конце 1720-х гг. А. Кантемир служил в гвардии, в Преображенском полку, и вошел в кружок Прокоповича. И от отца, и от старших товарищей по «Ученой дружине» А. Кантемир унаследовал преклонение перед Петром Великим и стал пылким приверженцем его преобразований, рано вступил в политическую борьбу, боролся против Верховного тайного совета. В 1730 г. вместе с Прокоповичем Кантемир поднес вступавшей на престол императрице Анне Иоанновне прошение от российского дворянства, направленное против Верховного совета. Несмотря на то, что Анна Иоанновна порвала «кондиции» верховников и стала благодаря этому единодержавной правительницей России, Кантемир не получил награды (он надеялся возглавить Академию наук) и был удален от двора в почетное изгнание: в 1732–1738 гг. был посланником в Лондоне, затем — в Париже, где и скончался. Обладая

дипломатическим дарованием, Кантемир смог повысить авторитет России на Западе, удачно выходил из конфликтных ситуаций, приобрел уважение как приятный в светском общении человек и талантливый литератор.

Главные сочинения Кантемира — 8 сатир: «*На хулящих учение. К уму своему*»; «*На зависть и гордость дворян злоправных. Филарет и Евгений*»; «*О различии страстей человеческих. К архиепископу Новгородскому*» (обращена к Феофану Прокоповичу); «*О опасности сатирических сочинений. К музе своей*»; «*На человеческие злоправия вообще. Сатир и Перьерг*»; «*О истинном блаженстве*»; «*О воспитании. Никите Юрьевичу Трубецкому*»; «*На бесстыдную нахальчивость*». Кантемиру приписывали также сатиру «*На состояние сего света. К солнцу*». Кроме того, поэт создал несколько небольших стихотворений, начал писать поэму на смерть Петра Великого «*Петрида*», переводил Анакреона, Горация, трактат французского философа Фонтенеля «О множестве миров», пропагандировавший коперниковскую систему мироздания. Кантемир писал *силлабическим* стихом и взгляды на поэзию изложил в трактате «*Письмо Харитона Макентина*» (анаграмма имени автора). За границей Кантемир был известен как поэт. Он был знаком со знаменитым философом Монтескье. После смерти Кантемира его друг и биограф аббат Гуаско издал в прозаическом переводе сатиры писателя. В России они были популярны в рукописи, но напечатаны лишь в 1762 г.

Тредиаковский Василий Кириллович

(1703, Астрахань — 1769, Санкт-Петербург)

Отец Тредиаковского, православный священник, отдал сына учиться в католический колледж, основанный в Астрахани иезуитами, которые отправились с миссионерскими целями на Восток, но не были выпущены из России Петром Великим. В 1722 г., во время пребывания в Астрахани императора Петра I и Дмитрия Кантемира, Тредиаковский познакомился с княжеским секретарем Иваном Ильинским, образованным и одаренным человеком. Возможно, под впечатлением общения с ним в 1723 г. охваченный жаждой знаний юноша отправился в Москву, где поступил в Славяно-греко-латинскую академию, а в 1725 г. — в Голландию. В 1727 г. Тредиаковский поступил в Парижский университет. В результате путешествия в Европу писатель получил превосходное гуманитарное образование, знал греческий, латинский, французский, немецкий, итальянский языки, в Сорбонне

слушал лекции знаменитого профессора древней истории Роллена. В 1730 г. Тредиаковский вернулся в Россию и издал роман *«Езда в остров любви»*, первый в России любовный аллегорический роман, познакомивший публику с западной салонной галантностью. Прозаический текст произведения — это перевод прозы французского писателя XVII в. Поля Тальмана, а стихотворные вставки сочинены самим Тредиаковским. Книга вызвала недовольство Церкви, но у читателей имела большой успех, открывший автору путь в высшее общество. Тредиаковский стал придворным «пиитом» и был зачислен на службу в Академию наук (в 1731 г. — переводчиком, в 1733 г. — секретарем, а в 1745 г. получил должность профессора красноречия (элоквиенции) и стал вместе с Ломоносовым первым русским по происхождению действительным членом Академии). В 1739 г. по приказу кабинет-министра А. П. Волынского, недовольного тем, что Тредиаковский с опозданием представил заказанную оду, поэта высекли. Оскорбленный стихотворец написал жалобу, которая неожиданно была уважена, так как в это время раскрылся возглавляемый Волынским заговор против немецкой партии при дворе Анны Иоанновны. Впоследствии многие несправедливо считали Тредиаковского виновником казни всесильного вельможи (см., например, известный роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом»). Милостивое отношение к стихотворцу при дворе Анны Иоанновны и конфликт с Волынским, видимо, привели к тому, что при Елизавете Петровне, покровительствовавшей Ломоносову, врагу Тредиаковского, последний оказался в немилости. После появления сочинений Ломоносова и Сумарокова стихи Тредиаковского быстро сделались архаичными и перестали занимать публику. В полемике с противниками Тредиаковский применял и научную аргументацию, и пасквиль на личности, и даже доносы, но успеха не имел. В 1759 г. он был отправлен в отставку, видимо, не без участия Ломоносова. Положение писателя еще ухудшилось при Екатерине II, очнь не любившей его поэму «Тилемахида». Умерший в бедности, Тредиаковский был погребен на Смоленском кладбище в Петербурге, могила его утрачена.

Помимо образованности Тредиаковский отличался от современных ему литераторов удивительным трудолюбием. Его литературное наследие огромно. Интересны филологические трактаты писателя, в которых он рассматривает историю русской словесности, утверждает фонетический принцип орфографии и даже стремится вывести европейские языки из русского, доказав его первичность. Важнейший из теоретических трудов Тредиаковского — *«Новый и краткий способ к сложению российских стихов»* (1735). Автор утверждает, что силлабическая система стихосложения чужда русскому языку с его сво-

бодным ударением, и предлагает перейти к тоническому стиху, ссылаясь на народные песни и былины. После теоретических поправок и стихотворных опытов Ломоносова и Сумарокова, после поражения Тредиаковского в состязании с этими поэтами в переложении 143-го псалма (1744) автор «Нового и краткого способа» внес в свой труд изменения, но все же сохранил пристрастие лишь к двум размерам — хорею и дактилю. Именно Тредиаковский был создателем *русского гекзаметра*. Хотя писатель не довел реформу стиха до конца, но именно он является основоположником силлабо-тонического стихосложения в России. Велико значение и переводов Тредиаковского. Он познакомил соотечественников с литературным законодательством, признанным в Европе, «Поэтическим искусством» Н. Буало, с тридцатитомным трудом своего учителя Ш. Роллена по римской истории. Помимо множества мелких поэтических сочинений Тредиаковский переложил стихами все псалмы и написал две большие поэмы — *«Аргенида»* (1751), переработка нравоучительного политического романа писателя XVII в. Дж. Баркляя, и *«Тилемахида»* (1766), стихотворная переработка подобного же романа французского писателя Фенелона. В «Тилемахиде» встречались довольно резкие политические аллюзии, раздражавшие императрицу Екатерину II. Особенно известен эпизод посещения Телемаком ада, где помещены души порочных царей в образе чудовищ, например Цербера — «чудище обло, озорно, огромно, в тризвонной и лаяй». Эту строку в слегка измененном виде А. Н. Радищев поставил эпиграфом к «Путешествию из Петербурга в Москву».

Ломоносов Михаил Васильевич

(1711, село Денисовка Архангельской губ. —
1765, Санкт-Петербург)

О детстве и юности Ломоносова известно преимущественно с его слов. Его отец — зажиточный государственный крестьянин-помор — был неграмотным, но предприимчивым человеком; на собственном небольшом, но снаряженном по-европейски судне «Чайка» доплывал до скандинавских гаваней и успешно вел торговлю. Возможно, в плаваниях его сопровождал и сын. Многие поморы владели грамотой, поэтому М. В. Ломоносов уже в детстве смог удовлетворить жажду знаний. Первые прочитанные им книги, которые он назвал *«вратами учености»*, — церковнославянская «Грамматика», составленная в 1618 г. Мелетием Смотрицким; «Арифметика» (1703) Леонтия Маг-

ницкого и «Псалтирь рифмотворная» (1680) Симеона Полоцкого. Успешные занятия юного Ломоносова вскоре встретили препятствие. «Имеючи отца, хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу попусту за книгами; для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть нужду и голод»¹, — вспоминал ученый. В декабре 1730 г. Ломоносов, очевидно с согласия отца, ушел в Холмогоры, но из-за своего крестьянского происхождения не был принят в училище. Тогда он вместе с рыбным обозом отправился в Москву, где, выдав себя за дворянского сына, поступил в Славяно-греко-латинскую академию при Заиконоспасском монастыре. Впоследствии Ломоносов так вспоминал о годах ученья: «<...> имелся один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и прочие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. С одной стороны, пишут, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут <...>, с другой стороны, школьники малые ребята кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван в двадцать пришел латыни учиться»². Ломоносов учился с рвением, добился права заниматься во всех московских библиотеках и к 1734 г. прошел 6 из 7 классов академии. Узнав об организации экспедиции на Урал, юноша просил о месте походного священника, сказавшись поповским сыном (право на сан передавалось по наследству). При оформлении бумаг выяснился обман, а также ложность сведений, представленных при поступлении в академию. Только исключительные успехи в науках и заступничество Феофана Прокоповича спасли Ломоносова от наказания. В 1734 г. юношу отправили для продолжения образования в Киево-Могилянскую академию, а в 1735 г. — в Петербург, в университет при Академии наук. Уже в 1736 г. лучших студентов, в том числе Ломоносова и его друга Ивана Виноградова, позднее создавшего в России первый фарфоровый завод, послали учиться в Германию. Ломоносов слушал в Марбургском университете лекции ученика Лейбница и почетного члена Петербургской Академии наук Христиана Вольфа по философии и физике, а затем во Фрейберге занимался химией, минералогией и горным делом у доктора Генкеля. Поссорившись с преподавателем, Ломоносов самовольно ушел из Фрейберга и скитался по Германии и Гол-

ландии. Сведения о его жизни в этот период недостоверны. В частности, он вспоминал, что был завербован насильственно в прусскую армию, но бежал. В 1741 г. молодой ученый вернулся в Петербург, получил должность адъюнкта Академии наук, а уже в 1745 г. стал профессором химии, вместе с Третьяковским — первым русским академиком. Еще в Марбурге Ломоносов обручился с дочерью трактирщика. Она разыскала жениха в России и обвенчалась с ним.

Главной целью своей жизни Ломоносов считал распространение просвещения в России и воспитание отечественных, не выписанных из-за границы ученых: «Честь российского народа требует показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний»¹. С 1740-х гг. Ломоносов активно боролся с иностранцами, руководившими деятельностью Академии наук — с президентом Шумахером и его зятем, советником Таубертом. «Я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как борюсь уже двадцать лет, — писал Ломоносов в 1761 г. адъюнкту Академии Г. Н. Теплову, — стоял я на них смолоду, на старость не покину»². Ученый сам рассказывает о взаимоотношениях с руководством Академии так: «Шумахеру было опасно происхождение в науках и произведение в профессорах природных россиян³, от которых он уменьшения своей силы больше опасался. Того ради учение и содержание российских студентов было в таком небрежении, по которому ясно оказывалось, что не было у него намерения их допустить к совершенству учения. Яснее сие понять можно, что Шумахер неоднократно так отзывался, я-де великую прошибку в политике своей сделал, что допустил Ломоносова в профессора. И недавно зять его, и мнения, и дел, и чуть не Академии наследник, отозвался в разговоре о произведении российских студентов: разве-де нам десять Ломоносовых надобно. И один-де нам в тягость»⁴. Энергия ученого, успех его од при дворе и его дружба с фаворитом императрицы Елизаветы Петровны И. И. Шуваловым привели к победе Ломоносова. 12 (25) января 1755 г. по его проекту был учрежден Московский университет, долго оставшийся единственным в стране. Выпускниками университета в середине XVIII в. были писатель Н. Н. Погодинский, историк и поэт И. С. Барков, математик и астроном С. Я. Румовский, географ и биолог И. И. Лепехин и другие видные ученые.

¹ Там же. Т. I. М.: Л., 1950. С. 600.

² Там же. Т. I. С. 554.

³ Природные россияне — россияне по рождению, по происхождению.

⁴ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. I. С. 46.

¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. I. М.: Л., 1957. С. 481.

² Там же. С. 479.

Научная деятельность Ломоносова охватывала все известные тогда сферы знания. Особенно он интересовался химией, физикой, астрономией. Противостоя распространенной в XVIII в. теории флогистона¹, Ломоносов сформулировал закон сохранения энергии. Вместе со своим другом Г. Рихманом, погибшим во время опыта, Ломоносов занимался исследованием электричества, пропагандировал гелиоцентрическую систему Коперника, интересовался природой северного сияния, вел астрономические наблюдения в обсерватории и обнаружил атмосферу вокруг Венеры. В 1746 г. впервые в России Ломоносов прочел курс публичных лекций по физике, причем на русском языке, что казалось недопустимым (преподавание велось по-латыни или по-немецки). В 1748 г. он организовал первую в России химическую лабораторию, где особенно много внимания уделял изучению изготовления стекла и смальты, для производства которых выстроил в 1754 г. завод. Свои взгляды на стекольную промышленность поэт изложил в стихотворном «Письме И. И. Шувалову о пользе Стекла» (1752). В 1764 г. была закончена грандиозная мозаическая картина Ломоносова «Полтавская баталия» (находится в здании Академии наук). Естественно-научные занятия ученого высоко оценил Л. Эйлер: «Все записки г. Ломоносова по части физики и химии не только хороши, но превосходны, ибо он с такой осторожностью излагает любопытнейшие, совершенно неизвестные и необъяснимые для величайших гениев предметы, что я вполне убежден в истине его объяснения. По сему случаю я должен отдавать справедливость г. Ломоносову, что он обладает счастливейшим гением для открытия феноменов физики и химии, и желательно было бы, чтобы все прочие академики были в состоянии производить открытия, подобные тем, которые совершил г. Ломоносов»².

В 1757 г. Ломоносов возглавил Географический департамент Академии наук, а в 1758 г. — также Историческое собрание. Ученый заботился об описании летописей и иных старинных документов, о картографии России, особенно хорошо ему знакомых северных берегов (так как мечтал об открытии водного пути через полярные моря в Америку). Ломоносов резко выступал против норманнской теории Шлецера, начал писать «Древнюю российскую историю», которую довел до 1054 г., написал социологический труд «О размножении и сохранении российского народа» (1761), где, обеспокоенный ростом смертности населения, говорит о необходимости улучшения образа жизни подданных.

¹ Флогистон — гипотетическая «огненная субстанция», якобы наполняющая все горючие вещества и высвобождающаяся из них при горении.

² Цит. по: История русской литературы: в 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 280.

Первый филологический трактат — «Письмо о правилах российского стихотворства» (1739) — с приложенной к нему «Одой на взятие Хотина» Ломоносов написал в Германии. Поддержав идею о необходимости перехода русского стихосложения к тонической системе, Ломоносов предложил дополнения и поправки к трактату Тредиаковского и объявил лучшим размером ямб. После победы Ломоносова в 1744 г. в состязании с Тредиаковским и Сумароковым в переложении 143-го псалма ямб стал самым распространенным размером в русской поэзии. Главные филологические труды ученого — «Российская грамматика» (1757), первая не церковнославянская, а русская грамматика, на которой поныне основываются аналогичные сочинения, «Краткое руководство к красноречию» (1748) и «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758), в которых к русскому языку применяется теория трех стилей, известная еще в Античности.

Ломоносов невысоко ставил занятия поэзией, считая их средством пропаганды идей или достижения личных целей. Он начал писать поэму «Петр Великий» (1760), но не закончил ее, создал две трагедии, не имевшие успеха, и ряд стихотворений, из которых наиболее замечательны «Разговор с Анакреоном» (1761) — чередование переводов из Анакреона и полемических ответов автора, утверждающего, что воспевать надо не любовь, а Отечество, — и оды. Ломоносов писал переложения библейских текстов («Ода, выбранная из Иова», 1751), духовные («Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», 1743; «Утреннее размышление о Божием величестве», конец 1740-х гг.) и торжественные оды (обычно обозначаются по годам написания: ода 1742 года, 1746 года и т. д., поскольку часто посвящены аналогичным событиям, например годовщинам вступления царицы на престол). Ломоносов писал оды всем царям, начиная с Анны Иоанновны и до Екатерины II. Последнюю смущала способность поэта в равной степени восхищаться любым правителем и его дружба с опальным при новой царице Шуваловым. В последние годы великий ученый оказался в немилости, жил небогато. Погребен он на кладбище Александро-Невской лавры.

Горячий и самолюбивый Ломоносов, стремившийся к первенству во всех областях науки и искусства, часто ссорился не только с иностранцами-администраторами, подавлявшими развитие русской науки, но и с талантливыми соотечественниками-соперниками. В борьбе с противниками ученый пользовался своим влиянием при дворе. Так, например, в 1759 г. он способствовал отставке Тредиаковского от Академии наук и закрытию журнала Сумарокова «Трудолюбивая пчела». Ломоносов порывал даже со своими последователями, если

они противоречили ему. Возможно, именно по этой причине вокруг него не было школы, подобной сумароковской. Потомки оценили заслуги ученого: его именем названы созданные им университет и стекольный завод. Перед Московским и Петербургским университетами и на петербургской площади, посвященной имени ученого, ему поставлены памятники. В здании Кунсткамеры устроен музей Ломоносова.

Сумароков Александр Петрович

(1717, Вильманstrand, ныне Лапеевранта (Финляндия) — 1777, Москва)

Сумароков принадлежал к знатному дворянскому роду: дед писателя служил стольником при дворе царя Федора Алексеевича, отец, крестник Петра Великого, возглавлял канцелярию конфискации. Сумароков получил прекрасное домашнее образование: уроки ему давал тот же учитель, который одновременно занимался с царем Петром II. В 1732–1740 гг. поэт учился в закрытом военном пансионе для родовитых дворян — Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, где организовал литературно-театральный кружок. Свои первые стихи Сумароков читал при дворе, где кадеты также с успехом давали спектакли. Окончив корпус, поэт поступил на военную службу и за участие в дворцовом перевороте, возведшем на престол императрицу Елизавету Петровну, был назначен адъютантом фаворита царицы А. Г. Разумовского. В 1744 г. Сумароков женился на фрейлине двора Христиане Балиор. Перед ним открывалась возможность замечательной придворной карьеры. Однако к этому времени главные силы он уже отдавал творчеству, сперва сочиняя дилетантски, для развлечения, но постепенно придавая все большее значение этим упражнениям. Первые опыты Сумарокова — *силлабические стихи, написанные в подражание Тредиаковскому*. После приезда в Россию Ломоносова юный поэт знакомится с ним и становится приверженцем новой, ломоносовской эстетики и врагом Тредиаковского. Однако уже в конце 1740-х гг. у Сумарокова возникают разногласия с Ломоносовым, позднее перешедшие в непримиримую вражду, и одновременно появляются последователи, соратники, которые постепенно образовали целую школу. Полемика между Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым началась с их соревнования в 1744 г. (переложение 143-го псалма). С этого времени она почти не прекращалась в течение двух десятилетий.

Первые значительные сочинения Сумарокова — «*Эпистола о стихотворстве*», «*Эпистола о русском языке*» (1748) и первая

оригинальная русская трагедия «*Хорев*» (1747). Их удалось издать в типографии Академии наук, несмотря на резко отрицательный отзыв Тредиаковского и сдержанную оценку Ломоносова. Адъютант Академии Г. Н. Теплов сообщил о критике Тредиаковского обидчивому Сумарокову, и тот вывел своего противника в нескольких пародиях и комедии «*Тресотиниус*» (1750), *первой оригинальной русской комедии*. После статьи оскорбленного Тредиаковского, объявившего и новые сочинения Сумарокова бездарными, написан «*Ответ на критику*».

Серьезное увлечение Сумарокова литературой воспринималось в свете с иронией, приводившей болезненно самолюбивого, мнительного и раздражительного поэта в ярость, которая только усиливала неприязнь к нему. В 1750-х гг. писатель, числясь на придворной службе, занимался преимущественно культурно-просветительской деятельностью. В 1756 г. на основе привезенной в 1750 г. из Ярославля труппы Федора Волкова Сумароков создал и возглавил *первый постоянный общедоступный театр*. Будучи директором театра, писатель постоянно испытывал притеснения со стороны административных учреждений, от которых зависел в финансовом отношении, особенно острым был конфликт с графом фон Сиверсом. На театр отпускалась двором небольшая денежная сумма, актерам часто не платили жалованья, не выдавали ни дров, ни платья, ни свечей, а между тем требовали пышных спектаклей. Сумароков безуспешно просил помощи от И. И. Шувалова, который находился под влиянием Ломоносова и его соперника не желал защищать. Сумароков, не имевший личных поместий, иногда вынужден был тратить на театр собственные деньги; с актерами в Петербурге и позднее в Москве, несмотря на свой скверный характер, он был в хороших отношениях.

Неудачи на поприще директора театра вызвали у поэта недовольство официальной политикой. Сумароков стал возлагать надежды на великую княгиню Екатерину Алексеевну, которая находилась в некоторой оппозиции к императрице Елизавете Петровне и слыла покровительницей искусств и наук, перенисывалась с Вольтером и отличалась либеральностью воззрений. В 1759 г. Сумароков организовал первый в России частный литературный журнал «*Трудолюбивая пчела*», посвященный Екатерине Алексеевне. В журнале печатались большей частью сочинения самого поэта, а также некоторых его последователей и переводы европейских писателей, например Вольтера. Некоторые статьи были довольно вольнодумны. Так, в очерке «*Сон. Счастливое общество*» Сумароков создает утопическую картину идеального государственного устройства, заметно отличающуюся от

порядков современной России. Особенно интересен свод законов благоденствующей страны: «Сия книга начинается тако: *Чего себе не хочешь, того и другому не желай*. А заканчивается: *За добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь*»¹. Еще более дерзкие высказывания содержатся в очерке «*О домостроительстве*»: «Помещик, обогащающийся непомерными трудами своих подданных, суетно возносится почтенным именем Домостроителя, и должен он назван быть доморазорителем. Такой изверг природы невежа и во естественной истории и во всех науках: тварь безграмотная, не почитающая ни божества, ни человечества, каявшийся по привычке и по той же привычке возвращавшийся на свои злодеяния, заставляющий постыться крестьян своих ради наполнения сундуков своих, разрушающий блаженство вверенных ему людей, стократ вреднее разбойника отечеству. Увеселяюся ли я тогда, имея доброе сердце и чистую совесть, когда мне такой изверг показывает сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птиц, рыбные ловли, рукоделия и прочее? Но я с такими Домостроителями не схожуся и пищи, орошенные слезами, не вкушаю. Много оставит он детям своим, но и у крестьян его есть дети. В таком обеде пища — мясо человеческое, а питье — слезы и кровь их. Пускай он то сам со своими чадами кушает»². В «Трудолюбивой пчеле» печатались и «Вздорные оды» — пародии на Ломоносова, который добился через Шувалова права просматривать журнал до выхода в свет и препятствовал изданию Сумарокова. Не просуществовав и года, журнал «Трудолюбивая пчела» был закрыт. В 1761 г. Сумароков, оскорбленный невниманием к его просьбам, вышел в отставку и стал (одним из первых в России) *профессиональным писателем*.

После вступления на престол Екатерины Великой поэт некоторое время находился в милости при дворе, получил чин бригадира, а затем и действительного статского советника, орден Святой Анны. Сумароков сочинил текст коронационного праздника в Москве «*Торжествующая Минерва*» (1763), постановкой которого руководил актер Ф. Г. Волков. В программу торжеств входили уличные шествия: аллегорическая фигура богини мудрости Минервы (мифологическая метафора новой царицы) преследовала на колеснице толпы, олицетворявшие различные пороки. Для носителей каждого порока (пьяниц, скупых, взяточников и т. д.) был сочинен особый «хор», то есть песня. Наиболее интересны два варианта «*Хора по превратному свету*».

¹ Русская сатирическая проза XVIII в. Л., 1986. С. 355.

² Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе: в 10 ч. М., 1781. Ч. 10. С. 160.

Сперва, по замыслу поэта, синица, прилетевшая из-за моря, рассказывала о жизни в чужих краях, где все «превратно» — не так, как у нас:

Воеводы за морем правдивы;
Дьяк там цуками не ездит¹,
Дьячихи алмазов не носят,
Дьячата гостинцев не просят.
За нос там судей писцы не водят <...>
За морем подьячие честны,
За морем писать они умеют².

Весь текст написан в таком же сатирическом тоне. Стихотворцу объявили о недопустимости подобных обличений во время коронационных торжеств. В ответ обидчивый Сумароков переделал хор. Он заменил синицу приплывшей из-за моря собакой, которая отвечала на вопросы об иноземной жизни так:

Многос хулы там достойно.
Я бы рассказать то умела,
Если бы сатиры петь я смела,
А теперь я щети не желаю,
Только на пороки я полаю <...>
За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам.
Хам, хам, хам, хам, за морем, хам, хам, хам.
За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам.
Хам, хам, хам, хам, за морем, хам, хам, хам.
За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам³.

Как видно, Сумароков не был склонен к компромиссам. Поучения, постоянно встречавшиеся в его одах, вскоре стали раздражать императрицу. В 1766 г. Сумароков принял участие в обсуждении Вольно-экономическим обществом вопроса о крепостном праве: «Прежде надобно спросить: потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода? На это я скажу: потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность, или потребна клетка, — и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь? — Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако одна улетит, а другая будет грызть людей; так одно потребно

¹ Дьяк и подьячий — на языке XVIII в. — чиновники. Цуками — то есть запрягая в карету несколько лошадей. Жалование чиновника не позволяло такой роскоши.

² Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 279.

³ Там же. С. 279.

для крестьянина, а другое ради дворянина»¹. Рассуждения писателя вызвали иронические замечания Екатерины II. В середине 1760-х гг. Сумароков развелся с женой и женился церковным браком на своей бывшей крепостной крестьянке. Это вызвало скандал в свете и усилило неприязнь придворных к поэту, а родственники даже подали на него в суд, не желая, чтоб в их семью вошла холопка. Лишь после длительного разбирательства Сумарокову удалось выиграть процесс, но отношения с родней у него были испорчены. После смерти отца многочисленные братья и сестры с согласия матери обделили его наследством, выдав вымороченную деревню. Взаимная ненависть особенно была велика между поэтом и его зятем, московским помещиком А. И. Бутурлиным, отличавшимся невежеством (литературу он называл «лихой болезнью») и фантастической скупостью (не кормил дворовых, разрешая им красть у соседей). Бутурлин выведен Сумароковым в комедиях «*Лихоимец*» (в лице Кашея) и «*Олекул*» (в лице Чужехвата).

Оппозиционные настроения писателя к концу 1760-х гг. усилились, и императрица с удовольствием способствовала распространению курьезных анекдотов о нем. Интересна ее помета, адресованная секретарю, на одном из писем поэта: «Сумароков без ума есть и будет»². В 1769 г. Сумароков был вынужден переселиться в Москву, где в то время находились почти все его ученики. Здесь он жил в бедности, но продолжал просветительскую деятельность, в частности организовал театральные представления. Менее культурная, чем столичная, московская публика плохо понимала трагедии, грызла орехи, громко разговаривала и даже дралась во время спектаклей; в 1770 г. комендант Москвы граф П. С. Салтыков, поклонник одной из актрис, которую поэт бранил за пьянство, в отместку сорвал премьеру пьесы «Синав и Трувор». Сумароков жаловался императрице, но защиты не получил. Это отчасти связано со сближением писателя с окружением наследника престола Павла Петровича — его воспитателем Н. И. Паниным и другими вельможами, готовившими потерпевший поражение заговор против Екатерины II. В середине 1750-х гг. Сумароков вступил в масонскую ложу, что также воспринималось как поступок вольнодумный.

В 1768 г. драматург написал Вольтеру, которого почитал единственным равным себе современным сочинителем, письмо, где негодовал по поводу распространения на театре жанра «слезных» комедий, смешивающих смешное и трогательное. Вольтер зимой 1769 г. ответил, что поддерживает русского писателя в борьбе с новыми литературными модами, и дал высокую оценку трагедиям Сумарокова, две из ко-

торых были изданы во французском переводе. Письмом Вольтера основатель русского театра гордился и напечатал в предисловии к «Димитрию Самозванцу». Вообще, Сумароков был при жизни известен за границей и даже избран почетным членом Лейпцигского ученого общества. Последние годы жизни поэт был очень беден, опечаленный смертью жены, зажил, почти ослеп и умирал в чужом жилище, не изгнанный лишь из милости, поскольку его дом был продан за долги. Похоронить Сумарокова было не на что, и его погребли на свои деньги актеры московского театра, несшие гроб через весь город на руках. Кроме них, почти никто на похоронах драматурга не присутствовал, его могила на кладбище московского Донского монастыря долго считалась утраченной. Лишь в XX в. на ней установлен памятник.

Сумароков писал во всех известных тогда литературных жанрах, кроме поэмы и романа: торжественные и духовные оды, трагедии, комедии, оперы, тексты балетов, элегии, эклоги, послания, басни (которые называл притчами), песни, эпиграммы, пародии, сатиры, сонеты, стансы, статьи в прозе. Торжественные оды Сумарокова ценились меньше, чем ломоносовские: они проще по стилю и изобилуют поучениями, часто политического характера:

<...> Не сим царь сан свой отличает,
Что лъзя разити и пленять,
Что все пред ним дрожат со страхом,
Что властвует людмьм, как прахом,
И что он может жизнь отнять.
Когда монарх насилью внемлет,
Он враг народа, а не царь <...>
Нестройный царь есть идол гнусный
И в море кормщик неискусный;
Его надгробье: «Был он яд».
Окончится его держава,
Окончится его и слава,
Исчезнет леть, душа — во ад.

(1771)

<...> Без общей пользы никогда
Нам царь не может быть правен.
Короны тмится блеск тогда,
Не будет царь любим и славен,
И страждут подданны всегда.
Души великой имя лестно,

¹ Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 15–16.

² Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 211.

Но ей потребен ум и труд,
А без труда цари всеместно
Не скипетры, но сан несут.

(1773)¹

Помимо оригинальных од, Сумароков переложил стихами все псалмы. Из поэтических произведений писателя особенным успехом пользовались басни. Его песни также долго сохраняли популярность и включались в песенники до начала XIX в. «Эпистола о стихотворстве», созданная в подражание «Поэтическому искусству» Буало, на протяжении всего XVIII столетия воспринималась как творческий учебник и литературное законодательство.

Главными сочинениями Сумарокова считались его пьесы — 9 трагедий в стихах и 12 комедий в прозе (список см. в статье Н. И. Новикова). Из трагедий наиболее известны *«Хорев»* (1747), *«Гамлет»* (1748), *«Синав и Трувор»* (1750), *«Семира»* (1751), *«Дмитрий Самозванец»* (1771). Интересна пьеса «Синав и Трувор». В Новгороде княжит Синав, достойный и мудрый правитель. Песожиданно он влюбляется в Ильмену, дочь посадника Гостомысла. Ильмену любит также младший брат Синава Трувор, которому девушка отвечает взаимностью. Разгневанный князь высылает своего брата, и тот погибает. Узнав о смерти возлюбленного, Ильмена кончает жизнь самоубийством. Синав слишком поздно осознает, что погубил двух самых дорогих ему людей, в отчаянии он хочет умереть, но не должен лишать себя жизни, будучи правителем, обязанным заботиться о благе своей страны, и остается страдать. Эта трагедия производила на зрителей сильнейшее впечатление, особенно когда И. А. Дмитриевский, игравший Синава, читая финальный монолог героя, делал вид, что отступает в ужасе перед окровавленной тенью покойного брата: произнося свои реплики, актер приподнимался на кресле, отодвигаясь при этом в глубину сцены. Простой прием, по свидетельству мемуаристов, вызывал оцепенение у чувствительной публики. Большинство трагедий Сумарокова написаны на сюжеты из русской истории. В них варьируются ситуации, встречающиеся в произведениях французских драматургов — П. Корнеля, Ж. Расина, Вольтера. Однако о «Дмитрии Самозванце» автор заявил, что это произведение покажет России Шекспира, указывая на связь образов главного героя и шекспировского Ричарда III. Другим прото-

типом сумароковского Дмитрия Самозванца был Нерон из трагедии Расина «Британик».

В комедиях и иных сатирических сочинениях Сумароков высмеивает личных врагов (Тредиаковского, Бутурлина) и самые опасные, с его точки зрения, общественные пороки: галломанию и взяточничество. И петиметров (щеголей), и подьячих писатель очень не любил и всегда находил случай вставить в произведение иронический намек на представителей этих социальных групп. В ранних комедиях Сумароков не учитывает своеобразия русской жизни: так, в его пьесах нотариус заключает брачные договоры, чего не бывало в России. Герои сумароковских комедий — маски с традиционными амплуа. В 1760-х и особенно 1770-х гг. (после комедии Фонвизина «Бригадир») драматург обращал большее внимание на соблюдение правдоподобия в изображении нравов.

Насколько современники ценили Сумарокова, видно по тому, как, например, В. И. Майков обращается к своему учителю:

О ты, при токах Иппокрены¹
Парнасский сладостный певец,
Друг Талии и Мельпомены²,
Театра русского отец,
Изобличитель злых пороков,
Расин полночный³, Сумароков!⁴

Собрание сочинений писателя вскоре после его смерти было выпущено дважды, его пьесы долго держались в репертуаре. В начале XIX в. романтики объявили Сумарокова, законодателя нормативной поэтики, с которой они боролись, бездарным поэтом, и такая оценка была пересмотрена лишь в трудах ученых XX в.

Сумароковская школа

Уже в начале 1750-х гг. вокруг Сумарокова возник кружок единомышленников, первоначально — воспитанников кадетского корпуса младших выпусков. Наиболее заметным писателем из них был **Иван Перфильевич Елагин**, позднее ставший одним из видных русских масонов и статс-секретарем Екатерины II. В начале 1750-х гг. он на-

¹ Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 76, 79.

¹ Иппокрена — река в Греции, на берегах которой собирались музы.

² Талия — муза комедии, Мельпомена — муза трагедии.

³ Полночный — северный.

⁴ Майков В. И. Избранные произведения. Л., 1966. С. 253.

писал «Сатиру на петиметра и кокеток», в которой, высмеивая галломанию светской молодежи, задел И. И. Шувалова и его друга Ломоносова, противопоставив этому поэту своего учителя — Сумарокова. Стихотворение Елагина вызвало оживленную полемику и явилось сигналом для открытой вражды Ломоносова и Сумарокова. Однако уже в середине 1760-х гг. Елагин возглавил кружок молодых драматургов, недовольных сумароковской комедийной манерой, и поссорился со своим прежним наставником.

В конце 1750-х гг. группа почитателей Сумарокова объединилась вокруг Московского университета. Возглавлял ее **М. М. Херасков**. В кружок, собиравшийся в доме поэта (стихи писала и его супруга Елизавета Васильевна), входили **Василий Иванович Майков** (1728–1778), прославившийся комическими поэмами «Игрок ломбера» (1762) и «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771); **И. Ф. Богданович**; **А. А. Ржевский**; братья **Каринны** и еще несколько писателей. Близок к этому кружку был известный журналист и издатель **Н. И. Новиков**. В Петербурге единственным видным представителем сумароковской школы был **Я. Б. Княжнин**. Перечисленных писателей сближали общие философские, общественные и эстетические взгляды. Как люди XVIII в., они верили в силу разума, но, не получив академического образования, вращаясь в свете, гораздо больше, чем интеллект, ценили искреннее чувство. Все они, вслед за Сумароковым, усвоили идеи ранних французских просветителей, прежде всего Вольтера, и были деистами в своем отношении к Богу, сторонниками естественного равенства людей и просвещенной монархии в отношении к государству. Вместе с тем, будучи представителями русской аристократии, поэты сумароковской школы уважали дворянские привилегии, требуя, однако, от благородного сословия просвещенности, образованности и обязательной деятельности на благо общества. Свои сочинения Сумароков и его сподвижники обращали не ко всем читателям, а лишь к избранной публике, способной их понять и оценить, — прежде всего к просвещенной части дворянства. Сумароковская школа в 1760–1770-х гг. противостояла как официальному придворному кругу, поскольку далеко не все, что происходило в России, казалось писателям достойным и справедливым, так и молодым просветителям-разночинцам, которые писали для массового читателя, приспособляя идеи западных философов к вкусам русских купцов и мелких чиновников. Сумароков с 1761 г. не состоял на официальной службе, его ученики не жили при дворе и служили преимущественно при просветительных учреждениях (например, при университете), не искали чинов и богатств, стараясь лишь для пользы Отечества. На досуге они собирались в дружеском кругу для занятий словесностью не ради славы, а ради приятного от-

дохновения и нравственного совершенствования. Независимость писателей сумароковского круга сблизила их с аристократической оппозицией великокняжеского двора наследника престола Павла Петровича (братья Н. И. и П. И. Панины, княгиня Е. Р. Дашкова и др.). Возможно, некоторые из представителей сумароковской школы были связаны даже с заговором против императрицы Екатерины II, который был раскрыт в 1770-х гг. и привел к опале ряда вельмож. Сумароков и многие его ученики входили в масонские ложи, что тоже являлось во многом демонстративным поступком, поскольку императрица была резкой противницей всякой мистики, в том числе и масонства.

Эстетическая позиция Сумарокова и его учеников соединяла утилитарный и эстетический подходы к искусству: писатель должен и поучать, и развлекать. Поэзия должна быть простой и гармоничной. «Чувствуй точно, мысли ясно, пой ты просто и согласно»¹, — требовал Сумароков. Аполитичность кружка Хераскова, присущая ему с середины 1770-х гг., установившиеся в нем культ дружбы, преклонение перед величием природы одновременно усиливали и назидательность, и чувствительность литературы. Те сочинители, которые остались в Москве и активно сотрудничали в масонских журналах (во главе с Херасковым), соединили в своих текстах масонскую проповедь и сентиментальные душевные излияния. Ржевский и Богданович уже в 1760-х гг. переехали в Петербург и занялись служебной карьерой при дворе, поэтому судьба их творчества сложилась иначе. Поэзия этих авторов находилась под заметным влиянием стиля рококо, целью которого являлась искусная отделка произведения, предназначенного лишь для удовольствия — приятного, не волнующего сильно душу. Традицию русского рококо продолжили поэты львовского кружка.

Ржевский Алексей Андреевич

(1737–1804, Санкт-Петербург)

Ржевский принадлежал к старинному дворянскому роду, получил домашнее образование, на военной службе числился с 12 лет, видимо фиктивно, как и многие дворянские дети. После активного участия в дворцовом перевороте, возведшем на престол Екатерину II, стал быстро делать служебную карьеру. В 1767 г. был назначен камер-юнкером, стал депутатом Комиссии по составлению нового Уложения, занимал разные должности в Академии наук, Медицинской коллегии

¹ Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 103.

и т. д. и уже к 1783 г. достиг чина тайного советника и должности сенатора. С конца 1760-х гг. Ржевский был одним из видных деятелей масонства. Литературным творчеством этот государственный деятель занимался лишь в юности, но был очень плодovit: с 1760 по 1763 г. напечатал более 200 произведений. Ржевский был учеником Сумарокова, входил в кружок Хераскова, печатался в журналах «Трудолюбивая пчела», «Полезное увеселение», «Свободные часы». Интересна его лирика, в которой поэт обнаруживает дар виртуозного экспериментатора и является заметным представителем *русского поэтического рококо*. Последнее значительное сочинение Ржевского — политическая трагедия «*Подложный Смердий*» (1769), изданная только в 1956 г., но известная современникам и ценившаяся ими. По духу она близка к «Димитрию Самозванцу» Сумарокова. В 1770-х гг. Ржевский отошел от литературы, хотя позднее состоял членом Российской Академии, участвовал в составлении академического словаря и с восторженным предисловием издал поэму И. Ф. Богдановича «Душенька».

Херасков Михаил Матвеевич

(1733, Переяслав Полтавский — 1807, Москва)

Отец Хераскова, валахский (румынский) боярин, перешел на русскую военную службу в 1711 г. во время Прутского похода Петра Великого, женился на русской княжне, которая, овдовев, вышла замуж за видного вельможу князя Н. Ю. Трубецкого. Отчим Хераскова, известный государственный деятель, был образованным человеком, любителем поэзии, дружил с А. Д. Кантемиром. Детские годы Хераскова прошли на Украине, затем в Петербурге. В 1743 г. поэт поступил в Сухопутный шляхетный кадетский корпус, где приистрастился к литературе. Окончив корпус, Херасков провел три года на военной службе, а после основания Московского университета поступил туда на службу в чине ассессора. Сначала поэт был управляющим типографией, библиотекой и театром университета, затем стал директором (1763–1770), а в 1778 г. одним из кураторов, то есть главных начальников, университета. Херасков много сделал для этого учебного заведения: добился разрешения преподавать все дисциплины на русском языке, превратил университетскую типографию в центр московской литературной жизни; периодически под наблюдением Хераскова выходила газета «Московские ведомости», кроме того, он издавал журналы «*Полезное увеселение*» (1760–1762) и «*Свободные часы*» (1763).

В этих журналах печатались друзья поэта, ученики Сумарокова, объединившиеся в литературный кружок. В доме Хераскова, жена которого Елизавета Васильевна тоже писала стихи, в течение нескольких десятилетий собирался литературный салон. Заседания этого собрания друзей, обсуждавших эстетические, нравственные, философские и религиозные проблемы, посещали многие видные писатели, в том числе Н. И. Новиков, а в конце века и Н. М. Карамзин. Херасков был видным деятелем *русского масонства*, как и его брат Н. Н. Трубецкой. Увлечение масонством временами осложняло отношения поэта с властью, но, хотя Херасков держался всегда независимо по отношению ко двору, подобно прочим представителям сумароковской школы, резким оппозиционером он не был и поэтому не пострадал во время гонений на масонство. В 1770-х гг. Херасков сблизился с другим знаменитым писателем-масоном — Н. И. Новиковым — и сдал ему в аренду университетскую типографию. Это событие оказало серьезное влияние на развитие издательского дела и просвещения в России. Подобно Новикову, Херасков умел соединять масонские взгляды с идеями французских просветителей, еще в 1760-х гг. он возглавил группу литераторов, переведивших по приказу царицы «Энциклопедию» философов-просветителей. Херасков пользовался уважением современников, в том числе весьма далеких по взглядам и темпераменту. «Это был резонер, сошедший с театральных подмостков и осуществившийся в жизни <...> Салон Херасковых противопоставлял кутежам, картежу, сплетням, светскому распутству, обычным тогда в столичном дворянском обществе, беседы об искусстве, чтения новых литературных произведений, некое моральное служение, довольно отвлеченное, но все же по-своему возвышенное»¹. В конце жизни поэт стал тайным советником, добился богатства и славы, но в начале нового века отношение к нему молодого поколения стало ироническим.

Херасков — один из самых плодovитых авторов XVIII столетия: его «Творения», вместившие далеко не все написанное, составляют 12 томов. Писатель пробовал силы во всех известных тогда жанрах. Ранняя его лирика *экспериментальна*: так, он пользовался белым *трехстопным* ямбом в философских, нравоучительных одах. В позднем творчестве поэта отразились *масонские настроения*. Большим успехом пользовался «*Псалом*» («*Коль славен наш Господь в Сионе*»), положенный в конце XVIII в. на музыку и исполнявшийся до революции 1917 г. курантами Петропавловской крепости и Московского Кремля. Писал Херасков и для театра. Из трагедий наиболее извест-

¹ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1998. С. 165.

ны «*Венецианская монахиня*» (1758), чувствительная «пьеса ужасов», направленная против монастырей, и «*Борислав*» (1772), напоминающая и по стилю, и по сюжету «Димитрия Самозванца» Сумарокова. Стихотворные комедии Хераскова мало интересны, зато *прозаические «слезные» комедии* в повом духе, который так осуждался Сумароковым, имели успех. Характер подобных произведений поясняется уже их заглавиями: «*Друг несчастных*» (1774), «*Гонимые*» (1775), «*Школа добродетели*» (1796). В отличие от Сумарокова Херасков признавал право на существование за жанром романа. Впрочем, его романы — «*Нума Помпилий, или Процветающий Рим*» (1768), «*Кадм и Гармония*» (1787) и «*Полидор, сын Кадма и Гармонии*» (1792) — бедны повествованием и представляют собой политические и правоучительные рассуждения. Продолжая традицию «Телемака» Фенелона, Херасков создает *утопическую картину идеального государства*, в последних двух романах подчиненную пропаганде масонских принципов.

Наиболее значительны *поэмы* Хераскова. Ранние образцы этого жанра в творчестве поэта — либо дидактические рассуждения («*Плоды наук*», 1761), либо развернутое описание сражения («*Чесменский бой*», 1771). Самые знаменитые поэмы Хераскова — «*Россияда*» (1779) о взятии Казани Иоанном Грозным и «*Владимир возрожденный*» (1785), посвященная крещению Руси, — принесли автору славу российского Гомера. И. И. Дмитриев писал:

Пускай от зависти сердца зоилов¹ ноют,
Хераскову они вреда не принесут —
«Владимир», «Иоанн» щитом его покроют
И в храм бессмертья проведут².

Уже во «Владимире» заметно воздействие масонских идей. Поздние поэмы Хераскова — «*Вселенная, мир духовный*» (1790), «*Пилгримы, или Искатели счастья*» (1795) — аллегорически излагают масонское учение. Последняя поэма «*Бахариана*» (1803) — ироническая сказка о русских богатырях. Под влиянием Оссиана Херасков увлекся старинными былинами, но не воспринимал их, как и прочие писатели его поколения, всерьез — отсюда несвойственное его текстам смешение торжественности и шутовщины.

Вскоре после смерти Хераскова под влиянием романтической критики его стали считать бездарным графоманом.

¹ Зоиловы — завистники.

² Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 135.

Котляревский Иван Петрович

(1769, Полтава — 1838, там же)

Сын мелкого чиповщика, Котляревский учился в полтавской духовной семинарии, в юности состоял гувернером в дворянских семьях, а в 1796–1808 гг. служил в армии, участвовал в Русско-турецкой войне. Выйдя в отставку, Котляревский возглавил театр в Полтаве, на сцене которого выступал позднее прославившийся М. С. Щепкин. Для своего театра Котляревский сочинил *водевили* «*Наталка-Полтавка*» и «*Москаль-чаривник*»¹, имевшие большой успех, но изданные лишь после смерти автора. Самое знаменитое свое произведение — «*Энеиду*» — Котляревский начал в 1796 г.

Поэма распространялась в списках, пользовалась огромной популярностью и была опубликована анонимно и без ведома автора (1798). Позднее поэт исправил текст и самостоятельно занялся изданием «Энеиды».

Котляревский писал по-украински и по праву заслужил славу одного из основоположников и классиков украинской литературы, однако в ту эпоху в России украинский язык воспринимался как диалект, поэтому для современников сочинения Котляревского были примечательным фактом литературы русской.

Богданович Ипполит Федорович

(1743, село Переволочна Полтавской губ. — 1803, Курск)

Богданович родился в небогатой дворянской семье, первоначальное образование получил дома. В 1757 г. он попросил управлявшего театром при Московском университете М. М. Хераскова принять его на службу актером. Узнав, что Богданович — дворянин, Херасков решил, что актерское звание для него неприлично, и устроил юношу в гимназию при Московском университете. В 1761 г. Богданович перешел в университет. В ранний период творчества поэт примыкал к *сумароковской школе*, писал стихи различных жанров, *переводил Вольтера*, в частности знаменитую поэму «На разрушение Лиссабона». Особенно были известны его *любовные песни* и *дидактическая поэма* «*Сугубое блаженство*» (1765). В 1760–1762 гг. печатался в журнале Хераскова «Полезное увеселение», был одним из издателей журнала

¹ «Русский-колдун» (укр.).

«Невинное упражнение» (1763), издавал журнал «Собрание новостей» (1775–1776). Живя с 1763 по 1796 г. в Петербурге, Богданович постоянно служил: сначала переводчиком при Коллегии иностранных дел, затем в иных учреждениях, в 1766–1769 гг. состоял секретарем при посольстве в Саксонии. В 1774 г. вступил в масонскую ложу. Славу Богдановичу принесла поэма «Душенька» (1778–1783), переизданная при жизни автора трижды. Успех при дворе отдалил поэта от большинства прежних единомышленников. Богданович стал придворным стихотворцем, в 1783 г. его избрали в Российскую Академию, он активно сотрудничал в академическом журнале «Собеседник любителей русского слова», участвовал в составлении «Словаря Академии Российской», в 1785 г. издал *Сборник народных пословиц в литературной обработке*. В 1780–1790-х гг. Богданович вел светский образ жизни, литературную деятельность почти прекратил, изредка печатая стихи и создавая на заказ для Эрмитажного театра легкие пьесы, рассчитанные на эффектную постановку («Радость Душеньки» и пр.). Последние годы провел в имениях, где проявил себя как гуманный помещик. Уже при жизни у Богдановича сложилась репутация беспечного любителя поэзии, не ищущего чинов и славы, не вполне соответствующая фактам его биографии, но способствовавшая популярности его поэзии в начале XIX в.

Императрица Екатерина Вторая

(до крещения в православие — София Фредерика Августа;
1729, Штеттин, ныне Щецин (Польша) — 1796, Санкт-Петербург)

Екатерина Великая, как и большинство российских императриц, была немкой. Ее отец, небогатый князь Ангальт-Цербстский, состоял на прусской службе комсдантом и губернатором большого порта на Балтийском море Штеттин (ныне польский город Щецин). Детство принцессы прошло при дворах родственников, правителей разных областей Германии. Честолюбивая девочка с малых лет мечтала стать правительницей огромной страны, и эти мечты сбылись. В 1744 г. она вместе с матерью прибыла в Россию по приглашению Елисаветы Петровны, искавшей невесту для своего племянника и наследника. Принцесса Ангальт-Цербстская была благосклонно принята, крещена в православие именем Екатерины Алексеевны и в 1745 г. обвенчана с великим князем Петром Федоровичем. Супруги не любили друг друга и не скрывали этого. Став императором после смерти Елизаветы Петровны, Петр III подумывал развестись с женой и заменить ее

своей фавориткой Елизаветой Романовной Воронцовой. Екатерина Алексеевна также имела фаворитов: одним из первых был Станислав-Август Понятовский, позднее — последний польский король. При поддержке своего фаворита Г. Г. Орлова и его братьев Екатерина Алексеевна 28 июля 1762 гг. свергла с престола супруга. Петр III был отведен в Ропшинский дворец и вскоре при обстоятельствах, не до конца выясненных, скончался (видимо, был убит). В брак с Г. Г. Орловым Екатерина II, ставшая императрицей, не вступила. В 1770-х гг. братья Орловы попали в опалу, их сменили иные многочисленные фавориты. Наиболее известны из приближенных Екатерины II Г. А. Потемкин, с которым, по некоторым свидетельствам, императрица тайно обвенчалась в 1774 г., и П. А. Зубов, ставший после смерти Потемкина (1791) самым влиятельным вельможей в стране.

Зубов, юный красавец, не отличавшийся умом и дарованиями, предмет последней страсти императрицы, был одним из немногих печальных исключений среди ее приближенных. Екатерина II умела окружать себя людьми умными и талантливыми, была чужда зависти, поощряла способности и умело их использовала, могла даже поступиться личной антипатией ради государственной пользы. Кроме того, императрица обладала, по единодушному мнению современников, даже критически к ней относившихся, исключительным обаянием, умением расположить к себе. Перечисленные качества особенно способствовали ее политическим успехам и величию России в годы ее правления. Среди ближайших вельмож Екатерины II, помимо упомянутых Орловых и Г. А. Потемкина, заслуживают уважительного внимания братья Н. И. и П. И. Панины, Е. Р. Дашкова, А. А. Безбородко, И. И. Бецкой. Императрица ценила талантливых полководцев, невзирая на их весьма непростые в общении характеры (П. А. Румянцева, А. В. Суворова, С. К. Грейга, В. Я. Чичагова, Ф. Ф. Ушакова и др.), и русская армия и флот переживали в ее царствование один из славнейших своих периодов. Личными секретарями Екатерины II были люди с незаурядными литературными способностями (И. П. Елагин, Г. В. Козицкий, А. В. Храповицкий и, конечно, Г. Р. Державин). Царица покровительствовала художникам, музыкантам и писателям (кроме Державина можно назвать И. Ф. Богдановича, В. П. Петрова, Н. И. Новикова в ранний период его деятельности, а отчасти — даже А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина и Я. Б. Княжнина, впоследствии попавших в немилость). Особенно обаяние Екатерины Великой почувствовали иностранцы: как посланники при русском дворе, которые восхваляли ее не только из дипломатических соображений и не слишком сопротивлялись влиянию ее личности, так и владельцы дум Европы, с которыми она

советовалась в письмах, пусть не без кокетства и позерства, по самым различным вопросам.

У Екатерины II было двое сыновей: в 1754 г. родился великий князь Павел Петрович (до сих пор, отчасти на основании туманных намеков в мемуарах императрицы, спорят о том, был ли он сыном Петра Федоровича), в 1762 г. — князь А. Г. Бобринский, сын Г. Г. Орлова. Воспитанием своих детей Екатерина II почти не занималась, материнская любовь в ней не была сильна. Павла Петровича она воспринимала не столько как сына, сколько как политического соперника. Воспитатель наследника Н. И. Панин возглавлял аристократическую оппозицию в стране, надеялся вырастить из Павла Петровича просвещенного монарха, при котором мать была бы лишь регентом, зато реальной властью пользовался бы совет, составленный из знатнейших и образованнейших дворян. И в 1763 г., когда Панин предложил свой проект, и в 1772 г., когда Павел Петрович достиг совершеннолетия, Екатерина II сумела сохранить самодержавную власть, однако до конца царствования опасалась заговора со стороны великокняжеского двора, не доверяла сыну, удаляя его из столицы, постепенно сместила с важнейших должностей Панина и его ближайших единомышленников. Павел Петрович платил матери не меньшей неприязнью, которая руководила многими его поступками не только при жизни Екатерины II, но и после ее смерти. Своих внуков, особенно старшего, Александра Павловича (будущего императора Александра I), императрица, напротив, очень любила, забрала к себе, сама занималась их воспитанием и прочила в просвещенные правители.

Екатерина II принадлежала к образованным людям своего времени. Она отличалась волей и трудолюбием, была скромна в пище, тратила мало времени на сон и большую часть дня отводила интеллектуальным занятиям, много читала, причем довольно рано начала систематически изучать различные предметы. Прилежание и упорство сочтались в ней с умом и разнообразными способностями. Очень рано она увлеклась философией просветителей, вступила в переписку с Вольтером, Д'Аламбером, Дидро, бароном Гриммом, которые надеялись увидеть в ней воплощенный идеал «просвещенного» монарха. Императрица прочно усвоила основные положения *просветительского учения* и была верна им долгие годы, особенно она ценила сочинения Монтескье и Вольтера, с неприязнью относилась лишь к деятельности Ж. Ж. Руссо. Вступив на престол, Екатерина II пригласила в Россию Вольтера, который, впрочем, любезно отказался. В 1767 г. царица организовала *коллективный перевод* придворными *просветительского романа Мармонтеля «Велизарий»* и сама приняла участие в переводе. В 1773–1774 гг. при русском дворе

жил Д. Дидро. После смерти Вольтера императрица купила его библиотеку, в 1765 г. приобрела и библиотеку Дидро, оставив ее в пользовании философа, который был назначен пожизненным хранителем этого книжного собрания. На пожалованные Екатериной II деньги Дидро смог завершить издание своей многоотомной «Энциклопедии». Этот труд, венец творения просветительской мысли, Екатерина II не только внимательно читала, но и конспектировала. Лишь в начале 1790-х гг. наступающая старость и ужас перед событиями французской революции несколько поколебали убежденность русской царицы в просветительских истинах.

Став супругой наследника русского престола, Екатерина Алексеевна решила стать настоящей русской царицей. Чуждая религиозности, исповедуя, по-видимому, деизм, презирая мистику, впоследствии издеваясь над масонами, а в конце царствования и преследуя их, Екатерина II внешне соблюдала православные обряды и с уважением относилась к официальной Церкви. Однако вслед за просветителями она была сторонницей веротерпимости, поэтому в годы ее царствования смягчилось отношение к раскольникам и сектантам. Не жаловала императрица и монашество: в 1764 г. монастырские земли были секуляризованы, присвоены казной, а монастырские крестьяне переписаны в государственные.

По приезду в Россию Екатерина Алексеевна страстно занялась изучением русского языка, доводя себя буквально до обмороков в этом трудном для нее деле. Елисавета Петровна, чуждая науке, запретила великой княгине брать уроки русского языка, опасаясь за ее здоровье. Лишенная помощи преподавателей, Екатерина II до конца жизни сохранила немецкий акцент и не освоила норм русского правописания и синтаксиса. Однако продолжая самостоятельно заниматься и обладая языковым чутьем, она приобрела столь обширный словарный и фразеологический запас, что сумела стать одним из видных русских писателей своего времени. На собраниях кружка приближенных придворных в Эрмитаже императрица запрещала разговаривать на иностранных языках и вводила за это шуточные штрафы (например, требовала учить наизусть отрывки из «Тилемахиды» Тредиаковского). Екатерина II собирала русские пословицы, занималась изучением российской истории, а в 1783 г. учредила Российскую Академию специально для издания нормативного толкового словаря и поддержания успехов русской словесности. Даже в одежде императрица постепенно стала комбинировать модный западный покрой с элементами русского костюма.

Будучи великой княгиней, Екатерина Алексеевна участвовала в политических интригах, в частности на стороне канцлера А. П. Бес-

тужева-Рюмина, и порой действовала в интересах европейских государств. Однако, вступив на престол, Екатерина II не только стремилась к утверждению величия Российской империи среди мировых держав, но и много преуспела в этом. При Екатерине Великой Россия вела победоносные войны, в результате которых были присоединены обширные области: Новороссия (Северное Причерноморье) от Днепра до Днестра — в результате двух войн с Турцией (1768–1774; 1787–1791); Крым и Кубань (1783) и Грузия (1783) — в результате дипломатических переговоров; Белоруссия, Литва, Курляндия (Западная Латвия), Подолия и Волынь (Западная Украина) — по разделам Речи Посполитой (Польши) между Австрией, Пруссией и Россией (1772, 1793, 1795). Политика Екатерины II могла быть жестокой и несправедливой по отношению к другим странам (прежде всего к уничтоженной Польше) или народам России (упразднение гетманства на Украине и закрепощение свободного населения Украины и Новороссии), но ставила целью единство и мощь империи. Императрица стремилась познакомиться с жизнью своей обширной державы и много путешествовала: в Ярославль и Ростов (1763), Курляндию (1764), по Волге до Симбирска (1767), в Белоруссию (1780), в Новороссию и Крым (1787). Последняя поездка, совершенная вместе с австрийским императором Иосифом II и послами западных государств, особенно известна. Царице, как всякому правителю, показывали не только истинные достижения, но и мнимые (знаменитые «потемкинские деревни», сооруженные по приказу наместника Новороссии и Крыма Потемкина).

Осознавая богатство природных ресурсов России, Екатерина II содействовала развитию русской экономики. Освоение южных плодородных степей подняло сельское хозяйство. Императрица запретила ввозить хлеб, а для повышения сельскохозяйственного экспорта предоставляла иностранным поселенцам, переходящим в русское подданство, земли в Новороссии и Поволжье. Накануне промышленной революции в Англии Россия догнала эту передовую страну по выплавке чугуна. Сильно развилась банковская система. В 1769 г. в России были введены бумажные деньги (ассигнации), которые подлежали обмену лишь на медь, но не на серебро. Поэтому в стране установился двойной денежный курс: цены в бумажном и серебряном эквиваленте; эта неудобная система сохранялась до середины XIX в. В 1766 г. Екатерина II подняла вопрос о возможности упразднения крепостного права и организовала публичную дискуссию на эту тему, в которой приняли участие даже Вольтер и А. П. Сумароков. Однако 160 проектов, представленных императрице, не удовлетворили ее. Оставаясь, как ученица просветителей, противницей рабства, Екатерина II все же

сохраняла сложившийся общественный уклад, полностью защищая интересы дворянства. В 1765 г. помещикам было разрешено ссылать провинившихся крестьян на каторгу, в 1767 г. — указом запрещено крестьянам подавать жалобы на господ. Восстание под предводительством Пугачева (1773–1775), охватившее Поволжье, Урал и часть Центральной России, сделало невозможным дальнейшее рассуждение об отмене крепостного права. Однако наиболее изуверское поведение помещиков пресекалось иногда уголовным порядком. Кроме того, императрица надеялась, что просвещением подданных она сможет смягчить нравы и сделать крепостничество гуманным.

Для этого Екатерина II стремилась распространять просвещение. В ее царствование положено начало *женскому образованию* (создан Смольный институт благородных девиц и училище для девиц мешанского происхождения). В 1764 г. для сирот и незаконнорожденных детей открылся Воспитательный дом в Москве, затем и в Петербурге. Давая этим детям профессию, делая их свободными и при этом образованными гражданами, Екатерина II надеялась создать в лучшем случае новую породу идеальных людей, в худшем, но вполне приемлемом — сформировать в России «третье сословие», от которого, по мнению просветителей, зависит благосостояние государства. Просветительские реформы осуществлялись под начальством И. И. Бецкого. В конце царствования Екатерины II сложились и *основные принципы системы начального и среднего образования*, служившие на протяжении почти всего XIX столетия.

Другой мерой просвещения подданных Екатерина Великая считала формирование в стране общественного мнения, поскольку, по убеждению философов XVIII в., миром правят идеи. Следующим шагом после дискуссии о крепостном праве было учреждение в 1767 г. Комиссии по составлению нового Уложения (то есть законодательства). В Комиссию были включены депутаты от всех сословий, в том числе и от крестьян, но не крепостных, а свободных. Императрица сочинила специальный документ «*Наказ Комиссии...*», представляющий собой *проект законодательства* в духе просветительских идей. Значительная часть этого труда — выдержки из трактатов Ш. Монтескье «О духе законов» и Ч. Беккарии «О преступлениях и наказаниях». Для XVIII в. законопроект Екатерины II, быстро переведенный на многие языки, был не только прогрессивным, но и дерзким. Во Франции он был запрещен из-за вольнодумства, сама императрица вскоре испугалась эффекта, произведенного «Наказом», и, разослав этот документ по учреждениям, запретила читать его кому-либо, кроме главного начальства. Влияние «Наказа», несмотря на запреты, было велико и содействовало распространению более гуманных и правовых

форм государственного правления, отказу от пыток и жестоких казней и т. д. Екатерина II не любила жестокостей. Искусно устраивая политических противников физически (Петра III; Иоанна VI Антоновича, убитого в 1764 г. при попытке офицера Мировича освободить его из тюрьмы; самозванку княжну Таракапову, умершую в 1775 г. в тюрьме) или политически (отдаление от двора великого князя Павла Петровича, Паниных, И. И. Шувалова, К. Г. Разумовского, Е. Р. Дашковой и др.), она делала это, не привлекая общественного внимания, желая, чтобы подданные ее уважали и любили, а не боялись. В 1786 г. был принят указ об истреблении в России звания раба, это понятие не упоминалось теперь в официальных документах и прошениях на царское имя. Екатерина II заявила, что подданные не рабы ее, а дети. Лишь в последние годы ее царствования наказания за политические преступления стали непомерно суровы (например, за «Путешествие» Радищева). Что касается знаменитой казни Пугачева, то дворянством, а нередко и просто народом он воспринимался как разбойник и самозванец, и эта казнь не удивляла и не возмущала общество.

Надежды, возлагаемые императрицей на Комиссию по составлению нового Уложения, не оправдались: депутаты, почувствовав веяние свободы, вступили в бесконечные мелочные споры и сходились лишь в общем недовольстве правительством. Опасаясь возможности заговоров, ведущих к дворцовому перевороту, вполне вероятных в такой обстановке, Екатерина II воспользовалась началом войны с Турцией, отложила работу Комиссии и впредь ее не возобновляла. В 1769 г. царица предприняла другую попытку пробуждения общественного мнения: по ее поручению и при ее участии статс-секретарь Г. В. Козицкий стал издавать сатирический журнал «*Всякая всячина*», первый номер которого, бесплатно раздаваемый, призывал подданных последовать благородному примеру и издавать сатирические журналы, чтобы обсуждать и исправлять нравы. Призыв был услышан, но деятельность многочисленных журналистов повторила ситуацию в Комиссии по составлению Уложения: споря между собой, они резко критиковали основы общественного устройства и «*Всякую всячину*».

С начала 1770-х гг., не слишком полагаясь на общественное мнение, Екатерина II избрала новый способ просвещения страны: постепенное систематическое установление разумного устройства во всех сферах государства и быта. Конечно, до конца этот процесс не мог быть введен одним человеком, но многое императрице удалось осуществить. Помимо уже перечисленных указов первостепенное значение имели разделение всего населения России на пять сословий: благородное (дворянство), духовенство, купечество, мещанство (городское население с капиталом менее 500 рублей), крестьянство (1775), «жалованные

грамоты» дворянству и городам (1785), губернская реформа (1775), учреждение управы благочиния (полицейского устава) (1782). Социальная и административная система, введенная при Екатерине II, просуществовала частично до середины XIX в., а частично и до 1917 г. и первоначально была весьма прогрессивной и разумной.

Свою литературную деятельность Екатерина II, подобно своим любимым философам, мыслила как средство увлекательной пропаганды идей и просвещения подданных, поэтому писала очень много как ради собственного удовольствия, так и ради общественной пользы. Литературное наследие императрицы огромно, она сочиняла на русском, немецком и французском языках, писала бегло, с ошибками и давала править свои произведения секретарям, но обладала несомненным дарованием. За исключением французского двустипия на кончину любимой собачки, Екатерина II не писала стихов, поэтические вставки в ее пьесах принадлежат секретарям. Все свои произведения императрица публиковала анонимно, но доверенным лицам признавалась в своем авторстве, которое получало довольно широкую огласку в обществе. Из французских сочинений Екатерины II наиболее интересны «*Антидот*» (1770) — публицистический ответ на антирусскую книгу «Путешествие в Сибирь» аббата Шаппа д'Отроша — и особенно незаконченные «*Записки*», где живо описана юность будущей царицы. Написанные по-французски пьесы подражательны и предназначены для забавы придворных.

Русские сочинения Екатерины II разнообразны в жанровом отношении. Это и *политические трактаты* («Наказ»), и *исторические труды* («*Записки касательно российской истории*», 1783–1784), *сатирические очерки* («*Были-небылицы*», 1783–1784), *аллегорические сказки*, написанные для внуков («*Сказка о царевиче Хлоре*», 1780), и *драматургия*. Пьесы — наиболее интересные в художественном отношении тексты Екатерины II. Вслед за просветителями она считала театр школой народа, поэтому уделяла драматургии особенное внимание. В 1772 г. императрица написала цикл пьес, якобы сочиненных неизвестным автором в Ярославле во время московской эпидемии чумы: «*О, время!*», «*Именины госпожи Ворчалкиной*», «*Передняя знатного боярина*», «*Госпожа Вестникова с семьей*». Эти *правдоподобные комедии* имели большой успех и сильно повлияли на развитие русской комедии. Другой значительный цикл комедий Екатерины II направлен против авантюриста графа Калиостро и масонов: «*Обманик*», «*Обольщенный*», «*Шаман Сибирский*» (все — 1786). Из прочих комедий императрицы замечательна пьеса «*Вот каково иметь корзину и белье*», поскольку это одна из первых в России попыток переделать произведение Шекспира («Виндзорские проказни-

цы»). Кроме комедий Екатерина II писала комические и волшебные оперы («Февей», «Федул с детьми», «Новгородский богатырь Бое-славич», направленная против шведского короля «Горе-богатырь Косометович» и др.) и исторические драмы в подражание Шекспиру («Из жизни Рюрика», 1786; «Начальное управление Олега», 1780).

Фонвизин Денис Иванович

(1745 (?), Москва — 1792, Санкт-Петербург)

Фонвизин принадлежал к старинному дворянскому роду: его предком был немецкий рыцарь, перешедший во время Ливонской войны на русскую службу. К XVIII в. Фонвизины обрусели и давно были православными. Отец писателя, богатый, воспитанный на старинный лад и не слишком образованный помещик, сначала обучал сыновей Дениса и Павла (впоследствии — переводчика) дома, уделяя особое внимание их знакомству с церковными книгами. В 1755 г. братья поступили в гимназию при Московском университете, а затем и в университет. Фонвизин рано начал вести светский образ жизни — он был щеголем, гурманом, ветреником и острословом, однако учился всегда успешно, во всяком случае на фоне своих товарищей (по воспоминаниям писателя, уровень гимназического преподавания был тогда невысок), и даже удостоился поездки в Петербург для представления куратору университета И. И. Шувалову. В столице Фонвизин впервые побывал в театре и на всю жизнь полюбил этот вид искусства. В университетские годы писатель общался с кружком Хераскова, видимо, был знаком и с Н. И. Новиковым. В 1762 г. Фонвизин, не окончив университета, поступил на службу в Коллегию иностранных дел переводчиком, затем выполнял дипломатические поручения в Германии. Вернувшись в Петербург, он стал секретарем у И. П. Елагина.

Елагин в это время активно занимался переводами, в его доме собирался кружок молодых драматургов, «склонявших на русские нравы» популярные иностранные пьесы. Теоретиком кружка был другой секретарь Елагина — В. И. Лукин, личный враг и соперник Фонвизина. Лукин был разночинцем и ориентировался на широкого, массового зрителя. Полагая, что русской публике непонятны и потому неинтересны иностранные пьесы, и не чувствуя в себе и в своих товарищах сил для создания национального репертуара, Лукин предлагал переделывать западные комедии, приближая их к русской жизни (заменяя названия, имена, реалии отечественными). В отличие от

фарсов Сумарокова пьесы писателей из елагинского кружка близки к «слезным» драмам, им свойствен чувствительный и правоучительный тон, о чем говорят даже названия пьес Лукина («Мот, любовью исправленный», «Награжденное постоянство», «Ревнивый, из заблуждения выведенный», «Вторично вкрадываясь любовь»). Именно Лукин ввел в русскую драматургию *говорящие фамилии* (Злорадов, Добросердов и т. д.).

Первые переводы, сделанные Фонвизиним, появились еще до знакомства с Елагиным — это прозаические «Нравоучительные басни» популярного в ту эпоху датского писателя Л. Гольберга и стихотворная трагедия Вольтера «Альзира». В 1760-х гг. Фонвизин перевел несколько повестей и романов, в частности «Геройскую добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского» (1762–1768), политический роман в духе «Похождений Телемаха» Фенелона; бытовую сентиментальную повесть «Сидней и Силли, или Благодарение и благодарность» и не менее чувствительную, хотя и основанную на библейском сюжете, поэму в прозе «Иосиф». Самые значительные переводы Фонвизина этих лет — *трактат* немецкого экономиста Юсти «Торгующее дворянство», пропагандирующий экономические идеи философов-просветителей, и *стихотворная комедия* «Корнион» (1764), «склонение на русские нравы» популярной французской драмы Грессе «Сидней». Войдя в елагинский кружок, Фонвизин особенно близко сдружился с князем Ф. А. Козловским. Этот юный драматург, в 1770 г. погибший во время Чесменского сражения, отличался злоязычием и вольнодумством, слыл одним из известнейших русских вольтерьянцев. Увлечение молодого Фонвизина *просветительскими идеями* особенно заметно в стихотворениях 1760-х гг., из которых до нас дошли *басня «Лисица-казнодей»* и *«Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке»*. Последний текст, посвященный трем реальным лицам, крепостным автора, не просто дает сатирическую картину нравов, но и перскликается с фаталистическими рассуждениями в повестях Вольтера. В конце 1760-х гг. Фонвизин постепенно отказывается от крайних, радикальных идей просветителей, в целом сохраняя уважение к основам их теории. Считается, что Фонвизин принимал участие в издании сатирических журналов Н. И. Новикова в 1769–1774 гг.; писателю приписывают некоторые статьи «Живописца», в частности *«Письма к Фалалее»*, остроумные описания провинциальных нравов, напоминающие «Недоросль».

В 1766–1769 гг. Фонвизин создал комедию *«Бригадир»*. Пьеса имела бурный успех. Автора, который отличался артистическим талантом, приглашали многие вельможи прочесть комедию. Чтения были организованы при дворе, причем императрица и наследник

престола Павел Петрович принял произведение благосклонно. Впрочем, поставлен «Бригадир» был лишь в 1780 г., а опубликован — в 1783 г. Особенно высоко оценил комедию воспитатель великого князя Павла Петровича Никита Иванович Панин. В 1769 г. Фонвизин, поссорившийся с Елагиным, по приглашению Панина перешел на службу в подведомственную этому вельможе Коллегию иностранных дел, став секретарем, ближайшим помощником, а позднее и другом вождя аристократической оппозиции. В 1770-х гг. Фонвизин писал лишь *политические сочинения*, причем, даже если они публиковались, имя автора не обозначалось: писатель оказался в опале. Как и все окружение Паниных, Фонвизин надеялся на то, что Павел Петрович вскоре взойдет на престол и станет идеальным правителем России. Эта точка зрения выражена в «*Слове на выздоровление Павла Петровича*» (1771) и в переводном «*Слове похвальном Марку Аврелию*» (1777), где описан мудрый монарх. В 1777–1778 и в 1784–1785 гг. Фонвизин совершил заграничные путешествия. Возможно, в первую поездку он выполнял какие-то дипломатические поручения Панина. Европа произвела на писателя мрачное впечатление: сознавая недостатки русской жизни, он увидел, что на Западе изъянов не меньше, хотя они и другие. Наряду с критикой политики европейских правителей, нравов французского дворянства, фанатизма Фонвизин иронизирует и над просветительской философией, над энциклопедистами, с которыми лично познакомился в Париже. Впечатления от заграничной поездки изложены в интереснейших *письмах*, адресованных сестре писателя и П. И. Панину, брату его начальника. Впрочем, критика просветительства не помешала Фонвизину высказывать радикальные и дерзкие, с точки зрения той эпохи, политические суждения. В «*Кратком изъяснении о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина*» (не было опубликовано) пропагандируется распространение промышленности и торговли и формирование буржуазного сословия в России. В 1782 г. Н. И. Панин был отправлен в отставку и вскоре умер, вслед за ним оставил службу и Фонвизин. Незадолго до смерти своего покровителя Фонвизин написал *трактат*, излагающий основы политической теории просветителей, «*Рассуждение о непременных государственных законах*». Это наставление идеальному правителю предназначалось для Павла Петровича и воспринималось как *манифест аристократической оппозиции*. Не случайно этот текст, не опубликованный, но распространенный в рукописи, часто называли «Завещание Панина».

В 1780-х гг. положение Фонвизина было тяжелым: он находился в постоянной опале, произведения его запрещала цензура. В 1781 г. написана комедия «*Недоросль*», самое знаменитое сочинение писа-

теля. Поставлена пьеса была лишь через год благодаря придворным связям автора и не в придворном, а в Вольном общедоступном театре на Царицыном лугу в бенефис И. А. Дмитриевского, исполнявшего роль Стародума. «Драматический словарь» в 1787 г. так рассказывал о премьере: «Несравненно театр был наполнен, и публика аплодировала пьесе метанием кошельков. Характер Мамы играл <...> актер г. Шумский, к несравненному удовольствию зрителей. Сия комедия, наполненная замысловатыми выражениями и множеством действующих лиц, где каждый в своем характере изречениями различается, заслужила внимание от публики. Для сего и принята с отменным удовольствием от всех»¹. По преданию, после спектакля князь Г. А. Потемкин, некогда вместе с Фонвизиным учившийся в университете, сказал: «Умри теперь, Денис, или хоть больше уже ничего не пиши: имя твое бессмертно будет по одной этой пьесе»². Успех «Недоросля» побудил Фонвизина к изданию *сатирического журнала* «*Друг честных людей, или Стародум*». Был подготовлен первый номер, куда вошла переписка некоторых персонажей комедии и другие, довольно дерзкие по содержанию комические очерки, например «Всеобщая придворная грамматика», издевательское описание механизма управления страной в форме учебника грамматики. Журнал был запрещен еще до выхода первого номера, а затем писателю не позволили издать и собрание сочинений. Все же некоторые тексты Фонвизина в печати появились. В 1783–1784 гг. он сотрудничал в журнале «Собеседник любителей русского слова», который издавала президент Российской Академии княгиня Е. Р. Дашкова. Здесь были напечатаны «*Опыт русского сословника*» (отрывок из проекта словаря синонимов, в котором примеры были намеренно подобраны так, что составляли резкую социальную сатиру), «*Челобитная российской Минерее от русских писателей*» (попытка заступиться за Г. Р. Державина, подвергшегося преследованиям вельмож, высмеянных в оде «Фелица») и «*Несколько вопросов автору "Былей-небылиц", могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание*». Фонвизин в 21 вопросе кратко формулирует основные проблемы российской внутренней политики и показывает совершенную несостоятельность существующего режима. Писатель предполагал, что читатели журнала выскажут свои мнения и завяжется политическая дискуссия, но этого не произошло. Екатерина II (автор «Былей-небылиц») первоначально решила, что это анонимное произведение принадлежит И. И. Шувалову, но позднее узнала об авторстве Фонвизина. Импе-

¹ Драматический словарь. М., 1787. С. 88.

² Друг просвещения. 1805. № 9. С. 250.

ратрица ответила на предложенные вопросы, тоже не называя себя, но намекая на свою персону. Реакция Екатерины, как видно из ее реплик, нервна и резка: это показывает, насколько острых проблем коснулся ее оппонент. В 1786 г. Фонвизину удалось напечатать повесть *«Калисфей»* о печальной судьбе мудрого и гуманного философа при тиране Александре Великом. Идея повести в том, что говорящий деспоту правду обречен на гибель. В конце жизни писатель работал над комедией *«Выбор губернатора»* и мемуарами *«Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях»*. В этом последнем произведении, навеянном *«Исповедью»* Ж. Ж. Руссо, автор пытается осмыслить все этапы своей духовной эволюции и подвести итог своей жизни. К сожалению, текст доведен лишь до 1769 г. Последние годы жизни Фонвизин тяжело болел. Семь лет он находился в параличе, несколько раз его поражал апоплексический удар, левая половина тела отнялась. Писатель несколько раз ездил за границу лечиться, его подвергали мучительным процедурам электризации. Однако ни физические недуги, ни политические преследования не сломили Фонвизина: его ум оставался ясным и острым до последнего дня жизни. Об этом свидетельствуют мемуары И. И. Дмитриева, который познакомился с Фонвизиным накануне смерти последнего. Драматург скончался, будучи богатым помещиком (еще в начале 1770-х гг. он получил в подарок от Панина более тысячи душ с землей), известным писателем и заметным в свете человеком. Он похоронен на кладбище Александро-Невской лавры.

Княжнин Яков Борисович

(1740, Псков — 1791, Санкт-Петербург)

Княжнин принадлежал к старинному дворянскому роду, его отец служил псковским вице-губернатором. Писатель получил прекрасное домашнее образование, а в 1750–1755 гг. учился в Петербурге в гимназии при Академии наук и занимался в частном пансионе французским, итальянским и немецким языками, которые усвоил в совершенстве. В 1764 г. он поступил на службу в Коллегию иностранных дел, а вскоре получил должность адъютанта при дежурных при императрице генерал-адъютантах, пользовался покровительством графа К. Г. Разумовского. Ранние произведения Княжнина не сохранились, за исключением сатирической поэмы *«Бой стихотворцев»* (1765), направленной против елагинского кружка, и трагедии *«Дидона»* (1769), имевшей большой успех, более полувека не сходящей

со сцены. Молодой драматург поднес пьесу Сумарокову, получил благосклонный отзыв, стал посещать дом знаменитого поэта и женился на его дочери. Современники восприняли женитьбу Княжнина как символ: Сумароков словно делал его своим наследником в литературе.

Принадлежа к высшему свету, Княжнин участвовал в политических интригах и вместе с тем вел рассеянный образ жизни. В 1773 г. он проиграл около 6000 рублей казенных денег и был отдан под суд. Приговор оказался неожиданно жестоким: писатель присуждался к смертной казни, хотя обычно не менее крупные растраты родовитым дворянам прощались, ибо были нередким явлением. Возможно, на решение суда повлияли близость Княжнина к оппозиционно настроенному Разумовскому и трагедия *«Ольга»* (1772), содержавшая столь явные намеки на императрицу, что напечатана она была лишь в XX в. Заступничество вельмож привело к смягчению приговора: поэт был разжалован в рядовые, в 1777 г. ему вернули офицерский чин, но выслали из столицы, а имение в 250 душ передали в опеку его матери. Привыкший к роскоши молодой человек сильно нуждался и для заработка активно занялся переводами. Еще в юности он переводил итальянские архитектурные и исторические трактаты. В 1771 г. Княжнин издал по-русски чувствительный французский роман *«Несчастные любовники, или Истинные приключения графа Коминжа, наполненные событий жалостных и нежные сердца чрезвычайно трогательных»*, затем перевел трагедии П. Корнеля *«Сид»* и *«Цинна»*, комедии итальянского драматурга К. Гольдони, поэму Вольтера *«Генриада»* и идииллии швейцарского поэта С. Геснера.

В 1778 г. Княжнин стал секретарем князя И. И. Бецкого и занимал эту должность до смерти. Начальник поэта был очень стар, болен и слеп, но возглавлял Академию художеств, строительство дворцов, приюты (им были организованы Воспитательные дома) и многие учебные заведения (Сухопутный шляхетный кадетский корпус, организованный им Смольный институт благородных девиц и пр.). Большая часть этой деятельности была передана Бецким секретарю, и Княжнин справлялся с ней успешно. В 1780-х гг. он также преподавал словесность в кадетском корпусе, где поддерживал восходящую к Сумарокову традицию театрально-литературного кружка. Ученики любили и уважали Княжнина, о чем свидетельствуют мемуары одного из них — С. Н. Глинки. Дом Княжнина, супруга которого также писала стихи, стал одним из центров культурной жизни столицы. Этот салон посещали вельможи, известные писатели (Д. И. Фонвизин, Н. А. Львов, В. В. Капнист и др.). Княжнин был близко связан с деятельностью львовского кружка, занимал влиятельное положение в

петербургских театрах, в 1783 г. стал членом Российской Академии. К этому периоду относятся главные его пьесы: трагедии «Рослав» (1784), «Титово милосердие» (1777), «Владисан» (1786), «Вадим Новгородский» (1789); комедии «Хвастун» (1785), «Чудаки» (1790); комические оперы «Несчастье от кареты», «Скупой» (обе — 1779), «Сбитенщик» (1783) и др. Княжнин писал и лирику. Наибольший успех имела трагедия «Рослав». Она написана патетическим слогом, изобилует напыщенными монологами, которым, однако, публика аплодировала стоя. Особенный восторг вызывали ответы Рослава на допросе у тирана Христиерна: пленник стойко хранит тайну, аргументируя свое героическое молчание рефреном: «Я россе!» (россиянин). Злодею не помогают ни угрозы, ни заманчивые обещания, ни шантаж. После премьеры «Рослава» русская публика впервые вызвала на сцену автора пьесы. Известен анекдот об остроумном споре Фонвизина и Княжнина, переложенный в стихи князем П. А. Вяземским:

У авторов приязнь со всячиной ведется!¹
 «Рослав твой затвердил: “Я россе! Я россе!”
 И все он невелик. Когда же разрастется?» —
 Фонвизин Княжнину дал шуточный запрос.
 «Когда? — тот отвечал, сам на слово удалый. —
 Когда твой Бригадир поступит в генералы»².

В конце 1780-х гг. появился ряд произведений И. А. Крылова с резкими личными выпадами против Княжнина. Драматург помог юному Крылову, приехавшему из провинции, приобрести в столице связи и даже поселил у себя. Причины, по которым молодой писатель вывел на всеобщее осмеяние домашние тайны своего покровителя (легкомысленное поведение его жены и т. д.), не до конца ясны, но сатиры Крылова стали широко известны в свете и сильно осложнили жизнь Княжнина. Именнo Крылов, называя Княжнина рифмокрадом и рифмохвatom, первым обвинил его в плагиате. Хотя писатель действительно много заимствовал из иностранных пьес, но делал это не больше, чем другие литераторы того времени, считавшие заимствование нормой. Впоследствии авторитет Крылова был столь велик, что личная причина его полемики была позабита, и за Княжниним закрепилась репутация «перемчивого» писателя, отображенная Пушкиным в «Евгении Онегине». В 1791 г. драматург был

вызван в Тайную экспедицию, вероятно, из-за пьесы «Вадим Новгородский», которую не решился ставить на сцене, но которая была известна в рукописи. Еще более основательным поводом была ходившая в рукописи статья «Горе моему Отечеству», к сожалению не дошедшая до нас. С. Н. Глипка сообщал о ней: «Главная мысль Княжнина была та, что должно сообразоваться с ходом обстоятельств и что для отвращения слишком крутого перелома нужно это предупредить заблаговременным устройством внутреннего быта России, ибо французская революция дала новое направление веку»¹. Писателя допрашивал «с пристрастием» (то есть с пыткой) жестокий следователь С. И. Шешковский, которому поручались наиболее важные и секретные политические дела. После посещения Тайной экспедиции Княжнин заболел и скончался. А. С. Пушкин сказал об этом: «Княжнин умер под розгами»².

В 1793 г. княгиня Е. Р. Дашкова издала в пользу семьи Княжнина трагедию «Вадим Новгородский». В «Санкт-Петербургском Меркурии», журнале Крылова и его друга А. И. Клушина, последний опубликовал отрицательную рецензию на пьесу, где обратил внимание властей на то, что подобные сочинения «револютируют» (склоняют к мятежу) публику. Императрица распорядилась изъять и публично сжечь тираж трагедии. Пьеса долго была запрещена и без цензурных изъятий издана лишь в 1914 г. Содержание «Вадима Новгородского» таково. В то время, когда посадник Вадим Храбрый возглавлял поход новгородского войска, его соотечественники избрали князем варяга Рурика. Вернувшись, Вадим, фанатичный республиканец, не может смириться с тем, что Новгород стал монархией, и готовит народное восстание, которое терпит поражение. Плененному Вадиму обещана свобода, если он пообещает не устраивать мятежей: Рурик — великодушный монарх и, кроме того, влюблен в дочь Вадима Рамиду, отвечающую князю взаимностью. Однако посадник непоколебим в своих убеждениях. Рурик обращается к народу и предлагает выбрать, кому подчиниться. Новгородцы считают своего князя превосходным правителем и избирают его власть взамен республики. Вадим делает вид, что смирился, и, получив свободу, горько упрекает дочь в предательстве. Рамида, не в силах выбрать между возлюбленным и отцом, закалывается мечом, и вслед за ней, торжествуя, кончает жизнь самоубийством Вадим. Смысл пьесы истолковывали по-разному, но ее судьбу решили дерзкие слова переноса Вадима — Пренеста:

¹ То есть отношения между авторами бывают всяческими: взаимная приязнь может нарушаться.

² Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 138.

¹ Глипка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 97.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М., 1996. Т. 11. С. 16.

Что в том, что Рурик сей героем быть родился?
 Какой герой в венце с пути не сошел?
 Величья своего отравой упоен,
 Кто не был из царей в порфире развращен?
 Самодержавие, повсюду бед содетель,
 Вредит и самую чистейшу добродетель,
 И невозбранные пути открыв страстям,
 Дает свободу быть тиранами царям¹.

«Вадим» распространялся в рукописи, декабристы использовали его для пропаганды своих идей. Прочие пьесы Княжнина, особенно комедии, держались в репертуаре до середины XIX в.

Львовский (львовско-державинский) кружок

С конца 1770-х гг. салон **Николая Александровича Львова** стал одним из важнейших центров культурной жизни Петербурга. У Львова собирались литераторы, художники, музыканты. Наиболее постоянные участники кружка — писатели **И. И. Хемницер**, **В. В. Капнист**, **Г. Р. Державин**, **М. Н. Муравьев**, иногда — **Я. Б. Княжнин** и **Д. И. Фонвизин**, с 1790 г. — **И. И. Дмитриев**; живописцы **Д. Г. Левицкий**, **В. Л. Боровиковский**; композиторы **Д. С. Бортнянский** (1751—1825), самый известный русский музыкант XVIII в., **В. А. Пашкевич** (автор музыки к комическим операм Княжнина «Несчастье от кареты» и «Скупой»), **Е. И. Фомин** (автор музыки к комической опере А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват»), **О. А. Козловский** (автор музыки к гимну «Гром победы, раздавайся» на слова Державина), **Ф. М. Дубянский** (автор музыки к романсу «Стопет сизый голубочек» на стихи И. И. Дмитриева) и др. В 1790-х гг. в салоне Львова бывал и молодой **А. Н. Оленин**, впоследствии также хозяин знаменитого салона. Главных участников кружка связывали не только дружеские и даже родственные отношения (Львов и Капнист были женаты на сестрах Дьяковых, на третьей сестре женился вторым браком Державин), но и общие вкусы и интересы. Писатели из львовского кружка были дилетантами, занимались творчеством на досуге, в часы, свободные от службы, резко разделяли служебную («парадную») и частную («приватную») сферы своей жизни. Вдохновляясь произведениями Горация и его последователей, поэты из львовского кружка считали творче-

ство частью «приватной» жизни, противопоставляли его служебной деятельности как нечто не слишком серьезное, но зато чрезвычайно искреннее. О собственных стихах они отзывались несколько пренебрежительно. «За слова меня пусть гложет, за дела — сатирик чтит»¹, — писал Державин. «Капниста я прочел и сердцем сокрушился: Зачем читать учился?»² — иронизировал Капнист. Львов, Хемницер, Муравьев не считали нужным печатать свои сочинения и при жизни почти не были известны публике. Однако творчество как часть личной жизни ценилось членами кружка очень высоко, они считали, что лишь одаренный талантом, избранный свыше способен творить. Именно они едва ли не впервые в России указали на взаимосвязь между характером поэта, обстоятельствами его жизни и его сочинениями. Именно они под влиянием Горация заговорили о величии поэтического гения.

Эстетическая программа львовского кружка сочетает требования *рококо* и *сентиментализма*: утонченное, изысканное мастерство (впервые в России Капнист, Львов, Державин обсуждали проблемы стиля и словоупотребления в дружеских письмах), игровой характер творчества (не случайно Державин назвал свой слог «забавным», сравнивал поэзию с шипучим сладким лимонадом), предельная искренность («Не умел я притворяться, / На святого походить, / Важным саном надуваться / И философа брать вид»³, — писал Державин) и следование только тем правилам искусства, которые не противоречат личным вкусам и настроениям писателя, в противном случае правилами можно пренебречь, поскольку сочинительство лишь игра.

Творчество предназначено для ближайшего круга людей, а также для всех, кто в частной жизни разделяет их взгляды и чувства. Поэты львовского кружка предпочитали *малые жанры*, в основном *лирические*, а также *басню*, изредка обращались к драматургии; не отрицали правил нормативной поэтики, но смешивали жанры и стили; не выступали против поучения и пропаганды, но не делали их обязательным составляющим элементом текста. Члены львовского кружка увлекались античной лирикой — Горацием, Анакреоном, Сафо, из западноевропейской литературы — песнями Оссиана, Клопштоком, Жаном-Батистом Руссо (французский поэт конца XVII века, автор духовных од, не путать с философом Жан Жаком Руссо!), итальянской лирикой. Многие тексты перечисленных авторов были впер-

¹ Русская литература. Век XVIII. Т. 2: Трагедия. М., 1991. С. 563–564.

¹ Державин Г. Р. Стихотворения. М.; Л., 1957. С. 248.

² Капнист В. В. Избранные произведения. Л., 1973. С. 210.

³ Державин Г. Р. Стихотворения. С. 342.

вые переведены на русский язык Львовым, Капнистом, Муравьевым. Члены львовского кружка интересовались живописью, музыкой и русским народным поэтическим творчеством. Вообще их деятельность способствовала освобождению литературы от правил нормативной эстетики и формированию сентиментального и романтического мирозерцания.

Львов Николай Александрович

(1753, село Никольское Новоторжского уезда Тверской губ. — 1803, Москва)

Львов родился в небогатой дворянской семье, получил домашнее образование, потом учился в школе Измайловского полка в Петербурге, в 1771 г. поступил на службу в Преображенский полк, куда был записан с шести лет. Здесь Львов подружился с И. И. Хемницером и познакомился с Г. Р. Державиным. В 1775 г. Львов перевелся на гражданскую службу в Горный департамент, в 1776–1777 гг. вместе с Хемницером сопровождал своего начальника и родственника М. Ф. Соймонова в путешествии по Европе.

Вернувшись в Россию, Львов поступил на службу в почтовое отделение Коллегии иностранных дел и с дипломатическими поручениями объехал почти всю Европу — он бывал в Германии, Дании, Англии, Голландии, Франции, Испании и Италии. В 1783 г. Львов был представлен А. А. Безбородко, статс-секретарю императрицы Екатерины II и фактическому руководителю Коллегии иностранных дел. Вельможа отнесся к своему подчиненному благосклонно и неоднократно учитывал его суждения. Особенно Безбородко ценил художественный вкус Львова и никогда не приобретал без его рекомендации произведений искусства для своей огромной коллекции. Несмотря на свои способности и усердие и на покровительство вельмож, Львов не сделал значительной служебной карьеры, ибо эта сфера деятельности не была для него главной.

Семейная жизнь Львова сложилась удачно и началась романтически. Поэт полюбил одну из первых красавиц столицы — Марию Алексеевну Дьякову. Девушка отвечала ему взаимностью, но ее родители были против брака, так как надеялись найти более богатого и чиновного зятя. Влюбленным помогла старшая сестра Марии Алексеевны — Александра, недавно вышедшая замуж за В. В. Капниста. По пути в гости М. А. Дьякова в сопровождении Капнистов заехала в церковь, где ее ждал Львов, и тайно с ним обвенчалась.

После обряда Дьякова с Капнистами побывала в гостях и вернулась домой. В течение трех лет молодые супруги жили порознь и почти не встречались, их брак оставался тайным, М. А. Дьякова отказывала женихам, и, когда Львов наконец стал продвигаться по службе, родители Марии Алексеевны дали согласие на брак. Тогда тайна влюбленных была раскрыта. Дом Львовых, гостеприимный и благополучный, стал постоянным местом дружеских собраний представителей света, увлеченных искусством.

Н. А. Львов был разносторонне одаренным человеком. Он упражнялся в рисунке, украшал виньетками и миниатюрами издания стихов своих друзей, прекрасно разбирался в живописи, о чем свидетельствует дневник его поездки в Италию. Вероятно, Львов также неплохо музицировал. Вместе с композитором Иваном (Иоганном) Прачем он составил популярный в XVIII в. песенник, написал несколько комических опер, из которых особенно известна *«Ямщики на подставе»* (музыка Е. И. Фомина). Наибольших успехов Львов достиг как *архитектор*. В разных городах и селах им построено много церквей (под Петербургом — Троицкая церковь, именуемая в народе «Кулич и Пасха», — на нынешнем проспекте Обуховской Обороны, Екатерининская церковь в Мурино) и усадеб (в частности, дом Державина на Фонтанке и, возможно, дворец Безбородко, украшенный 29 фигурами львов). По его проекту в Петербурге возведены здание Главного почтамта и Невские ворота Петропавловской крепости. Одно из лучших созданий Львова — Приоратский замок в Гатчине, напоминающий средневековые готические замки, но почти игрушечный по размерам. Это здание построено из земляных блоков по специально разработанной Львовым технологии. Экспериментатор и талантливый изобретатель, Львов пропагандировал дешевое землестроительное строительство, но из возведенных по его проекту подобных сооружений сохранился лишь Приоратский замок. Современники не заинтересовались предложениями архитектора, и секрет разработанной им землестроительной технологии утрачен. Еще печальнее сложилась судьба другого предприятия, организованного Львовым, — распространения торфоразработок. Одним из первых он обратил внимание на дешевое и легкодоступное топливо, устроил на собственной даче под Петербургом торфяной склад и решил открыть торговлю торфом, но никого не сумел заинтересовать своим проектом; пожар уничтожил склады и имение, Львов потерпел огромные убытки.

Литературное наследие Львова невелико. Наиболее интересны его большие шуточные стихотворения *«Русский Новый 1791 год»*, *«Ботаническое путешествие на Дудорову гору»* и оды, в которых

чувствуется влияние предромантизма, — «Музыка, или Семитония», «Ночь в чухонской избе на пустыре». Однако, несмотря на поэтическое дарование, Н. А. Львов вошел в историю литературы прежде всего не как писатель, а как яркая личность, как знаток искусства, с мнением которого считались и друзья, и посторонние, нередко весьма образованные люди, и как хозяин знаменитого салона. «Сей человек, — вспоминал Державин, — принадлежал к отличным и немногим людям, потому что одарен был решительною чувствительностью к той изящности, которая, с быстротою молнии наполняя сладостно сердце, объясняется часто слезою, похищая слово. С сим редким и для многих непонятным чувством он был исполнен ума и знаний, любил науки и искусства и отличался тонким и возвышенным вкусом, по которому никакой недостаток и никакое превосходство в художественном или словесном произведении укрыться от него не могло»¹.

Хемницер Иван Иванович

(1745, Енотаевская крепость Астраханской губ. — 1784, около Смирны (Турция))

Отец Хемницера, саксонец, поселившийся в России, был военным лекарем и ожидал, что сын продолжит его дело. Переехав в 1755 г. в Петербург, он отдал мальчика учиться латыни при врачебной школе. Однако в 1757 г. юный Хемницер самовольно записался в Нотебургский пехотный полк, последующие 13 лет прослужил в армии и даже принимал участие в Семилетней войне. В 1770 г. он подружился с Н. А. Львовым и начал писать стихи. Тогда же Хемницер поступил на службу в Горную коллегию, которой управлял родственник Львова М. Ф. Соймонов. В 1770-х гг. Хемницер перевел ряд трудов по минералогии и сочинил несколько острых стихотворных сатир, широко разошедшихся в рукописи. В 1776 г. вместе со Львовым поэт сопровождал своего начальника Соймонова в заграничном путешествии. Они посетили Германию, Италию и Францию, и в дневниках писателя сохранились интересные заметки о западной драматургии, актерской игре и живописи. Хемницеру не везло в жизни: он был небогат и, хотя много трудился, медленно продвигался по службе, не добился взаимности в любви, не стал популярным поэтом. В 1779 г. анонимно вышел единственный прижизненный сборник басен и ска-

зок Хемницера с посвящением М. А. Львовой, предмету его тайной и неразделенной любви. Поэт получил лестный ответ на посвящение:

По языку и мыслям я узнала,
Кто басни новые и сказки сочинял.
Их истина располагала,
Природа рассказала,
Хемницер написал¹.

В 1782 г. Хемницер получил место консула в Смирне (в Турции), но, хотя успел проявить там энергию и служебное рвение, не добился никаких выгод, тяжело заболел и умер. Друзья жалели и любили Хемницера. В 1799 г. они издали его басни с автоэпиграфией поэта: «Жил честно, целый век трудился, / И умер наг, как наг родился»² — и его жизнеописанием, где создавалась литературная репутация Хемницера: наивно-добродушного мечтателя, не заботящегося о службе и занятого лишь поэзией. Многие тексты в этом издании исправлены Капнистом. Сборник имел большой успех и повлиял на дальнейшее развитие жанра басни.

Капнист Василий Васильевич

(1757, село Обуховка Полтавской губ. — 1823, село Кибицы Полтавской губ.)

Дед Капниста — грек, принявший русское подданство. Отец, за храбрость в сражениях с турками получивший офицерский чин и богатые поместья на Украине, погиб во время Семилетней войны сразу после рождения сына. Детство поэт провел на Украине, которую очень любил; живя в столице, почти демонстративно говорил на малороссийский лад. Учился в Петербурге в пансионе, затем в школе Измайловского гвардейского полка, где подружился с Н. А. Львовым. В 1773 г. в чине сержанта Капнист перешел в Преображенский гвардейский полк, где познакомился с Г. Р. Державиным, с которым в конце 1770-х гг. также сдружился. Вскоре Капнист сблизился с И. И. Хемницером.

Выйдя в 1775 г. в отставку, поэт жил то в Петербурге, то в поместье, но принимал постоянное участие в деятельности львовского кружка.

¹ Цит. по: Русские поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 192.

¹ Цит. по: Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1963. С. 13.

² Там же. С. 231.

Друзья высоко ценили вкус и знания Капниста и даже отдавали ему на правку свои сочинения. Женой писателя стала А. А. Дьякова, старшая сестра супруги Львова. В 1782 г. Капнист поступил на службу в Главное почтовое управление под начало А. А. Безбородко, но через год, возмущенный указом о закреплении украинских крестьян, вышел в отставку и уехал в поместье Обуховку, где прожил до 1797 г., то есть до воцарения императора Павла.

Литературную известность Капнисту принесла «*Сатира первая*» (1777), резкая характеристика судебных злоупотреблений и светских нравов, напечатанная в 1780 г. в «Санкт-Петербургском вестнике», литературной частью которого руководил Я. Б. Княжнин. Многие писатели были оскорблены язвительными намеками на них и выступили с пародиями на сатирика. Даже в журнале, где была помещена сатира, появилась ответная статья, направленная против Капниста. Впрочем, некоторые ученые доказывают, что ее написал сам поэт, любивший мистификации. Ни объяснения Капниста, ни поддержка его друзей не смогли смягчить раздражения публики, вызванного сатирой, поэтому в 1783 г. автор напечатал ее в журнале «*Собеседник любителей российского слова*» под названием «*Сатира первая и последняя*» с изъятием строк о литературных противниках.

В том же году была написана «*Ода на рабство*» в связи с упомянутым указом, возмущившим либерально настроенных современников. В 1786 г. Капнист решил даже напечатать это произведение, но по настоянию Державина не осуществил опасного намерения. Тогда же была написана «*Ода на истребление в России звания раба*» в связи с указом Екатерины II о том, что все россияне в прошениях на высочайшее имя должны подписываться не «раб», а «верноподданный». Так и подписал оду стихотворец.

В 1780–1790-х гг. созданы также многие элегии и песни Капниста, пользовавшиеся большой популярностью. Тогда же он начал персифковать Анакреона и Горация. В середине 1790-х гг. на материале своего десятилетнего судебного процесса с помещицей Тарновской, захватившей часть поместья брата Капниста, писатель создал комедию «*Ябеда*», которую посвятил Екатерине II, а в 1798 г. переделал и посвятил Павлу I. Пьеса была сыграна 4 раза и запрещена личным указом императора. Сохранилось предание о том, что Павел даже отправил автора в ссылку, но вернул с дороги. «Ябеда» была допущена на сцену лишь при Александре I и держалась в репертуаре до середины XIX в.

Последние годы Капнист провел в Обуховке. Он пользовался уважением на Украине, с 1780-х гг. избирался предводителем дворянст-

ва Киевской и Полтавской губерний, был известен как гуманный помещик.

Поэт неоднократно выступал против несправедливостей местных властей и жестокости по отношению к крепостным. Так, дочь Капниста писала: «Я помню, в какое пегодование, в какой ужас он пришел раз, когда увидел, катаясь зимою по деревне, в сильный холод и мороз почти нагих людей, привязанных к колодам на дворе за то, что они не платят податей. Он немедленно приказал отпустить их. Он так был встревожен этим зрелищем, что, приехав домой, чуть было не заболел и впоследствии своим ходатайством лишил исправника места»¹. Поместье Капниста было одним из культурных и политических центров юга России. Здесь бывал юный Н. В. Гоголь со своим отцом, популярным на Украине драматургом; здесь собирались члены тайных обществ, принявших впоследствии участие в восстании декабристов: в такие кружки входили и сыновья Капниста, и сыновья его близкого друга И. М. Муравьева-Апостола, и сосед по поместью П. А. Пестель.

В начале XIX в. Капнист был в доброжелательных отношениях и с консервативно настроенными писателями из «Беседы любителей российского слова», и с карамзинистами. Он продолжал подражать Анакреону и Горацию, переводил Оссиана, «Слово о полку Игореве», пробовал продолжать начатый поэтом Е. И. Костровым перевод «Илиады» Гомера, но считал, что его следует писать не гекзаметром, а русским былинным тоническим стихом. Эта идея Капниста вызвала в конце 1810-х гг. бурную полемику.

Державин Гаврила Романович

(1743, Казань — 1816, село Званка Новгородской губ.)

Свою жизнь Державин подробно рассказал в мемуарах, написанных от третьего лица. Он потомок татарского мурзы (вельможи) Багрина, перешедшего в XV в. на русскую службу. К XVIII в. род обеднел. По преданию, поэт заговорил, увидев на небе огромную комету, и первым его словом было «Бог». После 1754 г., когда умер отец Державина, его семейство сильно нуждалось, страдая от притеснений со стороны соседних помещиков, но будущему поэту удалось получить начальное домашнее образование, а в 1759 г. даже поступить в открывшуюся в Казани гимназию, которой управлял

¹ Цит. по.: Капнист В. В. Избранные произведения. Л., 1973. С. 19.

литератор М. И. Вережкин. В гимназии Державин проявил себя как талантливый картограф и даже участвовал в археологических раскопках. В 1762 г. по ошибке канцеляристов он был записан в Преображенский полк рядовым и вынужден был, не закончив гимназии, уехать в Петербург. Вережкин представил юношу И. И. Шувалову, но служебные занятия и настояния родственников, видевших в просвещенном вельможе безбожника, не дали Державину возможности воспользоваться этим знакомством для продвижения по службе. Карьеру будущий поэт делал медленно, особенно после конфликта с начальником, который четыре года не допускал Державина к производству в новый чин. С 1767 г. поэт служил в Москве, в частности секретарем одного из отделений Комиссии по составлению нового Уложения. Еще в Петербурге Державин начал изучать основы стихосложения по трактату Тредиаковского и писать любовные и сатирические стихи, вероятно, слабые, порой не вполне пристойные. Эти сочинения не сохранились: в 1770 г. по дороге из Москвы, где началась эпидемия чумы, в Петербург на карантинной станции, чтобы не задерживаться, Державин разрешил сжечь сундук со своими бумагами.

В 1773 г. поэт получил чин подпоручика, в 1774 г. — поручика и изъявил желание участвовать в подавлении восстания крестьян под предводительством Пугачева. Хорошо зная Поволжье, Державин оказался полезен при борьбе с мятежниками, но ссоры с начальством привели к тому, что после окончания военных действий он снова был обойден чинами. По словам поэта, он был «в правде черт», не выносил злоупотреблений властью и, отличаясь откровенностью натуры, не желал угождать вышестоящим, поэтому часто имел большие неприятности по службе. В 1777 г. Державина перевели в чине коллежского советника на статскую службу экзекутором в Сенат, а в 1782 г. произвели в статские советники. В 1776 г. вышел первый сборник его стихов — «Оды, персвэданные и сочиненные при горе Читалагас в 1774 году».

В 1778 г. Державин женился на Екатерине Яковлевне Бастидон, в которой обрел любящую супругу, терпеливую помощницу и умную советницу. В стихах он именовал ее *Пленирой*. Благодаря подруге жены М. А. Дьяковой Державин стал одним из постоянных участников *львовского кружка*. Общение с Н. А. Львовым и В. В. Капнистом открыло поэту неизвестные ему прежде явления европейской культуры и восполнило недостатки образования. Видимо, под влиянием Львова и Капниста Державин заинтересовался творчеством Горация, Апокреона и Оссипана. Сразу же после вступления в кружок появляются первые новаторские оды Державина: «*На смерть князя*

Мещерского», «*На рождение в севере порфиородного отрока*»¹, «*К первому соседу*»², «*Ключ*»³.

Слава пришла к Державину после оды «*Фелица*» (1782), напечатанной княгиней Е. Р. Дашковой в 1783 г. в журнале «*Собеседник любителей российского слова*». Это отклик на аллегорическую сказку Екатерины II «*О царевиче Хлоре*», рассказывающую о том, как киргиз-кайсацкая (казахская) царевна Фелица (Счастье) помогла царевичу Хлору обрести розу без шипов (добродетель). Под именем Фелицы Державин вывел императрицу, а в строфах о мурзе имеются намеки на Г. А. Потемкина, А. Г. Орлова, А. А. Вяземского и других вельмож. Друзья советовали Державину не печатать оды, но она стала известна в рукописи и произвела очень сильное впечатление на парину, которая, по воспоминаниям Дашковой, плакала от умиления, заказала для себя несколько экземпляров оды и рассылала вельможам, подчеркивая строки, относящиеся к ним. Державин оказался под личным покровительством Екатерины II, которая щедро наградила поэта: он получил 500 червонцев в золотой табакерке, осыпанной бриллиантами. В 1783 г. Державин был избран членом Российской Академии.

Успех «*Фелицы*» привел поэта к конфликту с его начальником князем А. А. Вяземским. В 1784 г. Державин вышел в отставку и был назначен губернатором Олонекской губернии. Во время путешествия по губернии Державин посетил водопад Кивач, позднее описанный в известной оде. Попытки нового губернатора провести административные преобразования вызвали недовольство наместника Т. И. Туттолмина. В 1785 г. Державина перевели губернатором в Тамбовскую губернию, где он провел ряд реформ, направленных на ликвидацию судебных злоупотреблений, построил приюты для стариков и сирот, театр, типографию, выпускавшую первую в России провинциальную газету, организовал несколько учебных заведений. Однако уже в 1787 г. наместник И. В. Гудович, считавший, что губернатор слишком независимо себя ведет, подал на Державина жалобу в Сенат, и князь Вяземский охотно дал делу ход. Благодаря заступничеству влиятельных вельмож Державину удалось оправдаться. Расследование длилось до 1789 г., когда императрица дала поэту аудиенцию и лично разобралась в ситуации. В 1791 г. Державин стал *личным секретарем* Екатерины II. Воспользовавшись свободным доступом к царю, он стал активно бороться с взяточничеством высших чиновников и с несправедливыми приговорами суда (так, ему удалось оправдать иркутского намест-

¹ Порфиородный (царственный) отрок — великий князь Александр Павлович.

² Адресовано богатому купцу М. С. Голикову, попавшему за плутовство под суд.

³ Ода описывает источник в поместье М. М. Хераскова Гребеневе.

ника И. В. Якоби, которого обвиняли в государственной измене). Вскоре наступило взаимное разочарование: Екатерина II была недовольна рвением Державина и резкостью в разговорах с ней, поэт перестал видеть в монархии идеальную Фелицу и, несмотря на усиленные требования, не мог больше восхвалять ее в одах. В 1793 г. Державина назначили сенатором, в 1794 г. — также президентом Коммерц-коллегии, но императрица лично запретила ему вмешиваться в служебные дела, так как опасалась его борьбы со злоупотреблениями вельмож. В 1795 г. поэт чуть не попал под суд, когда пожелал опубликовать собрание сочинений: многие тексты вызвали недовольство царицы. Ода «*Властителем и судиям*» была даже объявлена якобинской, но Державин доказал, что это переложение 81-го псалма. При Павле Петровиче поэт по-прежнему занимал высокие государственные должности, в 1800 г. за энергичные меры по ликвидации голода в Белоруссии получил чин действительного тайного советника и мальтийский крест. Однако в 1801 г. Державин лишился всех должностей, кроме сенаторства, за то, что настаивал на формальном расследовании обстоятельств смерти императора Павла. Служебная энергия писателя и поздравительная ода новому царю его реабилитировали, но уже в 1803 г. стихотворец, в то время министр юстиции и член Государственного совета, получил отставку. В качестве мотивировки император заявил ему: «Ты слишком ревностно служишь». Конфликты Державина с властью укрепили за ним авторитет справедливого и гуманного человека, его часто приглашали для третейского суда. Поэт уладил около ста запутанных судебных процессов.

В 1794 г. умерла Е. Я. Державина, на смерть жены Державин написал несколько стихотворений, из которых самое известное — «*Ласточка*». Несмотря на глубокое горе, уже в 1795 г. поэт женился второй раз. Его супругой стала Д. А. Дьякова, младшая сестра жен Львова и Капниста. Детей у Державина не было, но он вырастил трех племянниц (сирот Львова), был опекуном многих дворянских детей; в доме поэта часто гостили дети Капниста.

Самый плодотворный период творчества Державина — двадцатилетие, следовавшее за «Фелицей». В это время созданы «*Благодарность Фелице*», «*Видение мурзы*», «*Бог*» (все — в 1784 г.), «*Осень во время осады Очакова*», «*На счастье*», «*Изображение Фелицы*», «*Водопад*», «*Вельможа*», «*Приглашение к обеду*», «*Памятник*» и др. С 1790-х гг. в творчестве Державина все заметнее выделяются анакреонтическое и горацянское направления. К концу XVIII в. поэт уже считался образцовым, его гостеприимный дом был одним из центров литературной жизни Петербурга, помимо литераторов у Державина сложились дружеские отношения со многими вельможа-

ми: секретарем Екатерины II А. В. Храповицким, князем Г. А. Потемкиным, А. В. Суворовым. Песнь «*Гром победы, раздавайся!*» на музыку О. А. Козловского долго выполняла функцию российского гимна.

В последние годы Державин написал много: стихотворения, пьесы, мемуары, трактат «Рассуждение о лирической поэзии», но тексты, равные прежним по художественной силе, появлялись все реже («*Евгению*», «*Жизнь Званская*», «*Привратнику*» и пр.). Зимой Державин жил в Петербурге, в доме на Фонтанке, где сейчас расположен музей поэта, летом — в купленном в 1797 г. поместье Званка, которое не сохранилось до наших дней. Литературная позиция писателя была консервативной, в его доме устраивались собрания общества «Беседы любителей русского слова», враждовавшего с карамзинистами. Однако Державин высоко ценил Карамзина и Дмитриева, своим преемником в поэзии объявил Жуковского, в 1815 г. на переводном экзамене в Царскосельском Лицее дал восторженный отзыв о «Воспоминаниях в Царском Селе» А. С. Пушкина. Державин не терял таланта до последнего дня жизни, о чем свидетельствует начало знаменитой «грифельной»¹ оды «*Река времен в своем стремлении...*». Похоронен поэт в Новгороде. В Петербурге статуя Державина установлена на постаменте памятника Екатерине II. Бюст поэта поставлен во дворе его дома на Фонтанке.

Радищев Александр Николаевич

(1749, Москва — 1802, Санкт-Петербург)

Радищев провел детство в родовом поместье в Саратовской губернии. Отец писателя, владелец более двух тысяч душ, был образованным и гуманным помещиком, во время Пугачевского мятежа крепостные Радищевых спасли своих господ, спрятав их от восставших (Александра Николаевича в это время в поместье не было, он состоял на государственной службе). В 1758 г. будущего писателя привезли в Москву к дяде — вельможе М. Ф. Аргамакову. Здесь Радищев получил прекрасное домашнее образование. В 1762 г. он переехал в Петербург и поступил в Пажеский корпус, окончив который некоторое время состоял пажом при дворе. В корпусе Радищев на всю жизнь подружился с А. М. Кутузовым, которому позднее посвятил «Житие

¹ Это предсмертное восьмистишие Г. Р. Державина получило такое наименование потому, что было написано на грифельной доске.

Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествие из Петербурга в Москву». В 1766 г. императрица отправила Радищева, Кутузова и еще десять юношей в Германию обучаться юриспруденции. Молодые люди занимались в Лейпцигском университете, слушали лекции лучших профессоров по гуманитарным и естественным наукам. Словесности русских студентов обучал популярный поэт Геллерт. Однако жизнь Радищева в Саксонии была неустроенной и суровой в бытовом отношении. Начальник русских студентов Бокум присваивал себе большие денежные суммы, отпущенные на содержание молодых людей, вел себя грубо и оскорбительно. Юноши, увлеченные просветительскими идеями, мирились с голодом и холодом, но отказывались сносить унижения. После того как Бокум дал пощечину одному из студентов, произошел скандал. Молодые люди под предводительством Федора Васильевича Ушакова, приехавшего в Лейпциг на собственный счет и очень сдружившегося с Радищевым, потребовали от Бокума удовлетворения, а оскорбленный студент сгоряча ударил обидчика дважды. Бокум донес властям, зачинщиков — Ушакова и Радищева — посадили под арест, лишь вмешательство русского посланника Белосельского уладило конфликт и привело к смещению Бокума. Вскоре, в 1770 г., в Лейпциге Ушаков умер, его личность и безвременная смерть произвели сильное впечатление на Радищева. Студенческие годы в Лейпциге он позднее описал в повести «Житие Федора Васильевича Ушакова» (1788).

В 1771 г. Радищев и Кутузов вернулись в Петербург. Радищева не удовлетворила служба ни протоколистом Сената, ни военным прокурором в штабе генерала Брюса. В 1775 г. он вышел в отставку и женился. В 1783 г. жена умерла, оставив четверых детей, воспитать которых Радищеву помогла свояченица (сестра жены) Елизавета Рубановская, сопровождавшая его позднее в ссылку и ставшая его гражданской женой.

Радищев не мог долго оставаться праздным и в 1778 г. поступил на службу — на этот раз в Коммерцколлегию, президент которой А. Р. Воронцов, брат княгини Дашковой, человек умный и просвещенный, оценил способности Радищева и неизменно ему покровительствовал, даже когда писатель попал в опалу. В 1780 г. Радищев стал заместителем начальника, а в 1790 г. — начальником Петербургской таможни. На этом посту он раскрыл огромные злоупотребления таможенных чиновников и начал осуществлять полезные экономические проекты.

В 1789 г. писатель открыл собственную *типографию*. Первым вышедшим в ней изданием было сочинение Радищева «Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске», написанное еще в 1782 г.

В связи с открытием памятника Петру Великому. В 1790 г. тиражом 650 экземпляров было отпечатано «*Путешествие из Петербурга в Москву*». Книга прошла полицейскую цензуру, но после этого автор внес изменения и опубликовал свое сочинение анонимно. Радищев отослал несколько экземпляров книги знакомым, а 25 штук пустил в продажу в книжной лавке Зотова, торговца в Гостином дворе. Слухи о «Путешествии» сразу распространились по столице, достигли императрицы, которая, прочитав книгу, пришла в негодование, назвала сочинителя бунтовщиком хуже Пугачева и снабдила многие страницы произведения возмущенными комментариями. Сначала был арестован книгопродавец, а затем помещен в Петропавловскую крепость и Радищев. Он, предупрежденный А. Р. Воронцовым, уничтожил оставшийся у него тираж книги, на допросах признавал свою вину, ибо допрашивался суровым следователем С. И. Шешковским. Впрочем, пытки не были применены, так как свояченица писателя, собрав все свои драгоценности, подкупила палача. Радищев, вероятно, ожидал, что признание вины смягчит наказание и, конечно, не предполагал, насколько суровым окажется приговор. Писатель был осужден на смертную казнь, которая по случаю мира со Швецией была заменена лишением дворянства, чинов, имущества и десятилетней ссылкой в Сибирь, в Илимский острог. В годы ссылки Радищеву помогал А. Р. Воронцов, устраняя бытовые неудобства и создавая условия, удобные для творчества. В Сибири Радищев обучал и лечил местное население, написал философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» (1792–1795), в котором приводятся доказательства и в пользу смертности души, и в пользу ее бессмертия. В 1796 г. император Павел вернул Радищеву имение в Калужской губернии и разрешил там поселиться, а в 1801 г. Александр I по рекомендации А. Р. Воронцова вызвал писателя в столицу и привлек к деятельности Комиссии по составлению законов. Однако проскты Радищевым многим показались слишком смелыми, граф Завадовский даже напомнил мимоходом увлеченному реформатору о сибирской ссылке. Годы опалы расшатали нервы писателя, им почти овладела мания преследования. В приступе отчаяния Радищев покончил жизнь самоубийством, выпив азотной кислоты. Писатель похоронен на Волковом кладбище.

Литературное наследие Радищева неравноценно в художественном отношении. Наиболее значительны «Путешествие из Петербурга в Москву» и повести «Житие Федора Васильевича Ушакова» и «Дневник одной недели». Хотя Радищев подражал западным сентименталистам — Ж. Ж. Руссо, Л. Стерпу, его стиль гораздо архаичнее карамзинского. Один из любимых писателей Радищева — В. К. Тредиаков-

ский, в защиту «Тилемахиды» автор «Путешествия» написал целый трактат. Оригинальна поэзия Радищева — ода «Вольность», частично включенная в главу «Путешествия» «Тверь», и особенно поздние стихи, наиболее известна из которых ода «Осьмнадцатое столетие», подводящая итог прошедшему веку.

Дмитриев Иван Иванович

(1760, село Богородское Симбирской губ. — 1837, Москва)

Дмитриев — дальний родственник и близкий друг Карамзина, принадлежал к старому дворянскому роду. Мать поэта — сестра фаворита Елизаветы Петровны Бекетова, участника театрального кружка в кадетском корпусе, — была лично знакома с Сумароковым. Дмитриева с детства приохотили к поэзии, он получил хорошее домашнее, а затем пансионское образование и в 1774 г. поступил на службу в Семеновский полк. Прослужив офицером 22 года, Дмитриев, однако, к военному делу склонности не имел, часто отлучался в отпуск на родину, а после сближения в 1783 г. с Карамзиным — в Москву. В 1777 г., откликнувшись на конкурс, объявленный Н. И. Новиковым, Дмитриев впервые напечатал стихотворение — надпись к портрету кн. А. Д. Кантемира. Однако литературная известность пришла к поэту позже — в 1790-х гг., когда он одновременно сотрудничал во всех московских изданиях Карамзина и, познакомившись с Державиным, посещал собрания львовского кружка. Вершиной своей литературной деятельности поэт справедливо считал 1794 год. В 1795 г. в ответ на сборник Карамзина «Мои безделки» Дмитриев выпустил сборник «*И мои безделки*», в 1796 г. составил «*Карманный песенник*», куда включил много собственных песен, в 1798 г. издал книгу «*Басни и сказки*».

В 1796 г. Дмитриев вышел в отставку, однако по ложному доносу о его намерении убить императора Павла был заключен в тюрьму. Когда невиновность поэта была доказана, царь осыпал невинно пострадавшего милостями и назначил обер-прокурором Сената. В 1799 г. Дмитриев все же вновь вышел в отставку и поселился в Москве, где предался умеренной, в духе идей Горация, уединенной жизни и творчеству. Новый император Александр I благоволил поэту. В 1806 г. Дмитриев вновь поступил на службу сначала в московский сенатский департамент, а в 1810 г. по приглашению царя переехал в столицу и был назначен министром юстиции. Ему не удалось в полной мере осуществить задуманные проекты преобразования судопроизводства:

война 1812 г. отвлекала внимание императора, а у поэта было много недоброжелателей и завистников. В 1814 г. Дмитриев вышел в отставку и окончательно переселился в Москву, где возглавил Комиссию помощи москвичам, пострадавшим во время наполеоновского нашествия. В 1819 г. за свои труды на пользу Отечества Дмитриев удостоился чина действительного тайного советника. Последние годы он жил одиноко, несмотря на известность у публики, уважение писателей и на свой интерес к литературным событиям. Похоронен поэт в московском Донском монастыре.

Дмитриев за долгую жизнь написал немного. Он, как многие его современники, противопоставлял творчество и службу, поэтому почти прекращал литературную деятельность в те периоды, когда полностью отдавался служебным занятиям. Мало писал он и в последние годы, ибо чувствовал несоответствие своих эстетических принципов со вкусами самых видных писателей 1810–1830-х гг. Профессиональным поэтом Дмитриев себя не считал, он был дилетантом, но это не мешало ему стремиться к художественному мастерству и требовать уважения к своим сочинениям.

Творчеству Дмитриева присущи черты *сентиментализма* и *рококо*, в его поэзии много общего с сочинениями карамзинистов и членов львовского кружка. Дмитриев был посредником между наиболее новаторскими группами писателей Петербурга и Москвы. Большинство его произведений принадлежит к так называемой легкой поэзии: *мадригалы* и *эпиграммы*, *песни* («*Видел славный я дво-реца...*», «*Други, время скоротечно*», «*Всех цветочков боле...*» и невероятно популярная — «*Стоит сизый голубочек*» на музыку Ф. М. Дубянского), *апологи* и *басни*, большей частью переводные из Лафонтена и Флориана («*Муха*», «*Два голубя*», «*Петух*, *Кот и Мышонок*», «*Рысь и Крот*», «*Воспитание Льва*» и др.), *сказки* («*Модная жена*», «*Картина*», обе — 1792; «*Причудница*», 1794; «*Искатели фортуны*», 1797). Успех *сатиры* «*Чужой толк*» (1794) содействовал борьбе карамзинистов с высокими жанрами и особенно — с одой. Однако сам Дмитриев написал несколько од: «*Глас патриота по случаю взятия Варшавы*» (1794), осужденный Карамзиным за характер темы; «*Освобожденная Москва*» (1797) о князе Пожарском; особенно известны были стихотворения «*К Волге*» и «*Ермак*» (оба — 1794). Влияние Дмитриева на современную ему поэзию было огромно и не миновало кн. П. А. Вяземского, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, даже А. С. Пушкина. В 1820-х гг. Дмитриев работал над мемуарами «*Взгляд на мою жизнь*» (1825). Эта увлекательная книга дает ценные сведения о многих писателях рубежа XVIII и XIX вв.

Карамзин Николай Михайлович

(1766, село Михайловка Симбирской губ. —
1826, Санкт-Петербург)

Карамзин принадлежал к старинному, но небогатому дворянскому роду, детство провел в поместье отца, в младенчестве был записан в Преображенский полк. Получив хорошее образование в Симбирске и в Москве (пансион Шадена), в 1782 г. будущий писатель явился в столицу к месту службы, однако уже в 1784 г. вышел в отставку, уехал на родину, а в 1785 г. поселился в Москве, посвятив себя светской жизни и литературным занятиям. В 1783 г. Карамзин познакомился со своим дальним родственником И. И. Дмитриевым, их трогательная дружба продолжалась до смерти Карамзина. В Москве писатель поселился вместе с А. А. Петровым, которого считал своим ближайшим другом. В середине 1780-х гг. Карамзин познакомился с семьей Плещеевых, сдружился с главой семейства — Александром Александровичем — композитором-любителем, драматургом, поэтом, который приходился дальним родственником Карамзину, и установил с его женой Анастасией Ивановной платонические, чувствительные отношения. Вместе с А. А. Петровым Карамзин был деятельным участником *масонского кружка*, руководимого Н. И. Новиковым, редактировал *первый в России детский журнал «Детское чтение для сердца и разума»* (1787–1789), вступил в масонскую ложу и общался со многими видными масонами — И. П. Тургеневым, А. М. Кутузовым.

В 1780-х гг. появились первые литературные опыты Карамзина. В программном стихотворении *«Поэзия»* (1787) он прославлял английских и немецких поэтов (Оссиана, Шекспира, Клопштока и др.), казавшихся ему более достойными подражания, чем признанные французские классики. Карамзин много пересводил из немецкой и английской литературы. Первое напечатанное им сочинение — перевод идиллии швейцарского поэта С. Геснера *«Деревянная нога»* (1783), затем появились переводы трагедий Г. Э. Лессинга *«Эмилия Галотти»* и У. Шекспира *«Юлий Цезарь»*. В *«Детском чтении для сердца и разума»* вышла первая повесть Карамзина *«Евгений и Юлия»* (1789). Ранние сочинения Карамзина были еще ученическими и не получили широкой известности.

К концу 1780-х гг. молодой писатель разочаровался в масонском учении. Возможно, это побудило его совершить путешествие. В 1789 г. Карамзин отправился в Германию, где общался со многими видными деятелями культуры, в том числе с великим философом И. Кантом в

Кенигсберге, с писателями И. Г. Гердером и К. Ф. Виландом в Веймаре, где видел также И. В. Гёте. Затем Карамзин поехал в Швейцарию, описанную в *«Сентиментальном путешествии»* Л. Стерна, — в Женеву, на родину Ж. Ж. Руссо. В Париже писатель оказался свидетелем Великой французской революции, посещал Национальное собрание, театры и политические диспуты. В 1790 г. через Англию Карамзин вернулся в Россию и поселился в Москве. Впечатления от поездки в Европу выражены в *«Письмах русского путешественника»* (1791–1797, полное отдельное издание, 1801). Это первое значительное произведение Карамзина не является, однако, документальным, свободно komponует, дополняет и переосмысляет увиденное автором.

1791–1803 гг. — период расцвета литературного дарования Карамзина. Слава пришла к нему как к *издателю «Московского журнала»* (1791–1792), где печатались молодые писатели-сентименталисты (прежде всего сам Карамзин и Дмитриев) и живые классики — М. М. Херасков и Г. Р. Державин. Популярность журнала была огромна, и пропагандируемая им сентиментальная литература начала влиять на вкусы публики. Особенным успехом пользовались опубликованные в журнале *«Письма русского путешественника»* и *повести* Карамзина *«Фрол Силин, благодетельный человек»* (1791), *«Бедная Лиза»*, *«Наталья, боярская дочь»* (обе — 1792). В России после *«Бедной Лизы»*, как в Европе после *«Страданий юного Вертера»* Гёте, участились случаи самоубийств из-за несчастной любви. Барышни избрали местом паломничества пруд у Симонова монастыря, Карамзину даже пришлось заявить, что он имел в виду иную обитель. Ходила эпиграмма:

Здесь бросилась в пруд Эрастова невеста.
Топитесь, девушки: в пруду довольно места!¹

В 1792 году *«Московский журнал»* закрылся, возможно, из-за публикации оды Карамзина *«К милости»*, взывавшей к состраданию по отношению к арестованным масонам. Карамзин отошел от масонства, преследования его не коснулись, но середина 1790-х гг. — трудный период жизни писателя. В 1793 г. умер его близкий друг А. А. Петров (об этом статья *«Цветок на гроб моего Азатона»*, 1793), сам Карамзин переживал идейный кризис, разочарование в настроениях, вдохновленных французской революцией. В статьях *«Мелодор к Филалету»* и *«Филалет к Мелодору»* (1794), повестях *«Остров Борнгольм»* (1794), *«Сиерра Морена»* (1795) отразились глубокое уныние

¹ Русская эпиграмма (XVIII — начало XX в.). Л., 1988. С. 132.

и растерянность писателя перед суровыми жизненными проблемами. В эти годы Карамзин подолгу жил в поместье Плещеевых и, пользуясь дружбой этого семейства, сам проявлял к ним великодушие и внимание. В 1795 г., когда Плещеевы почти разорились, Карамзин продал братьям за 16 тысяч свою долю наследства и под видом ссуды подарил эти деньги Плещеевым. В 1801 г. писатель женился на сестре А. И. Плещеевой — Елизавете Ивановне, но этот брак был недолгим: через год жена Карамзина скончалась.

Лишившись доходов с поместья, с 1796 г. Карамзин окончательно стал профессиональным писателем. В это время оживилась его издательская деятельность: помимо своих оригинальных произведений, переводов и восьмитомного собрания сочинений Карамзин выпустил сборник *«Мои безделки»* (1794), альманахи *«Азлая»* (1794–1795), *«Аонида»* (1796–1799), *«Пантеон иностранных авторов»* (1798) и, наконец, создал в 1802 г. журнал *«Вестник Европы»*, которым руководил два года. Это был первый русский журнал, которому не угрожала коммерческая гибель, хотя он сохранил независимую и благородную общественную позицию, не приспосабливаясь ни к требованиям властей, ни к вкусам толпы. К позднему периоду творчества принадлежат наиболее замечательные повести Карамзина — *«Моя исповедь»* (1802), *«Чувствительный и холодный»*, *«Рыцарь нашего времени»*, *«Марфа-посадница, или Покорение Новгорода»* (все — 1803).

В 1803 г. Карамзин подал через М. Н. Муравьева прошение о поступлении на должность придворного историографа. Александр I, благоволивший Карамзину, удовлетворил просьбу. С этого времени Карамзин оставил художественное творчество и обратился к историческим исследованиям. Однако введенные им творческие и языковые принципы уже широко распространились. У Карамзина появилось немало единомышленников и последователей, которые защищали его «новый слог» от критики консервативных литераторов. Карамзин не участвовал в полемике между архаистами и новаторами, развернувшейся после выхода *«Рассуждения о старом и новом слоге в России»* (1803) адмирала А. С. Шишкова. Спор успешно вели ученики Карамзина. Любопытно, что в 1810-х гг. Карамзин и его сподвижник и друг Дмитриев были избраны почетными членами обеих враждующих литературных организаций — «Арзамаса» и «Беседы любителей русского слова».

В 1804 г. Карамзин женился на Екатерине Андреевне Колывановой, побочной дочери князя А. И. Вяземского. Супруги жили в согласии, однако им было суждено и горе: смерть двоих детей. В семье Карамзиных воспитывался брат Е. А. Карамзиной — князь Петр Андреевич

Вяземский, впоследствии известный поэт и критик. В 1819 г. Карамзин переселился в Петербург, чтобы надзирать за изданием *«Истории государства Российского»*, и оставался в столице до конца жизни. Лето он проводил в Царском Селе, зимой жил в доме своих давних друзей Муравьевых.

Работая в архивах, Карамзин обнаружил много прежде неизвестных средневековых текстов, в том числе Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи, *«Моление Даниила Заточника»*. Размышления о прошлом заставили писателя изменить отношение к современности. Его позиция становилась все консервативнее. Сохраняя веру в торжество высшей справедливости, в постепенное совершенствование человеческого духа, Карамзин стал чуждаться наивного оптимизма, не идеализировал прошлое, но сурово оценивал политику современного ему правительства. Этот взгляд выражен в *«Записке о древней и новой России»* (1811), поднесенной Александру I, вызвавшей гнев императора и лишь в 1900 г. впервые опубликованной в России целиком. *«Записка о древней и новой России»* несколько осложнила процесс издания *«Истории государства Российского»*, которую Карамзин пытался напечатать в обход цензуры. Однако Александр I недолго гневался, и благодаря царскому покровительству в 1818 г. вышли в свет первые 8 томов *«Истории государства Российского»*. Тогда же Карамзин был избран членом Российской Академии. Его труд имел исключительный успех, читался и как научное сочинение, и как увлекательный роман. Впервые в России даже дамы проявили интерес к ученой книге. Историческая концепция Карамзина вызывала споры, в частности члены тайных политических обществ осуждали монархический пафос *«Истории государства Российского»*. Эта точка зрения выражена и в эпиграмме А. С. Пушкина: «В его *«Истории»* изящность, простота / Доказывают нам без всякого пристрастья, / Необходимость самовластья / И прелести кнута»¹. После выхода 9-го (1821), 10-го и 11-го (1824) томов, самых знаменитых, посвященных соответственно второй половине царствования Иоанна Грозного, правлению Федора Иоанновича и Бориса Годунова, отношение к исторической концепции Карамзина изменилось. Откровенное изображение тирании вызвало недовольство властей, и автор с трудом добился издания последних томов. Напротив, будущие декабристы заговорили об историке вос- торженно.

Карамзин пользовался уважением современников, даже идейных противников, за то, что всегда сохранял независимость убеждений, не терял чувства собственного достоинства, отличался душевным

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М., 1994. Т. 2.

благородством, терпимостью к чужому мнению, если чувствовал в выразителе этого мнения человека порядочного, и презрением к подлости и карьеризму. Карамзин не разделял политических взглядов А. С. Пушкина, но ходатайствовал в 1820 г., после ареста молодого поэта, о смягчении наказания и замене ссылки в Сибирь на перевод по службе в южные губернии. Просил Карамзин и о помиловании участников декабрьского восстания 1825 г. 14 декабря писатель пришел на Сенатскую площадь, надеясь содействовать примирению мятежников с правительством.

В день восстания Карамзин простудился и после полугодовой болезни скончался. По преданию, узнав о смерти историографа, Николай I сказал: «Тихий ангел отлетел». Карамзин похоронен на кладбище Александро-Невской лавры. «История государства Российского» осталась незаконченной, начало 12-го тома было опубликовано после смерти автора. Вдова писателя и дочь от первого брака Софья Николаевна пользовались уважением и любовью в обществе, они долгие годы были хозяйками салона, посещаемого многими видными литераторами, в том числе А. С. Пушкиным.

Влияние Карамзина на русскую культуру огромно. Он считается создателем современного литературного русского языка, ввел в широкое употребление много новых слов («промышленность» и др.), стал активно использовать знак «—» и букву «ё». Карамзин изменил пренебрежительное отношение к прозаическим повествовательным жанрам, приохотил к чтению довольно широкий круг дворянского общества, в том числе женщин, которые прежде если и читали, то преимущественно по-французски. Карамзин создал современный тип литературно-политического журнала и альманаха, вызвал у публики интерес к отечественной истории. Наконец, Карамзин сделал личность писателя не только предметом внимания читателей, но и эталоном общественной морали.

Озеров Владислав Александрович

(1769, село Борки Тверской губ. — 1816, там же)

Озеров принадлежал к обедневшему старинному дворянскому роду. Имя писателя свидетельствует о польском происхождении, но семья Озеровых давно уже приняла православие, младенец был при крещении наречен Василием, однако впоследствии свои сочинения так не подписывал. В 1776–1787 гг. Озеров учился в Сухопутном кадетском шляхетном корпусе. Его соучеником был С. Н. Глинка,

описавший позднее в интересных мемуарах быт кадетов. Словесность в корпусе преподавал Я. Б. Княжнин, оказавший сильное влияние на литературные вкусы Озерова. Окончив корпус с золотой медалью и удостоившись чести произнести речь на выпускном акте, Озеров поступил на военную службу, участвовал в войне с Турцией, недолго состоял на статской службе, а в 1792 г. вернулся в кадетский корпус, стал адъютантом начальника корпуса Ф. Ф. Ангальта и наставником. В 1794 г. кадетский корпус возглавил М. И. Кутузов, он ввел иные порядки, и Озеров, сторонник покойного Ангальта, оставил должность.

Перейдя на статскую службу, он сменил несколько мест, в частности, в 1799–1801 и 1803–1808 гг. состоял при Лесном департаменте. Служебная карьера Озерова сложилась неудачно: он обычно не ладил с начальством, еще в юности служа вместе с М. М. Сперанским в канцелярии Сената, Озеров приобрел в будущем сподвижнике Александра I недоброжелателя; возвышение Сперанского мешало карьере Озерова, как и конфликт с министром финансов Ф. А. Голубцовым. Когда в 1808 г. писатель окончательно вышел в отставку, император отказал ему в пенсии, так как срок службы Озерова не достиг 35 лет. Александр I со вниманием относился к творчеству драматурга, возможно, отказ в пенсии подготовили недоброжелатели. О личной жизни Озерова известно лишь то, что и она не была счастливой. По воспоминаниям, в 1790-х гг. он был страстно и безнадежно влюблен в добродетельную замужнюю даму, которая скончалась молодой. Эта неразделенная любовь якобы омрачила всю дальнейшую жизнь писателя. Впрочем, есть основание предполагать, что это либо более поздняя легенда, стилизованная в духе сентиментальной литературы, либо мистификация самого Озерова.

Неудачливый в жизни, Озеров познал цену блистательного успеха у публики. Его литературное наследие очень невелико. До нас дошло 5 трагедий и несколько стихотворений. Ранние произведения, написанные еще в корпусе, поэт уничтожил. Первая пьеса *«Ярополк и Олег»* (1798) написана под влиянием Княжнина. Следующие две трагедии — *«Эдип в Афинах»* (1804) и *«Фингал»* (1805), обновившие традиционную театральную форму, имели небывалый сценический успех и прославили имя автора. Озеров был одним из главных посетителей салона А. Н. Оленина и воплотил в своей драматургии вкусы этого круга литераторов. Лишь немногие видные писатели (Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин и, конечно, консервативно настроенный А. С. Шишков) отрицательно оценили драматические опыты Озерова. В его трагедиях играли лучшие актеры — Е. С. Семенова, А. С. Яковлев, Я. Е. Шушперин, постановкой занимался князь

А. А. Шаховской. Александр I после премьер жаловал автору и актерам дорогие перстни с царским вензелем. Молодежь заучивала монологи персонажей наизусть и фразами из пьес объяснялась в любви. Наибольший успех выпал на долю трагедии «*Димитрий Донской*» (1807). Настроение произведения гармонировало с патриотическим энтузиазмом публики, вызванным заграничной войной с Наполеоном. Спектакль постоянно прерывался бурными овациями. «Я чувствовал стеснение в груди, меня душили спазмы, била лихорадка, бросало то в озноб, то в жар, то я плакал навзрыд, то аплодировал из всей мочи, то барабанил ногами по полу — словом, безумствовал, как безумствовала, впрочем, и вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить яблока», — писал в дневнике известный театрал С. П. Жихарев¹. Несмотря на экстаз зрителей, благоволение императора, который награждал драматурга и позволил посвятить себе пьесу, «Димитрий Донской» вызвал немало пародий, в том числе забавный фарс П. Н. Семенова «Митюха Валдайский» и несохранившееся сочинение А. С. Грибоедова «Дмитрий Дрянской».

Последняя трагедия Озерова «*Поликсена*» (1809) имела меньший успех и была дана на сцене всего два раза. Сборы были невысоки, и драматургу не выплатили гонорар за пьесу. Поклонники Озерова видели в обстоятельствах постановки «Поликсены» интригу, обвиняли Шаховского, однако причины снижения интереса к творчеству Озерова были, вероятно, объективными. Переменчивость славы потрясла драматурга и довершила удар, нанесенный его неуравновешенной психикой служебными и личными неудачами.

Выйдя в отставку, Озеров жил в поместье, и у него усиливался психический недуг. Современники свидетельствовали, что драматург задумал еще несколько трагедий, в том числе об А. П. Волынском, однако в припадке безумия уничтожил все написанное. Конец жизни писатель провел под надзором отца в родовом поместье, находясь в невменяемом состоянии. Печальная судьба Озерова стала литературным фактом: представители карамзинского круга создали миф о нем как о жертве интриг; как о не признанном толпой истинном гении. Смерть драматурга послужила сигналом для обострения борьбы между карамзинистами и архайстами. Предисловие князя П. А. Вяземского к посмертному изданию сочинений Озерова воспринималось как программный арзамасский документ. Хотя публика охладела к трагедиям Озерова, они еще долго держались на сцене, особен-

но в провинции, и для представителей старшего поколения оставались мерилом вкуса.

Крылов Иван Андреевич

(1769, Москва — 1844, Санкт-Петербург)

Крылов — сын армейского офицера, выслужившего дворянство. Детство провел в Оренбургской губернии, где отец служил во время Пугачевского бунта, и в Твери, куда отец перевелся на статскую службу. С 8 лет записан подканцеляристом калязинского нижнего земского суда, очевидно, фиктивно; после смерти отца (1778) Крылову пришлось содержать семью, переведясь в том же чине в губернский магистрат. Учился самостоятельно, на некоторое время был допущен изучать французский и итальянский языки вместе с детьми тверского помещика Н. П. Львова. Переехав с семьей в Петербург (1782), познакомился с Я. Б. Княжнинным, И. А. Дмитриевским, которые помогли Крылову служебными и театральными связями. Служил в чине провинциального секретаря в казенной палате, с 1787 г. — в Горной экспедиции под началом П. А. Соймонова, управлявшего также театрами. Ни одна ранняя пьеса Крылова не была поставлена. В конце 1780-х гг. вступил в конфликт с Княжнинным, в дом которого был вхож, допустив в сочинениях грубые личные выпады и разглашение семейных тайн писателя, и с Соймоновым. Распространив в рукописи оскорбительные письма Княжнину и Соймонову, вышел в отставку. Издавал журналы «*Почта духов*» (1789), «*Зритель*» (1792), «*Санкт-Петербургский Меркурий*» (1793). В это время на Крылова повлияло знакомство с вольтерьянцем И. Г. Рахманиновым, который опубликовал в журнале «Утренние часы» первые басни поэта и в собственной типографии печатал «Почту духов». В декабре 1791 г. Крылов, И. А. Дмитриевский, А. И. Клушин и П. А. Плавильщиков организовали издательство «Крылов со товарищи». Вольнодумство издателей в 1792 г. привело к обыску в типографии, перешедшей в 1793 г. к Плавильщикову. В журналах Крылов продолжал борьбу с Княжнинным, выступал против львовского кружка и карамзинистов. В конце 1793 г. писатель уехал из Петербурга, странствовал по России, о его жизни этих лет известно мало. В этот период Крылов занимался шулерством, за что был выслан из Москвы (1797), затем в 1799–1803 гг. состоял секретарем и учителем детей у князя С. Ф. Голицына.

В 1803 г. Крылов оставил службу, переезжал попеременно из Петербурга в Москву, жил карточной игрой и стремился сблизиться с влия-

¹ Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театралы: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 92.

тельной литературной средой. Хотя И. И. Дмитриев способствовал публикации первых басен Крылова, в круг московских сентименталистов писатель с сомнительной репутацией принят не был. Наконец, Крылов стал постоянным посетителем петербургского салона А. Н. Оленина, который в 1808 г. взял писателя на службу в Моветный департамент под свое начало. А. Н. Оленин (с 1817 г. президент Академии художеств) обладал тонким вкусом, покровительствовал Н. И. Гнедичу, К. Н. Батюшкову и другим поэтам. Забота и внимание Оленина обеспечили Крылову постоянный доход, спокойную и благополучную жизнь и вес в литературных кругах столицы. В 1809 г. вышла первая книга басен Крылова, которая принесла ему славу. С этого времени писатель прекратил энергичные попытки самоутверждения; удовлетворившись достигнутым, он изменил образ жизни, принял маску флегматичного эпикурейца — добродушного, но слегка лукавого ленивца и обжоры, о котором ходят десятки анекдотов (многие, возможно, сочинил он сам).

В 1812 г. Оленин возглавил Публичную библиотеку, и Крылов стал помощником библиотекаря, а с 1816 г. — библиотекарем. На этом посту он оставался до 1841 г., жил в казенной квартире при библиотеке, редко появлялся в обществе. После выхода первых сборников басен Крылов быстро приобрел авторитет. Если в 1809 г. его забаллотировали при приеме в Российскую Академию и предпочли ему князя Ширина-Шихматова, то уже в 1811 г. Крылова с почетом избрали в Академию, а в 1812 г. ему назначили пожизненную пенсию. Баснописцу покровительствовала вдовствующая императрица Мария Федоровна, в чьей резиденции он часто гостил, хотя почтения к царствующим особам не проявлял. Крылов был членом шишковской «Беседы любителей русского слова», но о нем с уважением отзывались карамзинисты. Баснописец состоял во многих литературных обществах, хотя и не принимал активного участия в их деятельности. Впрочем, слухи о личности Крылова преувеличены: известно, например, что в старости он тайно от знакомых изучил древнегреческий язык и внезапно поразил всех познаниями.

В 1838 г. торжественно был отпразднован юбилей Крылова — первый литературный юбилей в России, отмеченный публикой. Когда баснописец умер, гроб с его телом студенты отнесли на руках на кладбище Александро-Невской лавры. В 1855 г. в Летнем саду скульптор П. Клодт поставил памятник Крылову — первый (и, возможно, самый знаменитый) в России памятник писателю.

Крылов писал в разных жанрах. Ранние его басни не дидактичны, близки к анекдоту и эпиграмме. Лирика представлена *посланиями дружескими* («Другу моему А. И. К.», то есть Клушину) и *любовны-*

ми (цикл об Аноте, по преданию, о племяннице Ломоносова А. А. Константиновой); *медитативной поэзией* («Утешение», «На случай грозы в деревне»). Хотя в литературной полемике Крылов осуждал заимствования и отход от правил искусства, сам он часто сочетал философские и любовные рассуждения, описание пейзажа с сатирой и охотно использовал западные источники. Крылов много написал для театра. Из ранних пьес сохранились трагедия «*Филомела*» (1786), комические оперы «*Кофейница*» (1783–1784), «*Бешеная семья*» (1786), «*Американцы*» (1788), комедии «*Сочинитель в прихожей*» (1786), «*Проказники*» (1788). Хотя последние два текста обращены против Княжнина, перечисленные пьесы близки к княжнинской школе комедии, отличаются острым комизмом, динамичной интригой, по характеру сатиры уподобляются прозе Крылова, но аполитичны. На сцене имели большой успех комедии «*Модная лавка*» (1806) и «*Урок дочкам*» (1807), направленные против галломании. Интересна комедия «*Пирог*» (1802), содержащая выпады против московских сентименталистов.

Проза Крылова *пародийна, аллегорична*, бедна сюжетно, но *изобилует обличительными тирадами*. Хотя эти памфлеты имеют западные источники, а их персонажи и сюжеты традиционны и фантастичны, Крылов создал язвительные карикатуры на русские нравы и конкретных своих противников. Кроме «*Почты духов*» (водяные, воздушные и иные духи сообщают своему повелителю Маликульмульку, что видели в России) главные прозаические сочинения — «*Ночи*», «*Речь, говоренная повесою в собрании дураков*», «*Похвальная речь в память моему дедушке*» (все — 1792), «*Похвальная речь Ермалафиду*» (1793). Крылов создал панораму абсурдной и порочной жизни русского общества: щегольство, праздность, распущенность, презрение к добродетели, преклонение перед роскошью, чинами. Порой сатира приобретает и политический характер, касаясь бессердечия, спеси, невежества помещиков и вознесенных игрой случая, злоупотребляющих властью вельмож. Выделяется *аллегорическая «восточная повесть» «Каиб»* (1792) в духе Вольтера, сочетающая обличение тирании с руссоистской проповедью «естественного» образа жизни.

Главное сочинение раннего Крылова — «*шутотрагедия*» «*Поддипца, или Трумф*» (1800), пародия на трагедию и острая политическая сатира, запрещенная цензурой. Драматург, применяя опыт бурлескной поэмы и народного театра, затронул военизацию и германофильство при дворе Павла Петровича и саму личность царя, высмеял и жесткую диктатуру, и анархию при безвольном правителе. Главный труд зрелого Крылова — *девять книг басен*.

Крылов — дворянин лишь по происхождению. Он мог полагаться только на свои силы и стремился любыми средствами достичь достойного места в обществе. С этим связаны его энергия, агрессивность, некоторая беспринципность. Жизнь молодого Крылова — поиск прищипа, жапра, мировоззрения. Его взгляды *эклeктичны*, сочетают радикализм, консерватизм, рационалистический скепсис, сентиментальное уныние, просветительский оптимизм. Не отличаясь образцованностью, Крылов живо воспринимал новейшие умонастроения, был пантеистом, сторонником просвещенной монархии. Он начал литературный путь как вольтерьянец, быстро увлекся руссоизмом, но под воздействием реакции на французскую революцию если и не отказался от просветительских идей, то перестал проявлять симпатию к ним. В сочинениях Крылова заметно влияние сентиментализма (два его стихотворения Карамзин издал в «Аонидах»), недовольство «образцовой» литературой, но творческие эксперименты писатель резко осуждал, что сблизило его с архаистами. Влияние на литературный процесс Крылов смог оказать лишь в XIX в., завершив свой жизненный и творческий поиск.

РЕФОРМА РУССКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Терминологические пояснения

Система стихосложения — способ упорядочения стихотворного ритма, придания мерности поэтической речи.

Силлабическая (слоговая) система стихосложения состоит в том, что каждая стихотворная строка (стих) содержит одинаковое количество слогов. Долгота, краткость, ударность и безударность, а также порядок слогов не учитываются. Мерность возникает потому, что между долгими паузами в конце строк произносятся отрезки текста приблизительно одинаковой длины (одинаковое число слогов). Силлабические стихотворные размеры называются по количеству слогов в строке: одиннадцатисложник, тринадцатисложник и т. д. В Европе силлабическая система распространена в романских и западнославянских языках, имеющих фиксированное или стремящееся к фиксации ударение (ударение всегда падает на один и тот же по порядку, считая с конца, слог любого слова — на последний во французском языке, на предпоследний — в польском и т. п.). Русская книжная поэзия возникла под влиянием польской и в XVII в. — первой трети XVIII в. была силлабической.

Тоническая система стихосложения состоит в том, что каждая стихотворная строка содержит любое количество безударных, но одинаковое — ударных слогов. Мерность возникает за счет того, что между долгими паузами в конце строк количество сильных, ударных мест одинаково. Устная народная поэзия многих народов, в том числе и русская, — тоническая. Тонический стих особенно распространен в языках со свободным ударением.

Силлабо-тоническая система стихосложения состоит в том, что ритм упорядочивается посредством стоп. Упорядочение ритма при силлабо-тонической системе стихосложения возникает потому, что на протяжении текста повторяется одна и та же стопа, то есть ударные и безударные слоги чередуются в строго заданном порядке. В названии силлабо-тонических размеров указывается тип стопы и число стоп в строке (например, пятистопный ямб).

Стопа — минимальная ритмическая единица стиха, сочетание в определенном порядке одного ударного слога и одного или нескольких безударных.

Основные стопы (ударный слог: —, безударный слог: ∪):

двусложные: хорей: — ∪;
ямб: ∪ —;
их варианты: пиррихий (∪ ∪) и спондей (— —);
трехсложные: дактиль: — ∪ ∪;
амфибрахий: ∪ — ∪;
анapest: ∪ ∪ —;
четырёхсложные (пеон): — ∪ ∪ ∪ : пеон-1;
∪ — ∪ ∪ : пеон-2;
∪ ∪ — ∪ : пеон-3;
∪ ∪ ∪ — : пеон-4.

Цезура — постоянная пауза в определенном месте строки, обычно разделяющая стих примерно пополам (например, в 6-стопном ямбе — после третьей стопы). Встречается преимущественно в длинных размерах.

Рифма — совпадение звуков на концах строк, начиная с последней ударной гласной (включительно!).

Мужская рифма — рифмуются строки, оканчивающиеся ударным слогом.

Женская рифма — рифмуются строки, в которых за ударным слогом следует еще один — безударный.

Суть реформы русского стихосложения — переход от силлабической системы стихосложения к силлабо-тонической системе.

1744 год	Состязание В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова	Каждый поэт, исходя из своих принципов, переложил 143-й псалом: Тредиаковский — хореем, Ломоносов и Сумароков — ямбом. Переложения были анонимно опубликованы и отданы на суд публики. Победил в состязании Ломоносов
1740–1750-е годы	Поэтическая практика Ломоносова и Сумарокова	Ломоносов постепенно начал активно применять прежде им отрицаемые пиррихий и спондей, трехсложные же размеры, им узаконенные, почти не разрабатывал. Сумароков, занимаясь стихотворными экспериментами, дал образцы разнообразных двух- и трехсложных стопных размеров, а позднее также пеонов и тонических размеров. В статье 1770-х гг. «О стопосложении» Сумароков объявил пиррихий и спондей разновидностями хорей и ямба, вполне приемлемыми в русском стихосложении
1752 год	Тредиаковский издал трактат «Способ к сложению русских стихов»	Сохраняя пристрастие к хорю, Тредиаковский принял большинство поправок Ломоносова и Сумарокова и переработал свой трактат. Реформа стихосложения завершилась. В России установилась силлабо-тоническая система стихосложения

Этапы реформы стихосложения

1735 год	Трактат В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению русских стихов»	Тредиаковский предложил отказаться от силлабического стиха и перейти к стиху тоническому; ввел понятие стопы; выделил 4 стопы: хорей, ямб, пиррихий, спондей, которые можно использовать в комбинациях. Предпочтение отдано хорю. В высокой поэзии предлагалось использовать героический стих: 6- или 7-стопный хорей, сохранив от силлабического стихосложения длину строки, цезуру после 5-го или 7-го слога и обязательную женскую рифму. Трехсложные размеры не признавались
1739 год	М. В. Ломоносов прислал из Германии «Письмо о правилах русского стихотворства» и «Оду на взятие Хотина»	Поддерживая отказ от силлабического стихотворства и использования стоп, Ломоносов узаконил наряду с ямбом и хореем дактиль и анапест. Использование спондеев и пиррихий было осуждено, комбинировать разрешалось лишь ямб с анапестом или хорей с дактилем. Для высокой поэзии наиболее приемлемым назван ямб 6- или 4-стопный. Ломоносов узаконил наряду с женской рифмой мужскую и дактилическую и ввел правило альтернанса (обязательного чередования мужских и женских рифм). Ода Ломоносова подтверждала на примере основательность его теоретических рассуждений

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ XVIII века

Теория трех стилей

Теория трех стилей разработана в античных риториках и приспособлена к новым европейским языкам. Применительно к русскому языку теорию трех стилей изложил М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» и в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке». На протяжении XVIII в. следование теории трех стилей считалось обязательным.

Стиль	Группа лексик	Примеры Ломоносова
Высокий. Употреблять не рекомендуется!	Церковнославянские слова, вышедшие из употребления	Обаваю (объявляю), ясны (ожерелье), овогда (иногда), свене (кроме)
Высокий Посредственный (средний) Низкий	Употребительные церковнославянские слова, не встречающиеся в русском языке	Отверза (открыть), господень, насажденны, зываю
	Слова, общие для русского и церковнославянского языка	Бог, слава, рука, ныне, почитаю
	Русские слова, не встречающиеся в церковнославянском языке	Говорю, ручей, который, пока, лишь
Низкий. Употреблять не рекомендуется!	Русские диалектизмы, грубая и бранная лексика	Ломоносов примеров не приводит, полагая, что они известны

М. В. Ломоносов считал, что русский и церковнославянский языки составляют один язык. Все слова и обороты этого единого языка Ломоносов разделил на пять групп. В каждый стиль языка попадало по три группы из выделенных пяти.

Высокий, низкий (эмоционально и оценочно окрашенные) и средний (нейтральный) стили следовало использовать в зависимости от предмета и цели высказывания. Действительность подразделялась на низменную и возвышенную сферу (см.: Система литературных жанров), требовавшие специальных языков описания.

«Новый» слог

В противовес теории трех стилей Н. М. Карамзин выдвинул новую стилистическую теорию. Слова он разделил не на высокие, низкие и нейтральные, а на те, которые вызывают отрицательную или положительную эмоцию. Первые употреблять не стоит, вторые следует использовать, учитывая тот круг ассоциаций, которые они вызывают. Так, в 1793 г. в известном письме Карамзин оригинально убеждал И. И. Дмитриева оставить в басне слово «пичужечка»: «*Пичужечки* не переменяй, ради Бога не переменяй! Твои советники могут быть хорошими в другом случае, а в этом они не правы. Имя *пичужечка* для меня отменно приятно потому, что я слышал его в чистом поле от добрых поселян. Оно возбуждает в душе нашей две любезные идеи: о свободе и сельской простоте. К тону басни твоей нельзя прибрать лучшего слова. *Птичка* почти всегда напоминает клетку, следовательно невольно. *Пернатая* есть нечто весьма неопределенное; слыша это слово, ты еще не знаешь, о чем говорится: о страусе или колибри.

То, что не сообщает нам дурной идеи, не есть низко. Один мужик говорит: *пичужечка* и *парень*: первое приятно, второе отвратительно. При первом слове воображаю красный летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо, порхающую малиновку или пеночку и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: *вот гнездо, вот пичужечка!* При втором слове является моим мыслям дебелый мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: *ай, парень! Что за квас!* Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей! Итак, любезный мой И., нельзя ли вместо *парня* употребить другое слово?»¹.

Карамзин стремился сблизить книжную, письменную речь с разговорной речью образованного сословия, призывал писать, как говорят, и говорить, как пишут. В основу языка был положен средний стиль, к которому добавлялись те элементы высокого и низкого, которые не вызвали неприятных ассоциаций. Вместо трех иерархических стилей возникают новые устойчивые стили, вызывающие разные эмоции и пользующиеся определенными наборами слов с установившимися в языке ассоциативными полями. Каждый жанр (элегия, идиллия, дружеское послание, сказка, басня, политическая статья и т. д.) приобретает собственный стиль.

В тех случаях, когда имеющиеся языковые средства казались недостаточными для выражения какой-либо эмоции, Карамзин и его

¹ Цит. по: История русской литературы: в 10 т. М.: Л., 1941. Т. 5. С. 103.

последователи прибегали к перифразам (описательному наименованию предмета высказывания), часто иноказательным, или к калькированию, созданию новых слов путем перевода каждой части иностранного слова. Именно эти особенности «нового слога» вызывали особенное неприятие архаистов во главе с А. С. Шишковым, автором «Рассуждения о старом и новом слоге в России» (1803). Считая, вслед Ломоносову, русский и церковнославянский языки составляющими одного языка, Шишков резко выступал против заимствований, предлагая для обозначения новых понятий не калькировать чужие слова, а комбинировать славянские корни: отсюда — знаменитые «шаротык» (бильярдный кий) и «топталище» (тротуар). Перифразы сентименталистов казались Шишкову искусственными и напыщенными, он приводит несколько фраз из сочинений карамзинистов и дает их перевод на «естественный» русский язык: «Бледная Геката бросает тусклые отсветки» — «Луна светит»; «Пестрые толпы сельских ореад встречаются с смуглыми ватагами пресмыкающихся фараонид» — «Деревенским девкам навстречу идут цыганки». Шишков, однако, не чувствовал того, что карамзинские перифразы нередко не только украшали речь, но и вносили в нее такие смысловые оттенки, которые нельзя было выразить прежними языковыми средствами, поскольку сами эти смыслы порождены новым мирозерцанием. Так, высказывание «Когда путешествие сделалось потребностью души моей» Шишков переводит: «Когда я любил путешествовать», неправомерно искажая тем самым исходную мысль.

СИСТЕМА ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ В РОССИИ XVIII века

Средние жанры затрагивают частные психологические и этические проблемы обыкновенного образованного человека (обычно — дворянина), трактуют эти темы серьезно и пользуются нейтральным («посредственным») стилем.

Высокие жанры обращаются к универсальному кругу явлений и проблем, не подвластных воле обыкновенного человека (темы бого-словеского, философского и политического характера); пользуются возвышенным слогом и множеством риторических приемов. В сюжетных текстах персонажами являются правители, члены их семей и ближайшие советники и придворные.

Низкие жанры касаются повседневных бытовых проблем, часто комически осмысленных; используется низкий стиль и обычно различные комические приемы.

	Эпические жанры	Лирические жанры	Драматические жанры
Высокие жанры	Героическая поэма (эпопея)	Ода	Трагедия Серьезная (героическая) опера
Средние жанры	Эклога	Элегия. Идиллия. Песня элегического или идиллического характера Эпистола (послание). Сатира Мадригал. Эпитафия Жесткие строфические формы: сонет, рондо и т. п.	Слезная комедия и мещанская трагедия (неканонический жанр)
Низкие жанры	Комическая поэма: героико-комическая и бурлескная Басня	Песня комическая или стилизованная под народную Эпиграмма	Комедия Комическая опера

Общие для всех жанров правила

Произведение искусства должно подражать природе. По Аристотелю, это значит не копировать жизнь такой, какая она есть, а изображать ее такой, какой она может быть или должна быть.

Произведение искусства должно подражать образцам (список образцовых авторов — в «Эпистоле о стихотворстве» Сумарокова).

Произведение искусства должно следовать законам вкуса, принятого в просвещенном обществе.

Нельзя смешивать высокие темы и стиль с низкими, элементы высоких жанров с низкими.

Каждому жанру соответствует определенный набор тем и стилистических приемов, особые стиховые формы.

Вне иерархии жанров и системы специальных канонов — прозаические повествовательные жанры (роман, повесть, повелла). Они выводились за пределы искусства как примитивные формы развлечения и, за исключением нескольких текстов («Похождения Телемаха» Фенелона, «Дон Кихот» Сервантеса), долго считались вредными для читателя, стремящегося к познанию и добродетели. Повесть и роман были признаны произведениями искусства в эпоху сентиментализма и особенно романтизма.

Эпические жанры

Поэма в России XVIII в. — стихотворное повествовательное произведение большого объема. Лирико-эпическая и лирическая поэма в России XVIII в. не разрабатывалась.

Героическая поэма (эпопея) состояла из многих глав (песен), писалась высоким стилем alexandrinским стихом (6-стопный ямб с парной рифмовкой) и повествовала о событии значимом для государства или всего человечества. Постоянные тематические компоненты эпопеи:

— в первых строках — краткое сообщение о предмете повествования и обращение к вдохновителям поэта («Пою от варваров Россию свободную... О ты, витающий превыше светлых звезд / Стихотворенья дух...» — в «Россиаде» Хераскова);

— обилие батальных сцен;

— присутствие фантастики и мифологических персонажей;

— участие аллегорических персонажей (Раздор, Зависть и т. п.);

— изложение будущего (последствий фабулы) в виде пророчества.

Эпопея считалась венцом поэзии; каждая нация должна была стремиться к созданию собственной эпопеи. Образцовые эпопеи: греческая — «Илиада» Гомера (о Троянской войне), латинская — «Энеида» Вергилия (о возникновении государства в Италии), итальянская — «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо (о Первом крестовом походе), английская — «Потерянный рай» Дж. Мильтона (о грехопадении Ада-

ма и изгнании его из рая), французская — «Генриада» Вольтера (об идеальном правителе — Генрихе IV). Самые знаменитые русские героические поэмы — «Россиада» и «Владимир возрожденный» М. М. Хераскова. Кн. А. Д. Кантемир и Ломоносов не закончили своих эпопей о Петре Великом.

Комическая поэма противопоставлялась героической. Существовало три типа комической поэмы:

1) **героико-комическая поэма** — возвышенное повествование о низменных событиях и обыкновенных лицах. Французский образец — «Налой» Н. Буало, где драка мелких провинциальных церковных служащих подана как эпохальное событие;

2) **бурлеск** — пародийное, сниженное изложение возвышенного сюжета. Французский образец — «Энеида, вывернутая наизнанку» Поля Скарона, где в пересказ поэмы Вергилия введено множество современных Скарону низменных бытовых деталей;

3) **смешанный тип комической поэмы.**

Русская комическая поэма не пародировала национальный героический эпос, а предвосхитила его. Жанр возник в 1760-х гг. и эволюционировал от героико-комических поэм («*Игрок ломбера*» В. И. Майкова, где карточная игра преподносится как война миров) к смешанным («*Елисей, или Раздраженный Вакх*» В. И. Майкова, «*Душенька*» И. Ф. Богдановича) и к бурлескным («*Вергилиева Энеида, вывернутая наизнанку*» Н. П. Осипова и А. М. Котельницкого, украинская «*Энеида*» И. П. Котляревского).

В **бурлескной поэме** композиция и сюжет подчиняются канонам героической эпопеи, поскольку основаны на конкретном источнике, например «Энеиде» Вергилия. Нарушениями правил высокой поэмы являются: замена alexandrinского стиха менее патетическим 4-стопным ямбом; грубый, низкий слог; перенасыщенный прозаизмами, вулгаризмами, диалектизмами; принадлежность персонажей к низкому социальному кругу; осовременивание исторического и бытового мифологического материала; обилие анахронизмов; гротескная трансформация художественной реальности; ироническое снятие пафоса в драматически острых местах. Хотя поэмы Осипова и его школы пародийны, осмеяние классических образов не было главной целью русского бурлеска, в отличие от западного. Травестийный эпос лишь косвенно участвовал в борьбе сентименталистов с нормативной поэтической системой, главная его цель — забавное и легкое повествование для массового читателя.

Героико-комическая поэма формально копирует героическую: alexandrinский стих, высокий торжественный слог, обращения к музе и указание на предмет рассказа во вступлении, обилие риториче-

ческих фигур и тропов, особенно гипербол и перифразов, аллегоризм образов, введение мифологической фантастики и батальных сцен. Комизм возникает за счет использования возвышенных приемов для изображения обыденных, порой мелочных, недостойных явлений. Этот тип поэмы не прижился в России.

В наиболее значительных комических поэмах XVIII в. черты бурлеска и героико-комического эпоса смешаны, что приводит к художественному разнообразию, смысловой многозначности, отказу от дидактики. «Елисей» Майкова совмещает пародию на перевод В. П. Петровым «Энеиды» с картиной русского быта, в которой детали оказываются существенны сами по себе, а низкие персонажи введены не столько для контраста возвышенному, сколько как основной объект изображения. «Душенька» Богдановича обновляет канон жанра: она написана басенным вольным ямбом в духе изысканной салонной *causerie* (болтовни), средним стилем, почти лишенным грубого просторечия; несмотря на наличие гротескных сцен, юмор стал мягче, поскольку пародия и социальная сатира отошли на второстепенный план. Богданович внес в текст лирическое начало, трогательный элемент, подключая комическую поэму к идиллической и романной традиции (последнее обусловлено источниками — произведениями Апулея и Лафонтена). Увлечательность рассказа и игра с читателем — основные цели автора, поэтому «Душенька» стоит у истоков «легкой» поэзии. Успех Богдановича способствовал развитию *сказочной поэмы*, первые образцы которой («Добрыня» Н. А. Львова, «Бахариана» М. М. Хераскова) связаны с комической поэмой. Если Богданович слегка русифицировал античный миф, снижая его, то авторы сказочных поэм поэтизировали русскую сказку и былину, возвышая их. В результате эта форма жанра постепенно сближалась с героическим эпосом («Бова» А. Н. Радищева, «Илья-богатырь» Н. М. Карамзина).

Басня — аллегорическое повествование, подтверждающее общую идею. В XVIII в. в России термин «басня» означал: 1) фавулу; 2) вымысел; 3) литературный жанр. Выделяют два вида басни:

— **нравоучительная**, чаще прозаическая, восходит к Эзопу, содержит рассказ и вытекающую из него «мораль». Этот тип трудно отделить от аполога (афористическое изложение поучительной ситуации, развернутая сентенция) и притчи (развернутая философская аллегория, не обязательно сюжетная и часто включенная как вставной эпизод в крупный текст). В XVIII в. понятия басни, притчи и аполога нередко смешивались;

— **поэтическая** восходит к Ж. де Лафонтену. Дидактика в ней скрыта, а интерес сосредоточен на подробном и увлекательном повествовании.

До середины XVIII в. в России существовала лишь переводная нравоучительная басня, близкая к притче, почти чуждая социальной сатире, сжато излагающая и произвольно трактующая традиционные сюжеты. Как и Буало, который не упомянул басню в «Поэтическом искусстве», князь А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов не считали этот жанр значительным, используя его для стихотворных опытов, реже при полемике.

Национальный басенный канон создал А. П. Сумароков, который изложил в «Эпистоле о стихотворстве» принципы жанра и написал около 380 «притч». Вопреки жанровому определению, образец для Сумарокова — Лафонтен. Поэтическая басня стала господствующей в русской литературе. Сумароков сделал басенным стихом вольный ямб, а манерой повествования — простодушную и вместе с тем лукавую *causerie* (болтовню); это восприняли почти все русские баснописцы. Относя басню к низким жанрам, Сумароков писал ее низким слогом. Как жанр комический, сумароковская басня насыщена смысловыми приемами, алогизмами, имела *pointe* (неожиданную концовку, опровергающую ход рассказа), нередко была гротескна, включала элементы пародии. Притчи Сумарокова высмеивают взяточничество подьячих, откупы, невежество, галломанию, дворянскую спесь, многие из них памфлетны, направлены против литературных, политических и личных врагов поэта. Сумароков использовал традиционные сюжеты, но часто трактовал их по-своему, применяя к русской действительности, многие его притчи оригинальны. Следуя за Лафонтеном в детализации рассказа, Сумароков часто отступал от источника, опускал мораль, играл повествовательными приемами.

Во второй половине XVIII в. к жанру басни обращались все значительные поэты: В. И. Майков, А. А. Ржевский, И. Ф. Богданович и др. Постепенно басенный стиль нейтрализуется, сглаживается, лишается вульгаризмов. Уменьшается гротесковость и комизм басни, повествование утрачивает обстоятельность и бытовые подробности, за счет чего делается абстрактнее, дидактичнее (это заметно в «Нравоучительных баснях» М. М. Хераскова, часто написанных 3-стопным ямбом, как и его философские «анакреонтические» оды). В баснях конца века (Г. Р. Державина, Я. Б. Княжнина, М. Н. Муравьева) сатира менее резка, чем у поэтов сумароковской школы, социальная тематика редка, высмеиваются душевные недостатки.

Новую форму жанра предложил И. И. Хемницер, сочетавший рационалистическую, лишенную отступлений манеру нравоучительных басен немецкого поэта Геллерта с традицией русской стихотворной сатиры. Более строгие по стилю и логичные по манере изложения, чем притчи Сумарокова, басни Хемницера не менее тематически разнообразны, оригинальны, злободневны, затрагивают вопросы госу-

дарственной власти (цикл басен о льве), иронизируют над философией просветителей («Метафизический ученик»).

В конце XVIII в. И. И. Дмитриев, видя в басне проявление естественного простодушия, расширил границы жанра. Отказавшись от пизкого стиля (даже в умеренной, как у Хемпницера, форме), он писал карамзинским «новым» слогом в духе изящной салонной *causerie*, уделяя особое внимание живому диалогу персонажей, психологизации характеров. Ослабив сатирическое начало басен, Дмитриев усилил их комизм, насытил свои сочинения мягким юмором. Предметом изображения стали не только пороки, но и добродетели, басня сближалась с лирикой, начала вызывать наряду со смехом сострадание, умиление, меланхолическую медитацию.

Эклога — повествовательное или драматическое произведение (последнее чаще именовалось *пастораль*), герои которого — пастухи и пастушки — условно-литературные, стилизованные под жителей счастливой Аркадии, изображенных в античных текстах. Образцом служили эклоги Вергилия, в русской поэзии — Сумарокова. Содержание их обычно сводится к забавам, чувственным страстям, любовным переживаниям пастухов и пастушек «золотого века». В эклогах причудливо переплетаются простодушие и доходящая до цинизма фривольность. Этот жанр, который кажется в наше время искусственным, был очень популярен и высоко ценился в культуре XVIII столетия.

Лирические жанры

Ода — стихотворение большого объема, разделенное на строфы, выражающее восторг перед чем-либо возвышенным. По тематике выделялись торжественная и духовная оды.

Торжественные или похвальные оды посвящены важному событию государственной жизни (оды на рождение, кончину, день тезоименитства, коронации, бракосочетания, выздоровления, отъезда, возвращения правителя, объявления войны, заключения мира, принятия закона и т. п.). Образцом такой оды считались сочинения греческого поэта Пиндара и французского поэта XVII в. Малерба.

Духовная ода — стихотворное переложение библейского текста или авторское рассуждение на философскую, богословскую тему. Образец — духовные оды поэта рубежа XVII–XVIII вв. Жана-Батиста Руссо (не путать с философом Жан Жаком Руссо!).

Канон торжественной и духовной оды в России создал М. В. Ломоносов. Оды писались чаще всего 4-стопным ямбом специальной строфой (10 строк с рифмовкой ababcbdeed, обычно с соблюдением

правила альтернанса — чередованием мужских и женских окончаний; иногда строфа сокращалась до шестистишия). Композиционно ода напоминает ораторскую речь. Повествователь стремится одновременно выразить *лирический восторг* (то есть и восхищение в современном понимании, и изумление, душевное потрясение) и вместе с тем *убедительно доказать* читателю и слушателю, что воспеваемый предмет достоин восторга. Для этого автор использует *одическое парение* — панорамное описание действительности, взгляд на мир со стороны, позволяющий дать целостное описание величественного явления, — и *одический беспорядок* — быструю смену картин и образов. Ода строится одновременно как логичное доказательство идеи (в начале — посылка, основная мысль, затем ряд аргументов, в конце — вывод) и как мозаика эффектных стилистических приемов, поражающих воображение читателя. Ода часто открывается риторическим обращением к адресату произведения или аллегорическому персонажу, развернутой аллегорией. Одический стиль формируется высокой лексикой и ораторским синтаксисом, изобилует гиперболами и перифразами, градациями, риторическими вопросами и восклицаниями.

В XVIII в. к жанру оды относили также:

— **разные оды** — серьезные лирические стихотворения, написанные строфами, но не предназначенные для пения под музыку;

— **гориацианские оды** — лирические стихотворения, написанные в подражание Горацию, разрабатывающие темы его лирики (довольство малым, прелести уединенной жизни среди близких людей на лоне природы, вдали от службы и светской суеты и т. п.). Такие оды писали обычно четверостишиями с перекрестной рифмовкой (первые три строки — 6-стопный, четвертая — 4-стопный ямб). Таковы многие тексты Державина и Капниста;

— **анакреонтические оды** — лирические стихотворения различного содержания: подражания Анакреону и его последователям, воспевание чувственных наслаждений (у Державина) или философские рассуждения о суетности мира (у Хераскова). Часто эти оды писали белым стихом, иногда 3-стопным ямбом;

— **сафические оды** — стихотворения, написанные сафической строфой:

— U — U — UU — U — U
— U — U — UU — U — U
— U — U — UU — U — U
— UU — U.

Элегия — печальное лирическое стихотворение; выделялись любовные и гренические (посвященные грустному событию) элегии,

в России XVIII в. писали преимущественно любовные. Образцом служили элегии Овидия и других римских поэтов, в России — элегии Сумарокова. До эпохи сентиментализма жанр был мало развит. Элегический размер в России — александрийский стих.

Идиллия — лирическое или лирико-драматическое стихотворение о душевных переживаниях поселян, наивных людей, живущих беззаботно на лоне природы и предающихся чувственным забавам.

Песня — лирическое стихотворение, состоящее из строф и предназначенное для пения под музыку. В метрическом отношении песня — жанр свободный. Тематика песен также разнообразна. Идиллические и элегические по духу песни писали средним стилем. Иногда песни стилизовали под народные, тогда их относили к низкому жанру. Шуточные песни писали низким стилем.

Эпистола / послание — обширное лирико-дидактическое стихотворение, адресованное конкретному лицу, реже — аллегорическому персонажу, излагающее авторские взгляды на некий серьезный предмет. Эпистолы писали александрийским стихом.

Сатира — стихотворный лирико-дидактический жанр, соотношение с авторским идеалом, ироническое изображение и осуждение недостойных нравственных и социальных явлений. В России как самостоятельный жанр до XVIII в. сатира не существовала. Источники русских сатир XVIII в. — сочинения Горация, Ювенала, А. Попа и особенно Н. Буало. В России национальный канон жанра создал князь А. Д. Кантемир. Впоследствии сатиры писали И. П. Елагин, А. П. Сумароков, И. И. Хемницер, В. В. Капнист, И. И. Дмитриев и др. Форма русской сатиры унаследована от Буало. Кантемир писал сатиры 13-сложником, позднее обязательным стал александрийский стих. Иногда использовался басенный вольный ямб, в конце века, с распространением отступлений от норм жанра, — 4-стопный ямб. Сатиру — средний жанр — писали «посредственным» слогом, в который могли включать просторечные обороты и фольклорные формулы при описании быта. Часто применялась пародия на канцелярский слог, на макароническую речь галломанов или стиль враждебной литературной партии. Сатира — значительное по объему, подчиненное четкой логической схеме стихотворение, по жанровой природе близкое к посланию (эпистоле), границу между ними не всегда можно провести, даже учитывая тематику и эмоциональный тон. Как и послание, сатира — доказательство идеи, вынесенной в заглавие или обозначенной во вступлении. За посылкой, ставящей проблему, следует ряд освещающих ее примеров, обычно независимых друг от друга: выводится галерея аллегорических персонажей с условными литературными именами. Это воплощения пороков, традиционные комедийные амшлуа, но соотносимые у Кан-

темира и Сумарокова с реальными прототипами. В финале обычно утверждается позиция автора, дается оценка героям.

Цели жанра определены Кантемиром и Сумароковым в «Эпистоле о стихотворстве». Сатира объявлялась зеркалом нравов, предназначенным для их исправления, но правоописательный и дидактический элементы распределялись неравномерно. У Кантемира господствовало изображение отрицательных сторон русской жизни. После полемики 1769–1774 гг. о методах сатиры поощрялось выведение порока вообще, а не частных его носителей. Поэты от сарказма и гротеска обратились к мягкой иронии или непосредственному рассудочному отрицанию. Поучительность сатиры возросла, а социальное значение упало. Сентименталисты считали, что натура не поддается исправлению осмеянием, они допускали сатиру, и то редко, лишь как средство литературной борьбы.

Выделяются три композиционные формы сатиры:

1) **сатира-послание** — текст, обращенный к адресату: конкретно — к лицу (сатиры III и VII Кантемира обращены к Феофану Прокоповичу и Н. Ю. Трубецкому); абстрактному понятию — к уму своему, к музе (сатиры I и IV Кантемира); предмету — к солнцу (приписывавшаяся Кантемиру сатира IX), к камину (В. Л. Пушкин);

2) **сатира-рассуждение** — медитация, предназначенная неопределенному адресату (посредством риторических обращений одического типа или лишенная непосредственных обращений) — большинство сатир Сумарокова и Хемницера. Сюда относятся и оды, иронически восхваляющие какой-либо порок, формально построенные по канону оды, но традиционно причисляемые к сатирам («Ода от лица лжи» Сумарокова, «Ода на подьячих» Хемницера);

3) **сатира-диалог** — беседа выразителя авторской точки зрения с оппонентом (сатиры II и V Кантемира, «Пиит и друг его» Сумарокова), отчасти «Послание к слугам моим» Фонвизина. Иногда повествование ведется и от лица сатирических персонажей, авторская позиция маскируется. Этим сатирам свойствен драматизм («Наставление сыну» Сумарокова, «Чужой толк» Дмитриева).

В тематическом отношении выделяются литературные, посвященные вопросам литературной полемики, и правоописательные сатиры, направленные против социальных и нравственных пороков (невежества, лицемерия, скупости, сплетен, злословия, галломании, увлечения картами, взяточничества, иных судебных и административных злоупотреблений, лести, чинопочитания и пр.). Правоописательные сатиры Кантемира, в меньшей степени Сумарокова имели отчасти политическую направленность.

Сонет — стихотворение из 14 строк с устойчивым типом рифмовки. В XVIII в. в России был распространен французский сонет; два

катрена (четверостишия), два терцета (трехстишия). В катренах две рифмы: например, abba abba; в терцетах — три рифмы: например, cde cde.

Мадригал — небольшое лирическое стихотворение комплиментарного характера.

Эпитафия — надгробная надпись.

Эпиграмма — небольшое стихотворение; в античности — любая, в Новое время — чаще комическая или сатирическая надпись.

Драматические жанры

Театр XVIII в. — условный. Он почти лишен декораций (за исключением оперы), костюмы — современная зрителю богатая одежда или стилизованный «римский» костюм (нечто среднее между туникой и камзолом). Текст подавали только непосредственно в зал, причем стихи декламировали нараспев. Для выражения каждой эмоции использовали специально предписанные позу и жест. Постановку осуществлял не режиссер, а сам драматург или первый актер труппы. В один вечер давали две пьесы: большую (трагедию или комедию) и малую (одноактную комедию, балет или музыкальный номер). После каждого действия делали антракт.

Главный принцип композиционной организации драмы в XVIII в. — **закон трех единств: места, времени и действия.**

Единство места — все события, показываемые на сцене, происходят в одном помещении.

Единство времени — изображаемые на сцене события длятся столько же времени, сколько и спектакль, либо немногим дольше, но никак не более суток (спектакль, по мнению теоретиков XVIII в., не длится более 12 часов, и зритель не может представить, что и за время антрактов прошло больше 12 часов).

Единство действия — все персонажи пьесы связаны между собой, и все события соединены в один сюжетный узел.

Правило трех единств сформулировано в итальянских поэтиках XVI в., окончательно узаконено «Поэтическим искусством» Н. Буало, соблюдалось в подавляющем большинстве французских пьес XVII–XVIII вв. и в построенных по их модели иноязычных текстах. В России этот закон сформулирован А. П. Сумароковым в «Эпистоле о стихотворстве» и до эпохи романтизма строго выполнялся. Хотя теоретики драмы, требовавшие соблюдения единств, ссылались на Аристотеля, греческая и латинская поэтика не знала обязательного правила трех единств: оно вытекало из приспособления пьес к общепри-

нятым в античности условиям постановки. В Новое время введение закона трех единств обусловлено принципами подражания древним образцам, где был замечен этот прием, и природе. Для простоты и эффективности восприятия зрелища рационалистически мыслящей публикой художественное и сценическое пространство и время должны были совпадать, а сюжетные линии сплетаться в один узел. Это концентрирует внимание зрителя. Так как сценические события разворачивались в одном помещении и не могли занимать более суток, для изображения происходящего в ином месте и в иное время вводились вестники и наперсники (друзья героев), рассказывавшие о внесценическом действии.

В России закон трех единств был введен, когда на Западе его уже начали критиковать, поэтому понимался он, как и в Европе XVIII в., широко: так, единство места стало допускать не только одну комнату, но и один дом, даже один город. За нарушение правила трех единств русские критики, как и Буало, осуждали Шекспира и Кальдерона, но в конце века популярность этих авторов, а также немецкой мещанской драмы привела к постепенному отказу от обязательного соблюдения единств места и времени. Единство действия считается до сих пор почти непреложным законом драмы.

Следование правилу трех единств приводило к усилению роли монолога, ибо в диалоге труднее изложить предысторию, рассказать о событиях за сценой. В пьесах XVIII столетия не только монолог преобладает над диалогом, но и разговоры над действием: событий мало. Часто применялись самохарактеристики героев. Трагедии и высокие комедии писали alexandrinским стихом. В небольших комедиях допускалась проза.

Персонажи пьес XVIII в. принадлежат к классическим театральным *амплуа* (типическим действующим лицам с устойчивым набором социальных и психологических черт, из которых какая-либо заметно преобладает), характеры персонажей однолинейны, оцениваются обычно как положительные или отрицательные, психологическая неоднозначность характера была еще неизвестна драматургам. Именно персонажей условные, нередко говорящие.

Трагедия — высокий драматический жанр, построенный на неразрешимом столкновении устремлений героя и высших начал (Бога, судьбы, нравственного или государственного долга). В XVIII в. это обычно конфликт разумного долга и неистовой страсти, причем первый одобряется автором, а вторая осуждается.

Трагический конфликт начинается с ложного выбора, сделанного невольно героем, и разрешается гибелью главного действующего лица или кого-либо из его близких. Эта катастрофа, по Аристотелю, должна

вызвать ужас и сострадание зрителей. Развязке трагедии предшествует и сопутствует катарсис — осознание героем совершенной им роковой ошибки и невозможности исправить содеянное, очищение души зрителя в связи с раскаянием персонажа. По Аристотелю, трагический герой должен обладать достоинствами, но быть выповным: если он не будет виновным, то его гибель пробудит негодование, а если будет лишь виновным и недостойным уважения, развязка будет принята с удовлетворением. Большинство драматургов XVIII столетия упрощали классическую схему трагедии. Разделение персонажей на положительных и отрицательных лишало главное трагическое лицо неоднозначности и практически уничтожало катарсис. Именно такие пьесы («Димитрий Самозванец» Сумарокова, «Рослав» Княжнина) спровоцировали резкую критику трагедии XVIII в. романтиками и реалистами.

Действующие лица трагедии — правители и их приближенные — разделяются на героев и наперсников (советников и друзей). Среди героев выделяются трагический злодей и его жертвы — пара добродетельных влюбленных. Наперсники, играющие самую служебную роль, — вестники, сообщающие о происходящем за сценой.

Действие классической трагедии следовало перенести в отдаленную эпоху и страну. Русские драматурги XVIII в. следовали первому требованию, но античным и библейским сюжетам предпочитали древнерусские. Историческая и национальная достоверность почти не соблюдалась, ибо тогда казалось, что все страны и эпохи признают лишь одну систему ценностей. Образцовыми трагедиями считались французские — произведения П. Корнеля, Ж. Расина, Вольтера. Самые знаменитые русские трагики — А. П. Сумароков, Я. Б. Княжнин и В. А. Озеров.

Героическая (серьезная) опера XVIII в. напоминала трагедию, положенную на музыку. Образцовые либретто опера seria (серьезной оперы) — тексты итальянского поэта XVIII в. П. Метастазия. Русские героические оперы этого времени малооригинальны.

Комедия — драматический жанр, объединяющий пьесы, стиль, действие и образы которых поданы посредством смеховых и игровых приемов, а конфликт основан на несообразности, не затрагивающей, по мнению автора, основ бытия. Выделяется:

комедия интриги (комедия положений) — пьеса, где комический эффект вызывают положения, ситуации, в которые попадают персонажи, и неожиданный поворот сюжета;

комедия характеров — пьеса, где комический эффект вызывают черты характера, привычки, манеры отдельных персонажей;

комедия нравов — пьеса, где комический эффект вызывают взаимоотношения героев, общественные обычаи и предрассудки.

Впрочем, лучшие пьесы нельзя отнести лишь к одной из этих групп, так как они сочетают в себе черты разных видов комедии.

Фарсовая (буффонная) комедия построена на самых примитивных игровых приемах (погони, драки, переселения и т. п.).

Высокой называли комедию характеров или нравов, стихотворную, в пяти актах. В целом комедию считали жанром низким.

До середины XVIII в. в России комедиями именовали любые пьесы, строго оформленного жанра не существовало. Первые три комедии написал в 1750 г. А. П. Сумароков. Большинство русских пьес XVIII столетия (в том числе Д. И. Фонвизина и Я. Б. Княжнина) основано на принципе «склонения на русские нравы» иностранных текстов. «Склонение» могло проявляться в механической замене западных реалий на отечественные, но нередко приводило к оригинальному переосмыслению образца. Главным образцом комедиографии признавался Мольер, популярны были его последователи — Реньяр, Детуш, датский драматург Гольберг и др.

Русская комедия XVIII в. — прозаическая (в 1, 3 или 5 актах) или высокая. Комедию как низкий жанр писали низким слогом, но в речи положительных героев, а в конце века — иногда и комических применялся средний стиль. Язык высмеиваемых персонажей колоритен, насыщен макароническими оборотами (у щеголей), канцеляризмами (у подьячих), просторечиями и диалектизмами (у слуг, купцов и провинциальных помещиков). Речь положительных героев — книжная, сложна по синтаксической структуре, насыщена риторическими фигурами. Комедия XVIII в. изобиловала смеховыми приемами, из которых важнейшие: ирония, часто доведенная до сарказма, пародирование, карикатурное преувеличение, комические алогизмы, иногда порождающие гротеск, каламбуры, которые у Княжнина и драматургов его школы выстраивались в цепи, проходящие через все произведение. Мягкий юмор до 1790-х гг. комедии почти не свойствен. Использовались *qui pro quo* (несообразности; одного персонажа принимают за другого) и иные традиционные сюжетные положения, но интрига обычно развита слабо; любовная линия, в отличие от западных образцов, играет подчиненную роль.

Наиболее распространена была **комедия характеров**, в лучших образцах переработанная в **комедию нравов**. Характеры обычно однолинейны, четко разделяются на положительные и отрицательные, проявляются через описание, нередко самохарактеристику. Герои имеют говорящие или условные литературные имена. Лишь в конце века в произведениях Д. И. Фонвизина, М. И. Веревкина, Я. Б. Княжнина делаются попытки создания многогранных характеров. У Княжнина иногда исчезают положительные персонажи, прежде игравшие

важную роль. Несмотря на портретность многих персонажей и на верное отображение нравов, большинство действующих лиц принадлежали к традиционным амплуа (пара влюбленных; ловкий слуга; субретка — ловкая служанка; резонер — персонаж, выражающий авторскую точку зрения, мало участвующий в действии, но постоянно комментирующий происходящее и нередко разрешающий конфликт; щеголь (петиметр) и кокетка (петиметрка, метресса), болтун и сплетник, хвастун, ревнивец, скупой старик, лицемер, подьячий (чиновник) — взяточник и крючкотвор, ученый педант, невежественные провинциальные помещик и помещица).

Несмотря на обилие развлекательных пьес, главной разновидностью жанра была *обличительная комедия*, направленная против нравственных и общественных пороков: щегольства, распущенности дворянской молодежи, неправильного воспитания, безнравственных отношений в семье, негуманного поведения помещиков, суеверий и ханжества, взяточничества, чиновничества, скупости, злословия и пр. Наиболее авторитетный взгляд на цели комедии восходил к французской нормативной поэтике (Буало): комедия противопоставляет трагедию как изображение низкого, а не высокого и воздействие на публику смехом, а не ужасом и состраданием. Комедия должна, забавно отображая недостатки, исправлять их.

Решающую роль в формировании национальной комедийной традиции сыграли Фонвизин, Веревкин и Княжнин. В конце века комедия развивается по путям, предложенным этими авторами. Веревкин, предшественник лирической комедии XIX в., пытался внести в пьесы трогательное, даже трагическое, не нанося ущерба комизму («Так и должно», 1772; «Именинники», 1774). Княжнин разрабатывал прозаическую, близкую к более позднему водевилю («Траур», 1788) и высокую комедию («Хвастун»; «Чудак»). Эти разновидности жанра, наиболее популярные в конце XVIII — начале XIX в., отличаются острым комизмом, динамичной интригой, театральностью тона (комедии Крылова, «Ябеда» Капниста). Фонвизин, занимавший компромиссную позицию, стремившийся сочетать традиции Мольера и слезной комедии, утвердил главенство обличительного направления в пределах жанра, но не создал школы, так как его подражатели лишь воспроизводили готовую схему.

Комическая опера — драматическое произведение, не содержащее трагического конфликта, частью положенное на музыку. Этот неканонический жанр принимал различные формы, разрабатывал и бытовые, и фантастические сюжеты, сочетал комические и сентиментальные сцены. В отличие от более позднего водевиля, где музыкальный элемент исчерпывается вставными куплетами, в комической

опере XVIII в. на музыку положены многие сцены, значимые для развития действия. Наиболее популярны были комические оперы Я. Б. Княжнина и «Мельник, колдун, обманщик и сват» А. О. Аблесимова. Интересна опера «Санкт-Петербургский Гостиный двор» М. Матипского, автора музыки и либретто.

Средний драматический жанр не признавался классической поэтикой. В середине XVIII в. некоторые английские драматурги, а вслед за ними Д. Дидро и П. О. Бомарше во Франции и Г. Э. Лессинг в Германии начали смешивать трагедию и комедию, ссылаясь на то, что в жизни серьезное и забавное перемешаны, и на то, что трагические страдания могут испытывать не только правители, но и обыкновенные люди. Так появились *слезная комедия* — комедия с чувствительными и даже страшными эпизодами — и *мещанская трагедия* — трагедия, героями которой являются обычные люди, в частности мещане — горожане. Хотя Сумароков в письме Вольтеру осудил «пакостный род слезных комедий», во второй половине XVIII в. они все чаще появлялись на русской сцене. Писал их даже ученик Сумарокова Херасков. Слезная комедия и мещанская трагедия — предшественницы драмы XIX и XX вв.

ВАЖНЕЙШИЕ РУССКИЕ ЖУРНАЛЫ XVIII века

Журналы 1750 — начала 1760-х годов

«*Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие*» (выходил также под названием «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие») — первый русский толстый журнал. Издавался Академией наук с 1755 по 1764 г. Создан по инициативе М. В. Ломоносова, который, однако, не помещал там под своим именем сочинений. В журнале печатались научные статьи и художественные произведения, в том числе исторические труды Г. Ф. Миллера, тексты В. К. Тредиаковского (в частности, «О древнем, среднем и новом стихотворении в России»), А. П. Сумарокова, И. П. Елагина, А. А. Ржевского, переводы повестей Вольтера. «Ежемесячные сочинения» предоставили главным русским писателям возможность вести литературную полемику.

«*Трудолюбивая пчела*» — первый русский частный литературный журнал. Издавался в Петербурге А. П. Сумароковым в 1759 г. Журнал посвящен великой княгине Екатерине Алексеевне (будущей Екатерине II), это указывало на некоторую оппозиционность издания, так как великая княгиня была в это время в немилости у императрицы Елизаветы Петровны. Большинство материала, помещенного в журнале, принадлежало перу Сумарокова: стихотворения различных жанров, пародии на Ломоносова («вздорные оды»), сатирические «Разговоры в царстве мертвых», «Сон. Счастливое общество» (просветительская утопия), «О домостроительстве» (фельетон, направленный против жестоких помещиков) и другие статьи. «Трудолюбивая пчела» знакомила публику с принципами просветительской философии Дж. Локка, с повестью Вольтера «Микромегас». Некоторые номера задерживались по требованию Ломоносова, добившегося права цензурировать журнал. Правительство вряд ли устраивала идейная позиция издания, и оно было прекращено.

«*Полезное увеселение*» — первый в России журнал «с направлением», выпускаемый группой литераторов-единомышленников. Издавался в Москве, в типографии университета, М. М. Херасковым с 1760 по 1762 г. Журнал отражал настроения кружка поэтов, собиравшихся у Хераскова, и помещал сочинения самого издателя, А. А. Ржевского, И. Ф. Богдановича, А. А. Нартова и др.

«*Всякая всячина*» издавалась еженедельно в Петербурге в 1769–1770 гг. Официальным издателем журнала числился статс-секретарь Екатерины II Г. В. Козицкий, однако публика знала, что руководит изданием и помещает там свои сочинения сама царица. Кроме нее исследователи считают сотрудниками «Всякой всячины» А. В. Храповицкого, М. М. Щербатова, даже А. П. Сумарокова. Императрица стремилась создать в России общественное мнение, откликающееся на политические и культурные вопросы. После неудачного опыта организации Комиссии по составлению нового Уложения была предпринята попытка повторить в России ситуацию английской журнальной войны начала XVIII в. Екатерина II призвала подданных издавать частные сатирические журналы, чтобы обсуждать и исправлять нравы, и сама подала в том пример, создав журнал по образцу «Зрителя» Дж. Аддисона и Р. Стиля. Первый номер «Всякой всячины» раздавался бесплатно. В журнале печатались нравоописательные очерки и сатирические письма в редакцию, направленные против неразумного поведения вымышленных персонажей. Сатира «Всякой всячины» была отвлеченной от действительности и снисходительной к человеческим слабостям. Резкие выпады враждебных журналистов, не желающих прислушаться к советам высокопоставленной издательницы, вынудили Екатерину II в последних номерах почти отойти от сатиры и публиковать переводы из античных авторов и философа-просветителя Монтескье.

Журнальная полемика 1769–1774 годов

За «Всякой всячиной» появились журналы «*И то и се*» М. Д. Чулкова, «*Трутен*» Н. И. Новикова, «*Ни то ни се*» В. Г. Рубана, «*Смесь*», издававшаяся при участии Ф. А. Эмина и Н. И. Новикова, «*Адская почта*» Эмина, позднее — «*Пустомеля*» Новикова, «*Парнасский щепетильник*» Чулкова, «*Трудолюбивый муравей*» Рубана, «*Живописец*» и «*Кошелек*» Новикова. Основной предмет полемики между ними — цель сатиры. Отношение к этой проблеме разделило журналы на партии, хотя позиция каждого из них была особой. «Всякая всячина», выступая против эстетических принципов сумароковской школы, высказывалась за сатиру на порок, не затрагивающую конкретных лиц; требовала не обличения, а шутки. Этой же точки зрения придерживались журналы Рубана и Чулкова. Впрочем, все эти издания допускали грубые личные выпады. Против «Всякой всячины» выступили «Трутен», «Смесь», «Адская почта». Хотя Новиков поддерживал Сумарокова, а Эмин был его врагом, оба издателя требовали памфлетной сатиры на лицо (конкретного носителя порока) и признавали

благотворное общественное значение обличительных текстов. Враждебные «Всякой всячине» журналы были закрыты, но и в последующих изданиях Новикова, более официальных по тону, проводились прежние идеи. С закрытием в 1774 году «Кошелек» журнальная полемика прекратилась.

Николай Иванович Новиков

(1744, село Тихвинское Московской губ. — 1818, там же)

Известный издатель и журналист Новиков, по происхождению дворянин, в младенчестве был записан в гвардию, в 1756–1759 гг. учился в гимназии при Московском университете. В 1762 г., как все офицеры, числившиеся в отпуску, Новиков был вызван в столицу. Состоя в Измайловском полку, будущий журналист участвовал в дворцовом перевороте, возведшем на престол Екатерину II, и получил награждение. Однако службой он интересовался мало, сблизился с литературными кругами и в 1766 г. впервые выступил как издатель. В 1767 г. Новиков был назначен одним из секретарей Комиссии по составлению нового Уложения. Бурные споры участников Комиссии увлекли молодого литератора и сформировали его общественную позицию. После роспуска Комиссии Новиков некоторое время служил переводчиком в Коллегии иностранных дел, а затем окончательно вышел в отставку и обратился к издательской деятельности.

Известность Новикову принесли журналы «Трутенъ», «Пустомеля», «Живописец» и «Кошелек», выступавшие против официальных периодических изданий во главе со «Всякой всячиной». В 1770-х гг. Новиков выпустил ряд просветительных изданий — «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772) — первый справочник по истории русской литературы, «Древнюю российскую вивлиофику»¹, или *Собрание разных древних сочинений*» (1773–1775), где впервые опубликованы многие исторические и литературные памятники средневековой Руси. В 1775 г. Новиков вступил в масонскую ложу «Астрея», вскоре стал одним из руководителей московских масонов и занялся изданием масонской литературы. При его участии выходили масонские журналы «Утренний свет» (1777–1780), «Вечерняя заря» (1782), «Покоющийся трудолюбец» (1784). Сблизившись с профессором И. Г. Шварцем, учредившим в Москве орден розенкрейцеров, Новиков стал деятельным членом этой организации и подчиненным Шварца.

¹ То есть библиотеку.

В 1773 г. Новиков организовал *Общество, старающееся об издании книг*, но оно, хотя и выпустило несколько десятков томов, оказалось коммерчески несостоятельным и быстро прекратило существование. В 1779 г. Новиков снял в аренду типографию Московского университета, а в 1784 г. учредил *Типографическую компанию*, при которой также была типография, и фактически возглавил книгоиздание в Москве. Под надзором Новикова выходили газета «Московские ведомости» и журнал «Прибавление к “Московским ведомостям”», первый русский модный журнал «*Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета*» (1779), первый русский детский журнал «*Детское чтение для сердца и разума*» (1785–1789). Новиков издавал литературу различного характера — педагогическую, экономическую, научную и художественную. Серия «*Городская и деревенская библиотека для забавы и удовольствия, для разума и сердца*» (1782–1786) знакомила публику со значительными произведениями иностранной литературы. В типографии Новикова печатались сочинения П. Корнеля, Ж. Расина, Мольера, Вольтера, Д. Дидро, Ж. Ж. Руссо, Бомарше, Дж. Локка, Дж. Свифта, Г. Фильдинга, Л. Стерна, Э. Юнга, Г. Э. Лессинга, Ф. Клопштока, С. Геснера и других известных писателей. Здесь же выпущено поныне единственное полное собрание сочинений А. П. Сумарокова.

Размах деятельности Новикова при его масонских убеждениях настораживал Екатерину II, противнику мистицизма. С 1785 г. издания Новикова цензурировал лично митрополит Платон. В 1789 г. истек срок аренды университетской типографии, и в продлении контракта, по распоряжению императрицы, Новикову было отказано. В 1792 г. Новиков и члены его кружка были арестованы и обвинены в предательских связях с Пруссией. Новикова заточили в Шлиссельбургскую крепость, он был приговорен к смертной казни, замененной 15 годами одиночного заключения. Император Павел признал обвинение ложным и освободил Новикова, но тот был уже физически тяжело болен и душевно сломлен. Последние годы он провел в поместье, к издательской деятельности и журналистике не возвращался.

Влияние Новикова на распространение просвещения в России, на увеличение интереса к чтению, к литературе и наукам было очень велико, его деятельность высоко ценилась современниками, одним из членов его кружка был Н. М. Карамзин.

«Трутенъ» издавался Н. И. Новиковым еженедельно с мая 1769 по апрель 1770 г. в Петербурге. До сих пор не установлено, принадлежат ли какие-либо тексты «Трутня» перу издателя и участвовал ли в изданиях А. П. Сумароков. В журнале печатались А. О. Аблесимов, В. И. Майков, Д. И. Фонвизин, Ф. А. Эмин и др. Эпиграфы к «Трутню» — переос-

мысленные строки басен Сумарокова: «Они работают, а вы их труд едите» («Жуки и пчелы»), «Опасно наставленье строго, / Где зверства и безумства много» («Сатир и гнусные люди»). В «Трутне» печатались не только нравоописательные очерки и сатирические письма в редакцию, но также пародийные лечебники и ведомости, стилизовавшие копии с крестьянских отписок помещику и с помещичьего указа. Последние тексты резко обличали злоупотребления крепостников. Сатира «Трутня» была столь дерзка и вольнодумна, что журнал был закрыт.

«Живописец» выходил еженедельно с апреля 1772 по июнь 1773 г. в Петербурге, печатался в типографии Академии наук. Издатель Н. И. Новиков привлек в журнал многих значительных писателей. Предполагается, что анонимно и под псевдонимами в «Живописце» печатались императрица Екатерина II, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, А. Н. Радищев, княгиня Е. Р. Дашкова, В. Г. Рубан и др. Указывались лишь имена иностранных или умерших авторов (Н. Буало, Н. Н. Поповский) и высокопоставленных особ (король Пруссии Фридрих II, архиепископ Анатолий). До сих пор не ясна степень участия в журнале самого Новикова. Особенно остра проблема авторства «Отрывка путешествия в*** И*** Т***», приписываемого Радищеву, и текстов, приписанных Фонвизину («Письма к Фалалею», «На сих днях получил я известие...», «Известие, полученное с Еликона», «Письмо к племяннику»). Большинство ученых высказываются в пользу авторства этих писателей, некоторые (Г. П. Макогоненко) полагают, что это сочинения Новикова, однако за отсутствием неопровержимых доказательств обеих версий вопрос остается открытым.

«Живописец» явился продолжением сатирических изданий 1769–1770 гг., но не исчерпывался сатирическими материалами, выделяясь на фоне журналистики середины века жанровым и тематическим разнообразием, серьезностью подхода к важнейшим современным проблемам. Цель журнала, заявленная заглавием, — правдивая картина русских нравов, служащая к их исправлению. «Живописец» посвящен автору комедии «О, время!» (Екатерине II), как первому отечественному сатирику-бытописателю. Отношения Новикова с властью были сложны: сочувствуя цели журнала, помещая в нем статьи, финансируя издание, царица была недовольна дерзостью и масштабами сатиры «Живописца», поэтому, несмотря на популярность и официальный тон второй части журнала, он был закрыт. Новикову позднее трижды удалось переиздать «Живописец», в 1793 г. книгопродавец Г. Зотов выпустил еще одно издание большим для той эпохи тиражом 1200 экземпляров. Начиная с третьего издания «Живописец» — книга с особой композицией, включающая избранные публикации и ряд материалов «Трутня».

Журнал объединил различные формы сатиры: письма от вымышленных лиц (щеголих, провинциальных помещиков, духовной особы), «ведомости» (репортажи), пародийные словари, фельетон, критическое рассуждение («Английская прогулка»), бытовые зарисовки, аллегорические повеллы, мемуарные этюды, путевой очерк, пародийную оду («Похвала учебной палке»). «Живописец» отличается от прочих журналов тех лет стилевым разнообразием: щегольской, канцелярский жаргон, язык монаха, помещичье просторечие, манера многих современных литераторов не просто удачно спародированы, но часто тонко психологически мотивированы и дают живые речевые портреты персонажей с условными говорящими именами. Просветительский, но вместе с тем патристический тон «Живописца» определяет основные объекты сатиры: увлечение модами, подражание иностранцам, распушенность нравов, поверхностное восприятие радикальных идей французских просветителей, увлечение проникающими в Россию настроениями меланхолии, пессимизма, бездумное и бесполезное времяпрепровождение, невежество, грубость и жестокость помещиков, суеверия, взяточничество и иные судебные злоупотребления, чиновничество, корыстолюбие, спесь, беспринципный карьеризм посредственных литераторов и т. д. В «Отрывке путешествия», «Письмах к Фалалею» и некоторых других статьях обличение достигло значительной художественной силы и должно было иметь общественный резонанс. «Живописец» повлиял на распространение в России просветительских идей, развитие бытовой прозы и комедии.

Журналы Российской Академии

«Собеседник любителей российского слова» — журнал, выпускавшийся ежемесячно Академией наук в 1783–1784 гг. под наблюдением княгини Е. Р. Дашковой и под редакцией ее секретаря О. П. Козодавлева. Участником и руководителем издания была императрица Екатерина II, поместившая здесь обширные сочинения — «Записки касательно российской истории» и сатирические «Были-небылицы». Первый номер журнала открывался одой «Фелица» Г. Р. Державина, напечатавшего в «Собеседнике» также «На смерть князя Мещерского» и другие оды. В журнале сотрудничали почти все лучшие писатели того времени, члены Российской Академии — Я. Б. Княжнин, В. В. Капнист, М. М. Херасков, И. Ф. Богданович, М. Н. Муравьев и др. Д. И. Фонвизин поместил в «Собеседнике» «Опыт российского соловейника», «Челобитную российской Миперве от российских писателей» и «Несколько вопросов автору “Былей-небылиц”, могущих

возбудить в умных и честных людях особое внимание». Вопросы Фонвизина, опубликованные анонимно, смело затрагивали самые болезненные проблемы русской общественной жизни. Екатерина II ответила на них в журнале довольно резко, вопроситель вынужден был напечатать покаянное письмо. Осложнение отношений с княгиней Дашковой побудило императрицу прекратить сотрудничество в журнале, и «Собеседник» закрылся.

Екатерина Романовна Дашкова

(1743, Санкт-Петербург — 1810, село Троцкое Калужской губ.)

Княгиня Дашкова — выдающийся деятель русской культуры. Дашкова — дочь Р. И. Воронцова, вельможи, за алчность и казнокрадство прозванного «Роман — большой карман», воспитывалась в семье дяди — канцлера М. И. Воронцова, человека просвещенного; получила превосходное домашнее образование, рано заинтересовалась философией и литературой и уже к 15 годам собрала огромную библиотеку. В 1759 г. вышла замуж за офицера князя Дашкова, брак этот не был удачным: Дашкова овдовела в 1764 г., от мужа остались долги, с детьми она впоследствии рассорилась. Неурядицы семейной жизни княгиня восполняла общественной и научной деятельностью. Незадолго до замужества Дашкова сблизилась с великой княгиней Екатериной Алексеевной. У них были общие вкусы: увлечение французской просветительской философией. В 1762 г. Дашкова принимала участие в организации и осуществлении дворцового переворота. Однако после воцарения Екатерины II дружба этих двух незаурядных женщин распалась. Помимо возникшего между ними непреодолимого социального барьера, а также плохой психологической совместимости двух волевых, энергичных и властных молодых женщин, конфликт между Екатериной II и Дашковой имел политическую мотивировку. Княгиня поддерживала партию братьев Паниных, мечтавших возвести на трон наследника Павла Петровича, сделав его мать лишь регентом. Оказавшись в опале, Дашкова дважды уезжала за границу, побывала в Англии, Франции, Германии, Голландии, Австрии, Швейцарии, Италии, получала аудиенцию нескольких монархов, общалась с видными философами — Вольтером, Дидро, Д'Аламбером и др. В 1783 г., уже не опасаясь панинской оппозиции, императрица приблизила Дашкову, назначила ее директором Академии наук и президентом Российской Академии.

Российская Академия основана в 1783 г. по образцу Французской Академии и в 1841 г. была преобразована в отделение Академии наук.

Цель Российской Академии — организация литературной жизни, упорядочение русского языка, создание нормативных грамматик и словарей (первое издание «Словаря Российской Академии» вышло в 1789–1794 гг.; это первый серьезный русский толковый словарь). В Российскую Академию избирались вельможи (И. И. Шувалов, Г. А. Потемкин, А. А. Безбородко), ученые (И. И. Лепехин, С. Я. Румовский, М. М. Щербатов) и писатели — Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, И. Ф. Богданович, М. М. Херасков, В. В. Капнист, Н. А. Львов, М. Н. Муравьев, Н. П. Николев и др. Создателем проекта Российской Академии и первым ее президентом (до 1796 г.) была княгиня Дашкова, последним президентом — адмирал А. С. Шишков (с 1813 г.).

Дашкова успешно справлялась с управлением двумя академиями, привела в порядок запущенное хозяйство Академии наук, руководила научными изданиями. Просвещенная дама была известна за границей и избрана почетным членом Дублинской, Стокгольмской и Эрлангенской академий и нескольких иностранных ученых обществ. Дашкова занималась и литературой, написала комедию «Томасов», руководила многотомным изданием русских пьес «Российский феатр». В 1793 г., опубликовав там трагедию Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», княгиня навлекла на себя опалу и была выслана из столицы. Император Павел в 1796 г. уволил Дашкову, как подругу Екатерины II, со всех постов. Ей было приказано жить безвыездно в поместье, где она предпочла оставаться и при Александре I, хотя опала с нее была снята.

В последние годы жизни Дашкова работала над воспоминаниями, опубликованными посмертно. Эта книга представляет собой один из интереснейших памятников мемуарного жанра.

Журналы И. А. Крылова

«Зритель» — ежемесячный журнал, выпускавшийся в Петербурге в 1792 г. издательством «И. А. Крылов со товарищи» (И. А. Крылов, А. И. Клушин, П. А. Плавильщиков, И. А. Дмитриевский). Журнал проводил патристическую идеологию, представленную в двух формах: нравоучительные статьи Плавильщикова («Нечто о природном свойстве душ российских», «Театр» и др.), призывающие сознавать и развивать национальную самобытность, и сатирические произведения Клушина и Крылова (в том числе «Ночи», «Похвальная речь в память моему дедушке», аллегорическая повесть «Кайб»). В журнале печатались также чувствительные стихи издателей, басни Д. И. Хво-

стова. Направление журнала вызывало подозрения у властей. В типографии товарищества был произведен обыск; Дмитревский и Плавильщиков вышли из товарищества, и вскоре издание «Зрителя» прекратилось.

«*Санкт-Петербургский Меркурий*» — ежемесячный журнал, выпускаемый в 1793 г. издательством «И. А. Крылов со товарищи», а затем выходивший при Академии наук. Издатель журнала — А. И. Клушин при содействии Крылова, последние два номера выпустил И. И. Мартынов. Основной материал предоставляли издатели, но публиковались также Н. П. Николев, князь Д. П. Горчаков и др. «Санкт-Петербургский Меркурий» продолжал линию «Зрителя», но ориентировался и на «*Mercure de France*», и даже на враждебный «Московский журнал» Карамзина, то есть был не сатирическим, а общелитературным журналом. Содержание «Меркурия» разнообразно: биографические очерки о Сервантесе, Ричардсоне, Вольтере; «Российские анекдоты» Клушина, пытавшиеся доказать, что частная жизнь русских и иностранцев одинаково интересны; переводы идиллий С. Геснера, «Рассуждения об английской трагедии» Вольтера, «Опыта о человеке» А. Попа; лирика; сатирическая проза И. А. Крылова («Похвальная речь науке убивать время», «Похвальная речь Ермалафиду»), сентиментальная повесть Клушина «Несчастный М-в»; книжные новости; театральные рецензии (Крылова — на комедии Клушина, Клушина — на «Вадима Новгородского» Княжнина). Позиция журнала эклектична и в эстетическом, и в политическом плане. «Санкт-Петербургский Меркурий» вел резкую полемику с львовским кружком, карамзинистами, уже умершим Княжниным, но регулярно помещал сентиментальные тексты; просветительская сатира соседствовала с официально-консервативными высказываниями. Журнал поощряли архаистски настроенные читатели. Эклектичность «Меркурия» и равнодушные к нему публики привели к быстрому прекращению журнала.

Журналы Н. М. Карамзина

«*Московский журнал*» — ежемесячный журнал, издававшийся Н. М. Карамзиным в 1791–1792 гг. Это первый русский журнал, напоминающий современные нам периодические издания. Во всех номерах последовательно проводилось разделение на 5 отделов: русской литературы, иностранной литературы, критики, театральные рецензии, литературной и светской хроника. В журнале не помещались сочинения на теологические, мистические и политические темы, а так-

же научные труды, написанные тяжелым языком, непонятным публике. Сотрудниками журнала были Г. Р. Державин и М. М. Херасков, но тон задавали молодые сентименталисты — И. И. Дмитриев, сам Карамзин, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, В. В. Измайлов и др. Популярность издания в целом и особенно опубликованных в нем чувствительных сочинений (песенок Дмитриева и повестей Карамзина) была огромна. Возможно, закрытие журнала связано с одой Карамзина «К милости», намекающей на несправедливость ареста московских масонов.

«*Вестник Европы*» — двухнедельный журнал, выходивший в Москве, основан в 1802 г. Н. М. Карамзиным. Журнал имел два отдела: литература и политика; отсутствовал отдел критики, так как участие в литературной полемике не предполагалось. «Вестник Европы» — первый русский современный толстый литературно-политический журнал. В нем сотрудничали многие видные писатели-сентименталисты, помещал повести и Карамзин. В 1802 г. здесь вышел знаменитый перевод В. А. Жуковским «Сельского кладбища» Т. Грея, а в 1814 г. впервые выступил в печати А. С. Пушкин. В 1804 г. Карамзин прекратил редактировать журнал, его сменили П. П. Сумароков, М. Т. Каченовский, В. А. Жуковский, В. В. Измайлов. «Вестник Европы» выходил до 1830 г.

РУССКИЙ ТЕАТР XVIII века

Типы театральных трупп в России XVIII века

Школьные театры — театральные труппы при учебных заведениях, состоящие полностью или большей частью из учащихся этих заведений. Организовывались первоначально из педагогических соображений (развитие памяти, риторических навыков, более увлекательное и наглядное усвоение учебного материала), позднее — отчасти и ради удовольствия и развлечения в часы досуга.

первыми возникли и наиболее распространились театры при **духовных учебных заведениях** (Славяно-греко-латинской, Киево-Могилянской академиях и др.), где ставили преимущественно пьесы на религиозные темы, в частности на библейские сюжеты (так называемые **школьные драмы**);

— с середины XVIII в. возникали театры при **светских учебных заведениях** (Сухопутном и Морском кадетских корпусах и т. д.), где обычно ставили светские иностранные и русские пьесы;

— в 1756 г. в Москве основан **университетский театр**, куда принимали не только студентов, приглашали актрис, скоро театр стал самостоятельным, курировался университетом формально.

Частные театры были домашними и публичными; любительскими или относительно профессиональными; организовывались русскими и иностранными антрепренерами, которые нанимали актеров, или устраивались владельцем театра, приглашавшим в качестве актеров своих знакомых, подчиненных или крепостных;

— **иностранцы гастролеры** появились в России с конца XVII в. Таково было большинство театральных трупп в Москве и Петербурге до середины столетия, хотя каждая антреприза существовала очень недолго. В 1702 г. в Москве по повелению Петра I был построен публичный (общедоступный) театр, на котором играла немецкая труппа Кунста, с 1703 г. — Фюрста. Спектакли шли преимущественно по-немецки или на сильно искаженном немецкими актерами русском языке и почти не имели успеха, в 1706 г. театр закрылся. Немецкая труппа Манна выступала в 1719–1722 гг. в Петербурге. При дворе Анны Иоанновны с большим успехом гастролеровали итальянские комедианты (1733–1735) и немецкая труппа Каролины Пейбер (1740). После 1735 г. с небольшими перерывами в Петербурге гастролеровали итальянская опера и балет, на протяжении XVIII в. Россию посе-

тили многие известные итальянские певцы, танцовщики и музыканты, в том числе знаменитые композиторы Паизиелло и Чимароза. В 1759 г. итальянский антрепренер Дж.-Б. Локателли организовал театр комической оперы в Москве, но в том же году вынужден был заключить соглашение с университетским театром о поочередном выступлении на сцене общего театрального здания, и вскоре предприятие Локателли обанкротилось и закрылось. После 1742 г. в Петербурге выступала и французская труппа. До 1783 г. итальянские и французские актеры выступали на придворной сцене, с 1783 г. также на сцене публичного театра в очередь с русской труппой;

— **крепостные театры** имелись у многих богатых помещиков. Всероссийскую известность получили, например, полмосковские театры Шереметевых в Кусково и Останкино, Юсуповых в Архангельском. Крепостные театры могли давать спектакли как для домашнего круга, так и для посторонней публики. Многие крепостные актеры, музыканты и оформители спектаклей достигали значительного мастерства, некоторые из них получили серьезное профессиональное образование. Иногда крепостным актерам удавалось выкупиться и поступить на вольную или императорскую сцену, как М. С. Щепкину, в малолетстве получили вольную великие трагики Е. С. Семенова и П. С. Мочалов. В 1789 г. граф Н. П. Шереметев дал вольную своей крепостной актрисе Прасковье Жемчужовой и женился на ней. Однако такие случаи были редки. Судьба большинства крепостных актеров была очень тяжелой, в частности и потому, что, будучи образованные иных дворовых, они чувствовали особенно болезненно свое унижение. Некоторые содержатели крепостных театров прославились чудовищной жестокостью, особенно С. М. Каменский, убитый крестьянами и послуживший прототипом для барина в повести Н. С. Лескова «Тупейный художник»;

— **вольные русские театры** — русские труппы, дававшие публичные спектакли на русском языке и содержавшиеся русскими или иностранными антрепренерами. В 1750 г. такой театр устроили в Ярославле братья Волковы. В 1759 г. в Москве на основе труппы Локателли и университета был открыт Российский театр, которым позднее владели различные антрепренеры. После пожара 1780 г. было построено новое здание (на месте нынешнего Большого театра), получившее название Петровского театра, который возглавил антрепренер М.-Е. Медоке. В московском театре состоялась премьера комической оперы А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779), впервые в России поставили комедию Бомарше «Свадьба Фигаро» и трагедию Лессинга «Эмилия Галотти». В 1806 г. театр Медокса был приобретен казной и стал императорским. В Петербур-

ге в 1779–1783 гг. на Царицыном лугу (ныне Марсово поле) действовал вольный театр антрепренера К. Книпера, с 1782 г. — под управлением И. А. Дмитриевского. В этом театре впервые поставлены комедии Фонвизина «Бригадир» (1780) и «Недоросль» (1782), опера Матеевского «Санкт-Петербургский Гостиный двор». К вольным можно отнести и все любительские театры, где играли не крепостные актеры.

Императорские театры состояли в ведении двора и давали закрытые или публичные спектакли:

— **придворный театр** в России организовали еще в 1672 г. по приказу царя Алексея Михайловича боярин Артамон Матвеев и приглашенный им пастор И. Г. Грегори. Этот театр был закрыт в 1676 г. в связи с кончиной царя. Любительские придворные труппы, которые иногда давали спектакли и для посторонней благородной публики, в начале XVIII в. устроили царевна Наталья Алексеевна, сестра Петра I (сначала в подмосковном селе Преображенском), и вдовствующая царица Прасковья Федоровна, вдова царя Иоанна V Алексеевича (в подмосковном селе Измайлове). В 1759—1783 гг. петербургский театр, учрежденный в 1756 г., будучи подчинен придворной конторе, давал спектакли лишь для двора, а для дворянской и купеческой публики лишь в установленные дни по специальному разрешению; простонародье и солдаты в театр не допускались. С 1783 г. придворный театр отделился от публичного, получил название Эрмитажный и стал доступен лишь для небольшого круга приглашенных. Однако труппа придворного и публичного театров оставалась общей и лишь давала поочередно спектакли на разных сценах;

— **публичные театры** были доступными для свободных (не крепостных) зрителей и содержались правительством, казной. Первый такой театр открыт 30 августа 1756 г. в Петербурге на основе привезенной в 1752 г. из Ярославля труппы братьев Волковых и нанятых по объявлению актеров и актрис. Директором театра до 1761 г. состоял А. П. Сумароков, первым актером до 1763 г. — Ф. Г. Волков. В 1759 г. театр перешел на положение придворного (см. выше). В 1760–1770-х гг. в Петербурге и Москве действовали *народные театры*, на которых играли актеры, нанятые по объявлению, получающие казенное жалованье. После «чумного» бунта в Москве деятельность этих театров вызвала подозрение властей и возобновлялась лишь эпизодически. С 1783 г. актеры придворной труппы стали в очередь с итальянской и французской труппами давать спектакли на сцене специально выстроенного публичного театра (на месте нынешней Консерватории на Театральной площади). В Москве императорский публичный театр действовал лишь с 1806 г.

ЗНАМЕНИТЫЕ РУССКИЕ АКТЕРЫ XVIII — начала XIX века

Федор Григорьевич Волков

(1729, Кострома — 1763, Москва)

Волков считается основателем русской актерской школы. Он происходил из купеческого рода. Детство провел в Ярославле, в доме отца — купца Ф. Полушкина, в 1740-х гг. учился в Москве, побывал и в Петербурге и, живя в этих больших городах, увлекся театром. В 1750 г. вместе с братьями он устроил в Ярославле в амбаре для хранения кож любительский театр, а затем по просьбе публики и на ее пожертвования выстроил новое большое театральное здание, где стал одновременно директором, постановщиком и первым актером. В 1752 г. по повелению императрицы Елизаветы Петровны, узнавшей о волковском театре, ярославская труппа была доставлена в столицу и дала при дворе несколько спектаклей, принятых благосклонно. Волков вместе с несколькими своими товарищами был определен в Сухопутный шляхетный кадетский корпус для совершенствования в театральном искусстве у более опытных кадетов сумароковского кружка и для приобретения светских манер и необходимых при дворе познаний. Овладев иностранными языками, Волков занялся драматическими переводами, ему приписывается и несколько оригинальных стихотворений. В 1756 г. при учреждении публичного театра Ф. Г. Волков был назначен первым актером труппы. По свидетельству современников, он с блеском играл и в трагедиях, и в комедиях, но конкретных сведений о его ролях сохранилось мало. Известно, что он выступал в пьесах Сумарокова, в частности с успехом играл князя Оскольда в трагедии «Семира». Волков принимал деятельное участие в возведении на престол Екатерины II, отказался от предложенных ему наград, но пользовался большим доверием новой императрицы. В 1763 г. он руководил в Москве постановкой коронационных торжеств — маскарада «Торжествующая Минерва» (текст сочинен А. П. Сумароковым и М. М. Херасковым), во время разъездов по городу простудился и после недолгой болезни умер.

Иван Афанасьевич Дмитриевский

(настоящая фамилия — Нарыков или Дьяконов;
1734, Ярославль — 1821, Санкт-Петербург)

Дмитриевский учился в Ростовской духовной семинарии, но, увлекшись театром, оставил ученье и поступил в ярославскую труппу Волковых, вместе с которой прибыл в 1752 г. в столицу, где принял свой сценический псевдоним и был, как и Ф. Г. Волков, определен в Сухопутный шляхетный кадетский корпус, а в 1756 г. зачислен в труппу первого публичного императорского театра. В 1763 г. Дмитриевский заменил на должности первого актера скончавшегося Волкова; как и тот, с равным успехом играл в трагедиях, комедиях и слезных драмах. В 1783–1787 гг. состоял инспектором театра, преподавателем театральной школы, постановщиком пьес; кроме службы в придворной труппе, в 1780–1783 гг. Дмитриевский состоял постановщиком, а в последний год и антрепренером вольного театра на Царицыном лугу. Выйдя в отставку, Дмитриевский выступал на сцене редко, но продолжал консультировать молодых артистов. Последний раз он играл на сцене в 1812 г. в патриотической пьесе Висковатого «Всеобщее ополчение».

Владея несколькими иностранными языками и хорошим русским слогом, Дмитриевский удачно перевел много пьес, в том числе Реньера, Детуша, Коцебу. В 1802 г. он был первым из актеров избран членом Российской Академии. Хотя в XVIII в. к актерской профессии относились пренебрежительно, Дмитриевский вызывал уважение многих высокопоставленных особ и особенно литераторов — Сумарокова, Фонвизина, Крылова. Дмитриевский, вызывая бурные восторги зала, исполнил главные роли в самых знаменитых русских трагедиях — «Синав и Трувор», «Димитрий Самозванец» Сумарокова, «Дидона», «Титово милосердие», «Рослав» Княжнина. Благодаря Дмитриевскому был впервые поставлен «Недоросль» Фонвизина, так как актер избрал эту пьесу для своего бенефиса в вольном театре на Царицыном лугу и, по отзывам современников, в том числе и самого Фонвизина, превосходно исполнил роль Стародума. Дмитриевский был пайщиком издательства «И. А. Крылов со товарищи» и участвовал в издании журнала «Зритель».

Дмитриевский — первый русский актер, известный и признанный за границей. В 1760-е гг. он дважды ездил в Европу: сначала совершенствоваться в актерском искусстве, затем — набирать артистов для французской придворной труппы. Во Франции он познакомился с А.-Л. Лекеном, а в Англии — по рекомендации Лекена — с Д. Гарри-

ком и заслужил восторженные отзывы великих артистов. Многому научившись у европейских коллег, Дмитриевский ввел новую манеру сценической игры. Он считается создателем русской школы театральной декламации. Соблюдая в целом правила сценической игры и сохраняя условность театральной манеры, Дмитриевский стремился сделать переживания персонажей не столько эффектными, сколько убедительными для зрителя. Он не злоупотреблял внешними приемами, не всегда читал монолог у рамп, иногда переходил на шепот, пропагандировал благородную простоту подачи реплик. Это поражало современников. Им казалось, что Дмитриевский обладал чудным даром перевоплощения: в «Амфитрионе» Мольера ему стоило сменить красный платок на белый, чтобы измениться до неузнаваемости.

Татьяна Михайловна Троепольская

(умерла в 1774 г.)

Троепольская считается первой значительной русской актрисой. Она поступила на сцену в Москве и в числе лучших актеров была переведена в Петербург. Троепольская с исключительным успехом играла главные женские роли в трагедиях Сумарокова, в том числе Ильмену в «Синаве и Труворе», Семиру в «Семире» и Ксению в «Димитрии Самозванце». Комические роли актрисе, видимо, удавались меньше. В целом Сумароков, Новиков и другие просвещенные современники давали игре Троепольской очень высокие оценки.

Яков Данилович Шумский

(умер в 1806 г.)

Шумский в молодости был в Ярославле цирюльником, увлекшись театром, поступил в труппу Волковых и с нею в 1752 г. приехал в Петербург. На столичной сцене Шумский играл комические роли, особенно успешно — слуг и старух. Фонвизин в мемуарах вспоминает, что во время первого своего посещения театра видел игру Шумского и изнемогал от смеха. Популярностью пользовались роли Шумского в комедиях Мольера, Гольберга, Реньера, из русских пьес — слуги Василия в «Моте, любовию исправленном» В. И. Лукина и особенно Еремеевны в «Недоросле» Фонвизина.

Яков Емельянович Шушерин

(1753, Москва — 1813, там же)

Шушерин родился в Москве и, подобно отцу, мелкому чиновнику, поступил на службу писцом. В юности Шушерин увлекался кулачным боем и много преуспел в этом занятии, но затем страстно полюбил театр и стал стремиться на сцену. Обладая невыгодной внешностью, Шушерин сначала смог добиться лишь должностей суфлера, статиста, актера на выходные роли слуг. Однако после упорной работы над собой он сумел получить небольшие роли, а к 1785 г. достиг такого искусства, что был приглашен на столичную сцену. В 1791–1800 гг. Шушерин вновь служил в московском Петровском театре, в 1800–1810 гг. — на петербургской сцене. Затем, выйдя в отставку, жил в Москве. Как многие видные актеры XVIII в., Шушерин с успехом играл в комедиях, драмах и трагедиях, но в отличие от Дмитревского следовал намеренно театральной манере игры, подчеркивающей эффектные приемы. Особенно прославился актер в сентиментальных драмах Коцебу и в трагедиях — роли Ярба («Дидона» Княжнина), Эдипа («Эдип в Афинах» Озерова), Старна («Фингал» Озерова). Для бенефиса Шушерина Н. И. Гнедич переделал трагедию «Король Лир» Шекспира, и актер с большим успехом сыграл в пьесе главную роль.

Антон Михайлович Крутицкий

(1754, Москва — 1803, Ревель, ныне Таллин (Эстония))

Воспитывался в московском Воспитательном доме, где и был обучен актерской профессии. Сначала Крутицкий выступал в вольном театре на Царицыном лугу, а затем играл на императорской сцене. Как и Шумский, Крутицкий был знаменитым комическим актером, особенно он прославился в комедиях Мольера «Мещанин во дворянстве» (господин Журден), «Скупой» (Гарпагон), Княжнина «Чудаки» (Лентягин), в опере Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (мельник). В 1798 г. в бенефис Крутицкого была впервые дана «Ябеда» В. В. Капниста. Актер так блистательно сыграл роль Кривосудова, что автор предоставил ему право первого издания пьесы.

Алексей Семенович Яковлев

(1773, Санкт-Петербург — 1817, там же)

Знаменитый трагический актер происходил из петербургских купцов, рано осиротел и воспитывался старшей сестрой. Страстно увлекшись театром и литературой, Яковлев потребовал выдать ему его долю наследства, занялся без всякой прибыли мелочной торговлей в Гостином дворе, отдавая большую часть времени сочинению стихов и пьес и упражнениям в декламации. По счастливой случайности юноша познакомился с банковским чиновником Н. И. Перепечиным, который представил Яковлева Дмитревскому. Последний угалал в молодом купце большой талант, подготовил его к сцене и определил на театр. В 1794 г. Яковлев дебютировал на императорской сцене и почти сразу стал одним из самых влиятельных актеров и получил роли первых любовников в наиболее репертуарных пьесах. Яковлев был хорош собой, играл пылко и был способен сильно увлекать зрителей. Он неизменно пользовался успехом у высочайших особ — и у Екатерины II, и у Павла Петровича, и у Александра I. Однако личная жизнь артиста была несчастливой, он страдал неразделенной любовью к своей сценической партнерше А. Д. Каратыгиной, артистке замужней и преданной своему супругу. Хотя Яковлев был доброжелателен, охотно передавал молодым актерам, если те выказывали способности, свои прославленные роли, его отношения с театральной средой также были напряженными (в том числе с Дмитревским, Шушериным и молодой партнершей во многих трагедиях Семеновой). С 1808 г. Яковлев вел легкомысленный образ жизни, сильно пил, в 1813 г. пытался покончить жизнь самоубийством: перерезать себе горло. Актера спасли, он даже вернулся на сцену и сыграл несколько значительных ролей. Однако ни прежнего сильного голоса, ни давно утраченного психологического равновесия Яковлеву не удалось вернуть. В 1815 г. он женился на молодой актрисе Е. И. Ширяевой, давно в него влюбленной и покорно сносившей тяжелый характер супруга, и вышел в отставку. Впрочем, в последние годы Яковлев иногда появлялся на сцене, последний раз играл уже тяжело больной в 1817 г. Перед смертью Яковлев долго находился в бессмысленности, не узнал даже своего учителя Дмитревского, и, по преданию, последними словами актера, произнесенными в бреду, была цитата из «Дмитрия Донского» Озерова: «Вещайте языки: велик российский Бог».

Конфликты Яковлева с другими артистами часто объяснялись различием театральных вкусов. Яковлев в отличие от Дмитревского, Шушерина и Семеновой считается *предшественником романтизма*

на русской сцене. Актер настроения, порыва, он играл страстно, не напыщенно, но неистово, по вдохновению: заранее не продумывал интонаций и действий в конкретном спектакле, а исходил из общего понимания роли и собственного душевного состояния в данный момент. Личная жизнь Яковлева также вписывалась в рапперомагическую концепцию творчества. Яковлев прославился в драмах А. Коцебу, сентиментальным героям которых Фрицу («Сын любви»), барону Мейнау («Ненависть к людям и раскаяние») он сумел придать черты высокого трагизма, и особенно в трагедиях Княжнина (Ярб в «Дидоне»), Озерова (Тезей в «Эдипе в Афинах», Фингал, Дмитрий Донской в одноименных пьесах, Агамемнон в «Поликсене»), Крюковского (Пожарский в одноименной трагедии), Вольтера (Танкред в «Танкреде»), Расина (Июлай в «Гофоллии»), Шекспира (Отелло и Гамлет — в русских переделках одноименных пьес), Шиллера (Карл Моор в переделке «Разбойников») и др.

Яковлев периодически выступал как поэт и драматург, но его сочинения не имеют большого литературного значения.

Екатерина Семеновна Семенова

(1786–1849, Санкт-Петербург)

Великая трагическая актриса, по происхождению крепостная, возможно, незаконнорожденная дочь помещика, получила вольную еще в малолетстве и окончила театральную школу. Учителем Семеновой был видный комик В. Ф. Рыкалов, затем — Дмитриевский, с 1809 г. актриса занималась декламацией с поэтом Н. И. Гнедичем. В 1802 г. Семенова дебютировала на императорской сцене, была принята в труппу и скоро стала первой актрисой. Прославилась она исполнением главных ролей в трагедиях Озерова «Эдип в Афинах» (Антигона), «Фингал» (Моина), «Дмитрий Донской» (Ксения), «Поликсена» (Поликсена, позднее — Гекуба). В 1809 г. Семенова вступила в соперничество с первой актрисой придворной французской труппы — прославленной парижской актрисой Жорж. Обучившись принятым во Франции способам декламации, Семенова соединила их с сентиментальными, доверительными интонациями, испытанными уже при исполнении трагедий Озерова, и добилась полной победы над соперницей в одних и тех же ролях, которые Жорж играла на языке оригинала, а Семенова в посредственных русских переводах. Свое поражение признала в 1811 г. сама Жорж, в 1812 г. французская труппа в связи с войной покинула Россию. Соперничество с молодой русской

актрисой А. М. Колосовой было менее успешным: Семенова потеряла много главных и любимых ею ролей и в 1820 г. ушла в отставку. Однако когда мода на Колосову прошла и сменилось театральное начальство, Семенова в 1822 г. вернулась на сцену, была встречена с восторгом. В 1826 г. актриса окончательно оставила сцену и обвенчалась со своим давним поклонником и покровителем князем И. А. Гагариным. Последние годы Семенова жила в Москве, редко по делам приезжала в Петербург и участвовала в любительских спектаклях. В столице актриса и умерла, причем ее огромное, многомиллионное состояние, накопленное за годы службы и унаследованное от богатого супруга, по неизвестной до настоящего времени причине исчезло и не было обнаружено. Семенова оказалась нищей и всеми забытой, ее бедно, но душевно похоронили несколько соратников по искусству.

Суждения современников о Семеновой противоречивы. Многие свидетельствовали о ее капризном и подозрительном характере, тщеславии и страсти к богатству, о многочисленных интригах против соперниц и неугодных сценических партнеров. Деспотическое влияние Семеновой в театре было велико. В 1822 г. из столицы был выслан П. А. Катенин (видимо, по политическим причинам), и формальной причиной ссылки было неуважительное публичное суждение о Семеновой во время спектакля. Однако все современники говорили о необыкновенной красоте и исключительном таланте актрисы. Хотя Семенова иногда с успехом играла в комедиях и драмах, славу ей принесли трагические роли. Помимо трагедий Озерова, особенный успех она имела в иностранных пьесах: «Андромахе» (Гермиона), «Ифигении» (Клитемнестра), «Федре», «Эсфири», «Гофоллии» (главные роли) Ж. Расина, «Танкреде» (Аменaida), «Меропе» (Меропе) Вольтера, «Марии Стюарт» (Мария) Шиллера и др.

«ТАБЕЛЬ О РАНГАХ» в XVIII веке

«Табель о рангах» учреждена Петром I в 1722 г. и действовала до 1917 г. Этот документ устанавливал соотношение между высшими чинами государственной службы. Все чины были разделены на 14 классов, из которых первый считался высшим, 14-й — низшим. Чиновники каждого класса имели соответствующие обязанности и привилегии, соответствующее жалование, к ним следовало обращаться определенным образом. Чины ниже 14-го класса считались вне-табельными, подчиненными (рядовые солдаты, унтер-офицеры, мелкие служащие гражданских учреждений). Все дворяне обязаны были служить с низшего чина, со среднего — при наличии значительного образования. Неслужащий дворянин числился «недорослем» и не имел права жениться. В обход закона дворяне иногда записывали на службу малолетних детей, чтобы те достигли солидного чина к моменту службы. Лишь Указ о «вольности» дворянства (1762) сделал службу добровольной. Согласно «Табели о рангах» на государственную службу мог поступить свободный (не крепостной) человек любого происхождения. Дослужившиеся до 14-го класса получали личное, до 8-го — потомственное дворянство. Жена имела чин мужа, дочь — на 2 чина меньше, чем отец. Сын служащего государству должен был сам заслужить себе чин, но сын личного дворянина все же становился почетным гражданином, сын потомственного дворянина — дворянином.

Человека в XVIII в. ценили по его чину, ибо чин в идеале отражал способности и достоинства человека. Иерархия чинов была очень жесткой (правило «чин чина почитай» действовало неукоснительно). Хотя формально военные и гражданские чины одного класса ценились как равные, общее положение военных было привилегированным, и потому общее обозначение чинов давалось через чины военные.

Выделялось 3 уровня табельных чинов:

Генеральские	1–5-й классы
Штаб-офицерские	6–8-й классы
Обер-офицерские	9–14-й классы

Обращения к чиновникам

1–2-й классы	Высокопревосходительство
3–4-й классы	Превосходительство
5-й класс	Высококордие
Штаб-офицеры (6–8-й классы)	Высокоблагородие
Обер-офицеры (9–14-й классы)	Благородие

Основное распределение чинов по классам в XVIII веке таково:

Класс	Сухопутные военные чины	Морские военные чины	Гражданские (статские) чины	Придворные чины
1	Генерал-фельдмаршал	Генерал-адмирал	Канцлер	
2	Генерал-аншеф (до 1796 г.), затем — генерал с указанием рода войск	Адмирал	Действительный тайный советник	Обер-камергер; обер-гофмаршал; обер-штальмейстер; обер-егермейстер; обер-гофмейстер; обер-церемониймейстер; обер-шенк
3	Генерал-поручик	Вице-адмирал	Тайный советник	Гофмаршал; штальмейстер; егермейстер; гофмейстер; церемониймейстер
4	Генерал-майор	Контр-адмирал	Действительный статский советник	
5	Бригадир (упразднен в 1799 г.)	Капитан-командор (упразднен в 1799 г.)	Статский советник	
6	Полковник	Капитан первого ранга	Коллежский советник	Камер-фурьер
7	Подполковник	Капитан второго ранга	Надворный советник	
8	Премьер-майор; секунд-майор (в 1731–1797 гг.); позднее — майор	Капитан третьего ранга	Коллежский асессор	

9	Капитан	Капитан-лейтенант	Титулярный советник	
10	Штабс-капитан	Лейтенант	Коллежский секретарь	
11	Поручик		Корабельный секретарь	
12	Секунд-поручик	Унтер-лейтенант	Губернский секретарь	
13			Провинциальный секретарь; сенатский регистратор; синодский регистратор; кабинетский регистратор	
14	Фендрик	Мичман	Коллежский регистратор	

РОССИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ XVIII — начала XIX века

Имя цари	Годы правления	Родственные отношения с другими правителями и иные полезные сведения
Петр I Алексеевич	1682–1725	Сын Алексея Михайловича от брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной. Первоначально правил вместе со сводным братом Иоанном V; регентом была сводная сестра — царевна Софья Алексеевна. От первого брака (с Евдокией Федоровной Лопухиной) имел сына Алексея (казнен), от второго (с Екатериной I) — дочерей Анну и Елисавету, сына Петра (умер в младенчестве)
Екатерина I Алексеевна	1725–1727	Настоящее имя — Марта Скаврнская; вдова Петра I
Петр II Алексеевич	1727–1730	Сын царевича Алексея Петровича, внук Петра I. Умер в юном возрасте от оспы.
Анна Иоанновна	1730–1740	Дочь Иоанна V Алексеевича, племянница Петра I; вдова герцога Курляндского. Детей не имела
Иоанн VI, Антонович	1740–1741	Правнук Иоанна V, грудной младенец; регентом состояла его мать Анна Леопольдовна, племянница Анны Иоанновны, дочь ее родной сестры Екатерины. Свергнут во время дворцового переворота и заточен в тюрьму; убит в 1764 г. при попытке освобождения
Елисавета Петровна	1741–1761	Дочь Петра I и Екатерины I. При вступлении на престол дала дворянству клятву не выходить замуж и не иметь наследника; тайно обвенчалась с А. Г. Разумовским
Петр III Федорович	1761–1762	Сын Анны Петровны и герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха; внук Петра I и Екатерины I; племянник Елисаветы Петровны. Свергнут во время дворцового переворота и вскоре убит
Екатерина II Алексеевна	1762–1796	Настоящее имя — София Фредерика Августа, принцесса Ангальт-Цербстская; вдова Петра III
Павел Петрович	1796–1801	Сын Петра III и Екатерины II; правнук Петра I. Убит во время дворцового переворота. От брака с великой княгиней Марией Федоровной имел сыновей Александра, Константина, Николая, Михаила и шесть дочерей
Александр I Павлович	1801–1825	Сын Павла Петровича. Не имел прямых наследников

ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ XVIII века

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1700	Введение нового календаря (1 января). Мирный договор с Турцией. Россия получила Азов. Начало Северной войны со Швецией. Указ о введении венгерского, а затем немецкого платья	Родился архитектор Франческо Бартоломео Растрелли
1701	На Урале основаны первые литейные заводы	Учреждены Инженерная и Навигацкая школы в Москве
1702	Первый в России указ о запрещении дуэлей. В России введен графский титул. Первым графом стал Ф. А. Головин	В Москве вышел первый номер первой русской газеты «Ведомости» (17 декабря — первые два номера не сохранились). В Москве возник первый общедоступный театр (труппа Кунста, с 1703 г. — Фюрста)
1703	Основан Санкт-Петербург (16/27 мая). Основан Петрозаводск. Родился И. И. Бецкой	В Астрахани родился В. К. Тредиаковский. Издана «Арифметика» Л. Магницкого. В России впервые в печатном издании использованы арабские цифры
1704	Заложен Кронштадт	В Петербурге начато устройство Летнего сада
1705	Введение рекрутской повинности. Указ об обязательном бритье бород	
1706		В Москве разбит аптекарский огород (первый ботанический сад в России). В Москве окончательно закрыт публичный немецкий театр
1707	Крестьянское восстание на Дону под руководством Кондратия Булавина	В селе Преображенском под Москвой царевна Наталья Алексеевна организовала домашний театр. В Москве открыт первый в России госпиталь и при нем медицинская школа. В Базеле (Швейцария) родился Л. Эйлер

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1708	Подавление восстания Булавина	В Константинополе родился кн. А. Д. Кантемир
1709	Полтавское сражение со шведами. Победа России (27 июня). Родился А. Г. Разумовский. Родилась Елисавета Петровна	«Епиникион» Феофана Прокоповича — гимн в честь Полтавской победы. В Италии родился архитектор Антонио Ринальди. Умер святитель Димитрий Ростовский, церковный деятель и писатель
1710	Русские войска заняли Эстляндию, Лифляндию и Карельский перешеек	Окончательное введение гражданского шрифта для светских печатных изданий
1711	Учрежден Правительствующий Сенат. Прутский поход против турок. Поражение русской армии. Россия потеряла Азов	Под Холмогорами родился М. В. Ломоносов. В Москве родился путешественник С. П. Крашенинников, автор «Описания земли Камчатки»
1712	Перенос столицы в Петербург	В Женеве родился Жан-Жак Руссо
1713	Русские войска заняли юг Финляндии	Во Франции родился Дени Дидро
1714	Учрежден орден Св. Екатерины. Указ о единонаследии. Гангутское морское сражение со шведами. Победа России (27 июля)	В Петербурге разбит аптекарский огород (ботанический сад). Начало строительства Петергофа. Основана Кунсткамера
1715	Родился Петр II. Родился Н. И. Панин	Я. В. Брюс издал первый в России печатный календарь
1716	Феофан Прокопович по вызову Петра I прибыл в Петербург	Родился скульптор Э. М. Фальконе. В Россию приехал скульптор Растрелли с сыном Франческо Бартоломео
1717	Петр I прибыл в Париж. Екатерина I провозглашена царицей	В Вильманстранде родился А. П. Сумароков. Издана книга «Юности честное зерцало»
1718	Казнь царевича Алексея Петровича. Введена подушная подать. Учреждение первых коллегий. Учреждение полиции	В Петербурге начали изготавливать хирургические инструменты. Учреждение ассамблей
1719		

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1720	Феофан Прокопович стал архиепископом Новгородским. Гренгамское морское сражение со шведами. Победа России	
1721	Окончание Северной войны со Швецией Ништадтским миром. Россия получила Ингерманландию, Эстляндию, Лифляндию. Окончание первой ревизии. Принятие Петром I титула императора. Опубликован «Духовный регламент» Феофана Прокоповича. Учрежден Святейший Синод. Родился П. И. Панин	Петр I сыграл шутовскую свадьбу князя-папы Бутурлипа, главы Всеянейшего и Всешутейшего собора, с вдовой прежнего князя-папы Зотова
1722	Принята «Табель о рангах». Начало войны с Персией	Умер Стефан Яворский, церковный деятель и писатель
1723	Основан Екатеринбург. Мирный договор с Персией. Россия получила Дербент и Баку	Тредиаковский пришел в Москву и поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Торжественное открытие Петергофа
1724	Родился К. Г. Разумовский. Родился святитель Тихон Задонский	В Петербурге на Галерном дворе прошли первые в России испытания подводной лодки (проект Никонова). Написана «Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова
1725	Учрежден орден Св. Александра Невского. Смерть Петра I и воцарение Екатерины I. Родился П. А. Румянцев	В Петербурге начала работу Академия наук. В. Беринг отплыл в первую экспедицию. Тредиаковский уехал учиться в Голландию. Родился И. П. Елагин
1726	Учреждение Верховного тайного совета	Умер И. Т. Посошков. «Песенка, которую я сочинил... на мой выезд в чужие края» Тредиаковского
1727	Смерть Екатерины I и воцарение Петра II. Светлейший кн. А. Д. Меншиков сослан в Березов. Договор России с Китаем о границе и порядке торговли. Родился И. И. Шувалов	«Описание грозы, бывшей в Гааге» Тредиаковского. Тредиаковский поступил в Сорбонну

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1728	Переезд двора в Москву. В Германии родился Петр III	Родился В. И. Майков. Беринг открыл пролив между Азией и Америкой
1729	В Германии родилась Екатерина II	Сатира «На хулящих учение» кн. А. Д. Кантемира. Родился Ф. Г. Волков. В России создан первый придворный оркестр
1730	Смерть Петра II и воцарение Анны Иоанновны. Кн. А. Д. Кантемир и Феофан Прокопович поднесли царице прошение от дворянства. Упразднение Верховного тайного совета. Родился А. В. Суворов	Возвращение Тредиаковского из-за границы. Роман Тредиаковского «Езда в остров любви». Ломоносов пришел в Москву и поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Завершилась первая экспедиция В. Беринга. В России впервые напечатаны ноты. Родился архитектор Ю. М. Фельтен
1731	Отмена закона о единонаследии. А. Г. Разумовский привезен в Певческую капеллу	
1732	Кн. А. Д. Кантемир отбыл посланником в Англию. Возвращение столицы в Петербург.	В Петербурге основан Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Сумароков поступил в корпус. Родился поэт И. С. Барков. Родился драматург М. И. Вережкин
1733	Вступление России в войну за польское наследство	В. Беринг отплыл во вторую экспедицию. Закончено строительство Петропавловского собора (архитектор Д. Трезини). Родился историк кн. М. М. Щербатов. На Украине родился М. М. Херасков
1734	В Голштинии учрежден орден Св. Анны. Родился Г. Г. Орлов	Ода Тредиаковского на сдачу города Гданьска. Ломоносов окончил Славяно-греко-латинскую академию и переведен в Киево-Могилянскую. Умер архитектор Д. Трезини. Окончено строительство здания Двенадцати коллегий. Родился актер И. А. Дмитриевский

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1735	Окончание войны за польское наследство. Начало войны с Турцией	«Новый и краткий способ к сложению российских стихов» Тредиаковского. Ломоносов переведен в университет при Академии наук в Петербург. Родились живописцы Д. Г. Левицкий и Ф. С. Рокотов. Родился изобретатель И. П. Кулибин
1736		В Петербурге умер Феофан Прокопович. Ломоносов уехал учиться в Германию. Родился В. П. Петров
1737	Родился А. Г. Орлов	Родился А. А. Ржевский. Родился драматург В. И. Лукин. Родились художники А. П. Лосенко и Е. П. Чемесов. Родился архитектор В. И. Баженов
1738	Кн. А. Д. Кантемир переведен посланником во Францию	В Петербурге организована балетная школа. Родился А. Т. Болотов
1739	Окончание войны с Турцией. Россия возвратила себе Азов. Родился Г. А. Потемкин. Открытие Ледяного дома и шутовская свадьба в нем	Ломоносов в Германии написал «Письмо о правилах российского стихотворства» и «Оду на взятие Хотина». В России впервые напечатаны «Начала» Эвклида. Умер Л. Магницкий, автор «Арифметики». Татищев представил в Академию наук первый вариант своей «Истории»
1740	Арест и казнь А. П. Волынского и его сообщников. Смерть Анны Иоанновны и воцарение Иоанна Антоновича	Сумароков окончил кадетский корпус. В Пскове родился Я. Б. Княжнин. Родился А. Р. Воронцов
1741	Начало войны со Швецией. Вступление на престол Елизаветы Петровны. Знаменитый разбойник Ванька Каин сдался московскому сыскному отделению и стал работать полицейским осведомителем среди преступного мира. Родился ученый И. И. Лепехин	Ломоносов вернулся в Россию. Родился С. А. Порошин. Первая ода Ломоносова, посвященная Елизавете Петровне

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1742	Великий князь Петр Федорович привезен в Россию и объявлен наследником престола. Тайное бракосочетание Елизаветы Петровны с А. Г. Разумовским	Челюскин открыл северную оконечность Азии. Родился драматург А. О. Аблесимов
1743	Окончание войны со Швецией. К. Г. Разумовский отправлен учиться за границу. Родилась Е. Р. Воронцова (в замужестве княгиня Дашкова)	«Вечернее размышление...» и «Утреннее размышление...» Ломоносова. Окончание второй экспедиции В. Беринга. В Полтавской губернии родился И. Ф. Богданович. В Казани родился Г. Р. Державин. Умер архитектор М. Г. Земцов
1744	Прибытие в Россию принцессы Ангальт-Цербстской. А. Г. Разумовский получил титул графа. Родился Ф. Ф. Ушаков. Указ о замене смертной казни телесным наказанием. Открыт Морской кадетский корпус	В Париже умер князь А. Д. Кантемир. Состояние Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова в стихотворном переложении псалма 143. В Московской губернии родился Н. И. Новиков. Родился архитектор Джакомо Кваренги. Родился скульптор Ф. И. Шубин. Издан первый в России Анатомический атлас. Основан первый в России фарфоровый завод
1745	Бракосочетание вел. кн. Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны (принцессы Ангальт-Цербстской). Родился Н. П. Румянцев	Тредиаковский получил звание профессора красноречия, Ломоносов — профессора химии. В Москве родился Д. И. Фонвизин. В Астраханской губернии родился И. И. Хемницер. Издан первый Атлас карт Российской империи. Родился архитектор И. Е. Старов
1746		Ломоносов прочел первый в России публичный курс лекций по физике. К. Г. Разумовский назначен президентом Академии наук

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1747	Родился М. И. Кутузов. Родился А. А. Безбородко	Ода Ломоносова на шестую годовщину вступления на престол Елисаветы Петровны. Сумароков написал первую русскую трагедию «Хорев»
1748		Вышло «Краткое руководство к красноречию. Часть I. Риторика» Ломоносова. Ломоносов в письме к Л. Эйлеру сформулировал закон сохранения вещества и энергии. Закончено строительство первой в России химической лаборатории. «Эпистола о стихотворстве», «Эпистола о русском языке» и «Гамлет» Сумарокова. Родился А. М. Кутузов
1749	Основан Ростов-на-Дону. Началось возвышение фаворита И. И. Шувалова	В Москве родился А. Н. Радищев
1750	К. Г. Разумовский назначен гетманом Украины	«Синав и Трувор» Сумарокова. Сумароков написал первые три русские комедии — «Тресотиннус», «Ссора у мужа с женой» и «Чудовище». В Ярославле открылся любительский театр в доме купцов Волковых. Умер В. Н. Татищев
1751	Издание Библии, заново сверенной с древними источниками	«Ода, выбранная из Иова» Ломоносова. «Аргенида», переведенная Тредиаковским. «Семира» Сумарокова. Родился композитор Д. С. Бортнянский
1752		Тредиаковский выпустил двухтомное собрание сочинений и переработанное издание «Нового и краткого способа к сложению российских стихов», учитывающее творческий опыт Ломоносова и Сумарокова. «Похвала Ижерской земле» Тредиаковского. «Письмо о пользе Стекла» Ломоносова. Ярославские актеры доставлены в Петербург и после спектакля при дворе помещены в Сухопутный кадетский корпус

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1753		Во время экспериментов с электрической машиной погиб ученый Г. В. Рихман. В Тверской губернии родился Н. А. Львов
1754	Родился великий князь Павел Петрович. По проекту Ломоносова выстроен стекольный завод. Основан Златоуст (на Урале)	Родился А. С. Шишков. Родился скульптор И. П. Мартос
1755		Основан Московский Императорский университет (12/25 января). Ломоносов написал «Российскую грамматику». Начал выходить первый журнал, издаваемый на казенный счет, «Ежемесячные сочинения».
1755		Сонет Сумарокова «Когда вступил я в свет...» и песня «Летите, мои вздохи...». Закончено строительство Петергофского дворца (архитектор Ф. Б. Растрелли)
1756	Начало Семилетней войны с Пруссией. Знаменитый разбойник Ванька Каин осужден на вечные каторжные работы	В Петербурге основан первый русский постоянный общедоступный театр. Умер изобретатель А. К. Нартов. Издан посмертно труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Закончено строительство Царскосельского (Екатерининского) дворца (архитектор Ф. Б. Растрелли)
1757		В Петербурге основана Академия художеств. Ломоносов возглавил Географический департамент Академии наук. В Обуховке Полтавской губернии родился В. В. Капнист. Родился Д. И. Хвостов. Родился живописец В. Л. Боровиковский

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1758		Ломоносов возглавил историческое собрание Академии наук. «Предисловие о пользе книг церковных» Ломоносова
1759	Победа России в сражении при Кунерсдорфе	В Петербурге А. П. Сумароков издает первый в России частный литературный журнал «Трудолюбивая пчела». Тредиаковский уволен со службы в Академии наук. В Петербурге основан Пажеский корпус. В Москве возникла театральная антреприза Локателли. Родился архитектор А. Н. Воронихин
1760	Н. И. Панин назначен воспитателем великого князя Павла Петровича	«Петр Великий» Ломоносова. В Москве Херасков начал издавать журнал «Полезное увеселение». Родился И. И. Дмитриев
1761	Смерть Елисаветы Петровны и воцарение Петра III	Ломоносов открыл атмосферу вокруг Венеры. Записка Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа». «Разговор с Анакреоном» Ломоносова. Сумароков оставил пост директора театра и государственную службу. Державин поступил на военную службу. Родился архитектор А. Н. Захаров
1762	Россия вышла из Семилетней войны. Упразднение Тайной канцелярии и ее замена Тайной экспедицией. Указ «О вольности дворянской». Свержение (28 июня) и убийство Петра III. Воцарение Екатерины II. Г. Г. Орлов получил титул графа	Вышло первое в России издание сатир кн. А. Д. Кантемира (посмертно). Прекращение журнала «Полезное увеселение». Поэма В. И. Майкова «Игрок ломбера». Закончено строительство Зимнего дворца в Петербурге и Смольного собора (архитектор Ф. Б. Растрелли). Радищев поступил в Пажеский корпус

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1763	Европейские державы окончили Семилетнюю войну. Г. Г. Орлов получил титул светлейшего князя	По случаю коронации Екатерины II в Москве прошел маскарад «Торжествующая Минерва». Умер постановщик маскарада актер Ф. Г. Волков. «Ода на суету мира» Сумарокова. Херасков издавал журнал «Свободные часы». Ф. Б. Растрелли отставлен от должности придворного архитектора
1764	Попытка офицера Мировича освободить бывшего императора Иоанна Антоновича. Гибель императора и казнь Мировича. Секуляризация церковных земель. Фонвизин стал секретарем И. П. Елагина. Княжнин поступил на службу в Коллегию иностранных дел. Упразднено гетманство. В Россию прибыл известный авантюрист Казанова. Основан Елисаветград (на Украине)	Открыт Воспитательный дом в Москве. Открыт Смольный институт благородных девиц в Петербурге. Закончена мозаическая картина Ломоносова «Полтавская баталия». «Корион» Фонвизина
1765	Авантюрист Казанова уехал из России	В Петербурге умер М. В. Ломоносов. Екатерина II купила библиотеку французского философа Д. Дидро и назначила его хранителем библиотеки, оставив книги в пожизненное пользование и назначив пенсией
1766	«Великолепный карусель», устроенный в Петербурге	«Тилемахида» Тредиаковского. Ода В. П. Петрова «На великолепный карусель». Радищев отправлен учиться в Лейпциг. Родился Н. М. Карамзин
1767	Путешествие Екатерины II по Волге. Созвана Комиссия для составления нового Уложения. Екатерина II обнародовала «Наказ» Комиссии.	

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1767	Запрещение крестьянам подавать жалобы на помещиков. Н. И. и П. И. Панины получили графский титул. Родился П. А. Зубов, последний фаворит Екатерины II	
1768	Начало войны с Турцией. Комиссия по составлению Уложения распущена. Специально вызванный из Англии врач сделал Екатерине II, великому князю Павлу Петровичу и князю Бобринскому прививки натуральной оспы. После счастливого исхода операции издали указ о пользе оспопрививания. Д. Н. Салтыкова (Салтычиха) присуждена к пожизненному тюремному заключению за убийства и увечья своих крепостных	Сумароков написал письмо Вольтеру. Роман Хераскова «Нума Помпилий, или Прочтетающий Рим». В Ораниенбауме закончено строительство Китайского дворца (архитектор А. Ринальди)
1769	В Петербурге и Москве учреждены ассигнационные банки. В России введены бумажные деньги. Учрежден орден Св. Георгия Победоносца. Фонвизин стал секретарем Н. И. Панина	В Петербурге умер В. К. Тредиаковский. Сумароков переселился в Москву. Ответное письмо Вольтера Сумарокову. «Бригадир» Д. И. Фонвизина. Напечатано «Послание к слугам моим» Фонвизина (написано ранее). «Дидона» Княжнина. В Петербурге возник сатирический журнал «Всякая всячина». Официальный издатель — Г. В. Козицкий, истинный — Екатерина II. Н. И. Новиков начинает издавать журнал «Трутен», полемизируя со «Всякой всячиной». Первое издание знаменитого «Письмовника» Н. Г. Курганова. Родился И. А. Крылов

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1770	Чесменское морское сражение с турками (24–26 июня). Победа России. А. Г. Орлову присвоено почетное звание Чесменского. Победа над турками в Кагульском сражении (21 июля). П. А. Румянцев получил почетный титул графа Задунайского. Объявилась княжна Елизавета Тараканова. В России возник первый клуб — Английский. Основан Александровск (Запорожье)	Закрытие журналов «Всякая всячина» и «Трутен». Новиков издает журнал «Пустомеля». Песня Сумарокова «Не грусти, мой свет...». Знакомство Львова с Хемницером. Родился И. Ф. Крузенштерн. Первое издание знаменитой гадательной книги Мартына Задеки (вымышленное имя)
1771	Эпидемия чумы и «чумной» бунт в Москве. Подавление бунта Г. Г. Орловым. Умер гр. А. Г. Разумовский	«Димитрий Самозванец» Сумарокова. Сатира Сумарокова «О благородстве». Поэма Хераскова «Чесменский бой». Поэма «Елисей, или Раздраженный Вах» В. И. Майкова. С. К. Котельников написал первый в России учебник по математическому анализу. Умер архитектор Ф. Б. Растрелли. «Ольга» Княжнина. Радищев вернулся в Россию
1772	Совершеннолетие Павла Петровича. Престол сохраняется за Екатериной II. Н. И. Панин уволен с должности воспитателя наследника престола. Первый раздел Речи Посполитой между Австрией, Пруссией и Россией. Россия получила Витебский и Могилевский края	Открыт петербургский Воспитательный дом. Екатерина II написала цикл из 5 комедий (самая известная — «О, время!»). Новиков начинает издавать сатирический журнал «Живописец». Поставлена первая русская комическая опера «Анюта» М. И. Попова. Новиков выпустил «Опыт исторического словаря о российских писателях»

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1773	Начало восстания крестьян под предводительством Емельяна Пугачева. Князгини присужден за растрату к смертной казни, помилован, но лишен чинов и имущества	Закрытие журнала «Живописец». «Из 145-го псалма» Сумарокова. Державин добровольцем принимает участие в подавлении Пугачевского восстания. В Петербурге основан Горный институт. В Россию по приглашению Екатерины II прибыл философ Д. Дидро
1774	Мир с Турцией в Кючук-Кайнарджи. Россия получила часть Азовского и Черноморского побережья. Знакомство Екатерины II с Г. А. Потемкиным и сочетание их тайным церковным браком	Возник первый в России музыкальный журнал «Музыкальные увеселения» (прекратился через год). Повиков издавал журнал «Кошелек». Слезная драма Хераскова «Друг несчастных». В Оранienбауме закончено строительство Кательной горки (архитектор А. Ринальди). Д. Дидро вернулся из России во Францию
1775	Подавление восстания Пугачева. Губернская реформа. Разделение российских подданных на сословия. Упразднение Запорожской Сечи. Княжна Тараканова была доставлена А. Г. Орловым в Петербург и умерла в тюрьме. Братья Орловы отставлены от всех государственных должностей. Г. А. Потемкин получил титул графа и светлейшего князя	
1776	Бракосочетание великого князя Павла Петровича и Марии Федоровны (принцессы Вюртембергской). Светлейший князь Потемкин назначен наместником Новороссии	Издана первая книга Державина «Некоторые оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае в 1774 г.». В Царском Селе установлена Чесменская колонна (архитектор А. Ринальди)

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1777	Родился великий князь Александр Павлович (Александр I). Третье по силе за всю историю Петербурга наводнение (вода поднялась на 321 см). Основаны Херсон и Ставрополь Кавказский	В Москве умер А. П. Сумароков. Фонвизин уехал в заграничное путешествие. «Сатира первая и последняя» Капниста. Державин перешел на гражданскую службу
1778	Князгини стал секретарем И. И. Бецкого	Херасков назначен одним из кураторов Московского университета. Вышла первая повесть поэмы «Душенька» Богдановича. В Москве умер В. И. Майков. Фонвизин вернулся в Россию. Державин женился на Е. Я. Бастидон (Пленире) и сблизился со львовским кружком
1779	Родился великий князь Константин Павлович. В Россию прибыл известный авантюрист граф Калиостро	«Россиада» Хераскова. Поставлена опера А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват». «Несчастье от кареты» и «Скупой» Княжнина. «На смерть князя Мещерского», «Ключ», «На рождение в севере порфиородного отрока» Державина. Хемницер анонимно напечатал сборник басен. Вышел в свет первый русскоязычный учебник физики. Балетная школа преобразована в первое русское театральное училище. Повиков переехал в Москву и арендовал университетскую типографию. Новиков издавал первый русский дамский журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета». В Россию приехал архитектор Ч. Камерон
1780	Радищев назначен заместителем начальника Петербургской таможни. Граф Калиостро покинул Россию	Тайное венчание Н. А. Львова и М. А. Дьяковой. В Москве возникла частная театральная антреприза Медокса

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1781	Вел. кн. Павел Петрович и Мария Федоровна под именем графа и графини Северных уехали в неофициальное заграничное путешествие. Город Хлынов переименован в Вятку. Умер А. П. Ганнибал	«Недоросль» Фонвизина. «Сказка о царевиче Хлоре» Екатерины II. Закончено строительство Гатчинского дворца (архитектор А. Ринальди)
1782	Учрежден орден Св. Владимира. Отставка гр. Н. И. Панина и Д. И. Фонвизина. Хемницер получил должность консула в Смирне и уехал в Турцию. Вел. кн. Павел Петрович и Мария Федоровна вернулись из заграничного путешествия	«Фелица», «Разные вина» Державина. «Завещание Панина» Фонвизина. Открыт памятник Петру I в Петербурге («Медный всадник»), скульптор — Э. М. Фальконе. Крылов поселился в Петербурге
1783	Покорение Крыма (Тавриды) армией под командованием Потемкина. Потемкин получил почетный титул князя Таврического. Георгиевский договор о переходе Восточной Грузии в российское подданство. Установление крепостного права на Украине. Основаны Екатеринослав (Днепропетровск) и Севастополь. Умер светлейший князь Г. Г. Орлов	Учреждена Российская Академия. Кн. Е. Р. Дашкова становится президентом Российской Академии и директором Академии наук. Кн. Дашкова начинает издавать журнал «Собеседник любителей российского слова». Полностью опубликована «Душенька» Богдановича. «Благодарность Фелице» Державина. Родители М. А. Дьяковой официально признали брак их дочери с Н. А. Львовым. Родился В. А. Жуковский. «Сбитенщик» Княжнина. «Ода на рабство» Капниста. В Петербурге умер Л. Эйлер. Портрет Екатерины II работы Д. Г. Левицкого, описанный Державиным в оде «Видение мурзы»

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1784	Державин назначен губернатором Олонецкой губернии	«Бог», «Видение мурзы» Державина. Прекращение журнала «Собеседник любителей российского слова». «Рослав» Княжнина. В Турции умер Хемницер. Фонвизин уехал в заграничное путешествие. Изготовлена ограда Летнего сада по проекту Ю. М. Фельтена
1785	«Жалованная грамота дворянству» и «Жалованная грамота городам». Державин переведен губернатором в Тамбовскую губернию	«Владимир Возрожденный» Хераскова. «Хвастун» Княжнина. Новиков и Карамзин выпустили первый номер первого русского журнала для детей «Детское чтение для сердца и разума» Фонвизин вернулся в Россию. Закончено строительство Мраморного дворца (архитектор А. Ринальди)
1786	Указ о запрещении употреблять слова «раб» и «челобитие» в прошениях	Закончено строительство Павловского дворца (архитектор Ч. Камерон). Поставлена опера Д. С. Бортнянского «Сокол». В. Ф. Зуев издал первый русский учебник естествознания. «Ода на истребление в России звания раба» В. В. Капниста
1787	Начало Русско-турецкой войны. Введены в обращение бумажные денежные купюры нового образца, прежние изъяты. Державин отставлен с должности губернатора и отдан под суд. Путешествие Екатерины II по югу России (Малороссия, Новороссия, Крым)	«Властителям и судиям» Державина. Закончено строительство Камероновой галереи в Царском Селе. Родился К. Н. Батюшков
1788	Начало войны со Швецией	Родился артист М. С. Щепкин. Фонвизину запрещено издание собрания сочинений и журнала «Друг честных людей, или Стародум». По распоряжению Екатерины II университет расторг с Новиковым договор об аренде типографии. «Осень во время осады Очакова» Державина

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1789	Начало Великой французской революции в Париже. Взятие Бастилии (14 июля). Знакомство Екатерины II с П. А. Зубовым	«Вадим Новгородский» Княжнина. «Философы пьяный и трезвый» Державина. «Проказники» Крылова. И. А. Крылов издавал журнал «Почта духов». Прекратилось издание журнала «Детское чтение для сердца и разума». Карамзин уехал в заграничное путешествие. Началось издание «Словаря Академии Российской». Завершена постройка Таврического дворца (архитектор И. Е. Старов) и Главного почтамта (архитектор Н. А. Львов)
1790	Взятие русскими войсками крепости Измаил (11 декабря). Мир со Швецией. Арест Радищева. Замена смертного приговора десятилетней каторгой	«Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. «Чудаки» Княжнина. «На шведский мир» Державина. Карамзин вернулся в Россию
1791	На торжественном празднестве в Таврическом дворце исполнен полонез О. Козловского на слова Державина «Гром победы, раздавайся!», ставший неофициальным гимном России. Умер светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический. Мир с Турцией в Яссах. Россия получила северное побережье Черного моря до Днестра. Державин назначен секретарем Екатерины II. Возвышение при дворе П. А. Зубова	В Петербурге умер Я. Б. Княжнин. Умер скульптор Э. М. Фальконе. «На взятие Измаила» Державина. Карамзин начал издавать «Московский журнал». «Письма русского путешественника» Карамзина. «Модная жена» Дмитриева
1792	Аресты масонов. Арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость Н. И. Новиков	В Петербурге умер Д. И. Фонвизин. «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь» Карамзина. «На смерть Юлии» Капниста. «Стонет сизый голубочек» Дмитриева.

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1792		Прекращение «Московского журнала». Крылов издавал журнал «Зритель». «Каиб» Крылова. Возник первый медицинский журнал на русском языке «Санкт-Петербургские врачебные новости». Первые упоминания «Слова о полку Игореве». Впервые напечатана «Русская правда» князя Ярослава Мудрого
1793	Второй раздел Речи Посполитой. Россия получила часть Западной Украины и Западной Белоруссии. В Париже казнены король Людовик XVI и его семья. Державин отставлен с должности секретаря императрицы и назначен сенатором. Кн. Дашкова попала в немилость при дворе. Основан Екатеринодар (Краснодар)	Крылов издавал журнал «Санкт-Петербургский Меркурий». Напечатана, запрещена и публично предана сожжению трагедия Княжнина «Вадим Новгородский». «Остров Борнгольм», «Сиерра Морена» Карамзина Впервые напечатано «Поучение» князя Владимира Мономаха. Умер И. П. Елагин
1794	Восстание в Польше под руководством Т. Костюшко и его подавление армией под командованием Суворова. Основана Одесса	Кн. Дашкова выслана из Петербурга в двухгодичный отпуск. Умерла Е. Я. Державина (Пленира). Стихотворения Державина «Ласточка», «Водопад», «Вельможа». «Чужой толк» Дмитриева. Окончено издание «Словаря Академии Российской». В Риме умер архитектор А. Ринальди
1795	Третий раздел Речи Посполитой. Россия получила Курляндию и Литву. Умер И. И. Бешков	«Приглашение к обеду», «Памятник» Державина. «Всех цветочков боле...» Дмитриева. Державин женился на Д. А. Дьяковой. В Москве родился А. С. Грибоедов
1796	Смерть Екатерины II и воцарение императора Павла. Прощение Новикова, Радищева и др. Упразднена Тайная экспедиция. Умер гр. П. А. Румянцев-Задунайский	Кн. Е. Р. Дашкова отставлена от должности президента Российской Академии и директора Академии наук

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1797	Ордена Св. Анны и Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский) признаны русскими орденами. Умер И. И. Шувалов	Державин купил поместье Званка. Карамзин впервые ввел букву «ѐ»
1798	Начало Средиземноморского похода Русского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова	«Ябеда» Капниста. Ф. И. Шуберт опубликовал первый курс теоретической астрономии на русском языке. К. Г. Разумовский оставил пост президента Академии наук
1799	Упразднены чины бригадира и капитана-командора. Швейцарский и Итальянский походы Суворова против войск Наполеона. Умер А. А. Безбородко	«На переход Альпийских гор» Державина. Посмертный сборник басен Хемницера, отредактированных друзьями, с жизнеописанием баснописца. Умер В. П. Петров. В Москве родился А. С. Пушкин
1800	Умер А. В. Суворов, граф Рымникский, князь Итальянский. Окончание Средиземноморского похода Русского флота	«Слепцы» Державина. «Трумф, или Поддипа» Крылова. Родился артист П. С. Мочалов. «Осьмнадцатое столетие» Радищева. Издано «Слово о полку Игореве»
1801	Свержение и убийство императора Павла. Воцарение Александра I. Присоединение Грузии к России	В Москве в Воспитательном доме проведена первая в России вакцинация против оспы
1802	Упразднение коллегий и замена их министерствами	В Петербурге покончил с собой А. Н. Радищев. «Шуточное желание», «Старик» Державина. «Моя исповедь» Карамзина. «Сельское кладбище» Жуковского. Умер скульптор М. И. Козловский. Незадолго до смерти им закончена скульптура «Самсон, раздирающий пасть льва» для петергофского каскада
1803	Державин отставлен от службы. Умер К. Г. Разумовский	«Чувствительный и холодный», «Рыцарь нашего времени», «Марфа-посадница» Карамзина. Карамзин назначен придворным историографом.

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1803		В Курске умер И. Ф. Богданович. В Москве умер П. А. Львов. В поместье Овстуг Орловской (ныне Брянской) губернии родился Ф. И. Тютчев. Началось первое кругосветное путешествие Русского флота (под командованием И. Ф. Крузенштерна). «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» А. С. Шишкова
1804	Учреждение цензурного ведомства. Начало войны с Персией	«Лебедь» Державина. «Эдип в Афинах» Озерова. В Петербурге умер А. А. Ржевский. Родился композитор М. И. Глинка
1805	Начало войны с Наполеоном в Австрии. Аустерлицкое сражение. Поражение России	«Фингал» Озерова. «Модная лавка» Крылова. Умер скульптор Ф. И. Шубин
1806	Начало войны с Турцией	Заключилось кругосветное путешествие под командованием И. Ф. Крузенштерна. Театр Медокса в Москве приобретен казной и становится Московским Большим Императорским театром
1807	Окончание войны с Наполеоном в Австрии и Пруссии. Тильзитский мир. Умер А. Г. Орлов-Чесменский	«Евгению. Жизнь Званская», «Признание» Державина. «Дмитрий Донской» Озерова. В Москве умер Херасков. «Урок дочкам» Крылова
1808	Начало войны со Швецией	«Людмила», первая баллада В. А. Жуковского. Возник первый русский театральный журнал «Драматический вестник». А. И. Шерер издал первый учебник химии на русском языке. Закончено строительство здания Смольного института (арх. Джакомо Кваренги). Умер архитектор И. Е. Старов. Умер живописец Ф. С. Рокотов
1809	Окончание войны со Швецией. Россия получила Финляндию	Вышел первый сборник басен Крылова. В Полтавской губернии родился Н. В. Гоголь

Год	События государственной и общественной жизни	События культурной жизни
1810	Умерла кн. Е. Р. Дашкова. И. И. Дмитриев назначен министром юстиции	
1811	Учрежден Государственный совет. М. М. Сперанский попал в немилость при дворе	Организована «Беседа любителей русского слова». Открыт Царскосельский Лицей (19 октября). Закончено строительство Казанского собора в Петербурге (архитектор А. Н. Воронихин). В Свеаборге родился В. Г. Белинский. Умер архитектор А. Н. Захаров
1812	Окончание войны с Турцией. Россия получила Бессарабию. Вступление войск Наполеона Бонапарта в Россию. Отечественная война	

ЛИТЕРАТУРА

Тексты

Хрестоматии и антологии

1. Историческая хрестоматия нового периода русской словесности (от Петра I до нашего времени) / сост. А. Д. Галахов: в 2 т. СПб., 1861–1864. 20-е изд. / под ред. В. И. Орлова. СПб., 1916.
2. Русская литература XVIII в. / ред., вступ. ст. и примеч. Г. А. Гуковского. Л., 1937.
3. Русская литература XVIII в.: антология / сост. Г. И. Макогоненко. Л., 1970.
4. Русская литература XVIII в. (1700–1775) / сост. В. А. Западов. Л., 1979.
5. Русская литература последней четверти XVIII в. / сост. В. А. Западов. Л., 1985.
6. Русская философия второй половины XVIII в.: хрестоматия / сост., библиогр., ст. и примеч. Б. В. Емельянова. Свердловск, 1990.
7. *Рябцев Ю. С.* Хрестоматия по истории русской культуры: художественная жизнь и быт XVIII–XIX вв. М., 1998.

Сборники

ПОЭЗИЯ

8. Ирон-комическая поэма / ред. и примеч. Б. В. Томашевского; вступ. ст. В. А. Десницкого. Л., 1933 («Б-ка поэта»).
9. Муза пламенной сатиры: русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина / сост., вступ. ст. Л. Ф. Ершова; примеч. А. Л. Ершова. М., 1988.
10. Песни русских поэтов (XVIII — первая половина XIX в.) / ред., вступ. ст. и коммент. И. Н. Розанова. Л., 1936 («Б-ка поэта»).
11. Поэты XVIII в.: в 2 т. Л., 1972 («Б-ка поэта»).
12. Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. М.; Л., 1959 («Б-ка поэта»).
13. Поэты 1780–1810-х гг. Л., 1971 («Б-ка поэта»).
14. Русская басня XVIII–XIX вв. Л., 1977 («Б-ка поэта»).
15. Русская литература. Век XVIII. Т. 1: Лирика / отв. ред. Н. Д. Кочеткова. М., 1990.
16. Русская поэзия / под ред. С. А. Венгерова. Т. 1. Вып. 1–7. СПб., 1893–1901.
17. Русская поэзия XVIII в. М., 1972 («Б-ка всемирной лит-ры»).
18. Русская стихотворная пародия XVIII — начала XX в. Л., 1960 («Б-ка поэта»).
19. Русская элегия / вступ. ст. Л. Г. Фризмана. Л., 1991 («Б-ка поэта»).
20. Русская стихотворная эпиграмма. СПб., 1998.
21. Русская эпиграмма XVIII — начала XX в. Л., 1988 («Б-ка поэта»).

ДРАМАТУРГИЯ

22. Российский Феатр. Ч. 1–43. СПб., 1786–1794.
23. Русская комедия и комическая опера XVIII в. / ред., вступ. ст. Н. Н. Беркова. М.; Л., 1950.
24. Русская драматургия XVIII в. М., 1986.
25. Русская литература. Век XVIII. Т. 2: Трагедия / отв. ред. Ю. В. Стенник. М., 1991.
26. Стихотворная комедия, комическая опера конца XVIII — начала XIX в.: в 2 т. Т. 1. Л., 1990 («Б-ка поэта»).
27. Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в. / Вступит. ст., подг. текста и примеч. В. А. Бочкарева. М.; Л., 1964 («Б-ка поэта»).

ПРОЗА

28. Повести разумные и замысловатые: популярная проза XVIII в. / сост., вступ. ст. и примеч. С. Ю. Баранова. М., 1989.
29. Русская проза XVIII в.: в 2 т. / подг. текста и примеч. А. В. Западова, Г. П. Макогоненко; вступ. ст. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1950.
30. Русская проза XVIII в. Л., 1972 («Б-ка всемирной лит-ры»).
31. Русская сатирическая проза XVIII в. Л., 1986.
32. Русская сентиментальная повесть. М., 1979.

КРИТИКА

33. Русская критика XVIII в. М., 2002.
34. Русская литературная критика XVIII в. / сост., ред., вступ. ст. и коммент. В. И. Кулешова. М., 1978.

Философия и политика

35. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.: в 2 т. / общ. ред., вступ. ст. И. Я. Щипанова; подг. текста и примеч. Л. Б. Светлова. М., 1952.

Переписка

36. *Дружнин П. А.* Неизвестные письма русских писателей к князю А. Б. Куракину. М., 2002.
37. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.
38. Письма русских писателей XVIII в. / отв. ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1980.

Записки (мемуары и дневники)

39. *Альгаротти Ф.* Русские путешествия / публ. и пер. М. Г. Талалая // Невский архив. 1999. № 3.
40. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1795: в 3 т. / вступ. ст. С. М. Ронского; примеч. П. А. Жаткина. М., 1993–1994.
41. *Глинка С. Н.* Записки. М., 1895.
42. *Дашкова Е. Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / под общ. ред. С. С. Дмитриева; сост. Г. А. Веселая. М., 1987.
43. Жажда познания. Век XVIII / сост., предисл., вступ. ст. к документам и коммент. А. Орлова, Ю. Смирнова. М., 1986.
44. Жизнь Витторио Альфьери из Асти, написанная им самим. СПб., 1904.
45. *Жихарев С. П.* Записки современника. М., 2000.
46. *Жихарев С. П.* Записки современника. Воспоминания старого театрала: в 2 т. / вступ. ст. М. А. Гордина; коммент. Л. Н. Киселевой. Л., 1989.
47. Журнал путешествия по Германии и Италии в 1697–1699 гг., веденный состоявшим при Великом посольстве русском, к владетелям разных стран Европы // Рус. старина. 1879. № 5.
48. Записки и воспоминания русских жепцип XVIII первой половины XIX в. / сост., вступ. ст., коммент. Г. Н. Монсеевой. М., 1990.
49. Записки путешествия генерал-фельдмаршала российских войск графа А. П. Шереметева в европейские государства, в Краков, в Вену, в Рим и на Мальтийский остров. М., 1773.
50. Золотой век Екатерины Великой: воспоминания. М., 1996.
51. *Казанова Д.* История моей жизни / пер. И. К. Стаф, А. Ф. Строева; вступ. ст., подг. текста, коммент., указ. имен, хронология А. Ф. Строева. М., 1991. С. 544–605 (т. 3, гл. 5–7).
52. *Лабзина А. Е.* Воспоминания. СПб., 1914.
53. *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской империи. М., 2001.
54. *Неплюев И. И.* Записки. СПб., 1993.
55. *Порошин С.* Записки. 2-е изд. СПб., 1881.
56. Похождения прапорщика Климова: Мемуары XVIII века / подг. текста, ст. и коммент. Е. Д. Кукушкиной. СПб., 2011.
57. Россия XVIII в. в изд. Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки императрицы Екатерины II. Репр. М., 1990.
58. Россия XVIII в. в изд. Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки княгини Е. Р. Дашковой. Репр. М., 1990.
59. Россия XVIII в. в изд. Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки сенатора И. В. Лопухина. Репр. М., 1990.
60. Россия XVIII в. в изд. Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева: справочный том. М., 1990.
61. Россия XVIII в. глазами иностранцев / подг. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л., 1989.

62. Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII в. / изд. подг. В. В. Кунин, И. И. Подольская. М., 1988.
63. Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX в. / сост., примеч. Е. Курганова, Н. Охотина; вступ. ст. Е. Курганова. М., 1990.
64. Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. Репр. изд. 1862 г. М., 1990.
65. Путешествия русских людей за границу в XVIII в. / сост. К. В. Ивков. СПб., 1914.
66. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699. М., 1992.

ТЕКСТЫ НЕКОТОРЫХ АВТОРОВ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫХ В РАЗДЕЛ «PERSONALIA»

67. Барков И. С. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. В. Н. Сажина. 2-е изд. СПб., 2005 («Б-ка поэта»).
68. Веревкин М. И. Так и должно; Именинники // Современная драматургия. 2006. № 2.
69. Даикова Е. Р. Литературные сочинения / сост., вступ. ст. и примеч. Г. Н. Моисеевой. М., 1990.
70. Комаров М. История мошенника Ваньки Каина: Милорд Георг / подг. текста и коммент. В. Д. Рака. СПб., 2000.
71. Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е. Сочинения и переводы / под ред. П. А. Ефремова; вступ. ст. А. Н. Пыпина. СПб., 1868.
72. Майков В. И. Избранные сочинения / вступ. ст., подг. текста и примеч. А. В. Западова. 2-е изд. М.; Л., 1966 («Б-ка поэта»).
73. Муравьев М. Н. Стихотворения / вступ. ст., подг. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1967 («Б-ка поэта»).
74. Плавильщиков П. А. Собрание драматических сочинений / сост., вступ. ст., коммент. А. Ф. Некрыловой. СПб., 2002.
75. Чулков М. Д. Пересмешник / изд. подг. В. П. Степанов. Л., 1987.

Исследования

Общие исследования истории русской литературы

76. Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой: в 2 т. М., 1894.
77. Греч Н. И. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822.
78. История русской литературы: в 10 т. Т. 3–5. М.; Л., 1941–1947.
79. История русской литературы: в 4 т. Т. 1. Л., 1980.
80. Караулов Г. Очерки истории русской литературы. 2-е изд. Т. 1. Одесса, 1870.
81. Плавсин В. Руководство к познанию русской литературы. СПб., 1833.

82. Порфирьев И. П. История русской словесности: в 2 ч. 6-е изд. Казань, 1897–1911. Ч. 2. Отд. 1–3.
83. Пыпин А. Н. История русской литературы: в 4 т. 3-е изд. Т. 3–4. СПб., 1907.
84. Сиповский В. В. История русской словесности. 6-е изд. СПб., 1915. Ч. 2.
85. Шевырев С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 г. СПб., 1884.

История русской литературы XVIII века

86. Благой Д. Д. История русской литературы XVIII в. М., 1945; М., 1960.
87. Бухаркин П. Е. История русской литературы XVIII в. Петровская эпоха. СПб., 2008.
88. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М., 1998; М., 2002; или др. изд.
89. Клейн И. Русская литература в XVIII в. М., 2010.

Критические обзоры

90. Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. М., 1953.
91. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Ст. 1–4 // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7. М., 1955.
92. Литературная критика 1800–1820-х гг. / сост., примеч. и подг. текста Л. Г. Фризмана. М., 1980.
93. Бестужев-Марлинский А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1958.

Библиография

94. Алексеева Н. Ю. Библиография трудов И. З. Сермана (к 90-летию со дня рождения) // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004.
95. Берков П. Н. Введение в изучение русской литературы XVIII в. Ч. 1. Л., 1964.
96. Берков П. Н. Изучение русской литературы иностранцами в XVIII в. // Язык и литература. Т. 5. Л., 1930.
97. Берков П. Н. (1896–1969) / вступ. ст. Д. С. Лихачева; библиогр. В. И. Кузьменко, Н. Д. Кочетковой. М., 1982.
98. Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом. Л., 1989 (о Г. А. Гуковском).
99. Дополнения к библиографии П. Н. Беркова // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999.
100. Зорин А. Г. А. Гуковский и его книга // Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М., 1998.
101. История русской критики: в 2 т. М.; Л., 1952.

102. Кочеткова Н. Д. П. Н. Берков — исследователь русской литературы XVIII века // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999.
103. Наталья Дмитриевна Кочеткова: библиогр. указ. СПб., 2008.
104. Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII в. М., 1981.
105. Лихачев Д. С. П. Н. Берков — ученый и человек // Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур: статьи. Л., 1981.
106. Лотман Ю. М. Двойной портрет // Лотмановский сборник. М., 1995.
107. Макогоненко Г. П. Г. А. Гуковский // Вопросы литературы. 1972. № 9.
108. Николаев Н. И. Энциклопедия гипотез // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. М., 2000.
109. Серман И. Пути и судьба Г. Гуковского // НЛО. 2002. № 55.
110. Серман И. 3. Ленинградская группа XVIII в. // Россия / Russia. 1988. Vol. 6.

Справочные издания

111. Драматический словарь. М., 1787; СПб., 1880.
112. Зайончковский П. А. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 1. М., 1976.
113. История русской литературы XVIII в.: библиогр. указ. / сост. В. П. Степанов, Ю. В. Стенник; под ред. П. Н. Беркова. Л., 1968.
114. Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг.: материалы для истории русской журналистики. СПб., 1915.
115. Петербургская стихотворная культура: материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб., 2008.
116. Русская периодическая печать (1702–1794): справочник / под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черпахова. М., 1959.
117. Русские писатели 1800–1917: биобиблиогр. словарь. Т. 1–5. М., 1989–2006.
118. Русский биографический словарь. Т. 1–25. М.; СПб.; Пг., 1896–1918.
119. Русско-европейские литературные связи. XVIII в.: энциклопедический словарь. СПб., 2008.
120. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в.: 1725–1800: в 5 т. М., 1962–1967.
121. Ситовский В. В. Из истории русского романа и повести: материалы по библиогр., ист. и теории рус. романа. Ч. 1: XVIII в. СПб., 1903.
122. Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 1–2. Л., 1988; СПб., 1999.
123. Словарь русского языка XVIII в. Т. 1. Л., 1981.
124. Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965.
125. Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия: в 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие: в 2 кн. / отв. ред. П. Е. Бухаркин. СПб., 2003.
126. Хронологический каталог слов и речей XVIII века / Сост. Е. И. Кислова, Е. М. Матвеев. СПб., 2011.
127. Эмблемы и символы / вступ. ст. и коммент. А. Е. Махова. 2-е изд. М., 2000.

Продолжающиеся серийные научные издания

128. XVIII век. Сб. 1–26. М.; Л., 1935 — СПб., 2011.
129. Литературная культура XVIII в. / под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева. Вып. 1–4. СПб., 2007–2011.
130. Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Вып. 1–13. Л., 1974–СПб.; Самара, 2006.

Русская культура XVIII века. Литература в культурном контексте

131. Ананьева А. В., Веселова А. Ю. Сады и усадьбы: обзор новых исследований о садово-парковом искусстве в России // НЛО. 2005. № 75.
132. Артемьева Т. В. Идея истории в России XVIII в. СПб., 1998.
133. Артемьева Т. В. История метафизики в России XVIII в. СПб., 1996.
134. Бухаркин П. Е. Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX вв. (проблемы культурного диалога). СПб., 1996.
135. Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.
136. Веселова А. Ю. Язык садовых описаний в России второй половины XVIII в. // Царицынский научный вестник. М., 2005. № 7–8.
137. Волков Н. Е. Двор русских императоров. М., 2001.
138. XVIII век: женское / мужское в культуре эпохи. М., 2008.
139. XVIII век: искусство жить и жизнь искусства. М., 2004.
140. XVIII век: литература как философия, философия как литература. М., 2010.
141. Гончарова О. М. Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII в. СПб., 2004.
142. Грацианский И. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984.
143. Дмитриева Е. Е. Русские письмовники середины XVIII — начала XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 6.
144. Другой XVIII век: сб. науч. работ. М., 2002.
145. Дуков Е. В. Бал в культуре России XVIII — второй половины XIX в. СПб., 2000.
146. Ешевский С. Московские масоны восьмидесятых годов прошедшего столетия. 1780–1789: материалы для истории русского общества в XVIII в. // Ешевский С. Соч. М., 1870. Ч. 3.
147. Захарова О. Ю. История русских балов. М., 1998.
148. Зеньковский В. В. История русских философов. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1.
149. Зедемейер А. Двор и замечательные люди второй половины XVIII столетия. СПб., 1840.
150. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: литература и государственная идеология в России в последней трети XVII — первой трети XIX в. М., 2001.

151. Каменский А. В. Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М., 1999.
152. Каменский З. А. Философские идеи русского просвещения (деистическо-материалистическая школа). М., 1971.
153. Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. Л., 1990.
154. Кизеветтер А. А. Старина и новизна в России XVIII столетия: исторические очерки. М., 1912.
155. Кирсанова Р. М. Русский костюм и быт XVIII–XIX вв. М., 2002.
156. Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных (из истории Российской Академии). Л., 1986.
157. Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII в.: общественная мысль. Школа. Наука. Искусство и литература. Книга и периодика. 2-е изд. М., 1987.
158. Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семиотике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб., 1991; 1998.
159. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — нач. XIX в.). СПб., 1994.
160. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
161. Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999.
162. Массонство в его прошлом и настоящем: в 2 т. М., 1915.
163. Массонство и русская литература XVIII — начала XIX в. / отв. ред. В. И. Сахаров. М., 2000.
164. Михневич В. О. Русская женщина XVIII столетия. М., 1990.
165. Мошеники и шулера XVIII в.: Историческо-авантюрные очерки / сост. В. П. Пархоменко. СПб., 1992.
166. Музыкальный Петербург: XVIII в.: в 3 т. СПб., 1996–1999.
167. Некрасов С. М. Российская Академия. М., 1984.
168. Николаев Н. И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII в. Архангельск, 1997.
169. Оболенский Г. Л. Век Екатерины Великой. Время героев и героических дел. М., 2001.
170. Огаркова Н. А. Церемонии, празднества, музыка русского двора XVIII — начала XIX в. СПб., 2004.
171. Оказиональная литература в контексте праздничной культуры в России XVIII века / под ред. Л. Бухаркина, У. Екуч, Н. Космеевой. СПб., 2010.
172. Очерки русской культуры XVIII в. / под ред. Б. А. Рыбакова. Т. 1–3. М., 1985–1988.
173. Пекарский П. П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862.
174. Петров А. В. Поэты и история. Опыт русской художественной историографии XVIII века. Магнитогорск, 2010.
175. Покровский В. И. Рогоносцы в эпиграммах XVIII в. // ЧОИДР. 1905. Т. 4. Отд. 2.
176. Покровский В. И. «Смертодавы» в сатирической литературе XVIII в. // ЧОИДР. 1907. Т. 3. Отд. 4.
177. Покровский В. И. Щеголи в сатирической литературе XVIII в. // ЧОИДР. 1903. Т. 2. Отд. 4–5.
178. Покровский В. И. Щеголихи в сатирической литературе XVIII в. // ЧОИДР. 1903. Т. 3. Отд. 2–3.
179. Пытин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в. М., 1997.
180. Рейфман И. Ритуализованная агрессия: дуэль в русской культуре и литературе. М., 2002.
181. Романович-Словатинский А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912.
182. Русская старина: путеводитель по XVIII веку. СПб.; М., 1896.
183. Сахаров В. И. Иероглифы вольных каменщиков: масонство и русская литература XVIII — начала XIX в. М., 2000.
184. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. М., 2001.
185. Строев А. Ф. «Те, кто поправляет Фортуна»: авантюристы Просвещения. М., 1998.
186. Сухомлинов М. И. Ист. Рос. Академии. Вып. 1–8. СПб., 1874–1888.
187. Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX в. М., 2002.
188. Человек и мир в культуре России XVIII в. Архангельск, 1997.
189. Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991.
190. Шепелев Л. Е. Чиновный мир России. СПб., 2001.
191. Шкуринов П. С. Философия России XVIII в. М., 1992.
192. Щипанов И. Я. Философия русского Просвещения: вторая половина XVIII в. М., 1971.

Русский литературный процесс XVIII века

193. Берков П. Н. Державин и Карамзин в истории русской литературы конца XVIII — начала XIX в. // Берков П. П. Проблемы исторического развития литературы. Л., 1981.
194. Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. М.; Л., 1936.
195. Берков П. Н. Особенности русского литературного процесса XVIII в. // Берков П. Н. Проблемы исторического развития литературы. Л., 1981.
196. Веселовский А. Н. Просветительный век и Александровская пора. М., 1916.
197. Гуковский Г. А. Очерки истории русской литературной и общественной мысли XVIII в. Л., 1938.
198. Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. М., 2000.
199. Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина: из истории русского реализма. М., 1969.
200. Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. СПб., 2000.
201. Сакулин П. Н. История новой русской литературы: Эпоха классицизма. М., 1918.

Направления искусства XVIII века

202. Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981.
203. Берков П. Н. Проблемы изучения русского классицизма // Русская литература XVIII в.: эпоха классицизма. М.; Л., 1964.
204. Валицкая А. П. Русская эстетика XVIII в.: историческо-проблемный очерк просветительской мысли. М., 1983.
205. Веселовский А. Н. Эпоха чувствительности // Веселовский А. Н. Избр. статьи. Л., 1939.
206. Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х гг. М., 2001. См. также № 431.
207. Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме (состояния и переводы); О русском классицизме // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII в. М., 2001.
208. Жеребин А. И. Стиль рококо как пространство культуры // XVIII век: литература в контексте культуры. М., 1999.
209. Иоффе И. И. Русский ренессанс // Уч. зап. ЛГУ. 1944. № 72. Вып. 9.
210. Козлов С. Л. Проблемы рококо и французское литературное сознание XVII—XVIII вв. М., 1985.
211. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994.
212. Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII в. Л., 1968.
213. Культура эпохи Просвещения. М., 1993.
214. Кутрянова Е. Н. К вопросу о классицизме // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1958.
215. Курбатов В. Классицизм и ампи́р // Старые годы. 1912. № 7–9.
216. Литературные манифесты западноевропейских классицистов / собр. текстов, вступ. ст. и общ. ред. Н. П. Козловой. М., 1980.
217. Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. М., 1994.
218. Морозов А. А. Проблемы европейского барокко // Вопросы литературы. 1968. № 12.
219. Наливайко Д. С. Искусство: направления, течения, стили. Киев, 1981.
220. На путях к романтизму. Л., 1984.
221. Незеленов А. И. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. СПб., 1889.
222. Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996.
223. Николаев С. И. Образ писателя и эстетика творчества в представлении русских писателей XVIII в. // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2007.
224. Пахсарьян Н. Т. Барокко; Классицизм; Прециозность; Просвещение; Рококо // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
225. Пахсарьян Н. Т. Пародия, травестия, пастиш в жанровой эволюции романа от барокко к рококо // Пародия в русской и зарубежной литературе. Смоленск, 1997.
226. Пинский Л. Е. Ренессанс. Барокко. Просвещение: статьи. Лекции. М., 2002.
227. Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. / отв. ред. П. Н. Берков. М.; Л., 1961.
228. Серман И. З. Русский классицизм. Л., 1972.
229. Смирнов А. А. Литературная теория русского классицизма. М., 1981.
230. Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII в. Л., 1985.
231. Тураев С. В. От Просвещения к романтизму: трансформация героя и изменение жанровых структур в западноевропейской литературе конца XVIII — начала XIX в. М., 1983.
232. Хачатуров С. В. «Готический вкус» в русской художественной культуре XVIII в. М., 1999.
233. Человек эпохи Просвещения / отв. ред. Г. С. Кучеренко. М., 1999.

Литературные связи

234. Алексеев М. П. Д. Дидро и русские писатели его времени // XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958.
235. Алексеев М. П. Первое знакомство с Данте в России // От классицизма к романтизму: из истории международных связей русской литературы. Л., 1970.
236. Алексеев М. П. Русская литература и романский мир. Л., 1985.
237. Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII в. Л., 1958.
238. Бильбасов В. А. Дидро в Петербурге. СПб., 1884.
239. Булгаков А. С. Раннее знакомство с Шекспиром в России (от Сумарокова до 30-х гг. XIX столетия) // Театральное наследие. Сб. 1. М., 1934.
240. Веселовский А. Н. Западное влияние в новой русской литературе: историко-сравнительные очерки. 5-е изд. М., 1916.
241. Егуннов А. Н. Гомер в русском переводе XVIII–XIX вв. М., 2001.
242. Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л., 1981.
243. Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX в. Л., 1978.
244. История русской революционной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII в.: в 2 т. СПб., 1995.
245. Ковалевский М. М. Борьба немецкого влияния с Францией в конце XVIII и в первой половине XIX столетия // Вестник Европы. 1915. № 10.
246. Кросс Э. У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII в. СПб., 1996.
247. Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII — первая треть XIX в. Л., 1980.
248. Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX в. // Лотман Ю. М. Избр. статьи: в 3 т. Таллин, 1994. Т. 2.
249. Маслов В. И. Интерес к Стерну в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. // Историческо-литературный сборник. Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924.
250. Международные связи русской литературы / под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1963.
251. Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и историческая мысль России XVIII в. Л., 1980.

252. Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII в. Очерки проблематики // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004.
253. Патуше Ю. Мольер в России / пер. с фр. К. Памфиловой. Берлин, 1924.
254. Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в. М., 1989.
255. Розанов М. Н. Ж. Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в.: очерки по истории руссоизма на Западе и в России. М., 1910.
256. Россия и Запад: горизонты взаимопонимания. Т. 2. Вып. 1–3 / отв. ред. Н. Д. Будилина. М., 2000–2008.
257. Русская культура XVIII в. и западноевропейская литература / отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1980.
258. Русская литература XVIII в. и славянские литературы: исследования и материалы. М.; Л., 1963.
259. Серман И. З. Русская литература XVIII в. и перевод // Мастерство перевода. 1962. М., 1963.
260. Смолян О. Клиггер в России // Уч. зап. ЛГПИ. 1958. Т. 32. Вып. 2.
261. Тихомиров Н. С. О заимствованиях русских писателей // Тихомиров Н. С. Соч. Т. 3. Ч. 2. М., 1898.
262. Филиппов В. А. Мольер в России XVIII в.: библиогр. справка // Беседы: сборник Общества истории литературы. Т. 1. М., 1915.
263. Французская книга в России в XVIII в.: очерк истории. Л., 1986.
264. Черняев П. Н. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. Воронеж, 1906.
265. Шекспир и русская культура / под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965.
266. Эпоха Просвещения: из истории международных связей русской литературы / отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1967.
267. Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.

Язык и стих

268. Баевский В. С. История русской поэзии: 1730–1980 гг.: компендиум. 2-е изд. Смоленск, 1994.
269. Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. М., 1972.
270. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982.
271. Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII в. // Вопросы литературы XVIII в. Пенза, 1972.
272. Вомперский В. П. «Словарь Академии Российской» (1789–1794) // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. 1986. № 2.
273. Гаспаров М. Л. Очерки истории русского стиха. М., 2000.
274. Грот Я. К. Карамзин в истории русского литературного языка // Грот Я. К. Труды. Т. 2. СПб., 1899.

275. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996.
276. Клейн Й. Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте / пер. Н. Ю. Алексеевой // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995.
277. Князькова Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974.
278. Кутина Л. Л. Очерки по истории лексикологии XVIII в.: языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
279. Литературный язык XVIII в.: проблемы стилистики. Л., 1982.
280. Матяш С. А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв. Жанр, стиль, стих. СПб., 2011.
281. Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980.
282. Сорокин Ю. С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 1. М.; Л., 1949.
283. Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха XVIII–XIX вв. М., 1958.
284. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в.: языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.
285. Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Л., 1984.
286. Хворостьянова Е. В. Условия ритма: историко-типологические очерки русского стиха. СПб., 2008 (гл. 3–4).
287. Холишевников В. Е. Почему Тредиаковский предпочитал ямбу хорей // Холишевников В. Е. Стихование и поэзия. Л., 1991.
288. Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981.

Поэзия

289. Абрамзон Т. Е. Политические мифологии XVIII в. Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин. Магнитогорск, 2006.
290. Алексеева Н. Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII вв. СПб., 2005.
291. Бердников Л. И. Счастливый Феникс: Очерки о русском сонете и книжной культуре XVIII — начала XIX в. СПб., 1997.
292. Вачева А. Поэма-бурлеск в русской поэзии XVIII в. София, 1999.
293. Веселовский А. А. Любовная лирика XVIII в.: к вопросу о взаимоотношении народной и художественной лирики XVIII в. СПб., 1909.
294. Виндт Л. Басня как литературный жанр // Поэтика. Вып. 3. Л., 1927.
295. Гуковский Г. А. Из истории русской оды XVIII в.: опыт истолкования пародии // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII в. М., 2001.
296. Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII в. // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII в. М., 2001.
297. Ермоленко Г. Н. Русская комическая поэма XVIII — начала XIX в. и ее западноевропейские параллели. Смоленск, 1991.
298. Запавов А. В. Поэты XVIII в. М., 1979.

299. История русской поэзии: в 2 т. Т. 1. Л., 1968.
300. Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002.
301. Матяш С. А. Вопросы поэтики русской эпиграммы. Караганда, 1991.
302. Никитин С. И. Проблемы изучения малых стихотворных жанров: эпиграмма // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989.
303. Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1991.
304. Сазонова Л. И. От басни барокко к басне классицизма // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVIII — нач. XVIII в. М., 1989.
305. Саськова Т. В. Пастораль в русской поэзии XVIII в. М., 1999.
306. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. М., 1955.
307. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. Л., 1977.

Драматургия

308. Аникст А. А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. М., 1967.
309. Берг Э. фон. Русская комедия до появления А. Н. Островского. Варшава, 1912.
310. Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977.
311. Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв. М., 1988.
312. Бухаркин П. Е. Автор в трагедии классицизма: предварительные замечания // Автор и текст / под ред. В. М. Марковича, В. Шмида. СПб., 1996.
313. Бухаркин П. Е. Проблемы комического в русской комедии середины XVIII в. // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993.
314. Всеволодский-Гернгросс В. Н. Политические идеи русской классицистической трагедии // О театре. М.; Л., 1940.
315. История русской драматургии XVII — первой половины XIX в. Л., 1981.
316. Лебедева О. Б. Русская высокая комедия XVIII в. Томск, 1996.
317. Русские драматурги XVIII–XIX вв.: в 3 т. Л.; М., 1959. Т. 1.
318. Русские классики и театр. М.; Л., 1947.
319. Сиповский В. В. Из истории русской комедии XVIII в.: к литературной истории «тем» и «типов». СПб., 1917.
320. Смолина К. А. Русская трагедия. XVIII в. Эволюция жанра. М., 2001.
321. Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе: эпоха классицизма. Л., 1981.
322. Стенник Ю. В. Историко-социальные аспекты содержания русской драматургии XVIII в. (жанр трагедии) // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995.
323. Стенник Ю. В. Становление жанра сентиментальной драмы в России // Русская драматургия и литературный процесс. СПб.; Самара, 1991.

Проза

324. Автухович Т. Е. Риторика и русский роман XVIII в.: взаимодействие и начальный период формирования жанра. Гродно, 1995.

325. Билински М. Я. Русская проза XVIII в.: документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995.
326. История русского романа: в 2 т. М.; Л., 1962. Т. 1.
327. Кислова Е. И. XVIII век в истории русской проповеди: проблема жанра, языка, статуса // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения. М., 2007. Вып. 3.
328. Лотман Ю. М. Пути развития русской просветительской прозы // Лотман Ю. М. Собр. соч. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. М., 2000.
329. Робали Т. Литература путешествий // Русская проза. Л., 1926.
330. Русский и западноевропейский классицизм: проза. М., 1982.
331. Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. 1. Вып. 1–2. СПб., 1909–1910.
332. Скутина К. Чувствительная повесть // Русская проза. Л., 1926.
333. Тартаковский А. Л. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1991.

Журналистика

Тексты

334. Библиографическая редкость («Всякая всячина» 1769 г.): один из первых юмористических журналов Екатерининского времени. М., 1893.
335. Сатирические журналы Н. И. Новикова. 1769–1774 гг. / ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951.

Исследования

336. Автономов Н. П. «Всякая всячина»: сатирико-наравоучительный журнал 1769–1770 гг.: опыт исследования. М., 1913.
337. Афанасьев А. Н. Русские сатирические журналы 1769–1774 гг. М., 1859.
338. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952.
339. Грот Я. К. Сотрудничество Екатерины II в «Собеседнике» княгини Дашковой // Грот Я. К. Труды. Т. 4. СПб., 1901.
340. Добролюбов Н. А. Русская сатира Екатерининского времени // Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Л., 1935. Т. 2.
341. Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей русского слова» // Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Л., 1934. Т. 1.
342. Запотов А. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сь» и его литературное окружение // XVIII век. Сб. 2. М.; Л., 1940.
343. Запотов А. В. Русская журналистика XVIII в. М., 1964.
344. История русской журналистики XVIII–XIX вв. 3-е изд. М., 1973.
345. Козьмин М. Б. Журнал «Утро» и его место в русской журналистике XVIII в. // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959.
346. Кочеткова Н. Д. Дашкова и «Собеседник любителей русского слова» // Е. Р. Дашкова: исследование и материалы. СПб., 1996.

347. Мочульский В. Н. К истории журналистики XVIII в. // Русский филологический вестник. 1913. № 1.
348. Путилов В. Н. О журналах Чулкова // Уч. зап. ЛГПИ. Т. 29. 1940.
349. Рак В. Д. «Адская почта» и ее французский источник // XVIII век. Сб. 15. СПб., 1986.
350. Рак В. Д. Гипотезы об издателе журнала «Смесь» // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989.
351. Рак В. Д. Русский литературный сборник и периодические издания второй половины XVIII в.: иностранные источники, состав, техника компиляции. СПб., 1997.
352. Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769–1774 гг.: разыскания об издателях их и сотрудниках. СПб., 1914.
353. Солнцев В. Ф. «Всякая всячина» и «Spectator»: к истории русской сатирической журналистики XVIII в. СПб., 1892.
354. Солнцев В. Ф. «Смесь»: сатирический журнал 1769 г. СПб., 1893.
355. Спасибенко А. П. «Санкт-Петербургский Меркурий» // Уч. зап. Карагандинского пед. ин-та. 1960. Т. 2.
356. Стенник Ю. В. Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей российского слова» // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993.

НОВИКОВ

Тексты

357. Новиков Н. И. Избранные сочинения / подг. текста, вступ. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1951.
358. Новиков Н. И. Письма / сост. А. И. Серков, М. В. Рейзин; примеч. А. И. Серкова. СПб., 1994.

Исследования

359. Берков П. Н. Насущные вопросы изучения литературной позиции Н. И. Новикова // Берков П. П. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981.
360. Боголюбов В. Н. И. Новиков и его время. М., 1916.
361. Вернадский В. Г. Новиков. Пг., 1918.
362. Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Новикова. Саратов, 1974.
363. Запашов А. В. Новиков. М., 1968.
364. Ключевский В. О. Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени // Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.
365. Крестова Л. В. Из истории журнальной деятельности Н. И. Новикова (кто был автором «Отрывка Путешествия в *** И. Т.» и «Писем к Фалалею») // Исторические записки. 1953. Т. 44.
366. Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII в. М.; Л., 1951.
367. Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартилисты. СПб., 2000.

368. Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981.
369. Некрасов С. Апостол добра: повествование о Н. И. Новикове. М., 1994.
370. Н. И. Новиков: Его жизнь и сочинения: сб. историческо-литературных статей / сост. В. И. Покровский. М., 1907.
371. Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени // XVIII век. Сб. 11. Л., 1976.
372. Незеленов А. И. Н. И. Новиков, издатель журналов 1769–1785 гг. СПб., 1875.
373. Светлов Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова. М., 1946.
- См. также № 78, 79, 82–84, 86, 88, 135, 146, 162, 163, 177, 179, 182, 184, 191, 192, 212, 221, 328.

Театр

374. Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861.
375. Асеев Б. Н. Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII в. 2-е изд. М., 1977.
376. Варнеке Б. В. История русского театра. Т. 1. 2-е изд. СПб., 1913.
377. Ф. Г. Волков и русский театр его времени: сборник материалов. М., 1953.
378. Всеволодский-Гернгросс В. Н. История театрального образования в России. СПб., 1913.
379. Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русский театр: от истоков до середины XVIII в. М., 1957.
380. Всеволодский-Гернгросс В. П. Русский театр второй половины XVIII в. М., 1960.
381. Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театр в России при Елизавете Петровне. СПб., 2002.
382. Греч Н. И. Исторический взгляд на русский театр до начала XIX столетия // Греч Н. И. Соч. Т. 5. СПб., 1938.
383. Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России от истоков до Глинки. Л., 1959.
384. Гуревич Л. История русского театрального быта. Т. 1. М.; Л., 1939.
385. Данилов С. С. Очерки по истории русского драматического театра. Л.; М., 1939.
386. Дризен Н. В. Материалы к истории русского театра. 2-е изд. М., 1913.
387. Дынин Т. Крепостной театр. Л., 1933.
388. Евграфов К. В. Федор Волков. М., 1989.
389. История русского драматического театра: в 8 т. М., 1977. Т. 1.
390. История русского театра. Т. 1 / под ред. В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса. М., 1914.
391. Куликова К. Ф. Российского театра первые актеры. Л., 1991.
392. Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом: исследования и материалы: в 2 т. М., 1952–1953.
393. Мордисон Г. З. История театрального дела в России. Основание и развитие государственного театра в России (XVI–XVIII вв.): в 2 ч. СПб., 1994.
394. Основание русского театра и судьбы русской драматургии (К 250-летию создания театра в России). СПб., 2006.

395. Петровская И., Сомина В. Театральный Петербург. Начало XVIII в. — октябрь 1917 г.: обозрение-путешествие. СПб., 1994.
396. Рабинович А. С. Русская опера до Глинки. М., 1948.
397. Старикова Л. М. Театр в России XVIII в.: опыт документального исследования. М., 1997.
398. Струйский Н. Письмо о российском театре нынешнего столетия. Рузаевка, 1794.
399. Сумароков П. И. О российском театре от начала оного... // Отечественные записки 1823. Ч. 13. № 35.
400. Театральная жизнь в эпоху Анны Иоанновны: Документальная хроника. 1730–1740 гг. / сост. Л. М. Старикова. М., 1995.
401. Театральная жизнь в России в эпоху Елизаветы Петровны: документальная хроника: в 2 ч. / сост. Л. М. Старикова. М., 2003.
402. Чаянова О. Э. Театр Мадокса в Москве (1776–1805). М., 1927.

Personalia

КАНТЕМИР

Тексты

403. Кантемир А. Собрание стихотворений / вступ. ст. Ф. Я. Приймы; подг. текста и примеч. З. И. Гершковича. 2-е изд. Л., 1956 («Б-ка поэта»).
404. Кантемир А. Д., князь. Сочинения, письма и избранные переводы: в 2 т. СПб., 1867–1868.

Исследования

405. Алексеев М. П. Монтескье и Кантемир // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983.
406. Батюшков К. Н. Вечер у Кантемира // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1979.
407. Бобынз Г. Е. Философские воззрения А. Кантемира. Кишинев, 1981.
408. Веселитский В. В. Кантемир и развитие русского литературного языка. М., 1974.
409. Жуковский В. А. О сатире и сатирах Кантемира // Жуковский В. А. Собр. соч.: в 3 т. М., 1980. Т. 3.
410. А. Д. Кантемир: Его жизнь и сочинения: сб. ист.-литер. ст. / сост. В. И. Покровский. 2-е изд. М., 1910.
411. Антиох Кантемир и русская литература / отв. ред. А. С. Курилов. М., 1999.
412. Майков Л. Н. Материалы для биографии князя А. Д. Кантемира. СПб., 1903.
413. Николаев С. И. Трудный Кантемир: стилистическая структура и критика текста // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995.

414. Пумпянский Л. В. Кантемир и итальянская культура // XVIII век. Сб. 1. М.; Л., 1935.
415. Радовский М. И. А. Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1959.
416. Сементковский Р. И. А. Д. Кантемир: Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893.
417. Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004. См. также № 76 86, 88 93, 200, 212, 228 230, 254, 256, 290, 298, 299.

ТРЕДИАКОВСКИЙ

Тексты

418. Тредиаковский В. К. Избранные произведения / вступ. ст. и подг. текста Л. И. Тимофеева; примеч. Я. М. Строчкова. 2-е изд. М.; Л., 1963 («Б-ка поэта»).
419. Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / изд. подг. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009 («Лит. памятники»).

Исследования

420. Алексеев А. А. Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского // Литературный язык XVIII в.: проблемы стилистики. Л., 1982.
421. Алексеев А. А. Эпический стиль «Тилемахиды» // Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981.
422. Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976.
423. В. К. Тредиаковский (К 300-летию ученого и поэта): указатель литературы / сост. А. Н. Стрижев. М., 2003.
424. В. К. Тредиаковский и русская литература XVIII–XX вв.: материалы конф. Астрахань, 2003.
425. Луковский Г. А. Тредиаковский как теоретик литературы // XVIII век. Сб. 6. М.; Л., 1964. С. 43–72.
426. Николаев С. И. Материалы для библиографии сочинений В. К. Тредиаковского и литературы о нем (1966–2003) (к 300-летию со дня рождения) // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004.
427. Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век. Сб. 1. М.; Л., 1935.
428. Пекарский П. П. Жизнеописание В. К. Тредиаковского // Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб., 1873.
429. Пумпянский Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума // Западный сборник. Вып. 1. М.; Л., 1937.
430. Радищев А. Н. Памятник дактилохорическому витязю... // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 2. М.; Л., 1941.
431. Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008.

432. Шишкин А. Б. В. К. Тредиаковский и традиции барокко в русской литературе XVIII в. // Барокко в славянских культурах. М., 1982.
См. также № 76–86, 88–93, 194, 200, 206, 212, 228, 229, 240, 244, 252, 254, 256, 267, 268, 270, 271, 273, 275, 276, 283, 284, 286–290, 299, 300, 302–304, 306.

ЛОМОНОСОВ

Тексты

433. Ломоносов М. В. Избранные произведения / подг. текста и примеч. А. А. Морозова. 2-е изд. М.; Л., 1965 («Б-ка поэта»).
434. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л., 1950–1959. Т. 6–10.

Исследования

435. Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1875.
436. Берков П. Н. Проблемы литературного направления Ломоносова // Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981.
437. Будилович А. С. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб., 1869.
438. Будилович А. С. М. В. Ломоносов как писатель: сб. материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова. СПб., 1871.
439. Бухаркин П. Е. Михаил Васильевич Ломоносов в истории русского слова. СПб., 2011.
440. Бухаркин П. Е. Топос тишины в одической поэзии Ломоносова // XVIII век. Сб. 20. СПб., 1996.
441. Виноградов В. В. Проблемы стилистики русского языка в трудах М. В. Ломоносова // Виноградов В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М., 1963.
442. Вомперский В. П. Стилистическое учение Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970.
443. Дуденкова А. И. О построении образа в лирике Ломоносова // XVIII век. Сб. 5. М.; Л., 1962.
444. Литературное творчество М. В. Ломоносова. М.; Л., 1962.
445. Лихоткин Г. А. Ломоносов в Петербурге. Л., 1981.
446. Ломоносов и русская культура: тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Тарту, 1986.
447. Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / ред.-сост. Э. П. Карпеев. СПб., 1999.
448. Лотман Ю. М. Об «Оде, выбранной из Иова» // Лотман Ю. М. Избр. статьи: в 3 т. Таллин, 1994. Т. 2.
449. М. В. Ломоносов: сб. статей / под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1911.

450. М. В. Ломоносов: Его жизнь и сочинения: сб. историко-литературных статей / сост. В. Покровский. 3-е изд. М., 1912.
451. Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.
452. Морозов А. А. М. В. Ломоносов. 1711–1765. М., 1965.
453. Павлова Г. Е., Федоров А. С. М. В. Ломоносов (1711–1765). М., 1986.
454. Пекарский П. П. Ломоносов: жизнеописание // Пекарский П. П. История АН. СПб., 1873. Т. 2.
455. Погосян Е. А. Сад как политический символ у Ломоносова // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 882. Тарту, 1992.
456. Празднование столетней годовщины Ломоносова, 4 апреля 1765–1865 г. Московским университетом. М., 1865.
457. Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма: поэтика Ломоносова // Контекст-1982. М., 1983.
458. Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII в. Сб. 14. Л., 1983.
459. Серман И. 3. Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966.
460. Словарь языка Ломоносова. Вып. 1–4. СПб., 2010–2011.
461. Степник Ю. В. М. Ломоносов «Вечернее размышление о Божием Величестве» // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973.
462. Ченакал В. Л., Андреева Г. А. и др. Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961.
- См. также № 76–86, 88–93, 115, 134, 194, 200, 203, 204, 206, 207, 212, 228, 229, 240, 256, 261, 268–271, 273, 275, 276, 283, 286–290, 296, 299, 300, 303, 306, 307, 392.

СУМАРΟКОВ И СУМАРΟКОВСКАЯ ШКОЛА

Тексты

463. Сумароков А. П. Драматические сочинения / сост., вступ. ст., примеч. Ю. В. Степника. Л., 1990.
464. Сумароков А. П. Избранные произведения / вступ. ст. и примеч. П. Н. Беркова. 2-е изд. Л., 1957 («Б-ка поэта»).
465. Сумароков А. П. Оды торжественные. Елегии любовные. М., 2009.
466. Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе: в 10 ч. 2-е изд. М., 1787.

Исследования

467. Берков П. Н. А. П. Сумароков. Л.; М., 1949.
468. Берков П. Н. «Хор по превратному свету» и его автор // XVIII век. Сб. 1. М.; Л., 1935.
469. Бродский Н. Л. История стиля русской комедии XVIII в. // Бродский Н. Л. Избр. труды. М., 1964.

470. Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854.
 471. Виндт Л. Басня сумароковской школы // Поэтика. Вып. 1. Л., 1926.
 472. Вишневская И. Л. Аплодисменты в прошлое: А. П. Сумароков и его трагедии. М., 1996.
 473. Глинка С. Н. Очерки жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова: в 3 ч. СПб., 1841.
 474. Гуковский Г. А. О сумароковской трагедии // Г. А. Гуковский. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII в. М., 2001.
 475. Гуковский Г. А. О «Хоре по превратному свету» (ответ П. Н. Беркову) // XVIII век. Сб. 1. М.; Л., 1935.
 476. Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII в. (дворянская фронда в литературе 1750–1760-х гг.). М.; Л., 1936.
 477. Гуськов Н. А. Жанровое своеобразие драматургии писателей сумароковской школы // Язылянский сб. Вып. 2. СПб., 1997.
 478. Гуськов Н. А. Ода «На государя Петра Великого»: к формированию одической поэзии А. П. Сумарокова // Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII в. СПб., 2010.
 479. Гуськов Н. А. А. П. Сумароков. Биография. Формирование литературной поэзии. СПб., 2009.
 480. Гуськов Н. А. А. П. Сумароков. Личность. Эстетические взгляды. СПб., 2009.
 481. Гуськов Н. А. А. П. Сумароков. Духовная поэзия. СПб., 2009.
 482. Заусницкий В. Басни Сумарокова // Варшавские университетские известия. 1884. № 3, 5.
 483. Косман А. Комедии Сумарокова // Уч. зап. ЛГУ. 1939. № 33. Вып. 2.
 484. Левитт М. Драма Сумарокова «Пустынник»: к вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993.
 485. Назаретская К. А. Об истоках русского сентиментализма // Вопросы эстетики и теории литер. Казань, 1963.
 486. Назаретская К. А. Об истоках русского сентиментализма // Уч. зап. Казанского ун-та. 1963. Т. 123. Кн. 8.
 487. Стоюнин В. А. П. Сумароков. СПб., 1856.
 488. А. П. Сумароков: Его жизнь и сочинения: сб. историческо-литературных статей / сост. В. И. Покровский. 2-е изд. СПб., 1911.
 489. А. П. Сумароков. 1717–1777: жизнь и творчество: сб. статей и материалов / сост. Е. П. Мстиславская; науч. ред. Е. В. Иванова. М., 2002.
 См. также № 76–86, 88–93, 194, 200, 206, 207, 212, 228–230, 240, 243, 244, 254, 256, 261, 262, 265, 268, 270, 271, 273, 275, 280, 283–291, 293–296, 298–300, 304, 305, 307, 309–317, 319–322, 338, 343, 344, 374–382, 385, 388–395, 397–399, 401.

РЖЕВСКИЙ

Исследования

490. Берков П. Н. Трагедия А. А. Ржевского «Подложный Смердний» // Театральное наследство. М., 1956.

491. Матвеев Е. М. В чем новаторство поэзии А. А. Ржевского // Вестник молодых ученых. 2002. Сер. филол. наук. Вып. 2.
 492. Смулина М. Л. Элегии А. А. Ржевского // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Л., 1974.
 См. также № 78, 79, 86, 88, 115, 296, 299, 321.

ХЕРАСКОВ

Тексты

493. Херасков М. М. Избранные произведения / вступ. ст., подг. текста и примеч. А. В. Западова. 2-е изд. Л., 1957. («Б-ка поэта»)
 494. Херасков М. М. Творения: в 12 т. 2-е изд. М., 1807–1812.

Исследования

495. Билински М. Я. Пространство и система персонажей в повестях Хераскова // Рус. филология. Вып. 3. Тарту, 1971.
 496. Гардзонио С. Динамическое изображение России в «Россиаде» Хераскова: центр и периферия // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006.
 497. Гончарова О. М. Херасков и масонская религиозность // Wiener Slavistischer Almanach. Sbd. 41. Wien, 1996.
 498. Кукушкина Е. Д. Поэзия М. М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002.
 499. Макина М. А. Поэмы М. М. Хераскова: к вопросу о формировании мировоззрения и стиля русского сентиментализма // Из истории русской литературы. Новгород, 1963.
 500. Пастушенко Л. М. Жанр «слезной драмы» в творчестве М. М. Хераскова // Жанровое новаторство русской литературы XVIII — нач. XIX в. Л., 1974.
 См. также № 76–86, 88–93, 135, 146, 162, 163, 179, 182–184, 211, 212, 221, 286, 289, 290, 294, 296, 298, 299, 305, 306, 310, 315, 320, 321, 323, 326, 328, 331, 338.

БОГДАНОВИЧ

Тексты

501. Богданович И. Ф. Соч.: в 2 т. СПб., 1848.
 502. Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., подг. текста и примеч. И. З. Сермана. 2-е изд. Л., 1957 («Б-ка поэта»).

Исследования

503. Карамзин Н. М. О Богдановиче // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2.

504. *Коноплева М. С.* И. Ф. Богданович. М., 1911.
505. *Полевой К. А.* Душенька, древняя повесть в вольных стихах. Соч. И. Ф. Богдановича // Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: ст., рец. 1825–1842. Л., 1990.
506. *Серман И. З.* И. Ф. Богданович — журналист и критик // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959.
507. *Скакуи А. А.* «Душенька» И. Ф. Богдановича: критика или апология масонства? // Барокко и классицизм в истории мировой культуры. Вып. 17. СПб., 2001.
508. *Слонимский А. Л.* О языковых произведениях И. Ф. Богдановича. Воронеж, 1906.
509. *Языков Д. Д.* И. Ф. Богданович: биографический очерк. М., 1903.
- См. также № 76–86, 88–93, 221, 240, 256, 280, 292, 297, 299, 305, 306.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

Тексты

510. *Екатерина II.* Сочинения / сост., вступ. ст. О. Н. Михайлова. М., 1990.
511. *Екатерина II.* Сочинения: в 12 т. СПб., 1901–1907.
512. *Екатерина II.* Сочинения. Произведения литературы / под ред. А. И. Введенского. 2-е изд. СПб., 1904.

Исследования

513. *Архангельский А. С.* Императрица Екатерина II в истории русской литературы и образования. Казань, 1897.
514. *Брикнер А. Г.* История Екатерины II. СПб., 1885.
515. *Витт В.* Екатерина II как криминалистка. СПб., 1909.
516. Дидро и Екатерина II. СПб., 1907.
517. Екатерина Великая: эпоха российской истории: тезисы докл. СПб., 1996.
518. Екатерина II: Ее жизнь и сочинения: сборник историко-литературных статей / сост. В. И. Покровский. 3-е изд. М., 1916.
519. Екатерина II: pro et contra. СПб., 2006.
520. Императрица Екатерина II: сб. исторических статей / под ред. А. Турцевича. Вильна, 1904.
521. *Ключевский В. О.* Исторические портреты: деятели исторической мысли. М., 1990.
522. *Кобеко Д. Ф.* Екатерина II и Даламбер (новооткрытая переписка Даламбера с Екатериной и другими лицами) // Русская старина. 1884. № 4, 5.
523. *Кобеко Д. Ф.* Екатерина II и Жан Жак Руссо // Исторический вестник. 1883. № 6.
524. *Корнилович О. Е.* «Записки» Екатерины II // ЖМНП. 1912. № 1.
525. *Костина Е. Л.* К истории ранних комедий Екатерины II // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993.

526. *Пекарский П.* Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб., 1863.
527. *Пыпин А. Н.* Екатерина II и Монтескье // Вестник Европы. 1903. № 5.
528. *Тарле Е. В.* Екатерина II и ее дипломатия: в 2 ч. М., 1945.
529. *Чебышев А. А.* Источник комедии императрицы Екатерины II «О, время!». СПб., 1907.
530. *Чечулин Н. Д.* Об источниках «Наказа» // ЖМНП. 1902. № 4.
531. *Щебальский П. К.* Драматические и нравоописательные сочинения Екатерины II // Русский вестник. 1871. № 5, 6.
532. *Щебальский П. К.* Екатерина II как писательница // Заря. 1869. № 2, 3, 5, 6, 8, 9; 1870. № 3, 6.
- См. также № 76–86, 88–93, 221, 230, 243, 256, 309–311, 315, 319, 336–344, 346–349, 351–356, 374–376, 380, 382, 385, 386, 389, 390, 392, 394–396.

ФОНВИЗИН

Тексты

533. *Фонвизин Д. И.* Драматургия. Проза. Поэзия / вступ. ст. Г. П. Макогоненко; примеч. М. В. Иванова, Г. П. Макогоненко. М., 1989.
534. *Фонвизин Д. И.* Собрание сочинений: в 2 т. / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1959.

Исследования

535. *Бараг Л. Г.* Комедия Фонвизина «Недоросль» и русская литература конца XVIII в. // Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. М.; Л., 1940.
536. *Благой Д. Д.* И. Фонвизин. М., 1945.
537. *Бухаркин П. Е.* О философской проблематике «Недоросля» Фонвизина // Вестн. Ленингр. ун-та. 1986. Сер. 2. Вып. 3.
538. *Вяземский П. А.* Фон-Визин // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1880.
539. *Ключевский В. О.* «Недоросль» Фонвизина: опыт исторического объяснения учебной пьесы // Ключевский В. О. Исторические портреты: деятели исторической мысли. М., 1990.
540. *Кочеткова Н. Д.* «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д. И. Фонвизина // Анализ одного стихотворения. Л., 1986.
541. *Кочеткова Н. Д.* Фонвизин в Петербурге. Л., 1984.
542. *Кулакова Л. И.* Д. И. Фонвизин: биография писателя. М.; Л., 1966.
543. *Макогоненко Г. П.* Денис Фонвизин: творческий путь. М.; Л., 1961.
544. *Пигарев К. В.* Творчество Фонвизина. М., 1954.
545. *Похлебкин В. В.* Д. И. Фонвизин // Похлебкин В. В. Кушать подано!: репертуар кушаний и напитков в русской классической драматургии. М., 1993.

546. *Разумовская М. В.* «Естественная история» Бюффона и Фонвизин (к постановке вопроса) // XVIII век. Сб. 15. СПб., 1986.
547. *Рассадин С.* Фонвизин. М., 1980.
548. *Степанов В. П.* Полемика вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Сб. 15. СПб., 1986.
549. *Стричек А.* Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения. М., 1994.
550. *Д. И. Фонвизин: Его жизнь и сочинения: сб. историко-литературных статей / сост. В. И. Покровский.* 3-е изд. М., 1911.
551. *Топоров В. Н.* «Склонение на русские нравы» с семиотической точки зрения (об одном из источников фонвизинского «Недоросля») // Труды по знаковым системам. Вып. 23. Тарту, 1989.
552. Фонвизин в русской критике / вступ. ст., подбор текстов и примеч. П. Е. Шамеса. М., 1958.
- См. также № 76–86, 88–93, 199–201, 211, 221, 228, 244, 256, 261, 309, 310, 313, 315–319, 338, 374–376, 380, 382, 383, 386, 389, 390, 394, 395.

КНЯЖНИН

Тексты

553. *Княжнин Я. Б.* Избранное / сост., вступ. ст., примеч. А. П. Валагина. М., 1991.
554. *Княжнин Я. Б.* Избранные произведения / вступ. ст., подг. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1961 («Б-ка поэта»).
555. *Княжнин Я. Б.* Комедии и комические оперы / сост., вступ. ст., коммент. А. Ю. Веселовой, Н. А. Гуськова. СПб., 2003.
556. *Княжнин Я. Б.* Сочинения: в 2 ч. СПб., 1847.

Исследования

557. *Бухаркин П. Е.* Человек и время в трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» // Язык, культура, общество: проблемы развития. Л., 1986.
558. *Веселовский Ю. А.* Я. Б. Княжнин (жизнь и творчество): биографический очерк. М., 1918.
559. *Габель М. О.* Литературное наследство Я. Б. Княжнина // Лит. наследство. М., 1933. Т. 9–10.
560. *Галахов А. Д.* Сочинения Я. Б. Княжнина. СПб., 1847 // Отечественные записки. 1859. Т. 69. Кн. 4; Т. 71. Кн. 8; Т. 73. Кн. 12.
561. *Крестова Л. В.* Двенадцать лет из жизни Я. Б. Княжнина (по неизданным письмам Г. Гоголю 1779–1790 гг.) // Записки отдела рукописей ГБЛ. 1961. Вып. 24.
562. *Кросс Э.* «Такую роль глупец не одолеет» — Афанасий в пьесе Княжнина «Несчастье от кареты» // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999.
563. *Кулакова Л. И.* Я. Б. Княжнин, 1742–1791. М.; Л., 1951.

564. *Нейман Б. В.* Комедия Я. Б. Княжнина // Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. М.: Л., 1940.
565. *Стоюнин В. Я.* Княжнин-писатель // Исторический вестник. 1881. № 7, 8. См. также № 76–86, 88–93, 221, 240, 261, 309–312, 314, 315, 317, 320–322, 345, 374–376, 380, 382, 383, 385, 386, 389, 390, 392, 394–396.

ЛЬВОВ И ЛЬВОВСКИЙ КРУЖОК

Тексты

566. *Львов Н. А.* Избранные сочинения / предисл. Д. С. Лихачева, вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Кельн; Ваймар; Вена; СПб., 1994.

Исследования

567. *Будылина М. В., Брайтцева О. И., Харламова А. М.* Архитектор Н. А. Львов. М., 1961.
568. *Вильк Е. А.* Итальянский дневник Н. А. Львова // Русская литература. 2000. № 2.
569. *Веселова А. Ю.* Усадьбная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006.
570. Гений вкуса: материалы научной конференции, посвященной творчеству Н. А. Львова. Вып. 1–4. Тверь, 2001–2005.
571. *Глумов А. Н.* А. Львов. М., 1980.
572. *Западов В. А.* «Львовский кружок» и Г. Р. Державин // XXI Герценовские чтения (межвуз. конф.): филол. науки. Л., 1968.
573. *Коплан Б. И.* К истории жизни и творчества Н. А. Львова // Изв. АН. Сер. 6. 1927. № 7–8.
574. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Итальянский маршрут Н. А. Львова в 1781 г. // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1999.
575. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Комическая опера Н. А. Львова «Ямщики на подставе» // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993.
576. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Об источниках художественной аксиологии Н. А. Львова // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999.
577. Н. А. Львов и его современники. Литераторы, люди искусства: материалы Международ. симпозиума. СПб., 2002.
578. *Никитина А. Б.* Архитектурное наследие Н. А. Львова. СПб., 2006.
579. *Никитина А. Б.* Итальянский дневник. 1781 // Памятники культуры. Новые открытия. 1994. М., 1996.
580. *Никулина Н. И.* Николай Львов. Л., 1971.
- См. также № 78, 79, 86, 88, 115, 211, 212, 244, 392.

ХЕМНИЦЕР

Тексты

581. *Хемницер И. И.* Полное собрание стихотворений / вступ. ст. Н. Л. Степанова; сост. Л. Е. Боброва; подг. текста и примеч. Л. Е. Бобровой, В. Э. Вацуро. М.; Л., 1963 («Б-ка поэта»).
582. *Хемницер И. И.* Сочинения и письма / биогр. ст. и примеч. Я. К. Грота. СПб., 1873.

Исследования

583. *Боброва Л. Е.* Сатиры И. И. Хемницера // Уч. зап. ЛГПИ. 1957. Т. 164.
584. *Боброва Л. Е.* О социальных мотивах басен И. И. Хемницера // Уч. зап. ЛГПИ. 1958. Т. 170.
585. *Вацуро В. Э.* К вопросу о философских взглядах Хемницера // Русская литература XVIII в. (эпоха классицизма). М.; Л., 1964.
586. *Десницкий А. В.* Крылов и Хемницер // Уч. зап. ЛГПИ. 1958. Т. 168.
587. *Марасинова Е. М. И. И.* Хемницер — писатель и дипломат // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006.
588. *Полевой Н. А.* Басни Ивана Хемницера // Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: ст., рец. 1825–1842. Л., 1990.
589. *Терновский И. М. И. И.* Хемницер и язык его басен. Воронеж, 1885. См. также № 76–86, 88–93, 230.

КАПНИСТ

Тексты

590. *Капнист В. В.* Избранные произведения / вступ. ст. Г. В. Ермаковой-Битнер; подг. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер, Д. С. Бабкина. Л., 1973 («Б-ка поэта»).
591. *Капнист В. В.* Собрание сочинений: в 2 т. М.; Л., 1960.
592. *Капнист В. В.* Соч. / вступ. ст. Д. Д. Благого; подг. текста и примеч. Ю. Д. Иванова. М., 1959.

Исследования

593. *Берков П. Н. В. В.* Капнист. Л.; М., 1950.
594. *Берков П. Н. В. В.* Капнист как явление русской культуры XVIII в. // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959.

595. *Веселовский А. А.* Капнист и Гораций (эпизод из знакомства с классической литературой в конце XVIII — начале XIX в.). СПб., 1910.
596. *Кунцевич Г. З.* «Ябеда» В. В. Капниста // Изв. отд. рус. яз. и словесности АН. 1906. Т. 3.
597. *Лапкина Г. А.* О театральных связях В. В. Капниста // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959. С. 357–369.
598. *Мацай А. И.* «Ябеда» В. В. Капниста. Киев, 1958.
599. *Серман И. З. В. В.* Капнист и русская поэзия начала XIX в. // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959. С. 357–369.
- См. также № 76–86, 88–93, 221, 247, 309, 310, 315–317, 319, 374–376, 380, 385, 389, 390, 394, 395.

ДЕРЖАВИН

Тексты

600. *Державин Г. Р.* Записки 1743–1812. М., 2000.
601. *Державин Г. Р.* Сочинения: в 5 т. / объяснительные примеч. Я. К. Грота. СПб., 1864–1883.
602. *Державин Г. Р.* Сочинения / сост., подг. текста В. П. Степанова, Г. П. Макогоненко; вступ. ст. Г. П. Макогоненко; примеч. В. П. Степанова. Л., 1987.
603. *Державин Г. Р.* Стихотворения / вступ. ст., подг. текста, общая ред. Д. Д. Благого; примеч. В. А. Западава. 2-е изд. Л., 1957 («Б-ка поэта»).

Исследования

604. *Аверинцев С. С.* Поэзия Державина // Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996.
605. *Алексеева Н. Ю.* Державинские оды 1775 г.: к вопросу о реформе оды // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993.
606. *Белинский В. Г.* Сочинения Державина // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6.
607. *Бицилли П. М.* Державин // Ходасевич В. Державин. М., 1988.
608. *Благой Д. Д.* Державин. М., 1944.
609. *Богданов Д.* Державин в Тамбове. Тамбов, 1947.
610. *Вальденберг Н.* Державин. 1816–1916 (опыт характеристики его мирозерцания). Пг., 1916.
611. *Виноградов И. А.* О творчестве Державина // Виноградов И. А. Борьба за стиль. Л., 1937.
612. *Вяземский П. А.* О Державине // Вяземский П. А. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1982.
613. *Глинка Н. И.* Державин в Петербурге. Л., 1985.
614. *Грифиов Б.* Державин // Ходасевич В. Державин. М., 1988.
615. *Грот Я. К.* Жизнь Державина. М., 1997.
616. *Гуковский Г. А.* Литературное наследство Г. Р. Державина // Лит. наследство. М., 1933. Т. 9–10.

617. Г. Р. Державин: Его жизнь и сочинения / сост. В. И. Покровский. 3-е изд. М., 1911.
618. Державин и его время / отв. ред. Н. П. Морозова. Вып. 1–2. СПб., 2004–2006.
619. Г. Р. Державин: история и современность. Казань, 1993.
620. Запалов А. В. Мастерство Державина. М., 1958.
621. Запалов В. А. Г. Р. Державин. М.; Л., 1965.
622. Запалов В. А. Державин и Радищев: к истории одной легенды // Изв. АН. Сер. лит.-ры и яз. 1965. № 6.
623. Запалов В. А. Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Сб. 15. СПб., 1986.
624. Клейн И. Религия и Просвещение в XVIII в.: ода Державина «Бог» // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004.
625. Ларкович Д. В. Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания. Екатеринбург, 2011.
626. Полевой Н. А. Сочинения Державина // Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: ст., рец. 1825–1842. Л., 1990.
627. Пономарева М. В. Стихотворения Г. Р. Державина к Фелице // Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII в. СПб., 2010.
628. Портнова Н. А. «На смерть князя Мещерского» Г. Р. Державина // Анализ одного стихотворения. Л., 1986.
629. Роте Х. «Избрал он совсем особый путь»: Державин с 1774 по 1795 г. // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999.
630. Садовской Б. Г. Р. Державин // Ходасевич В. Державин. М., 1988.
631. Серман И. З. Державин. Л., 1973.
632. Смолярова Т. Зримая лирика, Державин. М., 2011.
633. Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания. Тамбов, 1993.
634. Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. Тамбов, 1993.
635. Ходасевич В. Ф. Державин: роман. М., 1988.
636. Чежулин Н. О стихотворениях Державина // Изв. отд. рус. яз. и словесности. 1919. Т. 24. № 1.
637. Эйхенбаум Б. М. Державин // Ходасевич В. Державин. М., 1988.
638. Эпштейн Е. М. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987.
- См. также № 76–86, 88–93, 193, 200, 212, 221, 228, 256, 268, 273, 282, 296, 299.

РАДИЩЕВ

Тексты

639. Радищев А. И. Избранные произведения / подг. текста и вступ. ст. Г. П. Макогоненко. М., 1952.
640. Радищев А. И. Избранные философские и общественно-политические произведения / под ред. и со вступ. ст. И. Я. Щипанова; подг. текста и примеч. Л. Б. Светлова. М., 1952.

641. Радищев А. И. Полное собрание сочинений: в 3 т. / под ред. И. К. Луппола, В. А. Десницкого, Г. А. Гуковского, Н. К. Пиксанова и др. М.; Л., 1938–1952.
642. Радищев А. И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., ред. и примеч. Г. А. Гуковского. Л., 1940.

Исследования

643. Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952.
644. Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л., 1959.
645. Благой Д. Д. Александр Радищев: 1749–1949. М., 1949.
646. Волнения русских студентов в Лейпциге в 1767 г. / вступ. ст. и примеч. А. И. Старцева; подг. текста, пер. и археограф. введ. Б. А. Шлихтора // Зап. отд. рукописей ГБЛ. 1956. Вып. 18.
647. Костин А. А. «Воззри на лишенного рассудка...» («Дневник одной недели» как гносеологический опыт А. Н. Радищева) // XVIII век: Сб. 26. СПб., 2011.
648. Костин А. А. Религиозные взгляды А. Н. Радищева // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006.
649. Кочеткова Н. Д. Радищев и масоны // Русская литература. 2000. № 1.
650. Кочеткова Н. Д. А. Радищев. «Осьмнадцатое столетие» // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973.
651. Кулакова Л. И. Композиция «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Л., 1972.
652. Кулакова Л. И. А. Н. Радищев: очерк жизни и творчества. Л., 1949.
653. Кулакова Л. И., Запалов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: комментарий. Л., 1974.
654. Кулакова Л. И., Салита Е. Г., Запалов В. А. Радищев в Петербурге. Л., 1976.
655. Лехтблау Л. Б. Стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. М.; Л., 1940.
656. Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. М., 2000. Разд. I. С. 7–138, 387–424.
657. Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956.
658. Орлов В. Н. Радищев и русская литература. М., 1949.
659. Радищев: Материалы и исследования. М.; Л., 1936.
660. А. Н. Радищев: русский и европеец. Просвещение. СПб., 2003.
661. Радищев: Статьи и материалы. Л., 1950.
662. Семенников В. П. Радищев: очерки и исследования. М.; Пг., 1923.
663. Скафтымов А. П. О стиле «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958.
664. Старцев А. И. Радищев: годы испытаний. М., 1990.
665. Сухомлинов М. И. А. Н. Радищев // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1.
666. Яковсон Р. О. Разбор «Тобольских стихов» Радищева // XVIII век. Сб. 7. М.; Л., 1966.
- См. также № 78, 79, 82, 83, 86, 88, 191, 192, 211, 212, 221, 326, 328.

ДМИТРИЕВ

Тексты

667. *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866.
668. *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подг. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. 2-е изд. Л., 1967 («Б-ка поэта»).
669. *Дмитриев И. И.* Сочинения / вступ. ст. А. М. Пескова; сост. и коммент. А. М. Пескова, И. З. Сурат. М., 1986.
670. *Дмитриев И. И.* Сочинения: в 2 т. / ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1895.

Исследования

671. *Вацуро В. Э.* Дмитриев в литературной полемике начала XIX в. // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989.
672. *Виноградов В. В.* Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева // Материалы и исследования по истории рус. лит. яз. М.; Л., 1949. Т. 1.
673. *Вяземский П. А.* Известие о жизни и стихотв. И. И. Дмитриева // Вяземский П. А. Соч.: в 2 т. М., 1982. Т. 2.
674. *Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / ред. А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова. СПб., 2010.*
675. *Полевой Н. А.* Сочинения И. И. Дмитриева // Полевой Н. А. Очерки русской литературы. Ч. 2. СПб., 1839.
676. *Чулицкий В. И. И.* Дмитриев // ЖМНП. 1902. № 3–5.
См. также № 76–86, 88–93, 211, 392.

КАРАМЗИН

Тексты

677. *Карамзин Н. М.* Записки старого московского жителя: избр. проза / сост., предисл. и примеч. В. Б. Муравьева. М., 1986.
678. *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения: в 2 т. / вступ. ст. П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1964.
679. *Карамзин Н. М.* Избранные статьи и письма / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Смирнова. М., 1982.
680. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: в 4 кн. М., 1988–1989.
681. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984 («Лит. памятники»).
682. *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подг. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966 («Б-ка поэта»).
683. *Карамзин Н. М.* Сочинения: в 3 т. СПб., 1848.

Исследования

684. *Бороздин А. К.* Литературные и общественные взгляды Карамзина // Бороздин А. К. Литературные характеристики. Девятнадцатый век. Т. 1. СПб., 1903.
685. *Бухаркин П. Е.* Н. М. Карамзин — человек и писатель — в истории русской литературы. СПб., 1999.
686. *Бухаркин П. Е.* О «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина (Эраст и проблема типологии литературного героя) // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999.
687. *Вацуро В. Э.* «Сиерра-Морена» Н. М. Карамзина и литературная традиция // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999.
688. *Вяземский П. А.* Стихотворения Карамзина // Вяземский П. А. Сочинения: в 2 т. М., 1982. Т. 2.
689. *Галахов А. Д.* Карамзин как оптимист // Отечественные записки. 1858. Т. 16. № 1.
690. *Грот Я. К.* Очерк деятельности и личности Карамзина // Грот Я. К. Труды. СПб., 1901. Т. 3.
691. *Н. М. Карамзин: Его жизнь и сочинения: сб. историко-литературных статей / сост. В. И. Покровский. 3-е изд. М., 1912.*
692. *Н. М. Карамзин: pro et contra: личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: антология / сост. Л. А. Спаченко. СПб., 2006.*
693. *П. М. Карамзин: указатель трудов, литература о жизни и творчестве. 1883–1993. М., 1999.*
694. *Канунова Ф. З.* Из истории русской повести: историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина. Томск, 1967.
695. *Кислягина Л. Г.* Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785–1803). М., 1976.
696. *Краснощекова Е. А.* «Письма русского путешественника»: проблема жанра (Н. М. Карамзин и Лоренс Стерн) // Русская литература. 2003. № 2.
697. *Кросс А.* Разновидности идилии в творчестве Карамзина // XVIII век. Сб. 8. М.; Л., 1969.
698. *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997.
699. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1986; 1998.
700. *Муравьев В.* Николай Карамзин. М., 2005.
701. *Пирожкова Т. Ф.* Н. М. Карамзин, издатель «Московского журнала» (1791–1792). М., 1978.
702. *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, по письмам и отзывам современников: в 2 ч. М., 1866.
703. *Розова З. Г.* «Новая Элоиза» Руссо и «Бедная Лиза» Карамзина // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969.
704. *Ситовский В. В.* П. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.
705. *Старчевский А. Н.* М. Карамзин. СПб., 1849.
706. *Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения. М., 1995.
707. *Эйдельман Н. Я.* Последний летописец. М., 1986; 2004.

708. Эйхенбаум Б. М. Карамзин // Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л., 1969.
См. также № 76–86, 88–93, 193, 205, 212, 240, 261, 270, 274, 275, 284, 338, 343, 344, 351.

ОЗЕРОВ

Тексты

709. Озеров В. А. Сочинения. 3-е изд. СПб., 1856.
710. Озеров В. А. Трагедии. Стихотворения / вступ. ст. и примеч. И. Н. Медведевой. 2-е изд. Л., 1960 («Б-ка поэта»).

Исследования

711. Бухаркин П. Е. «Димитрий Донской» В. А. Озерова // Анализ драматического произведения. Л., 1988.
712. Вяземский П. А. О жизни и сочинениях В. А. Озерова // Вяземский П. А. Соч.: в 2 т. М., 1982. Т. 2.
713. Гордин М. А. Владислав Озеров. Л., 1991.
714. Потапов П. О. Из истории русского театра: жизнь и деятельность В. А. Озерова. Одесса, 1915.
715. Серман И. З. «Явление Озерова» // Русская литература. 1999. № 1.
См. также № 76–81, 82, 85, 90, 93, 312, 315, 321.

КРЫЛОВ

Тексты

716. Крылов И. А. Полное собрание драматических сочинений / сост., вступ. ст., коммент. Л. Н. Киселевой. СПб., 2001.
717. Крылов И. А. Полное собрание сочинений: в 3 т. М., 1944–1946.
718. Крылов И. А. Полное собрание стихотворений: в 2 т. / ред. и коммент. Б. И. Коплапа, Г. А. Гуковского; ст. Г. А. Гуковского, Б. И. Коплапа, В. А. Гофмана. Л., 1935–1937 («Б-ка поэта»).

719. Крылов И. А. Сочинения: в 2 т. / вступ. ст., подг. текста и примеч. Н. Л. Степанова. М., 1956.

Исследования

720. Бабинцев С. М. И. А. Крылов: указатель его произведений и литературы о нем. Л.; М., 1945.
721. Бабинцев С. М. И. А. Крылов: очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., 1955.

722. Белинский В. Г. Басни И. А. Крылова // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8.
723. Виноградов В. В. Язык и стиль басен Крылова // Виноградов В. В. Избр. труды. Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. М., 1990.
724. Выготский Л. С. Тонкий яд // Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1997.
725. Гордин А. М. Крылов в Петербурге. Л., 1969.
726. Гордин М. А., Гордин Я. А. Театр Ивана Крылова. Л., 1983.
727. Гуковский Г. А. Заметки о Крылове // XVIII век. Сб. 2. М.; Л., 1940.
728. Десницкий А. В. Молодой Крылов. М., 1975.
729. Запавов А. В. И. А. Крылов: 1769–1844. М.; Л., 1951.
730. Кеневич В. Ф. Биографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. СПб., 1878.
731. Коровин В. И. Басни Крылова. М., 1998.
732. И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982.
733. И. А. Крылов: Его жизнь и сочинения: сборник историко-литературных статей / сост. В. И. Покровский. 3-е изд. М., 1911.
734. И. А. Крылов: исследования и материалы. М., 1947.
735. И. А. Крылов: проблемы творчества. Л., 1975.
736. Лобанов М. Е. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. СПб., 1847.
737. Майков Л. Н. Первые шаги И. А. Крылова на литературном поприще // Майков Л. Н. Историко-литературные очерки. СПб., 1895.
738. Орлов А. С. О языке басен Крылова // Орлов А. С. Язык русских писателей. М.; Л., 1948.
739. Похлебкин В. В. И. А. Крылов // Похлебкин В. В. Кушать подано!: репертуар кушаний и напитков в русской классической драматургии. М., 1993.
740. Степанов Н. Л. Крылов. 2-е изд. М., 1969.
741. Степанов Н. Л. Мастерство Крылова-баснописца. М., 1956.
См. также № 76–86, 88–93, 212, 230, 309, 310, 315, 317, 318, 338, 343, 344, 351, 355, 374, 376, 380, 385, 389, 392, 395.

Сокращения

АН — Академия наук
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им.
А. И. Герцена
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
НЛО — Новое литературное обозрение

Содержание

Несколько слов о книге Н. А. Гуськова (<i>П. Е. Бухаркин</i>).....	3
Предисловие.....	5
Как читать тексты XVIII столетия	7
ХРЕСТОМАТИЯ	
Князь Антиох Дмитриевич Кантемир	15
Сатира первая. На хулящих учение. К уму своему	15
Василий Кириллович Тредиаковский	20
Песенка, которую я сочинил, еще будучи в московских школах, на мой выезд в чужие края	20
Описание грозы, бывшая в Гааге	21
Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу	22
Старуха, болящая глазами.....	24
Михаил Васильевич Ломоносов	25
Предисловие о пользе книг церковных в российском языке	25
Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года	27
Ода, выбранная из Иова	34
Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния	38
Утреннее размышление о Божием величестве	39
Письмо о пользе Стекла к высокопревосходительному господину генералу- поручику, действительному ее императорского величества камергеру, московского университета куратору и орденов Белого Орла, Святого Александра и Святой Анны кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову	41
«Я знак бессмертия себе воздвигнул...»	50
«Ночную темноту...»	51
Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же	53
Александр Петрович Сумароков	54
Ответ на критику	54
«О приятное приятство!..»	55
Некоторые строфы двух авторов	56
Критика на оду	57
Ода вздорная III	58
Эпистола о стихотворстве	60
Ода на суету мира	64
Из 145-го псалма	66
Сонет	67
Ода благодарности	67
Станс	70
Элегия	72

«Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю...»	72
«Не грусти, мой свет, мне грустно и самой...»	72
«Не гордитесь, красны девки...»	73
«Тайну сердца невозможно...»	73
«Уже восходит солнце, стада идут в луга...»	74
«Прости, моя любезная, мой свет, прости...»	75
«Чем тебя я оскорбила...»	76
Недостаток изображения	77
Шалунья	77
Болван	78
Посол осел	79
Кривая лисица	79
Львица в горести	80
Сатир и гнусные люди	81
Сон	83
О благородстве	84
Жалоба	85
Эпиграмма	85
Эпиграмма	85
Димитрий Самозванец	86
Ссора у мужа с женой	90
Алексей Андреевич Ржевский	92
Сонет, заключающий в себе три мысли	92
Идиллия	92
Михаил Матвеевич Херасков	94
Сонет	94
Мартышка во дворянах	94
Ода нравоучительная III. Тишина	95
Разлука	97
Псалом	97
Гонимые. <i>Слезная драма в трех действиях</i>	98
Кадм и Гармония	101
Россияда	104
Иван Петрович Котляревский	109
Енеида	109
Ипполит Федорович Богданович	113
Песня	113
Лутенька. <i>Древняя повесть в волыных стихах</i>	114
Императрица Екатерина Вторая	124
О, время! <i>Комедия в трех действиях</i> (<i>Сочинена в Ярославле во время чумы 1772 года.</i>)	124
Передняя знатного боярина. <i>Сочинена в городе Ярославле</i>	128
Сказка о царевиче Хлоре	142
Денис Иванович Фонвизин	150
Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке	150

Письмо Тараса Скотинина к родной его сестре госпоже Простаковой	153
Всеобщая придворная грамматика	154
Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание (<i>Вопросы принадлежат Д. И. Фонвизину,</i> <i>ответы — Екатерине II</i>)	157
Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях	160
Яков Борисович Княжнин	182
Хвастун. <i>Комедия в стихах, в пяти действиях</i>	182
Несчастье от кареты. <i>Комическая опера в двух действиях</i>	206
Рослав	212
Николай Александрович Львов	215
Русский 1791 год	215
Иван Иванович Хемницер	217
Метафизический ученик	217
Лев, учредивший совет	218
Побор Львиный	219
Лестница	220
Стрекоза	220
Василий Васильевич Капнист	222
Ода на рабство	222
На смерть Юлии	224
Ручей (<i>Из Панара</i>)	225
Обуховка	226
Ябеда	231
Гавриил Романович Державин	237
Хор (по случаю взятия Измаила)	237
Бог	238
Властителям и судиям	241
На смерть князя Мещерского	242
Фелица	245
Видение мурзы	253
Осень во время осады Очакова	259
Водопад	262
Приглашение к обеду	266
Евгению. Жизнь Званская	269
Разные вина	277
Философы пьяный и трезвый	278
Пчелка	280
«Каша златая»	281
Старик	281
Шуточное желание	282
Памятник	282
Привратнику	283
Признание	285

Александр Николаевич Радищев	287
«Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда я еду?»	287
Осмынадацатое столетие	287
Иван Иванович Дмитриев	290
Чужой толк	290
Ермак	295
Модная жена	300
«Станет сизый голубочек»	305
«Видел славный я дворец»	306
«Всех цветочков боле»	307
Два друга	307
Змея и Пиявица	308
Муха	309
Рысь и Крот	309
Бобр, Кабан и Горностай	310
Сверчки	311
Старик и трое молодых	312
Пустынный и Фортуна	313
Эпиграммы	314
Николай Михайлович Карамзин	316
Бедная Лиза	316
Моя исповедь. <i>Письмо к издателью журнала</i>	329
Чувствительный и холодный. <i>Два характера</i>	337
Владислав Александрович Озеров	350
Эдип в Афинах	350
Фингал	352
Иван Андреевич Крылов	360
Поддипа, или Трумф. <i>Шутотрагедия в двух действиях, в стихах</i>	360

КРИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Николай Иванович Новиков	371
Опыт исторического словаря о российских писателях (<i>отрывки</i>)	371
Николай Михайлович Карамзин	375
Пантеон российских авторов (<i>отрывки</i>)	375
Князь Кантемир Антиох Дмитриевич	375
Тредиаковский Василий Кириллович	376
Ломоносов Михайло Васильевич	376
Сумароков Александр Петрович	377
Алексей Федорович Мерзляков	379
Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии	379
Виссарион Григорьевич Белинский	387
Литературные мечтания	387

Барон Николай Николаевич Врангель	406
Женщина в русском искусстве XVIII века	406
Лев Васильевич Пумпянский	411
Поэзия Тредиаковского	411
Григорий Александрович Гуковский	414
Стиль Ломоносова	414
О сумароковской трагедии	418
Лидия Юлиевна Виндт	425
Басня сумароковской школы	425
Князь Петр Андреевич Вяземский	437
Фон-Визин (<i>отрывки</i>)	437
О Державине	447
О жизни и сочинениях В. А. Озерова	450
Борис Михайлович Эйхенбаум	457
Державин	457
Юрий Михайлович Лотман	468
Пути развития русской просветительской прозы XVIII века	468
Александр Николаевич Веселовский	481
Эпоха чувствительности	481
Александр Павлович Скафтымов	489
О стиле «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева	489

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГРУППЫ XVIII века

«Ученая дружина»	505
Князь Кантемир Антиох Дмитриевич	506
Тредиаковский Василий Кириллович	507
Ломоносов Михайло Васильевич	509
Сумароков Александр Петрович	514
Сумароковская школа	521
Ржевский Алексей Андреевич	523
Херасков Михаил Матвеевич	524
Котляревский Иван Петрович	527
Богданович Ипполит Федорович	527
Императрица Екатерина Вторая	528
Фонвизин Денис Иванович	536
Княжнин Яков Борисович	540
Львовский (львовско-державинский) кружок	544
Львов Николай Александрович	546
Хемницер Иван Иванович	548
Капнист Василий Васильевич	549
Державин Гаврила Романович	551
Радищев Александр Николаевич	555

Дмитриев Иван Иванович.....	558
Карамзин Николай Михайлович.....	560
Озеров Владислав Александрович.....	564
Крылов Иван Андреевич.....	567
РЕФОРМА РУССКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ	
Терминологические пояснения	571
Этапы реформы стихосложения	572
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ XVIII века	
Теория трех стилей	574
«Новый» слог	575
СИСТЕМА ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ В РОССИИ XVIII века	
Общие для всех жанров правила.....	577
Эпические жанры	578
Лирические жанры	582
Драматические жанры	586
ВАЖНЕЙШИЕ РУССКИЕ ЖУРНАЛЫ XVIII века	
Журналы 1750 — начала 1760-х годов	592
Журнальная полемика 1769–1774 годов.....	593
Николай Иванович Новиков.....	594
Журналы Российской Академии.....	597
Екатерина Романовна Дашкова	598
Журналы И. А. Крылова	599
Журналы Н. М. Карамзина	600
РУССКИЙ ТЕАТР XVIII века	602
Типы театральных трупп в России XVIII века	602
ЗНАМЕНИТЫЕ РУССКИЕ АКТЕРЫ XVIII — начала XIX века	605
Федор Григорьевич Волков.....	605
Иван Афанасьевич Дмитревский	606
Татьяна Михайловна Тропопольская	607
Яков Данилович Шумский.....	607
Яков Емельянович Шушерин	608
Антон Михайлович Крутицкий.....	608
Алексей Семенович Яковлев	609
Екатерина Семеновна Семенова	610
«ТАБЕЛЬ О РАНГАХ» в XVIII веке	612
РОССИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ XVIII — начала XIX века	615
ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ XVIII века	616
ЛИТЕРАТУРА	
Тексты	637
Хрестоматии и антологии	637
Сборники	637
Поэзия	637

Драматургия.....	638
Проза	638
Критика	638
Философия и политика	638
Переписка.....	638
Записки (мемуары и дневники).....	639
Тексты некоторых авторов, не включенных в раздел «Personalia»	640
Исследования	640
Общие исследования истории русской литературы	640
История русской литературы XVIII века	641
Критические обзоры	641
Историография	641
Справочные издания	642
Продолжающиеся серийные научные издания	643
Русская культура XVIII века. Литература в культурном контексте	643
Русский литературный процесс XVIII века	645
Направления искусства XVIII века	646
Литературные связи	647
Язык и стих	648
Поэзия.....	649
Драматургия	650
Проза.....	650
Журналистика	651
Новиков	652
Театр	653
Personalia	654
Кантемир	654
Тредиаковский	655
Ломоносов	656
Сумароков и сумароковская школа	657
Ржевский	658
Херасков	659
Богданович	659
Императрица Екатерина II	660
Фонвизин	661
Княжнин	662
Львов и львовский кружок	663
Хемницер	664
Капнист	664
Державин	665
Радищев.....	666
Дмитриев	668
Карамзин	668
Озеров	670
Крылов	670
Сокращения	672

Учебное издание

Гуськов Николай Александрович

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Учебное пособие

для высших учебных заведений Российской Федерации

Корректоры *К. В. Белецкая, Л. А. Макеева*

Оператор компьютерного набора *Д. В. Лаптухина*

Компьютерная верстка: *С. В. Кузнецов*

Подписано в печать 14.11.2013.

Формат 60 × 90¹/₁₆. Усл. печ. л. 42,5. Тираж 1000 экз. Заказ №.

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.